РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

135 мм

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (29)

Июль—Август—Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2010

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, член-корр. РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Л. П. Маринович*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. М. Г. Абрамзон (главный редактор)

к.и.н. В. А. Гаибов, д.и.н. О. В. Гнэвек,
д.и.н. В. Д. Кузнецов (зам. главного редактора),
С. В. Мокроусов (зам. главного редактора),
д.и.н. И. В. Октябрьская (зам. главного редактора),
д.и.н. И. Е. Суриков, д.и.н. З. М. Уметбаев, д.филол.н. С. Г. Шулежкова,
к.и.н. Л. И. Киреева (ответственный секретарь),

Editorial Board:

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *L. I. Kireyeva*

© Российская академия наук, 2010
© Магнитогорский государственный университет, 2010
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2010

ИСТОРИЯ

История Древнего мира. Археология

© 2010

В. Р. Гущин

ФЕМИСТОКЛ И АРИСТИД: СОПЕРНИКИ ИЛИ СОЮЗНИКИ?

В статье анализируется политическая деятельность Фемистокла и Аристида, которых древние авторы нередко называют политическими оппонентами. Однако оба политика начинали карьеру как простаты, что позволяет говорить о принадлежности к одному политическому направлению. Последнее, впрочем, не означало отсутвие соперничества между ними. Однако после Саламинской битвы многое в их взаимоотношениях меняется, что указывает на переход от противостояния к сотрудничеству.

Ключевые слова: Древняя Греция, Афины в V в. до н.э., Аристид, Фемистокл.

Соперничество Фемистокла и Аристида можно считать одним из центральных эпизодов афинской истории 80–70-х гг. V в. до н.э. Древние авторы истоки соперничества усматривали в различии их политических взглядов. Фемистокл при этом считался представителем демократического течения, тогда как Аристид оказывался сторонником аристократии. «Аристид, — рассказывает Плутарх, — был приверженцем (*hetairos*) Клисфена, учредившего после изгнания тираннов демократический образ правления, но среди государственных деятелей он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать; поэтому, склоняясь на сторону аристократии, он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла» (Plut. Arist. 2, здесь и далее пер. С. Маркиш)[1]. В другом месте Плутарх говорит об аристократическом образе жизни Аристида (*kalokagathikos ton tropon*) (Plut. Them. 3, здесь и далее пер. С. Соболевского).

Столь прямолинейные оценки породили немало сомнений у современных исследователей. Если Ф. Фрост сомневается в принадлежности Фемистокла к демократическому крылу афинской политики, то У. Форрест считает, что Фемистокл и Аристид были представителями одного — демократического направления в политике[2]. Р. Сили, не обнаружив в их взглядах существенных политических различий, усматривал истоки соперничества в том, что один представлял сельский дем Фреарры (Фемистокл), а другой городской дем — Алопека (Аристид)[3]. И. Е. Су-

---

[1] Впрочем, сотрудничество с Клисфеном, если доверять Плутарху, должно свидетельствовать об ином, поскольку с его реформ начинается история афинской демократии (см., например: Ober 2004).

[2] Frost 1968; Forrest 1960. См. также: Бузескул 2003, 105; Шувалов 2006, 25.

[3] Sealey 1976, 204.

риков в развернувшейся между ними борьбе видел не идеологические различия, а личное соперничество[4].

Попробуем разобраться в этой проблеме, тем более, что от ее решения зависит понимание ситуации, сложившейся в Афинах в разгар греко-персидских войн. Начнем разговор с Фемистокла. «…Общественная деятельность, — пишет Плутарх, — по-видимому, рано и бурно привлекла к себе Фемистокла; сильно им овладела жажда славы, из-за которой он с самого начала, желая играть первую роль, смело вступал во враждебные отношения с сильными людьми, занимавшими в государстве первые места, особенно же с Аристидом, сыном Лисимаха, который всегда шел по противоположному с ним пути» (Plut. Them. 3).

Возможно, поводом для противопоставления двух политиков стали различия в образе их политических действий. Плутарх отмечает, что Аристид «прокладывал свой путь в полном одиночестве, потому что, во-первых, не хотел угождая друзьям, чинить несправедливость остальным, равно как и обижать друзей отказом выполнить их желание, а во-вторых, видел, как часто могущество, приобретенное благодаря поддержке друзей, толкает человека на несправедливые поступки, и потому остерегался такого могущества, считая, что добрый гражданин может быть счастлив лишь тогда, когда всякое действие его и всякое слово будут честны и справедливы» (Plut. Arist. 2)[5]. В отличие от Аристида Фемистокл приобрел выдающееся влияние, лишь став членом гетерии (Plut. Arist. 2)[6].

Впрочем, о конкретных направлениях деятельности Фемистокла в период, предшествующий борьбе с Аристидом, известно немного. Возможно, в 493 г. до н.э. молодой тогда еще Фемистокл будет избран архонтом[7]. С его именем традиция связывает начало строительства гавани в Пирее (Thuc. I. 93.3), которое станет первым шагом в реализации его знаменитой Морской программы[8]. Другим эпизодом его биографии будет постановка трагедии Фриниха «Взятие Милета», вызвавшая настолько бурную эмоциональную реакцию афинян, что автор трагедии будет оштрафован[9]. Причиной наказания, согласно Геродоту, было то, что автор напомнил афинянам об их собственных потерях (Herod. VI. 21). Но это было скорее лишь поводом. Цель Фемистокла, по мнению У. Форреста, состояла в том, чтобы настроить афинян против политики примирения с Персией[10]. Если это так, то за наказанием Фриниха могли стоять противники Фемистокла — те,

---

[4] Суриков 2001, 123–124.

[5] См. об этом Суриков 2006.

[6] О союзниках Фемистокла, т. е. о возможных участниках его гетерии см.: Bicknell 1972, 63 ff. У. Р. Коннор, с недоверием относящийся к рассказу Плутарха, отмечает, что гетерии не должны однозначно связываться только с олигархическим движением (Connor 1971, 26, note 40, 55). Поводом для недоверия служит небезызвестная находка 190 острака с именем Фемистокла, написанных, по-видимому, руками 14 человек. Это нередко расценивается как свидетельство деятельности группировки (или гетерии), возглавлявшейся Аристидом (ibid. 25–26, иную трактовку этой находки дает И. Е. Суриков: Суриков 2006 б, 281 и сл.).

[7] Develin 1989, 55.

[8] Строительство гавани в Пирее в 493 г. до н.э. было вызвано начавшейся борьбой с эгинетами (*Thuc.* I. 93.3, Plut. Them. 4). См. также: Gouschin 1999 a, 71, note 29; Шувалов 2006, 28–30.

[9] Carawan 1987, 194–195; Кудрявцева 2008, 49–50.

[10] Forrest 1960, 235.

кто не стремился к конфликту с могущественной державой и, в частности, Алкмеониды[11].

Тогда же — в 493 г. в бурлящие Афины вернется Мильтиад — зарекомендовавший себя как убежденный противник Персии. По возвращении он подвергнется осуждению в тирании, но будет оправдан (Herod. VI. 104)[12]. Фемистокла, как правило, относят к числу потенциальных союзников Мильтиада, имея в виду антиперсидские устремления того и другого[13]. Но есть и другие суждения. В нашем распоряжении имеется приводимое Плутархом замечание Стесимброта о том, что Фемистокл, приковавший афинян к корабельным скамьям и веслам (речь, по-видимому, идет о Морской программе — *В.Г.*) «эту меру … провел, … одержав победу над Мильтиадом, который был против этого» (Plut. Them. 4 = FgrHist. 107 F3). Если речь здесь идет о так называемой Морской программе Фемистокла, реализация которой относится к концу 80-х гг. V в. до н.э., упоминание Мильтиада можно считать ошибкой. Но если принять сообщение Стесимброта, разногласия между Фемистоклом и Мильтиадом следует отнести к 493/2 гг. до н.э., т. е. к моменту строительства гавани в Пирее[14].

О начале политической деятельности Аристида также известно немного[15]. Если сотрудничество с Клисфеном считать реальным фактом, следует допустить и то, что Аристид также мог пострадать после ухода своего патрона с политической арены[16]. Можно предположить, что в 90-е V в. до н.э. он поддерживал Мильтиада, занимавшего явно антиперсидскую позицию. Избранный в год Марафона стратегом, Аристид, по словам Плутарха, был второй по значимости фигурой после самого Мильтида (Plut. Arist. 5).

После Марафонской битвы — в 489 г. до н.э. Аристид избирается архонтом и, возможно, был одним из тех, кто санкционировал Паросскую экспедицию Мильтиада[17]. Но эта экспедиция станет для Мильтиада роковой: ему не удастся овладеть о. Парос и по возвращении в Афины он будет привлечен к суду (Herod. VI. 136)[18]. Можно предположить, что падение, а затем и смерть Мильтиада сказались

---

[11] Попытки заключения союза с Персией предпринимались Клисфеном (Гущин 2006). И. Е. Суриков относит молодого Фемистокла к числу сторонников Алкмеонидов (Суриков 2002, 350). Правда, такой вывод делается на том лишь основании, что Фемистокл был родом из паралийского дема Фреарры, где, как считает автор, были сильны позиции Алкмеонидов. М. Оствальд считает, что Фемистокл мог встретить серьезное сопротивление со стороны тех, кого источники называют «друзьями тиранов» (Ostwald 1969, 132).

[12] Владимирская 2002.

[13] Kinzl 1977, 212; Суриков 2001, 127. П. Бикнелл предполагает существование семейных связей между Фемистоклом и Мильтиадом (Bicknell 1982).

[14] См.: Шувалов 2006, 30. Быть может, поэтому начатые в Пирее работы, как считает Р. Гарланд, остались незавершенными (Garland 1987, 19).

[15] Специальных работ об Аристиде немного. И. Е. Суриков — автор одной из последних работ о нем отмечает отсутствие монографий и небольшое количество статей (библиографию см.: Суриков 2006, 19, прим. 6).

[16] О судьбе Клисфена см.: Гущин 2006. Уже в это время могли появиться первые подозрения в персофильстве, которых следы мы обнаруживаем много позднее — в момент изгнания Аристида судом остракизма. Как бы то ни было, после ухода Клисфена с политической арены карьера Аристида могла надолго прерваться.

[17] Develin 1987, 57.

[18] Carawan 1987, 193–194. Дело, по-видимому, слушалось в народном собрании (См. : Rhodes 1993, 160, 730).

и на Аристиде, который на некоторое время сходит с политической арены и мы почти ничего не слышим о нем вплоть до начала его соперничества с Фемистоклом. Скорее всего, именно тогда начинается активная судебная деятельность Аристида. Он обретает известность как гелиаст. Не случайно «Афинской политии» он будет назван искусным в гражданских делах (Arist. Ath. Pol. 23.3)[19].

Можно предположить, что с появлением гелиэи многие политики — и в особенности демократического направления, начинали или продолжали свою карьеру как судьи. В судах происходило то, что в современной литературе стало именоваться «социальной драмой». Суды становятся ареной конструктивного соперничества, местом, где элита борется за социальный престиж,[20]. Благодаря судам была найдена новая модель политического лидерства, не обязательно связанная с занятием официального государственного поста.

С суда над Мильтиадом начинается карьера Ксантиппа. С судами будет связан и Фемистокл. Плутарх пишет, что Фемистокл, будучи, по-видимому, еще молодым человеком, несмотря на репутацию выскочки, нравился народу, поскольку проявил себя неподкупным судьей (Plut. Them. 5). Корнелий Непот рассказывает, что Фемистокл «погрузился в общественные дела, усерднейше трудясь на пользу друзьям и ради славы. Постоянно участвовал он в частных тяжбах, часто посещал народные сходки» (Nep. Them. 1, пер. Н. Н. Трухиной). Впрочем, можно предположить, что последнее — посещение народных сходок, т. е. народного собрания, будет иметь для Фемистокла значительно большее значение. Его, надо думать, больше привлекали государственные дела, а не судебные разбирательства. Этому он, в сущности, и обучался в молодые годы. «…Утверждают, — отмечает Плутарх, — что Фемистокл был последователем Мнесифила Фреарского. Последний не был ни преподавателем красноречия, ни одним из тех философов, которых называли физиками; он избрал своей специальностью то, что тогда называли «мудростью», а в действительности было умением вести государственные дела, практическим смыслом. Это учение Мнесифил унаследовал от Солона и превратил в философскую школу» (Plut. Them. 2).

Иначе говоря, если поприщем Аристида в 80-е гг. V в. до н.э. станут суды, то Фемистокл будет подвизаться в народном собрании. Очевидно, что тот и другой избирают ту модель политической деятельности, которая была более характерна для лидеров демократического типа. Мы полагаем, что тот и другой стали соперниками, борясь за влияние на демос, т. е. за *простасию*[21].

Принадлежность к одному политическому течению, по-видимому, не исключала соперничества. При этом каждый из них учитывал то, в чем был силен его оппонент. Аристид должен был считаться с тем влиянием, которое имел в народном собрании Фемистокл. «…Аристид, — продолжим цитировать Плутарха, — .. был вынужден противодействовать начинаниям Фемистокла, отчасти для того, чтобы защитить себя, отчасти же — чтобы уменьшить влияние противника, все возраставшее благодаря расположению толпы: пусть лучше народ, думал он, оставит без внимания некоторые из полезных для государства советов, лишь бы Фемистокл не сделался всесилен, одерживая победу за победой» (Plut. Arist. 3).

[19] Гущин 2007.
[20] Cohen 1995, Osborne 1985.
[21] О *простасии* и *простатах демоса* см.: Gouschin 1999 б. N.1.

Далее Плутарх замечает, что Аристид предпочитал действовать через подставных лиц: «Нередко он обращался к Собранию через подставных лиц, чтобы Фемистокл из чувства соперничества не помешал полезному начинанию» (Plut. Arist. 3). Позднее этот метод, правда, по другим причинам, будет использовать другой политик — Перикл (Plut. Per. 7).

Итогом развернувшегося соперничества стала попытка Аристида привлечь Фемистокла к суду. «Когда ему (Аристиду — *В.Г.*) был поручен надзор за общественными доходами (*epimeletes*), он уличил в огромных хищениях не только лиц, занимавших государственные должности одновременно с ним, но и тех, кто занимал их прежде, в особенности Фемистокла..» (Plut. Arist. 4)[22]. В ответ на выпад Аристида Фемистокл, по словам Плутарха, «собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже и, как сообщает Идоменей, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность» (Plut. Arist. 4). Если доверять этому сообщению, следует предположить, что от наказания Аристида скорее всего спасло вмешательство ареопагитов — «первых и лучших».

По-видимому, такое развитие событий только обострило соперничество. «Фемистокл, — продолжает Плутарх, — распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем — вот только что стражей не обзавелся» (Plut. Arist. 7)[23]. Очевидно, речь идет о *гелиеэ* — народном суде, где Аристид пользовался значительным влиянием.

Позднее соперничество Аристида и Фемистокла получает новый импульс. Последний, как известно, выступает с так называемой Морской программой. Поводом для ее принятия становится разгоревшийся конфликт с Эгиной. Фемистокл, судя по сообщениям источников, выступал активным сторонником борьбы с эгинцами. Его оппонентом в этом вопросе был Аристид[24]. В 483/2 гг. до н.э. архонтом становится зять Фемистокла Никодем (Plut. Them. 32), что дает ему в руки дополнительные «козыри».[25]. Да и сам Фемистокл в этом же году избирается (возможно, в очередной раз) стратегом[26]. Именно при архонте Никодеме были открыты серебряные рудники в Лаврии и Фемистоклу представится возможность начать реализацию масштабной программы.

«В государственной казне афинян, — сообщает Геродот, — тогда было много денег, поступавших от доходов с Лаврийских рудников. Эти деньги полагалось разделить между гражданами, так что каждому приходилось по 10 драхм. Фемистокл убедил афинян отказаться от дележа и на эти деньги построить 200 боевых кораблей, именно для войны с Эгиной. Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу» (Herod.

[22] Подробнее см.: Гущин 2007.

[23] По-видимому, в этих словах содержится намек на установление тирании.

[24] Возможно, Аристид имел проксенические связи с Эгиной (Piccirilli 1981, 169–176, Frost 1968, 118. Именно там он будет находиться, когда его изгонят из Афин по закону об остракизме (Herod. VIII. 79, Plut. Arist. 8).

[25] Develin 1987, 58.

[26] Намек на это, считает Р. Девелин, можно найти у Корнелия Непота, спутавшего Эгину с Керкирой (Nep. Them. 2.1, Develin Op.cit. P. 58)

VII. 144, здесь и далее пер. Г. Стратановского). Некоторые подробности добавляет Аристотель. «Тогда, — говорит он, — некоторые советовали поделить эти деньги народу, но Фемистокл не допустил этого. Он не говорил, на что думает употребить эти деньги, предлагал дать заимообразно ста богатейшим из афинян, каждому по одному таланту… Получив деньги на таких условиях, он распорядился построить сто триер, причем каждый из этих ста человек строил одну. Это и были те триеры, на которых афиняне сражались при Саламине против варваров» (Arist. Ath. Pol. 22. 7, здесь и далее пер. С. И. Радцига)[27]. О постройке ста триер говорит и Плутарх (Plut. Them. 4). Возможно, упоминаемые Геродотом 200 кораблей — это общее число триер, которыми располагали Афины в результате реализации Морской программы.

Плутарх отмечает очевидный демократический эффект программы Фемистокла. «Затем понемногу он (Фемистокл — *В.Г.*) начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой. Так, по выражению Платона, он сделал их из стойких гоплитов матросами и моряками. Этим он дал повод к упреку, что дескать Фемистокл отнял у сограждан копье и щит и унизил афинский народ до гребной скамейки и весла» (Plut. Them. 4).

Вспыхнувший конфликт Аристида и Фемистокла завершается обвинениями первого в персофильстве и изгнанием по закону об остракизме[28]. Впрочем, изгнание будет недолгим, поскольку Аристид по решению народного собрания будет возвращен и примет участие в боевых действиях против персов. Инициатором возвращения Аристида и других изгнанных, по сообщению древних авторов, выступил Фемистокл (Arist. Ath. Pol. 22. 8). В тексте так называемого «декрета Фемистокла» говорится о том, что возвращаемые из ссылки должны были дожидаться на Саламине до тех пор, пока народ (возможно, народное собрание) не примет решения о них (Meiggs — Lewis, № 23. 44 ff.).

Несколько иначе этот эпизод описывается в биографии Фемистокла. Возвращение Аристида и прочих изгнанных выглядит здесь как умелый ход Фемистокла. «Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не пристал к царю и не погубил Элладу (он был изгнан посредством остракизма еще до войны, побежденный в борьбе с Фемистоклом); поэтому он предложил сделать постановление, дозволявшее всем изгнанникам, за исключением изгнанных за убийство, вернуться на родину и вместе со всеми граждана-

[27] Аристотель, правда, сообщает, что рудники были открыты в Мароне. Обсуждение вопроса см.: Шувалов 2006, 35, прим. 29.

[28] На одном из черепков Аристид даже будет назван «братом Датиса». Впрочем, подобные обвинения могли быть в то время расхожим идеологическим клише. Ксеркс, по-видимому, попытался подкупить или переманить на свою сторону уже изгнанного Аристида. Свида даже называет сумму — 3 тысячи дариков (*Suida*. s.v. Aristeides, см. также: Суриков 2006а, 39). Если верить Плутарху, закон о возвращении изгнанных судом остракизма был принят именно из-за Аристида. «…Когда Ксеркс через Фессалию и Беотию вел свое войско на Аттику, — пишет Плутарх, — закон об изгнании был отменен, и изгнанники получили право вернуться. При этом более всего опасались, как бы Аристид, сам перейдя к врагам, не совратил своим примером многих сограждан и не переманил их на сторону персов, но неверно судили о нем афиняне: еще до упомянутого выше постановления он неустанно призывал греков защищать свободу…» (Plut. Arist. 8).

ми делом и словом способствовать благу Эллады» (Plut. Them. 11). Как бы то ни было, личное соперничество в этом случае отходит на второй план, а после Саламина, по-видимому, совсем ослабевает.

«Простатами народа в эту пору (после Саламина — *В.Г.*), — замечает Аристотель, — были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый — в гражданских; притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому-как к советнику» (Arist. Ath.Pol. 23.3). Возможно, благодаря своей репутации, в момент создания Делосской симмахии Аристид будет приглашен союзниками для определения размера фороса (Arist. Ath. Pol. 23.4, Plut. Arist. 24–25).

Благодаря мягкости обхождения с союзниками Аристид снискал себе уважение греков, которые, как рассказывает Плутарх, сами обратились к нему с предложением о создании нового союза. «Вскоре греческие полководцы и начальники морских сил, в особенности хиосцы, самосцы и лесбосцы, стали приходить к Аристиду и уговаривать его принять главное командование и взять под свое покровительство союзников, которые уже давно мечтают избавиться от спартанцев и примкнуть к афинянам» (Plut. Arist. 23, Diod. XI. 46–47)[29].

Еще больший авторитет принесла Аристиду раскладка *фороса* — взносов, которые стали делать союзники в общую казну, находившуюся на о. Делос. «Еще находясь под руководством спартанцев, греки делали определенные взносы на военные нужды, и теперь, желая, чтобы каждому городу была определена надлежащая подать, они попросили афинян отрядить к ним Аристида и поручили ему, познакомившись с их землями и доходами, в соответствии с их возможностями назначить, сколько кому платить. Получив такую громадную власть — ведь Греция в какой-то мере отдала в его распоряжение все свое имущество, — бедным ушел он из дома и еще беднее вернулся, составив податной список не только безукоризненно справедливо, но и ко всеобщему удовлетворению. Подобно древним, воспевавшим век Крона, прославляли союзники афинян подать, установленную Аристидом, называя ее «счастьем Греции», в особенности, когда она по прошествии недолгого времени удвоилась, а затем и утроилась. Общая сумма, назначенная Аристидом, была около четырехсот шестидесяти талантов» (Plut. Arist. 24). За это-то Аристид, по словам Диодора, и получил звание Справедливого (Diod. XI. 48. 2). Правда, Диодор сообщает, что общая сумма фороса составляла не 460, а 560 талантов (Diod. XI. 48. 1)[30].

После образования Морского союза Аристид обращается к афинянам со следующим предложением. «Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу, — отмечает Аристотель, — и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех — у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои руки гегемонию. Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть,

[29] Исследователи отмечают единодушие древних авторов в том, что инициаторами создания союза выступили не афиняне, а их ионийские союзники. См.: Кондратюк 1983, 354–355.

[30] См. также: Green 2006, 107, 180.

стали слишком деспотично относиться к союзникам — ко всем, кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев; а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли» (Arist. Ath. Pol. 24.1–2).

Тогда же Аристид выступит с целой программой политических преобразований, о которой упоминают Аристотель и Плутарх. «Когда афиняне вернулись в свой город (после Платейской битвы — *В.Г.*), — рассказывает Плутарх, — Аристид понял, что они намерены установить демократический образ правления; полагая, что проявленной на войне доблестью народ заслуживает заботы о себе и что, с другой стороны, нелегко справиться с людьми, держащими в руках оружие, сознающими свою силу и гордящимися достигнутой победой, он предложил, чтобы впредь в управлении государством участвовали все без исключения и чтобы на должность архонта мог быть избран любой гражданин» (Plut. Arist. 22).

Если доверять данному пассажу, то Аристид предлагает всем без исключения предоставить возможность участвовать в управлении государством. Бросается в глаза перекличка с тем, что когда-то предлагал Клисфен. «Побеждаемый гетериями, Клисфен привлек на свою сторону народ, обещая предоставить народной массе политические права» (Arist. Ath. Pol. 20.1). За этим, по-видимому, стоял определенный рост политических притязаний народа. Кроме того, он предложил избирать архонтов из всех граждан. И это довольно радикальное предложение. Мы знаем о том, что много позднее — в 457 г. до н.э право избираться архонтами будет предоставлено зевгитам[31]. Возможно, вопрос о расширении прав избираться архонтами активно дебатировался в это время. Но в данном случае очевиден демократический характер предложений Аристида.

Что касается Фемистокла, то и его положение после Саламина изменяется. Некоторые исследователи склонны говорить о закате его политической карьеры[32]. На наш взгляд, это не совсем верно. Хотя Фемистокл, возможно, не избирается стратегом на 479 г. до н.э. и в последующие годы не занимает значимых государственных должностей, его активное участие в политике продолжает ощущаться. Реализация масштабной строительной программы, имевшей немалое политическое значение, позволяет видеть в нем подлинного лидера. По инициативе Фемистокла начнется восстановление и укрепление города. Афиняне, вернувшиеся в город после Платейской битвы, обнаружили его значительно разрушенным[33]. «Афинское государство после того, как варвары ушли из Аттики, немедленно стало перевозить обратно афинских детей, женщин и уцелевшее домашнее имущество оттуда, куда все это было помещено ради безопасности, и принялось за восстановление города и его стен» (Thuc. I. 89. 3, здесь и далее пер. Ф. Мищенко, Diod. XI. 39. 1). Фукидид в первой книге своей «Истории» немало места отводит рассказу о строительстве городских стен и укреплении Пирея (Thuc. I. 89–93), что свидетельствует о как значимости начатых работ, так и их инициатора. Все, о чем рассказывает Фукидид, делалось по советам Фемистокла. «Фемистокл советовал, чтобы поголовно все афиняне, находившиеся в городе, занялись сооружением

[31] Rhodes 1993, 330.

[32] Строгецкий 1991, 41 и сл.

[33] Правда, некоторые комментаторы считают масштабы разрушений преувеличением (How, Wells 1912, 291).

стен, не щадя при этом ни частных, ни общественных построек, которые могли бы быть полезными для дела, и не останавливаясь перед разрушением всего этого» (Thuc. I. 90. 3).Когда лакедемоняне, которым пришлась не по вкусу идея восстановления стен и укрепления города, направляют в Афины посольство, афиняне, по совету Фемистокла, обещают направить в Спарту посольство для обсуждения этого вопроса (Thuc. I. 90. 3). Фемистокл отправляется в Лакедемон, куда позднее прибудут остальные афинские послы — Аброних и Аристид (Thuc. I. 90. 4). Участие в посольстве Аристида, как полагает У. Форрест, было следствием прекращения прежних распрей и соперничества[34]. В любом случае, сказанное подтверждает приведенные выше слова Аристотеля о том, что оба политика — Фемистокл и Аристид в это время были простатами демоса (Arist. Ath. Pol. 23. 3).

Вслед за началом строительства городских стен возобновляются прерванные в 493 г. до н.э. строительные работы в Пирее[35]. Фемистокл, говорят античные авторы, убедил афинян построить стены вокруг Пирея (Thuc. I. 93. 2–3, Diod. XI. 41.2). Аристофан позднее скажет, что это именно Фемистокл присоединил Пирей к городу (Aristoph. Equit. 813–816). «По его совету, — рассказывает Корнелий Непот, — был выстроен и обнесен стеной тройной Пирейский пор, значением сравнившийся с самим Городом, а деловыми качествами, превзошедший его» (Nep. Them. 6, пер. Н. Н. Трухиной). Возможно, это предложение (как и ряд других) он внес как частное лицо[36].

Укрепление Пирея, считал Фемистокл, также могло вызвать негативную реакцию лакедемонян. Поэтому он предложил вновь направить посольство в Спарту, участники которого должны были если не успокоить лакедемонян, то хотя бы несколько притупить их бдительность (Diod. XI.46. 1–3). Горожане вновь поддержали Фемистокла и «благодаря ревностному труду, строительство гавани было закончено в удивительно короткий срок» (Diod. XI. 43.2, здесь и далее пер. В. М. Строгецкого). К этому следует добавить еще одно предложение Фемистокла, которое, если верить Диодору, также было принято народным собранием. «Он убедил народ к имеющимся кораблям ежегодно добавлять еще по 20 триер, метеков же и ремесленников освободить от налогов, чтобы большая масса людей прибыла отовсюду в город и они с охотой стали бы заниматься многими ремеслами. И то и другое он считал полезным для создания морского могущества» (Diod. XI. 43. 3).

Строительство городских стен и укрепление Пирея было лишь частью планов Фемистокла. Античные авторы рассказывают о его стремлении усилить афинский флот. Об это говорит Плутарх в биографии Фемистокла. «Фемистокл задумал еще более далеко идущий план, касавшийся могущества афинян на море. Когда эллинский флот после отступления Ксеркса вошел в Пагасскую гавань и зимовал там, Фемистокл в одной своей речи перед народным собранием сказал, что у него есть план, полезный и спасительный для афинян, но что нельзя говорить о нем при всех. Афиняне предложили ему сообщить этот план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Фемистокл сообщил Аристиду, что

[34] Forrest 1960, 235. Правда, Диодор считает, что после Саламина и Платей Фемистокл и Аристид оставались соперниками (*Diod.* XI. 42.2).

[35] Garland 1987, 19; Gouschin 1999a, 171.

[36] Garland 1987, 21; Gouschin 1999a, 171–172.

он задумал поджечь эллинский флот на его стоянке. Аристид заявил в народном собрании, что нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение» (Plut. Them. 20). Эту историю передает и Диодор (Diod. XI. 42. 1–5). В его повествовании ей предшествует приводившийся выше рассказ о грандиозных планах Фемистокла по укреплению могущества Афин.

Все это мог делать только признанный политический лидер. Об этом прямо говорит Диодор. «В это время (т. е. в 477/6 г. до н.э. — *В.Г.*) Фемистокл, благодаря искусству стратега и проницательности, получил известность не только у граждан, но и по всей Элладе» (Diod. XI. 41. 1). Подтверждением последнему служит Олимпиада 476 г. до н.э., сведения о которой приводят древние авторы. «Во время следующих Олимпийских игр, — рассказывает Плутарх, — когда Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говорят, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него и показывали его иностранцам с восторгом и рукоплесканиями; и он сам с радостью признался друзьям, что пожинает должные плоды своих трудов на благо Эллады» (Plut. Them. 17). Свое влияние и авторитет Фемистокл сохранит вплоть до изгнания из Афин по закону об остракизме, о чем мы еще скажем ниже.

Естественно, Фемистокл стремился усилить Афины в противовес Спарте, превращаясь теперь в ее злейшего врага. Вскоре после Платейской битвы Фемистокл оппонирует спартанцам на заседании Дельфийской амфиктионии. На основании ранее заключенной клятвы (Herod. VII. 132) лакедемоняне предложили исключить из союза те города, которые не участвовали в войне против персов (Plut. Them. 20)[37]. Согласно сообщению Геродота эта клятва предполагала лишь наложение денежных штрафов на провинившиеся полисы. «Всякий эллинский город, — говорилось в ней, — предавшийся персидскому царю, не вынужденный [к этому] необходимостью, в случае победы союзников обязан уплатить десятину дельфийскому богу» (Herod. VII. 132). Как бы то ни было, Фемистокл воспротивился принятию предложенного лакедемонянами решения, вызвав их негодование. С этого времени лакедемоняне, если верить Плутарху, начинают компанию по дискредитации Фемистокла, выдвигая на первый план молодого Кимона (Plut. Them. 20, Diod. XI. 54.3)[38].

Сказанное выше не позволяет согласиться с теми исследователями, которые считают, что после Саламинской битвы влияние Фемистокла ослабло. Скорее наоборот, можно говорить даже о росте его влияния. Перенеся акцент в своей деятельности из сферы военной в гражданскую, он по-прежнему оставался признанным лидером афинского демоса. Даже не занимая значимых государственных постов, он сохранял лидирующие позиции в народном собрании. Этим он предвосхищает тот стиль политики, который много позднее будет характерен для афинских демагогов и, в частности, для Клеона[39]. Если на военном поприще

[37] Это решение касалось, прежде всего, Фессалии, против которой позднее выступит Леотихид (Herod. VI. 72, *Paus.* III. 7.9, см. также: Кулишова 2003, 17).

[38] Ф. Фрост замечает, что данная история не рассказывается ни одним из античных авторов, но она вполне вписывается в исторический контекст, поскольку адекватно отражает как политику Спарты, так и позицию Фемистокла (Frost 1980, 179; Кулишова 2003, 17).

[39] Connor 1971, 134 и сл.

в это время блистал Кимон, то в народном собрании, надо полагать, доминировал Фемистокл. И хотя он мог лояльно относиться к активизации военной политики Афин, осуществлявшейся Кимоном, последний не мог не чувствовать угрозу со стороны столь влиятельного оппонента.

В 477/6 гг. до н.э. Фемистокл ставит «Финикиянок» Фриниха[40]. Эта трагедия посвящена Саламинской битве: в ней изображалась скорбь персов после поражения в ней. Не удивительно, что судьи присудили Фриниху первый приз[41]. Причиной тому, надо думать, было не только мастерство драматурга, но и политический вес Фемистокла.

В это же время во внутренней политике Афин начинает усиливаться антиспартанская составляющая. Причем, проводниками нового курса станут и Аристид, и Фемистокл. Первый принимал активное участие в создании Морского союза, а второй занимался укреплением города. С этого момента можно говорить о том, что позиции обоих политиков максимально сблизятся. Благодаря Аристиду возрастает роль афинян в Эллинской лиге, что приведет к созданию Делосской симмахии.

В 70-е гг. V в. до н.э. наметившиеся изменения во взаимоотношениях между Аристидом и Фемистоклом усиливаются. Мы уже не слышим об их соперничестве. Хотя Плутарх стремится изобразить Аристида союзником Кимона (Plut. Cim. 5, 6), в его повествовании, считает П. Родс, можно обнаружить следы альтернативной версии. В ней Аристид и Фемистокл оказываются если не союзниками, то уже и не соперниками[42]. И действительно после Саламина и Платей мы можем обнаружить в их действиях больше сотрудничества, чем соперничества. Достаточно упомянуть строительство стен, что стало важнейшим делом как для Фемистокла, так и для Аристида[43].

Последние эпизоды жизни Аристида связаны с начавшимися атаками на Фемистокла. Причиной нападок на Фемистокла, очевидно, была его очевидная антиспартанская позиция, что неизбежно должно было привести к столкновению с Кимоном, известным своим лаконофильскими взглядами[44]. В адрес Фемистокла все чаще будет звучать критика, что впоследствии приведет к его изгнанию из Афин по закону об остракизме. Наибольшие опасения Фемистокл вызывал у спартанцев. Его влияние и авторитет, которыми он продолжал пользоваться, в сочетании с ярко выраженной антиспартанской позицией не могли не пугать лакедемонян[45].

Именно лакедемоняне станут инициаторами изгнания Фемистокла. Правда, для этого им пришлось обвинить его в предательстве. «Лакедемоняне, видя, что Спарта стала слабой из-за предательства Павсания, а афиняне пользуются уважением, потому что у них ни один гражданин не был обвинен в предательстве, решили выдвинуть подобного рода обвинения против афинян. Поэтому, поскольку Фемистокл у них был в почете и славился своей доблестью, лакедемоняне обви-

[40] Frost 1980, 199.
[41] Ярхо 1983, 348.
[42] Rhodes 1992, 64.
[43] Lewis 1992, 97.
[44] Forrest 1960, 236.
[45] Кроме того, мог получить огласку, как полагает П. Грин, план Фемистокла по уничтожению союзного флота, что превратило бы Афины в безусловного лидера (Green 2006, 114, note 203).

нили его в измене делу эллинов, утверждая, что он был большим другом Павсания и вместе с ним сообща замышлял предать Элладу Ксерксу» (Diod. XI. 54. 2–3). Таков был мотив организованных против Фемистокла политических процессов, первый из которых Диодор датирует 471/0 гг. до н.э[46].

У нас есть основания говорить о нескольких политических процессах, организованных врагами Фемистокла, хотя не все современные исследователи доверяют этим сообщениям. Точнее сказать, недоверие вызывает сообщение о первом процессе[47]. И все же мы не видим оснований отмахиваться от этой информации.

Первый из процессов, если он имел место в действительности, закончился оправданием Фемистокла. Спартанцы, которые занимались расследованием деятельности спартанского регента Павсания, выступили с обвинениями и против Фемистокла. «Лакедемоняне, — рассказывает Диодор, — вступили в контакт и с врагами Фемистокла, подстрекая их к тому, чтобы они выступили против него с обвинением, и дали им деньги, убеждая в том, что Павсаний, решив предать Элладу, сообщил о своем замысле Фемистоклу и предложил разделить с ним его намерение. Фемистокл же не принял предложение, но и не посчитал нужным разорвать дружбу с этим человеком. Тем не менее, хотя враги выступили с обвинениями против него, он тогда избежал осуждения» (Diod. XI. 54. 2–5).

Если этот процесс был в действительности, можно предположить, что имела место *исангелия* — чрезвычайное заявление, которое рассматривалось ареопагом[48]. А здесь, как известно, прочные позиции имели враги Фемистокла. В данный момент, если верить Диодору, главным пунктом обвинения оказывается лишь то, что Фемистокл своевременно не донес на Павсания. Обвинения в измене пока еще не звучали. Поскольку итогом процесса было оправдание, выдвинутые обвинения были опровергнуты Фемистоклом.

Вскользь об этом процессе говорит и Аристотель, дополняя рассказ некоторыми неправдоподобными деталями. В частности, Фемистокл здесь оказывается союзником Эфиальта. По словам Аристотеля, Эфиальт в это время «добился устранения многих из ареопагитов, привлекая их к ответственности за действия, совершенные при отправлении обязанностей» (Arist. Ath. Pol. 25. 2). Содействие ему оказал и Фемистокл, который «хотя и принадлежал к числу ареопагитов, должен был судиться за сношения с мидянами» (Arist. Ath. Pol. 25. 3). Итогом первого процесса стало оправдание Фемистокла. Возможно, дело было передано на рассмотрение народного собрания, которое вынесло оправдательный приговор[49].

Быть может, именно к этому процессу относится рассказ Плутарха об Аристиде, проявившем великодушие по отношению к сопернику. «..Велика была и кротость, проявленная им по отношению к Фемистоклу, — рассказывает Плутарх, — Всю жизнь тот был его противником на государственном поприще, из-за него Аристид подвергся остракизму, но когда Фемистокл, в свою очередь, попал в беду и предстал перед судом, обвиненный в преступлении против государства, Аристид забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные

[46] Green 2006, 114, note 203.

[47] С недоверием к этому сообщению относится, в частности, В.М. Строгецкий (Строгецкий 1979, 26–27, см. также: Кудрявцева 2008, 61–62).

[48] Rhodes 1979, 103 и сл.

[49] Как полагает М. Оствальд (Ostwald 1993, 147–148, 151).

наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид и не сделал и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастью врага, как прежде не завидовал его благоденствию» (Plut. Arist. 25).

Тем не менее, позднее Фемистокл будет изгнан по закону об остракизме[50]. Назвать точную дату его изгнания не представляется возможным[51]. В версии Диодора это произошло в архонтство Праксиерга, т. е. в 471 г. до н.э. Возможно, изгнанию предшествовали новые и, по-видимому, более серьезные обвинения. Но мы позволим себе в этом усомниться. Если первый процесс против Фемистокла считать реальностью, ему не только удается отвести обвинения, но и усилить свои позиции. Кроме того, современные исследователи обращают внимание на то, что вопрос о предательстве Фемистокла будет активно подниматься лишь позднее — во время второго (заочного) процесса[52]. Забегая вперед, заметим, что подобные обвинения приведут к его заочному осуждению на смерть. Возникни они теперь, Фемистокл был бы не изгнан из Афин, а приговорен к смерти. Следовательно, приходится подыскивать другие объяснения причин изгнания Фемистокла.

Мы полагаем, что можно с доверием отнестись к сообщениям древних авторов, которые отмечают возросшее (вместе с ростом влияния) самомнение Фемистокла, что перестало нравиться народу[53]. Хотя обвинения в адрес Фемистокла чаще всего звучали в ареопаге, членом которого он был[54], немалую роль в ослаблении позиций Фемистокла и его изгнании мог сыграть и демос. «Так как уже и сограждане из зависти охотно верили разным наветам на Фемистокла, — замечает Плутарх, — ему приходилось поневоле докучать им в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах. <…> Он навлек на себя неудовольствие народа также и постройкой храма Артемиды, которую он назвал «Лучшей советницей», намекая этим на то, что он подал городу и всем эллинам самый лучший совет, и к тому же построил этот храм близ своего дома в Мелите <…>..Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение; так афиняне обыкновенно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и не совместимым с демократическим равенством. Остракизм был не наказанием, а средством утишить и уменьшить зависть, которая радуется унижению выдающихся людей и, так сказать, дыша враждой к ним, подвергает их этому бесчестью» (Plut. Them. 22; Dem. 23. 205).

Об активности демоса в процессе изгнания Фемистокла говорит количество найденных археологами *острака* с его именем. На сегодняшний день известно более двух тысяч *острака* с именем Фемистокла, а точнее — 2264[55]. Правда, сле-

[50] У. Р. Коннор, поддерживаемый Ф. Фростом, считает эти обвинения следствием внутриродового соперничества (Connor 1972. ср.: Frost 1980, 193–194). О дате остракизма см.: Rhodes 2005, 34–35.

[51] См., например: Green 2006, 115–116, note 205, Суриков 2006б, 333 и сл. К рассказу об изгнании Фемистокла Диодор добавляет несколько замечаний об остракизме в Афинах. Он, в частности, утверждает, что изгнанные по этому закону удалялись из Афин на пять лет (Diod. XI. 55. 2). На этом основании некоторые исследователи высказывают предположение, что Фемистокл возвращается в Афины в 465 г. до н.э. и вместе с Эфиальтом участвует в нападках на ареопаг (Green 2006, 116, note 206).

[52] Forsdyke 2005, 177.

[53] Ibidem.

[54] Carawan 1987, 198–199.

[55] Rhodes 1993, 279. По количеству найденных острака Фемистокла можно поставить на второе место после Мегакла. См. также: Gouschin 2009, 235, note 72.

дует учитывать, что вопрос о его изгнании, как минимум, дважды выносился на голосование. Первый раз — в конце 80-х гг., в разгар его соперничества с Аристидом. Поэтому установить какое количество *острака* относится к данной остракофории очень сложно. И все же приведенная цифра (даже условно поделенная пополам) достаточно внушительная и может свидетельствовать об активном участии демоса в изгнании Фемистокла. Нам же остается только гадать, было ли тому причиной охлаждение афинян к своему лидеру, или успешная пропаганда его врагов.

Как бы то ни было, Фемистокл изгоняется из Афин. Вместе с ним подверглись наказанию некоторые из его друзей. Плутарх приводит рассказ Стесимброта о том, что некий ахарнянин Эпикрат тайно вывез из Афин жену и детей Фемистокла. За это Кимон впоследствии присудил его к смерти (Plut. Them. 24)[56]. Однако этого врагам Фемистокла показалось недостаточно. Вскоре, уже будучи изгнанным из Афин, он подвергся новым, правда, на сей раз заочным обвинениям. Т. В. Кудрявцева полагает, что имело место так называемое чрезвычайное заявление (*исангелия*), которая однако рассматривалась не в ареопаге, а в народном собрании[57]. Этот вывод делается на том основании, что сведения о процессе содержит отрывок из Кратера (FgrHist 342 F11), корпус которого представляет собой собрание *псефизм* (постановлений) народного собрания. Однако для предположения о том, что рассмотрение *исангелии* было перенесено из ареопага в народное собрание (или *гелиэю*) нужны, на наш взгляд, более веские аргументы. Поэтому мы все же полагаем, что этот процесс происходил в ареопаге[58].

И опять же установить точную дату этих событий весьма сложно[59]. Мотивами для возбуждения процесса становятся новые обвинения со стороны лакедемонян, а также активная антиспартанская деятельность Фемистокла в Аргосе[60]. «Изгнанный из отечества, — рассказывает Плутарх, — Фемистокл жил в Аргосе. Случай с Павсанием дал повод его врагам к выступлению против него. Обвинителем его в измене был Леобот, сын Алкмеона из Аглавры; в обвинении приняли участие также и спартанцы» (Plut. Them. 23, Diod. XI. 54. 4). По-видимому, главными врагами Фемистокла в Афинах оказались Кимон и Алкмеониды, действовавшие заодно. Правда, в источниках имеет место некоторая путаница. В биографии Фемистокла Плутарх говорит, что обвинителем были не Леобот, а Алкмеон — отец упомянутого Леобота, и Кимон (Plut. Arist. 25).

Иначе говоря, основанием для повторных обвинений стали материалы, предоставленные лакедемонянами, расследовавшими дело Павсания[61]. Вот что пишет по этому поводу Фукидид. «Лакедемоняне, отправив послов к афинянам, обвиняли по делу Павсания вместе с ним в сочувствии к персам также и Фемистокла, доказательства чего они находили в показаниях против Павсания. Поэтому лакедемоняне потребовали подвергнуть такой же каре (т. е. смерти — *В.Г.*) и Фемистокла. Афиняне поверили этому (Фемистокл, изгнанный остракизмом, проживал

[56] Forrest 1960, 238.
[57] Кудрвцева 2008, 59.
[58] Rhodes 1972, 201.
[59] Кудрвцева 2008, 60–61.
[60] Forrest 1960, 237 и сл.
[61] Forrest 1960, 237, Кудрявцева 2008, 58 и сл.

в то время в Аргосе, но посещал также и другие места Пелопоннеса) и вместе с лакедемонянами, выражавшими готовность преследовать Фемистокла, послали несколько своих граждан с приказанием доставить его в Афины, где бы они с ним ни встретились» (Thuc. I. 135. 2–3). В этом сообщении мы слышим о прибытии в Афины лакедемонских послов (чего не было ранее), выступивших, надо думать, в народном собрании, и о самом серьезном внимании к нему со стороны афинян.

О прибытии лакедемонских послов в Афины рассказывает и Диодор. «Они (послы — *В.Г.*) также утверждали, что приговор за все преступления, совершенные против Эллады, нужно выносить не отдельно в Афинах, но на общем собрании эллинов, которое обычно созывалось в это время» (Diod. XI. 55. 4). Фемистокл, по словам сицилийского историка, полагал, что принятые на этом собрании решения будут угодны лакедемонянам (Diod. XI. 55. 5).

Рассказ Плутарха отличается в некоторых деталях. «После казни Павсания, — пишет он, — были найдены кое-какие письма и документы, относившиеся к этому делу, которые набросили подозрение на Фемистокла. Подняли крик против него спартанцы, а обвинять стали завидовавшие ему сограждане. Его не было в Афинах; он защищался письменно — главным образом против прежних обвинений. В ответ на клевету врагов он писал согражданам, что он, всегда стремившийся к власти и не имевший ни способности, ни желания подчиняться, никогда не продал бы варварам и врагам вместе с Элладой и самого себя. Тем не менее народ поверил обвинителям и послал людей, которым велено было арестовать его и привести для суда в собрание эллинов» (Plut. Them. 23, пер. С. Соболевского). Здесь также говорится, что суд должен был проходить не в Афинах, а на некоем собрании эллинов, о чем не говорит упоминавшийся выше Фукидид.

Есть смысл еще раз поставить вопрос о том, сколько же процессов было возбуждено против Фемистокла. Сведения, которыми мы располагаем, позволяет высказать следующие соображения. Предположим, что Фемистокл был осужден единожды — заочно, что могло быть связано с полученными лакедемонянами сведениями о предательстве Павсания. В таком случае информация о первом процессе — ошибка. Но возможно, что процессов было два. Оснований для второго процесса было немало: с одной стороны, стремление лакедемонян обезвредить активизировавшегося в Аргосе Фемистокла, с другой — не исключено появление новых сведений о связях Фемистокла с Павсанием. Мало того, мы видим определенные отличия в описании обоих процессов. В рассказе о первом процессе ничего не говорится о лакедемонских послах, но только об инструкциях неким врагам Фемистокла. Скорее всего, первый процесс еще не имел столь солидного дипломатического подкрепления. Не было и документальных оснований для столь серьезной атаки на него. Как оказалось, изгнанный из Афин Фемистокл представлял не меньшую опасность для Спарты. Поэтому лакедемоняне были вынуждены серьезно заняться им.

После изгнания Фемистокла мы уже почти ничего не слышим и об Аристиде. Единственный эпизод, относящийся к 60-м гг. V в. до н.э. — сообщение Плутарха о постановке трагедии Эсхила «Семеро против Фив» (467 г. до н.э.). «..Когда в театре прозвучали слова Эсхила об Амфиарае:

Он справедливым быть желает, а не слыть.
С глубокой борозды ума снимает он

Советов добрых жатву, —
все взоры обратились к Аристиду, который, как никто другой, приблизился к этому образцу добродетели» (Plut. Arist. 3)[62]. В данном случае любопытно, что трагедиограф, связанный с Периклом и демократическими кругами, воспевший в трагедии «Персы» Саламинскую битву (а значит косвенно и ее героя — Фемистокла), положительно отозвался об Аристиде. Так через Эсхила оказались связанными между собой два политика — Фемистокл и Аристид[63].

Не исключено, что вскоре Аристид умирает. Если верить Плутарху, конец его жизни был омрачен судебными преследованиями. Плутарх приводит следующий рассказ Кратера об Аристиде: «После того, как был изгнан Фемистокл, народ непомерно возгордился, и появилось множество клеветников, которые преследовали доносами самых знатных и влиятельных людей, отдавая их на растерзание завистливой толпе, опьяненной своими успехами и своей силой. Среди привлеченных к суду был и Аристид; Диофант из дема Амфитропа обвинил его во взяточничестве (по его словам, взыскивая подать с ионийцев, Аристид принял от них денежный подарок), и так как у того не нашлось пятидесяти мин, чтобы уплатить штраф, к которому его приговорили, он уехал из Афин за море и умер где-то в Ионии» (Plut. Arist. 26)[64]. Правда, сам Плутарх сомневается в данном факте, поскольку «никаких письменных доказательств, подтверждающих это, Кратер не привел — ни решения суда, ни постановления Народного собрания, хотя обычно в подобных случаях бывает достаточно обстоятелен и сопоставляет суждения разных историков» (Plut. Arist. 26).

Так завершаются политические биографии наших героев, которые начинали как соперники, а закончили если не союзниками, то коллегами. Мы полагаем, что оба политика принадлежали к одному — демократическому направлению в политике. Об этом свидетельствует их активное участие в работе демократических институтах — *гелиэе* и народном собрании. Об этом же свидетельствуют и их демократические начинания — морская программа Фемистокла и политическая программа Аристида, выдвинутая им после образования Делосского союза. Наконец, имеются прямое указание древних авторов. Когда Аристотель говорит, что после Саламинской битвы они оба *простатами* демоса были (Arist. Ath. Pol.23.3, ср.: 28.2), это могло означать только то, что тот и другой представляли демократическое течение в политике. Во всяком случае, тот и другой боролись за влияние на демос, т. е. за *простасию*.

ЛИТЕРАТУРА

Бузескул В. П. 2003: История афинской демократии. СПб.

Владимирская О. Ю. 2002: Мильтиад Старщий — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон. СПб., 33–42.

Гущин В. Р. 2006: Афины после Клисфена (до Марафонской битвы) // Cathedra. Пермь.1, 28–43.

[62] Суриков 2006 а, 45.

[63] См. об этом: Forrest 1960, 236.

[64] Э. Караван присоединяется к Плутарху, считая данный эпизод недостоверным (Carawan 1987, 201).

Гущин В. Р. 2007: Аристид и афинские суды // Политическая история и историография. От античности до современности. Петрозаводск, 25–32.

Кондратюк М. А. 1983: Архэ и Афинская демократия // Античная Греция / Е. С. Голубцова, Л. П. Марнович, А. И. Павловская, Э. Д. Фролов (ред.) Т. 1. М., 327–365.

Кудрявцева Т. В. 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.

Кулишова О. В. 2003: Дельфийская амфиктиония в политической жизни архаической и классической Греции // Университетский историк.2, 5–22.

*Строгецкий В. М.*1979: Диодор Сициоийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI. 39–47, 54–59): Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Горький, 3–29.

*Строгецкий В. М.*1991: Полис и империя в классической Греции. Н.Новгород.

Суриков И. Е. 2001: Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2, 118–130.

Суриков И. Е. 2002: Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. 8, 342–364.

Суриков И. Е. 2006 а: Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 1, 18–47.

Суриков И. Е. 2006 б: Остракизм в Афинах. М.

Шувалов В. В. 2006: Морская программа Фемистокла // ВДИ. 2, 24–42.

Ярхо В. Н. 1983: Происхождение трагедии и организация театральных представлений // История всемирной литературы. Т.1. М., 345–350.

Bicknell P. J. 1972: Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden.

Bicknell P. J. 1982:Themistocles' Father and Mother // Historia.31. H. 2.161–173.

Carawan E. 1987: Eisangelia and euthyna: the trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 28. N. 2, 167–208.

Cohen D. 1995: Law, violence and community in Classical Athens. Cambridge.

Connor W. R. 1971: The new politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Connor W. R. 1972: Lycomides against Themistocles? A note on intragenos rivalry // Historia. 21. H.4, 569–574.

Develin R. 1989: Athenian Officials. 684–321 B. C. Cambridge.

Forrest W. G. 1960: Themistocles and Argos // CQ.2, 221–241.

Forsdyke S. 2005: Exile, Ostracism and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton.

Frost F. J. 1968: Themistocles' place in Athenian politics // CSCA. 1, 112–120.

Frost F. J. 1980: Plutarchs' Themistocles. A Historical Commentary. Princeton.

Garland R. 1987: The Piraeus. Ithaca.

Gouschin V. 1999a: Athenian synoikism of the Vth century B.C., or two stories of Theseus // G & R. 46. 2, 168–187.

Gouschin V. 1999б: Pisistratus' Leadership in A.P. 13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // CQ. 49.1, 14–23.

Gouschin V. 2009: Athenian Ostracism and Ostraka: some historical and statistical considerations // Greek History and Epigraphy / L.Mitchel & L.Rubinstein (eds.). Swansea. 225–250.

Green P. 2006: Diodorus Siculus. Book 11 — 12.37.1. Greek History 480–431 B. C. The Alternative Version. Austin.

How W. W., Wells J. 1912: A Commentary on Herodotus. Vol. 2. Oxford.

Kinzl K. 1977: Athens: Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory / K.Kinzl (ed.). Berlin and New York, 199–223.

Lewis D. M. 1992: Mainland Greece, 479–451 B.C. // Cambridge Ancient History / D. M. Lewis, J.Boardman, J. J. Davies, M. Ostwald (eds.) Vol. V. Cambridge, 96–120.

Ober J. 2004: Athenian Revolution of 508/7 B.C.: Violence, Authority and the Origins of Democracy // Athenian Democracy /P. J. Rhodes (ed.) Edinburgh, 260–286.

Osborne R. 1985: Law in action in classical Athens // JHS. 105, 40–58

Ostwald M. 1969: Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford.

Ostwald M. 1993: The Areopagus in the Athenaion Politeia // Aristote et Athènes / M. Piérart (ed.). Paris. 139–153.

Piccirilli L. 1981: Arisitide di Egina? Per l'interpretazione degli Ostraka Agora Inv. P. 9945 e P 5978 // ZPE. 51, 169–176.

Rhodes P. J. 1972: The Athenian Boule. Oxford.

Rhodes P. J. 1979: Eisangelia in Athens // JHS. 99. 1979, 103–114.

Rhodes P.J. 1992: The Athenian Revolution // Cambridge Ancient History D. M. Lewis, J. Boardman, J. J. Davies, M.Ostwald (eds.) .Vol. V. Cambridge, 1992, 62–95.

*Rhodes P.J.*1993: A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford.

Rhodes P.J. 2005: A History of Classical Greek World. 478–323 B. C. London.

Sealey R. 1976: A History History of the Greek City-States.700–338 B. C. Berkeley & Los Angeles.

THEMISTOCLES AND ARISTIDES: ADVERSARIES OR ALLIES?

V. P. Goushchin

The main subject of this article is a study of the policy pursued by Themistocles and Aristides who were very often labeled by ancient authors as political opponents. They began their political careers as prostates tou demou, which makes it possible to say that they followed the same political line, though the latter does not rule out the contest between them. After the battle of Salamis there came a dramatic shift in their relations from rivalry to cooperation.

Key words: Ancient Greece, Athens of the 5th c. BC, Aristides, Themistocles.

© 2010

Ю. Н. Серов

РЕАБИЛИТАЦИЯ КРЕПИДЫ КУРГАНА ЕВРИСИВИЯ И АРЕТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ "ОЛЬВИЯ"

В статье идет речь о реабилитации крепиды кургана Еврисивия и Ареты, датируемой второй половиной II в н.э., в Национальном историко-археологическом заповеднике «Ольвия». Раскрываются технологии процесса восстановления памятника, выполненные специалистами Киевского филиала института «НИИпроектреконструкция».

Ключевые слова: Ольвия, реставрация, реабилитация.

Автор проекта реабилитации крепиды кургана Еврисивия и Ареты на приёмке работ.

Ольвия Понтийская, одно из четырех наиболее крупных античных государств Северного Причерноморья, была основана греческими переселенцами из малоазийского города Милета во второй четверти VI в. до н. э. Она расположена на высоком правом берегу Бугского лимана, неподалеку от его соединения с Днепровским лиманом (с. Парутино Очаковского района Николаевской обл.). Ольвия (с древнегреческого — «счастливая») просуществовала почти тысячу лет — до 70-х годов IV в. н. э. А потом город как-бы «потерялся». Его месторасположение было установлено лишь в 1790-х годах.

На протяжении всей своей истории Ольвия была тесно связана с античным миром. В середине V в. до н. э. ее, вероятно, посетил «отец истории» Геродот, а в конце I в. н. э. здесь побывал известный философ и оратор Дион Хрисостом из города Прусы, который оставил яркое описание некогда могущественного города. Известно, что философ Бион Борисфенит был выходцем из Ольвии. Многие античные авторы — Страбон, Плиний и другие — упоминали Ольвию в своих описаниях Северного Причерноморья. Во второй половине V в. до н. э. Ольвия входила в Афинский морской союз, а в 331 г. до н. э. подверглась осаде войск Александра Македонского во главе с полководцем Зопирионом. В конце II в. н. э. Ольвия вошла в состав провинции Римской империи — Нижней Мезии.

Ольвия сыграла большую роль в истории региона, в культурной и экономической жизни скифов, сарматов, племен Черняховской культуры.

Что касается римского периода, то он ознаменовался расцветом строительства в городах Северного Причерноморья. Прежде всего, восстанавливались оборонительные сооружения, разрушенные войнами, возводились новые общественные, жилые и культовые комплексы и др.

Парадное зодчество Римской империи оставило след и в развитии архитектуры Ольвии. Строятся храм Зевса, храм Аполлона Простата, другие культовые дома и сооружения. Наличие таких зданий подтверждается многочисленными находками архитектурных деталей, которые относятся к разным ордерным системам.

Для этого периода на территории Ольвии характерно и возведение декоративных каменных крепид — подпорных стенок, опоясывающих основания погребальных курганов.

Первые археологические раскопки Ольвии были проведены еще в XIX в. (в середине XIX в. здесь работал граф А.С. Уваров). Систематические широкомасштабные исследования города и некрополя начались в 1901 г. В 1921 г. территория Ольвии и ее некрополя взяты под охрану государством. В 1926 г., тут был открыт историко-археологический заповедник, который с 1938 г. входит в состав НАН Украини. В 2002 г. заповеднику был присвоен статус национального. Его территория составляет 267,5 га (30 га — городище и затопленная часть нижнего города, 237,5 га — некрополь).

Археологические исследования города-государства проводились в основном тремя поколениями ученых: Б.В. Фармаковским и его сотрудниками в 1902–1926 гг.; Л.М. Славиным, А.Н. Карасевым, Е.И. Леви в 1936–1971 гг.; с 1972 г. в Ольвии работает Ольвийская экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством С.Д. Крыжицкого и В.В. Крапивиной. Значительный вклад в изучение Ольвии и ее сельской округи (хоры) внесли А.В. Бураков, С.Б. Буйских, А.В. Буйских, В.И. Гошкевич, Я.В. Доманский, Ю.И. Козуб, Н.А. Лейпунская, К.К. Марченко, В.М. Отрешко, В.А. Папанова, А.С. Русяева, Т.Л. Самойлова, Ф. М. Штительман и др.

Научная деятельность ученых-археологов, предоставление заповеднику статуса национального, и улучшение финансирования на его содержание, обеспечение надежной охраны городища и некрополя античного памятника мирового масштаба, а также комплекс других факторов создали возможность для реализации интересного широкомасштабного проекта — полное восстановление крепиды кургана над склепом Еврисивия и Ареты. Проект был завершен летом 2006 г. Диаметр каменной стены, опоясавшей по всему подножию земляную насыпь над античной могилой, составляет 28 метров. Ее высота — более одного метра.

Таким образом, в экспозиции заповедника появился объект, дающий полное представление о кургане как архитектурном сооружении в целом.

Археологическое обоснование этой реконструкции принадлежит члену-корреспонденту НАН Украины, доктору архитектуры Сергею Крыжицкому, многие годы своей жизни посвятившему изучению древней Ольвии.

Необходимые инженерно-геологические и инженерно-геодезические изыскания на месте, архитектурно-строительный проект реконструкции, а также организация реабилитации крепиды кургана были выполнены специалистами Киевского филиала Института «НИИпроектреконструкция», большей частью — автором

Блоки ракушечника на фоне кургана, подготовленного к проведению работ

Вид Ольвии с Зевсового кургана. (Урочище Ста Могил)

Встроенные аутентичные блоки

Западная часть крепиды

Курган 077

Крепида Зевсового кургана

представленной статьи, тогдашним директором филиала — Юрием Серовым, имеющим многолетний стаж обмерных работ раскопок Ольвии и её периферии, а также обмерных работ при ведении раскопок скифских курганов. Еще в 1970-х годах, будучи студентом Одесского инженерно-строительного института, он пришел в полное восхищение от строительного мастерства жителей древней Ольвии и ее хоры.

По согласованию с автором статьи каменные блоки для реконструкции изготовило и поставило ЗАО «Никстрой». 41 кубометр известняка-ракушечника взяли из слоя, относящегося к мезозойской эре, с 18-метровой глубины. Пришлось проявить немалое мастерство, чтобы вместо обычного камня добыть сотни плит нестандартного проектного размера, самые большие из которых весили до 350 кг. Для этого на карьере была разработана специальная технология, внесены временные изменения в рабочие органы распиловочного комбайна для поставки плит нужного размера. Важно отметить и то, что прочность новогригорьевского камня одна из самых высоких. Подгонку блоков и кладку элементов крепиды искусно выполнили местные мастера из села Парутино, под руководством известного украинского художника Владимира Бахтова, творчество которого насыщено ольвийскими мотивами.

Крепида кургана Зевса

Следует сказать, что примыкающий к городу курганный некрополь площадью около 300 гектаров представляет собой важную часть экспозиции Национального историко-археологического заповедника «Ольвия». Эта территория в свое время получила название «Урочища ста могил». По уровню сохранности некрополь представляет собой уникальное явление среди наиболее крупных античных центров Северного Причерноморья. Его территория после прекращения жизни в Ольвии никогда не застраивалась. В результате до нашего времени сохранилось около сотни курганов различной высоты и площади многих исторических

периодов античной эпохи. Наиболее крупные из них (диаметром более 30 метров) в древности, по-видимому, имели каменные крепиды. Однако, по данным исследователя Уварова, к середине XIX ст. такие стенки сохранились у пяти курганов.

К началу XX ст. сохранился фрагмент лишь одной крепиды — Зевсова кургана, расположенного в центре заповедника. Данная могила с каменным склепом, также открытая Б. Фармаковским, датируется половиной II ст. — половиной III ст. н. э. Именно этот фрагмент крепиды и являлся единственным объектом показа посетителям памятника такого рода. Однако в силу своей фрагментарности он дает слабое представление о монументальности подобного сооружения в целом, имевшего диаметр по крепиде 37 м, высоту каменного «пояса» — 1,68 м. Первоначально насыпь предположительно вздымалась на 14,5 м, осевши к нашему времени вдвое.

Как видим, исследователи Ольвии имели фрагмент крепиды Зевсового кургана и сведения о таких же циркульных каменных декоративных оградах еще у четырех ольвийских курганов, в том числе и на кургане Еврисивия и Ареты, расположенного у входа в заповедник (под ним расположен уникальный двухкамерный каменный склеп, датированный II ст. н. э.). В свое время Борис Фармаковский убедительно сопоставил этот курган со склепом с более ранней находкой – мраморным жертвенным столом с надписью на нем: «*Еврисивий Каллисфенов и Арета Папиева этот памятник соорудили себе при жизни в продолжение 17 дней*».

Итак, перед разработкой проекта воссоздания крепиды ученые и проектировщики имели два объекта для проведения реставрации — Зевсов курган и курган Еврисивия и Ареты.

Курган Еврисивия и Ареты. Вид с востока

Реставрация крепиды и насыпи Зевсова кургана, распологающегося на остатках города более раннего времени, была признана нецелесообразной. Ведь в таком случае, пришлось бы полностью засыпать остатки дома из раскопок 1902–1903 гг. Б. Фармаковского (первый объект профессионального исследования городских слоев Ольвии). Кроме того, состояние сохранившегося фрагмента крепиды Зевсова кургана потребовало бы его полной перекладки, что с учетом реставрации крепиды по всему периметру привело бы к полной утрате аутентичности объекта. И, наконец, восстановление столь внушительного сооружения, в результате чего по сути имели бы «новодел», с учетом расположенных рядом раскопанных остатков жилых домов, алтарей и храмов западного и восточного теменосов Ольвии, существовавших на несколько столетий ранее, привело бы к резкому диссонансу в общей экспозиции музея-заповедника. Лучше сохранить то, что открыли здесь ученые-первопроходцы в исследовании Ольвия.Исходя из этого, почти идеальным объектом для реконструкции стал курган Еврисивия и Ареты. Во-первых, он находится за пределами античного города, однако в начале экскурсионного маршрута. Во-вторых от его крепиды до наших дней на дневной поверхности in situ ничего не осталось, а земляная насыпь не раз была перекопана. Другими словами, вследствие работ по восстановлению крепиды аутентичность строительных остатков не была бы нарушена в силу ее отсутствия. В-третьих, когда крепида кургана Еврисивия и Ареты в свое время упала, ее элементы легли в правильном порядке друг за другом: первой от фасада наружу лежала плита цоколя, затем – блоки из орфостатного ряда, дальше — элементы карниза. Всего археологами было найдено 19 крупных плит. Вот их габариты: карнизы — толщина 25–28 см, длина — до 1,12 м, орфостатные блоки имели соответственно размеры 22–30 см и до 1,34 м. Эти находки были очень ценными, поскольку помогли не только при обосновании реконструкции, но и определении объекта для нее. Коллегиально были приняты решения об установлении всех найденных аутентичных составных крепиды в общем орфостатном ряду крепиды кургана.

В-четвертых, хорошо сохранился двухкамерный склеп с полуцилиндрическими сводами и со ступенчатым дромосом, ведущим в склеп от уровня почти современной дневной поверхности. Этот склеп является наиболее показательной частью экспозиции заповедника и важной составляющей экскурсионного маршрута и реставрация крепиды и насыпи будет способствовать комплексному восприятию подобного погребального памятника.

Изучение данных исследования склепа, сделанных в частности, в начале XX ст. Б. Фармаковским, показало — сама крепида кургана никогда не раскапывалась. В то же время изучение документов свидетельствовало, что в древности курган Еврисивия и Ареты имел стену вокруг своего основания. Однако ее конкретное местоположение, глубина заложения и характер кладки оставались загадками. Чтобы получить ответ на них, было решено провести охранные раскопки по периметру кургана с целью поиска остатков крепиды. В 1990–1991 гг. их осуществила Ольвийская археологическая экспедиция. Ее участники нашли остатки крепиды: отдельные камни, три фрагмента развала от рухнувшего фасада, часть нетронутого фундамента, следы траншей, образовавшиеся после выборок камня (очевидно, жителями Парутино), а также щебеночный отес, образовавшийся при строительстве стенки. Археологи полагали, что причиной первичного разрушения крепиды

мог стать ее распор изнутри насыпью. Не выдержав давления, она рухнула, в результате чего земля прикрыла каменные развалы из плит. Именно это уберегло их от местных жителей, сохранило для науки.

Находки, сделанные уже упомянутой Ольвийской экспедицией 1990–1991 гг., изучение их, а также других материалов, предоставили достаточную информацию для ответа на конструктивные вопросы, связанные с реабилитацией крепиды кургана Еврисивия и Ареты с довольно высокой степенью достоверности. Это — прежде всего местоположение стены в плане и по вертикали, ее общая конструкция, система кладки, высота.

В частности, в 2003–2004 гг., за год до начала проектирования, автором проекта и специалистами Киевского филиала Института «НИИпроектреконструкция» были тщательно исследованы аутентичные остатки фрагментов крепиды кургана Еврисивия и Ареты, вымерены геометрические размеры всех существующих блоков для дальнейшего компьютерного моделирования воссоздания крепиды, выбора технологии монтажа ее составных, вариантно отработанны элементы стыков блоков и тому подобное.

Неоднократно осуществлялось визуальное обследование существующей крепиды Зевсова кургана — праобраза будущего воспроизведения крепиды кургана Еврисивия и Ареты. Было сделано большое количество обмеров и фотофиксаций стыков элементов существующей крепиды для изучения античной технологии возведення таких культовых сооружений массового строительства.

В полевых условиях во время археологических исследований в заповеднике «Ольвия» автором данной статьи было выявлено следующее:

— во-первых, в блоках крепиды как кургана Еврисивия и Ареты, так и блоках крепиды Зевсова кургана, отсутствуют прорезы для установки элементов крепления одного блока к другим;
— во-вторых, в блоках крепид обоих курганов отсутствуют выборки, которые бы создавали «замки» самозакрепления орфостатного ряда;
— в-третьих, щиты обеих крепид по вертикали и горизонтали были значительно стесаны внутрь так, что создавали острый угол при примыкании к ребрам крепиды;
— в-четвертых, кромки щитов орфостатного ряда Зевсова кургана были плотно подогнаны к ребрам крепиды, что дало основание для утверждения, что швы между элементами крепиды отсутствовали.
— в-пятых, характер обработки элементов крепид указывал на то, что каменные блоки были изготовлены явно индустриальным способом при каменоломнях и доставлялись на места строительства в комплекте (об этом могут свидетельствовоть и следы ремонта каменного щита крепиды Зевсового кургана).

Вышесказанное, в частности, стало основой проекта реабилитации крепиды кургана Еврисивия и Ареты и воспроизведения технологии ее возведення.

Воспроизведение технологической карты строительства сооружений типа крепиды Зевсова кургана выдвинуло на повестку дня и проблему: каким образом в античные времена древними зодчими осуществлялась единая целостность крепиды, какой материал соединял эти массивные блоки?

Монтаж фундаментных блоков

Обработка торцов блока на острый угол

Оказалось, что распор от насыпи кургана держали плоские фундаментые плиты, вертикальные ребра которых глубоко входили в тело кургана. Щиты крепиды в определенной степени сдерживали вес насыпи при помощи фундаментных плит снизу и карнизов сверху.

Однако остатков каких-либо элементов крепления блоков между собой не было выявлено ни в крепиде Зевсова кургана, ни в крепиде кургана Еврисивия и Ареты. Инженерные расчеты давали положительный результат прочности крепиды лишь при наличии в швах такой конструкции клеевого заполнителя. В старину таким заполнителем могла быть заливка свинцом. Как свидетельствуют расчеты, при отсутствии такого свинцового крепления крепида могла со временем упасть под напором массы кургана.

Во время установки на заранее смонтированные бетонные фундаменты довольно тяжелых блоков из известняка-ракушечника смоделированная проектировщиками старинная технология позволила рабочим довольно быстро, почти без усилий, четко подгонять их один к другому. Ведь каменщики срезали у щитов не всю вертикальную толщу, а только их острые углы (а это — 1–2 см, не больше). Итак, можно довериться надписи на упомянутом мраморном жертвенном столе, что этот памятник — комплекс кургана Еврисивия и Ареты — действительно был сооружен в течение 17 дней.

По нашему мнению, и в античные времена была возможность доставки на место строительства уже готовых для укладки, заранее заготовленных сборно-разборных каменных конструкций (сооружений). В данном случае, возможно, свод склепа укладывался на естественную опалубку — подготовленный материковый грунт. После возведения склепа грунт из под сводов вибирался. Относительно крепиды, то все ее составляющие блоки (фундаменты, щиты, ребра, карнизы) подвозились на место уже явно готовыми. Оставалось лишь установить их, приладить друг к другу и залить свинцом.

Относительно земляной насыпи кургана, то автор проекта согласился с мнением С. Крижицкого и решил ничего не сочинять, сделав вершину полукруглой. Насыпь кургана крепиды, которая первоначально была срезанной, конусообразной и имела высоту не менее чем 4,5 метра, стала более выразительной и организованной. В то же время, как известно, на вершинах ольвийских курганов могли быть надгробные стелы, алтари, антропоморфные изваяния. Курганы могли иметь и форму конуса. Все это по отдельности встречается при раскопках античных некрополей. Подобные сооружения на вершинах могли иметь относительно большие размеры, чтобы они хорошо просматривались издали.

Таким образом, коллегиально принятое решение относительно восстановления декоративной крепиды вокруг кургана Еврисивия и Ареты с включением в нее всех найденных аутентичных архитектурных элементов древней крепиды, было реализованно. Новые рустованные блоки из известняка-ракушечника были заранее обработаны аналогично блокам Зевсова кургана. При этом аутентичные элементы крепиды не подвергались обработке. Зазоры между ракушечными блоками были минимальными, почти без швов. Новые карнизные плиты выполнялись четко по аналогии профилей аутентичных карнизов.

В связи с тем, что ракушечник по определенным параметрам, прежде всего — высоким уровнем гигроскопичности, не может выполнять роль подпорной

Общий вид кургана Еврисивия и Ареты с новой крепидой

Общий вид кургана Еврисивия и Ареты. Вид с востока

Общий вид кургана со входом в склеп до реабилитации

Общий вид кургана. Вид с востока

стенки, было предложено сначала изготовить и установить ⊥-образный сборный бетонный фундамент по кругу кургана. Затем на внешней полке смонтировать декоративные элементы крепиды с применением современных методов крепления. Грунт основания под крепидой по заключению геологических изысканий позволил установить фундаментные блоки прямо на грунт с мелким заложением на заранее спланированную площадку. Фундаментные блоки между собой скреплялись путём замоноличивания шпонок по их торцам. Для исключения возможного случайного опрокидывания элементов фундамента по верху фундаментных блоков устроено сплошное круговое армирование, закрепленное к монтажным скобам сборного фундамента.

По завершении этих работ пазухи между телом кургана и фундаментом сразу были засыпаны грунтом из отвалов самого кургана. Этим же грунтом надсыпали курган до проектной высоты.

После возведения фундаментов окончательная обработка камня велась во временно организованной мастерской. Прямоугольным ракушечным блокам придавались окончательные формы: боковые края щитов заострялись для дальнейшей подгонки их друг к другу. Выполнялась рустовка камня. Подготовленные блоки подвозились к фундаменту подручным способом. Установка и стыковка ракушечных блоков выполнялись вручную.

Монтаж цокольного ряда ракушечника производился на подушку из цементно-песчаного раствора. При стыковке цокольных блоков вплотную друг к другу образовывался пустотелый сегмент, куда и заливался цементно-песчаный раствор (вместо свинца). Монтаж плит орфостатного ряда крепиды кургана проводился с применением невидимого снаружи цементно-песчаного шва. При этом щиты и ребра орфостатного ряда с торцов внизу дополнительно крепились к цокольному ряду стальной шпилькой вставленной в просверленное под углом отверстие. Таким же способом крепились друг к другу и верхние стороны щитов и рёбер. Образовавшиеся пустотелые сегменты между ребрами и щитами забивались тощим цементно-песчаным раствором. В связи с тем, что ребра орфостатного ряда по глубине превышали толщину щитов, то образовалась пазуха между фундаментом и самим щитом.

После проведения монтажа всего орфостатного ряда образовавшуюся пазуху забили смесью из местного песка и глины. Самые ответственные работы по установке карнизных плит проводились после нивелировки орфостатного ряда. Карнизы укладывались на цементно-песчаный раствор вплотную друг к другу с применением описанного выше незаметного цементно-песчаного шва. Карнизные плиты дополнительно соединялись стальными шпильками как между собой, так и с элементами орфостатного ряда и с фундаментными блоками как мероприятие антивандального характера. Необходимо сказать, что все установленные в крепиду новые каменные блоки были цельными и не имели изъянов очевидно, в виду того, что камня было в избытке. После выполнения всех работ по периметру цоколя была устроена бетонная отмостка как дополнительный антираспорный элемент конструкции в целом. Впоследствии подразумевалась засыпка отмостки местным грунтом с посыпкой из битой керамики античных времён.

Притирка карнизов

Установка карнизов

Установка цокольного ряда блоков

Фрагмент крепиды со встроенными аутентичными блоками

Фрагмент крепиды со встроенными аутентичными блоками

Важно отметить, что во время строительства под крепиду были установлены железобетонные балки длиной шесть метров над дромосом для избежания передачи дополнительных нагрузок на конструкции существующего склепа.

Итак, кропотливая, тяжелая и вместе с тем интересная работа — позади. Крепида возрождена. Насыпь восстановлена. Обновившись, курган над могилой Еврисивия и Ареты как-бы стал моложе на восемнадцать столетий. В дальнейшем планируется реконструкция входа к склепу и реставрация самого склепа Еврисивия и Ареты.

Как мы уже убедились, возведение таких архитектурных сооружений в старину свидетельствует о существовании разветвленной строительной индустрии в городах-государствах Северного Причерноморья. Очевидно, уже тогда массово изготовляли зборно-разборные конструкции из камня «на вывоз», а технологический уровень и культура строительства были достаточно высокими даже за пределами метрополий.

ЛИТЕРАТУРА

Крапивина В.В., Крыжицкий С.Д., Охотников С.Б. и др. 2001: Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Крыжицкий С.Д. 2003–2004: Археологическое обоснование к проекту реставрации кургана над склепом Еврисивия и Ареты в Ольвии // Археологічні дослідження в Україні. Киев, 425–433.

Пичикян И.Р. 1984: Малая Азия — Северное Причерноморье: античные традиции и влияния. М.

Фармаковский Б.В. 1902: Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии // ИАК М., 1–20.

Явінська О.М., Сєров Ю.М. 2007: Новина стародавньої Ольвії: Здійснено унікальний проект реконструкції античного пам'ятника // Науковий світ. Киев. 7; 2, 10–12.

Явінська О.М., Сєров Ю.М. 2007: Реабілітація крепіди кургану Єврисивія та Арети в Національному історико-археологічному заповіднику "Ольвія" // Реконструкція житла: Науково-виробниче видання. Киев. 8, 191–203.

Явінська О.М., Сєров Ю.М. 2008: Унікальний проект реабілітації античної пам'ятки в Ольвії // Відлуння віків. Киев. 1, 20–25.

REHABILITATION OF THE RETAINING WALL OF EURESIBIOS AND ARETHA'S KURGAN IN THE NATIONAL HISTORICAL-ARCHEOLOGICAL RESERVE "OLBIA"

Yu. N. Serov

The article is devoted to rehabilitation of the retaining wall of Euresibios and Aretha's Kurgan, dated to the 2nd c. AD, that is located in the National Historical-Archeological Reserve "Olbia". The article also reveals restoration techniques employed by experts of the Kiev Branch of Research Institute "Proectreconstructsiya".

Key words: Olbia, restoration, rehabilitation.

© 2010

О. М. Ворошилова

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

Работа посвящена обобщению известных на сегодняшний день данных по истории изучения некрополя античного города Фанагории. Составлен перечень проводившихся на некрополе работ за все время его изучения. В результате, на археолого-топографический план к уже известным участкам некрополя, исследованным в XIX–XX вв., добавлены новые, открытые в конце XX — начале XXI века. Производятся подсчеты площадей раскопанных участков с 1936 по 2008 гг., которые указывают на малую изученность древнего кладбища, относительно его больших размеров. Представлена общая сводка найденных на памятнике погребений (около 1300 комплексов), которые подразделены на основные хронологические группы. Также в статье приводится краткий обзор основных публикаций, посвященных некрополю Фанагории, при этом очевидным становится тот факт, что основная масса исследований ограничивается явно недостаточным для полноценного анализа кратким описанием погребений. Столь заметный диссонанс между впечатляющим количеством исследованных погребальных комплексов Фанагории и объемом посвященных ее некрополю публикаций свидетельствует о необходимости изучения не только погребений, открытых в результате раскопок последних лет, но и материалов добытых намного ранее и до сих пор не известных исследователям в должной степени.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, некрополь.

Фанагория, богатый и многолюдный античный город, с трех сторон был окружен некрополем. Его принято делить относительно городища на три основных участка — восточный, западный и южный. Восточный некрополь начинается от городских стен и тянется на 2–3 км вдоль побережья Таманского залива. Западный некрополь также расположен вдоль берега моря и тянется на расстояние около 2 км. Южный некрополь находится у северного подножия горы Майская, а также за ней, где представляет собой двойную цепь курганов, вытянутых к югу — юго-востоку вдоль древней дороги. Эта цепь получила название «аллеи курганов»[1] (рис. 1). Значительная часть территории некрополя не занята современной застройкой и поэтому доступна для научного исследования. Во многом благодаря этому он изучается уже длительное время. Особый интерес в этой связи представляет история исследования этого древнего кладбища, а также те изменения, которые происходили в методике раскопок и подходе к процессу фиксации, описания материала и погребальных сооружений. Не вызывает сомнений, что системное исследование такого насыщенного и огромного по площади некрополя, как фанагорийский, является одним из важнейших условий комплексного изучения древнего города. Без этого невозможно в должной степени реконструировать не только историю города, образ жизни, традиции и обычаи его населения, но и составить представление о его ремесленном производстве, торговых связях.

История раскопок некрополя столицы Азиатского Боспора насчитывает уже не одно столетие. За этот немалый срок многие ученые и просто «любители древ-

[1] Фанагория 2008, 20–21.

ностей» проводили свои изыскания на этом уникальном памятнике. В том или ином виде информация об этих работах присутствует в ряде общих обзоров, посвященных Фанагории в целом: у К. Герца[2], М. М. Кобылиной[3], Я. М. Паромова[4], И. В. Тункиной[5], В. Д. Кузнецова[6], А. П. Медведева[7] и др. Однако специальных исследований по истории изучения некрополя Фанагории до сих пор нет.

Неотъемлемым условием при рассмотрении истории исследования некрополя является локализация его открытых участков на карте. На сегодняшний день наиболее полный археолого-топографический план городища, грунтовых некрополей и некоторых курганов Фанагории выполнен Я. М. Паромовым[8]. Автор на основе аэрофотосъемки, а также в результате проработки архивных и опубликованных материалов, идентифицировал раскопы. Созданная им археолого-топографическая карта взята за основу в нашем исследовании и дополнена новыми участками, открытыми на некрополе с 1992 г. по настоящее время. В работу Я. М. Паромова вошли не все курганные могильники Фанагории. Не так давно вышла в свет публикация того же автора, где дан обзор курганного некрополя Фанагории[9]. Мы в свою очередь кратко остановимся на наиболее известных исследованиях курганов в XVIII–XIX вв. и только некоторые обозначим на плане.

Историю археологического изучения некрополя Фанагории можно разделить на два основных периода:

1 период — с конца XVIII — до 1936 г.

2 период — с 1936 г. — до современных исследований (первое десятилетие XXI в.).

В XVIII и XIX вв. раскопкам подвергались в основном курганные могильники, большинство из которых хорошо видны на местности и сейчас. Этот период характеризуется, прежде всего, тем, что не было совершенной методики раскопок, отсутствовали подробные описания о проведенных работах в дневниках и отчетах. И как справедливо отмечает Я. М. Паромов «…ни один из раскапывавшихся в XIX в. курганов нельзя считать полностью исследованным»[10].

Первые раскопки курганов близ станции Сенной были проведены инженерным генералом Фан дер Вейде (Van der Weide) или Вандервейде[11]. Раскопки кургана проводились им не позднее 1793 г. Самая полная информация о них содержится в книге Э. Д. Кларка. Ученый сообщает, что генерал Ван дер Вейде при помощи солдат гарнизона провел раскопки самого крупного кургана, в котором был открыт двухкамерный склеп. М. И. Ростовцев датировал погребение IV–III вв. до н.э[12]. Это подтверждается находками в склепе чернолаковой керамики («несколько ваз черной глины, окруженных белыми украшениями»). Э. Д. Кларк

[2] Герц 1876.
[3] Кобылина 1956, 5–101.
[4] Паромов 1993, 111–148.
[5] Тункина 2002, 558–583.
[6] Кузнецов 2005, 2007.
[7] Медведев 2009, 167.
[8] Паромов 1993, 111–148.
[9] Паромов 2004, 287–292.
[10] Паромов 2004, 288.
[11] Герц 1876, 5–8.
[12] Ростовцев 1925, 270.

пишет, что солдаты похитили все ценное, а чернолаковые вазы разбили. Ванн дер Вейде удалось сохранить только золотой браслет в виде туловища змеи[13].

С 1836 по 1846 гг. раскопки курганов на территории Таманского полуострова и некрополя Фанагории в частности производил директор Керченского музея древностей А. Б. Ашик. Результаты этих работ мало известны, так как почти полностью отсутствуют журналы и отчеты о раскопках[14].

Из записки Д. В. Карейши «О разысканиях в Черномории»(1839) известно, что бывший атаман казаков полковник Матвеев раскрыл древние могильные насыпи возле Сенной станции, на месте существования древней Фанагории, но кроме жженого праха и «голых остовов ничего не отыскали в гробницах»[15].

Раскопки самого Д. В. Карейши, начатые в 1839 г., 1841–1843 гг., были продолжены в 1845–1847 гг. Он исследовал 34 «смежных» кургана, растянувшихся с севера на юг близ ст. Сенная. В 17-м кургане, в котором ранее атаманом Г. К. Матвеевым был найден обширный склеп, археолог обнаружил две «искусственно высеченные» надгробные плиты с изображением «на одной стороне скифского всадника на коне, на другой — головы мужской фигуры»[16]. Но «гробницу, которую они прикрывали» ему отыскать не удалось[17]. В другом кургане Д. В. Карейша открыл целые ряды амфор, положенных одни над другими. В 1846 г. директор Керченского музея А. Б. Ашик также производил раскопки кургана близ станции Сенной, который был составлен «из огромных раздавленных землею амфор», под ними на материке были зола и истлевшие кости[18].

В 1855 г. раскопки курганов производил К. Бегичев. По мнению Я. М. Паромова, следы этих исследований находятся, вероятно, «по обе стороны дороги от почтовой станции Сенной к хутору П. Д. Семеняки, в начале спуска» [19] (рис. 1. 1а, 1б, 1в, 1г). На этот раз были обнаружены гробницы.[20]

В 1859 г. раскопки курганов близ станции Сенной, у сопки «Блевака», а также далеко к западу от городища Фанагории между хутором Чижевского и Шимарданской бухтой вел К. Герц[21].

С 1866–1868 гг. раскопки курганов Фанагории продолжал А.Е. Люценко. Был исследован «острый курган» к юго-западу от станции Сенной, на расстоянии около километра к югу от хутора П. Д. Семеняки, по правую сторону дороги, «окаймленной двумя рядами могильных насыпей». Он обнаружил здесь «земляные катакомбы» первых веков нашей эры (рис. 1. 2а, 2б). К юго-востоку от сопки «Блевака» им были открыты 2 гробницы XI в.[22]. В 1870 г. «в продолговатой насыпи, лежащей близ станции Сенной, недалеко от Таманского залива... с северной стороны, почти в центре ее, открыты две смежные между собою каменные гробницы, одна

[13] Тункина 2002, 563.
[14] Герц 1876, 14.
[15] Тункина 2002, 578.
[16] Герц 1876, 32–36.
[17] Тункина 2002, 579.
[18] Кобылина 1956, 8.
[19] Паромов 1993, 117.
[20] Кобылина 1956, 8–9.
[21] Герц 1876.
[22] ОАК 1865, VI, VII; 1866, XIII; 1868, IX.

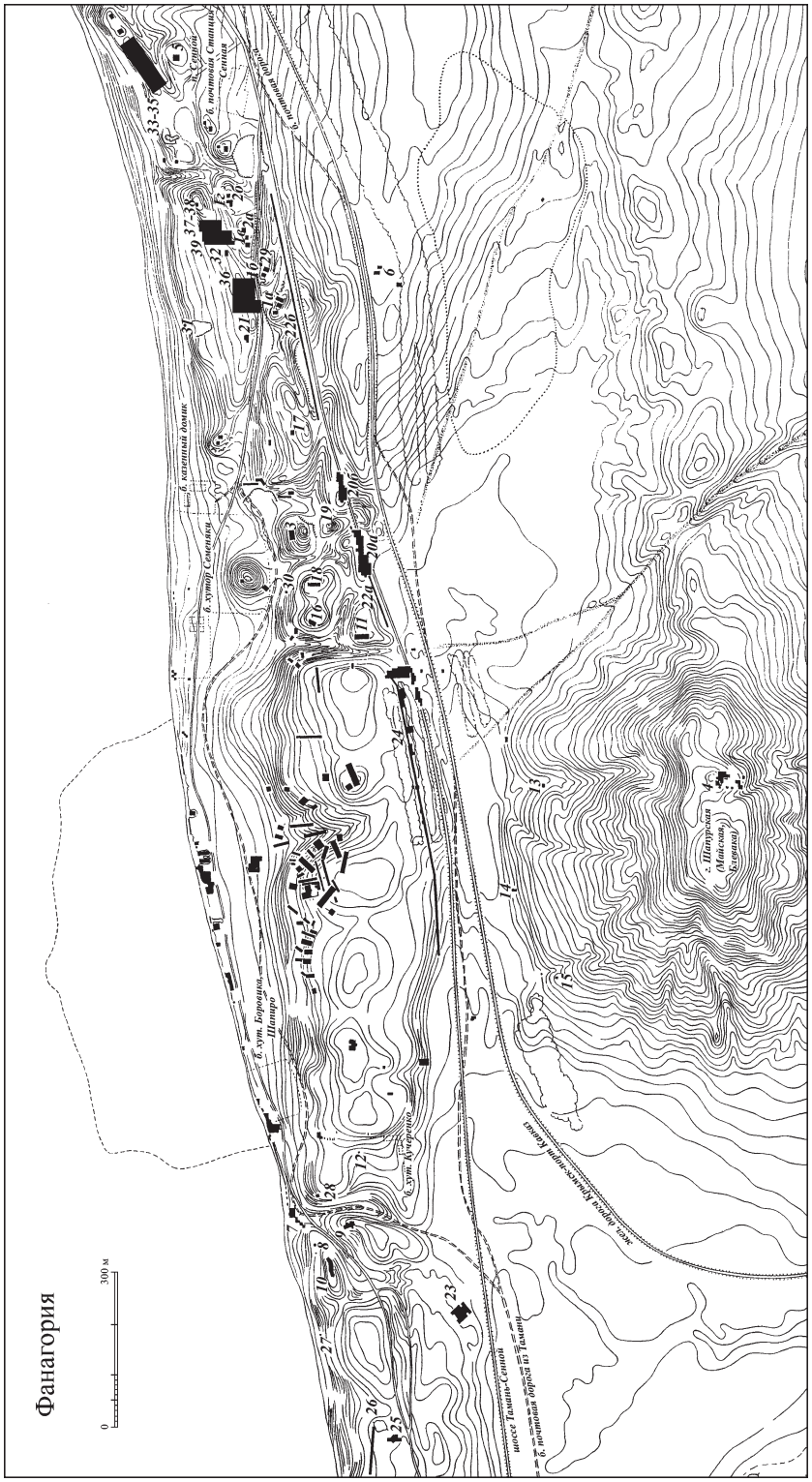
Фанагория
0
300 м
б. каменный домик
б. хутор Семенко
б. хутор Бороздина
Шапиро
б. хутор Кучерова
б. почтовая станция
Сенная
шоссе Тамань-Сенная
б. почтовая дорога из Тамани
жел. дорога Крымск-порт Кавказ
с. Шапорская
(Мейстон
Кордон)

Рис. 1. Карта исследованных участков некрополя Фанагории.[23]
1 а-г – Бегичев К. (1855 г.); 2 а-б – Люценко А.Е. (1865-1868 гг.); 3 – Забелин И.Е. (1870 г.); 4 – Кондаков Н.П. (1885 г.); 5 – Думберг К.Е. (1893 г.); 6 – Думберг К.Е. (1895 г.); 7 – Блаватский В.Д. (1936 г. Некрополь «А»); 8 – Блаватский В.Д. (1937 г. Некрополь «Б»); 9 – Блаватский В.Д. (1938 г. Некрополь «С»); 10 – Блаватский В.Д. (1938-1939 гг. Некрополь «В»); 11 – Блаватский В.Д. (1939-1940 гг. «Восточный некрополь»); 12 - Блаватский В.Д. (1939-1940 гг. раскоп «Д»); 13 - Блаватский В.Д. (1939-1940 гг. «Южный раскоп»); 14 – Кобылина М.М. (1947 г. «Майский II»); 15 – Кобылина М.М. (1947 г. «Майский III»); 16 – Кобылина М.М. (1948 г. холм «Е»); 17 – Марченко И.Д. (1950-1951 гг. холм «З»); 18 - Марченко И.Д. (1950-1951 гг. холм «И»); 19 – Кобылина М.М. (1953 г. холм «К»); 20 а-б – Коровина А.К. (1964-1965 гг.); 21 – Шавырина Т.Г. (1974 г. Некрополь «М»); 22 а-б – Шавырина Т.Г. (1980 г.); 23 – Масленников А.А. (1978 г. «Юго-западный некрополь»); 24 – Долгоруков В.С. (1986-1988 «Южный город»); 25, 26 – Шавырина Т.Г. (1987-1988, 1991-1992, 1994-2000 гг. Могильник МТФ); 27 – Шавырина Т.Г. (1985 г.); 28 – Шавырина Т.Г. (1986-1987 гг.); 29, 30 – Завойкин А.А. (1989 г.); 31 – Беспалый Г.Е. (2001 г.); 32 – Шавырина Т.Г. (2001 «Восточный некрополь»); 33 – Шавырина Т.Г. (2002 «Восточный некро-поль»); 34 – Сударев Н.И. (2003 г. «Восточный некрополь»); 35 – Шавырина Т.Г. (2004 г. «Восточный некрополь»); 36-38 – Медведев А.П. (2005-2007 гг. «Восточный некрополь»); 39 – Шавырина Т.Г. (2008 г. «Восточный некрополь»).В 1874 г. В.Г. Тизенгаузен к востоку от сопки «Блевака», в «аллее курганов» раскопал 8 курганов. В одном из них он обнаружил разрушенный каменный склеп, оштукатуренный и расписанный внутри, а также катакомбы первых веков нашей эры, в другом кургане — «сырцовую могилу», тризну с фрагментами чернолаковой керамики и «черепичную гробницу». Остальные 6 курганов оказались разоренными. Кроме того, В.Г. Тизенгаузен вел раскопки курганов к северо-востоку от почтовой станции[24]. В 1879 г. он же раскопал песчаный курган к западу от городища и нашел здесь 3 впускные могилы, из них одну сырцовую, с чернолаковым сосудом. Раскопаны были также 2 небольших кургана рядом с городищем и 3 кургана к югу от него[25].

в виде саркофага, а другая обыкновенной формы, сложенные из тесанных плит известкового камня»[26]. В 1872 г. он же исследовал «насыпь первого из пепелищ... лежащих близ хутора Шаперова и Семеняки», в верхних слоях которой были раскопаны «пять земляных гробниц, с покойниками без всяких вещей, а в нижних слоях, у самой поверхности материка, черепки от больших глиняных блюд, амфорные ручки» и т.д.[27]. А в 1875 г. А.Е. Люценко открыл 7 курганов к западу от станции Сенной, близ ранее упомянутого хутора, где обнаружил ряд сырцовых и плитовых гробниц классического времени[28].В 1868–1869 гг. В.Г. Тизенгаузен и И.Е. Забелин раскопали в курганах к юго-западу и юго-востоку от Фанагории до 40 гробниц[29]. И.Е. Забелиным открыт ряд погребений, относящихся,

[23] Участки под номерами 1–29 даны по археолого-топографическому плану Фанагории Я.М. Паромова (1993).
[24] ОАК 1874, XVII–XX.
[25] ОАК 1878–1879, XLII–XLIV.
[26] ОАК 1870; 1871, XXXVIII, XXXIX.
[27] ОАК 1872, VIII.
[28] ОАК 1875, XVI–XVII.
[29] ОАК 1869, XV.

по-видимому, к сарматскому периоду[30]. В ОАК за 1869 г., сообщается о раскопах И. Е. Забелиным «земляной гробницы» (склепа) «в одной из сплошных насыпей, покрывающих естественные возвышения, которые тянутся по берегу Таманского залива, к востоку от хутора Семеняки»[31]. Я. М. Паромов предположил, что эти «раскопки производились в средней части нижнего плато городища, в настоящее время сглаженного постоянной распашкой»[32]. В 1870 г. «г. Забелин сделал опыт расследования одного из отдельных материковых холмов, лежащих подле городища с восточной стороны и нашел на нем целое кладбище макрокефалов (рис. 1. *3*). В сделанном им раскопе, по северному скату холма в 50 кв. сажень открыто 16 земляных гробниц»[33].

В 1878 г. и 1880 г. раскопки курганов производил Н.П. Кондаков[34]. Он исследовал «большой курган на юг от Блеваки в низменной равнине». Здесь была найдена земляная гробница «внутри кольца диких камней»; в гробнице обнаружены скелет и кусок красной краски[35]. В 1885 г. Н. П. Кондаков закончил исследование кургана средней величины на сопке «Блевака», начатое в 1869 г. В. Г. Тизенгаузеном[36] (рис. 1. *4*).

В том же 1880 г. С. Веребрюсов раскопал «один из обширнейших курганов к юго-западу от горы Блеваки на плоскости, когда-то окруженной протоком лимана»; было обнаружено 9 амфор, положенных рядом; в западной поле кургана открыта разоренная каменная гробница, от которой осталась только одна плита известнякового камня[37]

В 1893, 1900 гг. исследование некрополя близ станции Сенной и к юго-западу от нее вел К. Е. Думберг[38]. В ходе работ 1893 г. был найден «жженый точек», яма и гробница (рис. 1. *5*). Раскоп обозначен на плане предположительно, так как рядом с бывшей почтовой станцией Сенной есть еще один или два кургана, которые могли быть объектом исследований К. Е. Думберга[39]. При раскопках в юго-западном направлении от станции Сенной было обнаружено 7 земляных гробниц и 5 погребений в каменных ящиках (рис. 1. *6*).

Итак, с конца XVIII в. и весь XIX в. на территории некрополя Фанагории интенсивно проводились раскопки. Однако исследования этого периода отличались слабой документацией, археологические объекты и найденный материал не фиксировались на должном уровне. Большинство отчетов содержит, в основном, только описание места произведенных раскопок и наиболее яркого инвентаря. При этом если в ходе раскопок обнаруживались простые грунтовые погребения, описания ограничивались в основном только количеством могил. Отсутствие в большинстве отчетов рисунков находок, а так же планов погребальных сооружений затрудняет датировку найденных комплексов и тем самым не позволяет

[30] Кобылина 1956, 9.
[31] ОАК 1869, VII, VIII.
[32] Паромов 1993, 121.
[33] ОАК 1870, VII.
[34] ОАК 1878, X.
[35] ОАК 1880, IX–X.
[36] ОАК 1885, XXXIII.
[37] ОАК 1880, XI; Кобылина 1956, 10.
[38] ОАК 1893, 9; 1896, 124.
[39] Паромов 1993, 125.

полученные результаты раскопок ввести в научный оборот. Тем не менее, эти первые исследования некрополя столицы Азиатского Боспора стали основой для его научного изучения в XX в.

Второй период в истории исследования некрополя Фанагории отличается от предыдущего, прежде всего, планомерностью и большей систематичностью производившихся работ. В XX в. обследовались в основном «сплошные могильники», которые интенсивно продолжают изучаться и в настоящее время.

С 1936 — по 1964 гг. исследования велись небольшими площадями. В довоенные годы исследования на некрополе проводились с целью установления примерной границы города и изучения прилегающей к нему территории (В. Д. Блаватский), а с 1947 г. с — целью определения периода использования того или иного участка некрополя.

Впервые научное исследование некрополя начинается в 1936 г., когда под руководством В. Д. Блаватского были заложены раскопы, как на городище, так и на некрополе. В течение нескольких лет (1936–1938) к западу от городища были исследованы участки «А», «Б» и «С» (рис. 1. *7, 8, 9*). В 1938–1939 гг. на вершине высокого холма к юго-западу от «Некрополя А» был изучен раскоп «Некрополь В»[40] (рис. 1. *10*). В 1939–1940 гг. на участках к востоку («Восточный некрополь») и к западу (раскоп «Д») от городища, на нижнем плато г. Блевака («Южный раскоп») также были произведены раскопки[41] (рис. 1. *11, 12, 13*).

В результате исследований довоенных лет были изучены участки на западном, восточном и южном некрополе, где было открыто около полутора сотен погребений, из которых поддающиеся датировке относятся к периоду от позднеархаического/классического времени до средневековья.

С 1947 г. изучение некрополя продолжила М. М. Кобылина: изыскания проводились к югу от верхнего плато городища, на нижних склонах грязевого вулкана Блевака (рис. 1. *14, 15*). Здесь было заложено три раскопа, на двух из них (Майский II, III) было найдено 19 погребений[42]. В 1948 г. М. М. Кобылиной был разбит раскоп (холм «Е») к северо-востоку от верхней террасы городища (рис. 1. *16*). Здесь было обнаружено 34 погребения, 16 из них датируется III –II вв. до н.э., 6 относится к первым векам н.э., в остальных могилах надежно датируемый инвентарь отсутствовал[43].

Продолжением исследования восточного некрополя явились работы под руководством И. Д. Марченко, проведенные в 1950–1951 гг. на двух холмах. На первом (холм «З») было обнаружено 2 погребения без инвентаря и 5 погребений, которые отнесены автором ко II–I вв. до н.э. (рис. 1. *17*). Второй (холм «И») был довольно насыщен, за два года работы на нем было обнаружено 128 погребений, из которых подавляющее большинство составляют могилы эллинистического и римского времени[44] (рис. 1. *18*).

В 1953 г. были доследованы остатки безинвентарного погребения, совершенного в деревянном гробу и перекрытого черепицей. Могила находилась с южной

[40] Блаватский 1940, 291–293; 1951, 191–206.
[41] Блаватский 1940, 298–300; 1951, 210–217.
[42] Кобылина 1947.
[43] Кобылина 1948.
[44] Кобылина 1950; Марченко 1956, 102–127.

стороны холма «К», расположенного рядом с холмом «И»[45] (рис. 1. *19*). В 1955 г. так же был доследован склеп недалеко от хутора Тракторного. Стены однокамерного склепа были сложены из камня, основная масса находок из него относится к IV в. до н.э. Над склепом располагалось погребение II в. н.э.[46].

Начиная с 1964 г. и по настоящее время раскопки на территории некрополя имеют в основном охранно-спасательный характер. Масштабностью выделяются исследования на восточном некрополе под руководством А.К. Коровиной, проводившиеся в связи со строительством шоссе Тамань — Сенной в 1964–1965 гг. Здесь на двух участках было открыто 331 погребение, в основном эллинистического и римского времени[47] (рис. 1. *20а, 20б*). В 1974 г. на длинном пологом возвышении на восточном некрополе Фанагории Т.Г. Шавыриной был разбит раскоп «Некрополь М» (рис. 1. *21*). Исследования производились в связи со строительством напорного коллектора очистных сооружений вдоль того же шоссе. На этой площади обнаружено 5 захоронений, относящихся к эллинистическому и римскому времени, одно из которых, III–II в. до н.э., совершено в каменном ящике и сопровождалось богатым инвентарем. Еще одно захоронение представляло собой разрушенный каменный склеп I–II вв. н.э[48]. А в 1980 г. были предприняты раскопки двух участков севернее шоссе: западного (А), площадью 1000 м^2 и восточного (Б), где площадь не размечалась, так как в этом районе уже проводились земляные работы. На двух площадях было открыто 89 погребений, в большинстве эллинистического времени[49] (рис. 1. *22а, 22б*).

В связи со строительством упомянутого коллектора производились раскопки и на западном некрополе. В 1978 г. к юго-западу от городища был разбит раскоп («Юго-западный некрополь») площадью 850 м^2 (рис. 1. *23*). Исследования выявили здесь 72 погребения, относящихся к эллинистическому времени (18), рубежу эр (14) и первым векам н.э. (13)[50]. В 1979 г. (раскоп «Западный») О.Н. Усачевой исследовано 42 погребения, из них к IV–III вв. до н.э. относится 5 захоронений, к эпохе эллинизма — 20, к первым векам н.э. — 7, дату 10 погребений надежно установить не удалось [51]. Последний участок раскопок не удалось локализовать на карте, в связи с отсутствием точных привязок.

В 1986–1988 гг. на раскопе «Южный город» были исследованы погребения конца VI — начала V вв. до н.э. Открыто 14 захоронений[52] (рис. 1. *24*). Еще два захоронения этого времени обнаружены на восточном некрополе В.Д. Блаватским в 1939 г[53] (рис. 1. *11*).

В 1987–1988, 1991–1992, 1994–2000 гг. производились охранные раскопки на территории западного некрополя Фанагории — Могильник «МТФ» (рис. 1. *25, 26*). Раскопки были вызваны строительством обводной траншеи вокруг молочно-товарной фермы (МТФ), велось контрольное наблюдение за ходом работ и иссле-

[45] Кобылина 1953, 22, 23.
[46] Кобылина 1955.
[47] Коровина 1964, 1–21; 1965; 1967,130–135; 1987, 71–109.
[48] Долгоруков 1974, 9–19.
[49] Шавырина 1980.
[50] Масленников 1978; Шавырина 1983, 69–73.
[51] Усачева 1979.
[52] Долгоруков 1985, 1986, 1987.
[53] Блаватский 1951, 212–214.

дование погребений встречавшихся на площади траншеи. За весь период здесь было открыто 61 погребение и 4 склепа[54].

За годы изучения фанагорийского некрополя на разных его участках в спасательных целях доследовались разрушающиеся погребальные комплексы. Так, в 1975 г. было обнаружено 3 захоронения: одно западнее железнодорожной станции Тамань, второе в районе «Некрополя М» (рис. 1. *21*), третье — к западу от г. Блевака. Все они принадлежат к одному типу захоронений — погребения в каменных ящиках. Отсутствие находок в двух могилах не позволило определить дату их сооружения. Третье погребение относится к эллинистическому периоду[55]. В 1985 г. к западу от «Некрополя В» в обнажениях были расчищены 2 полуразрушенных безинвентарных погребения[56] (рис. 1. *27*). В 1986–1987 гг. к югу от «Некрополя А» на откосе террасы, в обнажениях были раскопаны 5 погребений, датирующихся II — концом I в. до н.э. (рис. 1. *28*) В 1989 г. в обнажениях одного из холмов восточного некрополя, с южной стороны дороги (от бывшей почтовой станции Сенной к бывшему хутору Семеняки) был раскопан наполовину разрушенный земляной склеп, датируемый в пределах второй половины V — первой половины IV вв. до н.э. Погребение полностью уничтожено[57] (рис. 1. *29*). В том же сезоне в нижней части северного ската холма «И» было расчищено позднеантичное погребение, которое оказалось совершенно разрушенным[58] (рис. 1. *30*). В 2001 г. Г.Е Беспалым был доследован хорошо сохранившийся земляной склеп на восточном некрополе Фанагории. В склепе найдено шесть погребений, которые датируются началом — первой половиной II в. н.э[59]. (рис. 1. *31*).

На территории некрополя в этот период производились и исследования курганов. В 1972 г. был раскопан курган, расположенный в 400–500 метрах к востоку от п. Приморский. В центральной части кургана обнаружен склеп, стены которого сложены из камней разного размера, черепицы и битой керамики. Особенностью сооружения являлась роспись, покрывавшая его изнутри и представлявшая собой систему кладки квадров. В процессе выборки склепа выяснилось, что он был ограблен еще в древности, обнаружено множество обломков стеклянных сосудов и ручка амфоры. По находкам и по системе росписи определена дата конструкции — II в. н.э[60]. В 1976–1977 гг. производилось исследование кургана расположенного в 400 м к югу от дороги Сенной — Тамань (напротив МТФ) и в 900 м к югу от берега Таманского залива. В 1976 г. в этом кургане был обнаружен пустой каменный склеп и погребение I в. до н.э. — I в. н.э. В 1977 г. в нем было зафиксировано 13 погребений (одно — III в. до н.э.; два — III–II в. до н.э; одно — II –I в. до н.э.; пять — II в. до н.э.; одно — I в. до н.э.; одно погребение в амфоре и два безинвентарных погребения), а также земляной склеп[61]. В сезоне 1998 г. были предприняты раскопки небольшого кургана, находящегося в цепи курганов (так называемая «аллея курганов») южного некрополя Фанагории. В нем было

[54] Долгоруков 1987, 1988; Шавырина 1991, 2000, 355–366; Кузнецов 1996, 1997, 1999, 2000.
[55] Долгоруков 1975, 25–26.
[56] Архив Фанагорийской экспедиции ИА РАН.
[57] Завойкин 1989, 30–35.
[58] Завойкин 1989, 35–36.
[59] В печати.
[60] Долгоруков 1972, 34–37.
[61] Шавырина 1977.

обнаружено 3 погребения III–IV вв. н.э.[62]. В 2003 г. в целях предотвращения разграбления были предприняты раскопки одного из курганов того же южного некрополя. В центре насыпи обнаружен каменный склеп с уступчатым перекрытием великолепной сохранности[63]. При вскрытии он оказался пустым. На полу была найдена бронзовая монета и фрагменты египетского алабастра. По этим находкам была определена дата погребения — IV в. до н.э.[64].

В последние годы под руководством Т.Г. Шавыриной в 2001–2002 гг., 2004 г., 2008 г., Н.И. Сударева в 2003 г., А.П. Медведева в 2005–2007 гг. на различных участках восточного некрополя было открыто около 230 погребений эллинистического — позднеантичного времени[65] (рис. 1. *32–39*; рис. 2).

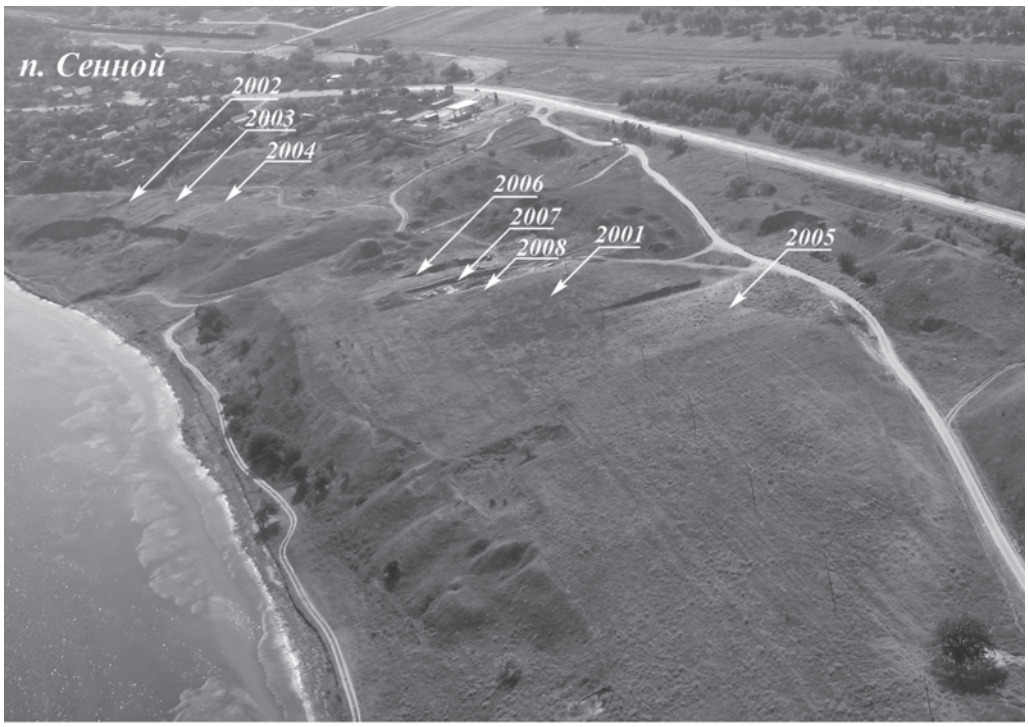

Рис. 2. Исследования последних лет на восточном некрополе Фанагории

Начиная с исследований В.Д Блаватского, в 30-х годах прошлого столетия произошли существенные изменения в самом подходе к методике изучения некрополя. Как правило, работы проводились планомерно и систематично, их неотъемлемой частью стала четкая фиксация погребальных сооружений и инвентаря. В настоящее время благодаря комплексному подходу к исследованиям

[62] Кузнецов 1998.
[63] Кузнецов 2005, 77–93; 2007, 5–15; 2009, 194–198.
[64] Кузнецов 2005, 83–88.
[65] Кузнецов 2002, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008; Сударев 2003.

Фанагории некрополь изучается с применением передовых научно-технических средств и технологий, используемых в археологии.

В результате изысканий, проводившихся с 1936 года на некрополе Фанагории было открыто более 1300 погребальных комплексов (рис. 3). Подавляющее большинство из них составляют погребения римского и позднего эллинистического времени. Довольно значительно количество погребений без инвентаря, которые не поддаются точной датировке. На сегодняшний день на восточном некрополе за все годы исследований вскрыта площадь не менее 12 000 м^2 и открыто около 630 датированных погребений. На западном некрополе исследованная площадь составляет около 5 500 м^2, на которых зафиксировано около 210 погребений, в то время как на южном некрополе раскопано не более 120 м^2 и найдено около 40 захоронений. На территории городища в разные годы было зафиксировано 14 погребений архаического/классического времени и около 70 погребений, вероятно, средневекового времени. Можно отметить, что захоронения классического времени встречены преимущественно на восточном некрополе, а основная масса погребений южного некрополя относится к эпохе средневековья. О закономерностях распределения погребальных комплексов другого времени пока судить довольно сложно. В связи с небольшими объемами (относительно общей площади некрополя) раскопанной части некрополя, однозначных выводов, относительно присутствия/отсутствия той или иной хронологической группы захоронений на отдельном участке памятника, делать не приходится. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в отличие от некрополей подавляющего большинства античных городов Боспора, фанагорийский некрополь вплоть до настоящего времени продолжает активно и комплексно изучаться большими площадями, что, безусловно, позволяет существенно расширить наши представления о нем и о людях его оставивших.

Тем не менее, несмотря на то, что раскопано уже более тысячи погребальных комплексов, о фанагорийском некрополе мы знаем все еще мало. Не в последнюю очередь это обусловлено крайне немногочисленными и выборочными публикациями материалов полученных в результате полевых изысканий. В основном они сводятся к отдельным статьям исследователей, в те или иные годы занимавшихся изучением отдельных участков некрополя. Одним из первых результаты раскопок некрополя опубликовал В. Д. Блаватский. В нескольких статьях приведены итоги работ за 1936–1940 гг[66]. Ученый детально описывает погребения, найденные на разных участках некрополя, датируя по возможности каждую могилу. В конце статей сделаны выводы относительно качества и количества инвентаря, ритуала погребений. Автор выделяет наличие греческих и привнесенных местных элементов в погребальном обряде.

Особого внимания заслуживает большая статья М. М. Кобылиной[67]. В нее вошли результаты раскопок города и некрополя с 1936 по 1953 гг. В исследовании довольно подробно приведена история изучения городища и некрополя на тот момент, описаны различные виды погребальных сооружений, инвентарь, ярко показана взаимосвязь погребального ритуала с уровнем жизни населения города.

[66] Блаватский 1940, 287–300; 1941, 5–62; 1951, 189–226.
[67] Кобылина 1956, 5–101.

М. М. Кобылина отмечает особенности погребального обряда, связанные с негреческим населением. Работа включает хороший иллюстративный материал: планы раскопов, топографический план Фанагории и фотографии наиболее выразительных находок. На сегодняшний день это единственная обобщающая работа по истории столицы Азиатского Боспора.

Раскопкам одного из участков восточного некрополя посвящена статья И. Д. Марченко[68]. Автор приводит описание погребений, анализируя при этом погребальный инвентарь и выделяя различные типы могил. Погребения распределяются им на четыре хронологические группы: III в. до н.э., II в. до н.э., I в. до н.э. — II в. н.э., II — III вв. н.э.

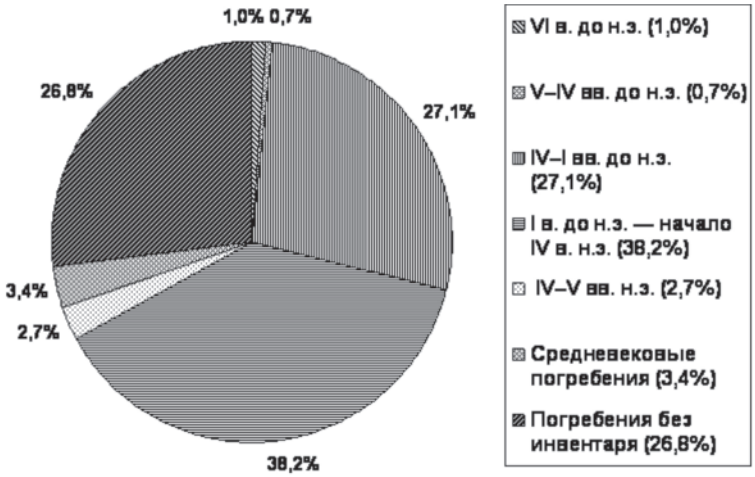

Рис. 3. Диаграмма хронологического распределения погребений некрополя Фанагории

А К. Коровина в своей кандидатской диссертации обращается к исследованиям некрополей азиатской части Боспора, максимально привлекая как дореволюционные, так и новейшие на тот момент материалы при исследовании курганных и грунтовых некрополей Синдики[69]. Погребения, открытые на некрополе Фанагории к моменту подготовки работы, также были проанализированы автором. Исследователь описывает различные типы погребальных сооружений, положение погребенного в могиле, а также сопровождающий инвентарь, делает упор на выделении «местных, варварских» черт в погребениях, отмечает процесс сарматизации населения. Результаты исследования А. К. Коровиной подтвердили мнение большинства исследователей о том, что население Азиатского Боспора было смешенным. В рассматриваемой публикации были обобщены материалы VI–II вв. до н.э. из раскопок некрополей Таманского полуострова. Две статьи А. К. Коровиной посвящены исключительно результатам работ на восточном некрополе Фанагории в 1964–1965 гг.[70]. Автор описывает все найденные погребения, иллюстрируя наиболее показательные комплексы.

[68] Марченко 1956, 112–127.
[69] Коровина 1964.
[70] Коровина 1967, 130–135; 1987, 71–109.

В одной из публикаций Т. Г. Шавыриной описываются работы, проводившиеся на участке юго-западного некрополя Фанагории в 1978 г[71]. Автор анализирует обнаруженные захоронения, разделив их на хронологические группы, при этом описывается погребальный инвентарь, ориентировка, а также отмечаются некоторые варварские черты в отдельных захоронениях, довольно подробно рассматривается символика находок. В другой статье по такому же принципу приводится обзор раскопок западного некрополя за 1991–1999 гг.[72]. В обеих своих работах исследователь, не останавливаясь на подробном описании каждого комплекса, приводит результаты общего анализа обнаруженных захоронений.

Некрополям боспорских городов посвящены две монографии А.А. Масленникова. Автор описывает погребальный обряд, инвентарь некрополей как Европейского, так и Азиатского Боспора в VI–II вв. до н.э. и в I в. до н.э. — IV в н.э. В работах были прослежены изменения в погребальном обряде, ориентировке и типах погребальных сооружений[73]. Оба исследования освещают, прежде всего, этнические аспекты, поэтому автор подробно не останавливается на анализе конкретных погребений и инвентаря. В своих исследованиях А. А. Масленников обобщил и подверг анализу все накопленные на тот момент материалы и данные исследований других авторов.

Я. М. Паромов в своей большой статье «Археолого-топографическая карта Фанагории» описал историю раскопок на территории городища и некрополя Фанагории с 1853 г. по 1992 г. и локализовал их на археолого-топографическом плане.[74]. Ученый кратко привел данные всех известных отчетов, указывая автора раскопа, исследованную площадь, а также количество погребений и их датировку. Данная работа значительно упрощает поиск необходимой информации при изучении некрополя Фанагории и в целом дает представление об истории изучения некрополя. Однако на протяжении 18 лет, прошедших с момента публикации работы Я. М. Паромова, регулярные исследования Фанагории продолжались, в том числе изучены различные значительные по площади участки некрополя с большим числом погребений. Эти участки были локализованы и обозначены нами на археолого-топографическом плане, тем самым дополнив его новейшими данными. В одной из работ последних лет Я. М. Паромов производит общую характеристику исследований курганного некрополя Фанагории[75].

Д. И. Даньшин в своей кандидатской диссертации выделяет так называемые «группы этнокультурных традиций (признаков) в погребальном обряде населения Фанагории»[76]. В рамках каждой выделенной группы автор описывает присущие ей погребальные сооружения, положение погребенного в могиле и инвентарь, при этом привлекает письменные источники и эпиграфические данные для характеристики населения города. В целом, в работе произведен статистический анализ погребений, нет подробных описаний комплексов и инвентаря.

---

[71] Шавырина 1983, 69–73.
[72] Шавырина 2000, 355–366.
[73] Масленников 1981; 1990, 16–70.
[74] Паромов 1993, 111–148.
[75] Паромов 2004, 287–292.
[76] Даньшин 1992.

На сегодняшний день одной из последних обобщающих работ, посвященных боспорским некрополям является кандидатская диссертация Н.И. Сударева о некрополях VI–II вв. до н.э.[77]. В число рассмотренных в ней некрополей, как один из самых крупных, конечно, вошел и фанагорийский. Данная работа посвящена комплексному изучению грунтовых некрополей Боспора с учетом данных раскопок последних десятилетий. Исследование охватывает большой массив материала как Европейского, так и Азиатского Боспора. Автор произвел анализ погребальных сооружений, ориентировки погребенных, инвентаря и его назначения в могиле. К сожалению, результаты этого исследования до сих пор в полной мере не опубликованы.

В последние годы А. П. Медведевым активно вводятся в научный оборот материалы из раскопок восточного некрополя[78]. В своих работах автор особое внимание уделяет позднеантичному некрополю Фанагории. Исследователь рассматривает погребения, которые, по его мнению, имеют варварские черты, подробно описывает конструкцию погребальных сооружений и сопутствующий инвентарь, обращает внимание на «наличие сармато-аланских элементов в культуре и обрядности» погребенного населения на рассмотренном участке некрополя. Наряду с прочим, безусловным достоинством этих работ является полноценная публикация комплексов с общими планами раскопанных участков, чертежами погребений и качественными рисунками всего набора инвентаря.

Из приведенного краткого обзора основных работ, посвященных некрополю Фанагории, можно сделать вывод о том, что публикации сводятся либо к описанию авторами раскопок отдельных участков некрополя, либо являются составляющей более общих работ. При этом основная масса исследований ограничивается явно недостаточным для полноценного анализа кратким описанием погребальных комплексов или вовсе перечислением количества погребений того или иного времени с общим «обзорным» описанием. Иллюстрируются при этом только наиболее яркие находки или захоронения.

Столь заметный диссонанс между впечатляющим количеством исследованных погребальных комплексов Фанагории и объемом посвященных ее некрополю публикаций свидетельствует о необходимости изучения и по возможности введения в научный оборот не только погребений, открытых в результате раскопок последних лет, но и материалов добытых намного ранее и до сих пор не известных исследователям в должной степени. Не вызывает сомнений, что только тщательное изучение всех имеющихся на сегодняшний день погребальных комплексов позволит не только получить важнейшую информацию о погребальном обряде населения крупнейшего города Азиатского Боспора и его изменениях на протяжении веков, но и внести существенные коррективы в реконструкцию истории античной Фанагории в целом, выявить и лучше понять узловые моменты в жизни её населения.

[77] Сударев 2005.
[78] Медведев 2007, 224–229; 2009, 167–182; 2009, 237–250; 2009, 254–259.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1940: Раскопки Фанагории в 1937–1938 гг. // ВДИ. 3–4, 287–300.

Блаватский В.Д. 1941: Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. XVI / Д.Н. Эдинг (ред). М., 5–62.

Блаватский В.Д. 1951: Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19 / В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.). М., 189–249.

Герц К. 1876: Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (с конца XVIII столетия до 1859 года). М.

Даньшин Д.И. 1992: Население Фанагории в I в. до н.э. — IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции): автореф. дис. …канд. ист. наук. М.

Долгоруков В.С. 1972: Отчет о раскопках Фанагории в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4805.

Долгоруков В.С. 1974: Отчет о раскопках Фанагории в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 5712.

Долгоруков В.С. 1975: Отчет о работе Фанагорийской экспедиции // Архив ИА РАН. Р–1. № 4805.

Долгоруков В.С. 1987: Отчет о раскопках в Фанагории в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14259.

Долгоруков В.С. 1985: Отчет о раскопках Фанагории в Краснодарском крае // Архив ИА РАН, Р–1. № 11165.

Долгоруков В.С. 1986: Отчет о раскопках в Фанагории в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14963.

Долгоруков В.С. 1987: Отчет о раскопках в Фанагории в 1987 г. // Архив ИА РАН, Р–1. № 14200.

Завойкин А.А. 1989: Полевой отчет об охранных раскопках на городище Фанагория в полевом сезоне 1988 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14041.

Завойкин А.А. 1990: Отчет о раскопках в Фанагории в 1989 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 14333.

Кобылина М.М. 1947: О работах Фанагорийской экспедиции в 1947 г. // Научный архив ИА РАН. № Р–1. № 150.

Кобылина М.М. 1948: О раскопках в Фанагории в 1948 г. // Научный архив ИА РАН. № Р–1. № 253.

Кобылина М.М. 1950: Отчет о раскопках в Фанагории в 1950 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 504.

Кобылина М.М. 1951: Отчет о раскопках в Фанагории в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 638.

Кобылина М.М. 1951: Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. 19 / В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.). М., 236–240.

Кобылина М.М. 1951: Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 19 / В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.). М., 241–249.

Кобылина М.М. 1953: Отчет о раскопках в Фанагории в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 858, 859.

Кобылина М.М. 1955: Отчет об археологических раскопках в Фанагории в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1420.

Кобылина М.М. 1956: Фанагория // МИА. 57 / А.П. Смирнов (ред). М., 5–127.

Коровина А.К. 1964: Некрополь Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора // Автореферат дисс. …кан. ист. наук. М.

Коровина А. К. 1964: Отчет о раскопках Фанагории в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2914.

Коровина А. К. 1965: Отчет о раскопках некрополей Фанагории и Тирамбы за 1965 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3246.

Коровина А. К. 1967: Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 109, 130–135.

Коровина А. К. 1987: Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. VIII / Н. А. Сидорова, Л. М. Смирнова (ред.). М., 71–109.

Кузнецов В. Д. 1996: Отчет о работе Фанагорийского отряда Таманской экспедиции Института археологии РАН в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 19642.

Кузнецов В. Д. 1997: Отчет Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН за 1996 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20488.

Кузнецов В. Д. 1998: Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 1998 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 21157.

Кузнецов В. Д. 2000: Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 22743.

Кузнецов В. Д. 2005: Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №26303.

Кузнецов В. Д. 2005: Фанагория: новые исследования // КСИА. 219, 77–93.

Кузнецов В. Д. 2006: Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №27163.

Кузнецов В. Д. 2007: Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №27195.

Кузнецов В. Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2, 5–15.

Кузнецов В. Д. 2008: Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2007 г. // ОПИ ИА РАН.

Кузнецов В. Д. 2009: Новые исследования в Фанагориии // АО 190–204.

Кузнецов В. Д. 2009: Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2008 г. // ОПИ ИА РАН.

Марченко И. Д. 1956: Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 57 / А. П. Смирнов (ред). М., 102–127.

Масленников А. А. 1978: Отчет о раскопках юго-западного некрополя Фанагории в 1978 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 8437.

Масленников А. А. 1981: Население Боспорского государства в VI — II вв. до н.э. М.

Масленников А. А. 1990: Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.

Медведев А. П. 2009: Два позднеантичных склепа восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / А. Г. Фурасьев (ред). СПб., 167–182.

Медведев А. П. 2007: Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы междунар. науч. конф. / В. Ю. Зуев (ред.). СПб. Ч. 1, 224–229.

Медведев А. П. 2009: Новые находки терракот в Восточном некрополе Фанагории // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 254–259.

Медведев А. П. 2009: О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // НАВ 10 / А. С. Скрипкин, Л. Т. Яблонский (ред.). Волгоград, 237–250.

ОАК за 1865 г. 1866. СПб.

ОАК за 1869 г. 1871. СПб.

ОАК за 1870, 1871 гг. 1874. СПб.

ОАК за 1872 г. 1875. СПб.

ОАК за 1874 г. 1877. СПб.

ОАК за 1875 г. 1878. СПб.

ОАК за 1878, 1879 гг. 1881. СПб.
ОАК за 1880 г. 1882. СПб.
ОАК за 1885 г. 1891. СПб.
ОАК за 1893 г. 1895. СПб.
ОАК за 1896 г. 1898. СПб.
Паромов Я. М. 1993: Археолого-топографический план Фанагории // БС 2 / Я. М. Паромов (ред.). М., 111–150.
Паромов Я. М. 2004. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / В. Ю. Зуев (ред.). СПб. Ч.1, 287–292.
Ростовцев М. И. 1925: Скифия и Боспор. Петроград.
Сударев Н. И. 2004: Исследования некрополя Фанагории в 2003 г. // АО, 287–288.
Сударев Н. И. 2004: Отчет о раскопках Восточного некрополя Фанагории в 2003 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 26869.
Сударев Н. И. 2005: Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.
Тункина И. В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России. СПб.
Фанагория по материалам Таманской экспедиции ИА РАН. 2008 / В. Д. Кузнецов (ред). М.
Усачева О. Н. 1979: Отчет о результатах раскопок Западного некрополя Фанагории в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 8036.
Шавырина Т. Г. 1977: Отчет о работах, выполненных некропольским отрядом Фанагорийской экспедиции летом 1977 г. // Архив Фанагорийской экспедиции.
Шавырина Т. Г. 1980: Отчет о результатах работ некропольского отряда Фанагорийско-Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1980 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 8234.
Шавырина Т. Г. 1983: Раскопки Фанагории в 1978 г. // КСИА. 174, 69–73.
Шавырина Т. Г. 1991: Исследования некрополя Фанагории (западный участок) на территории «МТФ» совхоза «Приморский» // Архив ИА РАН. Р–1. № 16867.
Шавырина Т. Г. 2000: Раскопки западного некрополя Фанагории // ДБ 3 / А. А. Масленников, А. А. Завойкин (ред.). М., 355–366.
Шавырина Т. Г. 2002: Раскопки северо-восточного некрополя Фанагории в 2001 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 22477.

THE HISTORY OF PHANAGORIAN NECROPOLIS STUDY

O. M. Voroshilova

The article is a survey of the recorded history of Phanagorian necropolis study. The author presents a list of all the jobs done at the necropolis during its study period, which resulted in adding to the archeological-topographical map of new sections discovered at the turn of the 20th c. alongside the sections known from the 19th c. Results of the author's estimation of the excavation area during the period of 1936–2008 show that the ancient cemetery is far from thoroughly investigated in view of its largeness. There is a summary of discovered burials (about 1300 complexes) that fall into principal chronological groups. The article also presents a review of the principal publications concerning Phanagoriat necropolis highlighting the fact that the majority of publications are limited to a brief description of burial places, which is far from sufficient for an adequate analysis. Such a huge gap between an impressive number of explored burial complexes in Phanagoria and a number of publications devoted to its necropolis points to

the necessity of studying both recently excavated burials, and much earlier acquired materials that are still little known to researchers.

Key words: Bosporus Cimmerian, Phanagoria, necropolis.

© 2010

П. Б. Уваров

«ДЕДУКТИВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» КАК ПРИНЦИП ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: СУЩНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

В статье констатируется методологический кризис современной исторической науки. Автор связывает его с недооценкой возможностей дедуктивной логики исследования. Исходя из этого, автор развивает в статье новый методологический принцип «дедуктивной археологии». Автор обосновывает эпистемологическую основу предлагаемого принципа, условия применения, а также формализует конкретный операционный алгоритм для использования в исторических исследованиях.

Ключевые слова: дедуктивная археология, «образ истинности».

Кризис современного исторического познания, остаточно активно обсуждаемый со второй половины XX века, на наш взгляд, связан с фундаментальными недостатками методологического свойства, вытекающими из господства исключительно индуктивистской (приоритет единичных фактов над общими положениями) исследовательской логики, следствием чего является размывание представления о предмете и рост интерпретационного произвола. Более подробно об этих сторонах современной методологии истории мы говорили в статье «Проблемы современного исторического познания»[1].

Отсутствие строгой дедуктивной теории в структуре исторической науки является той проблемой, которая, на наш взгляд, нуждается в неотложном решении, если научное историческое сообщество желает сохранить свои когнитивные претензии и не отказывается от своих социальных обязательств, превращаясь в корпорацию свободных художников-концептуалистов.

На наш взгляд, историческая наука имеет возможности преодоления кризисной ситуации без культивирования эскапистских настроений и минимизации исследовательских претензий за счет обращения к дедуктивной методологии постижения прошлого. Индуктивный метод исторического познания не оставляет для концептуальных обобщений никакой иной опоры, нежели свойства личности и виды ее активности. Поэтому исторические концепции данного типа в той или

[1] Уваров 2002, 46–58.

иной степени основываются на представлениях о социальной актуализации человеческой естественности (природности): представление об экономике как движущем факторе исторического развития; ведущая роль социальных противоречий; формула исторического прогресса как превращенная способность человека к видовому эволюционированию и т.д. При этом недостаток данных обобщений в большей степени связан не с их содержательной стороной, а с тем уровнем объяснения исторической действительности, на который они претендуют. Ни один разумный историк не будет спорить с тем, что экономические отношения и материальные интересы весьма влиятельны в исторической жизни людей, точно так же как явления социальной конкуренции, особенно в их конфликтной заостренности. Главный недостаток подобных исторических объяснений действительности заключается в том, что они объясняют ее в определенном, а не в предельном смысле. Они основываются на:

1. выявлении важной, значимой стороны действительности, способной оказывать серьезное влияние на человеческое сообщество;

2. абсолютизации этой стороны;

3. попытке придать ей статус общеисторического детерминирующего начала.

Например, наиболее влиятельное в настоящий момент экономическое объяснение социально-исторических процессов может непротиворечиво функционировать только при весьма серьезных системных допущениях: 1) выхолащивание человеческой личности до «человека экономического»; 2) игнорирование существования в истории обществ «неэкономического» типа, что крайне сложно из-за их доминирования как в пространственном, так и в хронологическом плане; 3) «обреченность» на редукционистские по своему характеру интерпретации реальности.

Напротив, строгая дедуктивная интерпретация может быть основана только лишь с опорой на максимально предельные категории исторического бытия, в идеале имеющие статус источника, первоначала, Абсолюта, включающего в себя все частные, частичные, фрагментарные интерпретации реальности без качественного ущерба для них (в виде искажения или деформации их внутренней структуры). Более того, дедуктивный взгляд на историческую действительность обязывает соблюдать принцип выводимости любого разнообразия исторической явленности из абсолютной полноты первопричины, бесконечной в своих потенциальных приложениях. Только в этом случае историческая наука получит надежные основания для производства точного научного знания, а не очередной интерпретации в виде произвольно сочетаемых фрагментов реальности.

В очерчивании нового типа исторической археологии мы будем опираться на принципиальные разработки классиков научной эпистемологии, таких как К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд. Наиболее очевидный «карт-бланш» для концептуальных инноваций дает такой глубокий и одновременно эксцентричный эпистемолог как П. Фейерабенд, выработавший концепцию «методологического анархизма». В концентрированном виде суть ее заключается в том, что «существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития — допустимо все»[2]. Этот универсаль-

[2] Фейерабенд 1986, 159.

ный принцип он разъясняет следующим образом: «Такая либеральная практика есть не просто факт истории науки — она и разумна, и абсолютно необходима для развития знания. Для любого данного правила, сколь бы «фундаментальным» или «необходимым» для науки оно ни было, всегда найдутся обстоятельства, при которых целесообразно не только игнорировать это правило, но даже действовать вопреки ему. Например, существуют обстоятельства, при которых вполне допустимо вводить, разрабатывать и защищать гипотезы ad hoc, гипотезы, противоречащие хорошо обоснованным и общепризнанным экспериментальным результатам, или же такие гипотезы, содержание которых меньше, чем содержание уже существующих и эмпирически адекватных альтернатив, или просто противоречивые гипотезы и т.п.»[3]. П.Фейерабенд, как никто другой, почувствовал условность методологических стандартов современной индуктивной науки и, что вполне логично, условность самой науки как познавательной системы и социального института. При любой критике методологической позиции П. Фейерабенда можно согласиться с главной его посылкой: история современной науки и научного метода, если строго соответствовать их реальному, а не сглаженному опыту, не дает никаких оснований объявлять что-либо недопустимым в смысле концептуального производства, либо находящимся за гранью «нормальной науки». Более того, он утверждает, что «научное исследование всегда нарушает важнейшие методологические правила и не может осуществляться без этого»[4], а «наука является гораздо более «расплывчатой» и «иррациональной», чем ее методологические изображения. И они служат препятствием для ее развития, поскольку, как мы видели, попытка сделать науку более «рациональной» и более точной уничтожает ее. Следовательно, различие между наукой и методологией, являющееся очевидным фактом истории, указывает на слабость последней, а также, быть может, на слабость законов разума»[5]. П. Фейерабенд прямо указывает: «Построение теории включает в себя разрушение объектов здравого смысла и объединение их элементов иным способом»[6]. Под «здравым смыслом» в большей степени подразумеваются не обычная житейская разумность, а сложившаяся, существующая в режиме инерции научная парадигма.

В интересующем нас контексте стоит выделить размышление П. Фейерабенда (вслед за Р. Хортоном) о природе теоретического построения: «Поиск теории есть поиск единства, лежащего в основе видимой сложности. Теория помещает вещи в каузальный контекст, который шире каузального контекста здравого смысла: и наука, и миф надстраивают над здравым смыслом теоретическую структуру»[7]. Именно «надстраиваемая структура» позволят нам создать новую каузальную целостность, делающую возможной применение дедуктивного метода в истории. Таким образом, с точки зрения методологического подхода одного из классиков современной научной эпистемологии, наша попытка создания дедуктивной археологии выглядит вполне легитимной.

---

[3] Фейерабенд 1986, 154.
[4] Там же, 253.
[5] Там же, 321.
[6] Там же, 452.
[7] Там же, 452.

Философский экспрессионизм П. Фейерабенда, на наш взгляд, может быть дополнен близкими ему по духу, но более осторожными методологическими суждениями Т. Куна. Рассматривая исследовательскую парадигму как некую «дисциплинарную матрицу», Т. Кун выделяет в ее рамках определенный «набор предписаний» или «компонентов матрицы», главными из которых он считает:

1) «Символические обобщения» («используемые членами научных групп без сомнений и разногласий»; «которые имеют формальный характер или легко формализуются»; «внешне напоминают законы природы»; «только благодаря общему признанию выражений, подобных этим, члены научной группы могут применять мощный аппарат логических и математических формул в своих действиях по решению головоломок нормальной науки»[8]);

2) «Метафизические части парадигм» («общепризнанные предписания»; «убеждения в специфических моделях»; «они снабжают научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами»[9]);

3) «Ценности» («наиболее глубоко укоренившиеся ценности касаются предсказаний: они должны быть простыми, не самопротиворечивыми»; «наука должна (или не должна) быть полезной для общества»; «ценности могут быть общими для людей, которые в то же время применяют их по-разному»[10]);

4) «Образцы» («конкретное решение проблемы»; «признанные примеры»[11]).

Вообще, именно методология исторического исследования давно уже нуждается в столь же четкой, строгой парадигматике, какую предлагает Т. Кун. Предлагаемая нами дедуктивно-археологическая методология вполне соответствует куновским требованиям:

1) Наличие понятийно-категориального аппарата, разделяемого научным сообществом (государство, общество, власть, экономика, право, культура и т.д.);

2) Наличие специфической дедуктивной модели исторического процесса, «на основе критерия, который лежит всецело вне сферы нормальной науки, и именно это обращение к внешним категориям с большой очевидностью делает обсуждение парадигм революционным»[12]. Таким критерием является представление о том, что организующим и движущим началом истории оказывается точка зрения человека и общества на то, что считать фундаментальным основанием Бытия (определенностное религиоцентристское или неопределенностное, безрелигиозное, секулярное). При этом религиоцентристсткое основание в дедуктивной археологии используется вполне позитивно, так как основывается вовсе не на утверждении бытия Божия, а на феномене существования религиозных обществ (цивилизаций), для которых Бог был такой же реальностью, как законы рынка для современного человека. В этом случае наука обязана подходить к оценке этих обществ адекватно, то есть вне зависимости от того, верит лично тот или иной ее представитель в факт бытия Божия. Если вдуматься, то это вполне позитивистское требование к работе ученого;

---

[8] Кун 1975, 230.
[9] Там же, 230–231.
[10] Там же, 235.
[11] Там же, 232–233.
[12] Там же, 144.

3) Предельная лояльность к общенаучным методологическим ценностям (нормам), согласующуюся с корпоративными и общественными функциями любого исследования (прозрачность, общедоступность, возможность автономного от автора существования, отсутствие скрытых допущений и т.д.);

4) Дедуктивная методология в наибольшей степени нацелена на принцип выводимости и алгоритмизации исследовательских действий, производство «образцов» решения научных проблем.

Объективность требует учесть, что методология науки разрабатывается применительно к пространству точных наук, имеющих возможности неограниченного экспериментирования, оснащенных приборами и точнейшими расчетными системами. Способность истории в ее претензиях на научность связана с тем, что среда «исторического» и среда «физического» принципиально отличаются друг от друга. Среда «физического», «природного» — это среда тотального соответствия единичного массовому при соблюдении параметров той или иной ситуации. Среда «исторического» очевидно менее детерминирована и, в связи с этим, просчитываема, а значит, более ориентирована на произвольность. Препятствием для наличия дедуктивных теорий и применения дедуктивных методов являются вариативность, сложность, случайность человеческого поведения, относительно автономного от тотальности, свойственной природной среде. Отчасти с этим можно согласиться, хотя здесь видится и терминологическая путаница. Вряд ли можно отрицать наличие сходства и даже типичности поведения людей в определенных условиях. Другое дело, что поведение людей, их поступки никогда не будут конгруэнтны в геометрическом смысле этого термина. Правда, картезианский индуктивизм постоянно пытался и пытается до сих пор «стянуть», сузить реальную вариативность человеческого личного и исторического поведения за счет систем детерминаций, максимально приближенных к элементарным природным и физиологическим факторам (например, к инстинктам). Практика наблюдений за поведением человека (и человеческих сообществ) легко опровергает попытки инстинктивного, физиологического детерминизма — в одних и тех же условиях, близкие по статусным характеристикам люди ведут себя по-разному, и иногда кардинально по-разному.

Кстати, можно предложить посмотреть на вариативность человеческого поведения в исторической и обыденной реальности, его индетерминизм не как на «трудность» исторической науки и признак ее несовершенства, а как на своеобразную «подсказку», своеобразный сигнал для исследователя о том, что неудовлетворительна сама парадигма, ориентирующая историческую науку на подход, заставляющий видеть специфику исторической активности человека в единственно доступной для индуктивной методологии сфере природно-физиологического. При этом историк не должен опасаться за статус своих научных занятий из-за отсутствия в пространстве его дисциплины жесткого, тотального детерминизма. В современной методологии науки позиции жесткого детерминизма даже в естественно-научной парадигматике серьезно поколеблены и подвержены корректировке (например, в квантовой физике). К. Поппер в своей работе «Квантовая теория и раскол в физике», вышедшей в 1982 г., так определил свое методологическое

кредо: «Я исхожу из реальности, состоящий из предрасположенностей, и тем самым соединяю позиции детерминизма и индетерминизма»[13]. В другом месте своей работы он добавляет: «Когда первоначальная детерминация <…> разрушается, нам приходится работать с категорией возможности»[14]. В связи с этим важным фактором, служащим науке, он считает создание и выдвижение «метафизических исследовательских программ», основанных на принципах пропенситивной интерпретации (интерпретация предположительности). Суть этого методологического подхода к пониманию действительности он формулирует следующим образом: «Метафизическая программа пропенситивной интерпретации может быть суммирована на выразительном языке ионийской космологии словами: «Все есть предрасположенность». В терминах же Аристотеля она, вероятно, будет звучать следующим образом: «Быть — значит быть актуализацией предыдущей предрасположенности к становлению и быть предрасположенностью к становлению»[15]. Наиболее значимыми чертами таких исследовательских программ можно считать следующие:

1. Непроверяемость и неопровержимость (в позитивистском смысле). (К. Поппер: «Они были высоко спекулятивными и первоначально непроверяемыми. Обо всех таких программах говорится, что в них больше от мифа, от мечты, чем от науки. Но они помогали науке, отдавая ей свои проблемы, цели и вдохновение»[16]);
2. Возникают из общих представлений, обобщений;
3. Предполагают значительную опору на интуицию;
4. Несут объединяющую картину мира (К. Поппер: «Подлинное предназначение метафизика… состоит в том, чтобы собирать все истинные знания о мире (не просто научное знание), составляя объединяющую картину, которая, вероятно, просветит его и других и однажды станет частью более содержательной, лучшей, более истинной картины. Критерий, таким образом, в своей основе тот же, что и в науке»[17]);
5. Должны вести к постановке новых проблем, либо к переоценке старых;
6. Чаще имплицитно присутствуют в теориях, установках и суждениях исследователей;
7. Аккумулируют предыдущие исследовательские программы, уточняя их.

Интересно, что К. Поппер не считает, что неопровержимость исследовательских метафизических программ является препятствием для ее рационального обсуждения в научном сообществе: «Ее можно рационально обсуждать только по отношению к той проблемной ситуации, к которой она привязана. Любое критическое обсуждение теории состоит в оценке, насколько хорошо она решает свои задачи, насколько лучше она это делает, чем различные конкурирующие теории, не создает ли она еще большие трудности, чем те, которые с ее помощью были разрешены, достаточно ли просто ее решение, насколько обсуждаемая теория продуктивна в обновлении задач и их решений и смогли бы мы когда-нибудь опро-

[13] Поппер 1998, 130.
[14] Там же, 144.
[15] Там же, 159.
[16] Там же, 119.
[17] Там же, 165.

вергнуть ее путем эмпирической проверки. Последнее, разумеется, не относится к случаю метафизической теории»[18].

Дедуктивно-археологический метод полностью соответствует требованиям, выдвинутым К. Поппером для метафизических исследовательских программ, свидетельством чего является предлагаемый текст. Данный метод, на наш взгляд, выдерживает сравнение с конкурирующими теориями исторического процесса, в том смысле, который предполагается К. Поппером: «Сравнивать следовало бы их в отношении простоты, когерентности, объединяющей способности, апелляцией к интуиции и, самое главное, продуктивности»[19].

Перейдем к непосредственной систематической характеристике предлагаемого нами принципа, применение которого позволяет исторической науке действовать не только индуктивно, но и дедуктивно, а значит, иметь теоретическую основу в такой же степени, как и точным наукам. Сама по себе дедуктивность как методология исследования исторической действительности возможна при следующих условиях:

1. Наличие объективной предельности в форме качественного Абсолюта, по отношению к которому все многообразие актуальной, в том числе исторической, действительности оказывается распределенной предрасположенностью. Притом, отсутствие такого качественного Абсолюта также может служить основанием исторической дедукции. Проблемой современной методологии истории является не-разграниченность понятий «предельного» и «произвольного» допущений. На наш взгляд, предельное допущение «схватывает» пространство изучаемого полностью и полно, принимая форму бинарных, взаимоисключащих и взаимосвязанных абсолютных оснований и в своей взаимосвязанности исчерпывает онтологическую сущность предмета/объекта (Бог есть/Бога нет; в мире есть смысл /в мире нет смысла и т.д.)

2. Возможность осознавать наличие объективной предельности и вытекающих из ее природы предрасположенностей;

3. Способность сознательной деятельности в соответствии с постигнутой предрасположенностью.

Если наличие перечисленных условий теоретически возможно, то также теоретически возможна исследовательская дедукция в истории как адекватный отпечаток объективной логики самого исторического процесса.

Попробуем от теоретического перейти к практическому обоснованию возможности применения дедуктивно-исторического метода в науке:

1. В истории вполне возможна опора на предельные допущения по поводу фундаментальных оснований бытия (объективная реальность). Либо мы допускаем, что история имеет смысл, цель, направленность и качественность (меру соответствия), и тогда мы, по определению, вынуждены допускать наличие внешнего, трансцендентного начала, позволяющего нам оперировать перечисленными понятиями; либо история бессмысленна и, в конечном счете, представляет одну из сторон естественно-природного, самодостаточного процесса, субъективно высвеченного человеческим сознанием. С точки зрения научной позитивности оба до-

[18] Поппер 1998, 154.
[19] Там же, 154

пущения как предельны, так и неопровержимы по своей природе, а значит, могут сохранять функцию теоретической, ориентирующей модели миропорядка. Минимальная научная добросовестность требует хотя бы осознания объективности данной предельной оппозиции;

2. Признание и учет наличия сознания, как возможности и условия воспринимать мир, является минимальным основанием для личной и исторической активности человека (субъективная предельность). Мы утверждаем, что субъективной исторической первичностью (естественно, без учета объективной первичности метафизических допущений) оказывается осознание человеком (как в личном, так и в коллективном измерении) собственного существования (самоосознание). Над этим объективным уровнем «исторического» неизбежно надстраивается уровень постижения существования как постижения содержания окружающей действительности. Вечность этого уровня «исторического» подтверждает на страницах своего исследования «Эпохи и идеи» известный историк и методолог М. А. Барг: «Поразительно, до чего схожи были от одной эпохи к другой вопросы, волновавшие человеческий ум, и до какой степени различались дававшиеся на них ответы. <…> О вопросах, над которыми задумывались племена — создатели петроглифов — наскальных изображений (примерно 5000 лет тому назад) в районе р.Амур, академик А. П. Окладников писал: «Вдумайтесь только, какими вопросами интересовались герои их преданий: как образовалась Вселенная? Как появились люди на Земле, в чем смысл их жизни?»[20]. Кроме того, универсальность этого состояния человечества фиксировал и К. Манхайм в своих «Эссе о социологии культуры»: «Как бы ни различались между собой люди разных эпох, они задают себе одни и те же вопросы, касающиеся их самих — им хочется знать, как думать о себе, чтобы действовать. Какое-то представление о мире и о себе, пусть и несформулированное, сопровождает каждое наше движение. Вопрос «Кто мы такие?» — задавался всегда, но всегда опосредованно, в связи с различными проблемами, в силу которых такие вопросы и возникают»[21]. Безусловно и вполне логично, что именно драматичность, проблемность самоосознания повлекли за собой необходимость постижения окружающей человека (и человеческое сообществ) реальности.

В свою очередь, несомненная сложность отношений с реальностью, предопределяет наличие в статусе важнейшего и необходимого, «рабочего образа действительности», функцией которого, совершенно по К. Манхайму, оказывается сопровождение «каждого нашего движения», чтобы придать ему личную и историческую осмысленность. Принципиально важным является то, что «рабочий образ действительности» оказывается следствием экзистенциального выбора личности, связанного с принятием того или иного предельного допущения по поводу фундаментального основания Бытия. Именно здесь осуществляется ключевое для личной и исторической активности человека овладение, «пропитка» тем или иным вариантом объективной метафизической предельности субъективной предельности человеческой личности. Именно через человека метафизическое допущение обретает вполне реальное, предметное существование и, по сути, перестает быть

[20] Барг 1987, 3, 8.
[21] Манхейм 2000, 95.

допущением (например, сообщество верующих взаимодействует с миром таким образом, что делает для позитивного исторического знания функционально бессмысленным вопрос о реальности бытия Божия).

«Рабочий образ действительности», или форма теоретического и практического (функционального) отношения к реальности экзистенциально необходим для человека и человеческих сообществ. Это связано с тем обстоятельством, что любой индивидуум, не прояснивший для себя (с любой степенью отчетливости, осознанно или неосознанно) сущностные основания бытия, не может сделать «ни шагу» в окружающем его мире. Любые неимпульсивные действия человека и коллективов свидетельствуют о наличии у них, как минимум, «рабочего образа действительности»;

3. В дальнейшем, экзистенциальный выбор личности, ответственный за наличие первоначального «рабочего образа действительности», корректируется и закрепляется в элементарном социальном общении, приобретая качество «образа истинности». Главное отличие «образа истинности» от «рабочего образа действительности» является высокий уровень осознанности норм использования его в социальной реальности (отрефлексирован в понятиях «принципы», «кредо», «правила», «нормы» и т. д.). Отличительными чертами образа истинности являются:

а) устойчивость;

б) низкая пластичность (т. е. сниженная способность к трансформациями и деформациям);

в) относительная независимость от самой действительности.

В соответствии со сказанным, «образ истинности» можно определить как мировоззренчески отрефлексированный и закрепленный образ действительности, поведенческое основание для сознательной личной и исторической активности. Уровень исторического становления, связанный с кристаллизацией «образа истинности» как историко-социальной значимости, отмечен закреплением его именно в элементарном социальном общении (семья, родственные, соседские, дружеские отношения и т. д.) «Образ истинности», в нашем понимании, весьма близок таким достаточно активно используемым в современной науке понятиями, как «историческое сознание», «картина мира», а в чем-то синонимичен им.

При определенном содержательном сходстве предложенного нами понятия «образ истинности» и понятий «картина мир/ментальность» можно вычленить и существенное, до принципиального, расхождение.

Начнем с того, что «картина мира» в приведенных нами концептуальных высказываниях «формируется», «задается» либо социальной/этнической общностью, либо исторической эпохой. В нашем понимании, «образ истинности» задается экзистенциальным выбором личности (личностей) того или иного метафизически предельного допущения по поводу природы бытия. Именно этот выбор, соединяющий личность и метафизически предельное допущение в нерасторжимое и неопровержимое единство сам порождает такие абстракции как «общество», «этнос», «культурно-историческая эпоха» и т. д., а также возможность дедуктивного подхода к истории.

Без большого риска ошибиться можно предположить, из каких важнейших составляющих элементов состоит «образ истинности». Здесь можно согласиться с точкой зрения М. А. Барга о том, что структура «исторического сознания» в его

реальности состоит из «совокупности ответов», полученных в рамках той или иной культурно-исторической эпохи» на сущностные вопросы о природе бытия[22]. На наш взгляд, перечень этих вопросов достаточно устойчив, и тесно связан с допущением того или иного варианта метафизической предельности — как устроен мир; как устроено общество; какой тип поведения является максимально адекватным; в чем смысл жизни.

Важно учитывать, что экзистенциальный выбор личности и обретение ею «образа истинности», как правило, происходит постепенно, неосознанно. Человек вообще может не рефлексировать на эту тему, но, тем не менее, обладать сложившимся «образом истинности». По сходной модели происходит для индивидуума овладение родным языком. Практически никто не вспомнит этого в процессуальном смысле: человек просто заговорил, но подсознательность, незаметность процесса сочетается с безусловной реальностью результата. Также реально у каждого человека объективно существует «образ истинности», даже если он об этом субъективно не подозревает. Очень точно пишет об этом А. Я. Гуревич: «В известном смысле любого человека можно уподобить мольеровскому Журдену, которому вдруг открыли глаза на то, что он всю жизнь говорил прозой… Так же обстоит дело и с «картиной мира». Она есть у каждого человека, существует в нем, а сам человек вне ее не существует… «картина мира», присущая данной человеческой общности, присутствует в сознании человека, или, лучше сказать, в подсознании, потому что человек, как правило, не осознает ее. Можно сказать: он ею обладает, но он ее не знает. Дело в том, что не столько человек обладает этой картиной мира, сколько она сама как бы владеет им»[23]. Единственное, что хотелось бы добавить к этой замечательной характеристике, так это то, что человек не столько «не знает», сколько не отдает себе отчета о наличии у себя определенного «образа истинности»;

4. Именно наличие «образа истинности» как фактора предопределяет и обеспечивает личную и коллективную активность человечества в истории через этап выбора жизненной цели (или этап целеполагания) и способов ее воплощения в различных сферах деятельности.

Для того чтобы перейти от анализа фундаментальных оснований (в методологическом смысле, условий) исторического процесса к тому, что мы, собственно, и привыкли называть историей, нам важно уловить, за счет чего этот переход становится возможным. Какова природа воздействия, превращающая внутренний выбор человека в образ реальности? Чтобы перейти к этому вопросу, приведем высказывание выдающегося специалиста по исторической и социальной психологии средневековья П. М. Бицилли из его работы «Элементы средневековой культуры»: «В праве и в морали, в религии и в искусстве, в устроении своего гражданского и государственного быта, своего домашнего обихода — субъект раскрывает себя, воплощает во внешних формах свою внутреннюю сущность»[24] Можно легко заменить понятие «внутренняя сущность» «образом истинности», потому что именно «образ истинности» ответственен за, пользуясь вновь словами

[22] Барг 1987, 3.
[23] Гуревич 1998, 226–227.
[24] Бицилли 1995, 11.

П. М. Бицилли, «направленное волей созидание ценностей, отвечающих поставленным личностью целям»[25].

Таким образом, индивидуум собой, своим индивидуальным выбором «проецирует» метафизическую предельность в мир, тем самым овеществляя, опредмечивая ее, делая ее ключевым элементом исторической реальности, несмотря на ее эмпирическую неуловимость. Если мы не учитываем опосредованного влияния на историю предельных метафизических допущений, натурализуемых нашим сознанием, то мы оказываемся заложниками вульгарных, и, самое главное, весьма уязвимых представлений о материально-физиологическом детерминировании исторического процесса;

5. Проекционистская активность как активность личностная и коллективная необходимым следствием имеет формирование коммуникативного пространства. Коммуникация (коммуникативное пространство) понимается нами как результат согласования проекционистских активностей индивидуумов в отношении «образа истинности». Именно проекционистский характер взаимодействия носителя «образа истинности» с действительностью актуализирует проблему взаимосогласованности множества индивидуальных проекций. Коммуникации осуществляются не сами по себе, а в связи с осуществлением некоего проекта, для достижения некой цели. В идеале нет бесцельной коммуникации. Еще в «Политике» Аристотеля указано на функциональную природу коммуникативных процессов: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения»[26]. Целью коммуникации является воплощение, насколько это возможно, «образа истинности» в окружающей действительности. Именно это, осознанно или неосознанно, подразумевается как «благо» в аристотелевском смысле. Все богатство и разнообразие опосредований активности человека по отношению к действительности составляет коммуникативное пространство. Достижение определенного «образа истинности» предполагает согласованное взаимодействие в сфере поддержания физического существования (хозяйство, экономика), в сфере упорядочивания и организации форм существования (политика, власть), в сфере непосредственной поведенческой активности (социальность) и т.д. Поэтому экономика, политика, социальные отношения, культура и т.д. являются только отдельными (частными), специализированными формами коммуникации, играющими подчиненную роль в достижении ее главной цели — воплощение в действительности того или иного «образа истинности». Наше утверждение о первичности коммуникативного над, например, экономическим, подтверждает простой, каждому понятный пример. До овладения языком общения той или иной страны (хотя бы на самом примитивном уровне) совершенно невозможна целенаправленная, самостоятельная, результативная деятельность в любой из сфер жизни общества. Установление социальной коммуникации, овладение ее техникой

[25] Бицилли 1995, 12.
[26] Аристотель 1984, 376.

и приемами неизбежно предшествует каким-либо экономическим, политическим или социальным манипуляциям. Легко понять, что люди с различными «образами истинности» совершенно по-разному будут воплощать свою активность в экономической, политической, социальной или культурной сферах, начиная от целей участия, и заканчивая средствами и методами, которыми они позволят себе воспользоваться.

К сожалению, историческая наука начинает фиксировать пространство своего предмета только с уровня частных форм коммуникации (экономика, властные отношения, социальность и т. д.), одновременно придавая им статус первичных и системообразующих. Это приводит не только к заведомо унылому индуцированию как методу исторического познания, но и к таким весьма негативным следствиями для нормального понимания прошлого как: а) снижение представлений о внутренней мотивации человеческого поведения; б) упрощение, редукция высших, сложных по своему характеру исторических явлений к элементарным; в) нарушение реального масштаба соотношений между историческими феноменами (своеобразная историческая «аберрация зрения»); г) пронизанность исторической науки принципами вульгарных материализма и рационализма.

Можно предложить следующую модель истории как специфического сегмента действительности (желательно представлять эту модель в трехмерном пространстве, чтобы учитывать не только пространственную, но и временную, «поколенческую» составляющую): а) расположенные в пространстве «исторического» элементы-индивидуумы. Они представляют собой субъекты — носители определенного «образа истинности», в соответствии с осуществленным экзистенциальным выбором; б) индивидуумы (и коллективы индивидуумов) осуществляют историческую активность в форме проекции «образа истинности» на действительность (проекционизм). Проекция должна рассматриваться в единстве двух функций: 1) активной, формирующей реальность в соответствии с имеющимся эталоном, «образом истинности»; 2) пассивной, учитывающей свойства действительности и могущей корректировать в определенных пределах сам «образ истинности»; в) проекционистская активность неизбежно порождает возникновение устойчивого взаимодействия индивидуумов — коммуникаций, коммуникационного пространства; г) складывается определенный тип коммуникации в виде господства разделяемого всеми или большинством «образа истинности» (по большому счету либо религиоцентристский, либо природоцентристский; оттенками и нюансами на данному уровне обобщения можно пренебречь). Этот базовый для исторического процесса тип коммуникации по своей природе может быть назван «*коммуникацией смысла*». Интересно, что индикатором складывания данной коммуникации, свидетельством ее *оформления* оказывается появление языка как средства межличностного общения. Появление такой формальной конвенциональной системы как язык, безусловно, дает «сигнал» о том, что в некоем сообществе сложилась доминирующая точка зрения по поводу природы Бытия; д) в соответствии с установившимся типом коммуникации организуются все ее отдельные, частные формы (их характер, правила, пределы допустимой активности, представления об уровне автономности от цели общей коммуникации и т. д.). Именно так позиционированы в истории различные специфические взаимосвязи (экономика, политика, социальность, культура). При этом важно не забывать, что

эта трехмерная модель окажется бесплодной абстракцией, если не учитывать, что все это многообразие частных актуализаций имеет свое основание в изначальной метафизической полноте (допущении). Именно это дает нам основание и возможность использования дедуктивной методологии постижения истории во всем многообразии ее частностей. Дедуктивный метод оказывается полностью соответствующим модели истории как сегмента действительности. Между внутренней сущностью истории и принципом ее постижения нет противоречия. В данном случае методология полностью соответствует архитектонике изучаемого.

От обоснований возможности теоретического и практического применения дедуктивно-исторического метода перейдем к попыткам выстраивания его конкретного алгоритма употребления.

Мы видим следующую *последовательность методологических операций* в реальном историческом материале:

1. Определение типа господствующего «образа истинности» в рамках той или иной цивилизации (общества, культуры, эпохи). В некотором смысле предлагаемое нами понятие «образа истинности» сходно с понятием «габитус», используемым еще О. Шпенглером и актуализированное Н. Элиасом и, в особенности, П. Бурдье. В первую очередь, «габитус» понимается как порождение социальных, материальных условий существования, тем самым замыкая «историческое» человека на него самого, отрывая его от трансцендентности личного выбора метафизической предельности. Единственное, что сближает понятие «габитуса» и «образа истинности» — это видение истории как безусловной цельности, порожденной как цельность, предопределенной к этому, и сама порождающая стилевое подобие составляющих ее элементов друг другу. Понятие «образа истинности» более объемно, способно включать в себя понятие «габитуса» в качестве материально-социального контекста, объединяющего частные формы коммуникации;

2. Выявленный определенный тип «образа истинности» позволяет нам дедуцировать (или «расшифровать») внутреннее строение анализируемой целостности (цивилизация, общество, культура, эпоха и т.д.) на основе идеи «морфологического сродства», впервые последовательно и развернуто сформулированной О. Шпенглером в работе с красноречивым подзаголовком «Очерки морфологии мировой истории». Понятие «морфологическое сродство» прямо связано с понятием «габитуса», который «охватывает в существовании целых культур всю совокупность жизненных выражений высшего порядка», определяя сродство их форм в символическом смысле: «Кому известно, что существует глубокая взаимосвязь форм между дифференциальным исчислением и династическим типом государства эпохи Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства посредством железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и хозяйственной системой кредита?»[27]. Этот шпенглеровский вопрос–утверждение основывается на аксиоматичности того, что любое направленное, осознанное (а в некотором смысле, и неосознанное) действие человека и общества стремится максимально соответствовать принципиальному «образу истинности» (т.е.

[27] Шпенглер 1993, 133.

предельному основанию бытия), а также воплощать его в действительность. При этом критерий соответствия заключается в максимальной выраженности в том или ином явлении, форме, сфере генетического родства с экзистенциальным допущением, метафизическим первоначалом. Поэтому, в любой сфере религиоцентристского по типу «образа истинности» общества мы обнаружим явную сориентированность на сакральные, надличностные основания. В свою очередь, с такой же последовательностью мы обнаружим сориентированность любой сферы природоцентристского общества на естественные, рациональные, антропоцентристские основания. «Морфологическое сродство» между принципом организации верховной власти и, например, приоритетным типом поведения заключается в том, что и то, и другое логически последовательно выводится из совершенно определенного «образа истинности»: в связи с этим историческое дедуцирование дает нам образ нормы, порядка, а индуцирование — образ частности, исключения, даже казуса, что также важно для истории, но только в подчиненном, служебном виде, а не в качестве системообразующего знания;

3. Знание доминирующего типа «образа истинности» и предопределяемого им внутреннего строения анализируемой целостности создают возможность для устойчивого, нерелятивного и, как ни странно это звучит (точнее, непривычно), вполне позитивного объяснения (интерпретации) любого отдельно взятого фрагмента исторического прошлого во всей его конкретности (фрагмент «прописывается» в абсолютном историческом масштабе). На этом уровне происходит взаимодействие возможностей дедуктивного и индуктивного метода исследования, когда информационный массив исторической конкретики (факты) проходит осмысляющую экспертизу со стороны дедуктивно полученных фундаментальных параметров, определяющих исторический процесс в целом. В первую очередь, мы получаем возможность оценивать смысловую сторону поведения человека в истории не в несколько вульгарной причинно-следственной форме, а в связи с четким представлением о фундаментальных принципах пространства, в котором он свободно действует. В таком случае историк не упрощает человека, а учитывает присущую ему свободу воли и возможность выбора. В абсолютной системе координат, создаваемой дедуктивно-археологическим принципом, каждый поступок человека получает возможность быть оцененным не произвольно-субъективно (на что обрекает историков индуктивизм), а относительно предельных, абсолютных, неподвижных смысловых начал. Иными словами, если индуктивизм «улавливает» исторического человека, упрощая его, превращая в функцию, отсекая способность к свободному вариативному поведению, то дедуктивность фиксирует человека в истории за счет наличия, при всем разнообразии человеческой активности, четкого, устойчивого, безотносительного оценочного пространства. Выявление такого пространства — один из главных результатов применения нового метода познания исторической реальности.

Когнитивные возможности дедуктивной методологии связаны с моделью исторического процесса, основанной на предельных абсолютных основаниях в форме корректных допущений. Предложенный нами методологический подход, точнее, комплекс методов, учитывает архитектонику «исторического» так, как мы ее увидели. При этом мы не только сделали попытку обоснования теоретического и практического применения дедукции в историческом познании, но и предло-

жили конкретный алгоритм использования метода в отношении к исторической реальности. Сформулированный подход апробирован нами в монографии «Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции», и является одним из организующих методологических принципов ежегодной конференции «Традиционные общества: неизвестное прошлое»[28].

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1984: Соч.: в 4 т. М. Т.4.

Барг М. А. 1987: Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.

Бицилли П. М. 1995: Элементы средневековой культуры. СПб.

Гуревич А. Я. 1998: Культура средневековья и историк конца XX века // История мировой культуры. Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение / С. Д. Серебряный (отв.ред.) М., 210–318

Кун Т. 1975: Структура научных революций. М.

Манхейм К. 2000: Избранное: Социология культуры. М.; СПб.

Поппер К. Р. 1998: Квантовая теория и раскол в физике. М.

Уваров П. Б. 2005: Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.

Уваров П. Б. 2002: Проблемы современного исторического познания // Проблемы российской истории / В. А. Токарев (гл.ред.), Магнитогорск, 46–58.

Фейерабенд П. 1986: Избранные труды по методологии науки. М.

Шпенглер О. 1993: Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. Т.1.

«DEDUCTIVE ARCHEOLOGY» AS A PRINCIPLE OF HISTORICAL KNOWLEDGE: ESSENCE AND COGNITIVE CAPABILITIES OF RECONSTRUCTION OF THE PAST

P. B. Uvarov

Methodological crisis of a modern historical science is ascertained in this article. The author connects it with underestimation of possibility of deductiv logic of research. Proceeding from it, the new methodological principle of “deductive archeology» is developed in the article. The author justifies epistemological foundation of proposed principle, application conditions, and also formalizes a concrete operational algorithm may be using in historical research.

Key words: deductive archeology, verity image.

[28] См.: Уваров 2005.

© 2010

Н. И. Храпунов

О МОНЕТАХ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОЗЁРНОЕ III

В статье рассматриваются восемь монет, найденных в могильнике Озёрное III в юго-западном Крыму. Сармато-аланский некрополь датируется III–IV вв. н. э. Семь погребальных сооружений раскопали в 1963–1965 гг. Н. А. Богданова и И. И. Лобода. Всего найдено три серебряные римские монеты середины III в. и пять бронзовых монет 308–324 гг. Показаны сходства и различия использования монет в погребальном обряде в сравнении с синхронными крымскими могильниками.

Ключевые слова: археология, римские монеты, могильники, Крым.

Могильник Озёрное III раскопан на территории нынешнего села Скалистое Бахчисарайского района Крыма. Его исследовали в 1963–1965 гг. Н. А. Богданова и И. И. Лобода. Были открыты три склепа, подбойная и три грунтовые могилы. Результаты исследований опубликовал И. И. Лобода.[1] Некрополь датируется III–IV вв. н.э. Принадлежал он, по всей вероятности, сарматам и аланам.

Среди разнообразного погребального инвентаря обнаружено три серебряные и пять бронзовых римских монет. В публикации И. И. Лобода указал, что это серебряные монеты Гордиана (238–244 гг.), Севера (244–249 гг.) и Траяна (249–251 гг.) — имеются в виду, конечно же, Гордиан III, Отацилия Севера и Траян Деций, — а также четыре экземпляра бронзовых монет Константина I (306–337 гг.) и бронзовая монета Лициния Старшего (308–324 гг.).[2] К сожалению, ни более подробных описаний, ни изображений монет в публикации нет. Находки из могильника Озёрное III переданы в Бахчисарайский историко-археологический музей (ныне — заповедник). В 1991 г. пять бронзовых монет были украдены, однако в архиве отдела охраны памятников Заповедника хранится альбом к отчету о раскопках могильника с качественной фотографией четырех бронзовых монет. Три серебряные уцелели и находятся в отделе фондов.[3]

Осмотр серебряных монет показал, что одна из них определена неверно. Кроме того, можно уточнить определения и датировки монет, для пропавших — с помощью фотографии из альбома к отчету и отчасти — описаний в книге поступлений Заповедника. Наконец, сравнение монет из некрополя Озёрное III с монетами из других крымских однокультурных некрополей может оказаться полезным для понимания особенностей поступления денег к местным варварам и некоторых черт погребального обряда.

Все монеты чеканены на территории Римской империи. Их описания расположены в приблизительном хронологическом порядке. В отличие от нумизматических каталогов, описания сделаны как можно более подробными, поскольку

[1] Лобода 1977.

[2] Там же, 251.

[3] Я очень признателен И. И. Лободе за любезное разрешение воспользоваться материалами его исследований, а также сотрудникам Заповедника О. Н. Алпашкиной и И. И. Неневоле за помощь в работе с материалами в фондах и архиве отдела охраны памятников.

в данном случае монеты рассматриваются как археологические находки. В скобках после порядкового номера приводится инвентарный номер Заповедника. Для серебряных монет указана проба, определенная Заповедником при апробации.

При описании легенд использованы следующие условные обозначения: угловые скобки <> — буква не сохранилась, восстановлена; круглые скобки () — буква сохранилась частично, восстановлена; тире — разрыв легенды; точка в легенде означает, что данное слово сокращено. Л. с. — лицевая сторона, о. с. — оборотная сторона, д. — диаметр монеты, с. о. — соотношение осей (по циферблату часов).

На рисунках приводятся снимки монет, указанные номера соответствуют номерам в каталоге. Поскольку сохранность монет в большинстве случаев далека от идеала, фотографии даны с увеличением.

* * *

1 (КП–294). Склеп № 1, погребение 1.[4]

Определение: Филипп I Араб. Недатированный выпуск, 244–247 гг. Место чекана: Рим. Серебро. Номинал / тип: антониниан.[5]

Л. с.: Бюст императора, в лучистой короне и кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Точечный (?) ободок.

О. с.: Фигура Анноны (олицетворяла урожай зерна), в рост, задрапированная, в головной повязке, влево, в левой руке держит рог изобилия, в протянутой вперед правой — три колоска, слева у ног — *модий* (мера объема). Вокруг надпись: ANNONA AVGG. Точечный (?) ободок.

Сохранность: хорошая. На поверхности многочисленные расчесы. Края обрезаны неровно, в них выщерблины. Д.: 23–25 мм. Вес: 4,38 г. Проба: 700/750. С. о.: 12:11.

2 (КП–295). Склеп № 1, погребение 1.[6]

Определение: Отацилия Севера (супруга Филиппа I Араба). Недатированный выпуск, ок. 244–246 гг. Место чекана: Рим. Серебро. Номинал / тип: антониниан.[7]

Л. с.: Бюст императрицы в диадеме, задрапированный, вправо, на полумесяце. Вокруг надпись: MARCIA O(T)ACIL. S(E)VERA AVG. Точечный (?) ободок.

О. с.: Фигура Конкордии (олицетворяла согласие), задрапированная, сидит на кресле влево, в правой протянутой вперед руке держит патеру, в левой — двойной рог изобилия. Вокруг надпись: CONCORDIA AVGG. Точечный ободок.

Сохранность: хорошая. На поверхности многочисленные расчёсы. Отчеканена на овальной заготовке. Края обрезаны неровно. Д.: 21–25 мм. Вес: 3,19 г. Проба: 700/750. С. о.: 12:4.

---

[4] Лобода 1977, 242, 251.

[5] Аналогии: Mattingly, Sydenham, Sutherland 1949, 71 no. 28c; pl. 5.13; Фролова, Абрамзон 2003, 131 № 15, 22; табл. 35.1,4.

[6] Лобода 1977, 242, 251.

[7] Аналогии: Mattingly, Sydenham, Sutherland 1949, 83 no. 119b.

Рис. 1. Монеты из могильника Озёрное III. Серебро

Рис. 2. Монеты из могильника Озёрное III. Медь (по фотографиям из отчёта И. И. Лободы)

3 (КП–296). Склеп № 1, погребение 1.[8]

Определение: Траян Деций. Выпуск 249–251 гг. Место чекана: Рим. Серебро. Номинал / тип: антониниан.[9]

Л. с.: Бюст императора, в лучистой короне и кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: IMP C. M. Q. TRAIANVS D(E)CIVS (AVG.). Точечный (?) ободок.

О. с.: Фигура обнаженного Гения в рост, влево, на голове — высокая шапка (*полос*), в левой руке держит рог изобилия, в протянутой вперед правой — *патеру*. Справа — штандарт. Вокруг надпись: (GENIVS EXER)C. (ILLVR)ICIANI.

Сохранность: л. с. хорошая, о. с. удовлетворительная. На поверхности многочисленные расчёсы. Отчеканена на овальной заготовке, края обрезаны неровно. Д.: 21–23 мм. Вес: 3,55 г. Проба: 700/750. С. о.: 12:12.

4 (КП–5836, Б–354; украдена в 1991 г.). Склеп №1, на полке у северной стены.[10]

Определение: Константин I Великий. Выпуск ок. 312–313 гг. Место чеканки: Фессалоника. Номер мастерской: 2. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[11]

Л. с.: Бюст бородатого императора, в лавровом венке и кирасе, задрапированный, вправо. Вокруг надпись: (IMP.) <C. CO>NSTANTINVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура обнаженного Юпитера в рост, влево, с хламидой на левом плече, левой рукой опирается на скипетр, в правой держит Викторию на сфере, которая увенчивает его венком: слева у ног — орел влево, голова вправо, с венком в клюве. Вокруг надпись: IOV(I C)O(N)SERVATORI AVGG. NN. В обрезе: •TS•B•. Точечный ободок.

Сохранность: хорошая. Края обломаны (пострадала часть легенды). Д.: 25 мм. С. о.: 12:6.

5 (КП–5836, Б–352; украдена в 1991 г.). Склеп №1, на полке у северной стены.[12]

Определение: Константин I Великий. Выпуск 313–317 гг. Место чеканки: Никомедия. Номер мастерской: 2. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[13]

Л. с.: Бюст бородатого императора (в лавровом венке?) вправо. Вокруг надпись: <IMP. C. FL. VAL.> CONSTANTINVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О. с.: Фигура обнаженного Юпитера в рост, влево, с хламидой на левом плече, левой рукой опирается на скипетр, в правой держит Викторию на сфере, которая увенчивает его венком: слева у ног — орел влево, голова вправо, с венком в клюве. Справа в поле вертикально литеры: N || B. Вокруг надпись: IOVI CONS–ERVATORI. В обрезе: SMN. Точечный ободок.

---

[8] Лобода 1977, 242, 251.

[9] Аналогии: Mattingly, Sydenham, Sutherland 1949, 122 no. 16c; pl. 10.12; Фролова, Абрамзон 2003, 149–150 № 23–30; табл. 46.7–10.

[10] Лобода 1977, 243, 251.

[11] Аналогии: Sutherland 1967, 519 no. 61b; Robertson 1982, 196 nos. 268, 269; pl. 51.269.

[12] Лобода 1977, 243, 251.

[13] Аналогии: Bruun 1966, 601 no. 14; Robertson 1982, 204 no. 326; pl. 52.326.

Сохранность: хорошая. В краях выщерблены, часть легенды л. с. стерто. Д.: 22 мм. С. о.: 12:12 (?).

6 (КП–5836, Б–355; украдена в 1991 г.). Склеп №1, на полке у северной стены.[14]

Определение: Константин I Великий. Выпуск 311–317 гг. Место чеканки: Никомедия или Кизик. Номер мастерской: 6. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[15]

Л.с. Бюст бородатого императора, в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: IMP. C. FL. VAL. C<ONSTA>(N)TINVS P. F. AVG. Точечный (?) ободок.

О.с. Фигура обнаженного Юпитера в рост, влево, с хламидой на левом плече, левой рукой опирается на скипетр, в правой держит Викторию на сфере, которая увенчивает его венком: слева у ног — орел влево, голова вправо, с венком в клюве. Справа в поле литера S. Вокруг надпись: <IOVI> CONS–<ERVATO>(RI). Точечный (?) ободок.

Сохранность: удовлетворительная. Края обломаны, поверхность потерта (утрачена часть легенды, в т. ч. знаки в обрезе). Д.: 19 мм. С.о.: 12:12.

7 (КП–5836, Б–353; украдена в 1991 г.). Склеп №1, на полке у северной стены.[16]

Определение: Константин I Великий. Выпуск 311–324 гг. Медь (бронза). Номинал: фоллис.[17]

Л. с.: Бюст бородатого императора, в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: IMP. C. FL. VAL. CONSTANTINVS < P. F. AVG.> Точечный ободок.

О. с.: Фигура обнаженного Юпитера в рост, влево, с хламидой на левом плече, левой рукой опирается на скипетр, в правой держит Викторию на сфере, которая увенчивает его венком: слева у ног — орел влево, голова вправо, с венком в клюве. Вокруг надпись: IOVI CONS<ERVATORI…>. В обрезе: …H(?)… Точечный ободок.

Сохранность: удовлетворительная. Отчеканена на заготовке неправильной формы. Часть изображений на л. с. и о. с. уничтожена коррозией. Д.: 22 мм. С. о.: 12:6.

8 (КП–5836, Б–362; украдена в 1991 г.). Склеп № 2, погребение.[18]

Определение: Лициний I Старший (308–324 гг.). Медь (бронза). Номинал: фоллис (?).[19]

---

[14] Лобода 1977, 243, 251.

[15] По сочетанию сохранившихся изображений на л. с. и о. с. это может быть один из следующих вариантов: Sutherland 1967, 566 no. 69c; pl. 13.69c (нет мастерской S); Sutherland 1967, 592 no. 91b (нет мастерской S); Bruun 1966, 601 no. 12 (= Robertson 1982, 204 no. 323; pl. 52.323); Bruun 1966, 643 no. 3 (= Robertson 1982, 207 no. 353). Изображение Юпитера больше напоминает монеты Кизика.

[16] Лобода 1977, 243, 251.

[17] Монеты с таким соотношением изображений и легенд чеканились в 311–324 гг. Если в обрезе о. с. сохранилась литера H, то это чеканка Гераклеи, выпуск 313–314 гг. (Sutherland 1967, 541 no. 75; Bruun 1966, 542 no. 5).

[18] Лобода 1977, 245, 251.

[19] Поскольку не сохранилось изображения монеты, определить место и время выпуска невозможно. В инвентарной книге Заповедника есть описание, согласно которому легенды л. с. и о. с. не читаются. Непонятно в таком случае, почему монета приписана именно Лицинию.

Л. с.: Бюст императора вправо (?).[20] Вокруг нечитаемая надпись.

О.с.: «Стоящая влево фигура. Правая рука приподнята и согнута в локтевом суставе, левой держит или опирается на предмет удлиненной формы». Возможно, это тип IOVI CONSERVATORI с изображением Юпитера, как на остальных бронзовых монетах из могильника. Вокруг нечитаемая надпись.

Сохранность: ?. Отчеканена на заготовке неправильной формы. «Загрязнена, сильно потерта». Под изображением императора («в нижней части») — отверстие удлиненной формы (для подвешивания?). Д.: 20 мм.

* * *

Рассматривая использование монет в погребальном обряде, нужно помнить, что в некрополе Озерное III открыто всего семь погребальных сооружений на весьма значительной площади — 2000 м^2. Не вполне понятно, ограничивался ли памятник этими могилами, или были еще другие, не исследованные археологами. В последнем случае из-за небольшого количества открытых погребений статистика по монетам может не вполне отражать реальную ситуацию.

Данные о монетах из Озерного III можно сравнить с другими крымскими могильниками III–IV вв., то есть с теми, которые или пережили «готские походы» середины III в., или возникли после них. Монеты найдены в сармато-аланских некрополях Дружное,[21] Инкерман,[22] Нейзац,[23] Суворово,[24] в германских могильниках Ай-Тодор[25] и Чатыр-Даг,[26] в сарматских и аланских погребения некрополя Черноречeнский, где хоронили также германцы,[27] и в могильнике на территории

[20] В инвентарной книге — «влево», но именно так ошибочно описаны бюсты на остальных монетах, которые смотрят вправо.

[21] Храпунов 2008.

[22] Веймарн 1963, 19, 37, 42. Монеты не были переданы в бахчисарайский музей вместе с остальными находками; настоящее их местонахождение неизвестно. К сожалению, в публикации отсутствуют сколько-нибудь подробное описание и изображения монет.

[23] Храпунов 2009.

[24] Зайцев, Мордвинцева 2003, 58, 65 рис. 2.3, 4; Юрочкин, Труфанов 2003, 202, 205. Во второй публикации нет изображений монет, которые хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом заповеднике.

[25] Блаватский 1951, 266 слл., 290–291; Орлов 1987, 113, 130. Описания монет в публикациях краткие, изображений нет. Находки В. Д. Блаватского должны храниться в Государственном музее изобразительных искусств в Москве, К. К. Орлова — в Ялтинском историко-литературном музее. Некоторые определения монет из статьи В. Д. Блаватского можно уточнить (подробнее см.: Храпунов 2009, 74–75).

[26] Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 10, 11, 15, 17, 27, 127. Некоторые монеты переданы в Алуштинский краеведческий музей, местонахождение оставшихся неизвестно. В публикации нет изображений и подробных описаний монет; фотографии и описания части находок опубликованы впоследствии (Лысенко 2007, 190 рис. 2.1–17; 191–192). Они позволяют уточнить определения монет (Храпунов 2009, 75–76 табл. 6).

[27] Бабенчиков 1963, 93 100, 103, 105, 121; 95 таб. VIII.1–8. Монеты не были переданы в бахчисарайский музей вместе с остальными находками; нынешнее их местонахождение неизвестно. В публикации имеется фотография, к сожалению, весьма невысокого качества, но нет подробного описания. Зато в коллекции музея хранятся две монеты римского императора Валента 364–367 гг., не указанные в публикации (их определения и описания: Храпунов 2009, 68 рис. 6; 77).

совхоза «Севастопольский» («Совхоз №10»), где хоронили и сарматы, и германцы, и, вероятно, представители других этносов и культур.[28]

В Озёрном III монеты найдены только в склепах, но не в подбойной и не в грунтовых могилах. Этим он отличается от большинства некрополей с ингумациями, где монеты найдены и в склепах, и в подбойных, иногда также в грунтовых могилах, а в некрополе в совхозе «Севастопольский» — в разных типах погребальных сооружений, но не в склепах. Лишь в Суворово монеты найдены только в склепах.

В Озёрном III в одном случае монеты лежали у пояса, в другом — на груди у погребенного воина, в третьем — на «полке» у торцевой стороны склепа. В склепе № 1 открыты два погребения. В первом, мужском, найдены серебряные монеты 240-х гг., бронзовые же начала IV в. лежали на «полке». Потому логично предположить, что группа более поздних монет связана со вторым, женским погребением. Судя по результатам исследований могильников с ингумациями, у оставивших их людей не было жестких требований к использованию монет в обряде. Они найдены в самых разных ситуациях, в том числе и в мужских и женских погребениях, и на поясе (в сумке? кошельке?) у погребенного. На «полке» монеты фиксируются впервые, однако в других могильниках их находят иногда за головами погребенных, что принципиально не отличается от ситуации с «полкой».

Наличие монет в двух из семи погребальных сооружений даёт неожиданно большое соотношение (29%). В Дружном монеты найдены в 9% погребений, в Инкермане — в 6%, в Нейзаце — в 5%, в некрополе из совхоза «Севастопольский» — в 6%, в Чатырдагском — в 9%, в Чернореченском — в 11% (в ингумациях, или в 7%, если считать все погребальные сооружения). Много могил с монетами лишь в Суворово — 22% (но тут опубликовано лишь девять могил) и Ай-Тодоре — от 27 до 35% (различие обусловлено тем, что в трех случаях монеты найдены не в урнах, а рядом с ними).

В монете № 8 есть овальное отверстие для подвешивания. Судя по расположению отверстия, сделавший его человек не интересовался изображением на монете. Подобное отношение к монетам неоднократно наблюдалось в могильниках Дружное, Нейзац, на территории совхоза «Севастопольский».

Отверстия пробивались в медных, но не в серебряных монетах. Исключение — два серебряных *аргентия* с отверстиями в центре середины IV в. из Чернореченского могильника. Даже в тех случаях, когда пробивали ранние монеты конца I — начала III вв., что по два раза зафиксировано в некрополях Нейзац и на территории совхоза «Севастопольский», для этого использовали медные монеты, а не серебро, составлявшее среди монет того времени существенную часть. Возможно, не случайно пробитых монет много среди затертых, неопределяемых экземпляров, доведенных до этого состояния, не исключено, еще в древности. Известно, что бронза эпохи тетрархов была покрыта тонким слоем серебра, который обычно не сохраняется в земле. Значит, внешне отличить эти монеты от серебряных выпусков предшествующего времени было не так и просто. Как это

[28] Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, 196 слл., 265–266. Опубликованы краткие описания монет, без изображений. Я осматривал монеты в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический», и результаты иногда отличаются от приведенных в публикации.

согласуется с отсутствием интереса к изображению на монете, что фиксируется неоднократно, — не вполне понятно.

Отметим отсутствие в Озёрном III боспорских монет, которые открыты на большинстве памятников, исключая только Чёрную речку и Инкерман, причем в Нейзаце и Ай-Тодоре они составляют существенный процент (24 и 42% соответственно).

Семь монет из склепа №1 — это очень много. Столько монет в склепах не находили никогда. В подавляющем большинстве погребений с монетами в описываемых могильниках их находят по одной, реже по две штуки. Наибольшее число монет в могильнике с ингумациями — семь штук в подбойной могиле №227 некрополя у совхоза «Севастопольский». В кремациях монет бывает больше. Так, в могильнике Чатыр-Даг 15 монет найдены в могиле № 1 и семь — в могиле №14. В Ай-Тодоре открыты могилы № 28 с 11 монетами и № 6 — с шестью монетами. Впрочем, если в склепе №1 монеты были связаны с двумя погребениями, то на долю каждого из них приходилось по три и четыре монеты соответственно, а это уже более привычная ситуация. В склепе № 85 из некрополя Дружное в одном погребении было четыре монеты, в склепе № 275 из Нейзаца — три монеты, также в одном погребении. Четыре монеты найдены в подбойной могиле №8-А из некрополя в совхозе «Севастопольский», по три монеты — в подбойных могилах № 24 из Дружного и № 9 (35) из Чёрной речки. Есть и сожжения с тремя–пятью монетами. Отмечу и то, что в Дружном и Нейзаце большинство склепов разграблены, потому находок там меньше, чем было положено в могилу вещей, что может, теоретически, объяснять малое количество находимых в одной могиле монет.

Разрыв в 60–70 лет между найденными в склепе №1 монетами нехарактерен для могил с ингумациями из других памятников. Вероятно, он объясняется тем, что монеты сопровождали два разных погребения, совершенных в разное время. Так, максимальный разрыв между монетами из одной могилы в Дружном — около 20 лет (№ 85), в Нейзаце — ок. 40 лет (№35), в совхозе «Севастопольский» — ок. 30 лет (№№ 8-А и 145; не берем случай с монетой конца III в. до н.э., оказавшейся в могиле № 258 явно случайно), в Чёрной речке — ок. 30 лет (№ 8). Похожа ситуация в кремациях Чатыр-Дага, где максимальный разрыв между монетами ок. 15 лет (№№ 1 и 21). Зато в Ай-Тодоре в могилах с сожжениями № 18 и 24 разрыв между монетами может достигать 70, а в могиле № 6 — 100 и даже 200 лет (но две ранние монеты могли попасть туда случайно).

Лакуна в поступлении монет в Озёрное III, пришедшаяся на всю вторую половину III и начало IV в., в целом, соответствует ситуации на других некрополях. Ее верхняя и нижняя граница могут варьироваться в зависимости от конкретного памятника, но обычно люди, оставившие все крымские могильники, кроме расположенного на территории совхоза «Севастопольский», не получали римские монеты на протяжении некоторого времени во второй половине III в. Вероятно, в это время их контакты с источником или источниками поставки римских монет временно прекратились. Показательно, что в Нейзаце, Чатыр-Даге и Ай-Тодоре на этот период приходится несколько боспорских монет.

Непонятно, обозначают ли самые поздние монеты из Озёрного III время прекращения использования этого некрополя. Так, в могильниках Дружное, Нейзац, Суворово продолжали хоронить и после того, как римские монеты вновь, и на

этот раз окончательно, перестали попадать к оставившим их людям. Последние найденные в Дружном, Нейзаце и Суворово монеты датируются 310ми–320ми гг. В Озёрном же открыто слишком мало могил, чтобы что-то решить определённо.

Вопрос об источнике или источниках, откуда оставившие крымские могильники люди получали монеты, пока не имеет удовлетворительного объяснения. Изучение монет из некрополя Озёрное III также не помогает на него ответить. Ясно только, что обстоятельства использования монет в погребальном обряде, наблюдаемые в этом некрополе, очень похожи на ситуацию в однокультурных памятниках — Дружном, Нейзаце, Суворово, хотя некоторые локальные отличия и имели место.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенчиков В. П. 1963: Чорноріченський могильник // АП. 13, 90–123.

Блаватский В. Д. 1951: Харакс // МИА. 19, 250–291.

Веймарн Е. В. 1963: Археологические работы в районе Инкермана // АП. 13, 15–89.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2003: Исследование могильника у с. Суворово в 2000 г. // МАИЭТ. 10, 57–77.

Лобода И. И. 1977: Раскопки могильника Озёрное III в 1963–1965 гг. // СА. 4, 236–252.

Лысенко А. В. 2007: Римские монеты конца 3 — начала 4 в. в южной части Таврики // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева (ред.). Симферополь, 187–192.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. 2006: Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.

Орлов К. К. 1987: Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма / А И. Айбабин, Т. Н. Высоцкая, В. М. Зубарь (ред.). Киев, 106–133.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003–2004: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum+. 4, 27–277.

Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. 2003: Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея: каталог. Часть III. От Пертинакса до Нумериана. М.

Храпунов Н. И. 2008: Монеты из могильника Дружное // ПИФК. 22, 336–356.

Храпунов Н. И. 2009: Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // ПИФК. 3, 55–82.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. 2003: Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях Качи // ХСб. 12, 199–225.

Bruun P. M. 1966: The Roman Imperial Coinage. Vol. VII. Constantine and Licinius. A.D. 313–337. London.

Mattingly H., Sydenham E. A., Sutherland C. H. V. 1949: The Roman Imperial Coinage. Volume IV. Part III. Gordian III — Uranius Antoninus. London.

Robertson A. S. 1982: Roman Imperial Coins in the Hunter Coin Cabinet, University of Glasgow. Vol. V. Diocletian (Reform) to Zeno. Oxford.

Sutherland C. H. V. 1967: The Roman Imperial Coinage. Vol. VI. From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313). London.

ON THE COINS FROM OZYORNOYE III NECROPOLIS

N. I. Khrapunov

The article analyses eight coins excavated in Ozyornoye III necropolis in the Crimea, Ukraine. This third and fourth centuries AD necropolis was made by the Sarmatians and Alans. Seven graves were excavated in 1963–1965 by N. A. Bogdanova and I. I. Loboda. The finds include eight Roman coins: three silver pieces of Philip I Arab (244–247), Otacilia Severa (ca. 244–246) and Trajan Decius (249–251), and five bronze pieces of Constantine I and Licinius I from 308–324. The analysis of coins as a part of the funeral rite is provided. Generally, the situation corresponds to that on other barbarian necropoleis of the period in the south-west Crimea, but in contrast to other sites, in Ozyornoye III coins were only in burial vaults. The source or sources from which those who made the necropolis received coins remains unknown; one can state that relations with it interrupted in the second half of the third century.

Key words: archaeology, Roman coins, necropolies, Crimea.

© 2010

Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов

УНИКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОРЕВТИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ*

«Мы предоставляем всем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей с тем, чтобы мы могли соответствующим образом наградить их»

(Из Указа Константина об аккламациях, 331 г.)

В статье авторы рассматривают стилистику изображения и семантику уникального позднеантичного бронзового медальона IV–V вв. н.э., найденного в погребении турбаслинской культуры на территории г. Уфы.

Ключевые слова: археология, позднеантичная торевтика, турбаслинская археологическая культура.

В 1987 году на территории г. Уфы (Республика Башкортостан), на улице Егора Сазонова при выемке грунта в котловане под фундамент строящейся гостиницы, было разрушено погребение эпохи раннего средневековья. При

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09–01–00124а.

осмотре места была произведена расчистка сохранившейся части прямоугольной в плане могильной ямы, ориентированной по линии СЗ-ЮВ, углубленной на 2 м от уровня современной поверхности. Останки взрослого человека практически полностью уничтожены, можно лишь определить, что он был ориентирован головой на северо-запад. Возле головы стоял раздавленный сосуд ручной формовки, рядом с которым лежала кость ноги барана. В осыпи котлована вблизи могильной ямы найдено несколько предметов, происходящих, по всей видимости, из этого погребения — поясная пряжка и железное шило. Примерно в этом же месте школьниками была найдена бронзовая бляшка.

Лепной круглодонный с широким округлым туловом сосуд имел прямой цилиндрический венчик, край которого загнут наружу (рис. 1, *1*). Основными примесями в глиняном тесте являлись шамот и песок, заглаживание поверхности сделано грубо, обжиг неровный, костровой. Диаметр венчика–11 см. Бронзовая пряжка с округлой рамкой и прямоугольным щитком имела подвижный литой язычок с бугорком-фиксатором (рис. 1, *3*). Ремень крепился между пластин щитка бронзовой заклепкой. Железное шило длиной 5 см выковано в виде квадратного в сечении стерженька, ранее было насажено на деревянную рукоять (рис. 1, *2*).

В Башкортостане сосуды, аналогичные найденному на ул. Е. Сазонова, известны в большом количестве в могильниках турбаслинской археологической культуры эпохи раннего средневековья — Кушнаренковском, Ново-Турбаслинском, Дежневском (парк им. Орджоникидзе)[1] и датируются IV–VI вв. н.э. Бытование бронзовых пряжек с прямоугольным щитком большинство авторов относит к IV–V вв. н.э.[2]. Подобные пряжки можно считать обычной находкой в турбаслинских погребениях Приуралья.

Один предмет, обнаруженный в котловане, несомненно, является находкой уникальной (рис. 1, *4*; 2). Это дисковидная накладка — медальон, диаметром 3,5 см, изготовленный из бронзовой пластины толщиной 0,5 мм, имевший загнутый во внутреннюю сторону край. С целью придания дополнительной жесткости, изнутри бляшки под бронзовой пластиной помещен железный диск, поверх которого проложен слой тонкой кожи и установлена еще одна пластинка из железа. Все внутренние прокладки крепились загнутыми краями лицевой бронзовой пластинки медальона.

На бляшке изображены фигуры людей, оттиснутые с обратной стороны в виде выпуклого барельефа методом штамповки по матрице, с чеканной правкой элементов с лицевой стороны. Изображение дополнено множеством деталей, и проработка даже очень мелких частей сделана тщательно и весьма профессионально.

Основу композиции составляют фигуры двух офицеров в полном вооружении. Справа размещен воин в расслабленной позе (высота изображения 2,9 см — от края плюмажа и до конца ступни правой ноги), опирающийся правой рукой на стоящий щит (skutum). В полусогнутой левой руке зажат обнаженный меч, опущенный кончиком к мостовой. Мастер умело передал напряжение правой ноги, на которую

[1] Пшеничнюк 1968, 105–112, рис. 49; Генинг 1977, рис. 3, 6–7; Сунгатов 1998, рис. 2)

[2] Васюткин 1970, 75; Останина 1983, табл.I, 17; Амброз 1989, рис.5, 21; 10, 5; 14, 4; Ковалевская 1979, табл. 1, №260, тип.11; 11, 5; Сунгатов 1989, рис. 9, 3; Богачев 1992, рис.22 (Безводное); Сунгатов, Гарустович, Юсупов 2004, рис. 6, 15; 64, 13)

опирается человек, в то время как левая нога полусогнута в колене и расслаблена. Безвестный художник, по всей видимости, считал важным заполнить пустое пространство между фигурами, и с этой целью поместил здесь изображение меча, невзирая на неестественность позы (рис. 1, *4*). По этой причине левая рука изображена резко отведенной в сторону от тела, и захват рукояти получился обратный, лезвием назад. Бедра и руки от плеч изображены обнаженными. Голова склонена и слегка развернута вправо. Глаза сделаны в виде двух ямок, на лице выделены прямые усы, концы которых опущены книзу. Подбородок несколько заострен, скорее всего, изображен бритым, борода, если и была, то клиновидная. Усы придают воину возмужалый вид, во всяком случае, он выглядит старше своего товарища.

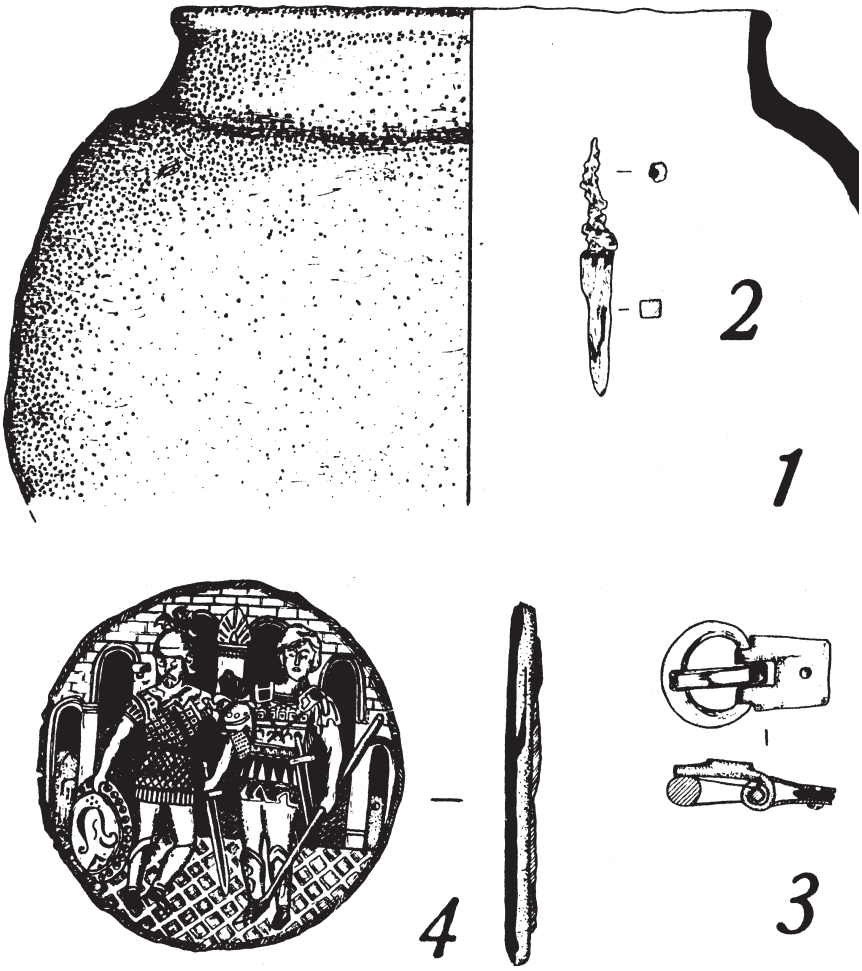

Рис. 1. Инвентарь погребения на территории г. Уфы:
1 — лепной сосуд, *2* — железное шило, *3* — бронзовая пряжка, *4* — бронзовая бляшка с изображением воинов

Комплекс вооружения типичен для тяжеловооруженного воина и представлен защитными доспехами и оружием. Металлический полукруглый шлем имел защитный бортик(?) в лобовой части, а с тыльной стороны выгнутый наружу назатыльник, закрывающий шею. Шлем венчает украшение — плюмаж в виде вертикально закрепленных крупных перьев(?), концы которых свисают в разные стороны. На месте левого ушного отверстия сделана округлая выпуклость. Тело защищено кольчугой или, скорее всего, пластинчатым панцирем (типа лорики), закрывающим грудь и доходящим до начала бедер. На груди чешуйчатые пластинки выполнены в виде квадратов с окружностями в центре. Квадратики поставлены плотно друг к другу на угол, а ниже пояса накладные чешуйки(?) переданы в виде ромбиков. Нижний край панциря обшит удлиненными прямоугольными пластинами, хотя можно предположить, что это не оконечность доспеха, а выступающий край туники, одетой под панцирем. Скорее всего, мастер пытался изобразить пластинчатую оторочку доспеха, имеющую чисто декоративную функцию и придающую наборной безрукавке парадный вид.

Лорика напоминает длинную рубаху с короткими рукавами, она заканчивается на плечах, а из-под ее края выглядывает рукав туники, украшенной линиями и полосой из вытянутых треугольников. С правой стороны, выделен наплечник в виде металлической полосы, огибающей и защищающей плечо. Наплечник украшен орнаментом из поперечных насечек, обрамленных рамкой, образованной продольными линиями. На шее, верхней части груди, и, частично, на плечах поверх панциря выделен широкий воротник, края которого выполнены в форме больших зубцов. Плохо заметные полоски и насечки имитировали какой-то рисунок на ткани воротника (в виде орнамента геометрического типа — концентрические зубцы по периметру воротничка?). Ноги, ниже колен, прикрывали металлические поножи. На наколеннике правой ноги выделен бортик, огибающий ее верхнюю часть. Пояс стянут наборным ремнем, на котором закреплены прямоугольные накладки с колечками по центру. От правого плеча и до левого бока проведена полоса, изображающая портупею ножен меча. Направление портупейного ремня позволяет говорить о том, что воин не был левшой. Если ножны меча подвешены с левого бока, это значит — офицер колол (или рубил) мечом с правой руки. Отсюда, вновь вызывает недоумение, расположение меча в левой руке, а щита — в правой. Возможно, конечно, предположить, что это какая-то церемониальная поза, но мы больше склоняемся видеть здесь ошибку художника (скорее всего — преднамеренную).

Возле правой ноги стоит круглый металлический щит (скутум) средней величины, судя по изображению, имеющий выпуклость в центре. Лицевая поверхность щита проработана не совсем четко, но видны полосы растительных завитков, выполненных в античных традициях. Между бортиком и краем щита нанесены кружки-перлы, проходящие по окружности в радиальном обрамлении двух концентрических полос. Меч, зажатый в левой руке, изображен прямым, двулезвийным с брусковидным перекрестием и шаровидным навершием на удлиненной рукояти. По центру лезвия проходит грань (ребро) или желобок (дол). Такой меч предназначался не столько для рубки, сколько для того, чтобы колоть противника. Судя по вытянутому заостренному кончику и длинному лезвию меча, здесь показана спата (спафа).

Фигура воина, размещенного с левой стороны бляшки (высота 2,5 см), изображена в напряженной позе. Левая рука полусогнута в локте и слегка отставлена в сторону от тела, кисть сжимает древко короткого копья, опущенного острием наконечника к ногам. Правая рука не видна, ее полностью закрывает шлем, который воин держит в этой руке, прижимая к плечу. Лицо молодого человека крупное, без усов и бороды, развернуто вперед (в анфас). Голова не покрыта, волосы довольно длинные, пышные. Шея, руки и ноги оголены. Металлический полукруглый шлем украшен гребнем-кристой или плюмажем из перьев. Лобовая часть имеет защитный выступ, выше которого изображены выпуклые полушаровидные кружки. Сбоку шлем имеет полукруглую прорезь для ушей. На задней части шлема выделен козырек-назатыльник для защиты шеи. На руке под шлемом показана непонятная подпрямоугольная полоса, вся поверхность которой заполнена рядами ямочных вдавлений. Легче всего предположить, что это кольчужная бармица, но, скорее всего, это подшлемник обшитый тканью. Голени прикрыты поножами с приостренным завершением. Они орнаментированы, но изображение этих выпуклых украшений нечеткое. Ясно видны лишь бордюры, проходящие вдоль краев.

Основную часть защитного доспеха составляет панцирь. Тип его не вполне понятен. Скорее всего, это двустворчатая кираса, скрепленная по бокам ремешками. Лицевая часть кирасы украшена богатым рельефом. Но не исключено также, что здесь изображен наборный панцирь из прямоугольных чешуек, нашитых на кожаную основу. В верхней части доспеха вдоль груди, проходит ряд квадратных пластинок (или рельефная линия) с выпуклостями или отверстиями в центре. На месте живота форма украшений или пластинок определяется плохо, видимо, они также были квадратными. Верхняя часть кирасы сделана в виде пластинки, прикрывающей грудь и, частично, шею. Ниже пояса тело защищали ряды ремешков, расходящихся в виде юбочки, традиционного римского воинского «килта». На ремешках крепились треугольные металлические(?) пластинки. Пояс стянут широким ремнем, края которого выделены полосами, а между ними нанесены зубчики сверху и снизу. Вероятно, в такой манере мастер изобразил поясную гарнитуру воинского пояса (cingulum). На плечи воина одеты наплечники, прикрывающие ключицы, имеющие вид металлических пластин, на поверхности которых оттиснуты крупные квадратики. Наплечники крепились с помощью ремешков, связанных концами в узел, размещенный на уровне живота. Панцирь одет на тунику с короткими рукавами, подол которой изображен складками ниже края панциря. Пышные края коротких рукавов туники на плечах выступают из-за наплечников.

Воин вооружен мечом и укороченным копьем. Судя по небольшой длине, здесь показан не традиционный римский дротик-пилум, а метательное копье — верутум (verutum, vericulum) с ромбическим втульчатым наконечником. Меч подвешен к поясу с левой стороны, он имел обоюдоострое лезвие, брусковидное перекрытие и прямую рукоять. На пластинке трудно разобрать был ли меч вложен в ножны. Скорее всего, здесь показана обнаженная спата с выделенной прямой выпуклой гранью на лезвии. Конец спаты не виден, так как на этом месте бронзовая пластинка испорчена железными окислами. Ступни воителей пересекали поперечные полосы, имитирующие обувь. Из-за малого размера фигур

определить тип этой обуви сложно. Видимо, это были традиционные римские воинские сандалии-калиги (caligae), хотя отвороты или шнуровка на месте голенищ не видна.

Мужчины стояли близко друг к другу, почти соприкасаясь плечами, тела у них тренированные атлетические, на руках выделены рельефные бицепсы. Художник по металлу наделил обоих стратегов индивидуальными чертами — они выглядят явно разновозрастными, кроме того, молодой воин, стоящий с левой стороны, имел более массивную фигуру. Он несколько крупнее и выше ростом человека, стоящего справа, да и защитное снаряжение у него отличалось богатством и пышностью отделки. Мы предполагаем, что мастер добивался портретного сходства в изображении конкретных людей, внешний облик которых был вполне узнаваем для современников.

Под ногами воинов хорошо заметна мостовая, устланная ровными рядами квадратных плиток. На заднем плане, за спиной людей, изображена постройка с шестью входными проемами. На поверхности стены аккуратно нанесены ряды сетчатой (opus zeticulatum) или простой кирпичной кладки. Проемы имеют типично римские (или ранневизантийские) арочные своды полуциркульных очертаний. Не менее характерной чертой римского зодчества были столбы, на которые опирались арочные своды колоннады. На пластинке показано аркада, базирующаяся на пяти несущих столбах-опорах. По всей видимости, эти опоры не были мраморными колоннами, поскольку у них нет традиционных резных капителей, предусмотренных античными архитектурными канонами. Подобные опоры делались из знаменитого римского бетона. В нашем случае, несущие столбы скупо украшены горизонтальными поясками вверху и снизу опоры. Арочные проемы устроены так, что два центральных, разделенных высокой колонкой-опорой, имеют максимальную высоту, по сторонам от них еще две арки на опорах сделаны ниже. Наименьшие габариты характерны для двух крайних арочных проемов. В верхней части колонны выделены орнаментальные бордюрчики, видимо, это максимально упрощенная капитель. Центральная, самая высокая колонна украшена растительной пальметтой. Края сводов подчеркнуты полуциркульной рамой из двух полос, обрамляющих контур арки.

Вся композиция выполнена весьма реалистично, с четкой проработкой мелких деталей. Несмотря на ограниченную площадь изображения и небольшие размеры, мастер сумел выдержать гармоничное сочетание элементов сюжета, передать динамику в позах, подчеркнуть пространство сцены и объемность человеческих фигур. Неизвестный гравер при изготовлении матрицы предусмотрел и профессионально использовал как изобразительные, так и чисто технически средства. Фигуры воинов не только занимают значительную часть пространства (что само по себе концентрирует на них внимание), но они еще выделены с помощью большей глубины штамповки, что сделало их силуэты более выпуклыми. На месте арочных проемов пробиты сквозные отверстия с целью придания композиции глубины и объема. В то же время, увеличивающаяся к верху высота и ширина арок создают иллюзию удаленности и устремленности постройки вверх. Воины стоят не возле здания, а на его фоне. Подобное представление закрепляется еще и особым способом изображения плиток брусчатки. Замощенная площадь как будто уходит вдаль, а боковое размещение рядов плиток расширяет

и удаляет видимое пространство в глубину. В позе воинов чувствуется легкий полуоборот тела друг к другу, что усиливает единство сюжета, взаимодействие, а не механическое размещение фигур. Таким образом, мастер, используя чисто технических средства, сумел блестяще воплотить свои художественные замыслы. Вне всякого сомнения, перед нами уникальное произведение реалистического искусства. Тонкая, продуманная тщательность работы с таким малопластичным материалом, каким является бронза, вызывает удивление.

Как уже отмечалось, весь набор вооружения позволяет говорить о том, что здесь мы имеем изображения римских или ранневизантийских элитарных воинов. Причем, можно несколько конкретизировать наши выводы. Обращает на себя внимание то, что мечи крепились с левой стороны. Для рядовых римских тяжеловооруженных воинов — гастатов или триариев такое размещение не характерно. Меч-гладиус они подвешивали на правом боку. С левой стороны мечи носили офицеры. Правда, в III веке мечи подвешивали на левом боку уже не только командиры, но и простые легионеры[3]. В римской и византийской армии мечи крепились двумя способами — на специальной перевязи-портупее или прямо подвешивали к поясу. На бляшке изображены оба этих способа крепления. В позднеримский период шлемы уже не имели гребней из конского волоса. Шлемы на бляшке украшали вертикально торчащие перья страуса(?), что отличает высокопоставленных офицеров. Характер декоративной отделки панцирей свидетельствует о том же. Богато орнаментированные доспехи носили императоры и высшие офицеры, но не простые воины[4]. Поножи, шлемы с плюмажами, богатые лорики и круглые скутумы — все это относится к парадной форме римской воинской знати.

Характер набора вооружения позволяет высказать еще некоторые предположения. Меч воина, стоящего справа, по виду длиннее обычных гладиусов, которыми были вооружены легионеры и центурионы пехоты. Скорее всего, здесь изображен длинный римский меч — спата (spatha). Первоначально спатами наделялись всадники или гвардейцы — спафарии. В период поздней империи ими были вооружены также легионеры, но у них в это время абсолютно преобладают длинные копья-гасты, а не верутумы. Интересно, что весь набор вооружения в том сочетании, в каком мы видим его на бляшке, типичен для всадников: шлем, спата, панцири, поножи. Круглые щиты небольшого диаметра, также широко использовались в коннице. Таким образом, на бляшке изображены лица высшего командного состава империи в парадной форме конных частей или гвардии. Роль конницы в римской армии на протяжении первых столетий I тыс. н.э. постепенно, но неуклонно, возрастала[5].

Кого конкретно изобразил мастер на бляшке, можно только предполагать. Сюжет отличается натурализмом, и лишен какой-либо религиозной символики, которая становится характерной для всего искусства империи после V века (по мере укрепления христианской религии). С другой стороны, сложно утверждать, что воины стоят перед языческим храмом. У постройки нет типичной платформы (пьедестала), обычной для монументальных святилищ римлян, отсутствует также

[3] Коннолли 2001, 220, 229, 259.
[4] Там же, 259.
[5] Там же, 224, 254, 257, 260.

портик с ордерной колоннадой, нет фронтона. По всей видимости, перед нами фасад базилики, построенной из кирпича (или обработанных камней), либо возведенной из бетона и облицованной кирпичом. Здание лишено помпезности римских языческих храмов, богато отделанных мрамором. Но при всей скупости декора кирпичных стен и бетонных колонн, высотная устремленность аркады постройки выдает в ней какое-то значимое общественное сооружение.

Мы предполагаем, что художник не случайно изобразил двух военачальников вместе. Не исключено что это два августа-соправителя IV века н.э. Жесточайший кризис III в. н.э. подорвал основы всего античного общества Средиземноморья. Римская империя вступила в стадию разложения рабовладельческой системы и государства. Реформаторская деятельность Диоклетиана и Константина позволила на время стабилизировать ситуацию и отсрочить гибель политических институтов огромной державы. Стагнация существующего положения, в отдельных областях сменилась даже периодом кратковременного подъема. Но это не могло предотвратить разделения империи и превращения власти в неограниченную бюрократическую монархию (доминат). Государство захлестнули мятежи армейских командиров, восстания рабов и колонов, сепаратизм сенаторской аристократии и провинциальных магнатов. Все это усугублялось усилившимся давлением варварских племен на границы империи. В таких условиях, правитель должен был быть хорошим полководцем и иметь реальную опору в армейских кругах. Не случайно, самые известные цезари позднеримской эпохи были удачливыми полководцами. Доминус оставался, прежде всего, верховным военачальником, соправителями августа назначались также высшие командиры.

Институт соправительства был введен Диоклетианом. Сложность реального управления на всей огромной территории римской державы, необходимость оперативного реагирования на вспыхивающие смуты и грабительские набеги варваров, привели к тому, что император в 286 г. объявил «младшим» августом полководца Максимиана. Диоклетиан управлял восточными провинциями, Максимиан властвовал на западных территориях. Оба императора усыновили и назвали цезарями (т.е. своими будущими преемниками) верховных стратегов Галерия и Хлора. В империи был введен культ двух императоров. В 305 г. Галерий и Хлор превратились в августов-соправителей, после того как Диоклетиан и Максимиан добровольно отказались от власти. Но гармоничного и мирного сосуществования людей достойных власти (как это задумывал Диоклетиан) не получилось. Соправители боролись за верховенство между собой, а также с детьми и племянниками прежних августов и цезарей. Каждый из них при случае не прочь был стать единоличным властителем и превратить престол в наследственное фамильное владение.

Максимиан после отречения, вновь попытался вернуть утраченную власть и повел борьбу с Галерием, «сыном» и выдвиженцем Диоклетиана. Но, в итоге, в этой распре выиграли не они, а сын Хлора — Константин (306–337 гг.) — умелый организатор и доблестный военачальник. В 311 г. старшим августом стал Лициний, а Константин был его соправителем. Но, воспользовавшись ситуацией, Константин в 324 г. стал единоличным правителем Римской империи. Он разгромил Лициния, также как ранее уничтожил Максенция — сына Максимиана.

Именно Константин довершил реформы, начатые еще Диоклетианом, прежде всего военную реформу.

После смерти Константина, его сыновья долго боролись за гегемонию в империи, но победил племянник — Флавий Клавдий Юлиан, более известный в истории как Юлиан Отступник. После смерти Юлиана в 364 г., императорами-соправителями провозглашаются: Валентиниан I (364–375 гг.) — на западе, и его брат Валент (364–378 гг.) — на востоке. В 378 г. в битве против готов у Адрианополя погиб август Валент. Единоличным правителем империи стал Грациан. Он правил на западе империи, а для восточных провинций сам назначил цезарем Феодосия (379 г.). Перед смертью Феодосия — прозванного Великим, его власть признавалась на всей территории Римского государства, но именно он стал последним единоличным властителем империи. По завещанию Феодосия, в 395 г. государство было разделено между его сыновьями Гонорием (западные территории) и Аркадием (восток империи). Так появились Западная Римская и Восточная Римская (Византийская) империи, со столицами в Риме (Медиолане, Равенне) и Константинополе. Теоретически и юридически оба государства рассматривались как единый институт, но фактически, в 395 г. произошло окончательное политическое размежевание ранее единой империи. В последующие годы правители в обоих государствах были суверенными самодержавными монархами в своих землях.

Рис. 2. Фотография медальона из г. Уфы

Как видим, на бронзовом медальоне, найденном в центре современного Башкортостана, вполне могли быть изображены римские августы- соправители IV века или императоры двух соседних империй V в., но более точно назвать конкретные имена сложно, поскольку претендентов слишком много. Императоры-соправители могли быть братьями, племянниками, кузенами по отношению друг к другу, или иметь лишь номинальное родство (в случае усыновления). Все они были старшими армейскими командирами и вступали на престол в самом разном возрасте. Есть лишь одно «но», мешающее видеть в воинах на бляшке цезарей правивших империей. Оба изображения полностью лишены каких-либо царственных инсигний. Правда принадлежность многих римских скульптурных портретов императорам, доказывается лишь надписями или визуальным сходством с их ликами на монетах. И, тем не менее, подобное отсутствие символов власти настораживает.

Можно, конечно, высказать еще одно предположение. После административно-государственной реформы Константина, высшие гражданские чиновники империи — префекты претория были лишены возможности распоряжаться армией. Командование воинскими контингентами было возложено на специальных магистров, которые назначались верховным главнокомандующим — самодержцем доминусом. Всего их было четыре, по два начальника для конницы и пехоты. Может быть на бляшке изображены два магистра кавалерии? Тогда непонятно с какой целью мастер пытался добиться для сановников портретного сходства (как мы это предположили выше). Определенно говорить о семантике сюжета пока еще преждевременно.

Сохранность бляшки удовлетворительная, поверхность ее совершенно не стерта, она лишь покрыта тонким слоем окислов в виде патины, и только в отверстиях арочных проемов проступила окись железа от внутренних пластин. Точные аналогии рассматриваемому предмету в сопредельных областях нам не известны. Но, когда данная статья была уже подготовлена, стало известно о новых находках на территории г. Уфы. В 2006 году Ф. А. Сунгатовым, в богатом погребении кургана №103 Дежневского могильника (парк им. Орджоникидзе), найдена вторая бронзовая бляшка с воинами. Схожие предметы (в обломках) найдены также в процессе раскопок городища Уфа-II в 2006–2007 гг. Новые находки также происходят из турбаслинских комплексов, на бляхах с территории городища изображены два коня (что подтверждает нашу мысль о принадлежности офицеров к римской коннице), но для данной темы набольший интерес представляет «дежневская» бляшка, поскольку оба предмета с воинами явно оттиснуты на одной матрице. По нашему мнению, обе бляшки можно датировать IV–началом V века н.э., а погребения отнести к концу V века, чему не противоречат датировки других вещей, найденных в обоих уфимских захоронениях.

О назначении рассматриваемого нами предмета мы можем лишь догадываться. Название «бляшка» или «медальон» используется в данной работе сугубо условно. Схожие сюжеты изображались на пластинах, которые вручались римлянами в качестве награды (вроде орденов) за героические поступки офицерам армии и союзникам-варварам. Но эти почетные знаки отличия изготовлялись из золота, а наша бляшка сделана из бронзы. Возможно, она крепилась в качестве щитка к парадной фибуле. Кроме того, нужно учитывать, что степняки могли использовать трофей совсем в ином качестве, нежели его создатели — мастера средиземноморской империи. Здесь необходимо обратить внимание на то, где располагалась «дежневская» бляшка, обнаруженная в курганном захоронении в 2006 г.: предмет зафиксирован с левой стороны груди умершего мужчины. В эпоху средневековья позднесарматские племена (в том числе и на Южном Урале) помещали на месте сердца покойного культовые предметы (в том числе т.н. «солярные диски»). Античная бляшка, имеющая круглую форму и желтый цвет, воспринималась, по всей видимости, в качестве религиозного символа — солнечного диска. Другими словами, «бляшка» использовалась приуральским населением как амулет культа солнца. Бляшки с конями с территории городища Уфа-II подтверждают нашу трактовку, поскольку кони издревле символизировали у индоиранцев дневное светило.

Еще один важный вопрос, связанный с анализируемым нами произведением раннесредневековой металлопластики, также будет рассматриваться лишь гипотетически. Можно долго гадать на тему — каким образом это уникальное произведение античной торевтики оказалось на Урале? Турбаслинская археологическая культура эпохи раннего средневековья, в одном из погребений которой была захоронена бляшка, занимала территории в центре Башкирского Приуралья, в среднем течении реки Белой. В богатых турбаслинских погребениях довольно часто встречаются ювелирные вещи, связанные своим происхождением с античным миром. Например, захоронение близ дер. Новиковки (ныне — черта г. Уфы)[6], или погребение во дворе Уфимского мединститута (находки 1936 г.). Золотые чаши, пластинки, колты, кулоны с полихромными вставками и медальоны обнаруженные здесь, отличаются совершенно замечательной тонкостью изготовления, высочайшим уровнем профессиональной отделки[7] и, несомненно, являются продукцией ранневизантийских ремесленников-златокузнецов. Еще больше в турбаслинских погребениях вещей типичных для гуннских захоронений степной полосы Евразии. По мнению Ф. А. Сунгатова, прототурбаслинские племена (связанные своим происхождением с поздними сарматами) в IV веке были увлечены на запад в общем движении гуннских племен. Они входили в состав гуннского племенного объединения в степях Северного Причерноморья и в Паннонии. После смерти Аттилы (453 г.), поражения гуннов от гепидов при Недао, от византийцев и сарагуров в Волго-Донских степях (463 г.), в ордах коалиции гуннских племен начинается распад. «В результате, одна из групп позднесарматского населения, испытавшего на себе влияние гуннской этнокультурной среды, в виде нового этнического образования отходит на восток — в Приуралье, где ими и были оставлены памятники, известные в науке как турбаслинские»[8]. Пришельцы принесли с собой массу античных украшений награбленных на Балканах и в Крыму, или полученных от римлян в виде дани. Таким образом, и бляшка, рассматриваемая нами, была принесена турбаслинцами на Урал в конце V века н.э. Концепция Ф. А. Сунгатова находит подтверждение при анализе материалов краниологии. Специалисты — антропологи единодушно отмечают у турбаслинцев компоненты, характерные для кочевого населения Восточной Европы середины I тысячелетия н.э.[9].

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М. С. 1968: Антропология древнего населения Приуралья. М.

Амброз А. К. 1989: Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Ахмеров Р. Б. 1970: Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / А. П. Смирнов (отв. ред.). М., 161–193.

Богачев А. В. 1992: Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.

Васюткин С. М. 1970: Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // УЗ БГУ / Р. В. Филиппов (отв. ред.). 54. Уфа, 163–181.

[6] Уфимские губернские ведомости 1879, № 4–5.

[7] Ахмеров 1970, 162–164, рис. 7; Сунгатов 1998, рис. 6.

[8] Сунгатов 1998, 114.

[9] Акимова 1968, 69–75; Юсупов 1991, 10–11.

Генинг В. Ф. 1977: Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Р. Г. Кузеев (отв. ред.). Уфа, 90–136.

Ковалевская В. Б. 1979: Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Е1–2. М.

Коннолли П. 2001: Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.

Останина Т. И. 1983: К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / В. Е. Владыкин (отв. ред.). Ижевск, 72–79.

Пшеничнюк А. Х. 1968: Уфимский курганный могильник // АЭБ. III / Р. Г. Кузеев (отв. ред.). Уфа, 105–112.

Сунгатов Ф. А. 1998: Турбаслинская культура. Уфа.

Сунгатов Ф. А., *Гарустович Г. Н.*, *Юсупов Р. М.* 2004: Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа.

Уфимские губернские ведомости 1879, №4–5: Археологические находки в окрестностях Уфы.

Юсупов Р. М. 1991: Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир: Препринт. Уфа.

A UNIQUE LATE ANTIQUE TOREUTICS WORK OF ART FROM SOUTH URALS BURIAL

G. N. Garustovich, V. F. Ivanov

The article deals with stylistics and semantics of the image of a unique late antique bronze medallion that was found in Turbaslin-culture burial on the territory of Ufa. The medallion dates as far back as the 4th — 5th cc. BC.

Key words: Archeology, late antique toreutics, Turbaslinskaya archeological culture.

© 2010

Р. В. Тихонов

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В керамическом ремесле отчётливо прослеживается процесс взаимодействия бактрийской и греческой традиции. Именно по этой причине можно объяснить появление амфор, фиал, «рыбных блюд», кратеров, асков. Однако не следует забывать, что кроме новых форм продолжали существовать и старые, характерные для предшествующего периода. Яркий тому пример — наличие в греко-бактрийском комплексе сосудов «баночной» формы.

Ключевые слова: керамика, археологические исследования, эллинизм.

За последние десятилетия на территории Северной Бактрии исследовано несколько эллинистических памятников (Душанбинское городище, Кампыртепа, Куляб, Курганзол, Гишттепа, оборонительная стена у селения Дарбанд близ Железных ворот), которые дополнили наши представления о материальной культуре страны в целом, и о керамическом производстве в частности. К сожалению, материалы, полученные в результате археологических исследований Тахти-Сангин, опубликованы лишь частично, что не позволило их учитывать при характеристике керамики.

Душанбинское городище находится в Центральном Таджикистане в черте города Душанбе. Поселение было основано на плодородной террасе, занимающей левобережье рек Варзоб, Душанбинка и правобережье Кафирнигана. Оно состоит из цитадели, города и достигает площади более 21 га. Цитадель прямоугольной формы, расположена в северо-западном углу города, отделена от него оборонительной стеной, глубоким рвом, окружающим его с трёх сторон.

Первые находки на территории Душанбинского городища были сделаны в начале 50-х гг. XX в. В 1983 г. началось широкомасштабное изучение памятников, расположенных в черте Душанбе[1]. Раскопки на поселении проводил А. А. Абдуллаев. В 2001–2003 гг. исследователь продолжил изучение памятника в его восточной части[2].

В результате этих раскопок удалось установить, что в конце IV–середине II вв. до н. э. на краю Душанбинской террасы возводится крепость для контроля над завоеванной Александром Македонским территорией и торгового пути, проходящего через Гиссарскую долину. В дальнейшем происходит рост поселения, а крепость превращается в цитадель — место пребывания правителя региона и его администрации. Обнаруженные предметы искусства позволяют говорить о широких культурных связях с Индией, Китаем, странами Средиземноморья.

Кампыртепа расположено в Юго-Западном Узбекистане, на правом берегу Амударьи, приблизительно в 30 км от Термеза ниже по течению реки.

В эллинистический период Кампыртепа, видимо, представляло собой крепость на важнейшей переправе через Окс, хотя Э. В. Ртвеладзе признаёт возможным её отождествление с Александрией Оксианской[3]. В кушанский период поселение становится четырёхчастным: цитадель, жилой комплекс, пригородная часть, а также «нижний» город (пристань) торгово-ремесленного характера[4].

Данное поселение обнаружил Э. В. Ртвеладзе в 1972 г[5]. Систематические исследования Кампыртепа начались с 1979 г. и были продолжены в 1982–1983 гг. сотрудниками Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, а в дальнейшем Международной Тохаристанской под его руководством[6]. С 1987 г. в изучении памятника принимает участие группа Сурхандарьинского областного краеведческого музея, а с 2000 г. отряд сектора археологии Средней Азии Государственного Музея Востока[7].

[1] Ранов, Соловьёв 1993, 117.
[2] Абдуллаев 2005, 152–172.
[3] Ртвеладзе 2005, 190.
[4] Там же, 190.
[5] Ртвеладзе 1977, 186.
[6] Ртвеладзе 1984, 88.
[7] Шейко 2000, 75–96; Болелов 2005, 71–74.

В греко-бактрийское время в черте современного города Куляба возникает небольшое двухчастное поселение, состоящее из шахристана и крепости и, видимо, располагавшееся вдоль берега реки Сангови Тебалай[8]. Первые археологические исследования памятника были осуществлены Ю. Якубовым в 1989 г. на территории крепости Чармгарони Поён. В 1993–1994 гг. П. Т. Самойликом и М. А. Азизовым заложены несколько шурфов и два раскопа на площади мавзолея Мир Саида Али Хамадони. В одном из них была обнаружена гончарная печь, датированная VII–VI вв. до н. э. С 2001 по 2003 гг. археологический отряд Института истории, археологии и этнологии АН Республики Таджикистан под руководством Ю. Якубова провёл широкомасштабное изучение памятника[9].

Курганзол расположен недалеко от города Байсуна Сурхандарьинской области Узбекистана на левом берегу высохшего ручья Учкуль. Памятник представляет собой небольшую крепость, внутри которой находятся несколько помещений жилого и хозяйственного назначения, а также центральный двор, окружённый оборонительной стеной с башнями. Данное поселение исследуется под руководством начальника Байсунской научной экспедиции Л. М. Сверчкова с 2003 г[10].

К настоящему времени вопрос об идентификации Курганзола с одной из шести крепостей, основанных Александром в области Маргания, остаётся дискуссионным. Г. А. Кошеленко, изучавший завоевание Маргианы Александром Македонским, считает, что сведения Курция Руфа следует признать аутентичными. Данный поход имел место в 328 г. до н. э. Видимо, на территории Эрк-калы была основана Александрия Маргианская. Одновременно с городом, к востоку от него воздвигнуты шесть крепостей. Их задача заключалась в обеспечении охраны караванного пути от Мерва к Амударье и вероятнее всего располагались на Килифском Узбое. Две другие крепости, возведённые к югу, возможно, находились на берегах Мургаба в направлении Тахта-Базара и Кушки[11]. Ф. Грене и К. Рапэн городом, основанным в Маргании, считают Термез, а четыре из шести крепостей локализуют на месте Фаязтепа, Каратепа, Чингизтепа I, Чингизтепа II[12]. Л. М. Сверчков, по результатам археологических исследований, считает возможным отождествление крепости Курганзол и Паенкургана «с двумя из четырёх укреплений, основанных Александром в области Маргания в 328 г. до н. э.»[13].

Гишттепа находится в Шерабадском районе Сурхандарьинской области Узбекистана на въезде в кишлак Пашхурт, близ городища Дабилкурган. Поселение прямоугольное в плане (40×30 м) и представляет собой отдельное домовладение-усадьбу. Оно изучалось сотрудником узбекско-российской Тохаристанской экспедиции В. В. Мокробородовым в 2004–2006 гг[14].

Крепостная стена у Железных ворот расположена близ селения Дарбанд на северной границе Бактрии с Согдианой. Её протяжённость 1, 5 км, высота 2–5 м. В центре стены прослеживаются следы построек[15]. Первые археологические

[8] Якубов, Довуди, Филимонова 2006, 166.
[9] Якубов, Довуди, Филимонова 2005, 175–205.
[10] Сверчков 2007, 31–64.
[11] Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000, 15.
[12] Grenet, Rapin 2001, 79–98.
[13] Мокробородов 2007, 148–155.
[14] Ртвеладзе 2003, 19.
[15] Там же, 17.

работы в данном регионе были проведены в 1969 и 1982 гг. Детальное изучение памятника осуществлено Узбекистанской искусствоведческой экспедицией под руководством Э. В. Ртвеладзе в 1986 г., который пришёл к следующему выводу: «Датировка стены I–III вв н. э. не вызывает сомнений, так как сырцовый кирпич аналогичных размеров отмечен на многих городищах и поселениях Бактрии кушанского времени. Эту же датировку подтверждают и найденные в стене фрагменты керамики, в частности нижняя половина цилиндрического кубка на кольцевом поддоне, типичного для этого времени»[16].

В 1989–1990 гг. стена у железных ворот изучалась Дарбандским археологическим отрядом Института археологии АН Республики Узбекистан. Её разрез позволил выявить несколько строительных периодов. Первый из них датирован греко-бактрийским временем (III–II вв до н. э.)[17]. С 1996 г. памятник исследуются Узбекско-Французской Дарбандской археологической экспедицией Института археологии АН РУз[18].

К. Рапен считает, что стена была построена на рубеже III–II вв до н. э. Однако в дальнейшем она приходит в упадок. Этому способствовало завоевание Евкратидом Согдианы и превращение Афрасиаба в оборонительный форпост на северной границе государства, где реконструируются ахеменидские и эллинистические укрепления. После этого надобность в стене отпала, а около 145 г. до н. э. был разрушен её большой северный участок[19].

Во время раскопок вышеперечисленных памятников найдено значительное количество керамики. В данной статье она систематизируется и классифицируется: столовая (чаши, кубки, тарелки, кувшины, кратеры) и хозяйственная (аски, амфоры) посуда. Для характеристики сосудов были приняты следующие обозначения: Н — общая высота, Д — диаметр дна, Д 1 — диаметр устья.

Чаши.

Размеры: Н — 4,5–7 см, Д — 4–7 см, Д 1 — 13–20 см.

Чаши являются самым массовым видом столовой посуды. По форме тулова они подразделяются на конические, полусферические, цилиндрические, S-образные. Среди профиля венчика следует отметить Т или Г-образный, клювовидный, треугольный и прямоугольный. Они имеют, как правило, плоское дно, однако встречается плоский, кольцевой и дисковидный поддон. К технико-декоративным и декоративным признакам можно отнести концентрические желобки на закраине, налеп на венчике[20], ангобирование (от светлых до чёрных тонов). Среди редких форм следует отметить псевдомегарскую чашу, изготовленную в форме, а также круглодонную лепную чашу, которая также была изготовлена в форме и сама, «возможно, выполнявшая ту же функцию» (рис. 1.10)[21].

Под воздействием эллинов в Бактрии появляется фиала — чаша для питья вина (рис. 1, 9). Стенки у неё отлого-овальные, скруглённые внутрь, иногда оттянутые у края наружу. Чаще всего имеется невысокий поддон, реже — плоское

[16] Рахманов, Рапен 2003, 26; Rakhmanov 1994, 76–77.
[17] Rapin, Baud, Grenet, Rakhmanov 2006, 104.
[18] Rapin 2007, 48.
[19] Сверчков, Восковский 2006, 24.
[20] Там же, 24.
[21] Там же, 24.

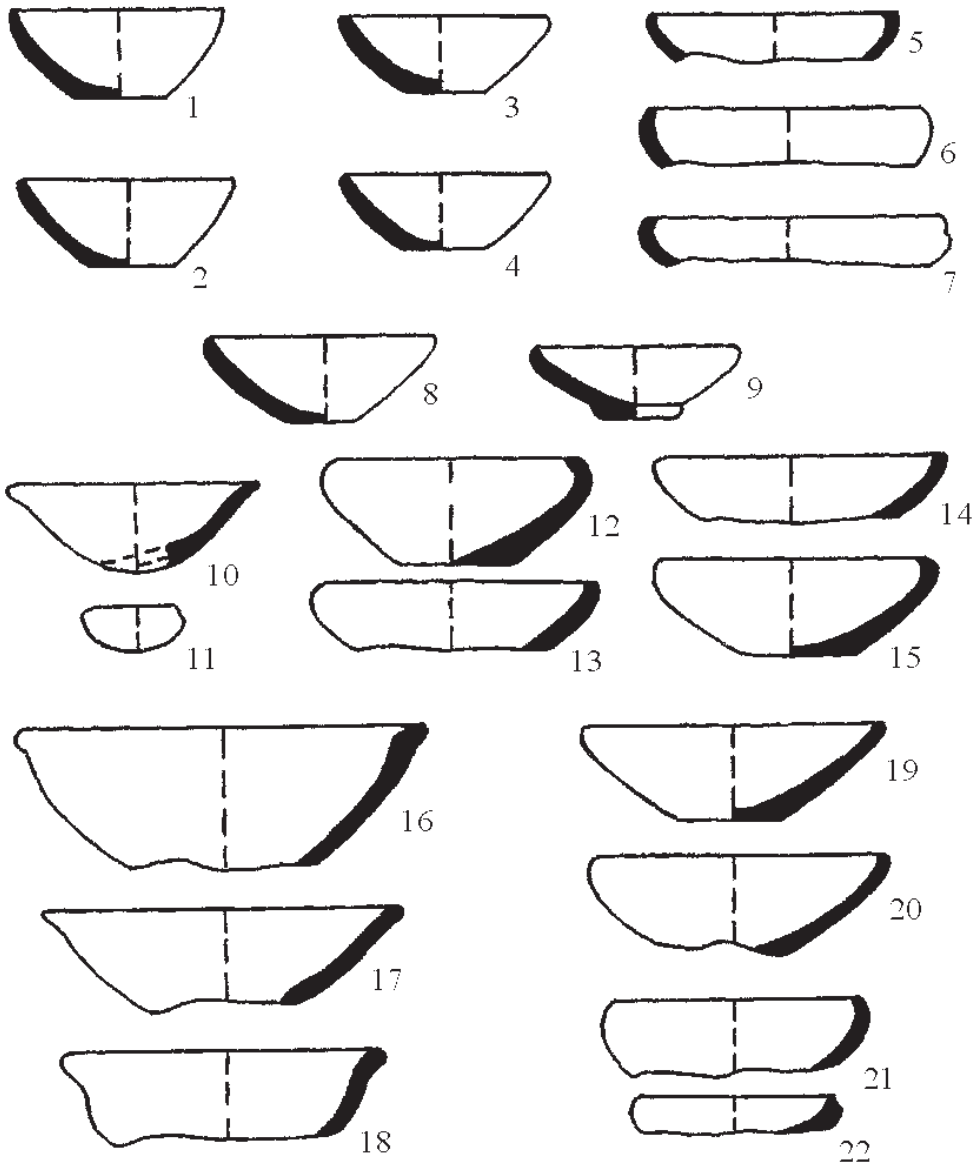

Рис. 1

дно[22]. Чаши полусферической формы, плоским дном и стенками, плавно расширяющимися в верхней части сосуда (рис. 1, 1–4) также находят аналогии в эллинистической посуде Средиземноморья[23]. В Бактрию проникают и мегарские чаши, которые под воздействием местной традиции видоизменяются. Подобные сосуды в Греции и других центрах становятся наиболее популярными в III–II вв.до н. э. Они изготавливались в форме, снятой с металлических прототипов и представляли собой полусферические сосуды, дно и внешние стенки которых украшены рельефным орнаментом[24].

Кубки.

Размеры: Н — 9–11 см, Д 1 — 13–16 см.

На Кампыртепа известно два вида кубков (рис. 2, 1–8). Первый из них характеризуют плоскодонные сосуды с округлым или овальным профилем резервуара, второй составляют цилиндроконические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне, а место перехода конической к цилиндрической части подчёркнуто валиком[25].

Цилиндроконические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне впервые появляются в греко-бактрийский период. Они встречаются в керамических комплексах Старого Термеза[26], Ай-Ханум[27], Джигатепа[28]. В период предшествующий этому времени как в Бактрии, так и в остальных регионах Средней Азии, в керамических комплексах древнеземледельческих оазисов встречаются цилиндроконические кубки. И именно это позволило многим исследователям отнести происхождение подобных сосудов к доэллинистическому времени[29].

Ш. Р. Пидаев, изучавший генезис данной формы керамики приходит к следующему выводу: «Если допустить, что цилиндро-конические кубки генетически связаны с цилиндро-коническими сосудами I тыс. до н. э., то между ними отсутствует связующее звено, которое на археологических материалах Средней Азии ещё не прослеживается. Поэтому пока следует говорить не о генетических связях между ними, а о подражании более древним формам»[30]. Однако это утверждение в свете новых исследовании неверно. В результате археологических раскопок ряда памятников Бактрии было установлено то, что цилиндроконические формы продолжали существовать на протяжении эллинистического периода[31]. В связи с этим нельзя говорить о подражании более древним формам. Как нам представляется, цилиндроконические кубки являются ярким примером сохранения бактрийской керамической традиции, где подобная форма сосуда продолжала бытовать в новых исторических условиях страны.

Тарелки.

Размеры: Н — 4,3–7 см, Д — 4,5–10 см, Д 1 — 15–36 см.

---

22 Rotroff 1997, fig. 62, 965–992, fig. 63, 993–1025; Rotroff 2006, fig. 52, 307–308.
23 Rotroff 1997, fig. 52, 312–313.
24 Максимова 1948, 224; Герасимова 2001, 124.
25 Ртвеладзе, Болелов 2000, 101.
26 Пидаев 1991, 217.
27 Gardin 1973, 142.
28 Пидаев 1984, 116.
29 Шишкина 1975, 70; Седов 1984, 174.
30 Пидаев 1989, 44-45.
31 Абдуллаев 1976, 44-45; Двуреченская 2006, 116.

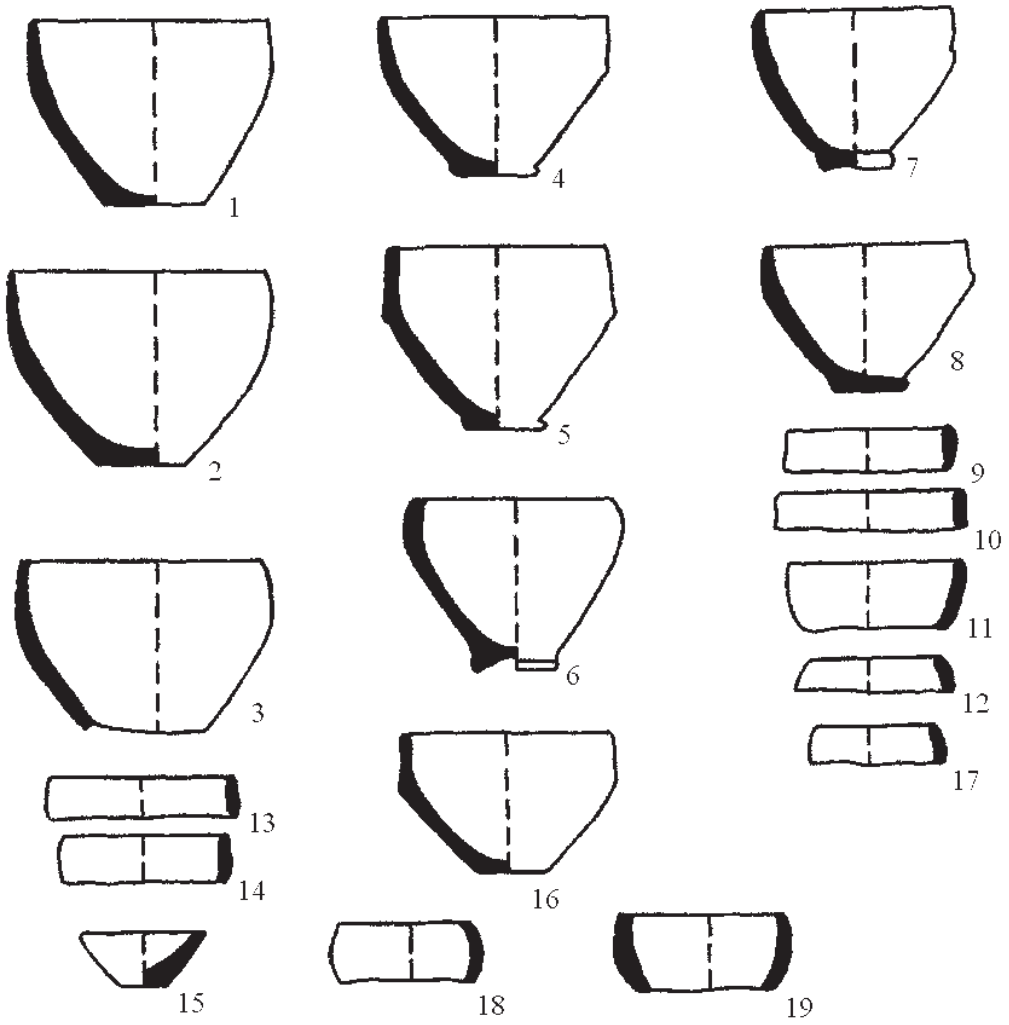

Рис. 2

Тарелки в Северной Бактрии имели полусферическую и коническую форму тулова, отогнутый в виде валика венчик, округлое дно или плоский поддон, орнаментировались желобками и валиками, покрывались ангобом (рис. 3, 1–2).

В особую группу можно выделить тарелки с клювовидным в сечении венчиком (рис. 3, 3–5). Так, например, в районе Железных ворот найден фрагмент подобного сосуда, покрытого чёрным ангобом, видимо, заменяющим лак[32]. Подобные сосуды находят прямые аналогии в эллинистической посуде Древней Греции и Средиземноморья[33].

[32] Rapin, Baud, Grenet, Rakhmanov 2006, 102..

[33] Егорова 2003, 101; Rotroff 1997, fig. 51, 709-715, fig. 52, 716-773; Berit Welles 2005, fig. 30; Rotroff, 2006, fig. 52, 304.

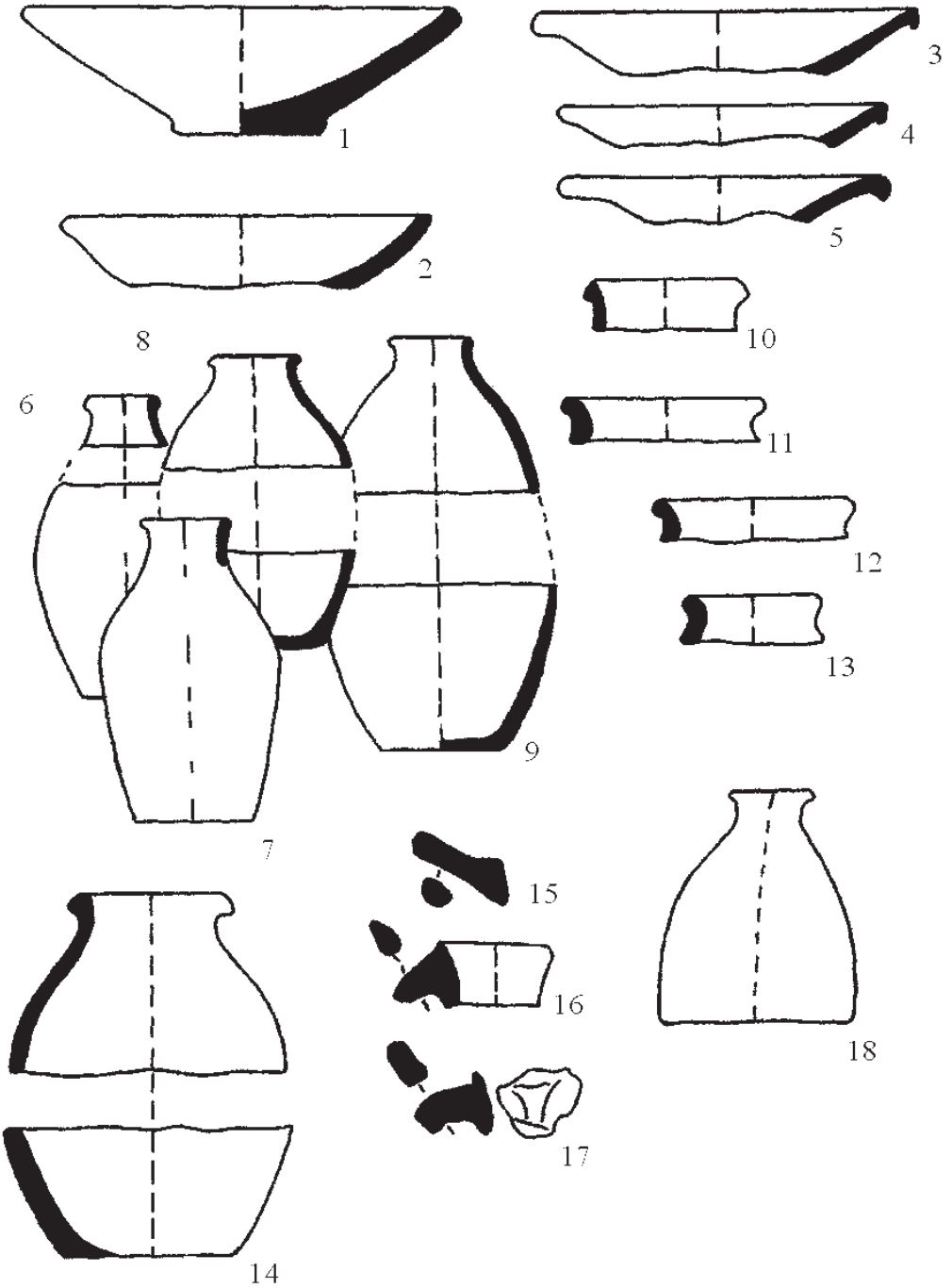

Рис. 3

Кувшины.

Размеры: Д 1–9–14 см.

Прототипом для кувшинов послужили древнегреческие амфоры и ойнохойи, которые под влиянием местной традиции претерпели ряд изменений. Найденные в ходе археологических исследований на территории Северной Бактрии кувшины, как правило, не имели ручек, однако встречаются одноручные и двуручные сосуды. По своим морфологическим характеристикам они подразделяются на широкогорлые и узкогорлые (рис. 3, 6–18). Кувшины Кампыртепа имели двухчастные, подовальные и фасолевидные в сечении ручки, рельефный валик на плечиках, линейно-волнистый орнамент. Особенностью кувшинов Куляба является наличие дисковидного поддона, а также орнамента в виде кружочков на плечике. Кроме того здесь найден носик кувшина в виде головы коровы[34]. Обращают на себя внимание два импортных кувшина, обнаруженных на Курганзоле[35]. Первый из них покрыт светло-зелёным ангобом (рис. 4, 2), а второй характеризуется наличием зооморфной ручки (рис. 4, 1).

Кратеры.

Традиционный для древнегреческой керамической традиции сосуд для смешивания вина — кратер обнаружен и на территории Северной Бактрии[36]. Однако он представлен лишь фрагментами венчиков и поддонов что не даёт возможности целостно проследить его морфологические и декоративные признаки (рис. 4, 5–9). Но, несмотря на это, присутствие в греко-бактрийском комплексе керамики такого типа сосуда может свидетельствовать о том, что в глубинах Азии эллины смогли не только привнести, но и сохранить свою традиционную культуру.

Аск.

Размеры: Н — 19 см, Д — 10 см.

В 2000 г. на городище Паёнкурган обнаружен ещё один вид древнегреческой гончарной продукции — аск[37]. Он имеет сферическую форму, плоское дно и горизонтально расположенную ручку (рис. 4, 4). Аск был изготовлен на гончарном круге, покрыт серовато-жёлтым ангобом и орнаментирован концентрической линией, которая следует по тулову сосуда до основания горла.

Амфора (рис. 6, 14).

В результате исследования крепости Курганзол был найден фрагмент древнегреческой амфоры[38]. Данный тип сосуда для Северной Бактрии является в своём роде уникальным (рис. 4, 3). В результате взаимодействия греческой и местной традиций в морфологии амфоры происходит ряд изменений. Для удобства перевозки и хранения — гончары перестали формовать острое дно, а вместо него появилось плоское дно. Это объясняется, видимо, тем, что здесь отсутствовали крупные водные пути, а транспортировка вина и масла проходила по сухопутным торговым путям. На городище Ай-Ханум были также обнаружены типичные греческие амфоры[39].

[34] Якубов, Довуди, Филимонова 2004, 277.

[35] Сверчков 2007, 52.

[36] Сверчков, Восковский 2006, рис. 8, 10, рис. 10, 18; Двуреченская 2006, рис. 10, 4-5, рис. 11, 13; Сверчков 2007, рис. 11, 11, 23, рис. 18, 21, рис. 20, 10, рис. 21, 17.

[37] Абдуллаев 2000, 79.

[38] Сверчков 2007, 52.

[39] Bernard 1972, fig. 11.

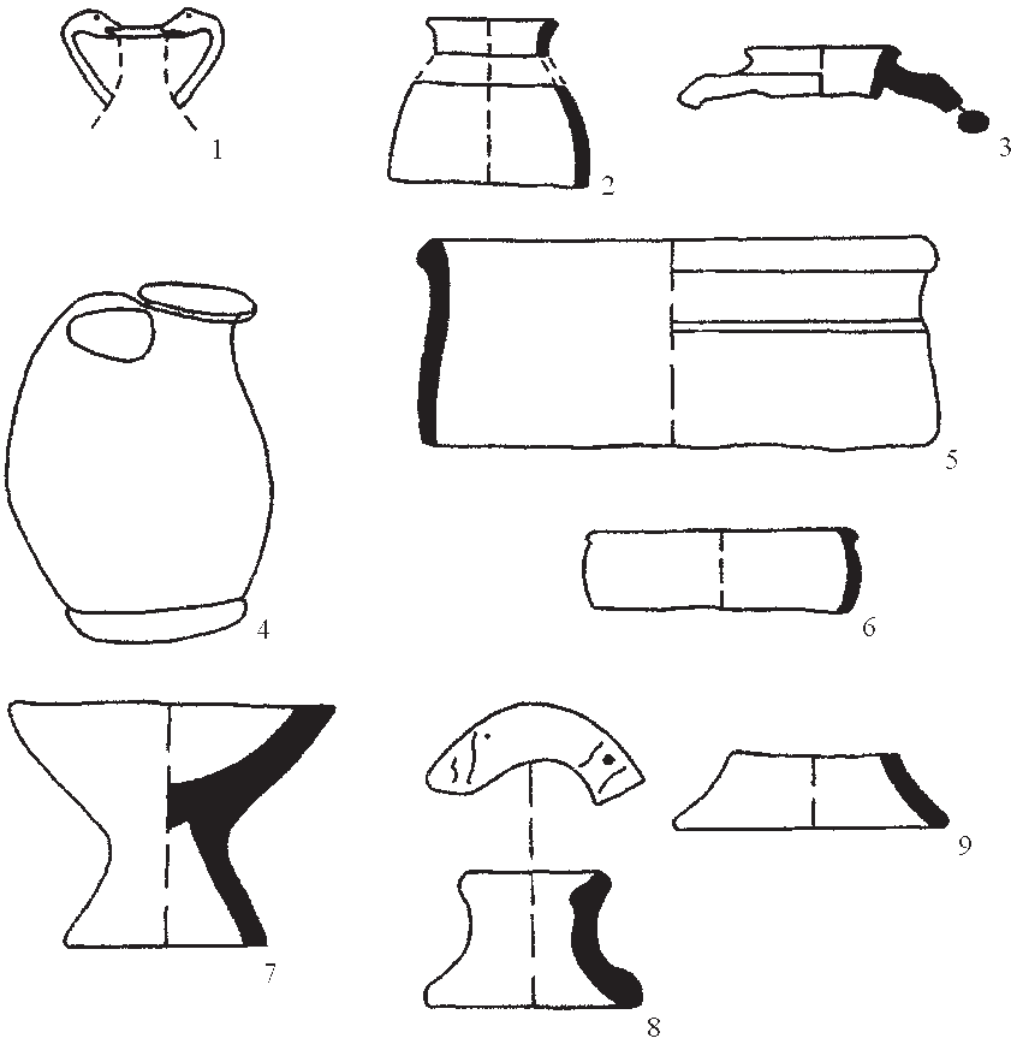

Рис. 4

Кроме того, при изучении Кампыртепа найдены единичные образцы керамики с нанесёнными на них граффити. Одно из них процарапано до обжига на внешней стороне тонкостенного сосуда, покрыто светло-жёлтым ангобом и состоит из трёх знаков, обозначающих 15 драхм. Другое граффити процарапано на внутренней поверхности сосуда, покрыто светло-жёлтым ангобом и также состоит из трёх знаков «хой, хой, пять», обозначающих греческую меру жидкости, равную 3, 28 л[40].

В заключение следует отметить, что в керамическом ремесле отчётливо прослеживается процесс бактрийско-греческой синкретизации. Он в первую очередь связан с появлением здесь достаточного числа эллинских колонистов, распро-

[40] Ртвеладзе 2002, 101.

странением культуры, греческого образа жизни. Именно по этой причине можно объяснить появление такой исконно греческой гончарной продукции, как фиала, «рыбные блюда», аски, кратеры, амфоры. Однако не следует забывать, что кроме новых форм продолжали существовать и старые, характерные для предшествующего периода. Яркий тому пример — наличие в греко-бактрийском комплексе сосудов «баночной» формы.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А. 1976: Отчёт о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. // АРТ. 12, 38–47.

Абдуллаев А. 2005: Душанбинское городище в античный период // АРТ. 30, 152–172.

Абдуллаев К. 2000: Аск из Паёнкургана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ. 31, 78–80.

Болелов С. Б. 2005: Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура / В. Н. Никоноров (ред.). СПб., 71–74.

Герасимова М. В. 2001: Основные тенденции развития керамического производства эллинистической эпохи. Истоки рельефной керамики Пергама // Вестник МГУ. Серия История. 1, 104–124.

Двуреченская Н. Д. 2006: Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 6. / Э. В. Ртвеладзе, В. С. Соловьёв (ред. колл.). Елец, 110–136.

Егорова Т. В. 2003: Чернолаковая керамика из античных усадеб у Евпаторийского маяка // Вестник МГУ. Серия История. 4, 81–99.

Кошеленко Г. А., *Гаибов В. А.*, *Бадер А. Н.* 2000: Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 1, 3–15.

Максимова М. И. 1948: Техника промышленности. Керамика // Эллинистическая техника / И. И. Толстов (ред.). М.-Л., 217–231.

Мокробородов В. В. 2007: Гишттепа в кишлаке Пашхурд // Трансоксиана-Мавераннахр. Ташкент, 148–155.

Пидаев Ш. Р. 1984: Керамика Джиге-тепе (из раскопок 1974) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции / И. Т. Кругликова (ред.). М., 112–124.

Пидаев Ш. Р. 1989: Эволюция двух форм керамики Древней Бактрии // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 43–51.

Пидаев Ш. Р. 1991: Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1, 210–224.

Ранов В. А., *Соловьёв В. С.* 1993: Душанбе — город древний. Душанбе.

Рахманов Ш., Рапен К. 2003: Железные ворота // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1 / А. А. Хакимов (ред.). Ташкент, 22–32.

Ртвеладзе Э. В. 1977: К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ. 4, 182–188.

Ртвеладзе Э. В. 1984: Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ. 2, 87–107.

Ртвеладзе Э. В. 2002: Надписи и знаки Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–108.

Ртвеладзе Э. В. 2003: Дар-и Аханин Дарбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1 / А. А. Хакимов (ред.). Ташкент, 13–22.

Ртвеладзе Э. В. 2005: К истории Кампыртепа (Александрии Оксианской) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура / В. П. Никоноров (ред.). СПб., 189–190.

Ртвеладзе Э. В., *Болелов С. Б.* 2000: Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепе в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Т. Г. Алпаткина, С. Б. Болелов, О. Н. Иневаткина (ред.). М., 99–104.

Сверчков Л. М. 2007: Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Л. М. Сверчков (ред.). Ташкент, 31–64.

Сверчков Л. М., *Восковский А. А.* 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 21–46.

Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 3, 171–180.

Шейко К. 2000: Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 31–46.

Шишкина Г. В. 1975: Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 2, 60–78.

Якубов Ю. Я., *Довуди Д. Д.*, *Филимонова Т. Г.* 2004: Археологические раскопки в Кулябе и на прилегающих территориях в 2001–2003 гг. // АРТ. 29, 264–301.

Якубов Ю. Я., *Довуди Д. Д.*, *Филимонова Т. Г.* 2005: Археологические раскопки в Кулябе в 2004 г. // АРТ. 30, 175–205.

Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. 2006: История Куляба с древнейших времён до наших дней. Душанбе.

Berit Welles et al. 2005: The Kalaureia excavation project: the 2003 season // Opuscula Atheniensia. 30, 127–215.

Bernard P. 1972: La campagne de fouilles de 1970 a Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1971, 385–454.

Gardin J. C. 1973: Les ceramiques. Fouilles d` Ai Khanoum // MDAFA. T. XXI / P. Bernard (red.). P., 121–188.

Grenet F., Rapin C. 2001: Alexander, Ai Khanoum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // BAI. 12, 79–89.

Rakhmanov S. A. 1994: The wall between Bactria and Sogd: The study on the Iron Gates, Uzbekistan // Archaeological Studies / V. M. Masson (eds.). Sankt-Petersburg, 75–78.

Rapin C. 2007: Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period // Proceedings of the British Academy. 133, 29–72.

Rapin C. A., Baud A., Grenet F., Rakhmanov Sh. A. 2006: Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005 // ИМКУ. 35, 102–112.

Rotroff S. I. 1997: Hellenistic Pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related material. The Athenian Agora. Voll. XXIX. Prinston.

Rotroff S. I. 2006: Hellenistic pottery: The Plain Wares. The Athenian Agora. Vol. XXXIII. Prinston.

HELLENISTIC CERAMICS OF NORTHERN BACTRIA IN THE CONTEXT OF RECENT ARCHEOLOGICAL STUDY

R. V. Tikhonov

Ceramic craft provides clear evidence of Bactrian and Greek traditions interaction. This very reason can help to account for amphorae, phials, ‘fish dishes’, kraters, and asci in the area. We should remember that old forms that were characteristic of the previous period coexisted with the new ones. Jar-shaped vessels of a Greek-Bactrian complex are a vivid example of the fact.

Key words: ceramics, archeological research, Hellenism.

© 2010

И. А. Дружинина

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА У АДЫГОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.)

В статье рассматривается проблема распространения ислама в XVII–XVIII вв. на Северо-Западном Кавказе на основе анализа материалов курганных могильников адыгов. Предложена датировка ряда погребальных памятников северо-восточного побережья Черного моря и предгорий Северо-Западного Кавказа. Раскрыты некоторые особенности эволюции погребального обряда адыгов этого времени.

Ключевые слова: адыги, Северо-Западный Кавказ, ислам, погребальный обряд.

Широкое распространение ислама на Северном Кавказе исследователи относят к XIII–XIV вв. и связывают с влиянием Золотой Орды, где ислам утвердился в качестве государственной религии в 1312/1313 гг. при Узбек-хане, а также с результатами походов Тимура[1]. Однако господствующей религией ислам в описываемое время стал лишь в Южном и в Центральном Дагестане[2]. Распространение этой религии среди адыгов в золотоордынский период и далее, в период крымско-османского владычества, требует отдельного и самого внимательного изучения. В настоящей работе на основе анализа археологических источников рассматривается лишь небольшой аспект этой масштабной историко-культурной проблемы.

В изучении особенностей распространения ислама в XVII–XVIII вв. на Северо-Западном Кавказе особый интерес приобретает решение вопроса об эволюции погребального обряда адыгов этого времени. Определенные трудности в изучении курганных могильников адыгов создают проблемы с отсутствием их четкой датировки вследствие того, что подавляющее большинство комплексов содержит рядовой и плохо датирующийся погребальный инвентарь, бытование которого исследователи прослеживают на всем протяжении существования подкурганного ингумационного обряда — с XIV по XVIII вв.

Из более чем четырех десятков курганных могильников XIV–XVIII вв. северо-восточного побережья Черного моря и предгорий Северо-Западного Кавказа, раскапывавшихся здесь с последней четверти XIX в., к периоду XVII–XVIII вв. с большой долей уверенности можно отнести 10 памятников. В их числе могильники Пащенкова поляна и у с. Тенгинское[3], Церковная щель I[4], Свистунова Щель[5], Бжид II[6], выявленные на черноморском побережье и в низкогорьях прибрежной зоны районов Туапсе — Геленджика, а также курганные группы предго-

[1] История народов… 1988, 233; Васильев 2007, 15–16.
[2] История народов…, 233.
[3] Анфимов 1956.
[4] Носкова 1992.
[5] Дмитриев 1999; Беспалый 2000.
[6] Шишлов и др. 2003, 57–89.

рий внутренних склонов Кавказского хребта Грузинка Ха, Грузинка Хб, Грузинка Х в, Лысенков I[7].

Группа памятников Церковная щель I, Свистунова щель, Бжид II, Грузинка Ха объединены общими особенностями погребального обряда и инвентаря. Погребения совершались на горизонте и в неглубоких могильных ямах (до 0,05–0,1 м), умершие покоились в положении лежа на спине, ориентировка западная с сезонными отклонениями, большинство погребений сопровождает разнообразный инвентарь. Преобладают одиночные захоронения. Насыпи курганов окружают каменные обкладки, состоящие из 1–3 ярусов радиально уложенных камней. Среди специфических признаков этой группы памятников следует назвать околомогильные каменные конструкции, представляющие собой сложенные из галечника или песчаника средних размеров 4–5-ярусные гробницы-крепиды, в разрезе имеющие форму несомкнутой арки. Для состава погребального инвентаря этих могильников характерны оригинальные наконечники дротиков пропеллерообразного сечения, бронзовые поясные бляхи в виде сегментов шара с растительным орнаментом на лицевой стороне, складные бритвы. Для датировки данной группы памятников важными являются находки в курганах могильников Церковная щель I и Бжид II шашек, появляющихся на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. Самая ранняя из адыгских шашек, известных на сегодняшний день, датируется 1713 г.[8]

В целом погребения этой группы памятников свидетельствуют о приверженности основной части оставившего могильники населения традиционным политеистическим представлениям. Однако среди общей массы погребений выделяются комплексы, обнаруживающие признаки исламизации отдельных членов адыгской общины. Среди этих признаков — поворот черепа на правый висок и небольшой разворот тела умершего вправо, отсутствие погребального инвентаря (Бжид II, Свистунова щель, Грузинка Ха, Грузинка Хб). К числу мусульманских погребений, по всей видимости, следует относить погребения, совершенные в неглубоких ямах, стенки которых обложены деревом, а сами ямы перекрыты продольными или поперечными деревянными плахами (Церковная щель I, Грузинка Хб).

С укреплением позиций ислама можно связывать более позднюю группу памятников Северо-Западного Кавказа, среди которых особенно выразительными являются погребальные комплексы курганных могильников Грузинка Хв, Пащенкова поляна и у сел. Тенгинское.

Курганная группа Грузинка Хв, по-видимому, представляет собой небольшое семейное кладбище, состоящее из 6 небольших курганчиков. Исследованные в нем погребения были совершены в глубоких (до 1,5 м) ямах, с заплечиками или ступеньками и отвесными стенками, на которые укладывается деревянное перекрытие. В соответствии с каноном погребенные были уложены с разворотом на правый бок, без сопроводительного инвентаря. С более ранними памятниками могильник Грузинка Хв сближают не соответствующие традициям ислама курганные насыпи и сооружение каменных обкладок по их основанию. Погребальные памятники адыгов, проживавших в XVII–XVIII вв. в районе Туапсе, также обнаруживают сочетание традиционных и мусульманских черт погребального обря-

[7] Дружинина и др. 2004, 261–262; 2005, 285–288; 2007, 309–311; Дружинина, Чхаидзе 2009, в печати.

[8] Аствацатурян 1995, 30.

да. На курганах разрушенного могильника Пащенкова поляна были обнаружены плиты с арабскими надписями XVIII в., в том числе и с абсолютной датировкой 1727 г. У села Тенгинское были выявлены небольшие курганчики, обложенные каменными обкладками. Погребения сооружались в подбоях, перекрытых деревянными плахами. В расхождение с каноном в некоторых из них был обнаружен погребальный инвентарь.

С другой стороны, материалы исследованных памятников показывают, что принятие ислама среди адыгского населения Северо-Западного Кавказа к XVIII в. не было всеобщим. Так, в соответствии с традиционными политеистическими представлениями были совершены погребения в могильнике Лысенков I: под курганными насыпями, окруженными каменными обкладками, на уровне древнего горизонта, в сопровождении погребального инвентаря. На позднюю датировку исследованных погребений, не ранее XVIII в., указывает обнаруженная в одном из курганов шашка.

Археологические материалы отчетливо указывают на довольно широкое распространение ислама среди адыгов Северо-Западного Кавказа в XVII–XVIII вв. Упрочение позиций мусульманского вероисповедания отражает эволюция погребального обряда адыгов этого периода в сторону увеличения числа погребений, совершаемых в могильных ямах, и глубины могильных ям, появления деревянных обкладок стен могильных ям и особенно — деревянных перекрытий могил, появления не характерных для более ранних памятников адыгов могил с подбоем — ляхдом в продольной боковой стенке, обращенной в сторону Кыблы, а также ям с заплечиками или ступеньками, на которые опирается деревянное перекрытие, или ям т. н. щелевой конструкции, при которой щель (шакк или хуфра) сооружается посередине могилы, в нее опускается покойник, а уступы используются в качестве опор для перекрытия. Изменяется положение умершего в погребении, тело которого разворачивают на правый бок, череп укладывают на правый висок. Увеличивается число безынвентарных погребений и уменьшается количество и разнообразие вещей в наборе сопроводительного инвентаря. К числу признаков мусульманского погребального обряда отнесем также сооружение «надгробий» в виде каменных стел над курганными насыпями, хотя в одном из хадисов говорится, что на месте захоронения мусульманина не следует оставлять никаких памятных знаков[9]. С другой стороны, даже наиболее близкие к требованиям исламских канонов погребения не утратили черт традиционных верований адыгов. Все рассмотренные погребения совершены под курганными насыпями, по основанию которых сооружались каменные обкладки, в некоторых погребениях, совершенных по мусульманскому обряду рядом с телом покойного был выявлен погребальный инвентарь.

Большой интерес представляют близко перекликающиеся описание погребения знатного адыга XIX в., оставленное Хан-Гиреем, и наблюдение сотрудницы этнографической экспедиции Центрального антирелигиозного музея А. Куниной, присутствовавшей на похоронах шапсуга в 1939 г.: «Весь похоронный обряд проводился по мусульманскому ритуалу… на месте погребения приготовляли могилу, которая по глубине должна была доходить мужчине до пояса, а женщине по груди.

[9] Васильев 2007, 42–44.

По стенам могилы выкладывались доски для того, чтобы земля не сыпалась на тело. Перед тем, как опустить тело в могилу, мулла читал молитву и принимал от родственников умершего дары, якобы для того, чтобы уменьшить грехи покойника. Затем тело опускали головой на запад и немного на бок, чтобы оно лежало наклонно к югу. Все присутствующие принимали участие в засыпании могилы, причем, каждый, перед тем, как передать лопату другому, клал ее на землю. Засыпанную могилу поливали водой»[10].

Параллельно с расширением сферы влияния ислама сильны оставались и традиционные верования адыгов, отражение которых в погребальных памятниках проявляется в традиции подкурганного обряда, совершении погребения на уровне древнего горизонта, сооружении разнообразных каменных околомогильных конструкций (каменная обкладка погребений, гробницы-крепиды, помещение нескольких крупных камней в изголовье и ногах погребенного и т. д.), сооружение каменной обкладки курганной насыпи, сопровождение погребенного набором погребального инвентаря.

Археологические источники свидетельствуют о том, что процесс обращения адыгского населения в ислам протекал не равномерно, во многом зависел от внешних факторов, особенно от прочности военных и политических позиций каждой из сторон русско-османского противостояния. Так, в письме 1827/1828 гг. верного Османской империи шапсугского (натухайского) князя Зан-оглу Сефербея о мерах по распространению ислама среди одного из субэтнических групп адыгов Северо-Западного Кавказа говорится: «Три четверти племени шапсугов приняли ислам, остальные не стали мусульманами и не повинуются. Они стараются вновь привлечь на свою сторону и других. Наставление их на истинный путь зависит от независимости коменданта Анапы от Османского государства и наличия у него большого количества воинов»[11]. Видимо, имели место случаи «возвращения» к традиционным верованиям своих предков новообращенных. О такой угрозе в докладной записке султану от 3 января 1825 г. пишет комендант Анапской крепости Абдуллах, сетуя, что его предшественник Сейид Ахмед-паша преждевременно уверовал в прочность убеждений той части адыгов, что приняли ислам, «думая, что верующая группа уже на истинном пути, не поощрял их, больше уделял внимание группе, творящей зло», высказывает опасение, что «в таком положении, когда плохие — в почете, а хорошие — у них в подчинении, они постепенно перестанут соблюдать порядок»[12] .

В горных районах Северо-Западного Кавказа языческие представления оказались особенно прочными[13]. Л. И. Лавров вспоминал, как он, будучи студентом Ленинградского университета приехал летом 1930 г. на практику к черноморским шапсугам в первый же день столкнулся со свидетельствами поклонения местного населения священным рощам[14]. Восприятие мусульманских традиций и обрядов происходило избирательно так же, как ранее лишь некоторые христианские традиции получили распространение в местной среде в весьма специфической

[10] Хан-Гирей 1974, 205–206; Кунина 1940, 22.
[11] История адыгов…, 2009, 43–44.
[12] Там же, 43–44.
[13] Хан-Гирей 1974, 172; Лавров 1959, 235.
[14] Лавров 1982, 21.

форме, они обогатили сложную картину верований населения, основу которых составляли древние языческие представления.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н. В. 1956: Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1385.

Аствацатурян Э. Г. 1995: Оружие народов Кавказа. М.–Нальчик.

Беспалый Г. Е. 2000: Отчет о раскопках могильника «Свистунова щель 1» на трассе газопровода Россия-Турция в 2000 г. в Туапсинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р–1. № 24523.

Васильев Д. В. 2007: Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань.

Дмитриев А. В. 1999: Отчет о раскопках могильников «Тешебс» и «Свистунова щель» на трассе газопровода Россия — Турция в 1999 году на территории г. Геленджика и Туапсинского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р–1. № 23 168.

Дружинина И. А., *Кочкаров У. Ю.*, *Чхаидзе В. Н.* 2004: Раскопки средневековых курганов на реке Абин // АО, 261–262.

Дружинина И. А., *Кочкаров У. Ю.*, *Чхаидзе В. Н.* 2005: Изучение средневековых курганов в долине реки Абин // АО, 285–288.

Дружинина И. А., *Кочкаров У. Ю.*, *Чхаидзе В. Н.*, *Шевченко А. А.* 2007: Исследование средневековых курганов в долине реки Абин // АО, 309–311.

Дружинина И. А., *Чхаидзе В. Н.* 2009: Работы Адыгейского отряда ИА РАН в Абинском районе Краснодарского края // АО. (в печати).

История адыгов в документах Османского государственного архива. 2009: Вып. 1. Нальчик.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988: М.

Кунина А. 1940: Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года. М.

Лавров Л. И. 1959: Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.

Лавров Л. И. 1982: Этнография Кавказа. Л.

Носкова Л. М. 1992: Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 16039, 16040.

Хан-Гирей 1974: Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Нальчик.

Шишлов А. В., *Колпакова А. В.*, *Федоренко Н. В.*, *Кизенёк Л. Н.*, *Дмитрук В. В.* 2003: Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 4. Новороссийск.

THE SPREAD OF ISLAM AMONG THE ADYGS OF NORTH-WESTERN CAUCASUS

I. A. Druzhinina

The article, based on the analysis of Adyg burial mounds material, deals with the spread of Islam in the 17th—18th cc. in the north-western Caucasus. The author puts forward a dating procedure for a number of burial places of the Black Sea north-eastern coast and in the foothills of the north-western Caucasus. The author also reveals evolution peculiarities of the Adyg burial rite of the time.

Key words: Adygs, the north-western Caucasus, Islam, burial ritual.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2010

Л. Л. Селиванова

ВОИТЕЛЬНИЦЫ РУССКИХ СТЕПЕЙ. ВАРВАРЫ И ЦИВИЛИЗАТОРЫ

Миф об амазонках оказался исключительно живуч и активно применялся в разных целях, в том числе и в политических, в Античности, в Средние века, в Новое время. В статье рассматривается, как миф об амазонках и скифах использовался в политике России XVIII в. Речь идёт о малоизвестной странице российской истории — о формировании князем Г. А. Потёмкиным в Крыму роты вооруженных женщин.

Ключевые слова: античная цивилизация и варварский мир, скифы.

Взаимоотношения античной цивилизации и варварской периферии являются одной из ключевых тем современного антиковедения. Проблемы противостояния и взаимовлияния двух типов социальной организации, характер греческой колонизации, роль самобытной культуры соседних народов в становлении античной цивилизации, критерии «варварства», понятие «варвар» и его использование в политической лексике, — эти и многие другие вопросы по-новому ставятся и раскрываются в науке об античности первого десятилетия наступившего века[1]. Неизвестно, когда произошло противопоставление «грек — варвар», но на определенном этапе развития межэтнических связей возникла идея превосходства греков над другими народами, а слова «варвар» и «раб» стали синонимами[2]. Появившись на северных берегах Понта, греки столкнулись с суровым климатом, непривычной этнической средой, чужими психологией, бытом, нравами, образом жизни. Знакомство с жизнью других народов не изменило менталитета греков, но существенно обогатило их собственную культуру. Кочевой мир, построенный на принципах постоянной готовности к войне, лишениям, голоду, кочевью и зависящий от силы, выносливости, мобильности и взаимовыручки каждого, представлял собой общество гендерного равенства, где женщины сражаются вместе и наравне со своими мужчинами[3]. Такое общество было непонятно и чуждо грекам, чьи жены и дочери томились в гинекеях. И реальные истории преобразовались в греческом сознании в легенды о прекрасных и безжалостных воительницах-амазонках.

Античные авторы помещали амазонок в разных частях ойкумены, чаще всего в Малой Азии, на р. Фермодонт, где находилась столица амазонского царства Фемискира (Serv. ad Verg. Aen. II. 11.659; ad Apoll. Rhod. II. 977; Apollod. II. 5.

[1] См., например: Античная цивилизация и варвары 2006.
[2] Маринович 2006, 6–11.
[3] Bisset 1971, 151; Osborne 1998, 50–57.

9; Paus. I. 2; 15; Strabo. I. 3; XI. 5; XII. 3 etc.). После захвата города, согласно Геродоту (IV. 110–117), вывезенные греками на кораблях амазонки подняли в море бунт, перебили мужчин и несколько дней, гонимые ветром, носились по волнам Чёрного моря, пока их не прибило к Кремнам[4] на озере Меотида (Азовское море). Здесь они захватили табун лошадей[5] и стали грабить скифскую землю. Скифы выставили против амазонок свои отряды, полагая, что имеют дело с ещё безбородыми юношами, пока не поняли, что это женщины[6]. После этого боевые действия были прекращены, и к амазонкам, от которых скифы хотели иметь сильных детей, был послан цвет скифской молодежи по числу женщин. Юношам было приказано стать соседним лагерем, в стычки не ввязываться, убегать. Со временем оба стана стали жить вместе, затем молодые скифы вместе с амазонками выселились на север, за Танаис (Дон)[7], где стали родоначальниками племени савроматов, сохранивших обычаи амазонок. Так амазонки оказались в краях, которые позже будут называться южнорусскими степями.

Если два «варварских» племени сумели проявить «политическую мудрость» и договориться[8], то греки, строившие свои отношения с другими этносами с позиции собственного превосходства, нередко получали «симметричный ответ»[9]. «В этом смысле контраст между двумя мирами, вступившими в непосредственное соприкосновение в эпоху Великой колонизации: миром эллинских полисов и племенным миром Евразии, — именно здесь, в Северном Причерноморье, достиг своей предельной остроты и напряженности»[10]. А к концу IV в. до н.э. окончательно сформировался негативный образ варвара, которому было отказано в праве на свободу. «Нетрудно догадаться, что за выказываемое к ним отвращение варвары и в том числе скифы должны были платить надменным самовлюбленным эллинам той же монетой», причем в стихийной, неуправляемой форме[11].

---

[4] Кремны («Кручи») — городок на западе Приазовья между оз. Молочным и р. Домузглы в Запорожской обл. Склоны у самого устья Домузглы, действительно, крутые. Район Кремн был периферийной землёй царских скифов, где были обнаружены крайние восточные курганы. По Геродоту, царские владения, где живут храбрейшие скифы, находились «по ту сторону реки Герра», т.е. западнее Молочной. См.: Яценко 1959, 19, карта.

[5] Обширные степные пространства, а также речные берега с сочными пастбищами издавна были раздольем для диких лошадей, которые водились здесь вплоть до средневековья. Об этом свидетельствуют и современные топонимы: древний Гипакирис — это река Конка, впадающая в Днепр через плавни («Конские Воды»), а Гипанис (Горный Тикич) вытекает из озёр, среди которых расположены с. Конела, а восточнее — с. Кобыляки.

[6] По все видимости, именно этот сюжет был изображен на знаменитом Боспорском рельефе со сценой сражения, ныне хранящемся в ГМИИ им. А. С. Пушкина и обстоятельно исследованном в коллективной монографии: Боспорский рельеф 2001.

[7] С этого времени Танаис стал границей между Скифией и Савроматией. Согласно мнению акад. Рыбакова, считавшего Танаис не Доном, а Северским Донцом и низовьями Дона, савроматы жили в междуречье Донца и Дона, а также на юго-востоке от излучины Танаиса — Донца на три дня пути, то есть в Сальских степях по Манычу, где имеется много савроматских памятников. См.: Рыбаков 1979, 28, 54, 62.

[8] Боспорский рельеф, иллюстрируя миф о происхождении савроматов, был, таким образом, напоминанием и примером того, как должны выстраиваться межэтнические отношения (Селиванова 2009а, 145).

[9] Об истории взаимоотношений греков и варваров в этом регионе см.: Завойкин 2004, 58–93.

[10] Андреев 1996, 7.

[11] Андреев 1996, 8–9.

Миф о воинственных женщинах древности оказался на редкость живуч и пережил века. Его активно применяли в разных целях, в том числе и в политических, в античную эпоху[12], средние века[13], в новое время. Был он популярен и в России, где на протяжении нескольких столетий господствовала идея о происхождении русских непосредственно от скифов. В Европе же отождествление России со Скифией, а русских со степными варварами было обычным. Византийцы именовали земли Юга России Великой Скуфью. Доктрина превосходства одних народов над другими оказалась перманентной в истории. Те же самые стереотипы, которые античность приписывала скифам, просвещенная Европа в полном объеме перенесла на русских и Россию: воинственность, храбрость, буйство, стихийность, жестокость, дикость, хитрость, неумение пить. Никто и не спорил: русские художники, писатели, поэты искусно подыграли этим настроениям, создав своего рода художественные декларации, среди которых «Скифы»[14] А. А. Блока и К. Д. Бальмонта, «Мы — скифы» В. Я. Брюсова и др. Но это будет позже. А о том, как миф об амазонках и скифах использовался в политике и дипломатии России XVIII в., пойдет речь в этой статье.

После победы над турками в войне 1768–1774 гг. Керчь и окрестности, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, активно начинают заселяться греками. А когда в 1783 г. Екатерина присоединила Крым к России, начался следующий этап греческого заселения. История возвратилась на круги своя: в античную эпоху Боспор был одним из основных проводников греческого влияния на местное, скифское и синдо-меотское население, прошли века, полностью сменился этнический состав полуострова, и на Боспоре вновь оказались греки. «Новый свет просиял в древнем Понтийском царстве под руководством завоевателя Тавриды», — писал племянник Г. А. Потёмкина А. Н. Самойлов[15]. Из греков было образовано так называемое Албанское воинство, в задачу которого входило несение кордонной службы от Севастополя до Феодосии, карантинной службы во время частых эпидемий, а также надзор за порядком на полуострове. Прежде всего это касалось контроля над замиренными Екатериной татарами, время от времени поднимавшими инспирируемые турками бунты[16]. Во

[12] См., например: Schaps 1982, 193–213; Tyrrell 1984; Block 1995.

[13] Особенно долго сохранялись и часто возрождались пережитки матриархата у степных народов. «Матриархальная вуаль» характерна для многих тюрко- и ираноязычных этносов евразийских степей. См.: Плетнева 1998, 529–537.

[14] Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

[15] Самойлов 1867, 1015.

[16] Крымским татарам были дарованы льготы: их освободили от податей, повинностей и от рекрутского набора, а дома — от постоя войск. Им было дано право свободно совершать мусульманские обряды и разбирать дела по шариату. Мурзы и простые татары были осыпаны разными наградами. Все мурзы были возведены в дворянское достоинство. Так, среди снаряженных к императрице депутатов от Таврической области были «коллежский советник Темир-ага Симферопольский, дворянский предводитель Абивелий-ага, коллежский асессор Мех-Мечети, дворянский секретарь Гуссейн-Хоза» (Есипов 1891в, 410). Правительство в лице Потемкина не препятствовало переселению татар в Турцию, и вначале эмигрировало около 80 тысяч человек. Впоследствии многие из них, видя разумную политику России и не получив в Турции обещанных льгот, просились обратно. См.: Широков 1997, 293–294.

всех последующих Крымских войнах греки выказали себя преданными русскому престолу. В том же, 1783 году Светлейший Князь Потёмкин был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, в 1784 г. был пожалован в генерал-фельдмаршалы, назначен шефом кавалергардского корпуса и генерал-губернатором Крыма[17]. Сразу он приступил к обустройству этого края, проявив при этом недюжинный талант организатора.

Беседуя с императрицей, он не раз с воодушевлением рассказывал, какие храбрые и мужественные воины греки, и что даже женщины их обладают доблестями мужей. Государыня, смеясь, спросила, чем он может это доказать? Светлейший обещал убедить её на месте[18], чем и подвиг на путешествие в «полуденный край». Разумеется, главной целью поездки было показать Порте и её западным союзникам силу и военную мощь Российского государства, посредством, в том числе и демонстрации Черноморского флота.

План этого предприятия вызревал давно, с 1780 г., когда Екатерина с подачи Вольтера увлеклась «греческим проектом» — идеей освобождения Греции от турецкого владычества. Потёмкин, будучи горячим сторонником этой идеи, связывал её с присоединением Крыма к России[19]. Екатерина задумала поездку в Крым сразу же после его покорения, но вмешалась эпидемия: на юге империи свирепствовала чума. Только весной 1784 г. начались приготовления к поездке. 13 (24) октября 1784 г. Г. А. Потёмкин подписал ордер «О приуготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местах, где во время путешествия будут обеденные столы, о дворцах, которые должны строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы» и т. п.[20] Князь сам разработал маршрут путешествия: через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов в Киев, оттуда по вскрытии вод на судах по Днепру до Нового Кайдака (где назначено было быть губернскому городу Екатеринославу), дальше посуху в Херсон, Тавриду и обратно через Черкасск, Бахмут, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Тулу и Москву[21]. В 1786 г. в Санкт-Петербурге вышла книга, описывающая маршрут, природные богатства и экономическое состояние территорий, по которым он пройдёт[22]. 7 января 1787 г. царский поезд отправился в путь[23]. Путешествие в Крым обошлось казне в 15 миллионов рублей и ещё около 4 миллионов рублей самого Потёмкина (его годовой доход), хотя недоброжелатели поговаривали, что его расходы составили несколько сот миллионов рублей. Помимо придворных и высших сановников в свиту императрицы входили иностранные посланники: австрийский Кобенцель[24], французский Луи Филипп Сегюр (впоследствии член французской Академии наук, автор восьми книг, оставивший интереснейшие сви-

[17] Семевски 1875, 692.
[18] Дуси 1844, 267.
[19] Есипов 1890–1891, 182.
[20] Брикнер 1891, 82, 91.
[21] Маркевич 1891, 88.
[22] Путешествие 1786.
[23] Есипов 1890, 391; Семевски 1875, 696.
[24] Кобенцель Людвиг (1753–1809) — граф, известный австрийский государственный деятель и дипломат, посланник в Пруссии (1774–1779), посланник, а затем посол в России (1779–1800); многое сделал для сближения Австрии и России; министр иностранных дел (1800), канцлер и глава правительства (1801–1805).

детельства о путешествии), английский Фиц Герберг и два испанских принца — Шарль Жозеф де Линь[25] и Карл Генрих Нассау-Зиген (принц Нассауский)[26]. Все они вели активную переписку и дневники. Эти документы опубликованы в дореволюционных журналах, в частности, в «Русской старине»[27]. В Каневе Екатерина встретилась с польским королем Станиславом-Августом Понятовским. Близ Кайдан (после Канева) к кортежу присоединился австрийский император Иосиф II, путешествовавший инкогнито, под именем графа Фалькенштейна[28]. 18 мая кортеж пересёк границу Таврической области. 12 дней, вплоть до 31 мая Екатерина со свитой обозревала «своё маленькое хозяйство». Огромное впечатление на иностранцев произвёл Черноморский флот, эффектно представленный Светлейшим в Инкермане[29], а также последующая поездка на шлюпках в Севастополь[30].

Памятуя о своём обещании императрице, Потёмкин отдал приказ командующему Балаклавским Греческим полком на Русской службе премьер-майору К. Ю. Чапони сформировать роту из вооруженных женщин. Светлейший сам занялся конструированием новой формы для амазонок. Князь был большим щёголем[31] и не раз поражал придворных на балах своими затейливыми нарядами[32]. Неудивительно, что в его эскизе смешались элементы греческого, турецкого, крымско-татарского и ещё Бог весть каких костюмов. Комиссия утвердила форму, которая состояла из юбки малинового бархата, расшитой золотым галуном и отороченной золотой бахромой, зелёного бархатного спенсера, также обшитого золо-

[25] Принц Шарль Жозеф де Линь (Charles-Joseph de Ligne, 1735–1814), австрийский фельдмаршал, сподвижник Г. А. Потемкина, происходил из знатного бельгийского рода. В 1782 г. был послан императором Иосифом II с важными поручениями к Екатерине II и надолго остался в России. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. де Линь находился при армии Потёмкина, участвовал в осаде и взятии Очакова. Принц оставил после себя многочисленные сочинения, выборку из которых опубликовала в 1809 г. французская писательница А.-Л.Ж. де Сталь (1766–1817) под заглавием «Lettres et pensées».

[26] Карл Генрих Николай Отто, принц Нассау-Зиген (1743–1808), прозванный современниками «паладином XVIII века», состоял на русской службе в 1788–1794 гг., адмирал русского флота, сопровождал Екатерину в крымском путешествии, находился в дружеских отношениях с Потёмкиным.

[27] Так, принц Нассауский ежедневно писал письма своей супруге в Варшаву и вёл подробные дневники. См.: Нассау-Зиген 1893, 283–299.

[28] Записки 1865, 276–277.

[29] Записки1865, 213–215.

[30] При вступлении на катер императрица изволила сказать: «Здравствуйте, друзья мои! Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!» — «От евдакой матушки царицы чего не может статься!» — галантно отвечал загребной матрос Жаров, лучший шкипер во флоте. Обратившись к командующему флотом графу Войновичу по-французски, Екатерина не без удовольствия заметила: «Какие ораторы твои матросы!» См.: Арцымович 1855, 144–145.

[31] «В пристойном, но великолепном убранстве… при торжествах и церемониях он, одеваясь во вкусе высшего щегольства, любил украшаться… драгоценностями, являя, что всё то получил от щедрот монархини» (Самойлов 1867, 1572).

[32] Так, устраивая у себя в Яссах пиры, балы и домашние спектакли, на которые выписывались из Петербурга балетмейстер Розетти с фигурантами, князь нередко одевался в гетманское платье, фасон которого выдумал сам, будучи пожалован в январе 1790 г. «великим гетманом казацких войск — екатеринославских и черноморских». Праздник, данный Потёмкиным в Таврическом дворце 28 апреля 1791 г. по случаю победы над турками был чудом роскоши и изящества. Внутреннее устройство дворца и программу сочинял сам Светлейший, который «являлся в алом кафтане и в епанче из чёрных кружев; шляпа его, украшенная галуном из бриллиантов, была до того тяжела, что её носил за князем адъютант». См.: Семевски 1875, 225, 244.

тым галуном,[33] и тюрбана из белой дымки с золотыми блестками и страусовым пером[34].

Получив приказ в марте, К. Ю. Чапони был поставлен в затруднительное положение: императрицу ожидали в мае[35], времени оставалось очень мало. Тем не менее он сумел сформировать роту из 100 человек. Это были жёны и дочери офицеров полка, оставшиеся вакансии были заполнены девушками из других греческих семейств. За два месяца их научили стрелять, фехтовать, скакать верхом, держать строй и перестраиваться. Каждая имела при себе небольшую саблю и ружье на три выстрела порохом. Командовать над ними была поставлена жена старшего офицера Елена Ивановна Сарандова (впоследствии Шидянская) — дама пышных форм, впрочем, вполне в соответствии со значением слова «амазонка» (если понимать начальную альфу как intensivum, а не privativum[36]) и не в противоречии с античной иконографией[37].

24 мая рота готовилась встречать императрицу под Балаклавой, у деревни Кадыковка (Кады-Кой), выстроившись фронтом в конце живописной аллеи, засаженной апельсиновыми, лимонными и лавровыми деревьями и усыпанной ветвями лавра[38]. (Рис. 1). Неожиданно накануне там появился австрийский император Иосиф II, который прибыл, чтобы полюбоваться бухтой и осмотреть развалины древней крепости. Однако, увидев красоты иного рода, он развернулся и поскакал к девушкам. Подъехав к Елене Ивановне, он взял её за подбородок и поцеловал в губы[39]. Рота взроптала, «послышались из фронта слова укоров и мести»[40]. Тогда Елена, которой на ту пору было девятнадцать, скомандовала: «Смирно! Чего

---

[33] Зелёный и красный цвета были выбраны, скорее всего, неслучайно: это цвета не только мундиров Греческого полка, но и национальной одежды татар.

[34] Есипов 1886, 72; Записки 1865, 296–297.

[35] Дуси 1844, 267.

[36] Слово «амазонка» объясняли по-разному: «без хлеба» (a-maza), «живущие вместе» (amazoosai), «с поясами» (ama-zoonais), «воин» (от иран. ha mazan), «луна» (на черкесском — «maza»), «юноша» («amaze» на Кавказе), «превосходная женщина» (от калмыкских «aeme» и «tzaïn»), «падшая женщина» («zouneh» на иврите), «мужеподобные» («omuzhony» в славянских языках) и т.д. Однако наиболее распространенным является толкование «без груди» (a-mazos, или a-mastos), восходящее к представлениям древних греков о том, что амазонки удаляли себе правую грудь, чтобы та не мешала стрельбе из лука и вся сила перешла бы к правой руке. Псевдо-Гиппократ писал: «Правой груди они не имеют, ибо ещё во время младенчества матери накладывают на правую грудь накалённый медный инструмент, для этого сделанный, и прижигают её, чтобы уничтожить её рост и чтобы вся сила и полнота перешли к правому плечу и правой руке» (Hippocrates. De Articulis. 53). В произведениях искусства, однако, амазонки никогда не изображались с этим увечьем. В древнегреческом языке, к тому же, начальная «альфа» имеет несколько значений, среди которых не только отрицательное (privativum), но и усилительное (intensivum), последнее при этом меняет смысл с «безгрудой» на «полногрудую».

[37] В прежние времена мужчины не задыхались при виде чахлых, заморенных созданий неопределённого пола. Александр Македонский в письме к матери характеризовал «амазонид» как значительно превосходящих ростом прочих женщин, отличающихся красотою, здоровьем, сообразительностью и остроумием (Callisth. III. 27). А у христианского писателя IV–V вв. н.э. Евсевия Иеронима, амазонки изображены «с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин» (Hier. II. 37).

[38] Отрывки из записок 1852, 46.

[39] Дуси 1844, 268; Лашков 1889, 85.

[40] Уманец 1887, 210–211.

испугались? Ведь император не отнял у меня моих губ и не оставил своих!» [41]. Похоже, поцелуй был всё-таки горяч. «Куда Вы спрячете свои высокие груди[42], если придется Вам сражаться?» — якобы спросил Иосиф. «Груди драться мне не помешают, Ваше сиятельство!» — ответила амазонка[43].

На следующий день, 24 мая Иосиф II приехал уже в одной карете с Екатериной и Потёмкиным. Государыня пришла в восторг от бравых воительниц. Подозвав Елену Ивановну, она тоже поцеловала её в губы и, потрепав по плечу, сказала: «Поздравляю Вас, амазонский капитан! Ваша рота исправна: я ею очень довольна»[44]. Реакция Екатерины была понятна: она и сама была страстной любительницей верховой езды, иной раз, по собственным воспоминаниям, проводя в седле 13 часов! Ей принадлежала идея усовершенствования седла и костюма, которым она пользовалась по-мужски небрежно[45]. В своей собственной биографии императрица творила миф об амазонке, умело вплетая его в государственную идеологию.

Рис. 1. Встреча Екатерины II «амазонской ротой» вблизи Балаклавы в 1787 г.

[41] Дуси 1844, 266.

[42] Вновь обыгрывается древняя легенда о безгрудых амазонках. Военный историк А. В. Кибовский, ошибочно приписывая эти слова принцу де Линю, объясняет их так: «Принц де Линь… всё путешествие 1787 г. находился в какой-то эйфории, ощущая себя чуть ли не в райской Аркадии с идеальной правительницей Екатериной II. Вероятно, и “амазонские груди” — плод его восторженного воображения или просто литературный оборот, подчеркивающий женский состав роты или какую-либо особенность её одеяния». См.: Кибовский 1997, 18.

[43] Уманец 1887, 212.

[44] Дуси 1844, 268; Лашков 1889, 85.

[45] Вачева 2005, 42–45.

Светлейший сиял: сюрприз удался! Григорий Александрович — личность выдающаяся, истинный вдохновитель и строитель Черноморского флота, проявил себя не только прекрасным организатором, прозорливым политиком и умелым дипломатом[46], но и тонким психологом. Незначительный, казалось бы, эпизод[47] — встреча Екатерины с амазонками — стал, с точки зрения, как сейчас бы сказали, политтехнологии, блестящим попаданием «в яблочко». Поездка императрицы в «полуденный край» готовилась несколько лет и была продумана до деталей так, чтобы всё «работало» на идею мощи Российской империи и на имидж её первого лица. Если десятилетием раньше Екатерина могла начертать на памятнике работы Э.-М.Фальконе: «Первому — Вторая», подчеркнув тем самым непосредственную преемственность своей власти от Великого Петра[48], то теперь была обыграна древняя легенда о встрече в степях (в 329 г. до н.э.) Александра Македонского,

[46] Скептицизм и недоверие иностранных посланников, принцев и королей после посещения Крыма исчезли. Сегюр в письме к Потёмкину, написанном сразу же после путешествия, обещал: «Я там [во Франции — Л.С.] с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам: коммерцию, завлеченную в Херсон, несмотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в два лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий Тысячу и одну ночь, вашу Темпейскую долину [живописная Байдарская долина, в которой находилось имение Потёмкина. По древнегреческим мифам, из Темпейской долины на севере Греции пришёл, очистившись, Аполлон и завладел Дельфийским оракулом. — Л.С.]; ваши празднества, почти баснословные, в Карасубазаре; ваш Екатеринослав, где вы собрали в три года более монументов, нежели иные столицы в три столетия; эти пороги, которые вы подчинили своей власти, в ущерб авторитетности историков, географов и журналистов, и ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигом своих семидесяти эскадронов на критики, которыми невежество да зависть клеветали на вашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят — вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь малое время и не гордились ими перед всеми, пока не показали нам их всех вдруг». Сподвижник Екатерины А. Г. Чертков писал: «Ему — ему одному [Потёмкину — Л.С.] можно такие дела делать, и когда он успел всё это сделать?.. Ну, подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают?» (цит. по: Брикнер 1891, 101–101). Высоко ценили и военный гений Потёмкина. В письме к Сегюру из лагеря под Очаковом в августе 1788 г. де Линь писал: «Агамемнон посреди греческих царей, когда является своей армии. Какое же его волшебство? Гений, гений и гений! Врожденный ум, прекрасная память, высокость духа, тонкость без всякого коварства, счастливая примесь какого-то единственного своенравия, которое в хорошие минуты привлекает к нему сердца; неограниченное великодушие, искусство награждать приятно и по мере заслуги, верное чувство, дар угадывать то, чего он не знает, и наконец, глубокое знание человеческого сердца». См.: Два письма 1809, 20.

[47] А. В. Кибовский, не отрицающий самого факта этой встречи, тем не менее не придает ей особого значения: «Вероятно, рота вышла встречать Екатерину II вместе с Греческим полком, а её появление было столь незаметным в череде “потёмкинских сюрпризов”, что практически никто, кроме императрицы, де Линя и самого Потёмкина не обратил на неё должного внимания». В том же духе он отрицает возможность организации пусть временного, но конного подразделения из женщин в XVIII веке. См.: Кибовский 1997, 16–19. Как «проявление прихотливого самодурства» Потёмкина рассматривает историю с амазонской ротой А. М. Панченко, выразив, по сути, общий взгляд на проблему. См.: Панченко 1999, 465–466.

[48] В Европе под влиянием военных успехов России писали, что Екатерина, сумевшая понять истинные планы Петра Великого (почему её правление и считалось продолжением его царствования), желала вытеснить турок в Азию и восстановить Византийскую империю. Вольтер прямо утверждал, что на самом «Атмайдане» (площади в Константинополе) должна быть воздвигнута статуя Екатерины II точно такая, какую она поставила Петру I. Эти толки особенно были в ходу, когда Потёмкин строил в Херсоне флот и крепость. См.: Уманец 1887, 219. А. Н. Самойлов, говоря о подражании Екатерины гению Петра Великого, подчёркивал, что Потёмкин «стремился произвести на Юге во славу императрицы своей, что великий Пётр совершил на Севере» (Самойлов 1867, 1564, 1203). См. также: Бильбасов 1900, VII.

когда он преследовал Дария, с царицей амазонок Фалестрис или Минифией (Diod. XVII. 77. 1–3; Plut. Alex. 46; Strabo. XI. 5.4; Quint. Curt. VI. 5.29), которая выехала к нему в сопровождении кавалькады из 300 всадниц[49]. Встреча с реальными, а не мифическими амазонками в степях России произвела огромное впечатление и на иностранцев[50], которые оставили восторженные отклики о девичьей роте. Австрийский принц Шарль Жозеф де Линь вспоминал: «Я не видел здесь открытых женских лиц, кроме батальона албанок из небольшой Македонской колонии, поселившейся в Балаклаве: 200 прекрасных женщин или девиц, вооруженные ружьями, штыками и пиками вышли нам навстречу, чтобы оказать честь, а не из любопытства»[51].

Е. И. Сарандова последовала за императрицей дальше, в Бахчисарай[52]. Екатерина любила и ценила свою армию и умела благодарить. Так, Елена Ивановна, получившая из рук царицы чин капитана, стала первой в российской армии женщиной-офицером. А затем уже из Ак-Мечети (современного Симферополя) государыня передала г-же Сарандовой своё монаршее благоволение и всемилостивейший дар — бриллиантовый перстень стоимостью 1 800 руб., а амазонкам — 10 000 руб. ассигнациями[53], огромные по тем временам деньги. Вскоре рота была расформирована[54]. Светлейший получил титул князя Таврического и 100 000 руб.[55] Императрица считала деятельность его «полезною»[56], а Крым называла драгоценной жемчужиной своей короны.

В официальной историографии того времени прародителями славян, а, значит, и русских, считались скифы[57]. Эту концепцию развивала и сама Екатерина II. В своем труде «Записки касательно российской истории», вышедшем в том же 1787 г., когда состоялось её путешествие в Тавриду, она отмечает, что скифские женщины сражались наравне с мужчинами во время войны[58]. Так миф об амазонках стал важной составляющей как в персональном мифе российской императрицы, так и в государственной мифологии Российской империи[59]. А в самом Светлейшем иностранцы находили скифские черты. По словам графа де Сегюра, «Потёмкин может служить живым олицетворением империи Российской: подобно ей — исполин, он совместил в своём уме области плодоносные и степи. В нём являлась смесь азиятского, европейского, татарского и казацкого»[60]. Таким был

[49] Kleinbaum 1983, 19–22; Mayor, Ober 1991, 74; Lane, Wurts 1998, 47–48.

[50] Селиванова 2009, 374–379.

[51] Ligne Charles Josehp de 1809, 82.

[52] Дуси 1844, 268; Есипов 1886, 75.

[53] Записки 1865, 296–297; Есипов 1886, 75; Дуси 1844, 268; Лашков 1889, 85.

[54] Бывшая амазонка пользовалась большим уважением и авторитетом не только в своем городе, но и в округе. До конца своей жизни она считала встречу с Екатериной самым ярким событием своей жизни, императрицу боготворила и полагала время её царствования «золотым веком». Умерла Елена Ивановна на 95-м году жизни, похоронена на Симферопольском кладбище. О судьбе капитана амазонок см.: Селиванова 2010, 86–88.

[55] Брикнер 1891, 102.

[56] 27 июля 1787 г. из Царского Села Екатерина пишет: «Ты мне служишь, а я признательна… Врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи» (Брикнер 1891, 102–103).

[57] Зорин 2002, 110.

[58] Зорин 2002, 100.

[59] Вачева 2005, 46.

[60] Цит. по: Семевски 1875, 259.

ответ русских варваров цивилизованной Европе, который много позже выльется в бальмонтовских строках:

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага…
…Налетим, прошумим — и врага повлечём на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.
Наше счастье — война, наша верная сила — в колчане,
Наша гордость — в незнающем отдыха быстром коне.

Незадолго до создания своих «Скифов» Александр Блок записал 11 января 1918 г. в дневнике: «Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ… будет единственно достойным *человека*»[61].

Рис. 2. Знаменитый амазонский выстрел. Фрагмент скульптурного декора крышки диноса из Капуи. Начало V в. до н.э. Лондон, Британский музей

Лучше всего сформулировал эту идею граф Л. Ф. Сегюр в своей книге, опубликованной в 1803 г. в Париже: «На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия. Путешествие это из контроля над действиями Потёмкина должно было превратиться в торжество его, Екатерины и вообще России в глазах Европы, в демонстрацию перед Оттоманской Портой и её союзниками, оно должно было внушить страх недоброжелателям России...»[62]. В рамках большой стратегической задачи частные мероприятия, вроде встречи

[61] Блок 1989, 260–261.
[62] Цит. по: Широков 1997, 293.

со степными воительницами, носили тактический характер и преследовали ту же цель — стать для Запада тем самым «парфянским выстрелом» [63] (рис. 2), честь изобретения которого античная традиция приписывала легендарным амазонкам[64].

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Ю. В. 1996: Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1, 3–17.

Античная цивилизация и варвары. 2006: Античная цивилизация и варвары / Л. П. Маринович (ред.). М.

Арцымович. 1855: Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. СПб., Т. 15, № 4, Апрель, 113–171.

Бильбасов В. А. 1900: История Екатерины II. Т. II. Берлин.

Блок А. А. 1989: Блок А. А. Дневник. М.

Боспорский рельеф 2001: Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.–СПб.

Брикнер А. Г. 1891: Потёмкин. СПб.

Вачева А. 2005: «…Я страшно люблю верховую езду». Топос амазонки в автобиографии Екатерины II // Болгарская русистика. София, 3–4, 40–48.

Два письма 1809: Два письма принца де Линя // Вестник Европы. М., часть 48, № 21, 20.

Дуси Г. 1844: Записка об амазонской роте // Москвитянин. М., 1, 266–268.

Есипов Г. В. 1886: Амазонская рота при Екатерине II // Исторический вестник. СПб., Т. 23. № 1, 71–75.

Есипов Г. В. 1890: Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. Киев, декабрь, Т. XXXI, 391–411.

Есипов Г. В. 1891: Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. Киев, Т. XXXII, январь, 98–118.

Есипов Г. В. 1891а: Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. Киев, Т. XXXII, февраль, 215–321.

Есипов Г. В. 1891б: Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. Киев, Т. XXXIII, апрель, 68–81.

Есипов Г. В. 1891в: Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. Киев, Т. XXXIII, март, 402–421.

[63] Ростовцев 1993, 98–107.

[64] Тактика ложного отступления, при котором амазонки, заманивая противника вглубь, отстреливались, оборачиваясь на скаку — приём, впоследствии считавшийся присущим всем варварам, кочевникам. Однако термин «парфянский выстрел» не совсем корректен: парфяне появляются на исторической арене много позже – во II в. до н.э., а первое их военное столкновение с римлянами происходит в I в. до н.э. Но впечатление на античный мир парфянские воины произвели огромное. Чего стоили поражение и смерть в 53 г. до н.э. Красса, победителя Спартака, а также неудача Парфянского похода Марка Антония в 36 г. до н.э.! Как большой дипломатический успех императора Августа расценивалось возвращение в 20 г. до н.э. взятых парфянами в качестве трофея военных знаков в битве при Каррах (53 г. до н.э.). Самыми ранними памятниками, на которых появляется фигура всадника, стреляющего назад, являются предметы ассирийского и финикийского искусства VIII–VII вв. до н.э. По мнению М. И. Ростовцева, этот способ стрельбы был заимствован ассирийцами тогда же от их соседей — то союзников, то врагов — кочевых киммерийцев и скифов (Ростовцев 1993, 100). Со скифами, савроматами связывали амазонок. См.: Мирошина 1995, 3–10; Мурзин, Фиалко 1999, 206–209; Фиалко 1991, 8–11; Фиалко 2005, 242–247; Davis-Kimball 1997, 46–48; Davis-Kimball 1997/98, 1–50; Guliaev 2003, 117–119; Rolle 1989, 86–91; Shapiro 1983, 105–116. Впрочем, согласно Помпею Трогу, амазонки «были родоначальниками парфян и бактрийцев» (Trog. II. 1, 2–4).

Завойкин А. А. 2004: Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. XIV, 58–93.

Записки 1865: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб.

Зорин А. Л. 2002: “Кормя двуглавого орла...” Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.

Кибовский А. В. 1997: Амазонская рота. 1787: Курьёз или первое женское подразделение в России? // Цейхгауз. М., № 6, 16–19.

Лашков Ф. Ф. 1889: Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // ИТУАК. 7, 83–86.

Маринович Л. П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л. П. Маринович (ред.). М., 5–29.

Маркевич А. И. 1891: Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. // ИТУАК. № 11, 76–143.

Мурзин В. Ю., *Фиалко Е. Е.* 1999: Девичьи дружины у савроматов и скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 206–209.

Нассау-Зиген К.-Г. 1893: Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. [Отрывки из дневника и переписки] / Перевод и публ. В. В. Т. // Русская старина. СПБ., Т. 80, №11, 283–299.

Отрывки из записок 1852: Отрывки из записок севастопольского сторожила / Сообщ. А.З. // Морской сборник, СПб., Т. 7, № 1, Январь, 33– 47.

Панченко А. М. 1999: «Потёмкинские деревни» как культурный миф // *Панченко А. М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 465–466.

Линь Шарль Жозеф 1809: // Линь Шарль Жозеф (1735–1814). Письма и мысли маршала принца Де Линь, изданные в свет [с предисл.] баронессою Стаэль Голстеин; переведены с французского М. И[льин]ским и А. И[вано]вым. М.

*Плетнева С. А.*1998: «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М., 529–537.

Путешествие 1786: Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб.

Ростовцев М. И. 1993: Парфянский выстрел // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева. Петербургский археологический вестник. СПб., Вып. 5, 98–105.

Рыбаков Б. А. 1979: Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.

Самойлов А. Н. 1867: Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина // Русский архив. М., 575–606, 993–1027, 1203–1262, 1538–1578.

Селиванова Л. Л. 2009: Боспорские амазонки: исторические и мифические // X Боспорские чтения. «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы». Керчь, 374–379.

Селиванова Л. Л. 2009а: Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки?» // ПИФК. 1 (23), 131–150.

Селиванова Л. Л. 2010: Российские амазонки на службе её величества // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., Вып. 31, 74–88.

Семевски М. 1875: Князь Г. А. Потёмкин-Таврический 1739–1791. Биографический очерк // Русская старина. СПб., Т. 12, № 4, Апрель, 681–700.

Уманец А. А. 1887: Исторические рассказы о Крыме. Севастополь.

Фиалко Е. Е. 1991: Женские погребения с оружием в скифских курганах степной Скифии. Киев, 8–11.

Фиалко Е. Е. 2005: Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен. СПб., 242–247.

Широков В. А. 1997: Путешествие Екатерины Великой в Крым // Культура народов Причерноморья. № 3, 283–295.

Яценко И. В. 1959: Скифия VII–V вв. до н.э. М.

Bisset K. A. 1971: Who Were the Amazons? // Greece & Rome, Second Series, 18, No 2, 150–151.

Block J. H. 1995: The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth (Religions in the Greco-Roman World. 120). Leiden–New York–Köln.

Davis-Kimball J. 1997. Warrior Women of the Eurasian Steppes // Archaeology. Vol. 50, № 1, 46–48.

Davis-Kimball J. 1997/98: Amazons, Priestesses, and Other Women of Status: Females in Eurasian Nomadic Societies // Silk Road Art and Archaeology. 5, 1–50.

Guliaev V. I. 2003: Amazons in the Scythia: New Finds at the Middle Don, Southern Russia // World Archaeology. Vol. 35, 117–119.

Kleinbaum A. W. 1983: The War Against the Amazons. N. Y., 19–22.

Lane R. J., Wurts J. 1998: In Search of the Woman Warrior. Four Mythical Archetypes for Modern Women. Boston (Mass.).

Ligne Charles Josehp de. 1809: Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. Paris.

Mayor A., Ober J. 1991: Amazons. What has made the ancient mythology of warrior women so enduring? Does it have any basis in reality // MHQ. Summer. Vol. 3. P. 70–78.

Osborne L. 1998: The Women Warriors // Lingua Franca: The Review of Academic Life. Mamaroneck–N.Y, 50–57.

Rolle R. 1989: The World of the Scythians. Berkeley.

Shapiro H. A. 1983: Amazons, Thracians, and Scythians // Greek, Roman and Byzantine Studies. 24, 105–116.

Schaps D. 1982: The Women of Greece in Wartime // Classical Philology. Jul., Vol. 77, № 3, 193–213.

Tyrrell W. B. 1984: Amazons, a Study in Athenian Mythmaking. Baltimore.

FEMALE WARRIORS OF THE RUSSIAN STEPPE. BARBARIANS AND CIVILIZATION BRINGERS

L. L. Selivanova

The myth about Amazons never seemed to lose its viability and was actively employed in Antiquity, the Middle Ages, and in modern times in many different ways, political ones among them. The article considers the use of the myth about Amazons and Scythians in the politics of Russia in the 18th c. The case in point deals with a little-known page of the Russian history concerning prince G.A. Potyomkin forming a female armed company in the Crimea.

Key words: Ancient civilization and barbarian world, Scythians.

© 2010

Н. В. Статина

ЖАНРЫ УЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛА БЕЛОЯРСКОГО ЧЕЛЯБИНСКОГО УЕЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕГО ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВЕНЬ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XVIII–НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

Статья посвящена содержательной специфике и информационным особенностям учетных документов населения Флоро-Лаврского прихода села Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии, которые в лингвистическом плане малоизвестны и не изучены. Работа выполнена на материале рукописных памятников церковного делопроизводства конца XVIII — начала XX веков из исторических фондов государственных архивов г. Челябинска, г. Кургана, г. Оренбурга, г. Уфы. Сравнение общих и различных черт формуляров церковных учетных документов показывает, что они являются ценными источниками изучения языка и требуют комплексного историко-лингвистического подхода.

Ключевые слова: документы учета населения, клировные ведомости, исповедные росписи, метрические, обыскные книги.

Классификация учетных документов населения России в научный оборот была впервые введена историками, которые относили ее к «группе видов исторических источников, включающих в себя материалы фискального, административного, церковного учета населения и объектов сельского хозяйства»[1]. Однако в лингвистическом плане эти документы деловой письменности малоизвестны и не изучены. Некоторые из них (особенно церковные) на долгие десятилетия оставались в закрытых архивных фондах.

Объектом исследования в данной статье стали учетные документы конца XVIII — начала XX веков Флоро-Лаврского прихода села Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии (современной территории Щучанского района Курганской области и Красноармейского района Челябинской области). Рассматриваемые памятники письменности хранятся в государственных архивах г. Челябинска, г. Кургана. г. Оренбурга, г. Уфы, в сельском совете с. Белоярского. Источники рождения этих сохранившихся учетных документов различны: их можно разделить на государственные (ревизские сказки и похозяйственные книги) и церковные (клировые ведомости, исповедные росписи, обыскные и метрические книги).

В качестве одного из ведущих смысловых признаков при анализе жанров памятников деловой письменности рассмтриваемой территории стало отношение содержания этих документов к действительности. По мнению А. Н. Качалкина, «жанр есть способ выражения авторского отношения к действительности, к избранному предмету описания — через текст и реализуемый в конкретном самоназвании или именовании документа. Жанр следует рассматривать как явление типологическое, когда можно говорить об известном единстве делового сюжета

[1] Данилевский 1998, 408.

(содержания) и композиции (формуляра) между предшествующими и последующими жанровыми формами»[2].

В «*Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля* наиболее отчетливо видно, как от названия акта, действия определяется название собственно документа, фиксирующего этот акт или действие. В указанном словаре даются следующие словарные определения жанра рассматриваемых документов:

- **ведомость** ж. ведение: знание, сведение, известие. // Роспись на бумаге, сведения в графах и цифрах; // оглавление, именной список чего-либо. // Стар. ведомство, круг подчиненности и действия[3].
- **книга,** книжка ж. сшитые в один переплет листы бумаги или пергамента; // писание, всё, что в книге содержится; // раздел, отдел в обширном письменном сочинении[4].
- **роспись** ж. перечет на письме вещей, денег и назначение их; *перечневое распределение людей или предметов*[5].
- **сказка** ж. стар. объявление, весть, оглашение. // Всякое деловое *показание, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о случае, о происшествии. // вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание. // Ревизские сказки, именные списки всего наличного населения*[6].

Остановимся на региональных учетных церковных книгах конца XVIII — начала XX веков, которые использовались *в делопроизводстве* Флоро-Лаврского прихода и дошли до наших дней: к*лировых ведомостях, обыскных книгах, исповедальных росписях, метрических книгах, которые могут служить богатейшим источником изучения языка.*

- «Клировые ведомости, послужные списки клиров (клир — *собрание священно- и церковнослужителей; весь причт церковный»*[7]. *Клировая вѣдомость Оренбургской Епархіи и губерніи Челябинскаго Заказа и уѣзда Бѣлоярскаго Села однокомплѣктной дѣревянной цѣркви воимѣнованіи Святыхъ Мучениковъ Флора и Лавра о штатныхъ и заштатныхъ Священноцерковно Служителяхъ женахъ ихъ и детяхъ на 1823 годъ*[8].
- «Обыск брачный, свидетельство о неродстве и записка об этом в церковной книге»[9]. *Книга брачныхъ обысковъ на 1919 годъ*[10].
- «Исповедальная роспись, книга, список бывших на исповеди»[11]. *Вѣдомость Оренбургской Губерніи Челябинскаго уѣзда Села Бѣлоярскаго Флоро-Лаврской церкви за 1884 годъ ѡбрѣтающымсѧ при оной церкви въ приходѣ нижеѧвленныхъ чинѡвъ людѧмъ, со изѧвленіемъ противъ*

[2] Качалкин 2002, 72.
[3] Даль I, 2008, 190.
[4] Даль II, 2008, 107.
[5] Даль III, 2008, 499.
[6] Даль IV, 2008, 63.
[7] Даль II, 2008, 103.
[8] ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 71. Л. 17.
[9] Даль II, 2008, 530.
[10] ГАКО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 2469. Л. 1.
[11] Даль II, 2008, 48.

коегѡждо имени ѡ бытіи ихъ въ свѧтꙋю Четыредесѧтницꙋ оу Исповѣди и Свѧтыхъ Таинъ причастіѧ, и ктожъ исповѣдалсѧ токмѡ, а не причастилсѧ, и ктожъ не исповѣдалсѧ[12].

- «Метрические книги, по приходам, куда вносятся рожденные, крещенные и умершие»[13]. *Метрическаѧ книга даннаѧ изъ Оренбургской Духовной Консисторіи Челябинскаго уѣзда, Бѣлоярскаго прихода церковному причту длѧ записи родившихсѧ, бракомъ сочетавшихсѧ и оумершихъ, на 1887 годъ*[14].

Церковный учет населения брал свое начало с первой четверти XVIII века и внедрялся в делопроизводство того времени с большим трудом. «В Российской империи он велся на четырех уровнях: приход, духовное правление, духовная консистория, Синод. Кроме того, в XVIII веке было введено промежуточное звено между приходскими священниками и духовным правлением — благочиние, для надзора за церквями и священниками отдельного округа, приблизительно 10–15 церквей»[15].

Письменные источники учета населения Флоро-Лаврского прихода села Белоярского представлены в архивах количественно неравнозначно. Сравнительно немногочисленны из них три клировые ведомости (ОГАЧО, фонд И-226, опись 3, дело 16 и фонд И-226, опись 3, дело 47; ГАОО, фонд 173, опись 9, дело 71), в единственном экземпляре — обыск брачный (ГАКО, фонд 244, опись 1, дело 2469) и исповедальная роспись (ОГАЧО, фонд И-226, опись 3, дело 380). Достаточно широко представлены метрические книги данного прихода в архивах г. Челябинска (50 книг) и г. Кургана (44 книги). Большинство документов церкви Флора и Лавра утрачено, а сохранившиеся — находятся в плохом физическом состоянии. Все это ставит задачу — концентрировать информацию из дошедших до нас церковных источников и комплексно рассмотреть динамику их жанра.

С позиции лингвистического источниковедения клировые ведомости, обыскные книги, исповедальные росписи и метрические книги *Флоро-Лаврского прихода села Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии* различаются *по названию, оформлению и содержанию частей документов,* в коммуникативно-функциональном плане — периодичности составления, заполнения и времени учета, а также по форме и признакам регистрации населения:

1) клировые ведомости содержат обобщающую информацию о церкви, её клире и прихожанах. В обыскных книгах фиксируются сведения о брачующихся (фамилия, имя, отчество, принадлежность к сословию, возраст жениха и невесты, указываются отсутствие каких-либо препятствий для совершения данного брака и наличие документов, это подтверждающих). Исповедальные росписи учитывают исповедовавшихся, неисповедовавшихся и раскольников. Это имело большое значение, поскольку исповедь была обязательным обрядом, и не бывшие на исповеди наказывались штрафом, раскольники же платили двойной подушный оклад взамен того, что не выделяли средства на содержание церкви и её клира. Метри-

[12] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 1.
[13] Даль II, 2008, 107.
[14] ГАКО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 195. Л. 1.
[15] Винокуров 2002, 222.

ческие книги содержат информацию о родившихся, бракосочетавшихся и умерших на территории прихода.

2) в метрических книгах записана регистрация актов гражданского состояния (*у кого кто родился*[16]; *кто именно вѣнчался*[17]*; кто именно померли*[18]*),* в исповедальных росписях — зафиксировано исполнение прихожанами основных христианских обрядов (*кто были оу исповѣди и свѧтогѡ причастіѧ; ктожъ исповѣдались токмѡ, а не причастились, и за какимъ винословіемъ; которые оу исповѣди не были*[19]); клировые ведомости, обобщая данные двух предыдущих источников и ряда других документов, представляют собой отчет о состоянии прихода на конец года прихода в целом (*Въ какихъ мѣстахъ и какого званія прихожане; число домовъ; число душъ; Въ какомъ разстояніи отъ церкви и нѣтъ ли препятствій въ сообщеніи*[20]). Обыскные книги подробно документируют акт бракосочетания и не имеют хронологических границ;

3) исповедальные росписи, обыскные и метрические книги можно отнести к документам текущего учета, состояния и численности населения, а клировые ведомости — к единовременным, так как они содержат данные о населении на момент составления;

4) по первичности сбора сведений церковные источники учета населения историками делятся на первичные (метрические книги, исповедальные росписи, обыскные книги) и вторичные (клировые ведомости, экстракты из метрических книг и исповедальных росписей);

5) клировые ведомости, метрические книги, исповедальные росписи и экстракты из них составлялись ежегодно, новая обыскная книга выдавалась по окончании чистых листов в предыдущей;

6) в исповедальных росписях поименно и по домам (иногда и по селениям) перечислялись прихожане обоего пола с указанием их сословной принадлежности (*духовные и их домашние; военные и их домашние; крестьяне и их домашние*), возраста, отношения к главе дома, посещения исповеди и причастия: *Кашкаровъ Михаилъ Михѣевъ 47 жена его Лукія Егорова 45 Дѣти ихъ: Петръ 23 Иванъ 16 Стефанъ 14 Николай 11 Ирина 13. Петру ж. Ефимія Иванова 20 дочь ихъ Матрена 1 Кашкаровъ Яковъ Михѣевъ 35 жена его Марина Софронова 35 были*[21]). Клировые же ведомости составлялись на основе исповедальных росписей, но не были столь подробными: указывалось число домов в приходе, количество душ мужского и женского пола. В них характеризовался церковный клир: возраст священнослужителей, семейное положение, образование и прочее (*Кто именно, гдѣ и чему обучался, когда и кѣмъ въ какой чинъ произведенъ, и къ какому мѣсту, какъ проходилъ и проходитъ особенные должности, когда чѣмъ былъ награжденъ и кого имѣетъ въ семействѣ; Лѣта отъ рожденія; Кто какъ знаетъ чтеніе, пѣніе, изъ ученыхъ, кто сколько въ годъ проповѣдей говорилъ; Кто какого повѣденія, а дѣти обучающіеся въ училищахъ какъ вели себя во время отпусковъ въ домъ; Кто кому въ какомъ родстве*; *Кто*

[16] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 4. Д. 99. Л. 32.
[17] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 4. Д. 99. Л. 37.
[18] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 4. Д. 99. Л. 39.
[19] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 1.
[20] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 16. Л. 8.
[21] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 6 об.

когда за что былъ судимъ и штрафованъ и не состоитъ ли подъ слѣдствіемъ или судомъ[22]). Обыскная церковная книга была для записи сведений о людях, собиравшихся венчаться, а в метрических книгах (при фиксировании фактов рождения, венчания и смерти) указывались именования родившихся младенцев, их родителей, восприемников, женихов, невест, поручителей, умерших.

Но все эти памятники письменности церковного учета населения *обладают определенным сходством:*

1) выполняют функцию регистрации и учета прихожан;

2) рукописны и составлялись приходскими церковнослужителями с различной правописной культурой, что способствовало отражению в текстах элементов локальной народно-разговорной речи, несмотря на утвержденную Синодом их стандартную форму;

3) на основе данных в конце клировых ведомостей, исповедальных росписей и метрических книг имеются экстракты, содержащие итоговые показатели по рассматриваемым в них характеристикам населения;

4) содержат богатый материал по антропонимике;

5) в них достаточно широко представлены:

наименования родства (кровнородственные отношения людей) и

- свойства (названия лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза): …умершаго Чумляцкой Слободы Петра Кочнева сынъ…[23]; Сестра ево родная Федосья…[24]; Сноха ихъ вд. Палагея Кузьмина…[25];
- социальная терминология: *Помѣщика Халыгина крестьянинъ...*[26]*; Духовные и ихъ домашние…*[27];
- единичные наименования по национальному признаку: *... изъ цыганъ купецкаго племянника…*[28];
- наименования лиц по профессии и воинскому званию: *…каѕачей Батареи Сотникъ…*[29]*;И.д.псаломщика…;…просфорня вдова діакона жена*[30];
- *названия местных топонимов и других территориальных единиц: Тамбовской губерніи города Марши…; Рязанской губерніи города Сапожокъ…;Вятской губерніи уржумскаго уѣзда Лепятскаго приказа деревни Колосниковой…*[31];

6) во всех исследуемых документах церковного учета населения церкви Флора и Лавра встречаются традиционные названия духовных санов и лиц, имеющих отношение к церкви: *дьякон, дьячок, иерей, пономарь, просфорня, священник, священнослужитель, церковнослужитель и другие*, а также названия центральных и местных духовных учреждений: *епархия* (церковный округ, управляемый епископом), *заказ* (духовный округ в ведении благочинного), *консистория* (епархи-

[22] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 16. Л. 2 об.–3.
[23] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 16. Л. 2 об.
[24] ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 4. Д. 99. Л. 32
[25] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 4.
[26] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 213. Л. 96.
[27] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 1.
[28] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 86, Л. 112 об.
[29] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 343. Л. 30 об.
[30] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 60.
[31] ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 242. Л. 30.

альное присутственное место под началом архиерея), *приход* (низший церковный округ, центром которого являлся храм), *синод* (высший орган управления православной церковью).

Таким образом, хранящиеся в государственных архивах документы государственного и церковного учета населения конца XVIII–начала XX веков села Белоярского и его окрестных деревень являются ценными источниками изучения языка и требуют комплексного историко-лингвистического подхода. Они могут служить богатейшим материалом для исследований в разных областях науки: русского языка, истории России и Русской православной церкви, этнографии, генеалогии, краеведения.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров В. В. 2002: Церковь в Российской империи // История религии / И. Н. Яблоко (ред.). М., 215–230.

ГАКО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–116.

ГАКО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 2469. Л. 1–10.

ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 71. Л. 17–20.

Даль В. И. 2008: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.

Данилевский И. Н. 1998: Материалы фискального, административного и хозяйственного учета // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. 408–424.

Качалкин А. Н. 2002: Имя русского документа // РР.1, 72–74.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–165.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–159.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–160.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–160.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 16. Л. 2–8.

ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 380. Л. 1–60.

ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 4. Д. 99. Л. 32–41.

GENRES OF PARISH RECORDS OF BELOYARSK VILLAGE AND THE NEIGHBORHOOD (BASED ON THE ARCHIVE RECORDS OF THE LATE 18th — EARLY 20th CC)

N. V. Statina

The article deals with the St. Frol and Lavr's parish records content and information peculiarities (Byeloyarsk village, Chelyabinsk uezd, Orenburg gubernia). These records are little known, and they have not been subject to linguistic analysis so far. The paper is based on church handwritten records of the late 18th — early 20th cc from historical funds of Chelyabinsk, Kurgan, Orenburg, and Ufa state archives. Comparative analysis of similar and dissimilar features of church record sheets reveals their significance as a valuable language study source, involving a comprehensive linguistic method of attack based on historical principles.

Key words: public records, clerical lists, confession sheets, parish registers, ransacking registers.

© 2010

К. Е. Баженова

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА И ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ: ЭТАПЫ И ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются становление и развитие историографии Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ). Анализируются вопросы состояния источниковой базы исследований, проблематики, концептуальных подходов в ее освещении. Рассматриваются достижения и нерешенные проблемы в изучении истории ВЗС и ВСГ на каждом этапе историографии: дореволюционном, советском и современном, намечаются пути дальнейшего исследования. Обоснована необходимость активизации изучения региональной специфики в деятельности Союзов, в том числе на материалах Урала.

Ключевые слова: отечественная историография, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов.

Отечественную историографию организаций союзов земств и городов целесообразно разделить на три основных периода: дореволюционный, советский и новейший, начавшийся с 90-х гг. прошлого столетия.

Одним из первых исследователей ВЗС помощи больным и раненым воинам стал М. Д. Загряцков, который в общих чертах осветил историю, структуру, функции союза[1]. Автор впервые поднял вопрос о соответствии юридического статуса данной организации, сфере и характере ее деятельности в годы войны. Проведенный М. Д. Загряцким всесторонний анализ разнообразной деятельности земского союза позволил ему сделать вывод о том, что в течение войны работа ВЗС вышла за пределы оказания помощи больным и раненым воинам. Финансовая поддержка со стороны государства, выдача кредитов местными органами самоуправления, активное участие населения в их работе привели к свободе «юридического творчества земства». В связи с этим полномочия земских учреждений по закону от 1890 г. стали носить чисто формальный характер[2].

Причина скудной историографии истории организаций ВЗС и ВСГ в дореволюционный период вполне объяснима. Требовалось время для сбора и осмысления источников, характеризующих деятельность Земского и Городского Союзов, поэтому публикации по теме носили в основном описательный и публицистический характер, содержали богатый фактографический материал, требующий всестороннего исторического анализа. Эта публицистическая литература была рассчитана на широкую читательскую аудиторию. Она не только освещала деятельность комитетов, но также ставила своей целью привлечение внимания общественности к делу помощи фронту.

В период борьбы за власть в годы гражданской войны, когда большевистская научная концепция еще не утвердилась, в литературе о комитетах были

[1] Загряцков 1915; 1916.
[2] Загряцков 1915, 19–20.

представлены разные точки зрения. В частности, в 1919 г. вышла в свет работа В. И. Гриневицкого о различных направлениях деятельности отечественной промышленности. Автор выделил Земгор в особую группу «общественного предпринимательства», охарактеризовав его работу положительно[3].

В советской исторической науке в изучении общественных организаций господствовал классово-партийный подход, что способствовало утверждению схематизированных оценок их деятельности. Исходя из убеждения, что в классовом обществе не может быть бесклассовых и надклассовых организаций, историки предлагали схему деления всех объединений на дворянско-помещичьи, буржуазные, рабочие и крестьянские. Земские и городские союзы были отнесены к организациям буржуазии и помещиков, поэтому в оценке их деятельности преобладали негативные характеристики. Понятно, что при таком подходе многие вопросы работы Союзов, направленные на поддержку армии, беженцев, русских военнопленных, больных, раненых, специально не разрабатывались, либо рассматривались фрагментарно. Тем не менее, в этот период, несмотря на указанные тенденции, начались сбор и систематизация источников, конкретное изучение деятельности комитетов. Так, в диссертационном исследовании С. Л. Гисина о ВЗС и статье А. П. Погребинского о союзе земств и городов, был сделан важный шаг в исследовании органов земского и городского самоуправления в годы Первой мировой войны. В 1946 г. С. Л. Гисиным была защищена первая диссертация, главная задача которой заключалась в «изучении политической роли ВЗС, возраставшей вместе с расширением его деятельности по оказанию помощи армии»[4]. Автор проследил процесс зарождения политической оппозиционности Земского союза по отношению к самодержавию. А. П. Погребинский основательно проанализировал социально-экономическую деятельность этих организаций, их взаимоотношения с правительством и местной властью[5].

Необходимо отметить, что отдельные вопросы деятельности рассматриваемых общественных организаций все же затрагивались в монографиях по истории военной экономики, медицины[6]. Несмотря на недостаточное изучение роли Земского и Городского Союзов в этих работах, основные идеи, данные и выводы их авторов о состоянии мобилизации различных сфер промышленности, здравоохранения России в годы войны и роли в этом ВЗС и ВСГ остаются значимыми в историографическом отношении. Так, в 2003 г. была переиздана книга И. В. Маевского, опубликованная в 1957 г. Последняя сокращенная ее версия не содержит идеологических клише и отражает позицию автора. В ней освещены особенности развития промышленности, в частности уральской, накануне и в годы войны[7]. Ценные данные о роли ВЗС и ВСГ в мобилизации промышленности, состоянии железных дорог России, экономическом положении уральских торгово-промышленных предприятиях и сельского хозяйства содержатся в работе А. Л. Сидорова[8].

[3] Гриневицкий 1919.
[4] Гисин 1946, 7.
[5] Погребинский 1941, 39–60.
[6] Букшпан 1929; Маниковский 1930; Маевский 2003; Сидоров 1973; Лотова 1964, 79.
[7] Маевский 2003.
[8] Сидоров 1973.

В советской исторической науке неоднократно затрагивалась проблема беженства в период Первой мировой войны. Сведения о переселенцах были приведены в работах А. М. Анфимова, Е. И. Лотовой, А. Л. Сидорова, Т. М. Китаниной и др.[9] Историки изучали беженцев исключительно как одну из категорий временного населения России в свете проблематики истории рабочего класса в годы войны.

Единственной диссертацией по рассматриваемой нами теме, написанной в советский период, была работа Г. С. Акимовой, посвященная организационному устройству и деятельности Земгора, в которой была изучена структура центрального комитета, детально рассмотрена сеть его местных органов[10]. Автор попытался объективно показать конкретные результаты работы Земгора. Однако итоговые обобщения, сделанные исследователем, отражали идеологические установки и приоритеты в изучении Первой мировой войны, свойственные советской историографии рассматриваемого времени.

Большое значение для повышения научного интереса к изучению деятельности организаций ВЗС и ВСГ имела научная дискуссия конца 1970-х — середины 1980-х гг., посвященная кризису политической системы России в годы войны. В ней принимали участие крупные отечественные историки А. Я. Аврех, Н. Г. Думова, В. С. Дякин, В. Я. Лаверычев, В. И. Старцев, Е. Д. Черменский, Н. Н. Яковлев и др. Одним из центральных вопросов в этой дискуссии было выяснение места и роли Союзов в политической жизни страны и степени их оппозиционности правительству. Различия в подходах исследователей касались определения оценки деятельности ВЗС и ВСГ, их взаимоотношений с властью, политическими партиями и Прогрессивным блоком. А. Я. Аврех подчеркивал большую самостоятельность Союзов по отношению к партиям и Государственной Думе[11]. Однако В. И. Старцев считал, что ВЗС и ВСГ признавали Прогрессивный блок своим идейным руководителем и, тем самым, поддержали Думу в сентябре 1915 г.[12] В. Я. Лаверычев и Н. Г. Думова полагали, что создание Прогрессивного блока и Союзов явилось незавершившимся процессом становления единой национал-либеральной партии России[13]. В. С. Дякин писал о том, что в своих работах Е. Д. Черменский преуменьшает политические различия между буржуазией и правительством[14]. Со своей стороны, Е. Д. Черменский считал, что В. С. Дякин придает слишком большое значение оппозиционности либеральной буржуазии[15]. Н. Н. Яковлев отчасти разделял мнение В. С. Дякина. В своей монографии он высказывал мысль, что либералы активно рвались к власти, стремясь, таким образом, фактически затруднить ведение войны. Победа, согласно их точки зрения, создала бы невероятные препятствия для устранения царизма от власти. Подобная тактика буржуазии уже проявилась с первого года войны в деле мобилизации ресурсов страны. В этом же ключе Н. Н. Яковлев оценивал деятельность Земгора[16]. Тем не менее, все участ-

[9] Анфимов 1962, 98, 104–107, 195; Лотова 1964, 79; Сидоров 1973, 213–251; Китанина 1985, 51–58 и др.

[10] Акимова 1972.

[11] Аврех 1986.

[12] Старцев 1977.

[13] Думова Н 1988; Лаверычев 1967.

[14] Дякин 1967.

[15] Черменский 1976.

[16] Яковлев 1974, 120–121.

ники научной дискуссии, в большей или меньшей степени, отмечали оппозиционность Земского и Городского Союзов по отношению к правительству.

Крупный вклад в изучение истории этих организаций в последний период существования СССР в условиях перестройки советской исторической науки внесли работы М. Ф. Юрия[17]. Автор по-новому подошел к оценке роли комитетов, считая, что она была явно занижена историками прошлых лет. Он рассмотрел причины возникновения этих объединений, механизм их функционирования, круг вопросов, которыми они занимались, показал судьбу политических сил внутри организаций, их связь с оппозицией. М. Ф. Юрием был сделан важный вывод о том, что созданные во время войны ВЗС и ВСГ частично перехватили функции государства.

В целом в советской историографии деятельность Земского и Городского Союзов не получила основательного освещения и рассматривалась, как правило, в контексте характеристики военно-промышленных комитетов, военной экономики, политического кризиса. Однако необходимо отметить, что именно в советский период историографии союзов земств и городов, еще в 1920-е гг., в научный оборот были введены многие статистические материалы и данные медицинских обследований, которые послужили фактической базой для создания в 1920-е гг. ряда социально-гигиенических исследований, отражавших состояние здоровья, питания, заболеваемости населения страны в годы Первой мировой войны[18].

Таким образом, отдельные вопросы структуры, деятельности ВЗС и ВСГ, их взаимоотношений с государственными и общественными организациями, преимущественно в контексте изучения военной экономики, медицины, политических процессов в годы войны стали предметом научной разработки в советский период. В конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. общая оценка деятельности этих организаций стала предметом научной дискуссии, что свидетельствовало о необходимости дальнейшего исследования проблемы.

Начало 1990-х гг. стало новым историческим этапом в изучении прошлого, который принято называть современным или постсоветским. Для него характерны осознание историками задач современной исторической науки, поиск новых парадигм, методологических подходов в изучении прошлого. Важное достижение исторической науки данного периода — публикация источников, вовлечение в сферу научного анализа новых архивных данных, в том числе по рассматриваемой проблеме. Все это позволило исследователям к началу 90-х гг. XX в. поставить вопрос об ограниченности формационного подхода к истории общественных организаций.

Современная литература в сравнении с предшествующими работами по данной теме отличается не только существенным количественным приростом — она качественно новая. В ней можно выделить три основных направления исследования: 1) взаимоотношение органов земского и городского самоуправления с правительственными структурами, политическими партиями, различными слоями населения[19]; 2) организационное устройство, социально-правовой статус и дея-

[17] Юрий 1990; Юрий 1991, 32–39.
[18] Бинштоп, Каминский 1929; Гернет 1924; Лившиц 1925; Василевский 1924.
[19] Шевырин 2000; Шевырин 2003; Богатырева 2000.

тельность союзов земств и городов[20]; 3) история провинциальных самодеятельных организаций[21].

Из научных исследований первого направления, вышедших в последние годы, следует отметить работы В. М. Шевырина, посвященные проблеме эволюции сотрудничества и борьбы общественности и власти в дореволюционный период войны[22]. Работы этого автора содержат глубокий аналитический обзор историографии союзов земств и городов, не только отечественной, но и зарубежной. В. М. Шевыриным выявлены некоторые распространенные ошибки в трактовке вопросов, касающиеся организационной структуры и времени создания ВЗС и ВСГ, характера их деятельности, которых не избежали и известные исследователи[23].

Диссертация Л. В. Богатыревой является удачной попыткой изучения политической и практической деятельности кадетов в организациях ВЗС и ВСГ во время войны, взаимодействия их партии с центральными комитетами союзов. По мнению автора, кадеты с течением времени привнесли политику в общественную работу, что повлекло за собой развитие оппозиционности союзов по отношению к правительству[24].

Новый импульс получили исследования, посвященные организационному устройству, социально-правовому статусу и деятельности ВЗС и ВСГ. Из наиболее значимых работ, посвященных данной проблеме, следует выделить монографию Н. Д. Судавцова[25]. Не умалчивая о недостатках и просчетах в деятельности ВЗС и ВСГ в чрезвычайных условиях, автор дал подробный анализ и положительную оценку работе их комитетов в решении хозяйственных и социальных вопросов. Историк уделил большое внимание изучению процесса перехода ряда хозяйственных функций государства к союзам.

Изучением проблемы определения социально-правового статуса Союзов занимается А. С. Туманова. В своей работе автор предложила собственное определение понятия «общественные организации» с учетом исторического контекста его употребления в рассматриваемую эпоху. За ее основу историком был взят термин «общественный», который встречался в дореволюционной литературе для обозначения добровольных объединений и трактовался как негосударственный, небюрократический. В силу чего в то время органы местного самоуправления также понимались как общественные организации. Интерпретировав существующие в современной исторической и правовой науках определения данного понятия применительно к условиям дореволюционной России и взяв за основу определение А. Д. Степанского, А. С. Туманова понимает под общественными организациями добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформ-

[20] Асташов 1994; Асташов 1992, 169–172; Судавцов 2001; Асташов 2005, 237–316; Туманова 2002; Куликов 2004; Цовян 2005.

[21] Апкаримова, Голикова, Миненко, Побережников 2003; Миненко, Апкаримова, Голикова, 2006; Казакова-Апкаримова 2008; Невоструев 2005; Власова 2004; Нарский 1995; Лоскутов 1996; Лоскутов 1998; Богатырева 2004.

[22] Шевырин 2003.

[23] Шевырин 2000, 27.

[24] Богатырева 2000, 24.

[25] Судавцов 2001.

ленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных проблем жизни граждан непроизводственного и некоммерческого характера[26].

Работы С. В. Куликова имеют определенную ценность для диссертационного исследования наличием новых, нетрадиционных положений, касающихся истории возникновения и определения статуса организаций ВЗС и ВСГ[27]. Автор полагает, что основная причина создания и функционирования союзов заключалась в обеспечении массовой базы политики либералов в правительстве, возглавляемых А. В. Кривошеиным, направленной на осуществление курса на «священное единение» с либеральной оппозицией. Политическую солидарность парламентаристов в правительстве с оппозиционерами продемонстрировала, по мнению историка, и массированная финансовая поддержка деятельности ВЗС и ВСГ со стороны казны. На основании факта щедрого финансового покровительства, которое правительство оказывало союзам, С. В. Куликов относит эти объединения исключительно к государственным, а не к общественным организациям, полагая, что таковыми они числились только по названию[28]. Однако региональные данные не подтверждают эту точку зрения. На Урале, например, использовались преимущественно средства земских и иных общественных организаций, частных лиц, а не только казенные источники финансирования.

В современной отечественной историографии организационные принципы, социально-политический состав комитетов Земского и Городского Союзов остаются малоизученными, особенно на региональном уровне. В советской историографии предпринимались попытки определить партийные характеристики ВСГ через изучение особенностей его организационного устройства и деятельности. Одна группа исследователей относила Союз к буржуазной общественно-политической организации, главную роль в которой играли кадеты. Другие историки подчеркивали наличие в Городском Союзе «либеральной общественности», отвергали влияние в нем буржуазных политических партий или противопоставляли тактику Союза общественно-политической деятельности и тактике этих партий[29]. В настоящее время изучением организационного устройства ВСГ и его социально-политического состава занимается А. Б. Асташов[30]. Он определяет политический облик комитетов Союза через социально-политический состав городских дум. В политическом отношении подавляющее большинство городских дум состояло из правых умеренного направления, октябристов, прогрессистов и, в некоторых городах, кадетов и энесов. Выводы историка делаются на основании анализа состава комитетов ВСГ губернских городов преимущественно Центральной России.

Необходимо отметить ряд других интересных исследований, в той или иной степени имеющих отношение к нашей теме[31]. Монография Л. Е. Лаптевой является первым в постсоветской юридической литературе специальным исследованием проблем организации и деятельности земских учреждений в России. Автор рассматривает особенности правового положения организаций ВЗС, их статус

[26] Туманова 2002, 5–7.
[27] Куликов 2004; Куликов 2008, 369–396.
[28] Куликов 2004, 394.
[29] Асташов 1994, 5.
[30] Асташов 1994; Асташов 1992, 169–172.
[31] Лаптева 1993; Нардова 1994; Абрамов 1996; Писарькова 1998; Поршнева 2004.

в системе государственных учреждений России[32]. В рамках этих вопросов ее позиция аналогична точке зрения М. Д. Загряцкова.

В изучении представительного начала в вопросах финансирования организаций ВЗС и ВСГ имеет ценность научная работа В. Ф. Абрамова, в которой автор дал глубокий анализ финансово-экономической основе земского самоуправления, формам, методам и принципам организации деятельности земств не только в столице, но и в провинции[33].

В контексте взаимодействия российского общества и власти в работе Л. Ф. Писарьковой показаны взаимоотношения Московской Городской Думы и Управы с правительственной администрацией и их участие в общественно-политической жизни столицы и России в целом. По мнению исследователя, ситуация в Московской думе во время Первой мировой войны отражала стремление общества расширить сферу своего влияния и, в конечном итоге, подменить собой государственную власть, которая, в свою очередь, стремилась сохранить незыблемость своих функций. Как затем свидетельствуют события 1917 г., это противостояние закончилось победой общества. Но общественные учреждения, получив после Февральской революции несвойственные им полномочия, проявили свою полную несостоятельность, во многом предопределив дальнейший ход событий в стране[34].

В рамках вопросов, связанных с изменением массового сознания, изучением настроения различных слоев общества накануне и в ходе Первой мировой войны, необходимо отметить исследование О. С. Поршневой[35], которое отличают обширная источниковая база и обстоятельный историографический обзор. На основании контент-анализа, многомерного статистического исследования источников ею предпринята попытка воссоздать структуру массового сознания рабочих, крестьян и солдат, выявлена система приоритетов массового сознания народных «низов», в том числе в их отношении к общественным организациям, органам самоуправления.

В контексте проблемы беженства в годы Первой мировой войны вопрос о помощи вынужденным переселенцам поднимался в работах Д. Г. Цовяна[36]. Прямо или косвенно эти сюжеты затрагивались в публикациях Е. Ю. Сергеева, И. В. Купцовой, А. М. Смирновой, Ю Хрипкова[37].

В рамках сюжетов, посвященных оказанию помощи фронту и пострадавшим от военных действия, проблема взаимодействия ВЗС и ВСГ с массовыми слоями российского общества была поднята в статье Л. А. Булгаковой[38]. Автор обосновала наличие уравнительного подхода при назначении государственного пособия женам, детям воинов и его пагубное влияние на поведение населения, что впоследствии отразилось на организации крестьянских волнений и бунтов солдаток[39].

[32] Лаптева 1994, 119–121.
[33] Абрамов 1996.
[34] Писарькова 1998, 268.
[35] Поршнева 2004.
[36] Цовян 2005.
[37] Сергеев 1996, 65–78; Купцова 1997, 107–114; Смирнова 1999, 154–158; Хрипков 2005, 85–87.
[38] Булгакова 2001, 429–495.
[39] Булгакова 2001, 431–432.

С 1990-х гг. создавались многочисленные исследования о государственных и общественных деятелях дореволюционной России[40]. В работе И. М. Пушкаревой о князе Г. Е. Львове анализируется его общественно-политические воззрения, оценивается его роль в политической жизни страны[41]. Исследователь утверждает, что Г. Е. Львову была чужда не только идея революции, но и новый, более радикальный либерализм, отличный от традиционного земского. Львов до конца сохранял глубокую привязанность к земскому движению, рассчитывая на то, что именно оно приведет Россию к мирному обновлению. Широкая популярность Г. Е. Львова, по-мнению И. М. Пушкаревой, определялась его деловыми качествами организатора ряда мероприятий, приходившихся на период русско-японской и первой мировой войн и столыпинской аграрной реформы. Вместе с тем, его деятельность в Земском союзе и Земгоре создавала благоприятные возможности для быстрого обогащения части российской буржуазии за счет поставок для фронта[42].

Монография С. А. Сенина посвящена крупному государственному и политическому деятелю России, одному из основателей и лидеров партии октябристов, председателю Центрального ВПК, А. И. Гучкову. Несмотря на то, что в данной книге внимание автора сосредоточено преимущественно на политической деятельности А. И. Гучкова, в работе представлен целый ряд опубликованных источников — стенографические отчеты и иные документы государственных учреждений и общественных организаций, в частности ВЗС и ВСГ, которые позволяют изучить взаимодействие союзов с правительством и ЦВПК в годы Первой мировой войны[43].

Работа К. А. Кривошеина о судьбе министра землеустройства и земледелия А. В. Кривошеина содержит важные сведения о его деятельности в годы войны. Поскольку задание поставки продовольствия для армии было возложено на его ведомство, Кривошеин поручил это дело земствам под своим контролем. Автор книги показал, что А. В. Кривошеину удалось осуществить эту задачу благодаря «персональному слиянию» администрации и земства, что, по мнению самого министра, являлось практическим решением большей части общественно-государственных проблем в России[44]. Однако вскоре в условиях новых и тяжелых военных испытаний одно благожелательное сотрудничество в области снабжения перестало быть достаточным. Только правительство, облеченное доверием страны, могло с успехом продолжать войну.

Специальных работ по истории провинциальных комитетов ВЗС и ВСГ, в частности на Среднем Урале, в годы Первой мировой войны, пока не создано. Однако необходимо отметить ряд научных трудов, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Монографии И. В. Нарского и С. А. Лоскутова о политических партиях на Урале, их социальной базе, составе, деятельности, взаимоотношениях с властью и общественностью имеют ценность для данной проблематики[45]. Согласно мне-

[40] Кривошеин 1993; Полнер 2001; Пушкарева 1991, 153–194; Сенин 1996.
[41] Пушкарева 1991, 153–194.
[42] Там же, 193–194.
[43] Сенин 1996, 83–106.
[44] Кривошеин 1993, 141–142.
[45] Нарский 1995; Лоскутов 1996; Лоскутов 1998.

нию И. В. Нарского, создание организаций ВЗС и ВСГ усилило роль как либеральной, так и социалистической оппозиции в общественной жизни уральцев[46]. Однако С. А. Лоскутов считает, что в силу слабости либерализма и отсутствия поддержки масс, восстановление партийных организаций на Урале не было необходимым[47]. Как показывает деятельность большинства комитетов Союзов на Среднем Урале, их работа не была оппозиционной по отношению к местной администрации и правительству. Ее политическая составляющая выражалась в пропаганде патриотических усилий власти и общества.

Работы Н. Н. Алеврас и М. А. Фельдмана выявляют одну из причин низких окладов служащих уральских организаций ВЗС и ВСГ по сравнению со столичными в контексте изучения аграрной политики правительства и положения рабочих на горнозаводском Урале в начале XX в. Согласно точке зрения историков, собственный земельный надел и личное хозяйство уральцев в значительной степени суживали этот разрыв[48].

Развернутая характеристика структуры, деятельности органов сельского и городского самоуправления на Урале, их взаимоотношений с региональной и центральной властями дана в коллективной монографии Е. Ю. Апкаримовой, С. В. Голиковой, Н. А. Миненко и И. В. Побережникова[49]. Авторам удалось раскрыть характерные особенности системы самоуправления уральских городов: рационализация, специализация управленческой деятельности, рост автономии муниципальных институтов[50], которые затем были заимствованы представителями общественных организаций и получили свое дальнейшее развитие в организационной структуре комитетов ВЗС и ВСГ на Среднем Урале.

Вопросы оказания лечебной помощи как явления повседневной жизни уральского города в том числе в период Первой мировой войны рассматриваются в коллективной монографии Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримовой, С. В. Голиковой[51]. По мнению авторов, большинство лечебных учреждений Урала возникали и существовали благодаря крупным денежным и материальным вложениям частных лиц или пожертвованиям, собранным среди населения, несмотря на то, что здравоохранение было признано делом государственной важности, имело свой центральный управленческий аппарат и строку в государственном бюджете[52]. Эта тенденция сохранялась на Среднем Урале и в годы войны, так как медицинская деятельность комитетов ВЗС и ВСГ в основном зависела от муниципальных и частных средств.

Работа Е. Ю. Казаковой-Апкаримовой представляют особый интерес для исследуемой темы[53]. В ней дан глубокий анализ взаимоотношений общественных организаций с губернской властью и местными институтами самоуправления в годы войны. Согласно мнению историка, городские думы, управы и земства активно содействовали в решении социальных проблем в городах Урала, в ряде случаев сотрудничая с благотворительными обществами и учреждениями. В свя-

[46] Нарский 1995, 249.
[47] Лоскутов 1998, 26.
[48] Алеврас 1996, 209; Фельдман 2001, 57–58.
[49] Апкаримова, Голикова, Миненко, Побережников 2003.
[50] Там же, 376.
[51] Миненко, Апкаримова, Голикова 2006.
[52] Там же, 88–89.
[53] Казакова-Апкаримова 2008.

зи с условиями военного времени городские думы и управы вносили новые статьи расходов в бюджеты, по которым отпускались довольно значительные средства. С одной стороны, в процессе этой деятельности городские органы власти проявляли собственную инициативу, с другой — являлись проводником государственной политики. Вместе с тем, они справлялись и с прежней работой, выполняя свои традиционные функции. В связи с этим, автор утверждает о доминирующей тенденции взаимопонимания и сотрудничества местной власти и общественных организаций[54]. Работа Л. В. Вагановой и Е. Ю. Рукосуева подтверждает данное положение, так как содержит ценные сведения о тесном взаимодействии Екатеринбургского ВПК с организациями ВЗС и ВСГ Среднего Урала[55].

Монография О. Н. Богатыревой содержит анализ институтов местного управления и освещает проблемы взаимоотношений государственной администрации с органами земского самоуправления Пермской и Вятской губерний. Автор утверждает, что уральские земства были по своему составу, а также по кругу отраженных в них интересов органами всесословного самоуправления, соответствовали реальной социальной структуре исследуемого региона. Однако основные проблемы пермских и вятских земств, по-мнению исследователя, заключались в том, что все земское законодательство было рассчитано главным образом на дворянские губернии и мало учитывало региональную специфику уральских земств[56]. Противоречие между необходимостью решать встающие перед обществом задачи в условиях войны и ограниченными полномочиями земств также, как показывает О. Н. Богатырева, послужило препятствием в эффективной работе комитетов союзов на Среднем Урале. Цель самоуправления, согласно позиции автора, состоит в том, чтобы привлечь общественные силы к участию в государственном административном управлении. Передача центральной властью части своих полномочий местным сообществам является благоприятным компромиссом в нарастающем конфликте между обществом и государством на стадии динамичной трансформации модернизирующихся социально-экономических структур. Местное самоуправление, автономия местных территориальных единиц в рамках общих для всего государства законов означает не свободу от государства, а свободу внутри него[57]. С течением войны представителями Центральных Комитетов ВЗС и ВСГ это основное правило было нарушено, что также явилось одной из причин свертывания деятельности организаций союзов к началу февральских событий 1917 г.

Диссертационное исследование А. В. Власовой обосновывает положение о противоречивом влиянии войны на развитие благотворительности. Вступление России в войну привело к тому, что, во-первых, существенно сократились финансовые возможности для участия населения в благотворительной деятельности; во-вторых, расширились сфера применения и объемы волонтерской помощи; в-третьих, сменились приоритеты в выборе объектов благотворительной помощи в связи с выдвижением на первый план специфических проблем военного времени. Это негативно отразилось на благотворительной деятельности в других

[54] Казакова-Апкаримова 2008, 372.
[55] Ваганова, Рукосуев 2005, 71–72.
[56] Богатырева 2004, 258.
[57] Там же, 402.

социально значимых сферах. Заметно сократился вклад в образование, культуру, трудовую помощь. Таким образом, по-мнению автора, благотворительность оказывала положительное воспитательное воздействие на население, делала отношения между людьми более гуманными, но как средство решения социальных проблем была недостаточно эффективна и могла служить лишь дополнительным средством к государственному и общественному социальному призрению, осуществлявшемуся по принципу субсидарности[58].

Изучая развитие элементов российского гражданского общества, Н. А. Невоструеву удалось определить особенности общественной благотворительности на Урале: преобладание частной формы финансирования в бюджетах большинства благотворительных заведений, создание достаточно широкой сети благотворительных организаций в заводских центрах, активное участие женщин в благотворительной деятельности[59]. В годы войны созданный потенциал уральских благотворительных организаций переориентировался на решение первоочередных задач военного времени.

Таким образом, несмотря на выход в свет в последние два десятка лет многочисленных исследований по истории общественных организаций в годы Первой мировой войны, в том числе Земского и Городского союзов, можно констатировать, что они изучены в основном в общероссийском масштабе. Ощущается недостаток работ, посвященных деятельности региональных организаций союзов земств и городов. Актуальным является изучение их организационного устройства, состава, политического облика, степени оппозиционности правительству, основных направлений, форм и результатов работы, механизмов взаимодействия с общественностью, центральными и местными органами власти. В частности, требуют дальнейшего исследования роль ВЗС и ВСГ в организации снабжения и снаряжения армии, оказание помощи увечным и потерявшим трудоспособность воинам, военнопленным, беженцам, организации специальной врачебной и медицинской помощи больным и раненым, участие в деле борьбы с заразными болезнями.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов В. Ф. 1996: Российское земство: экономика, финансы и культура. М.

Аврех А. Я. 1986: Распад третьеиюньской системы. М.

Акимова Г. С. 1986: Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915–1918 гг. (организационное устройство и деятельность): автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Алеврас Н. Н. 1996: Аграрная политика правительств на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск.

Анфимов А. Н. 1962: Российская деревня в годы первой мировой войны. М.

Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. 2003: Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. М.

Асташов А. Б. 1992: Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 6, 169–172.

Асташов А. Б. 1994: Всероссийский союз городов в 1914–1918 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

[58] Власова 2004, 21.

[59] Невоструев 2005, 46, 48.

Бинштоп В. И., Каминский Г. *С.* 1929: Народное питание и народное здравие в войну 1914–1918 гг. М.-Л.

Богатырева Л. В. 2000: Кадеты и общественные организации в 1905 — феврале 1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Богатырева О. Н. 2004: Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург.

Букшпан Я. М. 1929: Военно-хозяйственная политика. М.; Л.

Булгакова Л. А. 2001: Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX — начала XX века. / Р. Ш. Ганелин (ред). СПб., 429–495.

Ваганова Л. В., Рукосуев Е. Ю.2005: Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург.

Василевский Л. М. 1924: Голгофы ребенка: беспризорность и дети улицы. М.-Л.

Власова А. В. 2004: Благотворительность на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск.

Гернет М. Н. 1924: Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М.

Гисин С. Л. 1946: Всероссийский земский союз (политическая эволюция с июня 1914 г. по февраль 1917 г.).: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Гриневицкий В. И. 1919: Послевоенные перспективы русской промышленности. М.

Думова Н. Г. 1988: Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции. (1914–1917). М.

Дякин В. С. 1967: Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л.

Загряцков М. Д. 1915: Всероссийский земский союз. (Общие принципы организации и юридическая природа). Пг.

Загряцков М. Д. 1916: К вопросу об юридической природе Всероссийского земского союза. М.

Казакова-Апкаримова Е. Ю. 2008: Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX — начало XX в.). Екатеринбург.

Китанина Т. М. 1985: Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л.

Кривошеин К. А. 1993: Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М.

Куликов С. В. 2004: Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань.

Куликов С. В. 2008: Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 — февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. / С. В. Куликов (ред). СПб., 369–396.

Купцова И. В. 1997: Когда пушки стреляют, музы молчат… (Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны) // Клио. 1, 107–114.

Лаверычев В. Я. 1967: По ту сторону баррикад: (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М.

Лаптева Л. Е. 1993: Земские учреждения в России. М.

Лившиц Е. С. 1925: Социальные корни беспризорности. М.

Лоскутов С. А. 1996: Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск.

Лоскутов С. А. 1996: Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск.

Лоскутов С. А. 1998: Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале: взаимоотношения с властью и обществом (1905 — февраль 1917 гг.): автореф. дис. … д.и.н. Челябинск.

Лотова Е. И. 1964: Санитарно-эпидемическое состояние страны в годы первой мировой войны (1914–1917) // Советское здравоохранение. 7, 79.

Маевский В. И. 2003: Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М.

Маниковский А. А. 1930: Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Т. 1.

Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. 2006: Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М.

Нардова В. А. 1994: Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб.

Нарский И. В. 1995: Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск.

Невоструев Н. А. 2005: Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX в. Пермь.

Писарькова Л. Ф. 1998: Московская городская дума: 1863–1917 гг. М.

Погребинский А. П. 1941: К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки. 2, 39–60.

Полнер Т. И. 2001: Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М.

Поршнева О. С. 2004: Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.

Пушкарева И. М. 1991: Князь Георгий Евгеньевич Львов // Исторические силуэты. / С. В. Тютюкин (ред). М., 153–194.

Сенин А. С. 1996: Александр Иванович Гучков. М.

Сергеев Е. Ю. 1996: Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы первой мировой войны // Новая и новейшая история. 4, 65–78.

Сидоров А. Л. 1973: Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.

Смирнова А. М. 1999: Российская интеллигенция и культурно-этические проблемы первой мировой войны // Клио. 2, 154–158.

Старцев В. И. 1977: Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 г.г.: (Борьба вокруг «Ответственного министерства и «правительства доверия»). Л.

Судавцов Н. Д. 2001: Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.-Ставрополь.

Судавцов Н. Д. 2005: Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864–1918. / Н. Д. Судавцов (ред). М., 237–316.

Туманова А. С. 2002: Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы: Монография. Тамбов.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург.

Хрипков Ю. 2005: В пользу воинов и их семейств: 100 лет русской благотворительной марке // Родина. 2, 85–87.

Цовян Д. Г. 2005: Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Черменский Е. Д. 1976: IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.

Шевырин В. М. 2000: Земский и городской союзы (1914–1917). М.

Шевырин В. М. 2003: Власть и общественные организации в России (1914–1917). М.

Юрий М. Ф. 1990: Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны. 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, ЦВПК): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Черновцы.

Юрий М. Ф. 1991: Историография буржуазных военно-общественных организаций периода Первой мировой войны // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования: межвуз. сб. науч. тр. М.

Яковлев Н. Н. 1974: 1 августа 1914. М.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF ALL-RUSSIAN ZEMSTVO AND CITY UNIONS: STAGES AND RESULTS OF THEIR RESEARCH

K. Ye. Bazhenova

The article deals with All-Russian Zemstvo and city Unions historiography formation and development. It also considers the state of the research source base, attendant problems, and conceptual approaches to the issue survey. Achievements and unsolved problems concerning All-Russian Zemstvo and city Unions history are analyzed at every historiography stage (late Imperial Russia, the Soviet Union, and nowadays). Further research prospects are outlined. The article also substantiates the necessity of promoting the study of regional peculiarities of the Unions activity, Ural materials including.

Key words: russian historiography, all-Russian Zemstvo union, all-Russian union of cities.

© 2010

А. В. Чуриков

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ СССР В УСЛОВИЯХ ЭВАКУАЦИОННО-РЕЭВАКУАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 1941–1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье автор на основе широкого комплекса новейших источников рассматривает состояние черной металлургии Челябинской области. Выделяет проблемы, сопровождавшие процесс эвакуации и размещения металлургических предприятий в тыловом регионе. Рассматривает процесс реэвакуации и восстановления предприятий освобожденных районов. Научная новизна статьи заключается в новом методологическом подходе и введении в оборот недавно рассекреченных исторических источников.

Ключевые слова: история России, эвакуация, черная металлургия.

Челябинская область традиционно являлась металлургическим районам. Заводы, возникшие здесь в XVIII–XIX вв., получили всемирную известность еще

до революции. Годы сталинских пятилеток, усилив промышленный потенциал региона, не смогли изменить его специализацию кардинальным образом. Возникшие в годы индустриализации и первый период Великой Отечественной войны Магнитогорский металлургический и Челябинский металлургический заводы стали основными поставщиками фронта, военных и гражданских отраслей промышленности. Именно на предприятиях Челябинской области, усиленных перебазированным из юго-западных районов оборудованием, были осуществлены самые смелые технические решения в советской и зарубежной металлургии. На базе челябинского промышленного района в дальнейшем удалось осуществить масштабный атомный проект. Но промышленному развитию черной металлургии области сопутствовали и серьезные недостатки. Постоянный кадровый голод, низкая производственная и технологическая дисциплина, сложность социально-бытового положения негативно сказывались на работе металлургических предприятий. К тому же эвакуация промышленных мощностей, принесла не только преимущества, но и дополнительные проблемы.

Несмотря на интерес, который, несомненно, представляет изучение данного вопроса, отечественные исследователи не уделили ему, на наш взгляд, должного внимания. В исторической науке существует ряд нерешенных вопросов, которые нуждаются в подробном освещении. Это процесс приема и восстановления металлургических предприятий в тылу, проблемы восстановления и пуска в строй оборудования, а также трудности реэвакуационных процессов. Автор, на основе новейших исторических источников и статических данных, попытается восполнить существующие в науке «пробелы» и рассмотреть спорные вопросы на примере черной металлургии Челябинской области.

На территории Челябинской области в современных границах в 1940 г. проживали 1 726 000 человек, из них в городах и районных поселках — 1 033 000, в сельской местности — 693 000 человек. Удельный вес Челябинской области в общем хозяйстве страны значительно возрос. Уже в 1937 г. область стояла на втором месте — по добыче железной руды и производству ферросплавов, на третьем месте — по выплавке чугуна и стали. Наибольшее развитие получила металлообрабатывающая промышленность. Ею в 1939 г. было выпущено продукции на 752 млн рублей.

В области в годы довоенных пятилеток велось интенсивное капитальное строительство, развивался железнодорожный транспорт. Капиталовложения в народное хозяйство области за первую и вторую пятилетки составили 5 млрд 136 млн рублей, из них в промышленность и транспорт — 4,2 млрд рублей. За три года третьей пятилетки в эти отрасли вложено 1,8 млрд рублей. Вошли в строй 2 электростанции, 15 угольных шахт, 5 металлургических предприятий, 2 машиностроительных завода и ряд других важных промышленных объектов. Были реконструированы старые уральские заводы.

По разнообразию полезных ископаемых, а также по их запасам область стояла на одном из первых мест в стране. Ряд месторождений пользовался мировой известностью по исключительной чистоте руды и большому содержания железа. Имелись крупные месторождения хромитовых, медно-цинковых руд, редких элементов, огнеупорного сырья, строительных глин и т. д. Значительные лесные

массивы, гидроресурсы рек являлись надежной энергетической базой промышленности[1].

Переломным моментом развития черной металлургии Челябинской области стало начало Великой Отечественной войны. Стремительное наступление врага в западных и юго-западных районах СССР парализовало работу металлургической промышленности. Вся тяжесть производства черных металлов легла на тыловые регионы. Загрузка производственных мощностей Челябинской области многократно возросла. Для интенсификации и диверсификации металлургического производства Южного Урала, Государственный комитет обороны и Совет по эвакуации принимают решение о переброске оборудования из прифронтовых районов в промышленные регионы Урала. Длительное время в советской исторической науке и работах современных историков преобладала спорная точка зрения о количестве, перебазированного в Челябинскую область оборудования[2]. Рассекреченные архивные документы позволяют нам с полной долей уверенности заявлять о том, что в область в период с июня 1941 г. по январь 1942 г. было эвакуировано 178 промышленных предприятий, 54 из которых составили заводы Народного комиссариата черной металлургии[3]. Это были предприятия союзного масштаба. Цехи «Запорожстали» и «Азовстали», подмосковных заводов «Серп и Молот», им. Лепсе, крупнейших металлургических комбинатов востока Украины были интегрированы в производственный комплекс южноуральского промышленного района.

Процесс демонтажа, транспортировки и охраны оборудования перебазируемых предприятий был строго регламентирован постановлениями Совета по эвакуации. Ответственность за перемещение промышленных предприятий возлагалась на союзные наркоматы и директоров предприятий. Каждый демонтированный станок или машина должны были сопровождаться листом спецификации, с указанием номера станка и фамилии монтера. Погрузка оборудования должна была проходить строго в соответствии с листами спецификации. Вагоны предписывалось укомплектовать специальными бригадами монтеров[4].

В условиях военной реальности все эти предписания были неосуществимы. Оборудование вывозилось в крайней спешке. Большая часть его осталась на прежних местах. Решающая часть производственного оборудования черной металлургии Юга осталась на месте. Доменные печи и сталеплавильные агрегаты эвакуировать было невозможно. В восточные районы удалось эвакуировать лишь некоторые прокатные станы и сравнительно небольшую часть оборудования основных и вспомогательных цехов металлургических заводов[5].

Вывезенное оборудование на новом месте должен был сдать руководитель эвакуированного предприятия, а принять — руководитель предприятия-получателя. Сдача-приемка оформлялась соответствующим актом. Такой порядок строго соблюдался. Оборудование завода имени Дзержинского было сдано директором за-

---

[1] Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1981, 8–9.

[2] Долгое время преобладала точка зрения о том, что в область было эвакуировано всего около 200 предприятий.

[3] ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 6. Д. 114. Л. 52.

[4] ГАРФ. Ф. Р–6822. Оп. 1. Д. 423. Л. 3.

[5] Лившиц 1958, 186.

вода и принято директором Магнитогорского комбината, о чем был составлен 20 октября 1941 г. акт, подписанный обоими руководителями[6].

Поступавшее оборудование прибывало из районов, непосредственно примыкавших к зоне боевых действия, из прифронтовой полосы. В процессе транспортировки это оборудование подвергалось атаке немецких ВВС, поэтому поступало на новые базы не полностью, частично поврежденным. Восстановить и использовать такое оборудование сразу было невозможно. Для его хранения и размещения на действующих производствах были образованы специальные комиссии. Например, на ММК для приемки прибывшего оборудования и своевременного обеспечения им пусковых объектов была образована специальная комиссия из шести ответственных работников комбината[7].

Стремительно поступавшие эшелоны, часто в хаотичном порядке, без соответствующей технической документации необходимо было в кратчайшие сроки разгружать, чтобы не сковывать работу и без того перегруженной Южноуральской железной дороги. Разгружать прибывавшие эшелоны приходилось в основном вручную, для чего требовалось множество рабочих рук, которых не хватало. Дело осложнялось тем, что рабочие эвакуированных предприятий обычно приезжали позже прибытия эшелонов с оборудованием. Руководству области пришлось широко привлечь к разгрузочным работам местное население. Крайне трудоемкой была переброска оборудования от железнодорожных станций на монтажные площадки. Гужевого и автомобильного транспорта часто не хватало даже для обслуживания действующих заводов и фабрик. Поэтому помимо транспортных промышленных предприятий широко привлекался к перевозке оборудования и сельский транспорт[8].

Оборудование эвакуированных металлургических предприятий в основном размещалось на действующих заводах, часть направлялась на площадки нового строительства. Для размещения эвакуированных заводов и их оборудования использовались резервы производственных площадей, незавершенное промышленное строительство, родственные предприятия Урала, свободные территории. В открытом поле был возведен Челябинский металлургический завод. Курьезный случай приводит в своих воспоминаниях директор завода Я. И. Сокол: «в конце 1941 г. на строительную площадку прибыл народный комиссар И. Т. Тевосян и попросил показать площадку будущего завода. Дороги к ней еще не было. Мы доехали до села Першино, свернули налево и … заблудились. Территория будущего завода и поселка была покрыта мелким кустарником. Для ориентирования группа рабочих поставила вешки, которые должны были указывать хоты бы часть периметра будущего завода. В ночь перед приездом наркома поднялся сильный ветер, который сдул эти вешки. Показать наркому точное место будущего завода мы не смогли. Говоря откровенно, чувствовали мы себя тогда неважно…»[9].

Строители и монтажники эвакуированных предприятий практиковали скоростные методы пуска металлургических объектов. Средний срок развертывания эвакуированного производства в тылу составлял один или два месяца. Нарком

[6] Сталь для победы 1986, 77.
[7] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1121. Л. 130.
[8] Васильев 1961, 66.
[9] ОГАЧО. Ф. К–228. Оп. 3. Д. 10. Л. 3

строительства С. З. Гинзбург писал, что для ускоренного монтажа перебазированного оборудования создавались особые строительно-монтажные части (ОСМЧ). ОСМЧ были высокомобильными организациями, которые по мере необходимости перемещались с одних объектов на другие, сохраняя при этом основные инженерно-технические кадры и квалифицированных рабочих[10]. Для ускорения монтажных работ в конструкцию прибывающего оборудования вносились некоторые «усовершенствования», недостающие детали заменяли местными аналогами, не соблюдался технический регламент. В ряде случаев это приводило к серьезным авариям. 23 сентября 1941 гидравлическим ударом большой силы был выведен из строя броневой стан ММК, эвакуированный из Мариуполя. Основа производства лобовой брони для танков Т-34. Разбирательство чрезвычайной ситуации показало, что некоторые элементы машины были смонтированы с грубыми отступлениями от проекта. Руководство комбината не уделило должного внимания профилактике работы стана[11].

В короткие сроки восстанавливались предприятия оборонных ведомств. Заводы черной и цветной металлургии не успевали за темпами роста оборонных производств и часто срывали их работу. Осень-зима 1941 г. стали периодом частых проверок инспекторов центрального комитета партии и уполномоченных Госконтроля РСФСР. В ноябре 1941 г. инспекционную поездку по заводам НКЧМ Челябинской области совершил секретарь ЦК ВКП(б) А. А Андреев[12]. Итогом его работы стал секретный доклад для руководства СССР. В докладе было отмечено, что размещение и восстановление эвакуированных предприятий происходит неудовлетворительно. Большинству заводов сроки восстановления даже не были указаны. Значительное количество ценного оборудования находилось на станционных и подъездных путях, подвергаясь механической коррозии. Для устранения наиболее вопиющих недостатков 11 ноября 1941 г. была создана база бездокументных грузов, эвакуируемых из прифронтовой полосы[13]. На некоторое время принятые меры позволили исправить положение. Но, несмотря на это, процесс интеграции эвакуированного оборудования происходил крайне сложно.

1942–1943 гг. являются периодом коренного перелома не только на фронте, но и в работе советского тыла. Правительство ужесточает контроль над работой предприятий черной металлургии в регионах. Усиливается мониторинг со стороны местных партийных организаций. При челябинском обкоме ВКП (б) организуется отдел металлургической промышленности. 1 марта 1942 г. для дополнительного контроля над деятельностью черной металлургии Челябинской области был создан аппарат уполномоченного Госплана СССР[14]. 13 апреля 1942 г. выходит постановление ГКО «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии». В постановлении подчеркивалось, что необходимо считать «дело наращивания мощностей по производству чугуна, стали, проката, кокса и огнеупоров важнейшей и первоочередной хозяйственной и политической задачей». Далее в постановлении утверждался план строительства и восстановления на

[10] Гинзбург 1983, 220–221.
[11] ОГАЧО. Ф. П–228. Оп. 42. Д.18. Л. 132.
[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 124. Л. 2.
[13] ГАРФ. Ф. Р–6822. Оп. 1. Д. 456. Л. 22.
[14] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 36. Л. 8.

1942 г. черной металлургии, в котором предусматривалось значительное увеличение производственных мощностей[15]. Металлурги Челябинской области «ответили» на это постановление снижением производственных показателей. Государственный план предприятиями НКЧМ по Челябинской области в 1942 г. был выполнен только на 93 %. К примеру, среднесуточная выплавка чугуна на ММК в октябре 1942 г. составляла 4849 тонн, против 5195 тонн в августе того же года[16]. Основными причинами срывов государственных заданий являли неудовлетворительная подготовка производства, систематическое нарушение производственной дисциплины и большая текучесть инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров.

Немногим лучше была производственная ситуация в начале 1943 г. Месячный план января был выполнен лишь на 75%[17]. Переломить ситуацию помогло постановление ГКО от 7 февраля 1943 г. «О мерах неотложной помощи черной металлургии». Особо подчеркивалось, что большая часть выпускаемой металлургическими заводами продукции прямо или косвенно используется для изготовления самолетов, танков, снаряжения и боеприпасов. Поэтому создание нормальных условий для металлургических заводов и выполнение ими планов производства имеет большое значение для обороны страны[18]. Комплекс мер был очень обширным: расширение сырьевой базы, диверсификация и интенсификация производства, значительное повышение заработной платы рабочим эвакуированных предприятий НКЧМ, усиление мер по закреплению рабочих за производством и т.д.

Принятые решения дали о себе знать незамедлительно. Уже в первом полугодии 1943 г. количество металлургической промышленности выросло в несколько раз. Особо динамичные показатели имелись у предприятий, возникших на основе эвакуированного оборудования. В 1943 г. произошло полное включение эвакуированного оборудования в производство. Сложились трудовые коллективы. В октябре эти предприятия: Челябинский металлургический завод, Чебаркульский завод поковок № 701, Магнитогорские метизные заводы (сеточный и калибровочный), Магнитогорский металлургический комбинат, завод горного оборудования перевыполнили производственную программу[19].

Ситуация коренным образом изменилась в 1944 г., когда принятые правительством меры и наиболее полное использование эвакуированного оборудования привели к систематическому перевыполнению государственных планов. В 1944 г. вопросам функционирования металлургической промышленности челябинской области было посвящено 35 из 109 заседаний аппарата уполномоченного Госплана СССР по области. Данный факт говорит о том, что правительство на завершающем этапе войны продолжало испытывать заинтересованность в стабильной работе черной металлургии Челябинской области[20].

К такому повороту события не были готовы железнодорожники Челябинской области. Они периодически сообщали в правительство о нехватке вагонов под

[15] Комаров 1990, 161–162.
[16] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 121. Д. 137. Л. 157.
[17] ОГАЧО. Ф. Р–804. Секретная часть. Оп. 13. Д. 9. Л. 21.
[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 219. Л. 177.
[19] РГАСПИ Ф. 17. Оп 122 Д. 34. Л. 4.
[20] РГАЭ. Ф. 4372. Оп.45. Д .117. Л. 28.

погрузку готового оборудования. Многие руководители металлургических предприятий, усугубляя ситуацию, задерживали вагоны. Секретарь ЦК партии, руководитель комиссии партийного контроля Г. М. Маленков «сообщил» областным партийным руководителям о недопустимых простоях вагонов. На заводе № 114 простои достигали 41,8 часа при норме в 17,5 часов, на заводе № 200 14 часов, вместо 5 по норме, на ММК 23,6 часа, при норме 16 часов. Вмешательство столичных властей не изменило ситуации. Работа железной дороги продолжала оставаться проблемной вплоть до конца войны[21].

В связи с поэтапным освобождением советской территории от фашистских захватчиков начинается процесс восстановления народного хозяйства на ранее оккупированных территориях. В ходе эвакуации произошло масштабное перемещение материально-технической базы индустрии из европейской части на восток, что потребовало в дальнейшем дополнительных усилий по частичной реэвакуации. Восстановление экономики осуществлялось в крайне жестких условиях: сначала — в ходе самой войны, как только происходило освобождение ранее оккупированных земель, а затем — в условиях начавшейся «холодной войны»[22]. Частичная реэвакуация 1942 г. мало затронула Челябинскую область. Перемещению подверглась только часть оборудования машиностроительных заводов[23]. Специалисты считали нецелесообразным перемещение огромного металлургического оборудования в неподготовленные районы, освобожденные от оккупации. К тому же эвакуация была логическим продолжением довоенной линии правительства по перемещению металлургической промышленности на восток. Но было распространено «отраслевое» шефство: промышленные предприятия глубокого тыла, в том числе принявшие эвакуированное оборудование и работников западных регионов, в порядке шефской помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия[24]. Металлурги Челябинской области «курировали» восстановление Донбасса и Курской области. Магнитогорцы отправили 4 июня 1945 г. эшелон в 60 вагонов для восстановления Донбасса, передали оборудование восстанавливаемой «Запорожстали». Рабочие металлургических предприятий Златоуста организовали эшелон из 36 вагонов. Предприятия Ленинского района Челябинска направили в Донбасс 33 вагона с различными материалами[25]. Черная металлургия Челябинской области, наладив работу эвакуированных предприятий, смогла на завершающем этапе войны стать «донором» для восстановления южных районов СССР.

Таким образом, автором на основе широкого комплекса источников были рассмотрены тенденции функционирования черной металлургии СССР военного времени на примере отдельного региона. Нам удалось установить, что количество перебазированных предприятий в работах советских исследователей было завышено. Реальный процесс восстановления оборудования происходил проблематично и довольно долго сковывал нормальную работу оборонных отраслей. Процесс восстановления затягивался по объективным и и субъективным обстоятельствам.

[21] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 347. Л. 65.
[22] Братченко 2010, 119.
[23] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 20. Л. 56–57, Запарий 2005, 263.
[24] Братченко 2010, 121
[25] Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1981, 8–9.

Металлургия Челябинской области перенесла экономический «шок», сменившийся кризисом и поэтапным наращиванием производства. Повышение темпов роста черной металлургии области в последний период войны позволило не только организовать снабжение армии и тыла металлом, но и позволило приступить к восстановлению освобожденных районов. В целом, черной металлургии были присущи достоинства и недоставки советской мобилизационной системы экономики. Штурмовщина и постоянные авралы соседствовали с предельной концентрацией ресурсов на решение глобальных задач и талантливой организацией производства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Братченко Т. М., Сенявский А. С. 2010: Мобилизационные механизмы восстановления экономики на освобожденных от оккупации территориях РСФСР в условиях войны 1941–1945 гг. // Подвиг Урала в исторической памяти поколений / С. В. Воробьев (ред.). Екатеринбург, 117–121.

Васильев А. Ф. 1961: Деятельность партийных организаций Южного Урала по размещению эвакуированных предприятий в 1941–1942 гг. // Вопросы истории. 6, 63–74.

ГАРФ. Ф. Р–6822. Оп. 1. Д. 423. Л. 3.

ГАРФ. Ф. Р–6822. Оп. 1. Д. 456. Л. 22.

Гинзбург С. З. 1983: О прошлом для будущего. М.

Запарий В. В., Личман В. Б. 2005: Эвакуация металлургический предприятий из УССР на Урал и их реэвакуация в годы Великой Отечественной войны // Велика Вiечизняна вiйна 1941–1945 рокiв: сучаснi проблеми iсторичної освiти i науки / С. I. Свiтленко (ред.). Днепропетровск, 261–266.

Комаров Н. Я. 1990: Государственный комитет обороны постановляет. М.

Лившиц Р. С. 1958: Размещение черной металлургии СССР. М.

МУ МГА. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1121. Л. 130.

ОГАЧО. Ф. К–228. Оп. 3. Д. 10. Л. 3

ОГАЧО. Ф. П–228. Оп. 42. Д.18. Л. 132.

ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 42. Д. 20. Л. 56–57.

ОГАЧО. Ф. П–288. Оп. 6. Д. 114. Л. 52.

ОГАЧО. Ф. Р–804. Секретная часть. Оп. 13. Д. 9. Л. 21.

Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1981. Челябинск.

РГАСПИ Ф. 17. Оп 122 Д. 34. Л. 4.

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 347. Л. 65

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 124. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 219. Л. 177

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 121. Д. 137. Л. 157.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 36. Л. 8.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп.45. Д .117. Л. 28.

Сталь для победы: Черная металлургия СССР в годы Великой Отечественной войны. 1986. М.

FERROUS METALLURGY OF THE USSR DURING EVACUATION-RE-EVACUATION PERIOD OF 1941–1945 (BASED ON CHELYABINSK DISTRICT MATERIALS)

A. V. Churikov

Using a vast body of most recent sources the author considers the state of ferrous metallurgy in Chelyabinskaya District, focuses on issues relating to evacuation and deployment of iron and steel works in the back areas of the country, considers the re-evacuation process and the restoration of factories in the areas freed from fascist invaders. Academic novelty value of the article consists in introducing a new research methodology and recently declassified historical sources.

Key words: russian history, evacuation, ferrous metallurgy.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2010

Е. А. Ломакина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ МАСКИ И ПОИСКИ АУТЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМАТУРГИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО «ВЕКА-МАСКАРАДА» ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ

Данная статья рассматривает эволюцию маски как художественного приема от Античности до периода Реставрации XVII века. Будучи средством культурной и национальной самоидентификации маска проходит несколько этапов трансформации, изменяясь (транспонируясь) из карнавальной в маскарадную. Эти этапы определяются посредством римских, античных, шекспировских и масок дель арте. Каждый этап выделяет особенности своей маски, начиная с размера, цвета костюма и заканчивая характерными чертами образа (например Пульчинеллы).

Ключевые слова: маска, транспонировка, средство, приём.

Артистизм, театральность, по словам В. К. Кантора[1], характерны, как показывает исторический опыт, для любого слома традиционного мировоззрения. Поэтому обращение литературы к маске становится формой выявления собственного лица, необходимого для определения своего истинного места в художественном пространстве и времени. Обращение драматургов к маске как к особому художественному приему, как правило, обусловлено отчужденностью, возникающей при надевании той или иной маски, в более глобальном смысле характерна для всякой ситуации, когда целые народы, оказавшись перед лицом исторической неопределенности, сталкиваются с проблемой национальной и культурной самоидентификации. Решением данной проблемы представляется прослеживание процесса перенесения или, выражаясь словами М. М. Бахтина[2], «транспонировки» маски как предметного понятия (карнавальной «накладки», «рожи для потехи») на язык литературы, которая отражает не только саму маску, но и сопутствующие ей изменения и самой исторической эпохи, и нового типа культуры — маскарада, придавшего маске новое качество.

При анализе приема маски мы руководствуемся рассмотрением ее эволюции исходя из двух типов культуры, определяющих основные фазы этого процесса и объединенных в «метатопосы» карнавальности и маскарадности (здесь и далее термины по А. Л. Гринштейну)[3]. Карнавал и маскарад — две культурные системы, важнейшими элементами которых являются «топосы» маски, игры, праздника

[1] Кантор 1997, 162.
[2] Бахтин 1963, 63.
[3] Гринштейн 2000, 22.

и смеха. По утверждению В. Б. Шкловского, «карнавал в разных своих проявлениях осуществляется в продолжение многих тысячелетий». Таким образом, выводимое А. Гринштейном понятие маскарада рассматривается в качестве такого «проявления» карнавала, осуществляющегося в различных художественных системах, начиная с позднего Возрождения. То есть здесь можно говорить о сходстве «несходного», а именно об использовании «эстетических структур» карнавала и маскарада в различных обстоятельствах. Так, карнавал М. Бахтина, по утверждению В. Шкловского, «историчен» — это «событие определенного времени, созданное людьми определенного умонастроения». Маскарад же в этом случае представляет собой как бы «сходное» с ним историческое «повторение»[4].

Также и сама маска, ее эволюция выступают в роли своего рода «разнонаправленных сходных повторений», обретающих при этом «несходное» этическое и эстетическое наполнение. Карнавал творят, в нем живут, обретая иной праздничный облик при помощи карнавальной маски. Маскарад разыгрывают, его двойственность реальна, маска используется как средство создания обмана, фальшивого облика. Изменения, которым маска подвергается в своем развитии, напрямую связаны со «сменой парадигмы европейской культуры», то есть с ее перерождением из карнавальной в маскарадную. В процессе своего перемещения с «периферии в центр культурного поля», маска становится ядром новообразующегося «метатопоса маскарадности». Маска изначально, будучи средством обретения нового образа и выражая принципиально важную для карнавальной культуры идею обновления, была способом и инструментом сокрытия истинного лица, появления новой, но мнимой личины.

Развитие и трансформация маски от Античности до эпохи Возрождения начинается со значения маски для культуры Античности в целом и для становления античного театра в частности. Так, у Аристофана маски-типы обрисовывались при помощи исключительно внешних признаков. Не создавая характеров в современном смысле этого слова и даже не индивидуализируя речь действующих лиц, Аристофан использует маску для создания «карикатурного персонажа», олицетворяющего собой некую особенность не отдельного человека, а определенного человеческого типа[5]. Главная цель драматурга заключалась в том, чтобы «схватить комическое и выставить его напоказ»[6]. С этой задачей Аристофан прекрасно справлялся при помощи своих масок, «схватывая» карикатурный комизм выводимых им на сцену персонажей. Он создавал новые слова, чтобы этими «изломами речи» очернить тех, кто вызывал его презрение своей показной изысканностью[7].

Анализ маски в комедиях Аристофана и Менандра показывает, что античные маски эволюционируют от типизации характера к индивидуализации типа.

[4] По В. Шкловскому, «выделяя структуру исторических явлений, мы можем решать, что история повторяется, но в то же время знаем, что она двигается. Двигается разделенной на разнонаправленные, но как бы сходные повторения» <курсив наш — Е. Л.>. (Шкловский 1970, 270–272).

[5] Этим качеством А. Ф. Лосев определяет «классичность стиля Аристофана»: «Художественный стиль аристофановских комедий представляет собой необычайно выразительный образец чисто классического стиля, то есть он основан не на психологии, не на анализе переживаний или картинах быта, но на изображении отвлеченно-типического в индивидуально-пластической форме» (Лосев 2001, 177). Подробно о масках-типах у Аристофана см.: Штейн 1990, 25–47; Гаспаров 2003, 367.

[6] Варнеке 1940, 73–74.

[7] Там же, 73.

Первоначально обрисовываясь при помощи исключительно внешних приемов, являясь средством создания «карикатурного персонажа» (как известно, цвет, размер античных масок отражали социальный статус, возраст, настроение или преобладание какой-либо характерной черты, а маски-костюмы являлись условными одеждами, по которым можно было определить род занятий носящих их персонажей), в дальнейшем античная маска постепенно начинает аккумулировать в себе индивидуально-типические характеристики действующих лиц. Их проявления варьируются в пьесах Менандра «Птицы», «Осы», «Облака» (где птицы становятся богами, а божества ничем, старики — мальчишками, дети — воспитателями) как «некая фантастическая перевернутость», которая, по нашему мнению, и олицетворяет маску[8]. Таким образом, уже у самых истоков маски обнаруживается такая ее функция, как изменение существующего положения вещей.

Подобно центральной фигуре сатурналий богу Дионису, который был вынужден скрывать свое лицо, переодеваясь и играя определенную роль, и в котором смыкались противоположности жизни и смерти, участники карнавала, закрывшись маской, могли изменить свою судьбу, осуществив переход из одного состояния в другое. Именно в культе Диониса происходит трансформация ритуала в собственно театральное действо[9]. Части дионисийского ритуала — жертвоприношение и священный брак божественных сил, знаменующий собой идею воскресения, — «трансформировались в трагедию и комедию, обусловив двойственную природу театральной маски»[10].

Еще более индивидуализированными стали маски Древнего Рима. У Теренция, Плавта маска получает значение «персонаж», отождествляется ими уже непосредственно с действующим лицом, и, как отмечает Дж. Дакворт, в древнеримской драматургии она постепенно приобретает значение «образа». «Очеловечивание» римских масок происходило и на чисто атрибутивном уровне: маской считался грим, который приближал создаваемый актером образ к более естественному. Таким образом, маска-грим становится следующим звеном в процессе индивидуализации персонажа, а вместе с ним и его маски. Мы также отмечаем, что преобразования античной маски неразрывно связаны с карнавалом (с карнавальным «принципом наоборот»). Так процесс индивидуализации античных и римских масок, а именно, придание им живых «типических» черт (через опции размера, цвета, грима) можно отнести к своеобразным этапам культурной и национальной самоидентификации.

Далее проследим изменения, произошедшие с античной карнавальной маской в эпоху Средневековья. «Двумирность» эпохи Средневековья предопределила своего рода двухмерность проявления самой маски, сделав ее точкой пересечения двух противоположных культурных потоков: официально-церковного и народно-смехового. Сценическая атрибутивность маски нашла свое воплощение в евангельских масках, представляющих в лицах священное писание, а сред-

[8] Пиотровский 1927, 6–7; Штейн 1990, 6; Шкловский 1970, 268, 271.

[9] О роли этого бога и его культа в развитии греческого театра и маски как его части подробно см.: Фадеева 1996, 34; Гринштейн 1999, 12–13.

[10] Трагедия мыслилась как десакрализованное представление страстей бога, разрываемого на части и предназначенного для священной трапезы (жертвоприношение). В то время как смысл комедии заключался в реновации, возрождении к жизни из смерти, что, в свою очередь, стало основным отправным пунктом карнавальной культуры (Фадеева 1996, 37).

ством создания таких масок стал знаковый эмблематический язык, понятный всем категориям зрителей. Если обратиться к мистериям и моралите, можно отметить, что слова выполняли сопроводительную функцию по отношению к визуальным эмблематическим эффектам.

По словам В. Шкловского, античный и средневековый карнавалы являются «несходно» используемыми во времени сходными «эстетическими структурами»: античная карнавальность — это мечта о «Золотом веке», это легкость и блеск, а средневековый карнавал — это параллельный официальному миру мир праздника, в котором живут по законам временной «карнавальной свободы». Роль маски в обеих «структурах» сходна: маска дает ощущение внутренней, ничем не ограниченной (кроме самого карнавала) свободы; различие заключается в пресловутой «двумирности», где единство серьезного и смехового не предполагало равноправия, в то время как ранее эти аспекты в отношении божества, мира, человека были одинаково священными. Синтез серьезного и смехового хотя и отражал общее восприятие мира, бога, человека, однако был ограничен самим карнавалом, существующим в рамках объективной реальности.

В эпоху Ренессанса карнавальные составляющие — свобода и праздник, а также главный карнавальный атрибут — маска получают новое качественное выражение. Маска-язык, кроме ассоциативно-эмблематической формы приобретает иную грань проявления: «площадное слово» становится словесной маской выражения речевой свободы карнавала, а маска-костюм предстает уже в форме маски-превращения (то есть приятия иного облика с тем, чтобы остаться неузнанным). Важно, что на данном этапе эволюции маска заменяет свою символьную функцию на литературно-художественную, «метафорическую». Это неразрывно связано с развитием итальянской комедии XV века. Функционирование «ученой комедии» происходило на уровне литературного слова. Маска использовалась в художественной сфере в качестве одного из вспомогательных приемов развития сюжетной интриги.

В масках, выводимых на сцену Н. Макиавелли, представлены не только «обобщенные типы» повседневной действительности, помещенные в иллюзорно-гротескную ситуацию. У Макиавелли маски — это «личины», используемые с определенной целью. Так, маска фра Тимотео предъявляется в качестве «елея лицемерного благочестия», чье определение говорит само за себя. Маска мессера Нича, обозначаемая как «слепота», «глупость» имеет «различимое социальное лицо», именно оно и не позволяет герою здраво оценить ситуацию[11]. Персонаж прячется за свое респектабельное «лицо»-маску, не желая знать правду. Некоторые маски Макиавелли можно отчасти назвать маскарадными: их использование персонажами больше напоминает поиск собственной выгоды или сохранение «лица», чем праздничную бескорыстную шутку-розыгрыш (например, мессер Нича не слышит смеха — не соприкасается с его очищающим, освобождающим началом, поэтому он не расстается с своей маской-слепотой). Функционирование этих личин происходит на уровне речи и поведения, в которых выражаются и характерные черты «обобщенного типа», и особенности их употребления на уровне маски.

[11] Андреев, Хлодовский 1988, 189.

Несмотря на сатирические основы, заложенные такими мастерами, как П. Аретино, Н. Макиавелли, Дж. Бруно, А. Бельоко, и направленные во «вне»[12], ученая комедия ищет источник комического не в действительности, а в самой себе, создавая смех в чистом виде — в перспективе этот процесс ведет к «абсолютной структурной стандартизации и полной дистрофии текста» — возникает комедия дель арте[13].

Расцвет ренессансного карнавала стал фундаментом зарождающейся народной комедии масок. Игровые приемы, взятые из народных карнавальных фарсов, подвергались обработке с целью выработки собственных драматургических принципов, важнейшим из которых стало маскотворчество. а сама маска становится особой формой восприятия действительности. Маска дель арте воплощает в себе одновременно фигуру, взятую из карнавального праздничного бытия, и житейский тип, ограничивающий своими характерными чертами предельно допустимое в рамках амплуа маски функционирование в качестве типовой маски-образа[14]. В связи с этим можно заключить, что такая маска была атрибутивным сценическим средством (костюм и маска соответствовали определенному типажу). В этих масках не было места для двусмысленности, они представляли собой четко выраженные трафаретные образы. Например, маски «дзанни» нашли свое воплощения в известных и по сей день масках-типажах дель арте — Арлекине и Пульчинелле. Искусство маскотворчества носило реалистический характер, осуществляясь путем сатирической стилизации живых типов современности.

Проанализировав особенности масок дель арте, мы приходим к выводу об их «карнавализованности», то есть о переложении языка стихии карнавала на драматургический язык зарождающегося и уже называющего себя профессиональным театра. Не ставя под сомнение художественные достоинства таких масок и самой комедии дель арте, мы, тем не менее, предполагаем, что наивысшим драматургическим воплощением карнавала стали карнавализованные маски произведений Шекспира.

Синтезируя богатства мистериальной зрелищности, поделенные между двумя типами театра (народным и придворным), Шекспир переработал и преобразовал «иллюзорные сценические эффекты мистерий и масок в драматургическую иллюзию»[15]. Можно сказать, что таким образом он производит трансформацию образа посредством смены обличья. Обработке подверглись не только жанровые направления, но нравы того времени. Имеется в виду маска как предмет, атрибут не только карнавала, праздника, но и повседневной жизни (например, у А. Черновой: перчатки и шляпа)[16]. Когда одна из шекспировских героинь Розалинда пере-

[12] П. Аретино «Кузнец», «Лицемер»; Дж. Бруно «Подсвечник».

[13] «Актер вытесняет автора, жест подавляет слово, из которого к тому же изгнан смысл и оставлена гротескно искаженная форма» (Андреев, Хлодовский. 1988, 182).

[14] Дживелегов 1962.

[15] К придворному театру, в силу приверженности королей к грандиозности и почти неограниченных материальных средств, отошли «декоративная щедрость, богатство материалов, сложная машинерия, изощренная пышность в изображении чудес». Народный театр вобрал в себя всю многослойную яркость карнавала, а его декоративность находила свое отражение в «функциональности и эстетической необходимости каждого отдельно взятого предмета» (Чернова 1987, 56).

[16] Маску надевали, чтобы предохранить лицо от холода и загара, от пыли и ветра во время верховой езды, от нескромных взглядов на улице (Чернова 1987, 123).

одевается мальчиком, другая, Селия, говорит, что ей придется «зачернить лицо», то есть надеть темную маску — иначе говоря, что-то скрыть. Таким образом, первый уровень смены обличья — «зачернить лицо», иными словами — надеть фактическую маску и скрыть подлинное за искусственной личиной. Далее следует переодевание, смена костюма-обличья и, как следствие, превращение одной индивидуальности в другую, приобретение характерных черт, диктуемых новым обличьем.

Исследователи при характеристике шекспировских персонажей, как правило, не обращают достаточного внимания на этот важный прием в создании образа. А. Аникст связывает перемену характера героя не столько со сменой обличья, сколько с социальными процессами эпохи. Изменение человеческой личности — это «изменение реального положения, среды, окружающей героя, его места в обществе в связи с ломкой границ между сословиями»[17], то есть трансформации «среды», «места», происходящие с характером, обусловливаются прежде всего внешними социальными причинами. Так, король Лир, оказавшийся в положении нищего, «не может не пережить потрясения всех основ своей жизни», и естественно, что у него происходит «переворот в чувствах»[18]. Такие изменения, на наш взгляд, имеют внутренний психологический характер, обрисовываемый автором при помощи разнообразных средств, например — метафор, по словам М. Морозова. Однако, говоря о маске, мы подразумеваем сочетание отдельных способов характеристики персонажа — метафор, особенностей речи, переодеваний — в цельный совокупный художественный прием.

Так, масочные превращения шекспировских героев всегда целенаправленны: например, новый мужской облик женщин помогает им в борьбе за свое женское счастье. Мужские переодевания — это нередко присвоение маски-обличья низкого плана, однако присваивается лишь «нищенский вид», а не «нищенская суть». Таким образом, маски-перевоплощения, создаваемые Шекспиром, — это уже инструменты, используемые его героями для достижения собственных целей. На данном этапе костюмные перевоплощения из карнавальных праздничных начинают перерождаться в маскарадные: то есть маска-одежда используется для сокрытия явного и предъявления не настоящего, а приобретенного посредством маски облика. Однако мотив этих масочно-костюмных превращений (то есть масок) состоит не в корысти или выгоде, а в жизненной целеустремленности надевающих их героев, временно оформляющих свое «Я» извне: маскировка «Я» происходит не с тем, чтобы его скрыть, а чтобы добиться искомой цели. Костюмные превращения персонажей Шекспира не ограничиваются «переодеваниями театра в театре»; изменение всего облика героя также связано с критическими моментами его жизни. Если девушка облачается в мужской костюм-маску и сражается за свою любовь, то для мужчины это, как правило, не только изменение, но намеренное снижение облика: переодевание в костюм слуги, превращение в отталкивающего нищего. Так, в «Укрощении строптивой» влюбленный щеголь меняется костюмом со своим слугой; в «Зимней сказке» влюбленный в пастушку принц Флоризель сам переодевается в пастуха. У Шекспира маска — это художественное средство изменения образа, пластически выраженное посредством смены костюма, пола,

[17] Аникст 1974, 145.
[18] Там же, 146.

социального статуса, вообще, созданием эффекта таинственности через сокрытие явного и перевоплощение в иное новое.

Таким образом, карнавальные маски-образы комедии дель арте и маскарадные превращения героев шекспировских драм можно рассматривать как *художественные* средства разрешения проблемы культурной самоидентификации.

Итак, маска, пройдя путь от атрибута площадных представлений, праздничных шествий карнавала или средства создания типовых образов в пьесах античности и дель арте до карнавализованных превращений Шекспира, изменяет свою функцию с прямой, предметной на непредметную, художественную; а свое значение от однозначного праздничного к неоднозначному и двусмысленному, метафорическому, от карнавального к маскарадному. То, что в целом можно назвать тенденцией к театрализации действительности, отражается в непрестанных поисках аутентичности.

Изменение функции маски в эпоху Реставрации представляет собой новое качество маскарадной маски, обретенное к концу XVII века. Возникновение этого качества напрямую связано с изменениями, происходящими в общественной жизни Англии конца XVII века. Здесь прежде всего следует отметить Реставрацию, с которой связывают название комедиографии, относимой к данному периоду. Подобно тому, как пуритане использовали в качестве идеологической «драпировки» религию, остроумцы реставрационного общества облачались в маски иного, маскарадного качества. Исследование культурно-исторического значения маски и ее функционального назначения в драматургии первой половины XVII века указывает на иное использование этого драматургического средства, что подняло его до уровня самостоятельного художественного приема маски. В то время как «Век-маскарад», изобличенный масками драматургов Реставрации, может быть обозначен точкой возврата, инициировавшей следующий этап национальной и культурной самоидентификации, и предвосхитившей эру Просвещения. Художественная «эпоха-маскарад» синтезирует крайности (аскетизм и разврат), используя маску как средство поиска точки равновесия.

ЛИТЕРАТУРА

Кантор В. К. 1997: Артистическая эпоха и ее последствия // Вопросы литературы. 2, 23–34.

Бахтин М. М. 1963: Проблемы поэтики Достоевского. М.

Гринштейн А. Л. 2000: Карнавал и маскарад: два типа культуры // «На границах». 1, 10–16.

Шкловский В. Б. 1970: Тетива. О несходстве сходного. М.

Лосев А. Ф. 2001: Античная литература. М.

Штейн А. Л. 1990: Веселое искусство комедии. М.

Гаспаров М. Л. 2003: Комедия античная // Литературная энциклопедия терминов и понятий. 1, 18–32.

Варнеке Б. В. 1940: История античного театра. М.

Фадеева Н. И. 1996: Трагикомедия. Теория жанра: дис. ... д-ра филол. наук. М.

Андреев М. Л. Хлодовский Р.И. 1988: Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М.

Дживелегов А. К. 1962: Итальянская народная комедия дель арте. М.

Чернова А. Л. 1987: Все краски мира, кроме желтой. М.
Аникст А. А. 1974: Шекспир. Ремесло драматурга. М.

MASK AS ARTISTIC DEVICE AND SEARCH OF AUTHENTICITY: FROM HELLENISTIC TIMES TILL RESTORATION

Ye. A. Lomakina

The article is about evolution of the mask as an artistic device from Hellenistic times till Restoration in the 17th century. While being the means of cultural and national self-identification the mask goes through several transformation stages changing from the carnival mask into the masquerade one. These stages are determined through Hellenistic, Roman, Del' Arte, Shakespearian masks. Every stage defines peculiar features of its mask beginning with size and colour winding up with "Punchinello" features or a special disguise of the character.

Key words: mask, transform, means, device.

© 2010

О. А. Арапов

ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА В РУССКИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ XIX В., ОБЪЕКТИВИРОВАННАЯ БИБЛЕЙСКИМИ И ФОЛЬКЛОРНЫМИ УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВЕСНЫМИ КОМПЛЕКСАМИ

Настоящая статья посвящена реконструкции пространственного устройства загробного мира, объективированного в духовных стихах XIX столетия фразеологическими средствами. Автор приходит к выводу, что загробный мир в русских духовных стихах построен по бинарной модели, противопоставляющей его территориально-пространственные части: ад и рай.

Ключевые слова: духовные стихи, устойчивый словесный комплекс, загробный мир.

Духовные стихи — пласт русской культуры, по идеологическим причинам «забытый» советской наукой. Негласный запрет на изучение духовных стихов отразился не только на исследовательской деятельности: «до 1991 г. духовные стихи в СССР вообще не издавались; их язык не изучался; ни в один из словарей, включая словари народных говоров, не вводились примеры даже из самых популярных духовных стихов; при подготовке к печати справочников по библейским крыла-

тым выражениям и библейским символам семантика библеизмов никак не соотносилась с их значениями, закреплёнными в духовном фольклоре»[1].

Соответственно, до сих пор не предпринималось и серьезных попыток воссоздания языковой картины мира, вербализованной в русских народных духовных стихах дореволюционной России.

Настоящая статья посвящена реконструкции пространственного устройства загробного мира, объективированного в духовных стихах XIX столетия посредством устойчивых словесных комплексов (УСК).

В текстах духовных стихов нами обнаружено 17 библейских и фольклорных УСК, содержащих в своей семантической структуре семы, касающиеся пространственно-территориальной организации потустороннего мира. Данные единицы объединены сложной семой ‘пространственная часть загробного мира’. Настоящие УСК формируют две фразеосемантические группы. Первая — объединяет УСК, в семантической структуре которых содержится комплексная сема ‘место блаженства праведных душ’. Во вторую группу входят УСК, объединенные сложной семой ‘место мучений грешных душ’. Имея общую сему ‘пространственная часть загробного мира’, эти единицы противопоставляются по двум параметрам: 1) как место блаженства/место мучений и 2) как место, предназначенное для праведных душ/место, предназначенное для грешных душ.

Таким образом, география загробного мира представляет собой четкое противопоставление ада и рая. Оппозиция ад/рай свойственна именно славянскому христианскому мировоззрению: «Православная книжная и народная традиции противопоставляют ад раю, а католическая с XII в. выделяет на “том свете” еще чистилище — переходное место из ада в рай»[2]. Данная концепция бинарных оппозиций рассматривается как базовая ментальная структура русской культуры[3].

В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что языковой коллектив проходит постепенный путь от «семиотического хаоса» к «модели организованного мира»[4]. Модель мира воспринимается и описывается носителями языка с помощью противопоставлений. Такой «набор основных семантических противопоставлений, определяющих модель мира»[5], претерпевает своеобразную эволюцию: «ранние локально-цветовые» противопоставления сменяются «оппозициями элементов, все более тесно привязанных к судьбам человеческого коллектива»[6].

В оппозиции ад/рай, объективированной в русских духовных стихах посредством УСК, существует свой «набор основных семантических противопоставлений, определяющих модель мира». Часть данного комплекса представлена локально-цветовыми противопоставлениями, часть — оппозициями абстрактных понятий, связанных с «судьбами человеческого коллектива».

Славянские народные представления о рае сложились под сильным влиянием христианства. Согласно Библии, рай — это определенное физическое (и даже географическое) пространство, а также основной принцип человеческого бытия —

---

[1] Шулежкова 2005, 3.
[2] СД 1, 1995, 93.
[3] Иванов, Топоров 1965, 1974; Толстой 1995; Федотов 1991.
[4] Иванов, Топоров 1965, 216.
[5] Там же, 236.
[6] Иванов, Топоров 1965, 216–217.

в единстве и гармонии с природой и Создателем[7]. Вместе с тем в Библии нет конкретного указания на рай как на место посмертного обитания праведных душ.

Рай как географическое пространство в православной традиции представлен тремя основными моделями[8]:

рай — сад, восходящий к текстам Ветхого Завета;

рай — город, описанный в Апокалипсисе Новый Иерусалим;

рай — небо, небесный рай, восходящий к неканонической литературе, апокрифическим описаниям надстроенных один над другим девяти небесных ярусов.

В русских духовных стихах рай понимается как небесный мир, составная часть загробного мира, населенная душами праведных, ангелами, святыми людьми и триединым Богом. Фразеосемантическая группа «Рай» представлена в исследуемых текстах восемью УСК (260 употр.). Ядро группы — единицы, являющиеся наименованиями рая. По частной фразеологической модели П + *рай* построены 4 УСК: *прекрасный рай*, *пресветлый рай*, *светлый рай*, *святой рай*.

Прилагательные, входящие в состав УСК, характеризуют «место вечного блаженства»[9], актуализируя одно из его свойств. Прилагательное *прекрасный* реализует в составе УСК с грамматическим центром *рай* несколько основных значений — ‘дивный, удивительный, чудесный’, ‘очень красивый’[10], ‘обладающий высшей степенью совершенства с точки зрения христианской системы ценностей’[11]:

Подите вы, други Мои, и дети Мои,
И дщерие Мои, и любезные Мои,
Во Мой, де, во *прекрасный рай*!
На древах сидят птицы райские,
Поют песни царские
И гласы, де, гласят архангельски;
Прекрасный рай вам красуется[12].

УСК *светлый рай* и его вариант *пресветлый рай* характеризуют рай как ‘исполненный блаженства’[13], ‘наполненный светом’[14] (прил. *светлый*) и ‘исполненный света, красоты, благости’[15] (прил. *пресветлый*):

Выньте его душеньку и честно и хвально и в сахарны уста,
Положите его душеньку на пелены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку в *пресветлый рай*[16].

Наиболее частотным наименованием рая в духовных стихах является единица *царство небесное* (*царствие небесное*) — 128 употр. Для духовных стихов характерна синонимичность УСК *царство небесное* и *прекрасный рай*, *пресветлый рай*, *светлый рай*:

[7] Дубровина 2010, 566.
[8] СД 4, 2009, 397.
[9] ППБЭС 1992, 1948.
[10] СРЯ XI-XVII 18, 1992, 252.
[11] СДРЯ 8, 2008, 180.
[12] Бессонов 1863б, 123.
[13] СРЯ XI-XVII 23, 2000, 149.
[14] Там же, 147.
[15] СДРЯ 8, 2008, 271.
[16] Якушкин 1860, 49.

Да вознесли же душу на небеса,
Да отдали душу к Богу в рай,
К святому Абрамию к праведному:
Вот тебе, душенька, тут век вековать,
В *небесныем царствии, пресветлом раю!*[17].

УСК *царство небесное*, функционирующее в русских духовных стихах XIX в., обозначает вполне конкретное физическое (географическое) пространство (в отличие от устоявшегося в канонической православной традиции понимания царства небесного как пространства (состояния) ментального, духовного). Однако в обоих случаях представления о царстве небесном тесно связаны с понятием нравственности и оппозицией греховность/праведность:

Научи меня, пустыня,
Волю Божию творити,
Яко матерь своего сына,
Все на добрые дела!
Избави меня, пустыня,
Огня, вечныя муки!
Возведи меня, пустыня,
В *небесное царство*![18].

Прилагательное *небесный* актуализирует сему ‘находящийся на небе’[19], ‘находящийся вверху’, что указывает на местоположение рая.

В семантической структуре УСК *райская пища* на первый план выходит сема ‘блаженная жизнь’, а пространственная сема не занимает ведущей позиции, как в случае с УСК — наименованиями рая. Лексема *пища* имела в др.-рус. языке два значения: 1) ‘еда, питание’, 2) ‘радость, наслаждение, блаженство’[20]. Второе значение возникло из-за ошибки переводчиков, смешавших два разных греческих слова. Устойчивый оборот *пища райская* и употребляется в значении ‘райское блаженство’:

За ваше великое претерпение,
За ваше великое пострадание,
Готово вам царство небесное,
Готова вам *пища райская*[21].

Библейские УСК фразеосемантической группы «Рай», объективируя ‘место блаженства праведных душ’ как часть загробного мира, актуализируют одну из двух сем: ‘место вечного блаженства’ — *прекрасный рай*, *пресветлый рай*, *светлый рай*, *святой рай*, *царство небесное*; ‘блаженная жизнь’ — *райская пища.*

По данным историко-этимологического словаря современного русского языка, лексема *ад*, существующая в древнерусском языке с XI в., восходит к греч. αιδης — «Аид, бог преисподней», «преисподняя», «невидимый», «погруженный во мрак»[22].

Ранние библейские тексты рассматривают ад как место обитания всех умер-

[17] Бессонов 1861, 57.
[18] Там же, 219.
[19] СРЯ XVIII 14, 2004, 120.
[20] РФИЭС 2005, 536.
[21] Бессонов 1863б, 128.
[22] Черных 1, 1999, 28.

ших независимо от их образа жизни на земле. В ад попадают не только грешники, но и праведники. В поздних ветхозаветных текстах вырабатываются взгляды на ад как на место кары для грешных душ, и ему присваивается название *геенна*.

В Новом Завете понятие об аде корректируется в связи с учением об искуплении, воскресении мертвых и о Страшном суде. Ад перестает сводиться только к обозначению потустороннего пространства. Слово *ад* в новозаветных книгах употребляется для обозначения вечного осуждения, вечной погибели, вечного мучения, на которое обречены грешники[23]. Акцент в значении переносится с понимания ада как определенного пространства на понимание ада как посмертного состояния грешных душ.

В русских духовных стихах ад понимается как противопоставленная раю составная часть загробного мира, где грешные души претерпевают вечные муки. Фразеосемантическая группа «Ад» представлена в духовных стихах XIX в. 9 УСК в 193 употр. В эту группу вошли единицы, являющиеся наименованиями ада, и единицы, называющие конкретные адские муки.

Значение УСК *тьма кромешная* восходит как к Библии, так и к фольклору. Прилагательное *кромешный* было образовано от слова *кромá* ‘граница, край, бок’ и обозначало в древнерусском языке ‘внешний, наружный’. По древним мифологическим представлениям, солнце освещало землю только до определенного предела (границы, кромы), за которым царствовал вечный мрак — *тьма кромешная* (или тьма внешняя). С другой стороны, УСК *тьма кромешная* восходит к церковнославянскому тексту Евангелия, где *кромешной тьмой* называется ад: «Тьма кромешная в Библии символизирует загробное существование, сближается с понятиями ад и преисподняя, а иногда выступает в качестве их синонимов»[24].

В духовных стихах XIX в. УСК *тьма кромешная* употребляется в значении ‘место вечного мучения, уготованное душам нераскаявшихся грешников’[25] и обладает дополнительной семой ‘погруженный во тьму’:

Повелел Господь связать душу грешную по руце и по нозе.
Бросили душу грешную *во тьму во кромешную*.
Ходила душа грешная *во тьме во кромешной*,
И не нашла душа грешная себе пристанища,
Ни ложки воды, ни капли росы[26].

УСК *ад кромешный* имеет в составе то же древнерусское прилагательное *кромешный*, означающее ‘внешний, наружный’, что сближает семантику данной единицы с УСК *тьма кромешная*:

Плачет душа грешная,
Плачет она рыдаючи:
Ох, горе мне великое!
Не заведала я царства небеснаго,
Заведала я *ада кромешнаго*[27].

УСК *ад кромешный* актуализирует местонахождение ада за *кромой*, во тьме,

[23] ППБЭС 1, 1992, 66.
[24] Дубровина 2010, 670.
[25] СПЦК 2008, 20.
[26] Варенцов 1860, 144.
[27] Варенцов 1860, 160.

что указывает на наличие в семантике УСК дополнительной семы ‘погруженный во тьму’ и устанавливает между единицами *ад кромешный* и *тьма кромешная* синонимические отношения. Данный семантический признак противопоставляет УСК *ад кромешный* и *тьма кромешная* единицам *светлый рай* и *пресветлый рай*, имеющими сему ‘преисполненный света’.

В XVI в. образ *кромешного ада*, *тьмы кромешной* соединился с другим библейским образом — *геенной огненной*[28]. В русских духовных стихах образы «тьмы внешней» и «огненной долины» неразделимы:

Посадили душечку на остро копье,
Понесли душечку на небеса,
Бросили душечку в *кромешный ад,*
В огнь неутишимый, в смолу кипячу[29];
Будет мука вечная,
И *тьма кромешняя*,
И пламя неугасимое[30].

В семантической структуре УСК *преисподний ад* содержится сема ‘подземный мир', а сама единица называет ‘адскую бездну’[31]:

Еще душа Богу согрешила:
Напилася душа зеленаго вина,
От зеленаго вина душа пьяна была.
Померла эта душа без покаяния,
Без того ли без попа без духовнаго.
Провалилася душа в *преисподний ад*,
Век мучиться душе и не отмучиться[32].

Прилагательное *преисподний* вносит в УСК сему ‘находящийся под землей’, ‘находящийся внизу’. Данная сема противопоставлена семантическому признаку ‘находящийся на небе’, ‘находящийся вверху’, обнаруживаемого в УСК *царство небесное*. Это указывает, что единицы *преисподний ад* и *царство небесное* в русских духовных стихах вступают в антонимические отношения.

Ряд библейских УСК, называя ад в русских духовных стихах, актуализируют семы ‘страдание, мучение’ и ‘вечный, не перестающий быть’. Так, *ад* как ‘вечные страдания’ в соответствующем словесном окружении обозначают УСК *вечные муки* и его вариант *превечные муки*:

Господи наш, Царь небесный!
Чего от раю прочь нас отсылаешь,
От царства небеснаго нас лишаешь,
Во *вечную муку* посылаешь[33].

Оппозиция ад/рай, свойственная русской традиционной культуре, в духовных стихах при описании загробной жизни может быть объективирована в противопоставлении УСК *вечные муки* и *царство небесное*:

---

[28] РФИЭС 2005, 17.
[29] Ефименко 1878, 40.
[30] Бессонов 1863б, 124.
[31] СРЯ XI–XVII 18, 1992, 241.
[32] Варенцов 1860, 147.
[33] Бессонов 1861, 93.

Кто Олексия воспоминает,
На всяк день его света на молитвах,
Тот сбавлен будет *вечныя муки*,
Доставлен в *небесное царство*[34].

Оппозиция ад/рай в произведениях духовного фольклора тесно связана с понятиями греховности/праведности:

А кто станет жить у нас правдою,
Тот наследует царство небесное,
Но сбавлен злой *муки превечныя*;
А кто станет жить у нас кривдою,
Отрешен *на муки на вечныя*[35].

В русских духовных стихах УСК *вечные муки* (*вечная мука*) и *злая мука* являются синонимами — общая сема ‘бесконечное мучение, страдание’. УСК *райская пища* ведет себя как контекстуальный антоним к указанным УСК (противопоставляющий семантический признак — ‘блаженство, радость’):

Райские пищи лишаемся,
В *вечную муку* отсылаемся[36].

Существующие в духовных стихах многочисленные вариации на тему вечных мук представлены тремя УСК, называющими конкретные средства причинения мук: *геенский огонь, огонь неугасимый* и *смола неутолимая*. В семантической структуре данных единиц пространственная сема не является ведущей.

УСК *геенский огонь* восходит к текстам Священного писания. *Геенна* — новозаветное название ада[37]. Образ геенны огненной, *геенского огня* восходит к описаниям долины Еннома, где иудеи совершали жертвоприношения. После реформ Иосии для осквернения этой долины в нее свозили нечистоты и трупы павших животных. Чтобы не создать очага заразы, здесь постоянно поддерживался огонь. В духовных стихах УСК *геенский огонь*, реализуя сему ‘пламя, огонь’, обозначает ‘адские муки’[38]:

У правой у рученьки мизинный твой перст,
Обмочи ты, мой братец, в студеной воде,
Промочи ты мне, братец, кровавы уста!
Сократи ты, родимый, *геенский огонь*;
Чтобы мне, богатому, всему не сгореть
В той во злой муке превечныей![39]

Огонь неугасимый — необходимый атрибут ада, геенны огненной для наказания грешников[40]. О неугасимом, т. е. вечном, огне говорит Иоанн Креститель, обращаясь к фарисеям и саддукеям, идущим к нему креститься (Мф 3:11–12; Лк 3:15–17). Оборот *огонь неугасимый* несколько раз встречается в беседе Иисуса со своими учениками о соблазнах и используется как синоним слова *геенна*

[34] Там же, 143.
[35] Бессонов 1861, 274.
[36] Бессонов 1863б, 204.
[37] ХЭС 1, 1993, 402.
[38] СРЯ XVIII 18, 2006, 172.
[39] Бессонов 1861, 59.
[40] Дубровина 2010, 453.

(Мк 9:43–48). УСК *огонь неугасимый* реализует две уже отмеченные в других единицах семы — ‘пламя, огонь’ и ‘вечный, не перестающий быть’:

Вы пойдите-ка, грешные,
Во тьму во кромешную:
Вам *огни неугасимые*,
Вам смолы кипучие,
Вам черви сыпучие![41]

Таким образом, фразеосемантическая группа «Ад» представлена в духовном фольклоре XIX в. 1) единицами, являющимися наименованиями ада — *ад кромешный*, *вечная мука* (*превечная мука*), *злая мука*, *преисподний ад*, *тьма кромешная*, — и 2) единицами, называющими средства причинения адских мук — *геенский огонь*, *негасимый огонь*, *смола неутолимая*.

Загробный мир, объективированный в русских духовных стихах посредством УСК, построен (организован) по бинарной модели, противопоставляющей его территориально-пространственные части: ад и рай. Представления о двойственной природе мироустройства на фразеологическом уровне проявляются в наличии следующих антонимических пар: *царство небесное*/*преисподний ад* (семы ‘находящийся вверху’/‘находящийся внизу’), *пресветлый рай*/*тьма кромешная* (семы ‘преисполненный света’/‘пребывающий во тьме’), *райская пища*/*злая мука*, *вечная мука* (семы ‘блаженство’/‘страдание’).

Кроме этого, ад и рай противопоставляются основным комплексом сем (‘место блаженства праведных душ’ и ‘место мучений грешных душ’) по двум параметрам: 1) как место блаженства/место мучений и 2) как место, предназначенное для праведных душ/место, предназначенное для грешных душ.

В оппозиции ад/рай, объективированной в духовном фольклоре, существует свой «набор основных семантических противопоставлений, определяющих модель мира»[42]. Это — локально-цветовые противопоставления: верх/низ, свет/тьма, — и оппозиции абстрактных понятий, связанных с «судьбами человеческого коллектива»: блаженство/страдание, греховность/праведность.

В соответствии с идеей об эволюции оппозиций, положенных в основу модели мира[43], первую группу семантических противопоставлений мы относим к ранним этапам формирования бинарной модели загробного мира, вторую — к более поздним. Иными словами, оппозиции верх/низ, свет/тьма восходят к русской мифологической картине мира, сформировавшейся до принятия христианства, а оппозиции блаженство/страдание, греховность/праведность формировались в русской языковой картине мира начиная с конца X–XI вв.

Соответственно семантика таких библейских УСК, как *ад кромешный, преисподний ад*, *пресветлый рай*, *светлый рай, тьма кромешная, царство небесное* восходит, наряду с текстами Священного писания, к древнерусским языческим представлениям, а описание того, как формировались данные единицы на русской почве, представляется невозможным без анализа их функционирования в произведениях фольклора и, в частности (или в особенности), в русских духовных стихах.

[41] Бессонов 1861, 175.
[42] Иванов, Топоров 1965, 236.
[43] Там же, 216–217.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонов П. А. 1861–1864: Калеки перехожие. Вып. 6. М.
Варенцов В. Г. 1860: Сборник русских духовных стихов. СПб.
Дубровина К. Н. 2010: Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1965: Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.
Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992: в 2 т. М.
Бирих А. К. 2005: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.
Славянские древности: Этнолингвистический словарь 1995–2009: в 5 т. М.
Словарь др.- рус. языка (XI–XIV вв.) 1988–2008: в 10 т. М.
Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975–2008: М.
Словарь русского языка XVIII в. 1977–2000: Л.
Христианство: Энцикл. словарь 1993–1995: в 3 т. М.
Шулежкова С. Г. 2005: Духовный фольклор на Южном Урале. Магнитогорск.

THE AFTERLIFE WORLD GEOGRAPHY IN RUSSIAN SPIRITUAL POETRY OF THE 19th C. OBJECTIFIED BY BIBLICAL AND FOLKLORE SET PHRASES

O. A. Arapov

The article is devoted to the reconstruction of the afterlife spatial arrangement that is objectified in Russian spiritual poetry of the 19th c. through phraseological means. The author comes to recognize that the afterlife world in Russian spiritual poetry is binary with two geographically opposed parts — hell and heaven.

Key words: Spiritual poetry, set phrase, the afterlife.

© 2010

О. И. Тиманова

ТРАДИЦИИ ЛУБКА И РАЙКА В ЭЛИТАРНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ «СКАЗОЧНОЙ» КНИГЕ XIX ВЕКА

Традиции лубка и райка в элитарной отечественной «сказочной» книге мало исследованы. В статье они прослеживаются на примере поздней сказки В. А. Жуковского «Как мыши кота хоронили» (1845), вышедшей в «Подарочной» серии известного московского издателя конца XIX — начала XX вв. Иосифа Кнебеля с иллюстрациями Георгия Нарбута. Линия демократизации литературной стилизованной сказки рассматривается как художественный феномен, имеющий социокультурные корни.

Ключевые слова: элитарная и массовая «сказочная» книга, литературная стилизованная сказка, «черный» книжный рынок.

С 1840-х гг. в отечественной книжной культуре оформляется линия демократизации литературы и массовизации книжного рынка. В сфере литературной сказки и «сказочной» книги тенденция находит разноплановое выражение. На российском книжном рынке в 1830–1840-е, а затем в 1880–1890-е гг. наблюдается активизация публикаций литературной стилизованной сказки «а ля рус» (в «русском» стиле). Процесс инициирован факторами социокультурного порядка: эстетическими требованиями демократического читателя, стремящегося получить непроблемное чтение в узнаваемых формах, во-первых; запросами отечественного книгоиздания, работающего на «средний» и «низовой» сегмент потребительской аудитории, во-вторых; потребностью сочинителей «второго» ряда укрепиться в литературе хотя бы на периферии книжной культуры, посредством эксплуатации шаблонов устойчивого повествования, каким является повествование «сказочное», за счет воспроизведения сказочной формульности, воспринимающейся уже на элементарном (сюжетном) уровне текста, в-третьих; внутренней потребностью художественной письменной словесности на очередном витке исторического развития вступить в качественно новую фазу диалога с национальной устной традицией, в-четвертых.

Как следствие, отечественный «черный» книжный рынок переполняется сказочными опусами не всегда бесталанными, но чаще всего посредственными. Одновременно в сложной иерархической системе отечественной «сказочной» книжности XIX столетия обнаруживаются и реализации литературного сказительства («бахарства») гораздо более с художественной точки зрения качественные, детерминированные глубокими творческими исканиями писателей, уже в эти годы снискавших себе репутацию авторитетных, «высоких».

Своеобычным проявлением этого феномена в отечественной книжной культуре XIX столетия становится поэтическое творчество В. А. Жуковского, автора нескольких сказок. Согласно «сказочному» кредо поэта, сказка «своими сценами обязана представлять воображению одни только светлые образы», должна быть «чистой» сказкой «без всякой иной цели, кроме приятного, непорочного занятия фантазией»[1]. В его литературном наследии складывается особая разновидность поэтической авторской сказки — «благородная» сказка-баллада («Спящая царевна», 1831; «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и премудрости Марьи-царевны, кощеевой дочери», 1831 и др.).

В творчестве поэта-романтика, с другой стороны, проявляется иная разновидность литературной сказки — сказка «с обнажением приема» (Е. М. Маймин), с отчетливо выраженной романтической иронией, идущей от автора. В этом отношении любопытна работа Жуковского над «Войной мышей и лягушек», которую поэт начинает в августе-сентябре 1831 г.

«Война мышей и лягушек» впервые напечатана в журнале «Европеец» в январе 1831 г. с подзаголовком «Отрывок из неоконченной повести». Произведение построено на несоответствии смехотворного содержания величавому стилю, идущему от Гомера. В качестве источников сказки выступает древнегреческая комическая поэма «Батрахомиомахия», автором которой признается Пигрет Карийский (конец VI — начало V вв. до н. э.), поэма «Лягушкомышатник» («Der Froschmeuseler») немецкого писателя Георга Ролленхаугена (1542–1609) (ее пер-

[1] Жуковский 1904, 135.

вая часть в сокращенном и переработанном виде издана К. Лапе) и русская антропоморфная сказочно-басенная традиция.

Работа Жуковского над произведением то приостанавливается, то возобновляется, и итоговый, хотя и неполный его текст определяется не ранее 1845 г. Он входит в последнее прижизненное издание сочинений Жуковского, относящееся к 1849 г.

На произведении поэта, пародийно воспроизводящем царский быт и государственные ритуалы, лежит печать сатиры и на современных Жуковскому литераторов. В черновиках поэта кот Федот Мурлыка назван Фаддеем Мурлыкой; самого себя Жуковский изображает под именем старой мудрой крысы Онуфрия. Пародийной параллелью к «Войне мышей и лягушек» Жуковского в литературе эпохи исследователи признают антибулгаринский «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» А. А. Орлова (М., 1831), басни И. И. Дмитриева.

В найденном пародийно-балагурном ключе в 1845 г. Жуковский работает и над «сказочной» книгой «Как мыши кота хоронили», основанной на старинной «потешной» картинке. В ней художественными средствами лубка и райка происходит «снижение» темы. Об этой ипостаси сказочного творчества поэта и всей отечественной книжно-письменной сказочной традиции XIX столетия в современной науке говорится пока недостаточно. Между тем, в «благородном» поэтическом творчестве Жуковского-сказочника со всей определенностью выстраивается линия «сказочной» книги хотя элитарной, но иронической, чему следует уделить более пристальное внимание.

Лубочная картинка «Похороны кота»[2], от которой отталкивается Жуковский в замысле «сказочной» книги, имеет несколько вариантов заглавий: «[Как] Мыши кота погребают», «Как мыши кота хоронили», «Как мыши кота на погост волокут», «Небылица в лицах…» («Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, обверчена в черных тряпицах, как мыши кота погребают, недруга своего провожают, последнюю честь отдавали с церемонием, был престарелый кот Казанский, уроженец Астраханский, имел разум Сибирский, а ум Сусастерской, жил славно, плел лапти, носил сапоги, сладко ел, слабко …, умер в серой месяц в 6 и 5 число в жидовской шабаш»). До современности дошло четыре основных варианта листа, отличающихся друг от друга рисунком и композицией. Лубок «Похороны кота» чрезвычайно популярен в русском быту и культуре, о чем свидетельствуют его многочисленные упоминания в произведениях русских классиков («Ледяной дом» И. И. Лажечникова, «Рославлев, или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина, «Капитанская дочка» и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина). К лубку сюжетно близка также притча А. П. Сумарокова «Мыши и кот», что существенно в контексте дидактических интенций сказочного кредо Жуковского.

В научной литературе представлено несколько интерпретаций народной гравюры о котовом погребении (Д. А. Ровинский, В. В. Стасов, В. В. Бахтин и В. Д. Молдавский, М. А. Алексеева, С. Ф. Фаизов и др.). При этом большинство исследователей сходится на том, что рассматриваемый лубок близок к общим явлениям русской смеховой культуры XVII в., к таким пародийным произведениям национальной демократической литературы, как «Роспись приданого», «Духов-

[2] Ровинский 167, 1881.

ное завещание», «Калязинская челобитная», «Служба кабаку», «Повесть о Ерше Ершовиче».

Изображение погребальной процессии в разных версиях лубка насчитывает до пятидесяти и более участников. На всех картинках представлено, как на задних лапках мыши сопровождают повозку с котом, «лик» которого обращен к зрителю, зеницы отверзнуты, лапы благостно скрещены на груди. Действующие лица-мыши пронумерованы, к изображению каждого персонажа или небольшой их группы приложена подпись содержания «крепкого», а то и скабрезного:

Мышь пищит, пироги тащит.
На козлах сидит кучер из навозной кучи.
Сибирские мышки щиры, идут у кота править морщины.

Старая под Навинская крыса седая смотрит в очки, у которой кот изорвал … в клочки[3].

Мышь Чюрила
Беду сдурила,
Кота на дровни взвалила,
Чют была яйцы коту не раздавила[4].

Иначе говоря, лубочный источник «благородной» сказки Жуковского с точки зрения изящества стиля далеко не безупречен. При всем том очевидно, что в «примитивной» лубочном искусстве поэта привлекает другое: исконность сюжета, его укорененность в национальной культуре. Неслучайно И. М. Снегирев, в те же годы изучавший вопрос о народных картинках, подчеркивает космополитизм, интернациональность сюжета лубка «Погребение кота». В работе «Лубочные картинки русского народа в московском мире», создававшейся в 1820–1840-е гг. и опубликованной в начале 1860-х гг., исследователь отмечает: «„Погребению кота мышами“ находим ровень (pedant) в Нирембергской [Нюренбергской] простонародной картинке „Погребение охотника разными зверями, коих он, при жизни своей, преследовал и убивал“», а в заключение указывает, что тот же мотив воплощен в русской литографированной картинке, изданной в первой половине XIX столетия под названием «Погребение медведя косолапа теми зверями, которых он угнетал»[5].

В «потешном» листе как явлении народного искусства Жуковского притягивает, в первую очередь, принятый в лубке способ речевого оформления сюжета, текстовая сторона книги-картинки. В своей «сказочной» книге он ставит эксперимент в области «раешного стиха» — стихотворной формы, прижившейся в народной культуре, но мало разработанной в письменной сказке. Жуковский усваивает захвативший лубочную стихию феномен театрализации слова, поскольку, в частности, старорусский лист «Похороны кота», несмотря на неподвижность фигур и уставное начертание букв, задуман и «срежиссирован» как оживленное комическое представление, в котором статическая стилистическая внешность обманчива и контрастирует с динамическим содержанием.

Ящик с движущимися картинками («раек» «райка», «потешная панорама», «потешная косморама») — важный компонент развлекательного национально-

[3] Лубочная старинная картинка 1878, 7–11.
[4] Русские народные картинки из собрания Пушкинского Дома 32, 2008.
[5] Снегирев 1861, 11.

го ярмарочного действа, механизм работы которого специфичен. Использование картинок-лубков внутри ящика с двумя увеличительными или обыкновенными стеклами делает практически невозможным для зрителя чтение подписей на картинках. По причине этого с течением временем в русской бытовой культуре происходит постепенный выход картинки из регулярного поля изображения с последующим оформлением подписи в самостоятельный текст. «Потешные» (раешные) картинки на Руси начинают изготовляться без текстового комментария, вербальная составляющая уходит в деятельность собственно речевую: показ картинок сопровождается каламбурами и прибаутками косморамщика, который речитативом декламирует в процессе представления раешные стишки-«рацеи».

Определенные особенности имеет сам раешный стих, обладающий четкой ритмической структурой. Рифмовка в нем чаще всего случайна: рифмуются лишь отдельные (парные) строки. Подобно лубку, раек — действо синтетическое. В нем соединяются изображение, слово, игра. Зрелище «панорамы» является товаром, услугой. Раешный стих функционально близок устной торговой рекламе, к выкрикам торговцев. Он формируется на основе так называемых «формульных» жанров: в раешные «рацеи» входят небылицы, куски из песен, пословицы, поговорки, прибаутки, сказочные присказки, сказочные зачины, сказочные концовки.

«Раешная» «сказочная» книга Жуковского лишена специфического «рыночного» оттенка благодаря тому, что поэт соединяет раешник с русским гекзаметром — прием уникальный. В «Похоронах кота» Жуковский делает ставку на собственно речевой компонент лубочно-раешной традиции, на то, что раешный стих определяется как форма стиха, построенная не на мелодии, а на средствах речевой выразительности, лишь отчасти — на рифме. Основное средство ритмизации в «скоморошьем ясаке», используемое Жуковским, — синтаксический параллелизм, двух- или более кратное повторение одинаковых синтаксических конструкций. Синтаксический параллелизм придает раешному стиху оттенок риторичности, сближающий его со стихом силлабическим. За счет такого сходства, усугубленного «героической» ритмикой русского гекзаметра, вокруг поступков и высказываний действующих лиц «раешной» сказки Жуковского формируется ореол «благородной» достоверности, подкрепляемый авторитетом глубокой древности, девственной поэтичности.

Народным искусством традиция ритмизованной речи еще в XVII столетии усвоена из высоких жанров письменной литературы. Момент окончания влияния устной традиции на лубочные тексты в своих работах фиксирует И. М. Снегирев: «С утратой многих сказочных истинников в 1812 году началось уничтожение старинных русских сказок, повестей и сказаний. За неимением оных издатели обратились к сказкам Чулкова и Попова»[6]. По этой причине начиная с 1810-х гг. русские лубочные тексты выразительные средства и стиль черпают исключительно или почти только из печатных книг[7]. Создавая «Похороны кота», Жуковский, таким образом, не только не отдаляется от установок «высокой» поэзии. Уходя от классического стиха в сферу «примитивного» искусства, он, в сущности, возвращается к истокам национального поэтического искусства как целостного явления. В своих творческих исканиях поэт движется по эволюционной «спирали» сло-

[6] Снегирев 1861, 26.
[7] Снегирев 1861, 112.

весной культуры: в текстах лубка книжно-письменная традиция ритмизованной речи сливается с устным юмористическим просторечьем, с шутовским речевым озорством. Причем, если в XVII столетии рифма воспринимается как знак внелитературного, «низкого» скоморошьего языка и избегается силлабическими стихотворцами, то в раешном (говорном) стихе, в народных представлениях райка рифма, напротив, оказывается основной точкой приложения каламбура. К каламбурной речи же, как известно, тяготели едва ли не все авторы стихотворных сказок и «шутливых» поэм пушкинской поры, не только Жуковский. По тонкому замечанию И. М. Снегирева, русскому человеку вообще «сродны перелицовка и каламбур, какие часто проявляются в переиначивании иностранных слов на свой лад, или, как говорят, „на свой салтык“»[8].

В привлекательности «Похорон кота» Жуковского для читателя любого уровня и возраста не последнюю роль играет и то, что в раешном стихе, как правило, разыгрываются бесконечные вариации написаний, культивируется творческое искажение слов, как это происходит в народных лубках. Так, в листе петровской эпохи читаем такие подписи: «Мышка тянет табачишка», «Макарки тянут лямки», «Емелка Могилякъ идетъ землю ковырять»[9]. Лубок «Погребение кота» первой четверти XIX в. содержит иной текст: «2. Наполозахъ сидитъ кучеръ із навозной кучи», «36. Коломінская сідитъ насаняхъ везетъ рагожу коту насаванъ», «мыши ізриму несет кобыльева молока кріну» и пр. В «Небылице в лицах» 1858 г. находим такие рифмы: «невзначай онъ многа выпилъ ерошки и вздернулъ кверху ношки», «пашла Стрепня рукава Срехня» (литографированный перевод с гравюры на меди, раскрашенный мастером п. Лукьянова, Государственный Русский музей). И пр.

Существенной особенностью рифмы в раешном стихе, взятой на вооружение «сказочником» Жуковским, становится и такое ее качество: рифма словно «играет» с композицией целого текста, речь персонажей распадается не на два, а на три стиха. Появляясь в неожиданных для читателя местах, приводя строку к окончанию и «рубя» текст на неравные периоды, раешная рифма всегда неожиданна, является фокусом, вызывающим удивление и смех либо своим появлением, либо, напротив, отсутствием. Стихотворная форма способствует втягиванию зрителя-слушателя в переживание сюжета, к запоминанию текста; ее посредством облагораживаются дисгармоничные слова, включающиеся в рамки художественной системы, основанной на фольклорной и книжной традициях одновременно. Стих лубочно-раешной «сказочной» книги Жуковского, в итоге, побеждает пестроту культурного генезиса — отчасти своей «примитивностью», отчасти способностью играть, выполняя ту же упорядочивающую роль, которую в лубочном изображении играет орнамент.

Неслучайно поэтому в «Подарочной серии» известного московского издателя Иосифа Николаевича Кнебеля сказка Жуковского «Похороны кота» издания 1910 г. обретает лубочно-сочные, праздничные цвета. «Лубочно-раешный» стиль облагораживают безупречно воспроизведенные в издании рисунки Егора Нарбута, которые сочетаются с выразительными шрифтами, с необычной фактурой первосортной бумаги. Издание свидетельствует о большой культуре создателей

[8] Снегирев 1861, 115.
[9] Ровинский 167, 1881.

книги, их искренней любви к сказке, о понимании того, что народная картинка «Мыши кота на погост волокут» относится к лубочным повествованиям, вовлекающим читателя в активное чтение-разглядывание, в игру, предусматривающую неоднозначность восприятия. В процессы такого рассматривания возможны различные интерпретации, и, что самое важное, творческое развертывание получают ассоциации, относящиеся к глубинным слоям традиционной русской культуры.

«Подарочная серия» Кнебеля предназначалась для детей младшего школьного возраста. В нее вошли около пятидесяти тонких, двенадцатистраничных книжек-тетрадок в ¼ долю печатного листа — обычного ныне размера книг для дошкольников. Каждая книга выпускалась тиражом 5000 экземпляров и стоила не более 50 копеек, большинство наименований выдержало по нескольку изданий. Значительную часть серии составляли русские народные сказки («Теремок», «Мизгирь», «Никита-Кожемяка», «Журавль и цапля», «Морозко», «Коза-дереза»). В серию вошли также басни И. И. Хемницера и И. А. Крылова, арабские сказки («Говорящая птица», «Синдбад-мореход»), сказки Андерсена («Прыгун», «Соловей») и Гауфа («Жизнь Альмансора», «Корабль-призрак», «Маленький Мук», «Холодное сердце»), фантастические повести Густафсона («Баржа», «Земной глобус папы»), баллады Жуковского («Кубок», «Роланд-оруженосец») и его поздняя сказка «Как мыши кота хоронили».

В ряде книг «Подарочной серии» литературная основа была слабее декоративной, поскольку, как считал Кнебель, ребенок быстро забудет о содержании, а краски, красочная гамма, рисунок запечатлеются в его душе надолго и оставят след, может быть, навсегда. Главным лицом в кнебелевских книжках, таким образом, был не писатель, а художник: издатель смотрел на иллюстрации в детской книге не как на придаток, а как на важную ее часть, полагая, что в руках талантливого художника иллюстрация существенно дополняет мысль автора, обогащая ее новыми деталями, по-новому раскрывая замысел создателя текста.

В 1909–1910 гг. Кнебель сотрудничает с Егором Нарбутом (1886–1920), заказывая художнику сразу несколько детских книг, включая и «сказочные»: «Война грибов», «Деревянный орел», «Теремок», «Мизгирь». В рисунках Нарбута издателя подкупают искусно исполненные изображения героев, населяющих сказочный мир русской природы. В них одновременно ощущается сильное воздействие входившей тогда в моду японской гравюры, проявляется характерная для всех кнебелевских книжек черта — максимум графики при минимуме текста. Сочная, выразительная обложка, обязательный авантитул, декоративно оформленный титульный лист, повторяющиеся орнаментальные рамки вокруг полосы набора, заставки, концовки, буквицы и три-четыре полосные иллюстрации — таков набор рисованных графических элементов, искусно использованных художником. В работе Нарбута над иллюстрациями к сказке Жуковского своеобразное преломление получили мюнхенские впечатления художника. В оформленной Нарбутом «сказочной» книге изобразительный русский лубок был несколько вытеснен современной Нарбуту «серьезной графикой», точно так же, как в тексте произведения Жуковского «высокий» гекзаметр доминировал над «сниженной» рацеей. В работе Нарбута было ощутимо и воздействие видного немецкого мастера переработок великих исторических стилей прошлого Юлиуса Дица, что придавало благородства пародийно-балагурной «сказочной» книге Жуковского.

В итоге же, ориентация в оформлении лубочно-раешной «сказочной» книги на высокие культурные образцы стала симптомом поступательного развития отечественной книжной культуры в целом. Она свидетельствовала о необычайной восприимчивости лубка к посторонним художественным влияниям. В свою очередь, проявляющаяся в художественном оформлении книги «память» культуры по-своему соотносилась с собственно литературно-книжной культурой. В частности, у Жуковского она коррелировала и с народной традицией лубка и райка, и с «арзамасской» доктриной «древней истории, сопутствуемой баснословием», сторонником которой поэт являлся.

В обстоятельствах создания, публикации и оформления «роскошных» (элитарных, «подарочных») «сказочных» книг XIX столетия (Жуковского, в частности), прорывался непростой процесс исторических трансформаций русской книжной культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Жуковский В. А. 1904: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой (Уткинский сборник 1). М.

Лубочная старинная картинка 1878: «Мыши кота погребают» и некоторые прежние народные гравюры. Владимир.

Ровинский Д. А. 1881: Русские народные картинки (Кн. 1: Сказки и забавные листы). СПб.

Русские народные картинки из собрания Пушкинского Дома 2008: «Почему конь не собака?». СПб.

Снегирев И. М. 1861: Лубочные картинки Русского народа в Московском мире. М.

THE TRADITIONS OF THE LUBOK AND RAYOK IN THE ELITE DOMESTIC «FAIRY» BOOK OF THE 19th CENTURY

O. I. Timanova

The traditions of the lubok and rayok in the elite domestic «fairy» book are poorly investigated. In clause they are traced on an example of a late fairy tale by Vasiliy Zhukovskiy «As mice of a cat buried » (1845), left in a «Gift» series of the known Moscow publisher of the end 19th — the beginnings of the 20th centuries Joseph Knebelja with George Narbut's illustrations. The line of democratization of the literary stylized fairy tale is considered as the art phenomenon having sociolcultural roots.

Key words: the Elite and mass "fairy" book, the literary stylized fairy tale, the "black" book market.

© 2010

И. Ю. Барышникова

АПОКАЛИПСИС СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВЕКОВ*

Отображение апокалиптических мотивов в русской поэзии XIX–XX веков качественно различается в зависимости от творческой личности автора. Некоторые (И. А. Бунин, иеромонах Роман) делают близкие к тексту оригинала переложения целых глав (1,4,6 и др.), причем у Бунина явно присутствует ветхозаветное начало, а у иеромонаха Романа — новозаветное, евангельское; другие (К.Р., А. Блок, В. Брюсов) переосмысливают отдельные стихи, которые выносятся в эпиграф; третьи (А.Апухтин) передают саму идею Откровения; у четвертых в стихах присутствуют его фрагменты, образность, символика (Ф. Тютчев, Н. Гумилев). Ряд авторов (К.Р., иеромонах Роман) находятся в русле православно — христианской традиции, иные в той или иной мере отходят от нее.

Ключевые слова: Апокалипсис (Откровение) св. Иоанна Богослова, русская поэзия, православие.

Апокалипсис или «Откровение» святого евангелиста Иоанна Богослова — последняя книга Нового Завета и всего Священного Писания. Это конец Библии, который содержит в себе описание завершения исторического мира и судеб Церкви в пределах истории. Это книга о грядущем, о том, «чему надлежит быть вскоре» (Откр.1,1), это книга обо всей мировой истории как о величайшей трагедии, изложенная в символах и образах.

Вторая половина XIX и весь XX век — время переломное и трагичное для всего мира и судьбы России в особенности. Уже поэтому Апокалипсис не мог не заинтересовать и русских поэтов. Так, апокалиптическое начало присутствует в поэзии Ф. И. Тютчева, непосредственно к этой теме обращаются А. Н. Апухтин («Реквием», конец 1860-х), К.Р. («Из апокалипсиса», 1883), А. Н. Майков («Гимн древних христиан» из поэмы «Два мира», 1892).

Две вспышки апокалиптических умонастроений в русском обществе дал XX век.

Во-первых, это начало века, канун первой мировой войны, революционные и постреволюционные годы. В то переломное время Откровение св. Иоанна интересует видных поэтов серебряного века, особенно символистов В. С. Соловьева («Знамение»,1898), В. Брюсова («Конь блед», 1903), А. Блока («Верю в Солнце Завета», 1902), акмеиста Н. Гумилева — «Судный день» (1909), «Сон Адама» (1910), «Звездный ужас» (1921), «Поэма Начала» (1921), а также И. А. Бунина, который теме Откровения посвящает четыре стихотворения: «Из Апокалипсиса» (1901) — переложение 4-й главы, «День гнева» (1903–1905) — переложение 6-й главы, «Сын человеческий» (1903–1906) — частичное переложение 1-й главы, «Судный день» (1912).

* Работа подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы».

Во-вторых, постсоветский период — время распада страны, военных конфликтов, националистических мятежей, социальной катастрофы, идеологического и духовного кризиса, но вместе с тем возвращения к истокам, к вере предков — Православию. Здесь в первую очередь нужно отметить поэтическое переложение Апокалипсиса «Глаголы вещие» иеромонаха Романа (Матюшина) (1991), а также еще целый ряд стихотворений этого автора, посвященных данной теме: «И вижу в окровавленной луне» (1991), «И вижу сон — великая луна» (2001), «Живая смерть» (2001), «Гильотина» (2001), «Ад» (2001), «Апокалипсис» (2003), «А Божий Суд докончит разделенье» (2007). Этот список продолжают произведения других поэтов — наших современников, в том числе и священнослужителей: инока Всеволода (Филипьева) «Второе пришествие» (1998–1999), «Ангел Апокалипсиса» (2001) — последнее стихотворение является одновременно и названием поэтического сборника (2002); протоиерея Андрея (Логвинова), который также издал поэтический сборник с апокалиптическим названием «Седьмая печать» (2008); отца Сергия (Соколова) «Конец света»; И. Козлова «Апокалипсис сегодня» и др.

Под апокалиптичностью мы понимаем, с одной стороны, присутствие идеи зла и разрушения, будь то разрушение материальное или духовное опустошение личности; с другой стороны — наличие силы, которая этому противостоит или может противостоять потенциально. Это, конечно, Высшая сила, Господь и возрождающийся человеческий дух. Апокалиптичным может быть отдельно взятое стихотворение, но апокалиптическое в той или иной степени может иметь место и во всем творчестве художника.

У К.Р. в стихотворении «Из Апокалипсиса» в эпиграф вынесен 20-й стих 3-й главы: «Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною». Интересно, что знаменитое тютчевское «Впусти меня! — Я верю, Боже мой!/ Приди на помощь моему неверью!...» — это тоже своеобразная интерпретация 20-го стиха 3-й главы.

Св. Андрей Кесарийский таким образом трактует этот стих: «Се, стою при дверех и толку. Мое присутствие не насильственное, ибо «Я толку в двери сердца» и радуюсь вместе с отверзающими об их спасении. Это спасение — пища и вечеря, и Я питаюсь тем, чем питаются и они, утоляя глад слышания Слова Божия и прогоняя мрак заблуждения»[1].

К.Р. развивает именно идею ненасильственного присутствия Господа в жизни и в душе каждого человека — Господь не спасает человека без его на то согласия. Стихотворение написано от лица самого Господа, который приходит к людям в виде нищего, убогого и смиренного странника и стучится в двери их жилищ:

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг и убог,

И труден мой путь, и далек.
Скитаюсь я по миру, беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ.

[1] Апокалипсис святого Андрея. 2008, 51.

И если человек все-таки откроет дверь своего сердца, то Он поможет во всем: «Ты слаб, изнемог ты в труде и в борьбе — /Я силы прибавлю тебе»; даст утешение во всех скорбях: «Ты плачешь — последние слезы с очей /Сотру Я рукою Моей» — это тоже реминисценция из Апокалипсиса, ср.: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» (Откр.21,4)).

Стихотворение А. Н. Апухтина «Реквием» также в целом находится в русле православной традиции, хотя оно, как нам кажется, отчасти носит характер литературного упражнения. В отличие от К.Р. эпиграф из Апокалипсиса уже не на церковнославянском и даже не на русском языке, а на латыни: «Dies irae» («День гнева») (Откр.6,17). И само название «Реквием» тоже латинское. Впрочем, возможно это обусловлено художественным замыслом: о дне кончины мира говорится на мертвом языке.

В тексте Откровения вскрытие Агнцем семи печатей таинственной книги и гласы семи труб архангельских возвещают о различных бедствиях живущим на земле — глады, землетрясения, гибель людей и т. д. (главы 6–11). В стихотворении Апухтина все эти бедствия опускаются, и «архангела труба», равно как раскрытие «книги роковой», сразу возвещают об общем воскресении и Страшном Суде:

О, что за день тогда ужасный встанет,
Когда архангела труба
Над изумленным миром грянет
И воскресит владыку и раба!

Дела и мысли строго разбирая,
Воссядет Вечный Судия,
Прочтется книга роковая,
Где вписаны все тайны бытия

Этот день называется у автора «днем тоски и гнева», «днем унынья и стыда», «днем ужасным» и «безутешным». Ведь душа человека, венца творенья, предстанет перед своим Творцом такой, какая она есть, без прикрас:

Без могучей силы знанья
И без гордости былой
Человек, венец созданья,
Робок станет пред Тобой.

Если в день тот безутешный
Даже праведник вздрогнет,
Что же он ответит — грешный?
Где защитника найдет?

(Ср. с церковнославянским вариантом иеромонаха Романа: «Аще и правый спасется едва,/ Где же ты явишься, грешный?»)

Все внезапно прояснится,
Что казалося темно,
Встрепенется, разгорится
Совесть, спавшая давно.

И когда она укажет
На земное бытие,
Что он скажет, что он скажет
В оправдание свое?

У А. Н. Майкова вопросы-раздумья сменяются на призывы-восклицания:

Будем, братья, день и ночь готовы к битве!
Стойте не гася лампады на молитве!
Он подкрадется, как тать ночной, — День Судный;
Горе тем, кто спал дотоле непробудно!

Его первые христиане из поэмы «Два мира» ждут страданий и смерти за Христа с радостью, так как их кровь станет их оправданием в Судный День. Отсюда и акафистный призыв «Радуйся»:

Радуйся, слезами путь свой окропивший,
В суетном сем мире чашу мук испивший!
Радуйся, приявший свет Христов с любовью,
Вечное блаженство искупивший кровью.

Если для русской классической литературы XIX века было характерно традиционно-христианское отношение к Апокалипсису, то в эпоху серебряного века ситуация меняется. Как уже было сказано, особый интерес к Откровению проявили символисты. Помимо иных различных причин дело, несомненно, в том, что В. Соловьев, А. Блок, А. Белый, в меньшей степени В. Брюсов и др. находились под влиянием утопии Д. Мережковского о возможности достижения Царствия Божия на земле через Церковь Третьего (апокалиптического) Завета, Церковь Святого Духа.

Название стихотворения А.Блока «Верю в Солнце Завета» и эпиграф к нему: «И Дух и Невеста говорят: прииди» (Апокалипсис, 22,17) говорят сами за себя.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

В оригинале Апокалипсиса 17-й стих 22-й главы несколько шире: «И Дух и Невеста говорят: прииди! И слышащий да скажет: прииди!».

Трагизм и ужас стихотворения В. Брюсова «Конь блед» с эпиграфом: «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть» (Откр., 6,8) созвучны поэме Н. Гумилева «Звездный ужас».

Ср.:

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
То бессмысленно взывали: «Горе! С нами Бог!».
То, упав на мостовую, бились в общей груде…
Звери морды прятали, в смятенье, между ног (Брюсов).

«Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный
И его высматривает тайны… (Гумилев)

Апокалипсис — одна из центральных тем творчества Н. Гумилева («Поэма Начала», «Сон Адама», «Судный день» и др.). В минуту гибели его Адам ощущает «огненный смерч» (ср. с описанием апокалиптического коня и всадника у В Брюсова — «Огненные буквы возвещали имя: Смерть», «всадник огнеликий», «конь…стал с огнем в глазах») и со стороны стихии, и внутри себя: «И рвет ему мозг нескончаемый гром». Последняя строка очень ярко и лаконично отражает момент смерти как переход от страдания к новой жизни. Ср. и с «апокалиптическим» оксюмороном иеромонаха Романа «Живая Смерть».

В целом Н. Гумилев в сравнении с символистами более оптимистичен в художественной трактовке Откровения, чего нельзя сказать об И. А. Бунине. Одноименное с Гумилевым бунинское стихотворение «Судный день» тому подтверждение:

В щит золотой, висящий у Престола,
Копьем ударит ангел Израфил —
И саранчой вдоль сумрачного дола
Мы потечем из треснувших могил.

Щит загудит — и Ты восстанешь, Боже,
И тень Твоя падет на судный дол,
И будет твердь подобна красной коже,
Повергнутой кожевником в рассол.

Характерно и его переложение 1-й главы Апокалипсиса «Сын Человеческий»:

Я, Иоанн, ваш брат и соучастник
В скорбях и царстве Господа, был изгнан
На Патмос за свидетельство Христа.

Я осенен был духом в день воскресный
И слышал за собою как бы трубный

Могучий глас: «Я Альфа и Омега»

И обратился, дабы видеть очи
Того, кто говорит, и, обратившись,
Увидел семь светильников златых.

И посреди их пламенников — мужа,
Подиром облеченного по стану
И в поясе из золота — по персям.

Переложение практически дословное, однако, есть несколько изменений и добавлений. Бунин делает особый акцент на том, что св. Иоанн претерпел гонения за проповедь о Христе, на остров Патмос он «был изгнан». Но у Бунина присутствуют и одическое, и псалмодическое начала. И здесь мы видим скорее ветхозаветного Бога, чем христианского. Для христианства же Христос Спаситель остается Христом Спасителем и во время грозных событий Апокалипсиса. Поэма «Глаголы вещие» (1991) иеромонаха Романа тому подтверждение.

Аз, Иоанн, по Бозе общник ваш,
Бых на молитве в Дусе в день недельный.
И слышах глас, яко труба гласящ:
— Аз есмь Грядущий, Первый и Последний.

И обратихся видети — застых,
И видех седмиогненник единый,
И посреде светильников златых —
Подобно Человеческому Сыну.

Хотя церковнославянский язык подразумевает высокий слог, здесь нет бунинской пафосности. Христос иеромонаха Романа вполне новозаветный, евангельский, смиренный. «Христос укрепил его (апостола Иоанна) словами: «Не бойся, потому что Я, безначальный и бесконечный, пришел не умертвить тебя, но Сам был мертв ради вас», — свидетельствует св. Андрей Кесарийский в контексте 17–18 стихов 1-й главы Апокалипсиса. Лаконичность и сжатость художественного переложения иеромонаха Романа отнюдь не умаляет и не обедняет оригинал, но помогает ярче и динамичнее передать его суть.

Как видим, подходы русских поэтов к Апокалипсису весьма различны. Так, некоторые перелагают целые главы, другие пытаются осмыслить отдельные стихи, третьи в той или иной форме передают саму идею Апокалипсиса, у четвертых его фрагменты, образы и символы присутствуют в подтексте и реминисценциях. Некоторые в осмыслении Откровения следуют православной традиции, иные отходят от нее весьма далеко. Такие взаимоотличия связаны, прежде всего, с особенностями их художественно-творческих личностей, их мировоззрения. Но разница поэтических воззрений не отменяет того, что все рассмотренные произведения — заметные и важные явления русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Апухтин А. Н. 1991: Стихотворения. М.
Бунин И. А. 1993: Собр. соч.: Т.1. М.
Колосова С. Н. 2004: И воин, и всадник. Москва-Ярославль
Новый Завет 1993. М.
Поэзия серебряного века 1991. М.
Роман, иеромонах 2000: Внимая Божьему веленью. Минск
Святая лампада 2000: Стихи. М.
Слово и дух 2003: Антология русской духовной поэзии 10–20 веков. Минск.
Толкование на Апокалипсис св. Андрея, Кесарийского 2008: М.
Барышникова И. Ю. 2008: «Раскрою я Псалтирь святую…». Русская поэзия от Симеона Полоцкого до иеромонаха Романа. М.

ST. JOHN'S APOCALYPSE IN RUSSIAN POETRY OF THE 19th — 20th CC

O.Yu. Baryshnikova

The depiction of apocalyptic motifs in Russian poetry of the 19th — 20th cc varies a lot depending on the author's creative personality. Some authors (I.A. Bunin, ieromonakh Roman) render whole chapters (1, 4, 6, etc.) close to the original text, given Bunin displays Old Testament origin, Roman — that of the New Testament. Others (K.R., A.Blok, V. Bryusov) modify the meaning of some verses when they use them as epigraphs. Some (A. Apukhtin) render the idea of the Revelation; the poetry of others contains some fragments of the Revelation, its imagery and symbolism (F. Tyutchev, N. Gumilyov). Some authors (K.R., ieromonakh Roman) follow traditions of Russian orthodoxy, .others break with them.

Key words: Apocalypse (the Revelation of St. John), Russian poetry, Russian orthodoxy.

© 2010

Т. Б. Зайцева

ЧЕХОВ И КИРКЕГОР О ВРЕМЕНИ НА СТАДИЯХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

В статье рассматриваются особенности переживания времени героями Чехова (на материале повести «Моя жизнь») в свете философской концепции времени С. Киркегора.

Ключевые слова: А. П. Чехов, С. Киркегор, концепция психологического времени, повесть «Моя жизнь».

Испытание героев потоком безжалостного времени — один из важнейших лейтмотивов драматургии и прозы Чехова. Исследователи нередко приходили к мысли о существовании собственной чеховской «философски (жизненно) осоз-

нанной концепции времени, другими словами, особого умения и способности жить и творить во времени бытия»[1]. Пристальное внимание Чехова к проблеме восприятия человеком времени было отнюдь не случайным и объясняется не только субъективными (автобиографическими) факторами, но и историческими обстоятельствами. В конце XIX века интерес к проблеме времени заметно возрастает, создаются новые физические, психологические, философские теории времени. Так, на рубеже веков появляется знаменитая концепция субъективного психологического времени или времени как длительности (неделимости и целостности) А.Бергсона, оказавшая огромное влияние на искусство XX века.

Субъективное представление о времени, психологическое время неизбежно оказывается и в центре внимания исследователей чеховского творчества. Г.И. Тамарли, например, отмечает, что даже будучи не знакомым с теорией французского философа, Чехов «мог самостоятельно подойти к отрицанию коллективного линеарного времени, поскольку, будучи чутким художником, он уже на рубеже веков остро ощущал тот разрыв в связи времен, о котором в полный голос заговорили многие писатели в годы первой мировой войны. У Чехова были все основания приблизиться к проблеме психологического времени, так как в его эпоху наметилась наглядная тенденция все глубже погружаться во внутреннюю жизнь человека, что приводило к субъективному восприятию времени»[2]. Кроме того, предшественником А.Бергсона в философской трактовке времени справедливо считается Аврелий Августин, чьи труды Чехов знал и даже цитировал[3].

Под термином «психологическое» время мы вслед за литературоведом М.О. Горячевой будем понимать «мотив в художественном произведении, который объединяет весь комплекс размышлений человека о течении времени, осознание движения своей жизни, ее прошлого, настоящего и будущего»[4].

Реконструировать собственно чеховскую философскую концепцию времени можно, в какой-то мере, на основании анализа индивидуального восприятия времени разными героями его произведений. Современный философ особо подчеркивает, что очень важно исследование связи «субъективного» времени, то есть «индивидуального восприятия и осмысления человеком конкретных моментов его существования <…> с осознанием смысла жизни, «полноты» человеческого бытия»[5].

Интерес чеховедов, исследующих категорию времени, направлен чаще всего на темпоральные структуры чеховской драматургии. Наше внимание привлекла повесть Чехова «Моя жизнь», уже название которой в некотором роде темпорально и намечает проблему субъективного времени. Выбор произведения не случаен и по другим причинам. Как известно, традиция трактовки времени как субъективного, заложенная Августином, еще до Бергсона способствовала созданию оригинального учения о мгновении и вечности датского философа С.Киркегора, во многом предвосхитившего философские и психологические концепции XX века.

Одним из первых обратил внимание на возможные переклички между Чехо-

[1] Шалыгина 1999, 146.
[2] Тамарли 2000, 21.
[3] Там же.
[4] Горячева 1993, 194.
[5] Эфендиева 1980, 150.

вым и Киркегором Ю. Айхенвальд, использовавший киркегоровскую типологию эстетической и этической стадий человеческой жизни для объяснения специфики чеховских героев[6]. В последнее время все чаще ученые отмечают концептуальные сближения между Чеховым и Киркегором[7]. Заочный культурный диалог мировоззрений и экзистенциальных позиций датского философа и русского писателя, безусловно, заслуживает серьезного внимания.

Был ли знаком с сочинениями Киркегора А. П. Чехов? Первое предполагаемое знакомство могло состояться в 1885 г. Достоверно известно, что Чехов читал № 4 «Северного вестника», где было опубликовано окончание второй части книги «Наслаждение и долг», под названием переводчика «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», об этом мы узнаем из письма В. В. Билибину 1 февраля 1886 г.: «Как-то <…> я назвал Вам Короленко. <…> Если хотите познакомиться с ним, то возьмите «Северный вестник» и прочтите в IV или V книге статью «Бродяги»»[8].

Нигде в письмах мы не найдем указаний или даже намеков на то, что Чехов был хоть как-то заинтересован автором «Или-или», однако ощущается заметное сходство проблематики книги Киркегора, вышедшей в России отдельным изданием в 1894 г., и творчества Чехова конца восьмидесятых — начала девяностых годов.

Большой материал для сопоставления дает чеховская повесть «Моя жизнь». Впервые она была напечатана в 1896 г., а отдельные заметки в записных книжках Чехова, свидетельствующие о рождении замысла повести, появились в 1895 г.[9]. Заманчиво, хотя и не доказуемо, было бы видеть здесь некую хронологически обусловленную последовательность: появление книги Киркегора «Наслаждение и долг» в 1894 г. и как художественный отклик на книгу — работа Чехова над повестью в 1895–1896 гг..

В предисловии к первому русскому изданию Киркегора переводчик П. Ганзен подчеркнул, что сочинение, впервые вышедшее в 1843 году под псевдонимом Виктор Эремит, состоит из двух частей, принадлежащих как будто «перу двух разных лиц, из которых одно — эстетик — дало материал для первой части, а другое — этик — для второй»[10]. В своей книге Киркегор раскрывает свои взгляды на эстетическую и этическую «стадии жизненного пути» человека.

Главный герой повести «Моя жизнь» Мисаил Полознев, на наш взгляд, олицетворяет представление Чехова об одном из возможных способов существования человека, который вслед за датским философом можно назвать этической экзистенцией. Такой способ существования демонстрирует киркегоровский этик, асессор Вильгельм. Сравнение героев Киркегора и Чехова — Вильгельма и Мисаила Полознева — обнаруживает близость их жизненных установок.

Герой Киркегора настаивает на том, что жизненной целью человека, сделавшего этический выбор, становится «он сам, его собственное «я», но не произвольное или случайное, а определенное, обусловливаемое его собственным выбором,

[6] Айхенвальд 2002, 740.
[7] Сендерович 1993; Neuhäuser R. 1997; Senderovich 1997; Бочаров 2007; Суконник 2001.
[8] Чехов 1974, 191.
[9] Чехов 1977, 497.
[10] Ганзен 1998, 3.

сделавшим его жизненной задачей — его самого во всей его конкретности»[11]. Вильгельм и Мисаил и заняты, в первую очередь, не «учительством», морализаторством, а осуществлением собственного «Я». С помощью этических установок Мисаил осваивает тот мир, в котором живет и старается самореализоваться.

Многие поступки Мисаила Полознева получают свое объяснение благодаря этической теории труда, изложенной Киркегором. Начало повести перекликается с книгой датского писателя. «Я побывал уже и в вольноопределяющихся, и в фармацевтах, и на телеграфе, всё земное для меня, казалось, было уже исчерпано», с иронией замечает Мисаил[12]. Таким образом герой сразу противопоставляется тем людям, которые, если воспользоваться словами Киркегора, испытывают «болезненный страх», когда говорят «об ужасном положении человека, не находящего себе места в жизни. Подобный страх указывает на то, что человек ожидает всего от места и ничего от самого себя»[13]. Не обладая каким-либо «благородным талантом», не выделяясь среди других людей ничем особенным, Мисаил ничего не ожидает «от места» и решает добывать кусок хлеба физическим трудом, как это делают миллионы. Перепробовав многие виды деятельности, герой наконец-то находит дело себе по душе. Любой эстетик с презрением отнесется к выбору Мисаила, который стал маляром. Утонченному взору интеллектуала может показаться такой поступок вынужденным и даже глупым. Однако Мисаил обладает достаточным этическим мужеством, чтобы искренне сознаться себе самому: «ничто мне так не нравилось, как красить крышу»[14]. Для Мисаила вид собственными руками покрашенной крыши — это его определившееся будущее, жизнь своим трудом, «среди людей, для которых труд был обязателен и неизбежен и которые работали, как ломовые лошади, часто не сознавая нравственного значения труда и даже никогда не употребляя в разговоре самого слова «труд»; около них и я тоже чувствовал себя ломовиком, всё более проникаясь обязательностью и неизбежностью того, что я делал, и это облегчало мне жизнь, избавляя от всяких сомнений»[15]. Отличие Мисаила в том, что он сознает значение своего труда как нравственного долга. «Истинное этическое воззрение на жизнь требует от человека исполнения не внешнего», (когда под долгом подразумеваются различные внешние житейские отношения), «а внутреннего долга, долга к самому себе, к своей душе, которую он должен не погубить, но обрести», писал Киркегор[16]. Мисаил обладает огромным мужеством, чтобы быть обыкновенным человеком, быть самим собой, делая дело, в котором видит свое призвание.

Между Мисаилом и Вильгельмом, несомненно, немало различий. Например, хотя киркегоровский герой и не отрицал, что даже у истинного этика «сознание собственного несовершенства порождает в душе глубокую печаль»[17], он был убежден: «Жизнь истинного этика отличается … внутренним спокойствием и уверенностью»[18]. Мисаил, будучи этиком, ни в коем случае не мог бы присоеди-

[11] Кьеркегор 1998, 307.
[12] Чехов 1977а, 192.
[13] Кьеркегор 1998, 298.
[14] Чехов 1977, 245.
[15] Там же, 216.
[16] Кьеркегор 1998, 301.
[17] Там же, 375.
[18] Там же, 301.

ниться к последним словам Вильгельма. Отдельного исследования требует и отношение героев-этиков к браку, любви.

Ярко выраженными «эстетиками» в повести Чехова предстают Маша Должикова и доктор Благово. Эстетический способ экзистенции Киркегором изображен в первой части книги «Или-или». Первый набросок портрета эстетика — «Афоризмы эстетика», написанные от первого лица, — знакомит читателя с переменчивыми настроениями эстетика, главный жизненный принцип которого — принцип наслаждения. От лица «автора» второй части, этика Вильгельма, Киркегор пояснял, что существуют различные ступени эстетического отношения к жизни, различные категории эстетиков. В зависимости от природного (т. е. данного извне, а не сущностного) таланта человека, например, склонности к математике или искусству, наслаждения бывают разного рода. Чувственно-эротические удовольствия, поэтические или интеллектуальные, наслаждения музыкой, искусством или же наслаждения материальными благами, богатством, почестями и др. Какими бы примитивными или утонченными и благородными ни были эти удовольствия, они неизбежно ставят эстетика в зависимость от внешних условий: «Весь мир должен изощрять свою изобретательность, чтобы постоянно предлагать ему новые и новые наслаждения: он отдыхает душой лишь в минуту наслаждения; стоит наслаждению прекратиться, и он опять задыхается от истомы»[19]. Плодом наслаждений являются всевозможные душевные настроения. Эстетик — «раб минуты», раб земной временной жизни, и в стремлении наиболее полно отдаться настроениям, чтобы испытывать вновь и вновь наслаждения, он неотвратимо отчуждается от собственной личности, предает свое истинное Я[20].

Ум, образованность, воспитанность, культурность, умение произвести внешнее впечатление, артистизм, игра с жизнью и людьми, погоня за наслаждениями чувственного, эстетического и интеллектуального характера объединяет Машу Должикову и Владимира Благово. Они, по точному наблюдению главного героя повести, «увлечены жизнью», но жизнью не внутренней, а внешней, в чем бы она ни выражалась. «Всё лучшее в мире <…> было к ее услугам и получалось ею совершенно даром, и даже идеи и модное умственное движение служили ей для наслаждения, разнообразя ей жизнь»[21], со смешанным чувством восхищения и горечи констатирует Мисаил. В поисках свободы и новых впечатлений, наслаждений, рождающих иллюзию наполненности бытия, Маша и Владимир Благово пренебрегают страданиями других людей (Мисаила, Клеопатры), используя их в своих целях: «я был лишь извозчиком, который довез ее от одного увлечения к другому. Теперь уж я не нужен ей, она выпорхнет, и я останусь один»[22]. «Столичные штучки» спешат по жизни, убегая от старых пристрастий к новым увлечениям, не замечая, что все больше не свободны, все больше зависимы от внешних условий, от настроения, от минуты. Убегают они, в конечном счете, от себя. «У той — Америка и кольцо с надписью, думал я, а у этого — докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старом»[23], — говоря о «старом», герой

[19] Там же, 235.
[20] Там же, 281.
[21] Чехов 1977, 261.
[22] Там же, 261.
[23] Там же, 275.

имеет в виду, конечно, не только скучный провинциальный быт, но и свои нравственные переживания, моральные потери и обретения, неизбежные страдания. Маша Должикова и доктор Благово — типичные киркегоровские «эстетики», о которых философ писал: они «понимают под наслаждением жизнью удовлетворение всех своих желаний; желаний, однако, у них так много, и притом самых различных, что, благодаря этому, жизнь их просто поражает своей безграничной разбросанностью»[24], т. е. утратой, «отсутствием объединяющей силы личности, своего единого, сущего «я»»[25].

Сходство во взглядах на эстетический и этический способы существования у Киркегора и Чехова заставляет предположить, что существуют и переклички в представлении о взаимоотношениях героев со временем. Различные формы экзистирования отличаются и разным восприятием-переживанием времени.

«Человек — это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости»[26], утверждал Киркегор. Однако внутри самого человеческого «Я» отношение между двумя компонентами складывается по-разному. Перекос совершается то в одну, то в другую сторону, тогда как заветная цель — достижение гармонии между временным и вечным.

Эстетическому способу жизни, согласно учению Киркегора, присуще дискретное время[27]: вся жизнь эстетика «состоит из множества отдельных, ничем не связанных между собой моментов»[28]. Эстетик умеет виртуозно пользоваться минутой, но «потому и компетентность его ограничена узкими пределами одной минуты»[29]. Кроме того, «время, отмечающее течение внешней жизни, идет для эстетика крайне неравномерно: минуты наслаждения сменяются периодами глубокой апатии»[30]. «Говорят: время летит, жизнь идет вперед и т. п. Не замечаю. И время стоит, и я стою»[31], признается киркегоровский эстетик. Не заполненные наслаждениями или подготовкой к наслаждениям моменты пусты, а значит, «психологическое» время эстетика теряется в пустоте, останавливается.

Источник страданий эстетика — это «разорванность времени и вечности: время является для него лишь моментом, вечность же доступна ему только в форме воспоминания»[32]. Киркегоровский эстетик утверждает: «Жить воспоминаниями — нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая «действительность», какой никогда не имеет самое действительность. Когда я вспоминаю какие-нибудь житейские отношения, они уже достояние вечности и временного значения не имеют»[33]. Таким образом, вектор времени эстетика направлен прежде всего в прошлое, только прошлым эстетик способен хоть как-то обладать. Однако это не фактическое прошлое, а эстетизи-

[24] Кьеркегор 1998, 232.
[25] Там же, 205.
[26] Там же, 255.
[27] Эфендиева 1980, 155.
[28] Кьеркегор 1998, 253.
[29] Там же, 227.
[30] Эфендиева 1980, 155.
[31] Кьеркегор 1998, 23.
[32] Эфендиева 1980, 155.
[33] Кьеркегор 1998, 30.

рованное, сродни художественному варианту событий. Собирая и лелея свои воспоминания, эстетик избавляется от всего лишнего, на его взгляд: «все конечное забыто и стерто»[34]. Эстетик живет воспоминаниями, прошлым, которое «еще не пришло»[35], поскольку никогда не существовало. При этом не ограниченная ничем свобода воспоминаний и фантазий эстетика «оборачивается как раз чем-то противоположным обладанию: в этом многообразии содержаний и времен человек утрачивает свое единственно существовавшее прошлое, то, что определяет его фактически. Оно становится загадкой потому, что непосредственное знание о самом себе, перестает существовать, как только момент, о котором идет речь, проходит»[36]. Эстетик и в прошлом теряет самого себя. Таким образом, констатирует современный философ, «эстетик живет в двух различных видах времени: дискретно текущем времени его внешней реальной жизни (но опять-таки это его собственное, психологическое время, а не объективно текущее время реального мира) и во «внутреннем» времени, представляющем собою вечность воспоминаний, то есть отсутствие всякого времени»[37]. Другая особенность восприятия времени состоит в том, что эстетик «открывает время как нечто внешнее себе; оно приходит к нему словно со стороны. Но он прекрасно понимает, что должна существовать какая-то форма обладания временем, недоступная ему»[38]. Так у Киркегора намечается необходимость перехода к следующей стадии, этической, как попытка обрести иную форму взаимодействия со временем.

На этическом уровне экзистенции основной задачей человека становится олицетворение своей жизнью «общечеловеческого»: «Человек этического воззрения на жизнь видит в ней «общечеловеческое» и старается сам быть воплощением этого «общечеловеческого»; последнее же достигается не тем, что человек отрешается от своей конкретности (такое отрешение равняется самоуничтожению), но, напротив, тем, что он сознательно проникается ею еще сильнее и вместе с ней воспринимает в себя и общечеловеческое»[39], убеждает Киркегор устами Вильгельма.

По словам современного философа, исследователя Киркегора, «выбрав самого себя, человек берет на себя ответственность за то, чем он является, а так как он неразрывно связан со всем, что его окружает, и прежде всего с другими людьми, то он обращается к действительной жизни как к подлинному медиуму человеческого существования. <…> Если эстетик как бы играл со временем, перебирая отдельные его моменты, и по своему произволу отбрасывал одни, задерживаясь на других, то этик не может и не должен делать ничего подобного: он переживает время так, как оно в действительности идет, переживает все его моменты в их действительной связи друг с другом. <…> Этическое требование постоянного осуществления добра, постоянной работы над собой наполняет время, и ни один момент больше не выпадает, не является пустым. Обозначено также и направле-

[34] Там же, 19.
[35] Там же, 38.
[36] Эфендиева 1980, 156.
[37] Там же, 156.
[38] Там же, 157.
[39] Кьеркегор 1998, 302.

ние времени — вперед, к осуществлению этического идеала. Таким образом, время делается наполненным и направленным»[40].

Однако и этический способ существования не приносит человеку искомой гармонии между временем и вечностью. Киркегор считал, что этическая позиция не избавляет полностью от отчаяния, поскольку только выбор самого себя в вечном значении, и только связь с Богом придает человеческой экзистенции настоящий смысл. Этическая школа «общечеловеческого» должна подводить человека к новой стадии — религиозной, на которой только и возможно человеку обрести подлинную гармонию между конечным и бесконечным, осуществить себя как дух; овладеть мгновением, вместившим в себя вечность (подразумевается мгновение в типично киркегоровском понимании, как «точка, в которой время соприкасается с вечностью». Такое мгновение, «пребывая в явленном, человеческом мире, обеспечивает человеку канал сообщения, или окно в вечность, в мир божественного Провидения»[41], комментирует С. А. Исаев).

Как же существуют во времени и воспринимают время герои чеховской повести «Моя жизнь»? Эстетическое и этическое переживание времени, отношение ко времени Маши Должиковой и Мисаила Полознева в повести прямо противопоставлено.

В прощальном письме к бывшему мужу Маша уверяет: «Всё проходит, пройдет и жизнь, значит, ничего не нужно. Или нужно одно лишь сознание свободы, потому что когда человек свободен, то ему ничего, ничего, ничего не нужно»[42]. Обратим внимание: в этих словах нет предчувствия будущего, все проходит, т. е. разрушается, бесследно исчезает, но не становится… Это время типичного эстетика, направленное в прошлое.

Время Маши Должиковой, как и время Владимира Благово, исчерпывается лишь земным существованием, т. е. лишено вечности. Неслучайно, Благово иронизирует над словами Редьки о том, что не будет ему «царства небесного»: «Что же делать, — пошутил доктор, — надо быть кому-нибудь и в аду»[43]. Для Редьки же праведник может обрести в будущем новую вечную жизнь. Старый маляр не устает повторять: «Трудиться надо, скорбеть надо, болезновать надо, а который человек не трудится и не скорбит, тому не будет царства небесного. Горе, горе сытым, горе сильным, горе богатым, горе заимодавцам! Не видать им царствия небесного»[44].

«Всё проходит, пройдет и жизнь, значит, ничего не нужно», — эстетическое переживание времени Машей как бессмысленного, быстротекущего, всепоглощающего обесценивает ее жизнь, время словно проходит мимо человека и распадается на отдельные моменты. Пытаясь наполнить свою жизнь, свое время смыслом, Маша предпринимает несколько энергичных попыток эстетизировать действительность: наиболее яркие события в ее жизни действительно напоминают ряд разнообразных разрозненных театральных постановок, связанных между собой лишь переживанием эстетического удовольствия. Спасаясь от скуки и пустоты

[40] Эфендиева 1980, 158.
[41] Исаев 1993, 378.
[42] Чехов 1977, 272.
[43] Там же, 274.
[44] Там же, 273.

жизни, Маша постоянно (и, надо отметить, талантливо) играет какие-то роли, намеренно оставаясь загадкой для окружающих: то оперной певицы, то простой бабы, то внучки ямщика, то передовой деятельницы, демократки, то благотворительницы, то дурной женщины, то утомленной затворницы … Не все роли удаются ей в должной мере. Столкновение с объективной реальностью (в том числе с мужицким миром) и объективным временем (суетой и утомительной жесткой обязательностью повседневных дел) рождает в героине чувство брезгливости и раздражения: «Она негодовала, на душе у нее собиралась накипь <…>. В большинстве это были <…> люди с подавленным воображением, невежественные, с бедным, тусклым кругозором, всё с одними и теми же мыслями о серой земле, о серых днях, о черном хлебе»[45]. Маша быстро отказывается от роли человека, живущего в духе толстовского учения сельским трудом. Безрезультативность быстрого эстетического натиска на жизнь заставляет героиню, действительно наделенную художественным даром, бежать в выдуманный мир, мир искусства: «Допустим, что ты работаешь долго, очень долго, всю жизнь, что в конце концов получаются кое-какие практические результаты, но что они, эти твои результаты, что они могут против таких стихийных сил, как гуртовое невежество, голод, холод, вырождение? Капля в море! Тут нужны другие способы борьбы, сильные, смелые, скорые! <…> Искусство дает крылья и уносит далеко-далеко! Кому надоела грязь, мелкие грошовые интересы, кто возмущен, оскорблен и негодует, тот может найти покой и удовлетворение только в прекрасном»[46]. Таким образом, героиня, как типичный киркегоровский эстетик, возвращается в мир вечности облагороженных воспоминаний и художественной фантазии.

В реальном же времени остается Мисаил, который недоумевает: «Когда эта добрая, умная женщина бледнела от негодования и с дрожью в голосе говорила с доктором о пьянстве и обманах, то меня <…> поражала ее забывчивость. Как могла она забыть, что ее отец, инженер, тоже пил, много пил, и что деньги, на которые была куплена Дубечня, были приобретены путем целого ряда наглых, бессовестных обманов? Как могла она забыть?»[47]. Но Машин мир прошлого всегда свободен от неприятных воспоминаний. Так, по пути в Америку она создает почти романтический образ своих отношений с Мисаилом: «То, что я встретила и узнала вас, было небесным лучом, озарившим мое существование, но то, что я стала вашею женой, было ошибкой»[48].

В отличие от Маши Мисаил оказывается способен жить во времени этика, т. е. «в непрерывном и объективно текущем времени, ход которого отмечает, с одной стороны, движение самой действительности, а с другой — внутреннее развитие его личности, его историю»[49]. «В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, всё же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное

[45] Там же, 256.
[46] Там же, 259.
[47] Там же, 256.
[48] Там же, 271.
[49] Эфендиева 1980, 158.

и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, что главное на земле — правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость»[50].

Время для Мисаила обретает смысл и непрерывность, когда заполнено трудом. «К зиме набралось больше работы, стало веселей. <…> В один день можно было много сработать, и притом время бежало быстро, незаметно»[51]. Если внимательно прочитать эпизод работы героя в церкви, можно обнаружить парадокс: время, с одной стороны, бежит быстрее; но с другой стороны, время, в силу наполненности смыслом, становится более длительным, долгим, настолько, что как будто сближается с бесконечно продолжительной вечностью: «Само место обязывало к тишине и благочинию и располагало к тихим, серьезным мыслям. Погруженные в работу, мы стояли или сидели неподвижно, как статуи; была тишина мертвая, какая подобает кладбищу, так что если падал инструмент или трещал огонь в лампадке, то звуки эти раздавались гулко и резко — и мы оглядывались. После долгой тишины слышалось гуденье, точно летели пчелы; это у притвора, не торопясь, вполголоса, отпевали младенца; или живописец, писавший на куполе голубя и вокруг него звезды, начинал тихо посвистывать <...>. Дни проводил я в этой тишине, в церковных сумерках, а в длинные вечера играл на бильярде или ходил в театр…»[52].

Таким образом, время Мисаила, как этика, наполнено смыслом, связано с объективным «общечеловеческим» временем, направлено на становление личности героя и устремлено в будущее. Об этом свидетельствует и его ответ на письмо Маши: «Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я выбрал бы такую надпись: «ничто не проходит». Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни. То, что я пережил, не прошло даром»[53].

ЛИТЕРАТУРА

Neuhäuser R. 1997: Čechov und das Kierkegaard'sche Paradigma // Anton P. Čechov — Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk / Regine Nohejl (red). München, 45–58.

Senderovich M. 1997: Чехов и Киркегор // Anton P. Čechov — Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk / Regine Nohejl (red). München, 29–44.

Айхенвальд Ю. 2002: Чехов // А. П. Чехов: pro et contra / *Сухих И. Н.* (ред.). СПб., 722–785.

Бочаров С. Г. 2007: Чехов и философия // *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. М., 328–346.

Ганзен П. Г. 1998: Предисловие переводчика к первому изданию // *Кьеркегор С.* 1998. Наслаждение и долг. Ростов н/Д, 3–6.

Горячева М. О. 1993: Мотив «психологического» времени в драматургии А. П. Чехова // О поэтике А. П. Чехова / *Собенников А. С.* (ред.). Иркутск, 192–206.

Исаев С. А. 1993: Комментарии // *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 351–380.

[50] Чехов 1977, 256.
[51] Там же, 226.
[52] Там же, 226-227.
[53] Там же, 279.

Киркегор С. 1908: Несчастнейший // Северные сборники. Кн. 4. СПб.
Кьеркегор С. 1998: Наслаждение и долг. Ростов на Дону.
Кьеркегор С. 1993: Страх и трепет. М.
Сендерович М. 1993: Антон Чехов: драма имени // Русская литература. 2, 30–41.
Суконник А. Ю. 2001: Театр одного актера. М.
Тамарли Г. И. 2000: Темпоральные структуры пьес А. П. Чехова (в свете философии времени А.Бергсона) // Творчество А. П. Чехова (Поэтика, истоки, влияние) / *Тамарли Г. И.* (ред.). Таганрог, 19–28.
Чехов А. П. 1974: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1. М.
Чехов А. П. 1977: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 9. М.
Шалыгина О. В. 1999: Развитие идеи времени: от А. П. Чехова к А. Белому // Чеховский сборник / *Чудаков А. П.* (ред.). М., 145–158.
Эфендиева Н. М. 1980: Проблема времени в философии С. Кьеркегора // Вопросы философии. 5, 150–164.

CHEKHOV AND KIRKEGOR ON TIME DURING DIFFERENT PHASES OF LIFETIME

T. B. Zaitseva

The article deals with peculiarities of emotional perception of time by A. P. Chekhov's characters in the context of S. Kirkegor's philosophical concept of time (based on the novelette "My Life").

Key words: A. P. Chekhov, S. Kirkegor, concept of psychological time, novelette "My Life".

© 2010

Е. А. Чепур

ТИПЫ ХАРАКТЕРОВ РУССКОЙ ФЭНТЕЗИ 1990-Х КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ НАПРАВЛЕНИЙ ДУХОВНОГО ПОИСКА

В статье «Типы характеров русской фэнтези 1990-х как воплощение доминирующих направлений духовного поиска» на материале романов современных писателей С. Алексеева, А. Белянина, А. Бушкова, А. Лазарчука и М. Успенского, С. Лукьяненко, Ю. Никитина, М. Семеновой, М. Фрая, Е. Хаецкой осуществляется типологический анализ характеров русской фэнтези. В результате исследования автором выявлены три ключевых взаимопроникающих типа характера: Искатель, Вершитель и Хранитель. Сделаны выводы о типологическом подходе как наиболее продуктивном для понимания специфики фэнтези и о заявленных типах как носителях свободного мифологического, творческого

мироощущения, религиозного, эзотерического или объективного исторического мышления, противопоставленных негуманному рационализму.

Ключевые слова: фэнтези, характер, тип.

На исходе XX в. российское общество переживало не только социально-политическую «перестройку», в которой назрела внутренняя необходимость. Непростая социально-историческая и психологическая ситуация осложнялась проникновением на постсоветское пространство доминирующих на Западе пессимистических настроений, вызванных разочарованием в последствиях научно-технического прогресса. В преддверии третьего тысячелетия человечество подвергло предшествующий опыт глубокому переосмыслению.

В России, как и во всем мире, фэнтези стала актуальным средством духовного поиска. Предпринимаемый опыт изучения русской фэнтези является попыткой осмысления тенденций, наметившихся в направлении уже в первое десятилетие ее бытования на отечественной культурной почве. В то время как постмодернизм исследует постчеловека, фэнтези выдвигает протест против начавшегося в культуре «преодоления человека», поэтому постижение специфики фэнтези невозможно без системного исследования характера — основного носителя авторской концепции. Целесообразным путем анализа специфических фэнтезийных характеров видится разведение их по типам.

Типологический метод познания человека используется в разных науках. Значительное влияние на исследования в этой области оказала теория архетипов К. Юнга как древнейших бессознательных смыслов, имеющих в мировой культуре образное и символическое выражение[1]. Литературоведческой адаптацией теории стал вариативный термин литературно-мифологический архетип — первообраз, возрождающийся в образах литературы на разных этапах развития. Для изучения фэнтези понятие архетипа актуально, т. к. здесь происходит ремифологизация архетипа героя.

Сравнительное исследование жизнеописаний мифологических и исторических героев позволило Дж. Кэмпбеллу проанализировать собирательный образ Героя и выделить универсальные этапы его становления: исход (преодоление границы мира данности), инициация (испытания) и возвращение (перерождение в новое качество)[2]. Принципы обобщения представляют особый интерес для изучения фэнтези.

Н. Фрай рассматривает мировой литературный процесс как обогащение изначально существующих модусов, наложение литературных форм на известное содержание. Каждый герой принадлежит к одному из модусов, существующих еще с античных времен: мифологическому, трагическому, ироническому, элегическому, комическому и т. д.[3] По сути, исследователь говорит о литературной трансформации архетипов.

Ценным для исследования фэнтези является утверждение Л. Гинзбург о том,

[1] Юнг 1995.
[2] Кэмпбелл 1997.
[3] Фрай 1987, 232–263.

что отнесение литературного характера к типу — это необходимое выделение в нем доминанты, страсти, идеи, организующих единство героя[4].

Исследователь С. Мартьянова противопоставляет тип героя как рационально-схематическое образование «многоплановой индивидуальности»[5]. Отождествление типа и схемы представляется немотивированным и сужает значение термина.

К проблеме типологии характеров обращался и В. Хализев, рассматривающий сверхтипы как «надэпохальные и наднациональные» культурные явления, а типы — как их модификации. Через противопоставление и сравнение доминирующих литературных сверхтипов (авантюрно-героического и житийно-идиллического) выявляется направление развития литературы: «…От позитивного освещения авантюрно-героических ориентаций — к их критике и ко все более ясному разумению и художественному воплощению ценностей житийно-идиллических»[6].

Специфика фэнтези ориентирует на типологию характеров, в основу которой положена функциональная доминанта. Принцип был открыт В. Проппом, выделившим функции действующих лиц как «морфологическую основу волшебных сказок»[7]. Характеры в фэнтези оригинальны и принципиально отличны от сказочных, но раскрываются тоже в действии, поэтому функциональный подход видится наиболее продуктивным.

В русской фэнтези выделяется три ключевых взаимопроникающих типа характера: Искатель, Вершитель и Хранитель.

Появление типа Искателя в русской фэнтези было исторически обусловлено: общество пребывало в состоянии поиска. Тип Искателя открывает перспективы самопреодоления — сложного духовного процесса, начало которому положило сомнение, но у которого не может быть завершения, чем он и привлекателен для читателя. Авторы фэнтези отвергают научно-прогрессивную и материально ориентированную модель общественного развития, формируемую влиянием запада, и предлагают иные пути преодоления социально-исторического и духовно-психологического дисбаланса. Опора видится им в восстановлении нарушенных связей с природой, национально-историческом и духовном самоопределении, религиозной и культурной самоидентификации («Сокровища Валькирии» С. Алексеева, 1997; «Святой Грааль» Ю. Никитина, 1997).

Искатель немыслим вне Пути. Понятие Пути, актуальное для многих философских систем, вбирает в себя разные смыслы: это и путь индивида, и исторический путь народа и человечества, и его сакральный путь. Архетипическое понятие реконструируется как важнейшая этическая координата, ключ к пониманию причинно-следственных связей истории.

Второй этической координатой является дом. В эпоху бесприютности, неприкаянности человека в мире образ дома в его традиционной интерпретации приобрел особую актуальность. В ощущении Искателем своей «беспутности» и «бездомности» проявляется изначально присущее фэнтези негативное восприятие научно-технического прогресса, выражающееся в проблеме столкновения

[4] Гинзбург 1979, 89.
[5] Мартьянова 1997, 103.
[6] Хализев 2005, 146; 156–157.
[7] Пропп 2005, 25.

цивилизации и культуры как взаимоисключающих вариантов развития личности, народа и мира. Авторы ставят злободневные вопросы о нивелировании индивидуальности в современном мире, размывании границ уникальных культур, унификации культурных форм до массовых. Алексеев вписывает человека в мир, историю, природу, утверждая, что связи не разорваны, а лишь скрыты временем. Никитин акцентирует внимание на общечеловеческой ответственности за происходящее.

Актуальной в связи с типом Искателя становится философская категория истины. В образе Искателя, которому присуще предощущение, предзнание наличия Истины в мире, утверждается существование абсолютной Истины, противопоставленной сменяющим друг друга многим правдам.

Искатель начинает с самопознания и самоограничения, которые меняют масштабы мышления, освобождают от инерции прежней жизни, позволяют подняться над сиюминутностью и избавиться от субъективизма, препятствующего полноценному развитию личности и взаимопониманию на межличностном и межнациональном, межкультурном уровне.

Противоречивость и феноменальность фэнтези заключается в том, что, признанная богоборческой, она открывает авторам возможность богоискательства. Влияние основоположников фэнтези Дж. Толкиена и К. Льюиса на интерес русской фэнтези к вопросам религии было незначительным. Решающее воздействие оказала отечественная традиция литературного богоискательства Ф. Достоевского и Л. Толстого. В ряду таких произведений выделяются роман Е. Хаецкой «Мракобес» (1994) и дилогия С. Лукьяненко «Искатели неба» (1997–2000).

Актуальной в связи с образом Богоискателя становится категория чуда. Вера в чудо выступает в фэнтези условием нравственного выпрямления. Утрата этой веры представляется писателям закономерным, но духовно обеднившим человека этапом эволюции. Вера в чудесное — это признак свободы духа и разума от узкого, материалистически-атеистического мировидения. Одна из причин востребованности фэнтези — тоска по утраченной вере в чудо. Эта вера оказывается сильнее опыта.

Изображенные в фэнтези религиозные искания приводят к постижению основ нравственности, запечатленных в десяти заповедях, открывают радость всепонимания и любви к миру в любых проявлениях. Образ блудного сына, актуальный для современного общества, потерявшего свое место в истории, идеологии, религии, реализует идею непременного восстановления истинного пути, который авторам видится в обретении Бога. Христианская мораль с ее проверенной тысячелетиями актуальностью провозглашается искомой опорой в современном хаосе бездуховности. Писатели расценивают религиозную сферу как одну из приоритетных среди способных указать возможный путь индивидуального и общественного возрождения. На рубеже XX-XXI вв. произошло очередное, характерное для кризисных моментов развития «возвращение» к вере, своеобразно отраженное в фэнтези в типе Богоискателя.

Актуальность типа Вершителя, заимствованного русской фэнтези у западной, также была обусловлена спецификой времени. Частный человек в роли героя стал выразителем читательских страхов и мечтаний, а конкретно-историческая ситуация (смена политического и идеологического режима в стране) дала повод для

осмысления общечеловеческих, вечных вопросов: узости мировоззрения, соотношения случая и судьбы, власти и т. д.

Романтическая идея двоемирия расширяется в фэнтези до идеи множественности миров, символизирующих возможность разнонаправленной реализации личности. Инобытие (принципиально иная область применения сил) способно выявить в человеке скрытый потенциал. Протест против недовоплощения, ограниченной человеческой природы глубоко характеризует русскую фэнтези, являясь краеугольным камнем концепции личности для авторов и объединяющим признаком оригинальных произведений. Романы А. Бушкова «Сварог» (1996) и М. Фрая «Вершитель» (1997) актуализируют идею развития качеств Вершителя. Под Вершителем понимается тот, кто способен освободиться от условностей, пойти против течения логики, не допускающей вероятность несбыточного. Для авторов фэнтези эта способность — одно из главных достоинств личности. Научному знанию, вскрывающему ничтожность человека в равнодушной Вселенной, писатели противопоставляют мифологическое мировидение — чистое, некритическое, не отягощенное опытом, возвращающее гармонию взаимоотношениям человека и мира.

Образ Творца является вариантом типа Вершителя, высшим его проявлением. Тип Творца позволяет художественно исследовать созидательный и творческий аспект способности к преображению себя и несовершенной окружающей действительности.

Образ творческой личности, достигающей в своем развитии уровня Творца, становится ключевым в романах-фэнтези, посвященных теме искусства: «Посмотри в глаза чудовищ» (1996) А. Лазарчука и М. Успенского, «Вершитель» М. Фрая, «Моя жена — ведьма» (1999) А. Белянина. Творческая личность является здесь приближенной к Истине и носителем созидающей силы Творца. Авторы придают новое звучание идее творчества как особого, иррационального способа преобразования жизни, восстановления духовного равновесия; актуализируют проблему ответственности Творца перед миром. Монументальный, многоплановый образ Книги у Фрая становится символом творческой свободы и всемогущества, взаимовлияния и взаимопроникновения искусства и реальности. В образе носителя творческого мышления утверждается импровизированность, непреднамеренность, творимость жизни. Образ вечно живого, многократно перерождающегося Слова подчеркивает эфемерность любых теорий и идеологических образований: истинно и живо только искусство, Творец с его мирами. С доминирующей роли фантазии, качественно влияющей на физическое и духовное пространство, и иррациональной веры в преображающую силу Слова начинается путь от творческой личности к Творцу.

В типе Творца, создающего альтернативную действительность, с наибольшей силой реализуются эскапистские настроения, характерные для рубежного сознания (эскапизм — стремление уйти от действительности в мир иллюзий). Творец, нацеленный на упорядочение неблагополучного бытия, стал воплощением и протеста против божественного невмешательства в земную жизнь, и рубежного разочарования в рациональных способах познания, отсюда характерные для фэнтези богоборческие и «наукоборческие» мотивы.

Регулярное обращение русской фэнтези к типу Воина (являющегося разновидностью типа Хранителя) было обусловлено реалиями рубежного времени, усилением социального и материального неравенства, назревшей потребностью в защитниках. Несомненной заслугой отечественных авторов, разрабатывающих тип Воина, является выведение его из плоского, стандартного восприятия, укоренившегося в массовом сознании, психологическое углубление типа и придание характерам индивидуальности.

Через взаимосвязь понятий «дом», «традиции», «природа», «Родина» фэнтези открывает первоисточники нравственности, пути преодоления сложности современной жизни (М. Семенова «Волкодав», 1992–1997; С. Алексеев «Волчья хватка», 1999). Актуализируется ценность родовой связи, утрата или забвение которой «обнажает» человека перед миром. Дом — оплот традиций, символ стабильности, противоположенный суетливому миру, и преемственности поколений. Сила героя заключена не в профессионализме воина, а в сформированной в условиях традиционного дома нравственности, которая и делает его победителем. Воину присуще обостренное чувство включенности в жизнь и ответственность за все происходящее на земле, приятие жизни в малых формах и исторических масштабах. В образе Воина с особой силой выражена присущая фэнтези мысль о необходимости возрождения древних эзотерических знаний, содержащих проверенные модели познания мира и методы сохранения равновесия, внутреннего и мирового. Воин в фэнтези — тот, кто стоит на передовой, человек с иной логикой восприятия; образ, воплощающий авторские ожидания перехода индивидуального сознания в новое качество, предвещающего переход сознания общественного (в романе С. Алексеева звучит мотив грядущих перемен, начала будущего человечества). Образ Воина в фэнтези — это попытка авторов найти механизмы сдерживания процессов отчуждения и дегуманизации, вышедших из-под контроля человека.

Наиболее востребованным в русской фэнтези 1990-х стал тип Хранителя, актуализирующего тему памяти (родовой, национальной, исторической) и идею альтруизма. Память представляется одним из базовых компонентов системы ценностей, обладающих уникальной живительной силой, а альтруизм — как внутренне обогащающее и развивающее состояние. Разобщенное, потребительски настроенное (в отношении природы, государства и ближнего) человечество осуждается за инфантилизм, но оберегается героем от тайн бытия, от тяжелой участи всеведения. Звучит характерный для фэнтези мотив отеческой заботы главного героя по отношению к неразумному сообществу: человечество, стоящее на пороге взросления, находится в поре безответственного отрочества, не достигшего зрелого исторического мышления, носителем которого выступает Хранитель. Герои являются Хранителями мира от Зла, обретающего различные формы: открытой войны, экологического дисбаланса, национального и духовного вырождения и т. д.

Образ Хранителя у М. Семеновой и С. Алексеева стал выражением национальной идеи, поиском которой было озабочено российское общество в 1990-х. Развитие человечества видится авторам не в принятии «рациональных зерен» чужого образа мыслей, а в углублении уже сформированного национального мышления, нацеленном на сохранение экономической и культурной свободы и духовного ресурса, а также возвращении к природе, к истокам. Славянская фэнтези

поднимает национальный дух, возвращает веру в себя, актуализирует идею величия России. Продолжая традиции славянофильства и почвенничества, Алексеев выступает за выбор особого вектора национального развития — вектора духовного возрождения. Мир нуждается в духовном центре, и духовный потенциал России представляется писателю потенциальным источником мирового духовного переустройства.

Герой фэнтези — Хранитель человечества от Зла и Хранитель нравственных ценностей для человечества, что немаловажно для современного общества. Этот аспект характера художественно исследован А. Беляниным в образе поэта. Герои выступают и Хранителями личной нравственности, что не менее сложно, чем поддерживать нравственное равновесие мира.

Вопреки заключению М. Ремизовой («Не творец и преобразователь, не воин в широком смысле, а мягкая игрушка в руках судьбы — вот наши литературные герои»[8]), герой в современной литературе есть, что доказывает предпринятый типологический анализ характеров русской фэнтези. Сформировавшиеся типы отражают авторский поиск нового героя как духовного ориентира для человека эпохи перемен. Критика объективной реальности, обычная для современной литературы, в фэнтези является конструктивной: авторы предлагают разные пути развития взамен преобладающего научно-прогрессивного и материально ориентированного как наименее перспективного. К объективному мышлению герои приходят разными путями, маркированными типами Искателя, Вершителя и Хранителя. Взаимопроникая, типы образуют целостный образ героя отечественной фэнтези. Объединяющими признаками являются масштабность мышления, личная ответственность за мир и способность к преобразованию себя и мира. Духовные искания художественного рубежного сознания выражаются в фэнтези 1990-х в поиске смысла жизни и национальной идеи как его составляющей. Доминирующим направлением этих исканий является «накоотрицающее», представленное в мифологическом, творческом, эзотерическом, религиозном и историческом типах мышления, за которыми авторам видится образ мышления будущего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Кэмпбелл Дж. 1997: Тысячеликий герой. М.

Мартьянова С. 1997: Образ человека в литературе: от типа к индивидуальности и личности. Владимир.

Пропп В. Я. 2005: Морфология волшебной сказки. М.

Ремизова М. 2001: Детство героя. Современный повествователь в попытках самоопределения // Вопросы литературы. 2, 3–20.

Фрай Н. 1987: Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе / под ред. Г. Косикова. М.

Хализев В. 2005: Типология персонажей и «Капитанская дочка» // *Хализев В*. Ценностные ориентации русской классики: моногр. М.

Юнг К. 1995: Психологические типы / под ред. В. Зеленского. СПб.; М.

[8] Ремизова 2001, 15.

RUSSIAN FANTASY CHARACTER TYPES OF THE 1990-S AS AN EMBODIMENT OF PRINCIPAL SPIRITUAL QUEST TRENDS

Ye. A. Chepur

The article is based on the novels of such contemporary writers as S. Alekseyev, A. Belyanin, A. Bushkov, A. Lazarchuk and M. Uspensky, S. Luk'yanenko, Yu. Nikitin, M. Semyonova, M. Fray, and Ye. Khayetskaya. It presents typological analysis of Russian fantasy characters. The study results in three interpenetrating character types, namely Adventurer, Arbiter, and Guardian. The author concluded that typological approach is the most productive for understanding specific nature of fantasy genre. Conclusions are also made concerning the declared types as bearers of free mythological, creative world perception, religious, esoteric, or objective historical thinking that are contrasted with inhumane rationalism.

Key words: fantasy, character, type.

© 2010

С. Н. Кожевникова, Л. И. Исхакова

«ИМПЕРСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ В РОМАНЕ ДЖ. МОРИЕРА «ПОХОЖДЕНИЕ ХАДЖИ-БАБЫ ИЗ ИСФАГАНА В АНГЛИИ»

Статья посвящена исследованию художественных особенностей образа Англии и англичан в романе Дж. Мориера «Похождение Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии», раскрывающих своеобразие авторской позиции. Запад и Восток рассматриваются автором в русле традиций европейского ориентализма и британского имперского мышления. Согласно этим представлениям, Запад накопил в своей культуре многие ценности, недоступные восточной цивилизации в силу ее примитивности и отсталости. Англия представляет собой высшее достижение западной цивилизации. Долг англичан, как и всего западного мира, способствовать приобщению слаборазвитых восточных народов к западной культуре.

Ключевые слова: ориентализм, британское мышление, Дж. Мориер.

Роман «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии» является второй частью дилогии Дж. Мориера о Хаджи-Бабе. Первый рисует нам восточный мир, второй — западный. Один роман дополняет другой и позволяет более точно определить систему ценностей автора и особенности образа Англии как квинтэссенции и вершины западной цивилизации.

В основе сюжетно-композиционной организации романа «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии» лежит прием, введенный в литературу просветителями и получивший популярность после «Персидских писем» Ш. Мон-

тескье — это прием «остранения», позволяющий взглянуть на «свою» западную культуру по-новому, свежим взглядом чужака. Мориер, как и Монтескье, делает главным героем романа перса, впервые попавшего в Англию. Роман написан от лица героя и представляет собой его воспоминания, в которых он делится впечатлениями от пребывания в чужой стране. Однако функции этого приема у Мориера иные. Монтескье использует данный прием для критики «своего», выявляя несовершенства общества при абсолютной монархии. Мориер, напротив, выявляет достоинства и превосходства своего общества и культуры перед восточной деспотией.

Ценностная система, определяющая подход Мориера к изображению как Востока, так и Запада, базируется на традиции европейского ориентализма, существенно приправленного либеральным империализмом, как специфическим свойством британского имперского мышления. Все это не способствовало постижению культуры Востока, а в соответствии с западной иерархией духовных и жизненных ценностей интеллектуальный и психологический склад восточного человека выглядел примитивным. Результатом явилось ощущение превосходства, свойственного европейцам.

Рассматривая западные концепции Востока, Э. Саид в книге «Ориентализм» обозначает наиболее распространенный подход как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» с помощью определенной дискурсивной практики. Отношения между Западом и Востоком определялись отношениями силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии.

В просветительской литературе образ Востока неоднократно выступал в роли аргумента, подтверждающего недостатки и «неправильность» устройства западной цивилизации. Мориер, напротив, использует образ Востока в качестве предлога для выстраивания идеальной альтернативы — культурологической модели Запада, в частности Англии. Романы Мориера идейно и содержательно перекликаются с английским колониальным романом — жанром, сформировавшим отдельное направление в английской литературе второй половины XIX столетия и наиболее полно и последовательно отразившим специфику британского колониального мышления. Сразу оговоримся, что романы Мориера не могут быть отнесены к данному жанру, но их сближает общая идеологическая установка: восточная цивилизация стоит на более низкой ступени развития, а восточные люди — дикари, которых необходимо цивилизовать. Общие черты восточного человека в целом оказываются негативными, формулируясь как отсутствие позитивных черт, присущих западному человеку.

В произведениях Мориера явно выражено осмысление англичанами сущности взаимоотношений между Западом и Востоком, которое было им присуще на протяжении всего XIX века и нашло свое наиболее полное и точное выражение позже, в творчестве Р. Киплинга: “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда”. Киплинг же выразил и понимание роли европейцев в отношении Востока: миссия “белого человека” заключается в том, чтобы “привить” людям Востока зачатки европейской культуры.

Таким образом, можно утверждать, что романы Мориера о Хаджи-Бабе наследовали традицию литературного ориентализма, сложившуюся в начале XIX

века; они выразили тенденции, которые позднее, во второй половине столетия, определили особенности жанра английского колониального романа и отразили настроения, характерные для имперского мышления англичан.

Вышеперечисленные факторы определили позицию автора в романе “Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии” при создании образа Англии.

В. Шкловский в предисловии к роману следующим образом определил авторскую позицию: “У него нет свободы отношения к английской жизни”. Очевидно, исследователь имел в виду его некритичное отношение к английской жизни, во многом обусловленное стереотипами имперского мышления, сочетающего либерализм и империализм, гражданскую свободу и государственную мощь.

В 20-е годы XIX столетия в английской общественно-политической жизни наметились многие проблемы, потребовавшие разрешения в последующие десятилетия: обострилась политическая борьба за парламентскую реформу, участились требования по изменению законодательства (хлебный закон, закон о торговле и т.п.), усилилось неокатолическое движение, формируется рабочее движение, позднее вылившееся в чартизм, и многое другое. Однако в романе Мориера все эти процессы практически не находят отражения. Сам же факт существования оппозиции и политической борьбы в парламенте Мориер рассматривает как одно из основных достоинств английской государственности.

Англия в романе представлена процветающей, просвещенной передовой европейской державой, в английском образе жизни отмечены значительные достоинства и преимущества перед Персией. Это объясняется сильно развитым патриотическим чувством автора, основанием для которого являлось, как мы уже упоминали, имперское мышление. Отсюда и некая “несвобода”, выражающаяся в идеализации своей страны.

Автор выражает свое неприятие деспотической придворной культуры Персии. Очевидно, что, “отправляя” Хаджи-Бабу в Англию, он хотел этому виду централизации власти противопоставить плюрализм и парламентскую демократию Англии. Здесь вновь находит отражение либеральный империализм Мориера.

Однако целью романа было не только показать непреодолимые различия между Персией и Британией. Мориер не просто изображает два различных мира, непохожих, но самоценных. Он сравнивает “чужое” со “своим”, заведомо зная, что “свое” обязательно выиграет в этом сравнении.

Итак, патриотизм и имперское мышление — это базовое условие, имплицитно определяющее подход автора к изображению “своего” и “чужого” мира. Но, в отличие от Монтескье и других просветителей, Мориер пишет не политический роман. Он не обращается к обличающей сатире, но готов весело посмеяться над несуразностями и своими, и чужими, не забывая при этом, что в принципиально важных вопросах “свое” превосходит “чужое”.

Похождения Хаджи-Бабы показывают, что современные и отсталые элементы в Британии распределяются неравномерно: образованная, профессиональная среда среднего класса является наиболее просвещенной, в то время как другие, некоторые представители света и нуворишей из среднего класса стали объектом сатиры. Целью изображения приключений Хаджи-Бабы в Англии является изображение различий между Персией и Англией, позволяющих продемонстрировать превосходство тех сторон британского общества, которые являются результатом

просвещения и профессионализма, над сторонами, напоминающими персидское общество. Пребывание персов в Англии должно было стать для них побуждением к размышлению, которое в дальнейшем приведет к развитию.

При рассмотрении авторской позиции в романе мы попытались выделить основные мотивы, раскрывающие его взгляды. Отметим, что авторская позиция обнаруживается нередко и в суждениях англичан, с которыми персы встречались в Англии, и в суждениях самих персов.

Свой взгляд на государственное управление Англией Мориер высказал в рассуждениях Хаджи-Бабы. В Мальте, из разговора между правителем города и помощником английского посла, персы узнают, что в Англии крайне нестабильная обстановка, идет постоянная борьба с оппозицией. Хаджи-Баба рассуждает по этому поводу: “И как бы он (помощник английского посла) и правитель города ни считали, что правление короля еще более упрочилось, благодаря этому событию, мы сомневались, что будет благоразумно продолжать нашу миссию в страну, раздираемую внутренними конфликтами”. В этом персы видели недостаток английского государственного управления, но для Мориера данный факт содержит залог незыблемости гражданских свобод англичан.

Мориер имеет в виду столкновения между группировками тори и вигов. Борьба между партиями обостряет внутриполитическую обстановку, но в то же время это цивилизованная парламентская борьба, в которой не рубят головы. Рассуждения перса Хаджи-Бабы наивны, ему непонятны способы и инструменты такой политической борьбы, поэтому у него возникают опасения по поводу безопасности их визита. Мориер, который в целом положительно оценивал правление и личность Георга III, был огорчен выступлениями оппозиции. Но он испытывал гордость от того, какими цивилизованными методами ведется борьба, и от самого факта подобной свободы в Англии. Именно эти чувства и переживания автора нашли свое выражение в наивных высказываниях героя.

Проявляя лояльность к власти, Мориер более остро высказывается относительно народных низов, препятствующих, по его мнению, разумной и плодотворной реализации власти. У него народ олицетворяет собой стихийную толпу, настроения которой отмечены непостоянством. Авторское отношение к народным выступлениям раскрывается в словах старого джентльмена, дающего разъяснения Хаджи-Бабе: “Популярность нашего короля зависит от обстоятельств, и никакие силы не влияют на нее. Люди невежественны, и ими манипулируют интриганы-демагоги. Дорожает хлеб — они освистывают короля, плохо идет торговля — они освистывают короля, они ненавидят мир — недовольны королем, не нравится поведение королевы — виноват король. На следующий год хлеб дешевеет, торговля процветает — они приветствуют короля, его корабли и армия одерживают победу — они осыпают его своей добротой, его министры произносят красивые речи и обещают снижение налогов — они готовы отдать жизнь за короля. Кто может объяснить благосклонность или неодобрение толпы? Они так же непредсказуемы и изменчивы, как ветер”.

Здесь выражается не только личная позиция автора, но и общее понимание в рамках английского романтизма проблемы народа, его роли в истории, в жизни государства и общества, выраженное еще В. Скоттом: народ — мощная политическая и историческая сила, интересы которой следует учитывать, но не до-

пускать к активному действию. Поскольку народное сознание противоречиво, то народ легко превращается в толпу, которой могут манипулировать в своих целях ловкие политики. Правда, у самого В. Скотта народ почти всегда выступает как прогрессивное начало. Однако у последователей Скотта на первый план выходит противоречивость сознания народа, его склонность к стадности. Яркий пример тому творчество Э. Булвера-Литтона, который в романе “Риенци, последний из римских трибунов” (1835) показал, как народ сначала возносит героя, а затем низвергает и уничтожает его. Противоречивость и непредсказуемость народных настроений у Мориера становится абсолютной характеристикой, и поэтому, в отличие от Вальтера Скотта, он не считает необходимым для власти учитывать интересы толпы.

Представляя в романе положение женщины в Англии, декларируя ее свободу, Мориер многое преувеличивал. Об этом может идти речь только при сравнении с положением женщин в восточном гареме. С первых страниц романа Хаджи-Баба отмечает разницу между персидскими женщинами и английскими относительно их места в обществе и отношения к ним мужчин. В большой степени эта разница сводится к внешним различиям. Бесспорно, персы видят почтительное отношение к женщине в Англии, отмечают, что она более свободна, чем женщина на Востоке. Но в романе есть примеры, которые показывают, что участь женщины в Англии и Персии отчасти похожа. И там, и там женщин выдают замуж по расчету, по сговору родителей. Вопрос о выборе будущего мужа решает глава семьи, желание дочери при этом никак не учитывается. В Англии женщина, несмотря на все внешнее признание, так же несвободна в любви, в выборе супруга по душевной склонности, как и в Персии.

На наш взгляд, многие мотивы, определяющие авторскую позицию (положение женщины, семейные ценности, понятие “свободы”, образование) раскрываются при рассмотрении отношений в семье Хогг, с которой Хаджи-Баба познакомился в опере. С первого момента знакомства миссис Хогг немедленно сообщила Хаджи-Бабе о том, что ее дочери в будущем будут очень богаты, т. е. она сразу рекламирует своих дочерей как дорогостоящий товар. Вопросы семьи и брака для нее носят характер сделки, это отношения купли-продажи. Миссис Хогг приняла Хаджи-Бабу за принца. Ей было известно, что слово “мирза” означает принц, но она не учла того факта, что слово может менять свое значение в зависимости от того, где оно стоит: перед именем или после (титул мирза, поставленный перед именем, означает господин, употребленный после имени, означает принца царской крови). Хаджи-Баба не противился такому обращению. Миссис Хогг оказывала ему всевозможные любезности и пригласила его (считая принцем) к себе на обед.

Дальнейшие рассуждения Хаджи-Бабы позволяют усмотреть спрятавшегося за героем автора. Он довольно точно определяет и социальный статус семьи Хогг и типичные черты людей подобного сорта: «Было очевидно, что они не принадлежали к знатным людям, … что все их усилия и желания были направлены на то, чтобы быть допущенным к общению с сильными мира сего» .

Мориер высмеивает снобизм и тщеславие своих соотечественников, прежде всего нуворишей-буржуа, их пиетет перед богатством и титулами. Так, Хаджи-Баба отмечает, что во время службы в церкви леди Хогг не упустила возможно-

сти упомянуть, что он был принцем, и представила его в качестве такового длинной череде знакомых, и по дороге домой, постоянно говорила о его благородном происхождении. В этом была определенная цель: мамаша хотела сделать своего знатного знакомца средством для знакомства и обмена визитами между ее семьей и людьми более высокого ранга.

В оценке семьи Хогг Хаджи-Баба проявляет проницательность, не свойственную ему в других вопросах. Происходит это потому, что в данном случае автор высказывает свое мнение, практически не скрываясь за маской героя. Ведь в отличие от политики, государственного устройства, власти и т.п., любовь, семья — это предметы, понятные людям всех времен и народов, а их критика не угрожает общественным устоям. Поэтому в данном вопросе герой может быть прямым рупором автора.

Первые впечатления Хаджи-Бабы нашли дальнейшее подтверждение по мере того, как продолжалось его общение с данным семейством. «Почтительное» отношение к Хаджи-Бабе выразила семья Хогг во время званого обеда: «Они все бросились ко мне, повторяя на все лады «Принц», задавая многочисленные вопросы, выражая опасения, что заставили меня долго ждать, и представили меня людям, которые только что прибыли».

Особенно язвительной становится ирония автора, когда он говорит о средствах, к которым прибегают члены семьи Хогг для достижения своих честолюбивых целей: «Была одна дама, чье имя повторялось чаще всего, и которая была своего рода, как говорят в Индии, принцессой, и чей взор служил бы большей защитой и ценностью, чем все золото Индии. Именно на пороге ее дома они хотели бить поклоны, и они сделали бы меня своим церемониймейстером, если бы это было возможно. А целью всего этого было получить доступ в лондонское высшее общество».

Очевидно, в этом пассаже речь идет о дамах-патронессах в английских клубах. Это место считалось традиционным светским пространством в английской культуре XIX века. Немногим ранее мы упоминали о том, что знакомство Хаджи-Бабы с английским обществом произошло в клубе Олмакс, одном из самых знаменитых клубов эпохи Регентства. Он входил в число тех клубов, которые были сугубо элитарными заведениями закрытого типа, устав которых был специально сформулирован так, чтобы отсеять нуворишей. Он отличался от других закрытых клубов тем, что в нем устраивались балы и допускались женщины. Собственно женщины и распоряжались в этом клубе: решали вопрос о членстве, о допуске на балы и т.п.

В совет Олмакса входило десять женщин, которые отсекали неподходящие кандидатуры. Чтобы получить допуск в Олмакс, необходимо было иметь некоторые преимущества. Допускались в этот клуб в основном люди знатного происхождения, но это был не единственный и далеко не решающий критерий. Главным условием получения доступа в клуб являлось обладание “хорошим тоном”. Этим, как считали дамы-патронессы, не обладали богатые буржуа, особенно нувориши. К числу последних относится и семья Хогг, а потому им приходилось заискивать перед строгими дамами-патронессами.

Хогги — нувориши, испытывающие тщеславные притязания. Они хотят обеспечить своим детям не только выгодные партии, но и престижные, позволяющие

проникнуть в высшее английское общество. То есть, по сути дела, за свои деньги они желают приобрести детям титулованных супругов. Такие браки никогда не были редкостью, но здесь важно не то, что Хогги нувориши, а то, что они вульгарны, и действуют они грубо, пуская в ход все средства. Это становится очевидным в эпизоде бала в персидском посольстве.

Когда распространилась весть о предстоящем бале в посольстве, то не стало отбоя от желающих туда попасть. Не упустили случая и члены семьи Хогг: “Но каково же было мое удивление, когда за пару дней до торжества, я обнаружил полный экипаж неверных, во главе с мамашей Хогг, подающей мне знак”. Зная, что Хаджи-Баба питает нежные чувства к средней дочери Бесси, миссис Хогг цинично использует его симпатию: “Ее целью было добиться приглашения на праздник в доме посла, и, чтобы добиться этого, неверной Бесси пришлось коснуться кончиками пальцев моих пальцев”. Хогги из тех, для кого для достижения цели все средства хороши, при этом вопрос приличий их не волнует.

Решая проблемы семьи и семейных ценностей, автор на первый план ставит искреннее чувство. В рассуждениях Хаджи-Бабы о возможном браке с Бесси звучит убеждение самого автора: “Любовь творит чудеса. Любовь не подвластна вероисповеданиям”. По мысли автора, только подлинное чувство может служить основанием для создания семьи, национальные и религиозные различия не имеют решающего значения, а социальные и экономические причины, расчет и престиж в вопросах семьи и брака являются аморальными. Когда настоящее чувство сменяется корыстным расчетом, то это пагубно сказывается на личности. Примером этого является судьба Бесси. Вот как описывает ее Хаджи-Баба в день бракосочетания: “Она, бедняжка, была самой печальной из всех собравшихся, лицо её уже не светилось счастьем, которое так шло ей и подчеркивало её жизнерадостность. Она похудела, выглядела озабоченной, и глаза её покраснели от слез”. Бесси становится заложницей меркантильных расчетов своих родителей, поэтому свадьба для нее не радостное событие, а то, что сделает ее несчастной. Жизнь Бесси разрушена, она навсегда привязана к нелюбимому мужу.

Мы упоминали ранее, что автор выражает критическое отношение к бракам по расчету, бывшим в Англии (как и в других европейских, да и в восточных странах) обычным явлением повседневной жизни. Известный историк Дж. Тревельян, говоря о браках, отмечает: “Для девушек высшего и среднего классов мужей часто выбирали по принципу открытой торговой сделки”. Именно по такому принципу был заключен брак Бесси и мистера Фигби. Родителей Бесси мало интересуют ее чувства. Прежде всего их заботит ее будущее благосостояние. Леди Хогг неоднократно замечает, что ее дочь “в надежных руках”.

Сцена свадебного торжества показывает, что в Англии женщины далеко не так свободны в своем выборе, в решении своей личной судьбы, как могло показаться персам на основе самых первых впечатлений. В Англии женщины также вынуждены подчиняться своим родителям, мужьям, общественным условностям, обычаям и традициям. Женщина в Англии, так же как и в Персии, во многом является вещью, игрушкой, декоративным украшением. Она такой же объект купли-продажи, как и на Востоке. Методы и формы торговли здесь приобрели более цивилизованные и благонравные формы, но суть происходящего от этого не меняется. Более того, деспотичная восточная цивилизация не предполагает наличие

свобод у граждан в целом, и подобное положение женщины не вызывает ни у кого сомнений. В Англии, где у человека больше свобод, где нет деспотического насилия над личностью, бесправное положение женщины в вопросах брака выглядит особенно уродливым и недопустимым.

Сходство Востока и Запада в отношении к женщине подтверждается и сведениями о браках в королевской семье, полученными персами. Хаджи-Баба и другие персы были представлены к королевскому двору. Им было любопытно знать: состояли ли дочери короля в браке. В дальнейшем Хаджи-Баба сообщает: «Продолжая расспросы, мы узнали, что королевские персоны женятся на манер мусульман, они не видят своих будущих мужа или жену до свадьбы, но женятся по описанию. Сваху посылают посмотреть на будущую невесту, ее сватают и затем привозят, и, какой бы она не была, она становится его женой».

Таким образом, мы видим, что уверенность в превосходстве английской культуры и английского образа жизни не лишила автора художественной зоркости и позволила разглядеть несовершенства, характерные для его времени. Однако следует заметить, что критика автора касается, в основном, частных сторон жизни, а высмеиваемые им пороки — это пороки личности. Более того, история с семьей Хогг показана как частный случай. В том, что касается государственного управления, системы власти, общественных институтов, колониальной политики, религиозной терпимости и т.п. автор не испытывает сомнений, в этой области Англия может служить непревзойденным образцом.

Позиция самого писателя демонстрирует отсутствие религиозного фанатизма, его толерантность. Он не признает разговоров о преимуществе одной религии перед другой и проявляет в данном вопросе удивительную широту взглядов. В романе много примеров проявления религиозной нетерпимости мусульманских мулл, основанной на их ограниченности и нежелании знакомиться с иными верованиями. Иногда и христианские миссионеры не отличаются тактом и терпимостью. Хаджи-Баба рассказывает случай, произошедший с одним священником, которого едва не убили муллы из Исфагана. Он сказал им, что «наш пророк плохой, лжец. Они в ответ сказали ему, что их Папа — осел, и забросали его камнями, ему с трудом удалось бежать». Здесь показано нежелание обеих сторон признать за другим право на свободу вероисповедания. Исфаганские муллы и христианский священник одинаково нетерпимы к чужой вере. Мориер с иронией описывает и попытку, предпринятую Мэри Хогг, чтобы обратить Хаджи-Бабу в христианскую веру: «Мы сделаем из вас христианина, прежде чем вы покинете нас».

В XIX веке было распространенным явлением христианское миссионерство. Экспансия Британской империи преследовала не только политические, экономические и территориальные цели, но и нравственные цели, распространяя либеральное управление и власть законности и расширяя возможности проповеди христианства. Однако автор высказывает мысль о том, что любая духовная экспансия должна происходить на добровольной основе с помощью мягкого убеждения. Каждая религия имеет право на существование и на уважительное признание ее со стороны инаковерующих.

Более того, в романе имплицитно выражена мысль о том, что англичанам более свойственна религиозная терпимость. Просвещенные и образованные англичане, тем более представители власти, никогда не высказывают упреков или

стремления обратить персов в свою веру. Мориер подчеркивает, что ограниченность и фанатизм свойственен людям с низким культурным уровнем, грубым и невежественным (семейство Хогг, толпа на улице, потешающаяся над религиозными обрядами персов). Таким образом, религиозная нетерпимость, по мнению автора, не является общественным пороком, а относится к порокам личности, обусловленным недостатком образования и воспитания.

Подтверждением может служить то, как автор ненавязчиво и непринужденно показывает положительные стороны и преимущества христианства. Мэри интересовалась, был ли Хаджи-Баба когда-нибудь в английской церкви. Примечателен ответ Хаджи-Бабы: “Я ответил, что никогда там не бывал и не осмелился бы зайти в места поклонения из опасения, что мне окажут суровый прием. Христиане никогда не отважатся зайти к нам в мечеть, сто к одному, что они вряд ли выйдут оттуда живыми, и, я полагал, что ко мне так же отнесутся в Англии. Мэри уверила меня, что их церковь открыта для человека любого вероисповедания, и что их муллы только и ждут возможности предостеречь неверующих от ошибок”.

Хаджи-Баба посетил церковь, и впечатление от этого посещения заставило его признать правоту Мэри: “Если бы я был христианином в мусульманской мечети, я бы благословил судьбу, если бы покинул ее без сломанных ребер, но здесь не произошло ничего подобного; я только увидел одобрительные взоры, вместе с удивлением при моем неожиданном появлении”. Таким образом, именно Хаджи-Баба, не только не заинтересованный, но, напротив, критически настроенный, наблюдатель отмечает большую терпимость христиан по отношению к иноверцам.

Мориер во многом представляет Англию в качестве образца не только для персов, но и для европейских соседей. Образца, но не идеала. В этом отношении интерес представляет образ России и русских. Образ русских в романе противопоставлен и англичанам, и персам. Говоря о русских, Хаджи-Баба восклицает: “Как далеко эти Франки отстали от Русских! Неужели они лучшие христиане, чем Северные наши соседи? Мы не любим и боимся русских; но должны отдать им полную справедливость в этом отношении. Все слышанное нами от Иранцев, прибывавших из России, подает высокое понятие о мудрости ее правительства и миролюбии самих жителей. Там никто не старался принуждать наших отказываться от веры их предков, если собственная их совесть не внушала им того”.

Мориер выводит образ русской культуры в качестве идеального примера и для англичан, и для персов. Русским не свойственен шовинистический менталитет. В чужой культуре Мориер ищет урок для современников и подсказку на будущее. На примере чужого национального характера он показал то, чему следует учиться, каких ошибок стоит избегать при общении с представителями других культур. Но в данном романе, в отличие от первого романа о Хаджи-Бабе, русские ни прямо, ни опосредованно не присутствуют в сюжетно-композиционной структуре. Упоминание о них (в отличие от эпизода с армянином Юсуфом в первом романе) выглядит не слишком мотивированным. Поэтому мы можем предположить, что образ русских представляет собой некий “символический идеал”, а не конкретный образ национальной культуры. Россия, русские — идеал, к которому следует стремиться, Англия — образец того, что возможно достичь.

Образ Англии, представленный в романе, возникает из суждений и оценок персов, но, что немаловажно, они основываются не только на своих впечатлениях, но и на пояснениях англичан. Часто персы, сравнивая с тем, что они видели у себя дома, оговаривают это словами: “нам это казалось странным (непривычным, непохожим)”. Таким образом, “чужое” “остраняется”. В некоторых случаях это полное остранение, граничащее с неприятием “чужого”. Иногда через “остранение” и сравнение со “своим”, происходит “приближение” “чужого”, если оно признается более разумным, естественным и совершенным, чем “свое”. Но в любом случае, независимо от позиции персов, в романе имплицитно “остраняется” восточная культура.

Большое значение в данном случае имеет позиция автора. В этом романе, как и в первом романе о Хаджи-Бабе, мы наблюдаем сложную систему взаимосвязей в структуре автор-повествователь-герой. Повествование ведется от лица героя — человека, принадлежащего восточной цивилизации. Но позиция повествователя отражает и взгляды автора, которые зачастую в ней превалируют. В первом романе перс Хаджи-Баба представляет в основном “свой” восточный мир. В позиции повествователя отражается восприятие этого мира автором, для которого он является “чужим”.

Во втором романе повествование так же ведется от лица Хаджи-Бабы, который представляет нам образ “чужого” мира, увиденный свежим взглядом. Но здесь в позицию повествователя включается авторское восприятие и отношение к данному миру, являющемуся для автора “своим”. При этом автор не просто отмечает различия “своего” и “чужого”, но подходит к данной дилемме с позиции заведомого превосходства “своего”. “Чужой” мир для Мориера не просто другой, иной, но уступающий “своему”, стоящий на более низком уровне развития культуры и цивилизации.

Поэтому образ Англии, данный якобы в восприятии персов, выглядит однозначно привлекательным. Хотя они и отмечают некоторые пороки, но это пороки отдельной личности, они могут быть присущи людям независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Именно поэтому персы легко могут увидеть и выявить эти недостатки, дать им вполне адекватную оценку. Так, в романе персы отмечают, что плутовство и склонность к мошенничеству проявляются у англичан не в меньшей степени, чем у персов. Как персы, так и англичане стремятся обогатиться любым путем (например, желание Хаджи-Бабы жениться по расчету в первом романе и брак Бесси Хогг во втором).

Иначе обстоит дело, когда касается вопросов политики, образования, уровня жизни, человеческих отношений, в которых персы проявляют несвойственную им прежде проницательность и способность к анализу. Это вызывает сомнения, поскольку едва ли ограниченные и невежественные персы, каковыми они представлены в романе, смогли бы понять суть управления страной, выявить особенности этой формы правления и общественных отношений в Англии, познать традиции и обычаи, увидеть в них преимущества перед своим образом жизни и государственным устройством. В этих вопросах отчетливо выражается точка зрения автора, который хорошо разбирался в данных вопросах и занимал лояльную позицию.

Отмечая преимущества английской культуры, государственности, образа жизни, писатель выделяет прежде всего следующее: высокий уровень образования,

развитие науки и искусства, четкое разделение властных структур и эффективную парламентскую систему, гражданские свободы и общественные институты, установление дипломатических отношений, цивилизационную функцию Британской империи в мире.

По мысли автора, основным критерием успеха и роста личности является образование. Вопросам образования в романах, как в первом, так и во втором, уделяется немало места. В романах звучит мысль о том, что оно играет не последнюю роль в развитии отдельно взятого человека и нации в целом. Об уровне знаний и образования персов Мориер высказывается непосредственно в ответе на письмо одного из персидских чиновников. Мориер говорит, что несовершенства и недостатки персов происходят от низкого уровня их знаний: они мало интересуются историей, не владеют иностранными языками, мало читают. Среди персов образованных людей нет. В первом романе необразованным персам противопоставлен образ английского доктора, который в общении с коренным населением обходился без помощи переводчика. Он свободно владел персидским языком. Доктор, по сути, представляет собой скрытый образ миссионера, прибывшего в Персию с целью демонстрации и пропаганды новых методов лечения.

Мысль о необходимости образования Мориер развивает во втором романе. Уровень образованности англичан заметно и намного превосходит персидский. Автор ставит персов перед необходимостью изучать английский язык, который им так и не удалось освоить в совершенстве. Чаще всего они вынуждены общаться через переводчика. Таким образом, автор высказывает сомнения в их образовательном потенциале. В конечном счете, персы оказываются не способными к изучению иностранного языка в полной мере. В этом, на наш взгляд, проявляется имперское восприятие восточных народов Мориером, считавшим их ниже западных по уровню развития.

Так, например, образ английского доктора в первом романе, выгодно отличается от образа его персидского коллеги. Хаджи-Баба, говоря о докторе, отмечает: «…было очевидно…, что он ученый человек, потому что, посчитав мой пульс и осмотрев мой язык, он спросил меня, не болит ли у меня голова в том месте, до которого он дотронулся, не жгло ли мне глаза, и не потерял ли я аппетит, признаки, на определение которых Мирзе Ахмаку потребовался бы целый месяц, даже если бы ему на помощь пришли все талисманы и астрологи Персии». В этом примере, на наш взгляд, отражена суть имперского мышления, основанного на убеждении, что Британия должна была донести до «примитивных» народов свои идеалы и образцы и приобщить их к «своей» (истинной) культуре и цивилизации.

Особое значение в романе придается изучению языков. Англичане говорят персам о необходимости изучения древних языков, прежде всего латыни. Один из англичан объяснил им значение латинского языка для развития культуры: «Нельзя познавать мир, не зная латыни» и политики: «Если у вас появится палата общин в Персии, вам следует изучить латынь». От англичан персы узнали о существовании французского, итальянского и других языков.

Образованные представители английского общества осознавали, что с другими европейскими народами их роднит общее наследие античной культуры. В частных и государственных школах в Англии классическое образование занимало ведущие позиции. Не всем это было доступно, однако те, кто мог себе

позволить, исполняли и слушали немецкую музыку, читали французские романы и посещали картинные галереи в Италии. Сама по себе позиция Мориера относительно образования является обоснованной и верной, но в ней раскрывается предвзятое отношение автора к «чужой» стране. Мориер убежден: что хорошо для англичан — хорошо для всех.

Автор показывает, что важным аспектом в развитии общества является пресса. В начале XIX столетия роль прессы в общественной жизни страны была велика. Население Британии становилось более грамотным и образованным. В основе объединения общества была национальная пресса. С помощью прессы создавался идеальный образ империи. Помимо политического влияния пресса в XIX столетии выполняла экономическую, социальную, культурную функцию: распространяла моду, публиковала отчеты компаний, театральную критику, литературные произведения, последние светские новости, обсуждала вопросы анонимных читателей. Как отмечает Хаджи-Баба: “Посол проявлял особый интерес к газетам, которые издавались каждое утро, потому что редкий день обходился без того, чтобы самые мельчайшие подробности его пребывания в Англии не освящались в них”. Пресса не просто служит источником новостей и слухов, передает информацию, но и помогает выработать определенное мировоззрение, учит мыслить, отстаивать свою точку зрения. Формирование свободного гражданского общества невозможно без развитого института прессы. Отсутствие такого в Персии лишний раз свидетельствует о деспотическом характере ее государственности.

Постижение искусства, по мнению автора, тоже является необходимым фактором совершенствования личности и нации в целом. Развитие искусства и науки в георгианскую эпоху в Англии достигло своего апогея. Открытия в области различных областей знаний: медицины, математики, физики, экономики; развитие живописи и архитектуры, строительство городов, каналов и мостов — все это свидетельствовало о высоком уровне модернизации империи, о ее благосостоянии, об уверенности развития во всех отраслях, об укрепившейся политической и социальной стабильности.

Мориер показывает, как искусство проникает во все сферы жизнедеятельности человека, формирует эстетическое мировоззрение, способствует межличностному сближению представителей разных национальных культур. Образы танца и танцоров, оперное представление, образ музыки в романе являются символами гармонии просвещенного государства. Эти образы передают красоту чувства, уровень и колорит английской светской культуры XIX столетия. Автор показывает, как европейское искусство влияет на чувства и мысли персов. Как танцы и музыка, так и оперное представление не оставляют их безучастными. В мировоззрении персов происходят колебания, они начинают с помощью искусства по-новому осмысливать окружающий мир. По мысли автора, европейское искусство способствует выработке нравственных ценностей, что и наблюдается в случае с персами.

Серьезным достижением английской цивилизации автор считал гуманное отношение к людям, независимо от их социальной, национальной и религиозной принадлежности. В этом, по его мнению, состояла уникальность Британской империи. Англия выступала в защиту нравственности, против работорговли. Проявлением мудрости и нравственного превосходства считалось предоставление

гражданских прав людям, не принадлежавшим к государственной англиканской церкви.

То, каким образом складывались отношения между людьми, и что было в основе этих отношений, вызывало у автора гордость. Возникновение и становление подобных взаимоотношений своими корнями уходит в глубь истории и связано, на наш взгляд, с формированием британского конституционного строя, воспринимавшегося англичанами как наиболее совершенный. Они стремились донести свои достижения до отдаленных районов земли, распространить на всем пространстве своей империи. Понимание англичанами совершенства своей конституции и политического устройства способствовало осознанию своей “особости” и превосходства.

Таким образом, в романе Мориера отразились современная писателю английская действительность, его политические взгляды как лояльного подданного империи и его гуманистическая философия. В качестве мотивов, отражающих позицию автора, нашли свое выражение политические и социальные идеи эпохи британского империализма, «политические стереотипы», распространенные в общественной мысли в начале XIX века. “Политические стереотипы” выражаются, во-первых, в мотиве превосходства европейцев (прежде всего, англичан) над теми, кто таковыми не является; а во-вторых, в мотиве цивилизаторской миссии Запада. Первый мотив показывает персов как отстающих в развитии, необразованных. Им противостоят англичане как представители более развитой цивилизации и культуры.

Мотив цивилизаторской миссии европейца отражает одну из основных идей британского “имперского мышления”: примитивным дикарям, азиатам недоступны достижения цивилизации; задача европейцев — способствовать их распространению. Проблема влияния западного прогресса на восточного человека в романе Мориера занимает одно из центральных мест. Роман отражает идеологию имперской экспансии с ее осознанием превосходства “английскости” перед восточными народами и цивилизаторской миссии европейцев. Косвенным подтверждением распространенности данных стереотипов являются сложившаяся к XIX веку традиция европейской ориенталистики и реализация указанных выше мотивов позднее, в жанре колониального романа.

Предвзятое отношение автора к Персии не позволило ему выявить разумное и поучительное в традициях восточной культуры. Восточный мир воспринимается автором не просто как “чужой” (в значении “иной”), а как мир, находящийся на более низком уровне цивилизационного развития. Англия, с точки зрения писателя, лучшее место на земле. Об этом мы можем говорить, исходя из представленного в романе образа Англии как места, в котором комфортно не только жителям этой страны, но и далеким восточным туземцам.

Автор отдает себе отчет в том, что общечеловеческие пороки присущи и его согражданам. Однако развитие образования, науки и искусства, гармоничная общественная система и совершенное политическое устройство создают в Англии благоприятные условия для нравственного совершенствования личности в отличие от деспотической, слабо развитой и отсталой Персии. Бесспорно, образ Англии и перспективы совершенствования личности и общества идеализируются в романе, но они выражают оптимистические убеждения автора.

«Имперское мышление» автора, сочетающее либерализм и империализм, осознание необходимости гражданских свобод и стремление к политическому и моральному доминированию над другими, менее развитыми народами, обусловило отношение к английскому опыту в области культуры, политики, общественных отношений как наиболее ценному, а по сути, единственно верному и универсальному.

ЛИТЕРАТУРА

Баскин М. П. 1965: Монтескье. М.

Бахтин М. 2000: Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.

Блэк Дж. 2008: История Британских островов. СПб.

Брагинский И. 1989: Разговор с читателем о книге «Похождения Хаджи-бабы», о ее авторе и герое и кой о чем прочем // Мориер Дж. Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана. 5–22.

Вайнштейн О. Б. 2006: Денди: мода, литература, стиль жизни. М.

Вишневская Н. А., Зыкова Е. П. 1996: Запад есть Запад, Восток есть Восток. М.

Монтескье Ш. Л. 1982: Персидские письма. М.

Саид Э. 2006: Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.

Сидорова О. Г. 2005: Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург.

Сили Дж. Р., Крэмб Д. А. 2004: Британская империя. М.

Тревельян Д. М. 2005: История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск.

Шкловский В. 1931: Предисловие // Мориер Дж. Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии. 5–11.

Шкловский В. Б. 1925: О теории прозы. М.-Л.

Abdelwahed S. «England and the East in James Morier's Hajji Baba of Ispahan»// [Электронный ресурс]. http: // www.arabworldbooks.com/Literature/england.htm, свободный.

"IMPERIAL THINKING" AS AN AXIOLOGICAL BASIS OF J. MORIER'S NOVEL "ENGLISH ADVENTURE OF KHAJI-BABA FROM ISFAHAN"

S. N. Kozhevnikova, L. I. Iskhakova

This is a study of literary presentation of England and Englishmen in the novel "English Adventure of Khaji-Baba from Isfahan" by J. Morier revealing the author's peculiar attitude. The East and the West are treated in the context of traditional European Orientalism and British imperial thinking. According to these beliefs Western culture has accumulated many values that are beyond the reach of eastern civilization due to its primitive and backward nature. England is presented as the highest achievement of western civilization. It is a duty of both Englishmen and the western world to adjust underdeveloped eastern nations to western culture.

Key words: orientalism, British thinking, J. Morier

© 2010

С. В. Гусева

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РОМАНА К. РЕЙТЕРА «ШЕЛЬМУФСКИЙ» НА ЛИТЕРАТУРУ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Роман К. Рейтера «Шельмуфский» оказал значительное влияние на немецкоязычную литературу, особенно на творчество гейдельбергских романтиков. Гейдельбержцы проанализировали главного героя романа К. Рейтера с позиций романтической теории, противопоставив сущность Шельмуфского филистерству. Братья Гримм способствовали модернизированному переизданию романа. К. Брентано использовал отдельные черты из произведения К. Рейтера в своем творчестве (особенности стилистики, характер героев). Основная заслуга в романтизации и модернизации образа Шельмуфского принадлежала А. фон Арниму (новелла «Три круглых дурака (дурня)»). Писатель противопоставил своего Шельмуфского персонажу К. Рейтера, показав романтическую сущность героя на фоне общественной действительности начала XIX века.

Ключевые слова: немецкая литература, романтизм, плутовской роман.

Роман К. Рейтера «Шельмуфский» оказал значительное влияние на немецкоязычную литературу. Многие образы, мотивы, стиль и сюжетные линии «Шельмуфского» стали основой для произведений других немецких писателей. Достаточно пластичный образ главного героя, созданный и воплощенный в жизнь К. Рейтером, давал возможность появления различных литературных интерпретаций. Одними из первых на роман К. Рейтера обратили внимание немецкие романтики, особенно гейдельбержцы.

Одна из характерных черт романтизма — тяга и любовь ко всему старинному, особенно если старина приукрашена местным фольклорным колоритом. Гейдельбержцы увлекались собиранием старинных легенд, сказок, интересовались книгами забытых авторов XVII в. Так, благодаря братьям Гримм, были «воскрешены» «Симплициссимус» и «Пройдоха Кураж» Гриммельсгаузена. Они заинтересовались анонимным романом «Шельмуфский» (в первой половине XIX в. автор был неизвестен, поскольку произведение было подписано псевдонимом Хилариус) и переиздали его, следуя нормам немецкой грамматики XIX столетия.

Обращение к фольклорному наследию — объективная закономерность для литературы Германии начала XIX столетия. Интерес к национальной истории, к народному творчеству, к истокам самобытной национальной культуры отразил объективный процесс роста национального самосознания передовой части общества. Для гейдельбергских романтиков важнейшими факторами национального единения стали единство национального языка и деятельность по сохранению и осовремениванию старинной литературы, — всё это, по взглядам А. фон Арнима, должно было консолидировать народ как нацию. Поэтому романтики стремились даровать новую жизнь народной поэзии и забытым литературным текстам.

Особенный интерес к роману К. Рейтера проявили Ахим фон Арним и Клеменс Брентано. Влияние «Шельмуфского» на мировоззрение и художественное мышление обоих романтиков неоспоримо. Они несколько раз знакомились с содержанием текста К. Рейтера. В переписке между собой они используют типич-

ные «шельмуфианские словечки»: «O, sapperment» (проклятие); «der Tebel hohl mer» (черт, возьми)». Брентано и Арним приветствуют друг друга словами «Bruder Graf» («брат граф») — обращение Шельмуфского к господину графу.

В своих письмах писатели пророчат «Шельмуфскому» большое литературное будущее. В письме А. фон Арниму К. Брентано пишет о своем намерении создать цикл рассказов — одиннадцать историй о часовщике Богсе — действие которых разворачивается во время наполеоновского господства. Часовщик после скитаний «на воде и суше» мечтает попасть в знатное общество. Оказываясь в опере, он попадает под волшебные чары голоса певицы, представляя, что он, как Шельмуфский, сидит при дворе Великого Могола и наслаждается дивным пением.

«<...> в обеденный зал вошла личная певица Великого Могола с индийской лирой, висевшей у нее на боку. Как великолепно, проклятие, пела эта бабенка и как искусно аккомпанировала себе на лире; ничего, черт возьми, более прекрасного я не слыхал в жизни!»[1]

Выражая крайнее восхищение, часовщик Богс использует экспрессивную лексику Шельмуфского: «проклятие», «черт возьми».

К. Брентано, бесконечно восхищаясь романом «Шельмуфский», в своем художественном мышлении постоянно прорабатывал сюжет сочинения К. Рейтера. Так, в письме А. фон Арниму К. Брентано упоминает о своих планах переделать немецкий народный шванк о медвежьей шкуре, превращающейся в молодого ландскнехта. Приведем фрагмент письма К. Брентано от 8 апреля 1808 г.: «Мой дорогой брат (излюбленное выражение Шельмуфского – С. Г.)! Вчера я обратился к источнику шванка о медвежьей шкуре и решил переработать его. В этой комической истории я решил использовать элементы романа «Шельмуфский» <...> Краткое содержание заключается в следующем: медвежья шкура – это ландскнехт. Он заключил сделку с дьяволом, что не будет мыться, бриться, стричься, а будет ходить непричесанным целых семь лет. В награду за это он получит в жены дочь богатого и знатного аристократа. Днем он был медведем, а ночью превращался в человека и вешал шкуру над своей кроватью. И вот однажды ночью в супружеской постели его молодая жена, испугавшись ночного кошмара, начала кричать: «Ой, ой, крыса, держите крысу!» Женщина разбудила весь дом, но крысу так и не нашли, потому что она прошмыгнула в ту щель в шелковом платье, в которую когда-то юркнула крыса матушки Шельмуфского!»[2].

В данном фрагменте К. Брентано ссылается на знаменитую историю рождения «высокородного» господина фон Шельмуфского, из-за крысы появившегося на свет раньше положенного срока. Кроме того, герои К. Брентано употребляют фразы, характерные для героя К. Рейтера: «die sappermentsche Ratte zu erwischen» («поймайте проклятую крысу»).

А. фон Арним в свой статье «Шуточный смех в подражании святому», напечатанной в «Газете для отшельников», «господина фон Шельмуфского» называет святым, а историю о крысе — «центром великолепной биографии странного немецкого полубога Шельмуфского»[3]. Позже в письме к Клеменсу Брентано он де-

[1] Рейтер 1972, 83.
[2] Brentano 1983, 447 – 479.
[3] Arnim 2004, 317.

лится планами на переиздание романа К. Рейтера, настаивая на включении в него иллюстраций.

Мечта о переиздании «Шельмуфского» у А. фон Арнима переросла в создание сборника новелл «Зимний сад» («Der Wintergarten», 1809) с подзаголовком «Новеллы Людвига Ахима фон Арнима». Книга содержит одиннадцать новелл с переработанными сюжетами из фольклора и народного литературного творчества. В сборник вошли истории о войне, чередующиеся с приключенческими путешествиями, шванками и анекдотами.

В новелле «Три круглых дурака (дурня)» («Die drei ärgsten Erznarren») один из главных героев — Шельмуфский.

Во время тридцатилетней войны богатый феодал решает построить замок, но умирает до окончания строительства. Феодал оставляет завещание своему младшему брату Флоренсу. Необходимым условием завещания является соблюдение всех тонкостей строительства замка, в том числе обустройства круглого зала с тремя дверьми, над которыми будут висеть три портрета великих дураков, но «никто не мог сказать определенно, какими именно были в огромной дурацкой школе мира эти три важных глупца»[4] Флоренс, взяв с собой попутчика, отправляется на поиски трех знаменитых глупцов. В одном из дворов Гамбурга происходит встреча с героем, «любезно» рассказавшим свою историю от рождения до сегодняшнего дня. Этот герой – конечно, Шельмуфский. В отличие от героя К. Рейтера, Шельмуфский А. фон Арним действительно объездил весь свет, он — истинный путешественник. А. фон Арним скопировал у К. Рейтера не только образ главного героя, но и основные мотивы произведения. При анализе новеллы А. фон Арнима мы опирались на элементы теории хронотопов М. Бахтина. Конечно, жанровая специфика текста новеллы А. фон Арнима (в отличие от романа «Шельмуфский») не допускает полного наложения бахтинской типологии, но наиболее значимые моменты (авантюрное время, специфическая логика случая, мотивы изгнания, встречи, мнимой смерти; появление неожиданного друга) вполне достаточны, на наш взгляд, чтобы именовать новеллу «плутовской», основывающейся на авантюрном хронотопе.

Кроме того, образ Шельмуфского А. фон Арнима можно отнести и к «дурацкой литературе». В литературе Средневековья и Возрождения фигуры дурака, шута и плута имели важное значение, именного такого рода фигурой является Шельмуфский, выступающий в роли рассказчика своих приключений. Особенность данной фигуры – ее чуждость миру – открывается с самой первой встречи читателя с героем: попутчик Флоренса обнаруживает Шельмуфского в лохмотьях, со шпагой на боку, лающим из собачей конуры.

«Сначала он подумал, что это был вор, но пришел хозяин с фонарем и объяснил ему, что это честный, но бедный глупец»[5].

Это положение «не от мира сего» подтверждается рассказом героя о своем необычном рождении (из-за крысы), юности и похождениях. А. фон Арним так же, как К. Рейтер, изображает рождение героя в аспекте шутовского цинизма и гротескной фантастики.

---

[4] Arnim 1981, 382.
[5] Ibid, 383.

«Когда большая крыса, которая прогрызла совсем новую шелковую одежду моей матери, никем от страха не была убита, так как неожиданно убежала в дыру, честная женщина впала из-за этой неприятности в такую болезненность и бессилие, что пролежала так двадцать четыре дня и не могла ни шевельнуться, ни повернуться. Я же, который тогда еще миру не разу не видел, был из-за чертовой крысы так глуп, что немедленно пробрался в мир на всех четырех. Когда же я на свет появился, то полных восемь дней лежал я под ногами моей госпожи матери в кроватной соломе, прежде чем однажды задумался, где я был»[6].

Младенчество Шельмуфского сходно с младенчеством Гаргантюа и Пантагрюэля, их взросление отмечено гротескным, гиперболизированным взрослением. Едва родившись, он жаждет познать как можно больше и разговаривает с «госпожой своей матушкой» на языке взрослых, а не бессвязным детским лепетом.

«Госпожа моя Мать, Вы не бойтесь, я не крыса, а Ваш любимый сын, я не виновен в том, что я так преждевременно прибыл в мир, крыса виновата»[7].

Как и К. Рейтер, А. фон Арним окружает своего героя стихией карнавала. И на этом карнавале жизни Шельмуфский — король дураков. За рассказы об этом удивительном рождении и раннем и затянувшимся отрочестве его сажают на единственный бархатный стул (метафора шутовского трона) на импровизированном балу, а при дворе Великого Могола ему отдаются королевские почести (двустами барабанщиками и девяносто девятью трубачами). Подобная трактовка образа – своего рода метафорическое карнавальное действие, изображающее царя и бога с одной стороны, дурака и шута — с другой. Отсюда вытекает и неприкосновенность шутовского слова, по древней немецкой пословице «истину говорят только дети и дураки», поэтому Шельмуфский и К. Рейтера, и А. фон Арнима постоянно ругается одними и теми же словами («O Sapperment», «der Tebel hol mer»). М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» характеризует иносказательность образа как разоблачение всякой конвенциальности, ложной условности во всех человеческих отношениях[8]. Ни одно из положений этого мира не может устроить подобного героя, он видит изнанку каждого и тут же ее обнародует, пользуясь правилами и привилегиями дурака. Герой А. фон Арнима, так же, как и герой плутовского романа, проходит через бытовую сферу частной жизни, но остается непричастен к ней: Шельмуфский лишь наблюдает, устремляясь своей «дорогой по большому миру».

Мотив дороги — определяющий мотив новеллы, обладающий широким кругом значений. По типологии М. Бахтина – это место случайных встреч. На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пути различных персонажей – представителей всех сословий, состояний и вероисповеданий: Флоренс и Шельмуфский, Шельмуфский и господин граф, Шельмуфский и два испанских дворянина, Шельмуфский и Великий Могол. В жизни они разделены социальной и пространственной реальностью, дорога сталкивает и переплетает их судьбы. Кроме того, у А. фон Арнима мотив дороги имеет двойной смысл. С одной стороны, это путешествие по миру в поисках дурака, а с другой — путешествие дурака в поисках мира. Дорога в новелле выступает как своеобразная метафора жизнен-

[6] Arnim 1981, 385.
[7] Ibid, 386.
[8] Бахтин 1975, 311–312.

ного пути. Герой, проходя свой жизненный путь, испытывает и взлеты, и падения. Из знатного вельможи при дворе Великого Могола герой превращается в нищего, живущего в собачей конуре и лающего за еду и «бархатную куртку», чтобы вновь отправиться к Великому Моголу. В новелле встречаются своеобразные метаморфозы: превращения богача в бродягу, бродяги в богача, дурака в святого. Последняя метаморфоза, на наш взгляд, — логическое завершение путешествий героев и их поиска «глупцов». Метафора конца произведения относится не только к Шельмуфскому, но и к Флоренсу и к его попутчику, именно их три портрета и должны украсить зал.

Несмотря на то, что А. фон Арним в своей новелле «Шельмуфский» строго следовал содержанию первой части романа К. Рейтера, в образе его Шельмуфского мы наблюдаем полное отсутствие доблести и чести, скорее — он вызывает у читателей сочувствие. Флоренс встречает Шельмуфского в собачей конуре, предоставленной ему трактирщиком, так как жившая там дворняга недавно издохла. Шармант, возлюбленная Шельмуфского, утонувшая в романе К. Рейтера, у А. фон Арнима здравствует и не желает знать бедного, оборванного «славного парня, в глазах которого светится что-то необыкновенное». Герой А. фон Арнима надеется, что все-таки кто-нибудь подарит ему приличную одежду, и это позволит ему вновь отправиться к Великому Моголу.

А. фон Арним осознавал, что истинные ценители Шельмуфского не поймут его героя. По этому поводу он пишет К. Брентано:

«Дорогой Клеменс, ты получил мой сборник «Зимний сад», должно быть ты осудишь меня за столь неприглядное истолкование образа Шельмуфского, но он особенно кажется мне правдивым на фоне разрухи после Тридцатилетней войны. Истинные почитатели Шельмуфского проклянут меня и мою память»[9].

Но, вопреки авторскому ожиданию, критики к его новелле «Шельмуфский» оказались крайне благосклонны. Высокую оценку сборнику дали И. Ф. Гете и В. Гримм.

К концу 1809 г. А. фон Арним и К. Брентано, связанные тесной дружбой, переезжают в Берлин. Берлинский период творчества стал наиболее плодотворным для обоих романтиков. А. фон Арним преуспевает в своей поэтической и прозаической деятельности, а К. Брентано пишет сатиру на филистерство «Филистер в прошлом, настоящем и будущем» (1809). В ней писатель выделяет шестнадцать тезисов, по которым можно определить истинного обывателя. Одним из тезисов по которому можно узнать настоящего филистера — непонимание им романа «Шельмуфский»: «Имеется еще одна проблема у настоящего филистера в том, что он не может понять «синьора фон Шельмуфского». Вместо того, что бы, читая текст «путешествия на воде и суше», наслаждаться романтическим миром Шельмуфского, он пытается обличить героя в непристойной лжи. Узколобый обыватель просто не может понять, что такое «свобода духа»[10].

Таким образом, влияние романа К. Рейтера «Шельмуфский» на творчество немецких романтиков неоспоримо. Благодаря гейдельбергским романтикам книга К. Рейтера не только сохранилась до наших дней (текст романа был адаптирован к немецкому языку XIX в. и переиздан братьями Гримм), но и обрела новый идей-

[9] Arnim 2004, 311.
[10] Brentano 1983, 118.

ный смысл. К. Брентано и А. фон Арним активно использовали это произведение в своем художественном творчестве. Они смогли интерпретировать образ Шельмуфского и придать ему оригинальность. А. фон Арним в новелле «Зимний сад», опираясь на сюжет романа К. Рейтера, придал известному образу новое толкование. К. Брентано, намереваясь использовать образ заносчивого лгуна в своих произведениях, романтизировал его. Если герой К. Рейтера – это прежде всего сатира на немецкое общество конца XVII столетия, то Шельмуфский гейдельбержцев — романтический герой, непонятый обывателями. «Фон Шельмуфский» для романтиков — не лгун, а мечтатель, подобно романтическому герою, придумавший себе ирреальный мир, где есть место подвигам, «галантности» и «свободе духа».

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. 1975: Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. (Вопросы литературы и эстетики). М.

Arnim L.A. von. 2004: Briefwechsel 1802–1804. Tübingen.

Arnim L.A. von. 1981: Die Erzählungen und Romane. Berlin.

Brentano C. 1983: Gesammelte Schriften. Tübingen.

THE IMPACT OF CH. REUTER'S NOVEL "SCHELMUFFSKY" UPON ROMANTICISM IN GERMAN LITERATURE

S. V. Guseva

Ch. Reuter's Novel "Schelmuffsky" had a great impact on German literature, especially on creative work of Heidelberg romanticists who analyzed the main character of Ch. Reuter's novel from the viewpoint of romantic theory setting Schelmuffsky against Philistinism. The Grimm brothers promoted republication of the modernized novel. Ch. Brentano used some of the features of Reuter's novel in his work, namely, style peculiarities, characters' disposition, etc. A lot of the credit for modernizing and romanticizing the image of Schelmuffsky must go to Von Arnim who opposes his Schelmuffsky to that of Reuter's, thus revealing the romantic nature of his hero against the background of social reality of the early 19th century.

Key words: German literature, Romanticism, picaresque novel.

© 2010

М. Б. Феклин

Д. Г. ЛОУРЕНС И ЛИТЕРАТУРА СТРАНЫ РАНАНИМ

Статья посвящена рассмотрению противоречивого отношения английского писателя Д. Г. Лоуренса к русской классической литературе, которое колебалось от подражания, использования повествовательных моделей, прежде всего Тургенева, до резкой критики и открытого неприятия. Вместе с тем воздействие русских классиков на Лоуренса было несомненно чрезвычайно мощным, особенно в период формирования его самобытной писательской манеры.

Ключевые слова: литературоведение, Д. Г. Лоуренс.

На рубеже XIX–XX веков знания о России доходили до англичан особенно быстро через русских, постоянно живших прежде всего в Лондоне. Это были и политические иммигранты, такие как Сергей и Фанни Степняк, Феликс Волховский, а также все те, кто подолгу гостили в доме, называвшемся «Грэйсис-коттедж» (для посвященных «уголок Достоевского»), неподалеку от дома Гарнеттов — «Сеарн», например, Кропоткин и близкий друг Лоуренса С. С. Котельянский. К тому времени присутствие русских в странах Западной Европы стало явлением довольно обычным, хотя и в эпоху Тургенева пребывание русских эмигрантов и писателей в Англии не было в диковинку. Примечательно, что подчас одни и те же русские люди связывали несколько поколений английских писателей, переводчиков, критиков и поэтов.

Так, Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) выступила инициатором издания в России сначала отдельных произведений Джорджа Мередита (1828–1909), а потом и полного собрания сочинений, работу на которым прервало лишь начало Первой мировой войны. Она же страстно пропагандировала издание в России стихов Теннисона и Браунинга. В июне 1893 года Констанс Гарнетт знакомит Венгерову с Джорджем Мередитом, роман которого «Эгоист» (1879) Венгерова переводила в это время на русский язык, и договаривается с ней об организации первого визита а Россию, с целью не только лучше узнать страну, но и передать собранные в Англии средства в помощь жертвам очередного неурожая (а также и целому ряду подпольных кружков), не побоявшись оставить своего годовалого сына Дэвида («Банни») на попечении родственников. («Мама уехала в Русс» — ‘Mum gone Russ’). Все это происходило на вечере в честь Короленко, также находившегося в Англии в этом году.

Некоторые «русские» иммигранты становятся не только личными друзьями отдельных английских писателей, но и неотъемлемой частью целых литературных групп, таких как Блумсбери. К последним, очевидно, необходимо отнести Самуила (Сэмюэла) Соломоновича Котельянского (1880–1955). Даже имя этого человека было непроизносимо для его английских друзей, поэтому с самого начала дружбы с Лоуренсом он получил прозвище «Кот». Котельянский родился в небольшом городке Острополь на Украине в обеспеченной еврейской семье. Леонард Вульф в статье-некрологе в the *New Statesman and Nation* от 5 февраля 1955 года приводит несколько иные данные. Например, он утверждает, что Котельян-

ский родился не в 1880, а в 1882 году. Он приезжает в Англию 7 июля 1911 года, и об этом первом периоде его пребывания в Англии известно очень мало. Однако после встречи с Лоуренсом жизнь его круто изменяется.

В круг друзей и знакомых Котельянского входят помимо Лоуренса Леонард и Вирджиния Вульф, Кэтрин Мэнсфилд, Д. М. Марри, Т. С. Элиот, Э. М. Форстер, Дж.Б. Шоу, леди Оттолин Моррелл, Литтон Стрэчи и многие другие представители мира литературы и искусства. Пожалуй, наиболее неожиданное развитие получило его знакомство с Джесси Чемберс, которая сыграла столь значительную роль в литературной карьере Лоуренса.

Следует подчеркнуть, что Котельянский играл вполне самостоятельную роль в своих отношениях с членами группы Блумсбери. Он позволял себе дерзкие выходки по отношению к Т. С. Элиоту, откровенно преклонялся перед Кэтрин Мэнсфилд, уже после смерти Лоуренса он оказался одним из немногих друзей Оттолин Моррелл после ее переезда из поместья Гарсингтон, которое на какое-то время стало для него и Лоуренса воплощением идеальной страны Рананим.

Он с огромной любовью относился к своей второй родине — Англии («Кот» получил английское гражданство в 1929 году), однако не порывал отношений и с родственниками, оставшимися на Украине, а также переселившимися в Канаду.

Котельянский знакомится с Лоуренсом в 1914 году, когда «Кот» еще служил в довольно странном учреждении, которое высокопарно именовалось Русским юридическим бюро. До сих пор неясно, чем же собственно занималась эта организация. В том же году они отправляются в пеший поход по Озерному краю на северо-западе Англии, который положил начало их дружбе и навсегда остался в памяти Лоуренса, хотя сам Котельянский не выдержал спартанских условий переходов и оставил своих попутчиков еще до завершения экспедиции.

Следует отдать должное Котельянскому, поскольку они познакомились с Лоуренсом накануне Первой мировой войны, в тот период, когда Лоуренс переживал большие трудности как писатель, страдал от хронического безденежья, подвергался преследованиям за свои убеждения и взгляды на искусство. На протяжении всего этого периода он особенно нуждался в дружбе и поддержке Котельянского.

Выразительная внешность — густая шапка темных волос, горящий взгляд, сильный голос, склонность к эпатажу — производила должное впечатление на блумсберитов. Однако еще важнее то, что появление Котельянского позволило целой группе английских писателей и литературных критиков глубже понять творчество крупнейших русских писателей и философов.

В 1920-х годах Котельянский вместе со своими английскими друзьями переводит целый ряд произведений крупнейших русских писателей. Среди них переводы рассказов Бунина (в соавторстве с Лоуренсом и Леонардом Вульфом, 1922), рассказов и писем Чехова (в соавторстве с Гилбертом Кэннаном и Леонардом Вульфом, 1917–1925). Котельянский также переводит фрагменты из произведений Достоевского и его переписку самостоятельно и в соавторстве с Вирджинией Вульф. Переводы воспоминаний Толстого, Чехова и Леонида Андреева выходят благодаря сотрудничеству и в соавторстве с Кэтрин Мэнсфилд и Леонардом Вульфом. И, наконец, переводы на английский работ Льва Шестова появляются благодаря активнейшему участию Лоуренса.

Вместе с тем все вышеперечисленное является лишь частью переводческой деятельности Котельянского. Благодаря критическим статьям Лоуренса, прежде всего в журнале the *Adelphi,* переводы Котельянского получают широкую известность.

Переписка Лоуренса с Котельянским свидетельствует о том огромном интересе, с которым Лоуренс относился к русскому языку, литературе и культуре в целом. Письма Лоуренса Котельянскому полны вопросов о положении в России, которая некоторое время казалась обоим страной Рананим, где можно порвать с пошлостью современного мира, «сжечь корабли», как говорил Лоуренс, и начать строить новую идеальную жизнь.

Как следует из писем, особенно относящихся к 1922–1923 годам, Лоуренс редактировал не только совместные с Котельянским переводы, но и переводы Котельянского и Кэтрин Мэнсфилд (воспоминания Горького о Леониде Андрееве). При этом он относился к тексту очень бережно, делая английский язык Котельянского более идиоматичным, однако старался не нарушать стиля повествования.

В переписке с Котельянским и другими корреспондентами Лоуренс предстает, конечно же, не только как переводчик, но и как самобытный писатель, наделенный своим видением уровня современной повествовательной техники. Так, в переписке с Хеффером (Ф. М. Фордом) по поводу своего второго романа «Нарушители» (*Trespassers*) он решительно отвергает подходы Хеффера к манере повествования в современном романе. Хеффер пытается убедить Лоуренса, что повествование в прозе должно быть обезличенным (impersonal), как в романах Тургенева и Флобера, однако уже тогда, в 1910 году, Лоуренс решительно отвергает такой подход.

Очевидно, именно различие в подходах определяет отношение Лоуренса к Тургеневу и его творчеству. Вскоре после знакомства с Хеффером Лоуренс знакомится с Гарнеттами. Уже в 1911 году Лоуренс становится частым гостем в доме Гарнеттов «Сеарн». Эдвард Гарнетт, как и в случае с Конрадом, не упускает момента, чтобы направить развитие молодого писателя в «нужное» русло. Лоуренс получает сразу несколько романов Тургенева в переводе Констанс Гарнетт, однако через некоторое время в письме Гарнетту откровенно признается в том, что прочитанный им перевод повести «Вешние воды» оставил его равнодушным, правда тут же для вежливости оговаривается, что очевидно он прочитал его невнимательно и в спешке.

Интересно, что Лоуренс практически одновременно выдерживает давление сразу двух самых маститых литературных критиков. Причины такого упорства начинающего автора становятся ясными несколько позднее.

В июне 1914 года Лоуренс пишет пространное письмо Эдварду Гарнетту, где уже подробно говорит о своих разногласиях с ним и, по сути, утверждает, что подходы к созданию характера не только Тургеневым, который упоминается им в первую очередь, но и Толстым, а также Достоевским кажутся ему устаревшими. По его мнению, эти русские писатели, но очевидно не только они, видели в характере отражение некоей более или менее последовательной системы нравственных ценностей. Против создания подобной системы и выступает Лоуренс.

С годами критическое настроение Лоуренса по отношению к триаде классических русских писателей только усиливается. Так, 27 ноябре 1916 года в пись-

ме Кэтрин Карсуэлл он снова комментирует свое отношение к Тургеневу после прочтения «Записок охотника»: «Нет, я решительно не люблю Тургенева: его тон кажется мне слишком критическим, как и у Кэтрин Мэнсфилд (!), а еще он похож на нечто вроде старой девы в брюках. Меня поражает, что мы так преклоняемся и боготворим этих иностранцев. Их искусство, на самом деле, так неуклюже и неестественно по сравнению с нашим.» (здесь и далее перевод мой — М. Б. Ф.). И буквально через месяц в письме тому же адресату Лоуренс продолжает свои размышления относительно русских писателей: «О, не думай, что мне хотелось бы преуменьшить роль русских. Они имели для меня огромное значение. Тургенев, Толстой, Достоевский значили для меня наверное больше, чем кто-либо, я считал их величайшими писателями всех времен. А теперь, совершенно неожиданно, я нахожу в их произведениях какую-то прямолинейность и подавляющую, варварскую, тупую грубость. Я уверен, что наша литература гораздо прекраснее, чище и выше».

В переписке позднего периода своей жизни Лоуренс возвращается к творчеству Тургенева всего лишь один раз, однако это упоминание весьма красноречиво, оно свидетельствует о том, что русский писатель и его творчество никогда не исчезали из поля зрения Лоуренса. Вот и на этот раз, оказавшись в Баден-Бадене в июле 1929 года, он констатирует: «Сам Баден остается все таким же, каким был в 1850 году, со всей романтикой, печалью и резкими переходами от нее, свойственными скорее Тургеневу, чем Достоевскому».

Интересно, что это написано много лет спустя после того, как в письме Котельянскому от 15 февраля 1916 года Лоуренс отмечает: «Он [Достоевский] потерял свою власть надо мной: «Бесы» показались мне довольно скучными. Дьявол не настолько овладел душами героев, чтобы они стали по-настоящему интересными. Ставрогин — зануда, только однажды он пробудил интерес, когда укусил старика за ухо. Я думаю, что «Идиот» гораздо лучше «Бесов», да и «Карамазовых». Достоевский нравился бы мне гораздо больше, если бы он не видел во всех людях падших ангелов. Это скучная затея. Люди либо хотят быть садистами, либо нет. Если они этого хотят, что ж прекрасно. Однако нет нужды везде видеть историю грехопадения, чтобы оправдать нас в своих собственных глазах».

Приведенные выше цитаты из переписки Лоуренса весьма показательны. Во-первых, конечно же, они являются отражением одного из качеств страстной натуры Лоуренса, когда увлечение, а впервые Лоуренс познакомился с романами Достоевского в 1913 году, творчеством какого-либо писателя сменялось разочарованием, подчас таким же ярко выраженным, как и увлечение. В том что касается Достоевского, то Лоуренс вместе с Котельянским с огромным энтузиазмом переводят фрагменты из отдельных произведений и письма писателя, однако в какой-то момент признаются друг другу, что больше не могут перечитывать Достоевского, более того, оказывается, он вызывает все больше и больше раздражения, пока наконец в феврале 1930 года в письме Котельянскому Лоуренс не находит ответа на волнующий обоих вопрос: Достоевского вызывает у него депрессию потому, что, к сожалению, русский писатель слишком точно изображает правду жизни.

Отношение к Тургеневу не отличается такой сложностью и противоречивостью, хотя и он попадает в группу писателей-иностранцев, оценка творчества которых, как казалось Лоуренсу, была слишком завышенной после знакомства ан-

глийского читателя с ними. Обычно он ставит их в один ряд: Тургенев, Толстой, Достоевский. Но именно картины жизни в Баден-Бадене, которые принадлежат перу Тургенева и которых так много в повести «Дым» оказываются более точными и более полно передают всю атмосферу этого курортного города. Кроме этого, впечатление Лоуренса от Баден-Бадена, не изменившего свой облик по сути дела с 1850 года, включает зарифмованную с помощью аллитерации фразу (pathos and bathos), которая как нельзя лучше отражает важнейший элемент настроения романов Тургенева, их грустную атмосферу и излюбленный стилистический прием писателя, с помощью которого он каждый раз снимает напряжение в той или иной сцене и который позволяет выразить критическое настроение автора к происходящему. Лоуренс и сам неоднократно использовал этот прием, но особо показательно то, что этот прием становится обязательной приметой повествования там в произведениях Лоуренса, где слышатся тургеневские мотивы или делаются прямые ссылки на романы Тургенева.

Как отражение все большего знакомства с русскими людьми в повседневной жизни русские персонажи начинают все чаще встречаться в произведениях английских писателей. Пожалуй, самым символичным можно считать образ русского в новелле Джозефа Конрада «Сердце тьмы» (*Heart of Darkness*, 1902), хотя русская тема займет еще гораздо больше места в романах «Секретный агент» (*The Secret Agent*, 1907) и «На Взгляд Запада» (*Under Western Eyes*, 1911). Этот персонаж отличается особой живописностью, в которой прочитывается представление Конрада о русском национальном характере. Важно, что это единственный европеец, поддерживавший контакты с Куртцем в глубине джунглей Конго. При первой встрече он долго здоровается с Марлоу за руку, бормочет что-то нечленораздельное о том, как его, сына тамбовского архиерея, судьба забросила в те края, как он сначала поссорился со своим отцом и записался в матросы на русском, а потом и английском судне, помирился с отцом-архиереем, но уже не смог вернуться домой. Его внешний вид поразил Марлоу, от лица которого ведется повествование: «Разноцветные одежды делали его похожим на сбежавшего из труппы бродячих актеров клоуна-мима, само существование его казалось необъяснимым, непонятно было, как он задержался в тех краях, не растворился и не исчез...» Его искрящаяся молодость оказалась в оправе разноцветных лохмотьев, его нищета, одиночество, бесцельное бродяжничество на протяжении месяцев и целых лет сделали его жизнь мелкой разменной монетой. И тем не менее Марлоу взирает на него с некоторым восхищением, похожим на зависть. Рассказчик Конрада приходит к выводу, что русским движет радостное ощущение бытия, ощущение, которое позволило ему выжить и остаться невредимым. Он жаждал двигаться вперед несмотря на лишения, даже наоборот, он стремился вперед, перенося как можно больше лишений, подгоняемый не способным на расчетливость духом. Представления Конрада о русском характере находят в этом персонаже зримое выражение. Пожалуй, наиболее важной их чертой становится противоречивость и кажущаяся на первый взгляд несовместимость многих деталей в сочетании с молодым задором.

Изображение русских людей в произведениях Конрада является отражением отношения писателя к России в целом. Так, в эссе «Автократия и война» (*Autocracy and War*) Конрад называет Россию «зияющей бездной, разделяющей

Запад и Восток», «бездонной пропастью, поглощающей любую надежду на милосердие, любое стремление сохранить личное достоинство», когда все русские являются одновременно и угнетателями и угнетенными. Среди его русских персонажей не только «арлекины», но и мрачные интриганы, как господин Владимир из романа «Секретный агент». Наиболее полно этот антагонизм появился в романе «На взгляд Запада».

Однако такой образ русского человека был характерен далеко не для всех писателей рубежа XIX–XX веков. В романах Д. Г. Лоуренса немало русских персонажей, но они предстают совершенно в другом свете — это в основном уравновешенные завсегдатаи дорогих ресторанов, люди без определенных занятий и приживалы, сохраняющие трезвость ума среди подгулявшей компании. Таков некий Максим в романе Лоуренса «Влюбленные женщины» (гл. 6). Героиня романа Гудрун мечтает о поездке в Петербург, где у нее есть подруга, находящаяся на иждивении состоятельного любителя брильянтовых украшений. Ее прельщает неприкаянность и эмоциональность жизни в России (гл. 17).

Помимо возможности личного знакомства с русскими, постоянно живущими в Англии (Д. Г. Лоуренс, как известно, не только дружил, а иногда и писал в соавторстве с С. С. Котельянским), поездок в Россию, существовал еще один важный источник — это книги об истории и культуре России, появлявшиеся в Англии в тот период. И все же в начале XX века хороших книг о России на английском языке было меньше, чем, например, книг об Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

Conrad J. 1988: Heart of Darkness. A Norton Critical Edition. New York.

Lawrence D. H. 1963: Women in Love. London.

Lawrence D. H. 1979: The Letters of D. H. Lawrence (ed. J. T. Boulton), 7 Vol. Cambridge.

Zytaruk G. J. 1970: The Quest for Rananin: D. H. Lawrence's Letters to S. S. Koteliansky 1914–1930. Montreal and London.

D. H. LAWRENCE AND THE LITERATURE OF THE IMAGINARY RANANIM

M. B. Feklin

The article is devoted to the study of the controversial attitude of the English author D.H. Lawrence to Russian classical literature, which involved imitation, the use of narrative models, in the first place those of Turgenev, sharp criticism and outright rejection. At the same time the impact of Russian classical authors on Lawrence was beyond any doubt powerful, especially at the time when his original narrative style was shaped..

Key words: literary study, D.H. Lawrence.

ЛИНГВИСТИКА

© 2010

Д. В. Андрианова

СТУРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ ПАРНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические типы устойчивых парных сочетаний чешского языка. Особое внимание уделяется исследованию специфики взаимоотношений компонентов внутри таких выражений. Отдельные синтаксические модели устойчивых парных сочетаний анализируются с точки зрения их соотнесенности с общим значением выражений, а также со значением компонентов.

Ключевые слова: чешский язык, парные сочетания, структурно-семантическая классификация.

Задачей структурно-семантической классификации устойчивых парных сочетаний в чешском языке в рамках данного исследования является выявление синтаксических моделей, т. е. своеобразного каркаса, по которому образуется ряд подобных выражений[1], и установление их взаимосвязей с семантикой этих выражений.

В рамках исследования из фразеологических словарей чешского языка было отобрано около 500 устойчивых парный сочетаний. По своей структуре они распадаются на 3 большие группы: предложные конструкции, союзные конструкции и конструкции с неэксплицированным способом связи.

Таблица

Тип конструкции		Примеры
Предложные конструкции	с одним предлогом (15 %)	• chlap proti chlapovi • vařit hrnek v hrnku
	с двумя предлогами (15 %)	• posílat koho od čerta k ďáblovi • dostat se s lavice pod lavici
Союзные конструкции	с сочинительным союзом (35 %)	• snadno a rychle • je to (kde je) svrab a neštovice • jak se sluší a patří
	с разделительным союзом (9 %)	• nebýt ani slaný ani mastný • ani vrkl, ani cvrkl
	с противит. союзом (3 %)	• padni (praskni) oko nebo zub • malý, ale sporý

[1] Мокиенко 1989, 51.

Окончание табл.

Тип конструкции		Примеры
Конструкции с неэксплицированным способом связи	сочетание падежных форм (5 %)	• konec konců • látat díru dírou
	Тавтологичные (6 %)	• mocnou mocí něco chtít • chtě nechtě
	с повтором-отзвучием (12 %)	• čáry máry • haky paky

Следует отметить, что предложенная классификация в известной мере условна, поскольку принимает в расчет только синхронический срез языка, тем не менее, выделение наиболее характерных синтаксических моделей и семантический анализ единиц, образованных по этим моделям, позволит приблизиться к пониманию природы устойчивых парных сочетаний.

Устойчивые парные сочетания с двойным предлогом используются для характеристики:

1 длительности и завершенности какого-либо процесса: *(pracovat) od nevidím do nevidím, od kolébky až do hrobu, od a do z (ž)* и др. В данном случае парными компонентами являются слова с антонимичными значениями, обозначающими начало и конец, или одно слово, повторение которого в данном случае означает цикличность, длительность процесса;

2 бедственного материального положения человека, низкого социального статуса — *hospodařit z krávy na kozu, z chlebíčka přecházet na slanečko, žíti ode dneška do zítřka* и т. д. Устойчивые парные сочетания, образованные по этой модели, демонстрируют динамику трансформации, причем всегда отрицательную;

3 межличностных контактов, товарно-денежного оборота, хождения по инстанциям — *(dát) z ručky do ručky, jít z ruky do ruky, chodit/lítat, posílat koho od čerta k ďáblovi, říci z oka do oka* и др. Интересно, что компонентами устойчивых парных сочетаний со значением канцелярской волокиты являются имена собственные, чаще всего имена библейских персонажей — *chodit (běhat) od Pontia k Pilátovi, posílat od Herodesa (Heroda) k Pilátovi (a od Piláta k Herodesovi (Herodovi), běhat od Havla k Pavlovi (a od Vacka k Mackovi), chodit (posílat) od Annáše ke Kaifášovi* и т. д.

Наиболее характерным значением устойчивых парных сочетаний с одним предлогом является ‘тщательность, последовательность какого-либо процесса’: *cihla po cihle, kámen ke kameni, kapka po kapce, kousek po kousku, krok za krokem, píď po pídi*.

Анализируя устойчивые парные сочетания с сочинительным союзами, целесообразно рассмотреть взаимоотношения компонентов в таких устойчивых парных сочетаний. Так, наиболее частотны выражения, в которых компоненты не являются ни языковыми синонимами, ни антонимами, а представляют собой ряд тематически однородных членов, связанных соединительной связью: *píti (lokat) čí pot a krev, být s někým samý med a mandle, hotov pěšky i na koni, schovej nebozízky a vrtačky.*

Антонимы являются компонентами устойчивых парных сочетаний значи-

тельно реже, но в семантическом плане они составляют компактную группу, которая четко распадается надвое:

● первые демонстрируют несопоставимость, невозможность объединить два явления, факта, понятия *den a noc, jsou (na sebe) jako oheň a voda, čas mlčenie a čas mluvenie, mít svůj rub a lic, strom poznání dobra a zla;*

● вторые, наоборот, через объединение буквально противоположных сущностей выражают их общность *dnem a/i nocí, být jedno tělo a jedna duše, slibovat hory (a) doly, starý (i) mladý, poznat líc a rub, symové (a dcery) země.*

Интересной для исследования в диахроническом плане представляется немногочисленная группа устойчивых парных сочетаний с сочинительной союзной связью, компоненты которых являются синонимами: *děs a hrůza, bída a nouze, mocí a sílou, slazší nad med a stred, s čertem a ďáblem, padnou na poli cti a slávy, je to člověk bez studu a bez cti* и т. д. Представляется вероятным, что не всегда эти языковые единицы, воспринимаемые в настоящее время как полные синонимы, были так близки друг к другу. Возможно, семантические противоречия (или более ощутимые различия) в этой группе исчезли с течением времени, изменением культуры, и различия между чертом и дьяволом, честью и славой перестали быть принципиальными.

Устойчивые парные сочетания с разделительным союзом немногочисленны и малопродуктивны в чешском языке, однако семантический анализ этих выражений показывает, что, как и в предыдущей группе, для этих выражений возможны два варианта слитности значения:

1 противопоставленность значений компонентов переходит на значение целого устойчивого парного сочетания — *teď nebo /anebo nikdy, být či nebýt (toť otázka);*

2 в значении целого выражения противопоставленность его компонентов преодолевается: — *dříve či později, padni (praskni) oko nebo zub, čert nebo ďábel.*

Семантически устойчивые парные сочетания с разделительным союзом распадаются на 2 группы:

1 выражения, характеризующие полное отсутствие кого- или чего-либо — *ani slechu ani dechu po kom, neříci ani vrk ani mrk, neříci čerta ani ďábla/ čerta ďábla, nevědět něčemu ani nohy ani rohy* и т. д.;

2 выражения, характеризующие отсутствие какой-либо характерной черты, определенности в описываемом предмете, состоянии или лице — *není ryba ani rak, nebýt ani slaný ani mastný, nebýt ani takový ani makový, nebýt (ani) hot ani čehý* и т. д.

Причем в первом случае компонентами устойчивых парных сочетаний являются синонимы (в том числе контекстуальные), а во втором — антонимы (в том числе контекстуальные).

Наиболее характерными моделями устойчивых парных сочетаний с неэксплицированным видом связи являются конструкции со следующими вариантами удвоения корня:

● А + неА со значением ‘во что бы то ни было, чего бы это ни стоило, так или иначе‘ — *chtě nechtě, volky nevolky, chodit cestou necestou, pán nepán, hlava nehlava (bít, bušit, mlátit, řezat, tlouci/běžet, jet)* и т. д.

● существительное + определяющее его прилагательное — *тоспои тоcí něco chtít, div divoucí/dive divoucí, hrůza hruzoucí, pravda pravdoucí* и т. д.

Основные тематические области, которые наиболее часто эксплуатируются компонентами устойчивых парных сочетаний для характеристики действий, объектов, явлений, людей, это:

1 соматизмы — *(dostat) pro hubu na hubu, hlava na hlavě, utíkat, co noha nohu chytne, jít rukr v ruce s kým;*

2 черт, бог и др. — *bez boha a bez prava, drží Pána Boha za nohy a čerta za rohy, jsou čert jako ďábel;*

3 снедь: — *vařit měkké s tvrdým, být s někým samý med a mandle, být samý curk a med, býti krév a mléko/ krev a kroupy;*

4 растения, плоды — *hledí do řepy a vidí mrkve, já o slivách, on o hlivách, oá o slivách, ty o blumách;*

5 животные — *hospodařit z krávy na kozu, sak na ryby, koš na raky, já o koze on o voze;*

6 деньги — *přijít z kopy na groš, až bude za čtyrák pětník, hospodařit z kopy na groš, mít svůj rub a lic* и т. д.

Подводя итог структурно-семантическому анализу устойчивых парных сочетаний, можно отметить, что обычно в чешском языке одна синтаксическая модель обслуживает более одного значения и, наоборот, одно и то же значение может быть выражено разными моделями. В таких случаях особенно важен тип взаимоотношений внутри пары компонентов, а именно: являются ли они контекстуальными синонимами или антонимами. Из представленных результатов структурно-семантической классификации чешских устойчивых парных сочетаний логичным представляется заключение о степени слитности компонентов в таких выражениях. Анализ синтаксических моделей и их соотношения с семантикой компонентов и общим значением выражений показывает, что чаще всего встречаются следующие типы взаимосвязи семантики компонентов и общего значения устойчивого парного сочетания:

1 общее значение складывается из противопоставленности компонентов;

2 общее значение характеризует процессульный или качественный переход семантики от одного компонента к другому;

3 общее значение интенсифицирует значение одного из компонентов путем его фактического удвоения или дублирования его значения;

4 общее значение, преодолевая синтаксические и семантические противоречия, выходит на новый уровень обобщенности, объединяя и нивелируя противоположности.

ЛИТЕРАТУРА

Мокиенко В. М. 1989: Славянская фразеология. М.
Čermák F. et al. 1983–1994: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Praha.
Mokienko V., Wurm A. 2002: Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc.
Stepanova L. 1998: Historie a etymologie českých rčení. Praha.
Zaorálek J. 2000: Lidová rčení. Praha.

STRUCTURAL AND SEMANTIC CLASSIFICATION OF CZECH BINARY SET PHRASES

D. B. Andrianova

The article considers structural and semantic types of Czech binary set phrases with particular emphasis on specific correlation between components of such phrases. Some syntactic models of binary set phrases are analyzed from the viewpoint of relationship between the general meaning of a phrase and that of its components.

Key words: the Czech language, binary phrases, structural and semantic classification.

© 2010

А. А. Гулякова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ И СИНОНИМИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (РУССКИЕ И ШВЕДСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «ГОЛОВА»)

Как в живой речи, так и в языке художественной литературы фразеологические единицы (ФЕ) нередко подвергаются варьированию. Наиболее типичной для фразеологической системы является лексическая вариантность. Основной критерий вариантности — тождество образа и относительное тождество ФЕ. Вопрос об идентификации ФЕ как вариантной или синонимичной остается одним из самых сложных, так как граница между синонимичностью и тематической однородностью компонентов ФЕ не всегда является определенной. Такой идентификации способствует как детальный лингвистический анализ ФЕ одного языка, так и межъязыковое сопоставление. Как в русском, так и в шведском языках выделяются три основные группы, включающие в себя варианты и синонимы ФЕ, выступающих в своем прямом анатомическом значении (прямая номинация); ФЕ, где соматизмы выражены метонимически; ФЕ, где соматизмы охарактеризованы при помощи метафоры. В обоих языках последняя группа является самой многочисленной. Совпадение признаков, на основании которых осуществляется метафорический перенос (материал, форма, функция, местонахождение), свидетельствует об универсальности семантических моделей образования фразеологии этого ряда.

Ключевые слова: фразеологизм, синомия, лексическая вариантность.

Обычно считается, что фразеологизмы — это устойчивые, «законсервированные» словосочетания, что отражается практически во всех определениях. Но уже давно фразеологи заметили, что эта устойчивость относительна. В чем же проявляется неустойчивость, или, точнее, динамизм ФЕ? В вариантности. Как в живой речи, так и в языке художественной литературы, и в диалектических употреблениях ФЕ нередко подвергаются варьированию. Каковы же типы варьирования

и противоречат ли они понятию фразеологической устойчивости? Как считает В. М. Мокиенко, «мобильность, неустойчивость лексических параметров фразеологизмов обеспечивает их динамизм, готовность к постоянному обновлению, повышает экспрессивность, столь важную для их функционирования»[1].

Традиционно различают фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические варианты. Почти все виды этих вариантов можно найти и в соматической фразеологии, например: *котел (котелок) не варит* — словообразовательный вариант, *копыл копылом — как копыл* — морфологический, *голова у кого как (что, с) пивной котел* — синтаксический, *башку (бóшку) оторвать кому* — фонетический и т. п. (здесь и далее все примеры из БСРП и БСРНС).

Из всех вариантов, как считают исследователи, наиболее динамичной и специфической для фразеологической системы является лексическая вариантность. Несмотря на некоторое различие в определениях, главная особенность лексических вариантов, по общему мнению, состоит в тождестве образа ФЕ и относительном тождестве структуры. Самостоятельными же, хотя и синонимичными оборотами следует считать те, которые основаны на метафорах разного порядка. Так, ФЕ *соломенная голова* и *мякинная голова* можно рассматривать как варианты, так как *солома* и *мякина* — денотаты, принадлежащие к одному смысловому ряду: это наполнители, причем из сходного материала. Между тем фразеологизм *пустая голова* по отношению к ним является, безусловно, самостоятельным (другое основание для метафоризации: отсутствие наполненности, а не материал для наполнения).

Несмотря на довольно четкое определение, вопрос о том, где вариант, а где два разных фразеологизма, остается одним из самых сложных вопросов в этой сфере потому, что граница между синонимичностью и тематической однородностью компонентов ФЕ не всегда является определенной.

При анализе ФЕ мы уже сталкивались с данной ситуацией[2]. В настоящей работе рассмотрим эту проблему детальнее на конкретном материале.

Среди одноструктурных ФЕ, близких по смыслу, можно выделить две основные группы:

1. ФЕ, в которых варьируется стержневой компонент. В качестве вариантных замен здесь чаще всего выступают слова *голова — башка — котелок*, например: *голова (башка, котелок) варит/не варит у кого*, хотя возможны и другие варианты, например: *коробка варит/не варит у кого, калган варит/не варит у кого, башня не варит у кого* и даже *Максим не варит (не работает) у кого* (о глупом, несообразительном человеке). Разумеется, эти варианты различаются как по стилистической окрашенности, так и по сфере и частотности их употребления.

2. ФЕ, в которых заменяется один из нестержневых компонентов, например: *бежать (нестись, мчаться) сломя (очертя) голову; соломенная (мякинная) голова; глупая (дурья) голова; голова как пустой (дырявый) горшок; глупый (серый, тупой) как сибирский валенок; чердак потек (протек, течет, поехал, сдвинулся) у кого; крыша едет (поехала) у кого* и т. п.

---

[1] Мокиенко 1989, 48.
[2] Гулякова 2010.

Нас интересует, насколько далеко простирается вариативность стержневого компонента? Если подключить весь материал, включая жаргонный и диалектический, окажется, что диапазон замен компонента «голова» в русском языке достаточно широк. В качестве замен стержневого компонента могут выступать такие слова, как *башня, бревно, горшок, коробка, котел, кулёк, ступа, сундук, чайник, чемодан, чурка, чурбан* и т. п., например: *пустая голова — пустой горшок — пустой чемодан, чурка с глазами — чурбан с глазами — бревно с ушами, калган с букашками — кулек с огрызками — сундук с клопами, башню снесло — чайник сломали* и т. п. Однако ко всему этому разнообразию компонентов-заменителей надо подходить дифференцированно, так как часть из них в соединении с конкретной фразеологической моделью образует варианты, а разные модели становятся источниками синонимов.

Вариативность ФЕ с компонентами *голова — башка — котел (котелок)* очевидна. Но рассматривать ли как варианты ФЕ с такими стержневыми компонентами, как *копыл* и *колчан* (например, *голова как копыл* и *голова как колчан* — о глупом, бестолковом человеке)? *Копыл* и *колчан* — это полные синонимы слова *голова* или разные по образности его обозначения? Слово *копыл* в разных диалектах может означать ‘деревянную колодку…; брусок, соединяющий полозья саней с кузовом; валек, которым колотят белье при стирке; рукоятку топора, лопату, прялку’ и т. п. — как правило, нечто деревянное[3]. Показательно, что в диалектах имеется и переносное, соматическое значение слова *копыл*, причем не только ‘голова’, но и ‘нос’ («я его по копылу узнал, копыл-то батькин»), ‘коренной зуб’ («копылы болят») и даже ‘нога’ (*с копыльев/копылов долой* — ‘упасть, свалиться’). Слово *колчан* в общелитературном языке обозначает ‘сумку, футляр для стрел’, однако в диалектах оно имеет значение ‘высокая крынка с узким горлом’[4]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело все-таки с разными ФЕ, так как здесь налицо различие образов, на основании которых возникли эти устойчивые выражения. В таких же невариантных, а синонимических отношениях, на наш взгляд, состоят пары ФЕ с компонентами *башня* и *коробка*, *горшок* и *чемодан*.

Данные примеры показывают, что при идентификации ФЕ необходим тщательный лингвистический анализ. Это подтверждает и случай со словом *калган*, входящим в выражения *калган варит/не варит, гнилой калган, калган с букашками, калган разламывается, закрыть калган* и т. п. Носителям русского языка известно общелитературное значение слова *калган*: ‘травянистое растение семейства розоцветных…’[5]. Может сложиться впечатление, что отождествление калгана с головой произошло на основе сходства ее формы с корнем растения. Однако оказывается, что в диалектной речи *калган* имеет и другие значения: ‘обрубок дерева, чурбан; деревянная чашка, миска, ковшик; глиняный сосуд, горшок’ и т. п.[6] Там же отмечено употребление этого слова в значении ‘голова’, например: «Разве на твой калган шапку наденешь?» В этом семантическом ряду нашли отражение две смысловые доминанты метафоры головы: материал (дерево, глина) и сосуд (горшок, чашка, ковшик и т. п.). Тем самым здесь воплотились две семан-

[3] СРНГ14, 300.
[4] СРНГ12, 202.
[5] БТСРЯ 411.
[6] СНРГ12, 341-342.

тические линии метафорического переноса: по форме и по функции. Определить точно, по какой именно линии шло развитие рассматриваемых ФЕ, весьма затруднительно. Не случайно Л. В. Щерба назвал такие случаи маргинальными (и самыми интересными!).

Обозначим группы, включающие в себя варианты и синонимы фразеологизмов, объединяющихся по общему признаку:

1. ФЕ, где соматизмы выступают в своем прямом анатомическом значении (прямая номинация). Это соматизмы *голова* и его стилистический синоним *башка*, например: *соломенная, мякинная, садовая голова, башка из табачного горшка у кого*, *глуп как осетровая башка, не заплатана башка*, *в башке опил у кого* (ср. *в голове опилки у кого)* — о глупом, несообразительном человеке; *голова (башка) на плечах у кого, кто-либо с головой* — об умном человеке.

2. ФЕ, где соматизмы выражены метонимически (в широком смысле). В данном случае *голова* представлена какой-либо одной своей частью: *рожа* (грубо «лицо»), *лоб, лысина, плешь, мозг, ум*, например: *облечиная рожа* (*облеч* — глупец), *толоконный лоб, медный лоб, вязовый лоб*, *лоб в два шнурка у кого*, *хоть за лоб тяни кого* — о глупом (часто упрямом) человеке; *семи пядей во лбу* — об очень умном человеке; *с лысинкой*, *на его плеши хоть кол теши, чугунные мозги*, *тряпочные мозги*, *мозги на ручнике работают*, *мозга на мозгу наехала* — об очень глупом, несообразительном человеке, *схватиться (взяться) за ум* — стать благоразумнее, рассудительнее, образумиться.

Сравним такие ФЕ, как *чугунные мозги*, *тряпочные мозги* и *кудрявые мозги*. На первый взгляд они могут показаться синонимичными, однако это не так. Что касается первых двух, их можно считать вариантами: налицо одинаковая структура и общая основа для метафоризации — материал; оба употребляются при характеристике крайне глупого, несообразительного человека. Между тем выражение *кудрявые мозги* не только не вариант, но даже и не синоним вышеприведенных: в молодежном жаргоне оно характеризует не глупого, а, напротив, умного человека (в шутливо-одобрительной форме). Объяснить появление подобного значения можно по-разному. Одна гипотеза может быть связана с визуальным образом мозга, напоминающим по форме грецкий орех. Считается, что чем более гладкая поверхность мозга, тем слабее умственные способности человека — не случайно про глупого человека говорят, что у него «одна извилина». Таким образом, определение *кудрявый* может относиться к рисунку мозга и тем самым свидетельствовать о его сложности, что позволяет охарактеризовать обладателя таких мозгов как человека умного. Допустимо и другое объяснение. Одно из значений слова *кудрявый* — ‘вычурный, излишне украшенный (о стиле, манере изложения и т. п.)’[7]. В современном молодежном сознании это значение могло трансформироваться в значение ‘хитрый, ушлый’ и, следовательно, ‘умный’.

3. ФЕ, где соматизмы охарактеризованы при помощи метафоры. Они, в свою очередь, делятся на подгруппы, объединяющие соматизмы, созданные метафорическим путем на основании различных признаков:

1) **емкость, вместилище, сосуд**: *ведро, горшок, бочка, кадушка, казан* (чугунный котел), *коробка, котел, кулек, ступа, сундук, турсук* (кожаный мешок для кумыса и других напитков; берестяной кузов для ягод, грибов), *чайник, чан, чемо-*

[7] БТСРЯ, 478.

дан, например: *горшок с ручками вовнутрь*, *горшок с педалями*, *голова у кого как дырявый (пустой) горшок* — о глупом, забывчивом, легкомысленном человеке (следует отметить, что метафорическое и мифологическое уподобление головы горшку — древняя культурологическая универсалия; не случайно в латыни и в романских языках именно эта метафора — лат. testa, франц. tête — стала обычным обозначением головы, метафоричность которого уже не осознается носителями языка); *пустой как бочка*, *как пустая бочка* — о глупом, пустоголовом человеке (ср. *без ума голова — лукошко)*; *как бочка с изъяном* — о чудаковатом, глуповатом человеке; *голова у кого как (что, с) пивной котел*; *голова что чан, а ума ни на капустный кочан* — о человеке с большой головой, но неумном (ср. *голова у кого с (в) ведро*); *в голове у кого как в пустой кадушке*; *голова у кого как казан*; *чайник сломали кому*; *коробка не варит у кого, есть/нет в коробке у кого*; *сундук с клопами*; *пустой чемодан*; *ступа долбленая*; *кулек с огрызками; не голова у кого, а колчан; турсук турсуком* — о глупом, несообразительном человеке и т. п.

Уже само количество представленных вариантов и синонимов этой фразеологической модели демонстрирует ее активность. Показателем активности является и то, что в ней представлены как компоненты, обозначающие предметы традиционного крестьянского быта (например: *бочка, горшок, лукошко* и т. п.), что свидетельствует о раннем происхождении соответствующих ФЕ, так и новейшие реализации исходной семантики, (например: *горшок с педалями, пустой чемодан, походный унитаз* и т. п.). В некоторых случаях акцент метафорической модели может сместиться с обозначения емкости, сосуда и т. п. на характеристику их содержимого, например: *ни с чем пирог*; *мякина в голове у кого*; *кисель в коробке у кого*; *моча в котелке у кого*, *масла нет в голове у кого* — о глупом, бестолковом, несообразительном человеке; ср. *масло в чайнике у кого* — об очень умном человеке. Как видно из примеров, в зависимости от качества содержимого человек расценивается как глупый или как умный. Подобные модели можно выделить в отдельную группу: **содержимое головы или его отсутствие**;

2) **жилище, место обитания, обиталище или его часть**: *башня, шалаш, чердак, палата, гнездо, крыша,* например: *башня не варит у кого*; *чердак без верху*: *одного стропильца нет у кого* — о глупом, несообразительном человеке; *чердак потек (протек, течет, поехал, сдвинулся) у кого*; *крыша едет/поехала (переехала, съезжает/съехала, ползет, течет/потекла, протекла* — о чьем-либо странном, глупом поведении; *непокрытый шалаш*; *дурье гнездо* — о глупом, бестолковом человеке; *ума палата у кого* — об очень умном человеке; *ума палата, да не покрыта* — о глупом человеке;

3) **растение**: *тыква, репа, кочан, вилок, бурак (свекла), тюльпан, баобаб, лопух*, *орех*, например: *голова у кого как тыква*; *голова у кого как кочан (капусты)/кочаном; голова у кого как вилок (капусты)*; *мозговина (голова) у кого с короб, а ума с орех*; *глуп, как бурак*; *тупой как баобаб*; *черный тюльпан*; *лопух лопухом* — о глупом человеке; *репу чесать*, *дать по репе* и т. п.);

4) **инструмент, предмет хозяйственного обихода:** *лопата, веник, колун (топор), копыл (деревянная колодка у сапожников; опора в виде бруска, соединяющая полозья саней с кузовом), борона*, например: *лоб что лопата, а ума маловато*, *дурной как банный веник*; *тупой как колун*; *колун колуном*; *копыл копылом* — о глупом, умственно ограниченном, невежественном человеке; *боронить как бо-*

рона без клецов говорить что-либо глупое, несуразное (*клец* — завертка, закрутка, палка, всунутая меж зубьев бороны);

5) **предмет обуви**: *валенок, сапог, лапоть*, например: *серый (глупый) как [сибирский] валенок*; *тупой как сибирский валенок*; *[как] сибирский валенок*; *глуп как лапоть*; *валенок с завязками*; *голова у кого варит как мой сапог* — о несообразительном, бестолковом, невежественном человеке;

6) **дерево или кусок дерева***: дерево, осина, чурка, чурбан, полено, бревно, пень, столбик, кобёл (обрубок бревна, чурбан, пень, пенек), пробка*, например: *низкоспиленное дерево*; *осина без вершины*; *чурка с глазами*; *как чурка*; *как (ровно) чурка с глазами*; *чурка чуркой*; *чурбан неотесанный (нетесаный)*; *как чурбан*; *как чурбан с глазами*; *бестолковый как чурбан*; *полено (чурка) дров*; *бревно с ушами*; *пень стоеросовый [с глазами]; как кобёл*; *кобёл коблом*; *глуп (глупый) как пробка* — о глупом, бестолковом, непонятливом человеке. Любопытно, что из вариантного ряда *чурка/чурбан/пень с глазами* в значении ‘глупый человек’ выпадает выражение *столбик с глазами*, употребляющееся в отношении глупой (хотя и получившей диплом) девушки.

Представленная классификация может быть обобщена и по другому принципу, а именно на основании общности формы, материала, функции и метонахождения сопоставляемого с головой предмета. Понятно, что любая классификация довольно условна, так как некоторые соматизмы можно отнести к разным группам на разных основаниях: например, *горшок, чан, шприц* — форма и функция; *валенок, сапог* — вместилище и место; *башня, чердак* — жилище и его местонахождение и т. п.

Сопоставим эту картину с ситуацией в шведском языке. В шведском языке также можно выделить группы, соответствующие тем, которые выделяются в русском языке:

1) Прямая номинация: *ha skräp i huvudet (букв. ‘иметь мусор в голове’), vara sjuk i huvudet (‘быть больным на голову’), det står still i huvudet (‘тихо в голове’), blåst i huvudet (‘ветер в голове’), trött i huvudet(‘усталый в голове’), tjock i huvudet (‘толстый в голове’), knäpp i huvudet (’тупой в голове’), snurrig i huvudet (’укачавшийся в голове’), slut i huvudet (’конец в голове’)*[8] и т. п. — для обозначения глупого, бестолкового, несообразительного, легкомысленного человека; *välsorterad i huvudet (‘хорошо рассортировано в голове’)* (ср. аналогичное русское *«все разложено по полочкам (в голове)»*), *ha huvudet på skaft (букв. ’иметь голову на черенке’)* (ср. с русским *«иметь голову на плечах»*) и т. п. — для обозначения умного, сообразительного человека. При общей метафоричности этих выражений слово «голова» выступает здесь в своем прямом значении.

2) ФЕ, где соматизмы выражены метонимически (когда вместо слова *голова* употребляется обозначение какой-либо ее части), например: *череп* (*dum i skallen* ‘*глупый в черепе’*), *лоб* (*varm i pannan ‘теплый во лбу’*) и т. п.

3) ФЕ, где соматизмы охарактеризованы при помощи метафоры, например: *knoppen på halsen ‘шарик на шее’, knoppen över magen ‘шарик над животом’, knölen mellan axlarna ‘шишка между плечами’, melonen mellan axlarna ‘дыня между плечами’, bölden över axlarna ‘нарыв над плечами’, den stora finnen mellan axlarna ‘прыщ между плечами’, finnen på halsen ‘прыщ на шее’* и т. п. Так же, как

[8] Здесь и далее примеры из Norsteds svenska slangordbok (NSS).

и в русском языке, это самая многочисленная группа. В нее входят соматизмы, образованные путем метафорического переноса на основании различных признаков. Совпадение этих признаков (материал, форма, функция, местонахождение) свидетельствует об универсальности семантических моделей образования фразеологии этого ряда.

Вариативность и синонимичность наблюдается во всех трех группах (причем как стержневых, так и нестержневых компонентов), например: *blåst i huvudet 'ветер в голове' — blåst i skallen 'ветер в черепе'; knölen mellan axlarna 'шишка между плечами' — melonen mellan axlarna 'дыня между плечами'; tom i bollen 'пустой в шаре' — tom i roten 'пустой в корне'; knoppen på halsen 'шарик на шее' — knoppen över magen 'шарик над животом'; tom i huvudet 'пусто в голове' — det står still i huvudet 'тихо в голове'* и т. п. При определении ФЕ как вариативных или как синонимичных мы руководствуемся принципами, сформулированными в начале статьи.

Подводя итоги анализа, обозначим основные типы отношений, связывающих соматическую фразеологию избранного типа. Доминантами нашей классификации является распределение по тематическому признаку: наименования домашней утвари, предметов обуви, жилища, растений, животных и т. п. Именно здесь и проходит водораздел между фразеологической вариантностью и фразеологической синонимией. Основным критерием вариантности является тождество образов компонентов, входящих в состав одноструктурной соматической фразеологии, критерием же синонимичности является расхождение в образных представлениях компонентов. Между этими четкими позициями вырисовывается и целый ряд переходных случаев, когда четкая идентификация ФЕ как вариантной или синонимичной становится проблемной. Такой идентификации может способствовать как детальный лингвистический анализ ФЕ одного языка, так и межъязыковое сопоставление.

ЛИТЕРАТУРА

Гулякова А. А. 2010: Структурный и семантический анализ русских фразеологизмов с компонентом «голова» // Фразеология и текст, 50–58.

Диброва Е. И. 1979: Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону.

*Ивашко Л. А.*1981: Очерки русской диалектной фразеологии. Л.

Мокиенко В. М. 1989: Славянская фразеология. М.

Молотков А. И. 1977: Основы фразеологии русского языка. М.

LEXICAL VARIATION AND SYNONYMY OF SOMATIC SET PHRASES (RUSSIAN AND SWEDISH SET PHRASES WITH THE COMPONENT 'HEAD')

A. A. Gulyakova

Set expressions are often subject to variation both in actual speech and fiction. Variation of lexical components is most typical of set phrases. The main criterion of variation consists in an image identity and in a relative identity of a set phrase. Set expression identity as variant or

synonymous is a challenge as the borderline between synonymy and thematic uniformity of set expression components is very often vague. Both detailed linguistic analysis of set phrases of one language and intralanguage comparison are instrumental in identification of the kind. There are three principal groups of set phrases containing variants and synonyms both in Russian and Swedish, in which somatisms are either used in their direct meaning (direct nomination), or they are used metonymically or metaphorically. The latter group in both languages is the biggest one. Concurrent properties as a basis for metaphoric transfer (material, shape, function, and place) testify to the universal character of semantic patterns of such phrases.

Key words: set expression, synonymy, lexical variarion.

© 2010

И. Г. Казачук

МНОГОЧЛЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЪЕКТНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ ОТНОШЕНИЯ

В статье рассматривается многочленное управление объектных процессуальных фразеологизмов семантической категории отношения, определяется форма и значение объектов при процессуальных фразеологизмах указанной семантики, указываются комбинации падежей в конструкциях с многочленным управлением, определяются факторы, влияющие на форму управляемых процессуальным фразеологизмом компонентов.

Ключевые слова: словосочетание, процессуальный фразеологизм, многочленное управление.

Вопрос о сущности управления продолжает оставаться дискуссионным в лингвистике, имеющим важное теоретическое значение и практическое применение.

В настоящей статье речь идет о многочленном управлении процессуальных фразеологических единиц (далее ФЕ), репрезентирующих в современном русском языке семантику отношения.

Понятие многочленного управления находится в ряду таких понятий, как одночленное (одиночное), двучленное (двойное) управление. Под многочленным управлением процессуальной единицы понимается ее способность управлять несколькими (более двух) формами имени. Управляющим компонентом в русском языке может выступать как отдельная лексема (глагол), так и фразеологическая единица: **сбросить** *снег с крыши лопатой*, **вбить** *гвоздь молотком в стену*; **дать урок** *человечности окружающим своим поступком,* **привлечь внимание** *общественности к проблеме выступлением*.

До последнего времени управление рассматривалось только как связь лексем. По мнению А. М. Чепасовой, изучение грамматических категорий на лексическом материале не только тормозило процесс создания полной и разносторонней си-

стемы фразеологии языка, но и мешало разработке теории грамматических категорий, которые во фразеологическом материале проявляют такие качества, какие нельзя у них обнаружить, анализируя лексический материал[1]. Грамматическое свойство фразеологизмов управлять и иметь при себе объект остается малоизученным. Отдельных сторон управления процессуальных фразеологизмов касались в своих работах В. П. Жуков, Г. В. Бажутина, Н. Н. Прокопович, М. Т. Тагиев, Л. В. Николенко, В. Г. Дидковская.

В. П. Жуков считал, что «структурная связь фразеологизмов со словами свободного употребления особенно ярко проявляется в области управления, причем управляемые формы слов составляют особую разновидность окружения»[2].

К многочленному управлению процессуального фразеологизма мы относим факты его управления тремя формами. По данным нашей картотеки, способностью к многочленному управлению обладает 4,1 % единиц исследуемой семантики.

Наличие трех объектов предопределяется семантикой целостной единицы, фразеологизма, а форма их выражения — различными факторами. Компоненты процессуальных фразеологизмов — глаголы, существительные — способны в нефразеологическом употреблении управлять именами и сохраняют эту способность во фразеологической единице, даже несмотря на то что утрачивают индивидуальное лексическое значение, поэтому форма выражения объекта может диктоваться синтаксическими свойствами одного из компонентов (дать ***кому-либо*** что-либо — *дать повод* ***кому-либо*** для чего-либо (к чему-либо) чем-либо; внимание ***кого-либо***, чье-либо — *привлекать/привлечь внимание* ***кого-либо*** к чему-либо чем-либо). В приведенных и подобных примерах форма выражения объекта глубинно связана с одним из компонентов и не противоречит семантике всей единицы, поэтому управляемая падежная форма может использоваться как при управлении глаголом или именем вне фразеологического сочетания, так и при управлении ФЕ. Фразеологизмы обладают цельным номинативным значением, поэтому форма выражения объекта или объектов может определяться семантикой всей единицы в целом и не быть формально связанной с синтаксическими возможностями составляющих ее компонентов (*обращать/обратить внимание* кого-либо на кого,-что-либо ***чем-либо***).

Специфика управления процессуальных фразеологизмов обусловлена, с одной стороны, раздельнооформленностью этих единиц, наличием у них компонентного состава, с другой стороны, цельностью номинативного значения, присущего им.

Фундаментальным признаком фразеологизмов является раздельнооформленность. Объектные процессуальные фразеологизмы являются морфологически изменяемыми и имеют ограниченное количество структурных моделей. Типичной является модель словосочетания (простого, сложного, комбинированного), которую в самом общем виде можно представить следующим образом: «глагол + существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога». Глагол в составе процессуального фразеологизма является грамматически главным компонентом, выразителем категориального значения, носителем форм морфологических категорий и во многом синтаксических свойств всего фразеологизма.

[1] Чепасова 2002, 63.
[2] Жуков 1971, 48.

Становясь компонентом ФЕ, глагол утрачивает лексическое значение, но сохраняет свои синтаксические потенции. Будучи по природе двухобъектным, он реализует одну из своих объектных валентностей при образовании фразеологизма, т. е. внутри структурной модели, вторая же эксплицируется в его окружении, предопределяя таким образом форму одного из объектов в модели многочленного управления ФЕ: *давать/дать* ***что-либо кому-либо****, подавать/подать* ***что-либо кому-либо*** *отдавать/отдать* ***что-либо кому-либо*** — [*давать/дать (подавать/подать) повод*] → ***кому-либо*** *к чему-либо чем-либо;* [*отдавать/отдать дань*] → *чего-либо* ***кому-либо*** *чем-либо* Форма объекта может обусловливаться конструктивными (словообразовательными) свойствами глагола, а именно наличием приставки: ***при****влекать*/***при****влечь кого,-что-либо* ***к кому,-чему-либо*** — [***при****влекать/****при****влечь внимание*] → *кого,-чье-либо* ***к кому,-чему-либо*** *чем-либо*.

Софья. Смеешься! Можно ли! *Чем* **повод подала** *Тебе я к хохоту* такому?[3] Яркой *игрой* в матче с «Брестом» Александр Заваров вновь **привлек** *к себе* **внимание** французских *журналистов*[4].

Мы согласны с мнением Г. В. Бажутиной о том, что «сохранение и фиксация главной валентности или одной из главных валентностей глагола в составе ФЕ еще не означает, что глагольный компонент непосредственно определяет окружение ФЕ: фиксация сильноуправляемой формы происходит лишь при условии, что семантический потенциал фразеологизма в целом нуждается в сильной глагольной связи с объектным (реже обстоятельственным) значением»[5]. Объект лишь формально связан с глагольным компонентом и вместе с тем не противоречит семантике всей единицы, поэтому может использоваться как при управлении глагола в свободном словосочетании, так и при управлении фразеологической единицы в целом.

В формировании релятивности процессуального фразеологизма и, как следствие, его управления может принимать участие именной компонент (существительное). Так, например, имеющиеся в составе ФЕ отвлеченные отглагольные существительные способны сохранять объектную валентность, присущую глаголам, от которых они производны: *помощь кому-либо — помогать кому-либо, сопротивление кому,-чему-либо — сопротивляться кому,-чему-либо, влияние на кого,-что-либо — влиять на кого,-что-либо* и под. Способны иметь релятивную сему в одном из своих значений и отвлеченные существительные, не связанные по образованию с глаголами, такие как: *дань чего-либо, цена чего-либо, преимущество кого,-чье-либо перед кем,-чем-либо, интерес к кому,-чему-либо, повод к чему-либо (для чего-либо), рамки чего- либо* и др. Существительные-соматизмы, обозначающие часть целого (туловища человека или животного), в свободном употреблении обладают управлением родительным падежом без предлога: *голова кого,-чья-либо, рука кого,-чья-либо, шея кого,-чья-либо* и др.

При образовании фразеологической единицы бывшие существительные могут сохранить свои синтаксические потенции и тем самым предопределить форму объекта в модели ее управления: *повод* ***к чему-либо/для чего****, урок* ***чего-либо****, интерес* ***кого,-чей-либо к чему-либо****, помощь* ***кому-либо,*** *внимание* ***кого,-чье-***

[3] Грибоедов 1979, 16
[4] Советский спорт 1991.
[5] Бажутина 1976, 156.

либо *— давать/дать повод кому-либо* ***к чему-либо*** *чем-либо, давать/дать урок* ***чего-либо*** *кому-либо чем-либо, вызывать/вызвать интерес* ***кого,-чей-либо к чему-либо*** *чем-либо, оказывать/оказать помощь* ***кому-либо*** *в чем-либо чем-либо, обращать/обратить внимание* ***кого,чье-либо*** *на кого,что-либо чем-либо* и под. Захар вдруг смутился, не знал, *чем* он мог **подать** *барину* **повод** *к* патетическому *восклицанию и жесту*[6]. Оберкомендантша все металась с ребенком на руках, *глазами и плечами* усиливаясь **обратить внимание** *князя на себя* и свое шуршавшее *платье*[7]. Тишков и Шустиков — воспитанники московского «Торпедо» − с детства в этой команде. *Игрой* в дубле **обратили** *на себя* **внимание** *тренеров* молодежной и олимпийской команд[8].

Как и в случае с глагольным компонентом, связь внешнего объекта и именного компонента является сугубо формальной и возможна потому, что существует семантическая потребность в данном объекте у всей единицы в целом. По этому поводу В. П. Жуков отмечал, что «через управление… выявляется сложная, противоречивая природа фразеологизма: с одной стороны, ему присуще целостное значение и ввиду этого он выступает по отношению к другим лексическим единицам в предложении как одно неделимое целое; с другой стороны, фразеологизм имеет расчлененное строение и потому его компоненты в силу, так сказать, грамматической «инерции» стремятся в какой-то мере сохранить сочетательные свойства слов, т. е. былую «валентность»[9].

Как уже отмечалось выше, фразеологическая единица обладает цельным номинативным значением, поэтому форма выражения объекта или объектов может определяться семантикой всей единицы и не быть формально связанной ни с одним из составляющих ее компонентов, т. е. объектный процессуальный фразеологизм формирует свое управление, вызванное потребностью единицы реализовать значение в сочетании с зависимым именем в форме какого-либо косвенного падежа с предлогом или без предлога с объектным значением. Так, например, фразеологизм *производить/произвести впечатление кого-либо* ***на кого-либо*** *чем-либо* облигаторно управляет винительным падежом с предлогом со значением объекта воздействия, несмотря на то что в свободном, нефразеологическом употреблении ни глагольный, ни именной компоненты не обладают аналогичным управлением. Озолинь всегда **производил** *на Корнилова* **впечатление** *личности незаурядной* опять-таки своей *энергией*[10].

Большинство единиц, способных к многочленному управлению, имеют модель «глагол + сущ.Вбп[11]». Структура модели, а именно реализация в ее составе способности глагольного компонента управлять именем в винительном падеже без предлога, свидетельствует о том, что во внешних связях фразеологизмов эта форма будет невозможна. Фразеологизмы указанной модели управляют: 1)

---

[6] Гончаров 1971, 94.
[7] Данилевский 2006, 341.
[8] Спортивные игры 1991, 38.
[9] Жуков 1971, 58.
[10] Залыгин 1986, 271.
[11] Здесь и далее: **Вбп** — винительный падеж без предлога; **Вп** — винительный падеж с предлогом; **Дбп** — дательный падеж без предлога; **Дп** — дательный падеж с предлогом; **Пп** — предложный падеж; **Рбп** — родительный падеж без предлога; **Рп** — родительный падеж с предлогом; **Тбп** — творительный падеж без предлога; **Тп** — творительный падеж с предлогом.

Тп, Пп и Тбп − *брать/взять верх над кем-либо в чем-либо чем-либо; одерживать/одержать победу над кем,-чем-либо в чем-либо чем-либо* и др.; 2) **Дбп, Пп и Тбп** — *показывать/показать пример кому-либо в чем-либо чем-либо; задавать/задать тон чему-либо в чем-либо чем-либо, связывать/связать руки кому-либо в чем-либо чем-либо* и др.; 3) **Дбп, Вп и Тбп** — *открывать/открыть глаза кому-либо на кого,-что-либо чем-либо*; 4) **Дп, Дбп и Тбп** (с учетом вариативности Дп/Рп — **Рп, Дбп и Тбп**) — *давать/дать повод к чему-либо/для чего-либо кому-либо чем-либо; давать/дать пищу к чему-либо/для чего-либо кому-либо чем-либо* и др.; 5) **Вп, Вп и Тбп** — *вселять/вселить надежду на что-либо в кого-либо чем-либо*; 6) **Вп, Пп и Тбп** — *оказывать/оказать воздействие на кого-либо в чем-либо чем-либо; оказывать/оказать влияние на кого-либо в чем-либо чем-либо* и др.; 7) **Рбп, Вп и Тбп** — обращать/обратить внимание кого,-чье-либо на кого,-что-либо чем-либо; 8) **Рбп, Дп и Тбп** — *привлекать/привлечь внимание кого,-чье-либо к кому,-чему-либо чем-либо; приковывать/приковать внимание кого,-чье-либо к кому,-чему-либо чем-либо* и др.: 9) **Рбп, Пп и Тбп** — *заострять/заострить внимание кого,-чье-либо на ком,-чем-либо чем-либо* и др.; 10) **Рбп, Дбп и Тбп** — *отдавать/отдать дань чего-либо кому-либо чем-либо* и др.; 11) **Рбп, Дбп и Пп** — *отводить/отвести роль кого-либо кому-либо в чем-либо*.

Процессуальные фразеологизмы моделей «глагол + предлог + сущ.Вп», «глагол + предлог +сущ.Дп», «глагол + сущ.Тбп», управляют тремя зависимыми именами, одно из которых, как правило, имеет форму винительного беспредложного: 1) **Вбп, Тп и Пп** — *сталкивать/столкнуть лбами кого-либо с кем-либо в чем-либо;* 2) **Вбп, Пп и Тбп** — *связывать/связать по рукам и ногам кого-либо в чем-либо чем-либо; припирать/припереть к стенке кого-либо в чем-либо чем-либо;* 3) **Дбп, Пп и Тбп —** *играть/сыграть на руку кому-либо в чем-либо чем-либо.*

Семантика зависимых имен в форме дательного, родительного и винительного падежей без предлогов, творительного падежа с предлогом *над*, винительного падежа с предлогами *в* и *на* в конструкциях с многочленным управлением тождественна: формами этих падежей обозначается объект направленного действия или отношения, чаще всего каузативного (*сталкивать/столкнуть лбами* ***кого-либо*** *с кем-либо в чем-либо*; *оказывать/оказать давление* ***на кого-либо*** *чем-либо в чем-либо*; *обращать/обратить внимание* ***кого,-чье-либо*** *на кого,-что-либо чем-либо; брать/взять верх* ***над кем,-чем-либо*** *в чем-либо чем-либо* и под.): сельчане, старались хоть чем-нибудь **обратить внимание** ***властей*** на свое положение.

Процессуальные фразеологизмы *привлекать/привлечь внимание кого,-чье-либо* ***к кому,-чему-либо*** *чем-либо, приковывать/приковать внимание кого,-чье-либо* ***к кому,-чему-либо*** *чем-либо* в качестве одного из управляемых имен имеют дательный с предлогом, имеющий аллативное значение, т.е. значение объекта, к которому направлено действие, на котором скажется результат действия. … смысл байки был в другом — в способности и умении журналистов **привлекать внимание** общественности ***к соревнованиям*** не с помощью каких-то лозунгов, а тонких, деликатных ходов, поиском которых нынче мы вовсе не занимаемся[12].

Продуктивен в многочленном управлении лимитативный предложный падеж с предлогом *в*, называющий сферу, область, пределы осуществления того или

[12] Футбол-Хоккей 1990.

иного процесса (*сослужить службу кому-либо чем-либо* ***в чем-либо****; отводить/отвести роль кого-либо кому-либо* ***в чем-либо*** и под.): тренер **обратил** на себя **внимание** оригинальными решениями ***в организации игры***.

Особое положение в системе многочленного управления процессуальных фразеологизмов занимает форма творительного падежа без предлога: *давать/дать пищу кому-либо к чему-либо (для чего-либо)* ***чем-либо****, обращать/обратить внимание кого,-чье-либо к кому,-чему-либо* ***чем-либо****, привлекать/привлечь внимание кого-либо к кому,-чему*-либо ***чем-либо***, *давать/дать урок чего-либо кому-либо* ***чем-либо***, *вызывать/вызвать интерес (у)кого-либо к чему-либо* ***чем-либо****, отдавать/отдать дань чего-либо кому,-чему-либо* ***чем-либо*** и др. Посмотрите на себя: может ли мужчина, встретив вас, **не заплатить** ***вам*** **дань** ***восхищения***…хотя ***взглядом***?[13]

С одной стороны, многие глаголы физического действия управляют творительным орудийным: *производить/произвести что-либо чем-либо, вбивать/вбить что-либо чем-либо* и др. С другой стороны, не все глаголы-компоненты фразеологизмов, обладающих многочленным управлением, в свободном употреблении способны сочетаться с данной падежной формой или способны, если это многозначные глаголы, но ограниченно, только в каких-либо значениях, обычно производных. Например, глагол *давать/дать*, имеющий, по данным Словаря современного русского литературного языка, шестнадцать значений, только в одном, а именно седьмом ’наносить удар’[14], может управлять творительным без предлога. Однако при образовании фразеологизмов типа *давать/дать повод к чему-либо кому-либо чем-либо, давать/дать пищу к чему-либо кому-либо чем-либо, давать/дать урок чего-либо кому-либо чем-либо* и др. актуализируются семы других значений, таких, в которых глагол не способен управлять творительным орудийным. Таким образом, можно сказать, что наличие творительного без предлога в окружении ФЕ предопределяется семантикой единицы, а не синтаксическими свойствами ее компонентов. В любом случае происходит трансформация значения этой падежной формы: если при глаголах конкретного физического действия творительный беспредложный имеет значение орудия действия, то при фразеологизмах, семантически более абстрактных по сравнению с глаголами, он приобретает значение средства действия или отношения и выражается, как правило, отвлеченными существительными: *развязывать/развязать руки кому-либо в чем-либо* ***предложением****, давать/дать урок чего-либо кому-либо* ***поступком****, привлекать/привлечь внимание кого-либо к кому,-чему-либо* ***заявлением*** и т.п. — Voila encore des nouvelles! (Вот еще новости!) — проговорила молодая из двух дам, вполне уверенная, что она своим хорошим *французским языком* **обратит** *на себя* **внимание** *Нехлюдова*[15].

Существует мнение о том, что объект с инструментальным значением в форме творительного без предлога является слабоуправляемым, факультативным. Однако имеются достаточно частотные примеры употребления процессуальных фразеологизмов, способных к многочленному управлению, с одной зависимой формой, именно творительным беспредложным, т. е. из трех возможных связей

[13] Гончаров 1971, 234.
[14] Словарь современного русского литературного языка IV, 1991–1993, 15.
[15] Толстой 1955, 372.

реализуется только одна, та, которая актуальна в данном контексте, которая мотивируется определенной коммуникативной установкой. Мамонт Дальский **привлекал внимание** не только своим огромным ***талантом***, но и больше всего ***грубостью, дерзостью, заносчивостью, влюбленностью*** в самого себя[16]. Василий Лапишев стал кадровым военным. Невысокого роста, плотный, с выдававшимся вперед раздвоенным подбородком и глубоко спрятанными под бровями глазами, Василий производил впечатление борца. Таким он и пришел в разведку и сразу же **привлек внимание** ***собранностью, цельностью***, какой-то ***несокрушимостью***[17].

Таким образом, многочленное управление объектных процессуальных фразеологизмов обладает своей спецификой: обязательным является наличие объектов, требуемых свойствами именного и/или глагольного компонентов, а также семантикой всей единицы. В абсолютном большинстве единиц одной из управляемых форм является объект в форме творительного беспредложного, определяемый, как правило, семантикой фразеологизма.

Конструкции с тремя управляемыми формами моделируются на основе одиночного и двойного управления. Тенденция к развертыванию словосочетаний связана с уточнением мысли. Конструкции, состоящие из главного компонента процессуального фразеологизма и трех управляемых форм, отличаются логической точностью, развернутостью и потому предпочтительны в книжном языке. Однако в устной речи гораздо активнее проявляется процесс сокращения компонентов словосочетаний, что приводит к утрате одного или нескольких компонентов, в зависимости от актуальной задачи говорящего, и уменьшению информационного объема определенного высказывания. При этом фразеологизм остается информативно более имплицитным, более семантически сложным, значение единицы оказывается реализованным не полностью, а степень его развернутости определяется культурными, интеллектуальными свойствами говорящего, его социальным статусом.

ЛИТЕРАТУРА

Бажутина Г. В. 1976: Изменение сочетательных свойств глагола в результате фразеологизации глагольного словосочетания // Лингвистический сборник. Проблемы русского языкознания. 5 / Н. А. Кондрашов (ред.). М., 151–163.

Гончаров И. А. 1971: Обломов. М.

Грибоедов А. С. 1979: Горе от ума. М.

Данилевский Г. П. 2006: Княжна Тараканова. М.

Залыгин С. П. 1986: После бури. М.

Жуков В. П. 1971: Об управлении при глагольных фразеологизмах русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1, 48–58.

Левандовский Е. А. 1988: Огнем опаленные. М.

Петелин В. В. 1989: Восхождение. М.

Словарь современного русского литературного языка. 1991–1993: в 20 т. М.

Советский спорт: 1991, 19.01.

Спортивные игры: 1991, 1.

[16] Петелин 1989, 94.

[17] Левандовский 1988, 68.

Толстой Л. Н. 1955: Воскресение. Краснодар.
Футбол-Хоккей: 1990, 5, 04.02.
Чепасова А. М. 2002: Грамматические свойства изменяемых фразеологизмов // Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк / А. М. Чепасова (ред.). Челябинск, 57–63.

MULTIMEMBER GOVERNMENT OF ATTITUDINAL PROCESSUAL COMPLEMENT SET PHRASES

I. G. Kazachuk

The article deals with multimember government of attitudinal processual complement set phrases, defines the form and meaning of corresponding complements, gives combinations of cases in multimember government constructions, determines factors that modify the form of components governed by a processual set phrase.

Key words: word combination, processual set phrase, multimember government

---

© 2010

Е. К. Николаева

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

На основе анализа материала «Большого словаря русских пословиц» (70000 единиц) в статье разработана типология пословиц, построенная на выделении разных типов компаративных конструкций, являющихся семантическим и композиционным элементом пословиц. Затрагивается проблема определения общего фонда устойчивых компаративных единиц, которые могут быть включены в словари устойчивых сравнений.

Ключевые слова: пословица, устойчивое сравнение, компаративная конструкция.

Тема, заявленная в названии статьи, находится как бы на стыке компаративистики (изучение устойчивых сравнений) и паремиологии. Паремиологи рассматривают пословицы со сравнительной семантикой с позиций стилистики, синтаксиса, изучают закономерности их функционирования, не выделяя их как особый разряд компаративных единиц, не обращая специального внимания на типы компаративных конструкций и способы выражения сравнительной семантики. Исключение составляет небольшая статья фольклориста С. Г. Лазутина «Сравнения в пословицах и поговорках», который, однако, выделяет только 5 типов сравнительных конструкций, сосредотачиваясь (опять же) на особенностях

содержательной стороны пословиц[1]. В свою очередь лингвисты, занимающиеся проблемами устойчивых сравнений, обычно выпускают из виду пословицы с компаративной семантикой, и часто вообще ограничивают круг своих исследований устойчивыми выражениями со сравнительными союзами. Как пишет Л. А. Лебедева в своей монографии «Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии», «первоочередное внимание при исследовании УС уделяется именно союзным сравнительным конструкциям и […] именно они включаются в словари УС»[2]. Это высказывание касалось словарей устойчивых сравнений самой Л. А. Лебедевой и В. М. Огольцева[3] и было справедливым до 2003 года, пока не вышел в свет «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко (11000 ед.), а затем в 2008 г. — «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (45000 ед.), где типы компаративных конструкций были представлены значительно шире. При обсуждении словника последнего словаря авторам даже приходилось доказывать целесообразность включения в словарь некоторых типов компаративных конструкций. Сомнение вызывали, в частности, пословичные обороты, не имеющие формальных показателей сравнительной семантики в виде сравнительных союзов или творительного сравнения, типа: *Судьба — индейка, жизнь копейка; Баба не горшок: берестой не повьёшь; И маленькая рыбка лучше большого таракана.*

Исходя из вышесказанного, нам представляется целесообразным и полезным как для фразеографической практики, так и для теоретических исследований объединить позиции компаративистов и паремиологов и представить (хотя бы в общих чертах и в первом приближении) типы компаративных конструкций, встречающихся в русских пословицах. Материал извлекался из «Большого словаря русских пословиц» (далее — БСРП) — самого полного на сегодняшний день собрания русских паремий (70000 ед.)[4].

Компаративное пространство русской пословицы может быть выражено следующими конструкциями:

1. Сравнительными оборотами, вводимыми союзом как и его синонимами (следует отметить, что в пословицах самым частотным союзом является союз что, а вовсе не как): *Баба, что горшок: что ни влей — все кипит; Бедный (бедной) в нуже, что (как) жаба в луже; Злой человек — как уголь: не обожжёт, так замарает; Хозяин как чирей — где захочет, там сядет; На чужбине, словно в домовине, — одиноко и немо; Старый холоп, яко старый пёс, прочь со двора или под лавку*. Это самая частотная сравнительная конструкция в пословицах. С точки зрения структуры подобные пословицы можно разделить на несколько групп, наиболее распространенными являются пословицы, синтаксически оформленные как сложное предложение, типа: 1) *Глаза что плошки, а не видят ни крошки; Голова как у вола, а всё вишь мала;* 2) *Язык что жернов: мелет, что на него ни положи; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, [а] он пуще шипит; Верба — что немец: куда ни ткни, тут и примется.* Если в первой группе вторая часть пословицы к собственно компаративной структуре не имеет отношения и связана

[1] Лазутин 1986.
[2] Лебедева 1999, 13.
[3] Лебедева 1994, 1998; Огольцев 1984, 1992.
[4] Мокиенко, Никитина, Николаева 2010.

с ней лишь синтаксически на основе обычных семантических взаимоотношений частей сложной предложения, то во второй группе вторая часть пословицы семантически раскрывает содержание компаративной части, выступает в качестве основания сравнения компаративной структуры, т. е. указывает тот признак, по которому проводится уподобление.

2. С творительным сравнения: *Рассыпься аредом, да не доставайся скаредам; Волк не живёт пастухом, а козёл огородником; Запел соловьем, да кончил петухом; Поет соловьем, а рыщет волком; Вороне соколом не бывать*.

3. С формами сравнительной степени прилагательных при существительных в родительном падеже: *Нет легче дня против субботы, а (и) тяжелее (тяжеле) понедельника; Догадка не хуже разума; Не вовремя дождь хуже татарина; Докука хуже скуки; Хоть по-старому, хоть по-новому, а всё отец старше сына.*

4. С лексическими элементами *похож, походить на кого-, что-л., подобный кому-, чему-*л.: *Хорош, пригож — на лиху болесть похож; На вид пригож, а внутри — на чёрта похож; Вроде Володи, а похож на Фому; Наряди пенька — будет похож на паренька; Ложный друг подобен кошке: спереди ласкает, а сзади царапает; Пропущение времени смерти невозвратной подобно.*

5. С наречиями, образованными от притяжательных прилагательных при помощи форманта по-: *Между волками жить, по-волчьи [и] выть; Не всем птицам щёлкать по-соловьиному; Поёшь по-вороньи (по-чижиному), а ешь по-коровьи (по-утиному); Думаешь по-барски, выйдет по-татарски; По-гусарски пьём, да не по-гусарски рубимся.*

6. С придаточными сравнительными предложениями: *Каков поп, таков и приход; Каково лето, таково и сено; Каков пастырь, таковы и овцы.*

7. Винительный падеж существительного с предлогом *с: Собираемся жить с локоть, а живем с ноготь; Мужичок с ноготок, а голова с локоток; Скажешь с ноготок, а перескажут с локоток; Сам с нос, а борода с воз.* Обычно пословицы этого типа состоят из двух параллельных компаративных конструкций.

8. Винительный падеж с предлогом *в*: *Дай боли волю, она в дугу согнёт; Я тебя согну в дугу да и концы на крест сведу; Кто кого смог, тот того и в рог; Сапожник пьяный в стельку, столяр в доску, стекольщик вдребезги.*

С. Г. Лазутин (наряду с конструкциями со сравнительными союзами и творительным сравнения) описывает еще 3 типа пословиц со сравнительной семантикой[5], которые мы попытались определить следующим образом:

9. Бессоюзные формы сравнений в предложениях тождества: *Чужая душа — темный лес; Судьба — индейка, жизнь — копейка; Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить; Любовь — кольцо, а у кольца нет конца; Любовь — костёр: вовремя дров не подложишь — погаснет.* В подобных пословицах предложения тождества очень близки к сравнительным оборотами и иногда даже фиксируются в Большом словаре пословиц в двух формах (со сравнительным союзом и без него): *Брюхо — злодей: старого добра не помнит.* Ср.*: Брюхо как злодей: старого добра не помнит. Любовь — кольцо, а у кольца нет конца.* Ср.: *Любовь как кольцо, а у кольца нет конца.* Эта близость дает основание исследователям языка русских

[5] Лазутин 1986, 4.

пословиц говорить о том, что сказуемое предложения тождества совмещает функцию сравнения[6].

10. Сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма: *Солдату умереть в поле — матросу на море; У рака мощь в клешнях, у богача — в мошне.*

11. Отрицательные сравнения: *Любовь не картошка; Голод не тетка.* Чаще эта компаративная модель представляет собой сложное предложение, причем вторая часть предложения объясняет сопоставление в первой части (раскрывает компаративные отношения), поэтому может рассматриваться как основание сравнения: *Брюхо не яма: до краёв не наполнишь; Горе не море: не выпьешь до дна; Работа не волк — в лес не убежит*; *Совесть — не сосед: от неё не уйдёшь; Людское сердце не лукошко, не прорежешь в нём окошко.* Кстати, две приведенные выше пословицы также, возможно, являются усеченными вариантами пословиц: *Голод не тетка: пирожка не подсунет; Любовь не картошка: не выбросишь в окошко*. Особенность этой компаративной структуры состоит в том, что в ней предмет сравнения отрицается как предмет или явление, тождественное сравнительному компоненту. А «сам факт отрицания тождества предметов уже есть установление между ними компаративных отношений. […] Однако несходство сопоставляемых предметов в одном признаке не исключает возможности их сходства в другом. Поэтому отрицание тождества предметов здесь выступает лишь как особая форма выражения их сходства, а основание сравнения проявляется как обычный общий признак сопоставляемых предметов с той лишь особенностью, что степень сходства в нем экспрессивно подчеркнута отрицанием тождества: *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь* (смысл: «хотя и не воробей» или «тот же воробей»)[7]. С формальной точки зрения данные пословицы одним лишь компонентом (отрицанием) отличаются от пословиц с компаративным союзом или бессоюзных предложений тождества, и иногда можно обнаружить эти типы пословиц с полностью (или почти) совпадающим лексическим составом: *Горе не море: не выпьешь до дна.* Ср.*: Горе что море: не выпьешь до дна. Брюхо как зеркало: не видно, чем забито.* Ср.*: Брюхо не зеркало: не видно, что туда попало. Брюхо не яма: до краёв не наполнишь.* Ср.*: Брюхо — яма: ни завалить, ни засыпать.*

В паремиологических исследованиях подобные конструкции называются «отрицательное предложение тождества»[8] или «дезидентификация (дезидентифицирующие пословицы)»[9]. По подсчетам Т.Г. Бочиной, более 80 % пословиц с мотивированной дезидентификацией являются образными, в них отношения разуподобления устанавливаются между представителями разных классов. Кроме того, пословицы дезидентифицирующего значения своей образностью обязаны «сплаву стереотипных мотивов, закрепивших в коллективном сознании смежность самых разнообразных объектов и явлений жизни»[10].

Несмотря на наличие в подобных пословицах (№ 9–11) сравнительной семантики, исследователи устойчивых сравнений не считают эти единицы предметом своего изучения. Л. А. Лебедева пишет, что «отсутствие формальных показателей

[6] Тарланов 1999, 343.
[7] Огольцев 1978, 115.
[8] Тарланов 1999, 154.
[9] Бочина 2002, 110.
[10] Там же, 133.

сравнения даже при наличии сравнительной семантики не позволяет отнести языковую единицу к разряду сравнений…»[11]. Даже составители «Большого словаря народных сравнений» в предисловии подчеркивают, что они осознают маргинальную позицию таких единиц в корпусе устойчивых сравнений, но «включили их в словарь с целью продемонстрировать их образное и структурное взаимодействие, а также — диахроническую преемственность»[12]. Но, тем не менее — включили. И не только дезидентифицирующие пословицы, но и большую часть из компаративных моделей в составе пословиц, приведенных выше. При этом особенно широко (и наиболее последовательно) представлены пословицы с различными сравнительными союзами; после них можно было бы выделить дезидентифицирующие пословицы и пословицы, выраженные предложениями тождествами, которые также представлены весьма значительно, хотя и не в полном объеме (т. е. не все пословицы этого типа, вошедшие в «Большой словарь русских пословиц», как показала выборочная проверка, включены в БСРНС). И это весьма примечательно. Именно эти типы единиц представляют особые «пословичные» компаративные модели. Они близки по семантике (*Брюхо — злодей: старого добра не помнит [что ни день, то есть давай];* ср.*: Брюхо как злодей: старого добра не помнит; Горе не море: не выпьешь до дна;* ср.*: Горе что море: не выпьешь до дна),* однако только одна из этих групп пословиц содержит в своей структуре формальный показатель сравнения в виде сравнительного союза. Так должны ли мы при определении фонда устойчивых сравнений исходить из обязательного наличия в их структуре формального показателя сравнения или ограничиваться наличием сравнительной семантики? Сопоставление вышеприведенных пословичных структур со сравнительной семантикой, а также анализ материала БСРНС свидетельствует в пользу последнего.

ЛИТЕРАТУРА

Бочина Т. Г. 2002: Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань.

Лазутин С. Г. 1986: Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. 3–9.

Лебедева Л. А 1998: Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. Краснодар.

Лебедева Л. А. 1994: Словарь устойчивых сравнений русского языка. Краснодар.

Лебедева Л. А. 1999: Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар.

Огольцев В. М. 1978: Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.

Огольцев В. М. 1984: Устойчивые сравнения русского языка: Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. М.

Огольцев В. М. 1992: Устойчивые сравнения русского языка. СПб.

Тарланов З. К. 1999: Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск.

[11] Лебедева 1999, 12.
[12] БСРНС, 8.

SET SIMILES IN RUSSIAN PROVERBS

Ye. K. Nikolayeva

This article puts forth a new typology of proverbial expressions based on different types of comparative constructions that present principal semantic and compositional element of Russian proverbs. This research is based on the analysis of the material included in the recent «Large Dictionary of Russian Proverbs» (70.000 entries). The article also touches upon the problem of establishing the corpus of set similes to be included in the dictionaries.

Key words: proverb, set simile, comparative pattern.

© 2010

Р. А. Усмонов

ФЕНОМЕНЫ ИНИЦИИРОВАНИЯ И ПРОГРЕССИРОВАНИЯ ТЕМЫ В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ

В публичных беседах должностных лиц обычно охватывают несколько высказываний и, таким образом, имеют большую когерентно-образующую силу. Такие действия, как ввод темы, смена темы, сдвиг темы, окончание, а также ослабление темы требуют для своей реализации других действий, например, вопрос, предложение и др.

Ключевые слова: публичные беседы, высказывание, общение.

Беседу, диалог можно понимать как форму фокусирующей интеракции[1] с общей ориентированностью участников коммуникации на одну тему. При этом, как следует из опыта общения, политики и должностные лица в публичных ситуациях в большинстве случаев сходятся вместе не для того, чтобы говорить о строго очерченной теме. Тем самым развитие тематических направлений вытекает часто из направлений беседы. К этому следует добавить, что как раз в публичных беседах наблюдается более или менее свободное, не обусловленное заранее спланированной ситуацией обсуждение тем. Не существует «объективных», не зависящих от типа коммуникации схем ввода, развития и смены тем. Темы производятся, изобретаются участниками публичного коммуникативного акта в ходе интеракции. Каждая попытка обоснования темы указывает на то, как важна эта тема для коммуниканта. Многочисленные действия, служащие развитию тематической прогрессии, изменению фокуса (поддержание или препятствие), свидетельствуют о заинтересованности и ориентации коммуникантов, об их согласии, их смятении, смущении, озадаченности и всякой конфликтности их обмена.

[1] Шахнарович 1990, 22.

Наиболее распространенным способом идентификации фокуса в предложении текста публичной беседы считается вопросно-ответный тест, применяемый также при выявлении ремы. С помощью такого теста проверяется возможность рассматриваемого предложения быть ответом на местоименный специальный вопрос, а конституэнт, замещающий вопросительное слово, идентифицируется как фокус ответной реплики. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, берут ряд высказываний, составляющих парадигму какого-нибудь предложения, и задают специальные вопросы, на которые эти высказывания окажутся ответами в конкретных ситуациях[2].

Средством актуализации топика текста может выступать частица также. С. А. Сухих показывает, что фокусная частица также в синтаксической структуре русского высказывания имеет двойную функцию. Наряду с функцией выделения в сочетании с отрицанием не она входит в подкласс фокусных частиц и функционирует как индикатор субъекта и топика: *Мы при этом также были. Не только Кай, но также и Юлия сдали экзамен.* Фокусный компонент получает в высказывании более сильное ударение[3].

Референтная отнесенность предложения детерминируется прежде всего обозначениями, представленными в топике. Наиболее самостоятельным в референциальном отношении и должен быть топик, и не случайно топики формируются именами и именными фразами. С когнитивной точки зрения именно они должны быть перцептуально наиболее определенными и легко идентифицируемыми и/или входящими в разделенное знание говорящего и слушающего и т. д. В языке они обычно обозначены существительными и местоимениями, которым, как говорит Кубякова, присущи черты «ингерентной топикальности». Некоторые единицы в языке и должны были стать наиболее приспособленными для того, чтобы фиксировать исходную, или отправную референциальную величину[4].

По мнению Л. М. Савосиной, средством актуализации темы, топика высказывания могут быть фазисные модификации (*оставаться, остаться, становиться, стать, превратиться*): «*Человеком благородным в сознании всех остается Пушкин»*; модальные модификации (*должен, может*): *«Собачники должны быть людьми добрыми, душевными»*; авторизованные модификации: моносубъектные и полисубъектные (*считают, называют, считаться, называться, казаться, показаться*): *«В Китае, Вьетнаме, Японии, Бирме, Камбодже бамбук считают такой же замечательной едой, как мы грибы»*. Модульные модификации при этом могут выражать различные смыслы персуазивности (субъективной модальности, характеризующей отношение говорящего к содержанию высказывания и осложняющей общий смысл высказывания), показателями которой являются вводные слова и предложения, глаголы, наречия, модусные частицы, функционирующие как в составе подлежащего, так и в составе сказуемого[5].

Нередко в публичныхных беседах, дискуссиях, и т. д. диалогом руководит уполномоченный для этого участник. Он контролирует порядок следования тем; взаимосвязь между вновь введенной темой (подтемой) и главной темой; взаимос-

[2] Скороходько 1972, 12.
[3] Сухих 1998а, 43; 1998б, 44.
[4] Кубрякова 1997, 245.
[5] Савосина 1998, № 3, 69.

вязь между отдельными речевыми вкладами и темой (это означает, что существует молчаливое согласие говорить по теме, оставаться при обсуждении темы); при соответствующих обстоятельствах порядок следования говорящих (мену ролей); завершение тематических действий (т.е. он зачастую один уполномочен вводить новые темы и заканчивать их). Вероятно, такие виды текста можно строить по моделям тема-рематических цепочек О. И. Москальской[6]. Наиболее часто здесь используется тема-рематическая цепочка на базе так называемых производных тем, вытекающих из общей темы (гипертемы).

Так как отдельные темы связаны с главной, подчиняющей темой публичного разговора в смысловом (референциальном, пропозициональном, инференциальном или в другом) отношении, при этом не обязательно с соседними темами, допускаются внезапные, резкие смены тем. Немаловажную роль здесь играют перформативные высказывания. Эксплицирование действия, которое они как раз выполняют или которое непосредственно допускают, действует как цезура (разделяющее целое на части) между двумя разговорными темами. С другой стороны, они имеют, тем не менее, связующую функцию. Дается сигнал для отсутствующего поступления последующего речевого вклада в обсуждаемую до сих пор тему и он одновременно обозначает вклад во вновь введенную тему. При заданности названных условий участники этих публичных бесед (коммуниканты) ожидают, что темы, введение которых подготовлено с помощью этих предикатов действия, относятся к канону изложенных ранее тем или вносят вклад в развитие главной темы как подтемы.

Подобные ожидания отсутствуют в повседневной разговорной речи. Тематические действия, коммуникативные вклады и распределение социальных ролей не запрещены здесь ни в содержательном, ни в структурном плане. О способах согласования тем, таких как:

1) независимое от контекста введение новой темы;

2) введение ассоциативной темы.

Независимое от контекста введение темы рассматривается в данном случае как резкая смена тем. Ассоциативные средства служат для того, чтобы организовывать гладкий скользящий переход. При резкой смене тем должны быть соблюдены два условия: 1) между темами не должно прослеживаться никакой содержательной связи, так, чтобы не было пропозициональных, референциальных, лексико-семантических и синтактико-семантических связей, равно как и ключевых слов, лейтмотивов и других ассоциативных соединений; 2) с другой стороны, не должно быть никаких языковых вставок, с помощью которых могла бы внушаться связь с предыдущей темой. Отсутствие взаимосвязи может быть эксплицировано. Резкая смена тем может быть смягчена некоторыми обстоятельствами. Нисходящая интонация, длительные паузы, а также стереотипные обороты маркируют те места в ходе беседы, в которых может состояться как смена ролей, так и мена тем.

Иногда цепочки тем развиваются из одного тематического поля в том случае, если коммуниканты мало знакомы и черпают дальнейшие темы для разговора из одного источника.

---

[6] Москальская 1981, 23.

Структура следования, ход публичной беседы — постоянно на основе конститутивного отношения мены ролей между говорящим и слушающим — в очень сильной степени определяется видом и способом инициирования темы и выбором методов. Если взгляд целенаправленно обращается к комплексным процессам тематической прогрессии, то речь идет, вообще говоря, об исследовании условий и возможностей раскрытия темы в публичном диалоге. Несмотря на то, что разные образцы развития тематической прогрессии с трудом подвергаются фиксированной систематизации, их можно установить только как результат эмпирического анализа.

Ход публичной коммуникативной беседы может иметь следующие пассажи.

а) *Препятствия, помехи.* В принципе каждое введение темы, равно как и ее развитие, может торпедироваться действиями со стороны партнера. Партнер может активно мешать развитию темы, особенно если тема инициирована односторонне. Основным знаком таких попыток поворота в противоположность к обогащению тема-рематического развития в интересах обоих является как раз ее односторонность: партнер не развивает тему в ожидаемом направлении, а заостряет, например, внимание на инициированной прежде теме или на маргинально названном побочном аспекте. Этим отступлением развитие темы задерживается, и следствием являются незапланированные разногласия. Тематическое обсуждение в отношении к общему контексту становится неудовлетворительным. Действенным средством создания помех развитию темы и диалога являются промежуточные вопросы в конверсационно не подходящих местах.

б) *Оборона, защита, отражение, отпор.* В публичных диалогах часто встречаются отдельные отпоры, отказы, прежде всего там, где обсуждается что-то спорное, т. е. преодолевается диссонанс между партнерами. Можно называть две технологии отпора. Технологией здесь именуется функция и цель соответствующего действия. Первая — изменение фокуса. Под изменением фокуса понимается стратегия, которую применяет говорящий (приблизительно с использованием того же вокабуляра), симулируя (инсценируя), т. е. повторяя его мысль, но одновременно расставляя другие акценты так, чтобы потом вновь прибегуть к высказыванию, фокус которого он поменял. Он проделывает это довольно-таки быстро, чтобы другой коммуникант не смог понять, что собственно произошло.

Ввод новой темы партнером может осуществляться также с помощью наречия *кстати,* междометия *мда*, знаком того, что говорящий осознает нарушение правил общения своим перебиванием, поворотом темы.

Введение новой темы может осуществляться после *краткой паузы.* Переход к новой теме происходит непосредственно после паузы.

Инициирование новой темы постоянно требует от обоих участников публичной коммуникации определенных ориентационных действий. Если смена темы реализуется партнером путем перебивания, то прерываемое лицо вынуждено более или менее настроиться на новое. Если изменение направления беседы осуществляется после паузы как «естественная цезура» или во время собственного речевого вклада, то она может протекать гармоничнее и лучше осуществляться специальными формальными или семантическими маркерами. Инициирование тем внутри публичного диалога может быть равнозначным с возобновлением уже обсуждавшейся ранее темы.

Возобновление тем часто возникает как реакция на неудовлетворительный интерактивный ход событий и, тем самым, может рассматриваться как попытка повлиять на этот процесс формированием собственного желания, дела. Это доказывает обладание, владение партнером *конверсационной компетенцией.* Участники коммуникативного акта чувствуют себя в состоянии следить за процессами публичного диалога в его языковом развитии, применять определенные правила и активно строить коммуникативный процесс. Для возобновления темы используются следующие выражения: *Что я хочу сказать; я бы хотел добавить* и т.п. Следует констатировать, что возобновление темы всегда имеет определенную цель — является ли это только желанием продолжить разговор или нет.

Таким образом, феномены инициирования и прогрессирования темы в публичном диалоге очень разнообразны. С одной стороны, различные процессы на практике не доступны единому описательному методу, с другой стороны, последовательная работа с практическим материалом позволяет сделать определенные предположения в отношении использования темы. Как в области инициирования тем имеются типичные элементы при резкой смене темы, так и в области прогрессии темы выкристаллизовываются специальные способы, например: *да, да.* Коммуниканты сами решают в ходе беседы, какой предмет, или какая ситуация должна быть темой. Инициирования могут касаться не только темы, но и публичной беседы в целом. Попытки создания помех касаются как темы, так и способа и вида коммуникации. Отпор и умалчивание осуществляются по отношению к теме, равно как и по отношению к вопросам организации, конституции беседы и отношений. Тема, разговор не могут быть навязаны, успех беседы зависит во многом от отношений коммуникантов. На практике все эти процессы не разведены, а переплетены вместе, поэтому исследование характеризуется таким же разнообразием, как и сам феномен. Публичная беседа — это всегда сложное, живое действо, и очевидно, что процессы ввода темы и развития темы едва ли можно исследовать и решать без анализа интенций и мотиваций говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

Горлина А. С. 2000: Работающие тесты для идентификации фокуса контраста в высказывании // Тверской лингвистический меридиан. 4, 60–75.

Кубрякова Е. С. 1997: Части речи с когнитивной точки зрения. М.

Москальская О. И. 1981: Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностр. яз.) : учеб. пособие. М.

Савосина, Л. М. 1998: Синтаксическая парадигма предложения и ее соотнесенность с актуализационной парадигмой // Русский язык за рубежом. 3, 69–75.

Скороходько Э. Ф. 1972: Лингвистические основы автоматизации информативного потока : автореф. дис …. канд. филол. наук. Киев.

Сухих С. А. 1998: Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар.

Сущинский И. И. 1987: Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации // Вопросы языкознания. 6, 110–120.

Шахнарович А. М. 1990: Психологический анализ семантики и прагматики: На материале онтогенеза речи. М.

THEMATIC INITIATION AND PROGRESSION IN PUBLIC DIALOGUE

R. A. Usmonov

Public discourse of office-holders as a rule covers several utterances and possesses a high degree of coherence. Actions like introducing, changing, shifting, completing, or weakening theme-line would entail other actions to actualize the theme. Among these, for example, are questions, offers, etc.

Key words: public discourse, utterance, communication.

© 2010

Д. Балакова, В. Ковачова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕШСКО-РУССКОЙ И СЛОВАЦКО-РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье исследуются актуальные для современной языковой ситуации вопросы чешско-русской и словацко-русской фразеологической компетенции. В работе представлены результаты межъязыкового сопоставительного исследования фразеологической компетенции на материале романа польского писателя А. Саповского.

Ключевые слова: фразеологическая компетенция, русский / чешский / словацкий язык, семантическая интерпретация фразеологизмов.

Словацкий лингвист М. Олоштяк, ссылаясь на теории Й. Дольника, В. Крупы и Й. Фурдика, в рамках проблематики языковых контактов останавливается на проблематике межъязыковой близости, которую он определяет как *„языковое и экстралингвистическое расстояние между двумя (либо несколькими) языками, вступающими в контакт*“[1]. Поскольку языковое расстояние опирается на генетический, типологический и структурный параметр определения языковой близости, то экстралингвистическое расстояние представлено посредством временнóго, территориального и социально-психологического параметров — как отражение экономических, политических, культурологических, конфессиональных, демографических факторов, т.е. факторов, относящихся к функционированию общества[2]. В наших рассуждениях о межъязыковой славянской фразеологической компетенции понятие межъязыковой близости является предварительным в смысле теоретических замечаний о взаимоотношении славянских языков, представленных выборочно в нашей статье на материале словацкого, чешского

[1] Ološtiak 2004, 131–132.

[2] Кроме параметров языковой близости при этом необходимо учитывать и её внутренние особенности, которые влияют на вышеназванные параметры: дистанционность, реляционность, векторность, интенсивность, стратификационность и речистрируемость (Ološtiak 2004, 131–132).

и русского языков (с неизбежным обращением и к польскому языку), которое помогает исключать гипотезы и последующее обоснование результатов исследования фразеологической компетенции в широких славяноязычных отношениях.

Если исходить из межъязыковой близости таких славянских языков, как словацкий–чешский–русский (и фоновый польский), то неудивительно, что наибольшую как языковую, так и экстралингвистическую близость демонстрируют западнославянские словацкий и чешский языки (чешско-словацкая подгруппа), типологически и структурно «близкородственные». Среди экстралингвистических параметров нельзя не упомянуть и территориальное соседство, многолетнее общественно-политическое партнёрство в общем государстве (аспект общественно-исторического развития) либо высокую степень этнопсихологической близости и культурного родства. Дольник[3] именно в отношениях высокой степени близости в случае чешского языка и его отношения к словацкому языку указывает на факт, что о чешском языке в Словакии говорят не как о языке иностранном, а как о языке контактном. И даже в изменившихся общественно-политических условиях после возникновения двух самостоятельных государств, вопреки определенному ограничению множества причин, воздействующих на актуализацию потенциальной компетенции восприятия языка, что оценивается в исследованиях взаимоотношений словацкого и чешского языков либо как тезис об отдалении их друг от друга, либо как тезис о сближении чешского и словацкого языков (Nábělková, Mitter), отношения этих языков представляют собой определённый тип исключительного взаимодействия, в пределах которого не предполагается более выразительная степень межкоммуникативного непонимания (как реакция на определённое уменьшение контакта со словацким языком в чешской среде, что, особенно в молодёжной среде, указывает на определённый дискомфорт, вызываемый отсутствием навыка воспринимать словацкие тексты[4] — *„между чешским и словацким языками существовало и до сих пор существует отношение полукоммуникации, когда чешские и словацкие собеседники используют в общении свои языки и понимают друг друга“* [5].

Иным является положение русского языка в сравнении с чешским и словацким. Степень языкового родства здесь хотя и относительно высока, что обусловлено их генетической характеристикой, однако и определённые различия обусловлены даже генетическими факторами (словацкий и чешский — западнославянские языки, а русский — восточнославянский) и, естественно, исходят из внутренних тенденций развития названных языков. Иной является и оценка экстралингвистического отдаления — географическое расстояние, различное общественно-историческое развитие, разные политические и культурные условия либо меньшая степень этнопсихологической близости не даёт возможности оценивать межъязыковую близость на уровне взаимного сходства словацкого и чешского языков. Пассивное или активное овладение русским языком носителями словацкого и чешского, в недавном прошлом значительно качественно обусловленное обязательным обучением в начальных и средних школах, имеет сейчас тенденцию

[3] Dolník 2007, 113.
[4] Nábělková 2005, 251, 258.
[5] Ondrejovič 2005, 246.

к уменьшению — особенно в среде молодёжи, поскольку сейчас в школах преобладает ориентация на изучение английского языка.

Как уже выше указывалось, в нашей статье учитывается (хотя и спорадически) и фон польского языка (подробнее о польско-словацких языковых отношениях см.: Buffa 1998). Это обусловлено тем, что исходным произведением, которое было использовано в качестве материала для межъязыкового словацко-чешско-русского сопоставления, был роман польского писателя А. Сапковского (A. Sapkowsky). Андржей Сапковский, автор трилогии «Башня дураков» — словацк. *Veža bláznov* (Narrenturm, 2002), «Господни воины» — *Boží bojovníci* (Bozy bojownicy, 2004) и «Вечный свет» – *Svetlo večné* (Lux perpetua, 2007), является одним из самых популярных современных представителей славянской литературы жанра «фэнтези». Уже первое знакомство с авторским идиолектом свидетельствует о том, что А. Сапковский относится к писателям, работающим с экспрессивностью, которая создаётся им — помимо других стилистических средств — путём частого использования фразеологизмов. Поскольку его произведения переведены на многие языки (не исключая словацкий, чешский и русский), его произведения являются хорошей основой сопоставительного фразеологического потенциала соответствующих языков. Одновременно они дают возможность вглядеться как в межъязыковую (чешско-русскую и словацко-русскую) фразеологическую компетенцию представителей двух языковых обществ (и тем самым способствовать расширению фактов, позволяющих исследовать фразеологические системы близкородственных языков), так и во фразеологическую компетенцию как таковую (исходя из факта, что знание фразеологии является важным мерилом овладения как родным, так и иностранным языком).

В своём исследовании мы сосредоточились на анализе способности к подходящей **семантической интерпретации** (далее — СИ) фразем родственного славянского языка (идентификация архисемы) у анкетируемых чешских и словацких школьников на основе исследовательской модели[6], продуцируемой представителями современной молодёжи. Мы исходили из предположения, что корректная фразеосемантическая интерпретация обусловливает восприятие и беспроблемное понимание иноязычного коммуниката и контролирует коммуникативные способности пользователей языка (уверенность и искусность в употреблении фразем).

Целью анкетного обследования было адекватно семантически интерпретировать ограниченный комплекс фразем, извлечённых из романа «Башня дураков» *Veža bláznov* (в оригинале и в чешском переводе — *Narrenturm*), название которого переведено на русский язык как *Башня шутов* (Е. П. Вайсброт, 2004), а также определить соответствующий семантический эквивалент родного языка.

Исследуемый комплекс фразем создавали приведённые фразеологические единицы (для наглядности приведём их как в форме польского оригинала, так и в отдельных переводах):

[6] Исследовательская модель была взаимно сопоставима как количественно — (со словацкой стороны в анкетировании участвовало 187 опрашиваемых, с чешской — 185), так и качественно — анкетируемые являются школьниками в возрасте от 15 до 19 лет (учащиеся словацкой гимназии в городе Ружомберок; учащиеся чешской гимназии и торгового училища в городе Лоуны).

Czteroosobowa załoga *uwijała się jak w ukropie*, szyper klął i poganiał. //... rovněž čtyři členové jeho posádky *se ani na chvíli nezastavili*. // Štvorčlenná posádka *dobre že sa od roboty nepretrhla... //* Экипаж из четырёх человек *мотался как чумной*.

1. Aż włosy podnosiło. // ... z něhož vstávaly vlasy na hlavě. // Človeku až vlasy stávali dupkom. // Так что волосы вставали дыбом.
2. Jak grzyby po deszczu wyrastają fałszywi prorocy... // Jako houby po dešti se všude kolem množí falošní proroci... // Ako huby po daždi vyrastajú falošní proroci... // Словно после дождя вырастают ложные пророки.
3. Masz raz na zawsze wybić z głowy żonę Gelfrada Sterczy... // Jednou provždy si vyžeň z hlavy ženu Gelfrada Štercy... // Raz a navždy si vybi z kotrby ženu Gelfrada Sterczu... // Ты должен раз и навсегда выбить у себя из головы мысли о жене Гельфрада Стерчи...
4. Nie suknia zdobi człowieka — odrzekł zimno Szarlej. // „Šaty nedělají člověka," — odtušil nevzrušeně Šarlej. // Šaty nerobia človeka, — ľadovo zareagoval Šarlej. // Не одежда красит человека — холодно ответил шарлей.
5. Klął się, że zabójcę pana Neumarkta, gdy go złapie, żywcem ze skóry obłupi. // Zařekl se prý, že vraha pana Nemarkta musí dostat za každou cenu, aby ho mohl zaživa stáhnout z kůže. // Zaprisahal sa, že keď chytí vraha pána Neumarkta, tak ho zaživa z kože zderie. // Клялся, что с убийцы господина Ноймаркта, когда его поймают, живьём шкуру сдерет.
6. Co tchórzliwsi *wzięli* z miejsca *nogi za pas*. // Bázlivější z nich *vzali* rovnou *nohy na ramena*. // Čo bojazlivejší hneď *vzali nohy na plecia*. // Те, что потрусливей, сразу же *взяли ноги в руки*.

Что касается дифференциальных графических систем сопоставляемых языков (латиница verzus кириллица), то с учётом предположения о низкой степени знания кириллицы у словацких и чешских школьников необходимо заметить, что словацкие и чешские опрашиваемые работали с вопросником, в котором соответствующая русская фразема передавалась латиницей, а в качестве иллюстрации та же фразема подавалась кириллицей в скобках. Вышеозначенный комплекс ФЕ, извлечённых из польского оригинала и словацкого, чешского и русского переводов, мог бы позволить взглянуть на фразеологическую проблематику и с позиций транслятологии, но это не было целью авторов данной статьи. Поэтому в отношении перевода мы хотим обратить внимание лишь на факт, что в то время как ФЕ № 2 — № 6 являются эквивалентными ФЕ с одинаковым (симметрическая эквивалентность фразем) либо частично различающимся лексическим составом (симметрично-асимметричная эквивалентность фразем) и одинаковым значением (взаимная полисемия ФЕ — напр., ФЕ № 6, хотя здесь актуализация соответствующего значения продиктована контекстом), то в случае с ФЕ № 1 возникла ситуация, в которой переводчики по сравнению с оригиналом используют единицы, наиболее подходящие к данному контексту и адекватно воспринимаемые читателями. Здесь речь идёт, по классификации Е. Секаниновой[7] об асимметрической эквивалентности фразем,, в которй определённая денотативная ситуация отражается различным лексическим составом ФЕ (о проблематике перевода фра-

[7] Sekaninova 1993.

зем и их эквивалентности см., напр.: Hrdlička 2005). Учитывая приведённый факт, нужно подчеркнуть, что в анкете именно так словацкие и чешские опрашиваемые работали с русской полисемантической ФЕ *мотался как чумной.* Последствия её многозначности будут описаны ниже.

Ещё более сложные проблемы с семантической интерпретацией (как это показывает график № 1) обнаружились у словацких и чешских опрашиваемых по отношению к трём фраземам — № 1, 3 и 6. Степень интерпретационной неудачи у обеих моделей, предложенных студентами, была почти идентична в случае с ФЕ № 1.

График № 1 — сравнение успешности (%) чешских (ČSŠ) и словацких студентов (SSŠ) при передаче отдельных архисем русских фразеологических единиц:

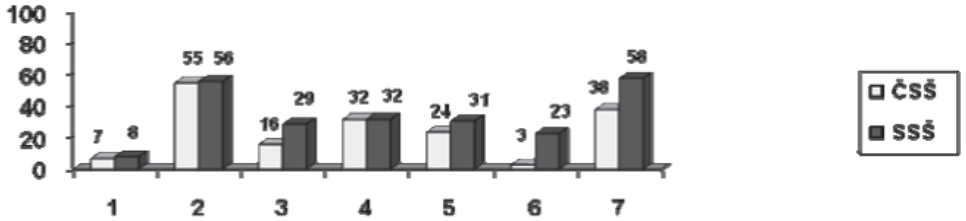

График № 1

Фразема №. 1: Экипаж из четырех человек *мотался как чумной*.

У словацких и чешских студентов неуспех был обусловлен сосредоточением их внимания на глаголе *мотался.* Хотя они и поняли, что имеют дело со сравнением, они не смогли идентифицировать компонент *чумной*:

а) либо они его игнорировали и стремились передавать архисему буквальным значением «передвигаться неуверенно, шатаясь из стороны в сторону», ассоциируя это с состоянием опьянения (напр.: *motal sa ako opitý* или ещё более экспрессивное *jako ožralý, jak doga, prase, jak čuně; motal sa spitý pod obraz boží*); либо относили к значению «бесцельно ходить, слоняться, шататься» sa“ (напр.: *chodil, motal sa ako bez duše, nič ho nebaví, ponevieral sa)* или связывали её с фразеологизмами *motal se jak nudle v bandě, motal sa ako Marek po pekle*). В более редких случаях они соотносили эту архисему со значением словацкого глагола *zavadzať* «препятствовать, мешать» либо связывали её с глаголом *motat sa* в устойчивых сравнениях *motal sa popod nohy* «путался под ногами» „был неловким, был помехой“ *motal se jako slon v porcelánu* и т. д.;

б) либо, наоборот, сосредоточивали на ней своё внимание, что «соблазняло» особенно чешских испытуемых к ответам, отталкивающимся либо только от значения глагола *čumieť* (словацк. *zízať, civieť*) «глядеть, праздно смотреть», т. е.: *podívej se, kam čumíš, čučíš; 4 lidi na mě blbě čumeli; motaj se jak čumilové; motají se a čumí okolo*.[8]

Фразема №. 3: Словно после дождя вырастают ложные пророки.

У этой фраземы успешность опрашиваемых весьма дифференцирована: для словацких школьников она была самой проблемной, для чешских студентов —

[8] Один из чешских респондентов предлагает в рамках ответа свою «теорию толпы»: čím víc lidí, tím víc čumí — jesltiže jsou čtyři, motaj se jak čumilové.

третьей в шкале неуспешности. Как показывает график, результаты обеих моделей испытуемых количественно значительно отличаются в ущерб словацких (5 % SSŠ — 16 % ČSŠ), поэтому для интерпретации интересны их ответы и причины неуспеха, причём — не только по отношению к русской ФЕ, но и с точки зрения чешско-словацкого сопоставления, в то время как в словацком и чешском языках существует одинаковый эквивалент — *jako houby po dešti/ako huby po daždi.* Прежде всего необходимо констатировать, что словацкие студенты отказались здесь давать какой-либо ответ, а именно — в 96 случаях (для сравнения — из чешских опрашиваемых не ответило 73 человека). Причиной низкого процента восприятия фразем было отсутствие семантической интерпретации, т.е. словаки (так же, как впрочем и чехи) проводили лишь эквивалентные ФЕ, что, в соответствии с поставленной целью нашего исследования — установить фразеологическую компетенцию — было недостаточным и поэтому такие ответы не были засчитаны (об этом см. в заключении нашей статьи). Третьей причиной неуспеха по сравнению с чешскими студентами была более высокая степень сосредоточенности на контексте ФЕ, на оборот *ложные пророки,* который в сочетании с русским сравнительным союзом *словно* (который в двух моделях у опрашиваемых ассоциативно связывался с лексемой *слово* (словацк. *slovo*) и вместе с предлогом *после* приводил к неверной интерпретации, тематизирующей концепты Бога, пророков и их пророчеств (приведём для иллююстрации несколько примеров: «*Budiž voda. Povedal Pán Boh a bola voda; slovo nášho Boha zostáva naveky; slovo proroka padlo na neúrodnú pôdu; z dažďa vyrastajú slávni (slovní) proroci; slovo pošlem do dažďa a vyrastie prorok; pred dažďom sú tu nejaké predzvesti; bude pršať, keď proroci predpovedajú dážď; po daždi je každý prorok;* чешские СИ: *slovo boží je svaté; slovo posla božího vytrestá falešné proroky; slovo posla potvrdili proroci; jak přišli brzo všichni proroci* и т. д.;). В то время как словаки связывали компонент *ложные* лишь со значением «лживый», т. е. им было достаточно первого слога для идентификации значения лексемы, чехи, наоборот, кроме этого пошли ещё дальше и «использовали» и другую часть слова, результатом чего явились ответы, включающие *слово ložnice* (спальня) (*zprávy poslali proroci v posteli; někdo poslal někoho, aby něco udělal s ložním prádlem; slovo poslední má každý, kdo vychází z ložnice* и т. п.).

Следующую многочисленную группу СИ (как чешских, так и словацких) представили ответы, исходящие лишь из одного компонента, — из компонента *дождь,* и толкования относились либо к погоде, либо приобретали подчёркнуто антропологический характер (напр.: *po daždi vyjde slnko/po bouřce se vyjasní; žiadny smútok netrvá večne/po bouřce přijde něco pěkného*).

Фразема № 6: Клялся, что с убийцы господина Ноймаркта, когда его поймают, *живьем шкуру сдерет*.

У этой ФЕ — для чехов второй, а для словаков третьей самой проблемной (3 % — ČSŠ; 10 % — SŠŠ) — мы зарегистрировали при обработке анкет самое большое число данных (у чешских опрашиваемых 99, у словацких — 108). Естественно, что этот факт отразился и в низкой процентности успешности. На основе анализа ответов можно констатировать тенденции, подобные тем, которые были отмечены для вышеназванных фразем. Мы приводим лишь эквивалентные формы без их семантической интерпретации (в намного большей степени для

чешского материала) с акцентом лишь на одном или двух компонентах ФЕ и вытекающей из этого дезинтеграцией. Компонент *живьём* навёл чешских опрашиваемых на отражающее в СИ значение глагола «жить» (*žiť*) (*žijem doopravdy špatně, strašně; živi jsme a budem*), реже — «содержать» (*živiť*) либо «кормиться, питаться», и в комбинации с неидентифицированным компонентом *шкуру* мы могли зарегистрировать более или менее ожидаемые ассоциации (напр., *živím celou rodinu, kopu dětí, hodně sester, nepravého, ošklivého škreta, hnusnou šeredu; živím se kůrou ze stromů, kůrkou chleba, škrobem*).

Значимой причиной неверных ответов, однако, был и другой фактор. Русская ФЕ *драть (сдирать/содрать) шкуру ([по] две (три) шкуры, семь шкур) с кого*[9] в русском, чешском и словацком языках имеет значение «эксплуатировать кого-л. с крайней жестокостью», «немилосердно обирать, обкрадывать кого-л.», «жестоко наказать, избить кого-л.». Поскольку контекст этой ФЕ в нашем конкретном примере (Клялся, что с убийцы господина Ноймаркта, когда его поймают, *живьем шкуру сдерёт*) делал возможным лишь толкование «жестоко наказать, избить кого-л.», то ответы студентов, отразившие первые два значения ФЕ, мы не учитывали, а следовательно, не включили их в категорию правильных, что довольно выразительно снизило процент их успешности (на 2-м этапе оценки мы, однако, этой проблемой занимались — см. заключение статьи). Очевидно, что в случае данной ФЕ опрашиваемые либо на сосредоточивали внимания на контексте, либо обратили на него минимальное внимание (соответственно, внимание на него обратили лишь некоторые опрашиваемые).

Хотя, как видим, можно констатировать, что самые сложные проблемы с СИ обнаружились у трёх ФЕ из оцениваемого комплекса, это не означает, что опрашиваемые не имели проблем при СИ с другими ФЕ. Степень неуспешности, однако, здесь была по сравнению с ФЕ № 1, 3 и 6 менее выразительной (ФЕ № 4 и № 5), соответственно в двух случаях способность верно определить архисему либо на одной, либо на другой стороне превысила границу 50 % — у ФЕ *так что волосы вставали дыбом* чешские школьники достигли 55 %-й успешности, а словацкие при интерпретации ФЕ *взяли ноги в руки* — 67 %. Можно представить квоту успешности по мере её повышения по результатам СИ в таком порядке: ФЕ № 5, № 4, № 2 и № 7.

Frazéma č. 5: *Не одежда красит человека* — холодно ответил Шарлей.

Оценивая результаты исследования способности интерпретировать данную фразему в её реализуемой форме, следует сразу же отметить, что в рамках неверных попыток установить её архисему мы ожидали две линии, ведущие к интерпретационному неуспеху опрашиваемых. И наши ожидания оправдались: первая линия, т.е. переводческая и ассоциативная, отталкивалась от стремления опрашиваемых опереться на русские лексические единицы, которые они могли (верно или неверно) семантически идентифицировать, перевести их на родной язык и затем, с помощью ассоциаций, связанных с приведённым компонентам, установить (неадекватную) СИ (*красить — человека*: *nedej na krásu člověka, neskrášluj člověka, člověk je odjakživa krásný, nemožno krášliť človeka, niet krajšieho na svete okrem mňa, neokrást člověka, není potřeba kazit člověka, nekreslit člověka; одежда — человека*: *nie*

[9] Stěpanova 2007, 857.

od dažďa je človek krásny, od dažďa je krása človeka). В другой интерпретационной линии опрашиваемым удалось верно идентифицировать отдельные единицы русского фразеологизма и распознать его образное значение — связанное, тем не менее, с его инвариантным видом. В этих случаях неадекватная интерператция была вызвана неспособностью осмыслить и разузнать актуализацию фраземы, достигаемую с помощью отрицания (*Одежда красит человека* versus *Не одежда красит человека*) — опрашиваемые обычно оставались на уровне значения, соответствующего инвариантам фразем *Šaty robia človeka/ Šaty dělají člověka*, что указывает на факт, что как словацкие, так и чешские анкетируемые подошли к этой единице как к единице неизменяемой, окаменевшей, с прочно устоявшейся положительной формой (без ожидания трансформации формы фраземы), и это подтверждает фразеологическую некомпетентность, относящуюся к реализации подобной фраземы.

Различий в процентно соотносимой успешности чешских и словацких школьников не было — чешские школьники достигли 24 %-й, а словацкие — 22 %-й успешности.

Фразема № 4: Ты должен раз и навсегда *выбить у себя из головы мысли о жене* Гельфрада Стерчи...

Русская ФЕ, соответствующая в словацком и чешском языках эквивалентам *vybiť si z hlavy/kotrby niekoho/niečo, vyhnat si z hlavy někoho/něco,* вызвала при попытках СИ проблемы как у одной, так и у другой стороны опрашиваемых, с более заметными негативными результатами для словацких испытуемых. Релевантным для оценки результатов оказывается достаточно высокий процент отказа от ответов (48 % из всего числа словацких школьников в сравнении с неответившими 35 % чешских), что свидетельствует о том, что проблема идентификации фразеологического, образного значения является «надстроечным» (из тех словацких опрашиваемых, кто попытался установить архисемы, ответили неверно 36 %, а верно — 16 %, чешских же — 33 % неверных ответов и 32 % ответов с корректной фразеосемантической интерпретацией). Основой столь заметного неуспеха является сниженная межъязыковая компетенция школьников, проявляющаяся в незнании русских лексических единиц, хотя в этом случае и доминировали слова, имеющие праславянское происхождение и употребляемые как в современном словацком, так и в чешском языках (естественно, с отражением соответствующей семантической эволюции). В ответах, которые опрашиваемые — пусть в конечном итоге и неверно — попытались объяснить своё понимание семантики ФЕ можно заметить, что мотивационным фактором для установления определённой СИ были не только постоянные слова-компоненты ФЕ *выбить* (ассоциация с насилием), *мысли* (в сочетании с компонентом *голова* ассоциации с процессом мышления — забывание или вспоминание), но и факультативный компонент (важный для контекстуальной реализации ФЕ) — *о жене* (особенно в сочетании с глаголом *выбить* — ассоциация с насилием, совершаемым над женщинами)[10].

[10] В числе неверных ответов для иллюстрации приводим несколько примеров, распределенных по рабочим группам согласно аспектам:

- аспект деструктивный: *vybiť niekomu zub, vybijem mu štyri zuby, vybiť si zlosť/vybít si zlost/vybít si vztek, oko za oko, zub za zub, biť ženy je trestné, nebi doma nikoho, vybít si síly na ženě, vybít všechny slabomyslné;*

Фразема № 2: Так что *волосы вставали дыбом*.

Фразема № 2 принесла при сопоставлении ответов словацких и чешских школьников более положительный результат для чешской стороны, которая достигла при фразеосемантической интерпретации 55 %-й успешности в отличие от словацких школьников, лишь 27 % которых смогли правильно определить архисему. В качестве болезненного пункта в ответах словацких опрашиваемых проявилась именно неспособность СИ фраземы, поскольку определённая часть опрашиваемых (55 ответивших, т. е. 29 % из их общего числа) не ответила вообще, соответственно осталась на уровне представления словацкого эквивалента, но без соответствующего толкования значения (отказ от определения архисемы). В случае, когда мы не учитывали обязательную задачу анкеты (попытку объяснить значение) и принимали лишь приведение эквивалента, который может, но не должен подтвердить фразеологическую компетенцию отвечающего в плане понимания значения данной ФЕ, процент успешности в словацкой аудитории значительно бы возрос — до 65 %. Более уравновешенные «результаты» в этом отношении представляют чешские школьники, где приведение эквивалента без адекватной интерпретации представляет лишь 1 % (55 %-я против 56 %-й успешности). Что касается неуспешных интерпретаций, то можно отметить, что определённым «путеводителем» для этого числа опрашиваемых стали либо лескическая единица *встать* (*вставали*), которую подсказали им временные ассоциации с утренним вставанием, а быть может, и ассоциации с воскресением из мёртвых (словацк. *zmrtvychvstania*) (напр., *tak co budem vstávat?, tak co, chlapi, vstaneme?, tak co kdybychom vstávali/brzo, v kolik hodin jste vstáli, už jste mali dávno vstávat, vstali z mrtvých*), либо же — слово *волосы* (с характерным восточнославянским полногласием, которое на основе фонетической структуры опрашиваемые отождествили с *osa/(v)osy* «оса», «осы» (*takto vosy umírali kvúli dymu, popíchali mě vosy, být poštípan vosami, vosy vyleteli z dubu*), voly (*tak tři voli vstali domú, voli stáli u dubu*), *osel/(v)osel* (*tak proč osly šli dymem, tak který vosel vstával tak brzo*). Приведённые типы ответов (тип *взять* и тип волосы) при этом не характерны для словаков (в одном случае мы даже зафиксировали у словацких школьников ответ, отталкивающийся от случайного звукового сходства слов *волосы* и *vôl* «вол» — *vôl ostane volom*, вероятно даже в коннотации с пословицей *Nikto učený z neba nepadol*). Поскольку ключевым словом для интерпретации стало существительное *волосы,* то речь шла о верном понимании значения данной лексемы, вследствие чего избрана ассоциативная ориентация на причёску (напр., *neupravené, strapaté vlasy, vlasy, vstaňte chytro* — эта линия вторично зафиксирована и в ответах чешских студентов — *měl vrabčí hnízdo na hlavě, ze spaní*), либо — в сочетании с глаголом *vstávať* «вставать» — на значение «не выспаться, плохо поспать».

- аспект креативный: *vyburcovať sa v myslení, vydať zo seba myšlienku, zamyslet se, probuď u sebe zdravou mysl, vzchop se, nalézt ve své mysli, dostat ze sebe dobré myšlenky, vymyslet si něco, vylovit z paměti, osvítil mě duch svatý;*
- аспект достоверности: *povedať presne to, čo s o nej myslím, povie, čo si myslí, byť úprimný, mať na vec vlastný názor;*
- аспект забывания (вне зависимости от контекста): *dostať z hlavy zlú myšlienku o niekom, co oči nevidí, to srdce nebolí, doučit se, co jsem zapoměla, na nic nemyslet, mít prázdnu hlavu, jednou za čas si vyčistit hlavu, zíde z očí, zíde z mysle;*
- аспект религиозный: už není věřící…

Хотя и спорадически, но при идентификации архисемы у чешских и словацких школьников вызвал и компонент *дыбом* (напр. *dymem, domú, dubem — diabol...*), но при анализе верных ответов можно констатировать, что данный компонент не был источником выразительных различий, даже несмотря на то, что в словацком языке он полностью утратил свою исходную мотивацию (первоначальная форма в инварианте словацкой фраземы — *dubkom*), о чём свидетельствует и факт, что в письменном виде в его составе всё чаще употребляется фонетический коррелят *p* вместо *b*[11]. Данный факт проявился и в орфографическом варьировании (*b/p*) словацких опрашиваемых. Чешские же в большинстве случаев воспринимали компонент *дыбом* как факультативный элемент и для верного образного толкования им оказалось достаточным (имея в виду чешский эквивалент фраземы) сочетание глагола *vstávat* с существительным *vlasy*.

Фразема № 7: Те, что потрусливей, сразу же *взяли ноги в руки*.

Правильность фразеосемантической интерпретации приведённой соматической фраземы здесь достигла самой высокой степени процентной успешности у словацких школьников (67 %), что представляло неивысшую степень корректного установления архисемы в соответствующих словацких и чешских школьников вообще. На 38 %-ю успешность, а следовательно и 62 %-ю неуспешность чешских опрашиваемых в большинстве случаев повлиял именно соматизм *ruky*, который — из-за межъязыкового различия соматических компонентов в составе фраземы (*vzít nohy na ramena — vziať nohy na plecia — взять ноги в руки*) — в соотноишении с глагольной формой *vziať* направлял их внимание к другой ФЕ с компонентами *vziať* и *ruky*: *vzít (spravedlnost, osud, práci) do vlasních/svích rukou*, соответственно в рамках попыток о СИ выявилось явное влияние *nogi (ноги)* с её неверной расшифровкой: *vzali nože do ruky* (а в< результате — и *vyšli do boje*), *vzali v noci za ruku* (в последнем случае при этом и с целью верной расшифровки предыдущего контекста «*те, что потрусливей»*, как это и подтверждает ответ: «*té co se bojí, vzali v noci za ruku*) или *v noci mi ruku vzali*. Лишь спорадично появился в качестве проблематичного компонент *vziali/взяли*: *svaž jim nohy a ruce.* Как частнотное явление при оценке результатов — вместо фразеосемантической интерпретации — проявилось стремление упрощённого буквального перевода ФЕ на чешский язык: *vzali nohy do ruky*, иногда и с помощью приведённого эквивалента *vzali nohy na ramena*, чем опрашиваемые с одной стороны демонстрировали знание их собственного фразеологизма, с другой, однако, — отсутствие презентации действительного понимания как русского, так и чешского варианта ФЕ, т. е. фразеосемантическая интерпретация русской ФЕ и её чешского эквивалента оказывались несовместимыми. Со словацкой стороны, кроме правильного вышеприведенного, ответы создавались лишь с помощью словацкого эквивалента, но без необходимой идентификации значения фраземы, соответственно — при непонимании ФЕ путём отказа от ответов.

Как мы уже показали в предыдущих частях своей статьи, процент успешности или неуспешности связан не только со степенью родства или близости языков (западнославянские — восточнославянские языки), т.е. с большей или меньшей понимаемостью компонентов русского языка, входящих в ФЕ, где существенную роль играют лексические, фонетические или морфологические различия. В не-

[11] Mlacek 2007, 136.

которых случаях на результаты нашего опроса нужно смотреть более широко: как с точки зрения фразеологической компетенции, так и с позиций различительного характера контекста фраземы. И поэтому мы на втором этапе подведения итогов приступили к переоценке результатов, т.е. учли сложность фразеосемантической интерпретации и отнесли к верным и те ответы, в которых фигурировал лишь чешский или словацкий эквивалент. С тех же позиций мы подошли и к случаям, когда фраземы обеспечивали различную семантическую интерпретацию, обусловленную контекстом — ФЕ № 6 *драть (сдирать/содрать) шкуру ([по] две (три) шкуры, семь шкур) с кого*, и тем самым мы признали верными и ответы, вытекающие лишь из текста, обозначенного жирным шрифтом. Как показывает график № 2 и график № 3, результаты для некоторых фразем были весьма различными.

График № 2 и график № 3, — сопоставление успешности отдельных архисем русских ФЕ без учёта эквивалентов и после учёта эквивалентов без семантической (ČSŠ1 и ČSŠ2 — график № 2; SŠŠ1 а SSŠ2 — график № 3)

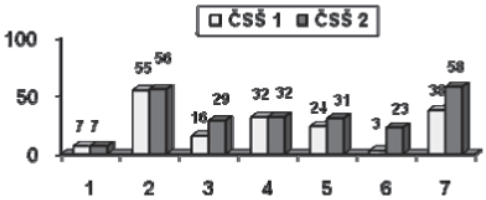

График № 2

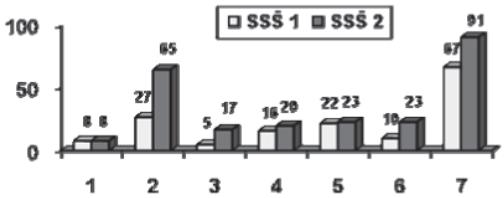

График № 3

Степень «чуждости» языка с точки зрения опрашиваемых (кроме неуспешных) в соответствии с попытками интерпретаций, выраженных в анкетах, подтверждает и довольно высокий процент отказов определить архисему — до 33 % всех чешских ответов и до 41 % всех словацких ответов (число опрашиваемых было почти идентичным: 185–187), т.е. испытуемые намеренно отказались от возможности интерпретировать материал хотя бы ассоциативно. Особо явно отражается беспомощность этого типа у трёх ФЕ, причём сходно и для чехов, и для словаков — в последовательности: 6-й, 1-й и 3-й фразем. Число опрашиваемых, которые сигнализировали таким способом неидентифицируемость архисемы, было выше у словацких школьников: 108–102–96 (для сравнения — результаты у чешских испытуемых: 99–74–73).

График № 4 — сравнение успешности (%) чешских и словацких школьников для отдельных архисем русских ФЕ после учёта эквивалентов без семантической интерпретации (ČSŠ 2 а SSŠ 2)

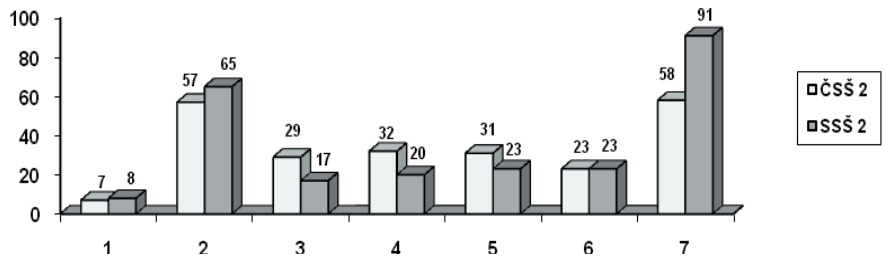

График № 4

Общие результаты процентной успешности испытуемых на первой и второй фазе оценки демонстрируют графики № 5 и № 6. При первом подведении итогов определилась более высокая успешность чешских испытуемых, при втором, наоборот, — на 1 % впереди оказались словацкие школьники. В обоих случаях, однако общая способность восприятия эквивалентности двух языков является более выразительной и одновременно сопоставимой при принятии критериев, очерченных на втором этапе оценки верности/ неверности ответов, что свидетельствует, как нам представляется, об одинаковом отношении чешского и словацкого языков к русскому.

График № 5 — сопоставление общей успешности (%) фразеологической компетенции словацких школьников (SSŠ) без учёта эквивалентов (SSŠ 1 — успешность 1) и при учёте эквивалентов (SSŠ 2 — успешность 2)

График № 5

График № 6 — сопоставление общей успешности (%) фразеологической компетенции школьников (ČSŠ) без учёта эквивалентов (ČSŠ 1 — успешность 1) и после учёта (ČSŠ 2 — успешность 2)

График № 6

Подведение итогов по определению успешности/ неуспешности СИ и вытекающей из этого словацко-русской и чешско-русской фразеологической компетенции у словацких и чешских школьников подтвердило сопоставимость достигнутых результатов, а именно — как для первого, более строгого (SSŠ: 21 %, ČSŠ: 24 %) этапа оценки результатов обследования с эксплицитным подтверждением понимания ФЕ, так и для второго этапа (SSČ: 34%, ČSŠ: 33%) оценки с расширенным диапазоном положительного рассмотрения ответов, даже без приведения фразеосемантической интерпретации, но с верным фразеологическим эквивалентом на родном языке. Равновесие результатов тем самым через фразеологическую призму межъязыковой близости чешского/ словацкого и русского языков отражает известный факт, что чем удалённее друг от друга славянские языки как лингвистически, так и экстралингвистически, тем их принадлежность к славянской языковой семье (несмотря на ощутимую опору в морфологии и лексике с праславянских времён) всё-таки автоматически не обеспечивает у носителей определённого славянского языка понимание другого славянского языка — без активного развития коммуникативной компетенции на соответствующем языке. Родство языков (в нашем случае западно-восточнославянских) может способствовать семантической «расшифровке» лексических компонентов, но, с другой стороны, именно близость языков может оказывать отрицательное влияние на такую расшифровку из-за множества формально похожих, но семантически различных единиц, как отмечает М. Шинделаржова[12]. Это можно увидеть и в стремлениях словацких и чешских опрашиваемых «перевести» с русского на родной язык, где инициатором «переводческого» результата оказывалась во многих случаях фонематическая структура определённых лексем, ассоциативно связываемых со значением родной лексемы с похожей фонетической структурой. Очевиден и факт, что школьники исходят из звуковых и лексических и вытекающих из них ассоциаций при работе с русским текстом и в случаях, когда опрашиваемый способен верно идентифицировать определённый круг русских лексических единиц, но из-за «белых пятен» в знании лексики русского языка не способен понять контекст (как напр., у ФЕ № 5 *Не одежда красит человека* роль «белого пятна» во многом играл глагольный компонент *красит*). А поскольку при верной семантической интерпретации невозможно обойти и вопрос первичного (исходного) и вторичного (переносного) значения, то на степень знания языка наслаивается тем самым фразеологическая компетенция, подразумевающая способность заметить ФЕ в тексте и «приписать» ей соответствующую семантическую ценность, причём не только с учётом инвариантной формы ФЕ, но и со всеми модификациями и спецификациями её контекстуального значения.

Доклад написан в рамках работы над исследовательским «VEGA 1/4734/07 Dynamické tendencie v súčasnej slovenskej frazeológii (Динамические тенденции в современной словацкой фразеологии).

[12] Šindelářová 2007.

ЛИТЕРАТУРА

Сапковский А. 2007: Башня шутов. М.
Buffa F. 1998: Z poľsko-slovenských jazykových vzťahov. Konfrontačný náčrt. Prešov.
Dolník J. 2007: Súčasná spisovná slovenčina a jej problémy. Bratislava.
Hrdlička M. 2005: Frazeologizmy a jejich translace // Eurolitteraria @ eurolingua. 297–304.
Mitter P. 2007: K recepci slovenštiny v ČR a češtiny v SR. // Jazyk a komunikácia v súvislostiach II. 229–238.
Mlacek J. 2007: Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok.
Nábělková M. 1999: Slovenčina a čeština dnes. Kontakt či konflikt // Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi. Sociolinguistika Slovaca. 4, 75–93.
Nábělková M. 2005: Slovenská prítomnosť v súčasnej českej (jazykovej) situácii. // Eurolitteraria @ eurolingua. 250–260.
Ološtiak M. 2004: O interlingválnej proxemike (príspevok k poznaniu medzijazykových súvislostí) // Súčasná jazyková komunikácia v interdisciplinárnych súvislostiach. 131–142.
Ondrejovič S. 2005: Niekoľko glos k majoritným a minoritným spoločenstvám / Eurolitteraria@eurolingua. 243–249.
Sapkowski A. 2003: Veža bláznov. Preklad K. Chmel. Bratislava.
Sapkowski A. 2005: Narrenturm. Preklad S. Komárek. Ostrava.
Sapkowski A. 2007: Narrenturm. Warszawa.
Sekaninová E. 1993: Dvojjazyčná lexikografia v teorii a praxi. Bratislava.
Stěpanova L. 2007: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc.
Šindelářová M. 2007: Znalost a chápání frazémů u cizinců // Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. / D. Baláková — P. Ďurčo. Ružomberok, 343–357.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CZECH-RUSSIAN AND SLOVAK-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL COMPETENCE

D. Balakova, V. Kovachova

The article is a study of Czech-Russian and Slovak-Russian phraseological competence issues that are of high importance for nowadays linguistic situation. The article presents results of interlinguistic comparative study of phraseological competence on the basis of the novel by a Polish writer, A. Sapovsky.

Key words: phraseological competence, Russian/ Czech/ Slovak language, semantic interpretation of set phrases.

© 2010

Е. В. Быкова

ФРАГМЕНТЫ С СЕМАНТИКОЙ ФАКТА И ПРЕДМЕТНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЕ МОДУЛЬНОГО МЕМОРИАЛЬНОГО ТЕКСТА

В статье описываются смысловые фрагменты с предметной и фактологической семантикой, анализируется их коммуникативная функция в модульных текстах. Исследование основано на анализе примеров текстов мемориальных досок, установленных в городах РФ.

Ключевые слова: семантика, коммуникация, функция.

Модульный мемориальный текст представляет собой речевой массив с весьма своеобразной смысловой организацией, которая до сих пор не была предметом специального научного филологического исследования. По своему функциональному назначению тексты на мемориальных досках имеют прямое отношение к массовой коммуникации, принадлежат к группе воздействующих текстов, и с этой точки зрения представляют интерес для исследований в сфере лингвистики, риторики, логики, стилистики, теории коммуникации.

В настоящей статье описываются смысловые фрагменты с предметной семантикой и семантикой факта в речевой структуре модульного мемориального текста. Исследование проводится на основе анализа текстов мемориальных досок, установленных в различных городах РФ и размещенных в справочниках и Интернет-порталах.

Мемориальный текст является текстом массовой коммуникации, поскольку предназначен для передачи сообщения неким индивидуально-коллективным субъектом массовому адресату. Характер содержания, специфические особенности материального воплощения мемориальной надписи, условий ее восприятия влекут за собой активизацию невербальных составляющих текста. Такие паралингвистически активные тексты исследователи называют также креолизованными, или гибридными[1].

Текст мемориальной надписи следует отнести к группе модульных текстов, поскольку главной особенностью речевой организации текста мемориальной надписи является его нелинейная структура. Нелинейность проявляется в доминировании принципа организации речевого материала на плоскости, в двумерном пространстве, в то время как в обычном тексте доминирует линейный принцип организации речевого материала.

Плоскостной принцип речевой организации в модульном мемориальном тексте проявляет себя в следующих признаках: неполное заполнение строки; неразвитость системы переносов слов с одной строки на другую; выравнивание строк не только по левому краю; разная ширина пробелов между словами; разное рас-

[1] Анисимова 1992, 71.

стояние между строками (интерлиньяж); отсутствие различий между строчными и прописными буквами; использование в одной надписи шрифта различного типа; нетрадиционное использование пунктуации; использование в надписи невербальных компонентов[2].

Условия существования и восприятия модульного текста вообще, и мемориального текста в частности, характеризуются наличием ряда общих черт. С одной стороны, надписи всегда относительно самостоятельны, автономны. С другой стороны, они обязательно связаны с неречевым контекстом: предполагают знание истории, географии и др. Мемориальные надписи выполняются с соблюдением единой технологии, по утвержденным нормативам и правилам. Однако эта универсальность не исключает творческого подхода в речевом исполнении и архитектурном решении. Совокупность всех мемориальных текстов образует систему, и именно наличием системных отношений объясняется возможность представления мемориальных надписей в справочниках и каталогах. Все надписи в целом могут читаться как единый текст, образуя «каменную летопись страны».

Рассмотрим, в каких речевых формах проявляет себя семантика факта и семантика предметного типа в модульных мемориальных текстах.

Н. Д. Арутюнова отмечала, что предметная семантика — это семантика слов с предметным значением, обозначающим предметы внешнего, чувственно воспринимаемого мира. Значение таких слов можно легко определить простым указанием на конкретный предмет. Слова с предметной семантикой составляют основу изобразительности[3].

Специфика предметной семантики в модульном мемориальном тексте проявляется в том, что она эксплицируется при помощи неречевого, изобразительного контекста, т.е. на мемориальной доске предметная семантика выражена при помощи знаков иной семиотической природы, нежели слово. Докажем это на конкретных примерах.

«Здесь учился Герой Советского Союза зачинатель снайперского движения по истреблению немецко-фашистских захватчиков на Ленинградском фронте Феодосий Смолячков»[4].

Доска мраморная, в верхней части ее выгравирована «Золотая Звезда», обрамленная ***дубовым венком***, внизу — ***снайперская винтовка*** с ***лавровой ветвью***[5].

«В этом доме с 1932 по 1941 год работал академик Алексей Алексеевич Заварзин.

Здесь он организовал отдел общей морфологии ИЭМ, объединившей на протяжении ряда лет научную жизнь морфологов».

Доска мраморная с изображением ***микроскопа***[6].

«В этом доме жил архитектор Джакомо Кваренги с 1800 по 1817 год».

Доска из лабрадорита с выгравированным ***архитектурным элементом (фронтон)***[7].

---

[2] Быкова 2007, 225.
[3] Арутюнова 1980, 184.
[4] Калинин, Юревич 1976, 380.
[5] Там же, 381.
[6] Там же, 409.
[7] Там же, 413.

«В этом доме с 1915 по 1955 г. жил выдающийся поэт-переводчик, Лауреат Государственной премии Михаил Леонидович Лозинский».

Доска мраморная, в верхней части ее выгравирована ***раскрытая книга*** и ***лавровая ветвь***[8].

«Здесь с 1894 года по 1902 год работал начальником Сестрорецкого оружейного завода конструктор русской трехлинейной винтовки образца 1891 года Сергей Иванович Мосин».

Доска мраморная. Под текстом накладные бронзовые перекрещивающиеся ***винтовки***, ***перевитые лентами***[9].

«*На Черней речке недалеко отсюда 27 января 1837 г. на дуэли был смертельно ранен великий русский поэт А. С. Пушкин*».

Доска бронзовая в виде развернутого ***свитка***, украшенная ***лавровой ветвью***»[10].

«Великий русский художник И. Е. Репин, в память которого названа ж.д. станция «Репино».

Доска мраморная с барельефом И. Е. Репина, орнаментированная ***кистями*** и ***лавровыми венками***[11].

«*В этом доме с 1946 по 1973 год жил выдающийся советский артист Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Николай Константинович Симонов*».

Литая бронзовая доска с горельефом артиста, ***лавровыми ветвями*** и ***театральной маской***[12].

«*В этом доме с 1954 года по 1961 год жила писательница Ольга Дмитриевна Форш».*

На доске из гранита выгравирована ***книга*** *с* ***раскрытыми страницами*** *и* ***гусиное перо***, лежащее ***на строке***. Под книгой — ***лавровая ветвь и роза***[13].

«В этом доме с 1919 года по 1936 год жил писатель Юрий Николаевич Тынянов».

На гранитной доске рельефное изображение в виде ***развернутого листа***, над ним ***лавровая ветвь*** и ***гусиное перо***»[14].

«*Здесь с 1901 года по 1907 год жил Михаил Иванович Чегорин — основоположник русской шахматной школы».*

Доска из серого гранита с рельефным изображением М. И. Чегорина на фоне ***шахматной доски***]**[15].

Как видно из приведенных примеров, предметная семантика в модульных мемориальных текстах имеет невербальное воплощение. Изображения *микроскопа, снайперской винтовки, шахматной доски* приобретают в этих текстах статус иконического знака, репрезентирующего профессиональный статус персонажа текста. В результате в указанных контекстах появляется второй смысловой слой,

[8] Там же, 420.
[9] Там же, 429.
[10] Там же, 441.
[11] Там же, 443.
[12] Там же, 446.
[13] Там же, 453.
[14] Там же, 451.
[15] Там же, 457.

представленный значениями отвлеченного типа: микроскоп (*наука), снайперская винтовка (военное дело), шахматная доска (спорт)*.

Зачастую дополнительным атрибутом внеречевого контекста мемориальной доски является изображение *дубовой*, *лавровой* или *пальмовой* ветви, которые квалифицируются как символы, в которых закодированы особо социально значимые концепты, традиционно встречающиеся в мемориальных текстах: *слава*, *мужество*, *подвиг, победа.*

Таким образом, предметная семантика в модульном мемориальном тексте представлена невербальными фрагментами иконической и символической природы, функция которых — репрезентировать профессионально-статусные характеристики личности, в честь которой установлена мемориальная доска. Невербальные фрагменты, означающие профессиональную деятельность, в совокупности с традиционными символами, обозначающими концепты *слава, честь, мужество, доблесть* (дубовая, лавровая или пальмовая ветвь) весьма органично дополняют вербальные фрагменты текста мемориальной доски, придавая всему речевому массиву смысловую целостность и стилистическую «монументальность».

В отличие от семантики предметной, семантику события и семантику факта в мемориальном тексте сложно разграничить. Фактообразующая семантика, по сравнению с семантикой событийного типа, представляет собой более высокий уровень обобщения знаний о мире, проявляет себя в речи при создании того или иного информационного сообщения. Обобщенность знания об окружающем мире является характерной чертой фактообразующей семантики, поэтому семантика этого типа лишена личностного начала. Иными словами, в отличие от событийной семантики, факт не требует интерпретации и преодоления чуждости при восприятии адресатом. Факты не интерпретируются, а, существуя в нашем сознании, констатируются или утверждаются.

В основе семантики факта лежит точное знание о происшедшем, что вводит рациональный компонент в смысловую структуру модульного мемориального текста при восприятии сообщаемого субъектом речи. Фактообразующая семантика в мемориальном тексте передается получателю в форме простого повествовательного предложения со значением утверждения, подчеркивающего объективность и абсолютную истинность сообщаемого.

Рассмотрим, какими речевыми формами задается семантика факта в модульном мемориальном тексте, посвященном той или иной известной личности:

«В этом доме 1842–1846 гг. жил Виссарион Григорьевич Белинский».

«В этом доме 16(28) ноября 1880 года родился Александр Блок».

«В этом доме в квартире № 21 в 1840–41 гг. жил Александр Иванович Герцен».

«В этом доме в 1854–1856 гг. жил Михаил Иванович Глинка».

«В этом доме с 1833 по 1836 г. жил Николай Васильевич Гоголь»[16].

Семантика факта аналогичным образом выражается и в речевой структуре мемориальных досок, установленных в память об основании какого-либо заведения, учреждения, организации, а также в память о том или ином историческом событии:

[16] Там же, 390,391,401,402.

«В сем здании с 1811 по 1843 год находился Императорский лицей»[17].

«В этом здании размещался изолятор временного содержания заключенных Печорлага»[18].

«Здесь заложено обращение к жителям г. Печоры 2009 г.»[19].

«В этом доме Таня Савичева написала блокадный дневник»[20].

Данную речевую форму можно квалифицировать как констатацию факта. Внешне текст выглядит как простое утвердительное предложение, практически лишенное средств выражения личностного начала.

Однако в данных текстах присутствует неэксплицированный фрагмент: *Мы знаем (помним), что*… Таким образом, текст в целом представляет собой сложноподчиненное предложение, в котором эксплицированный на мемориальной доске фрагмент представляет собой часть изъяснительного придаточного предложения. Поэтому данная надпись (но уже в иных пространственно-временных координатах) может быть прочитана и как конструкция, выражающая общественное отношение к обозначенной в тексте информации о событии или личности.

Мемориальные тексты, внешне состоящие только из одного высказывания с семантикой констатации факта, самодостаточны и не требуют вербальной детализации, описания статуса, особых заслуг, исторической роли персонажа мемориального текста и т. п. Речевые структуры такого типа называются одномерными, в них присутствует только один тип семантики, который выражается простым утверждением в речевой форме констатации факта.

Среди изученного нами материала достаточно большое количество надписей с доминирующей семантикой факта выглядят однотипными. Приведенные примеры еще раз подтверждают, что «тексты, в основе которых лежит фактообразующая семантика, более однообразны по структуре, чем тексты с событийной семантикой»[21].

Высказывания с семантикой фактообразующего типа строятся преимущественно на основе нейтральной лексики: *дом, здание, жил, работал, написал, дневник*. Воздействующая функция текстов такого типа определяется степенью осведомленности получателя информации, его фоновыми знаниями о личности, в честь которой установлена мемориальная доска: «Употребляя собственное имя, мы позволяем слушателю идентифицировать индивидуума и связать его с той информацией, которой он располагал ранее»[22]. В подобном тексте основная смысловая нагрузка падает на имя собственное, находящееся в реме высказывания и дополнительно актуализированное при помощи шрифтового выделения. Таким образом, имя персонажа в модульном мемориальном тексте с фактообразующей доминантой начинает выполнять функцию характеристики, генерируя семантику иного типа. Говорят, что «имя говорит само за себя».

В некоторых случаях в мемориальном тексте, построенном по законам организации текстов с семантикой факта, появляется лексика эмоционально окрашенная:

[17] Там же, 356.
[18] www Pechora-portal.ru/ galleries/monuments/memodoski 008.htm (обращение 11.01.2007).
[19] www Pechora-portal.ru/ galleries/monuments/memodoski 008.htm (обращение 11.01.2007).
[20] www sakharov-center.ru (обращение 08.02.2007).
[21] Коньков 1995, 63.
[22] Милль 1970, 55.

*«В этой тюрьме **томился** правозащитник и публицист Марченко Анатолий Тихонович»*[23].

*«Евгений Мравинский **творил** здесь LVI лет»*[24].

Подобного рода конструкции могут быть осмыслены в двух семантических планах. С одной стороны, в подобного рода речевых ситуациях доминирующая семантика факта подчиняет себе эмоциональный компонент лексического значения, и слова *томился* и *творил* воспринимаются как социально значимый тип деятельности. С другой стороны, эти слова могут быть восприняты и как выражающие оценку деятельности, чувство восхищения. Думается, что этот двойной семантический статус высказываний — характерная семантическая особенность мемориального текста.

При наблюдении за речевым материалом модульных мемориальных текстов нами замечено, что в случаях, когда имя само по себе неизвестно или малоизвестно, в текст вводится дополнительная информация. В результате фактообразующая семантика расщепляется, детализируется, получает дополнительную функцию характеризации образа персонажа текста. В тексте генерируются субъективно-модальные значения. Семантика факта в этом случае начинает трансформироваться в семантику событийного типа. Это речевое явление встречается в мемориальных текстах, установленных в честь личностей, особые заслуги которых требуют объяснения и интерпретации массовому адресату:

«Здесь в 1918 году учился и в 1934–1936 годах командовал училищем выдающийся советский военачальник Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов»[25].

«В этом доме в 1930–1938 гг. жил выдающийся советский летчик, парашютист, мировой рекордсмен Николай Александрович Евдокимов»[26].

«В этом доме жил с 1938 г. по 1948 г. председатель военно-революционного комитета в Петрограде в октябре 1917 г. выдающийся организатор Красной Армии Николай Ильич Подвойский»[27].

«В этом доме 1928–39 гг. жил выдающийся советский режиссер, народный артист РСФСР Всеволод Эмильевич Мейерхольд»[28].

«Здесь с 1918 по 1972 год работал генеральный конструктор самолетов трижды Герой Социалистического Труда, академик Андрей Николаевич Туполев»[29].

«Здесь с октября 1934 г. по март 1937 г. жил в ссылке поэт Николай Алексеевич Клюев 1884–1937»[30].

«В этом доме жил и работал писатель Черкасов Алексей Тимофеевич, автор трилогии «Июнь рыжий», «Хмель», «Черный тополь» 1915–1972»[31].

---

[23] www sakharov-center.ru (обращение 08.02.2007).
[24] www literra.websib.ru (обращение 29.09.2007).
[25] Калинин, Юревич 1976, 166.
[26] Там же, 172.
[27] Там же, 234.
[28] www sakharov-center.ru (обращение 08.02.2007).
[29] www sakharov-center.ru (обращение 08.02.2007).
[30] www Pechora-portal.ru/ galleries/monuments/memodoski 008.htm (обращение 11.01.2007).
[31] www memorials.lib.tomsk.ru (обращение 29.09.2007).

Элементы детализации, характеризующие персонаж текста по статусным характеристикам, внешне выглядят как дополнительные, нерелевантные, однако если эти элементы в тексте опустить, то смысл установления мемориальной доски в честь той или иной персоны останется непонятным получателю и, как следствие, текст потеряет воздействующую функцию.

Указанные конструкции репрезентируют персонаж текста по социальному статусу и получают пропозитивное прочтение, поскольку разъясняют получателю информации причину того, почему в честь той или иной личности установлена мемориальная доска: *потому что он был выдающимся летчиком, Героем Советского Союза, мировым рекордсменом, организатором красной Армии, потому что находился в ссылке, потому что был академиком* и т. п.

Степень известности личности, в честь которой установлена мемориальная доска, обратно пропорциональна количеству эксплицированных речевых фрагментов, образующих текст как коммуникативное целое. Сравним:

«В этом доме 16(28) ноября 1880 года родился ***Александр Блок****»*[32].

*«****И. И. Газа*** *5.1.1894 — 6.X.1933. Потомственный пролетарий — рабочий Путиловского завода, с 14-ти лет ведет революционную работу, помогая подпольной большевистской организации завода. В 1915 г. арестован и сослан в штрафной батальон. 3.1У.1917 г. вступает на заводе в ряды большевистской партии. В Октябрьские дни — красногвардеец, боец Путиловских боевых дружин. В гражданскую войну организатор Путиловского стального дивизиона и комиссар бронепоезда № 6. Награжден орденом боевого Красного Знамени и золотыми часами от ВЦИК. С января 1926 года — организатор к-та ВКП(Б) завода «Красный Путиловец»*[33].

Речевые структуры, в которых доминирует семантика факта, весьма типичны для модульных мемориальных текстов, установленных в честь личностей, чьи заслуги перед страной не нуждаются в разъяснении и интерпретации.

То же самое можно утверждать относительно речевой структуры мемориальных досок, установленных в память об исторических событиях, статус которых не может быть изменен в зависимости от социально-политического контекста с течением времени.

Довольно часто тексты, изначально построенные как будто бы на основе фактообразующей семантики, осложнены причастными или деепричастными оборотами, которые вводят в структуру текста логические структуры со значением нарратива, распределяя действе по шкале времени и образуя более сложное коммуникативное единство с встроенной повествовательной составляющей. Подобные включения трансформируют тексты в тексты с семантикой событийного типа:

«В этом доме жил фельдмаршал русской армии Михаил Илларионович Кутузов перед отправкой его в армию, действовавшую во время Отечественной войны против войск Наполеона»[34].

---

[32] Калинин, Юревич 1976, 201.
[33] Там же, 323.
[34] Там же, 256.

«В этом доме в 1889 году поселился приехавший в Петербург 14-летний Михаил Калинин и прожил здесь до 1989 года»[35].

Совершенно особый тип речевой структуры представляют собой тексты первых мемориальных досок в России, которые были установлены в XVIII веке и посвящены петербургским наводнениям:

«1777 года сентября 10 дня пополуночи в 7 часу вода стояла по красную линию выше ординарной воды 9 фут и 11 дюймов».

«1752 года октября 23 дня пополуночи в 10 часу по зеленую линию выше ординарной воды 8 фут 5 дюймов».

«Самое большое возвышение воды над ординаром 11 футов 10 ½ дюймов два часа пополудни 7-го ноября 1824 года при жестком ветре от WSW»[36].

С точки зрения современных представлений о текстах СМК краткость и лапидарность речевой структуры позволяют отнести этот тип речевых фрагментов к хроникальным заметкам, сформированным на основе такой речевой формы, как информационное сообщение. В данной речевой форме доминирует семантика факта, тяготеющая к научному дискурсу. Научный дискурс определяется стремлением отправителя сообщения максимально отойти от высказывания значений модусного типа. Отправитель действует исходя из установки на объективность изложения, актуализируя конкретные детали (*по красную линию выше*, *по зеленую линию выше, при жестком ветре от WSW*), цифровые данные (*11 футов 10 ½ дюймов*).

Широкая распространенность мемориальных текстов, в которых доминирует семантика факта, можно объяснить тем, что факт воспринимается как абсолютное знание, как аксиома, не требующая доказательства. «Факты, заключенные в придаточном изъяснительном, теряют указание на место, временную протяженность и т. д., они оказываются «замурованы» внутри этой оболочки, приобретают свойства самой «ментальной оболочки», т.е. параметр истинности, рациональной оценки»[37]. Та же информация, представленная через призму субъективности, теряет статус абсолютного знания. На наш взгляд, подобное свойство фактообразующей семантики как нельзя лучше соответствуют коммуникативной функции мемориального текста — сохранять воздействующую силу вне времени.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. 1992: Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания.1, 71–79.

Арутюнова Н.Д. 1980: К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований/ Н. Д. Арутюнова (ред.). М.

Быкова Е.В. 2007: Речевая структура модульного текста // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект/ В. И. Коньков (ред.). СПб.

Зализняк А.О. 1990: О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.

Калинин Б.Н., Юревич П.П. 1976: Мемориальные доски и памятники Ленинграда. Л.

Коньков В.И. 1995: Речевая структура газетного текста. СПб.

[35] Там же, 431.

[36] Там же, 367.

[37] Зализняк 1990, 156.

Милль Дж. 1970: Теория значения. Прентис-холл.
www Pechora-portal.ru/ galleries/monuments/memodoski 008.htm (обращение 11.01.2007).
www sakharov-center.ru (обращение 08.02.2007).
www literra.websib.ru (обращение 29.09.2007).
www memorials.lib.tomsk.ru (обращение 29.09.2007).

FRAGMENTS WITH DENOTATIVE AND FACTUAL SEMANTICS IN A MODULAR MEMORIAL TEXT STRUCTURE

Ye.V. Bykova

The article presents notional fragments with denotative and factual semantics. It also contains the analysis of their communicative function in modular texts. The paper is based on the analysis of examples of texts of memorial plaques put up in the cities of Russian Federation.

Key words: semantics, communication, function.

© 2010

С. В. Онина

К ПРОБЛЕМЕ КОМПОЗИТИВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются композитивные номинативные единицы, которые в лексическом фонде хантыйского языка являются одним из активных способов образования слов. Автор устанавливает критерии разграничения сложного слова и словосочетания: фонетический, морфологический, семантический, синтаксический и орфографический.

Ключевые слова: композитивные номинативные единицы, критерии, лексика, хантыйский язык.

Проблема сложного слова сама по себе не нова, например, исследователи индоевропейских и тюркских языков уже давно обращались к этой теме[1]. Российские финно-угроведы начали уделять пристальное внимание этой теме с конца 50-х гг. XX века[2]. Неоднократное обращение к данному вопросу обусловлено тем,

[1] Троицкий 1940; Смирницкий 1952, 1954; Василевская 1962; Муратов 1961; Бенвенист 1974; Анжиганова 1982; Мещанинов 1982 и др.

[2] Картина 1955; Макаров 1958; Майтинская 1959; Лыткин 1961; Муратов, Пейсиков 1973; Ромбандеева 1974; Андуганов 1976; Больдт 1987; Чернов 1988; Аксенова 1996; Мусанов 1999; Лыскова 1996; Вернер 2000 и др.

что нерешенной остаются проблема разграничения сложного слова и словосочетания, связанные с ней вопросы графического оформления, а также — терминология.

Известно, что сложные и составные слова в лексическом фонде финно-угорских языков составляют значительный процент, например, в словарном составе хантыйского языка — это один из активных способов образования слов, в чем мы имели возможность убедиться, исследуя оленеводческие лексемы[3]. В составе только оленеводческой лексики сложные и составные лексические единицы составляют 38%, и здесь остро встает проблема разграничения слов-композитов и словосочетаний. Такие лексемы как, например: *lakkeł* 'лямка' (от *lak* 'лямка' и *keł* 'веревка'), *łŏwkăr* 'скелет' (от *łŏw*'кость' и *kăr* 'связка'), *łepətsałəŋ* 'сырье для обработки шкуры' (от *łepət* 'мягкий' и *sałəŋ* '?', возможно, от *sołamat* 'кашица') образованы путем словосложения. В результате словосложения, как известно, образуется сложное слово или композита. По другому выглядит картина при анализе таких лексических единиц, как, например, *χănši ewəttĭ soxəł* 'узкая дощечка для кройки' (букв. орнамент + вырезать + доска), *ut ułtĭ jăm muw* 'богатое оленьим мхом, ягелем пастбище' (букв. лес + олень + хороший + земля) и т.д., которые с семантической и морфологической точек зрения можно было бы отнести к сложным словам.

Трудности разграничения сложных слов от словосочетаний связаны с их происхождением, ибо известно, что нет сложных слов, которые не возникали из словосочетаний или не следовали бы типам сложных слов, возникших из словосочетаний[4].

Признаки сложного слова и критерии разграничения его от словосочетания достаточно хорошо изучены. По мнению А. И. Смирницкого, «сложное слово, обладая идиоматичностью (то есть новым значением по сравнению с суммой значений, заложенных в его компонентах), характеризуется цельнооформленностью...»[5]. Как отмечает К. Е. Майтинская, «под цельнооформленностью следует понимать такое грамматическое свойство сложного слова, которое отличает его от соответствующего словосочетания. Цельнооформленность сложного слова в разных языках может обеспечиваться фонетическими, морфологическими и даже синтаксическими средствами. Синтаксическими средствами являются особое ударение, отсутствие паузы, наличие или отсутствие грамматического окончания, особый порядок слов»[6]. В. А. Виноградов перечисляет следующие признаки цельнооформленности сложного слова: 1) стирание грамматического значения 1-го компонента; 2) фиксированный порядок компонентов, изменение которого ведет к изменению значения сложного слова; 3) наличие одного главного ударения; 4) морфологические особенности; 5) особый графический облик сложного слова (слитное или дефисное написание); 6) сложные слова, как и простые, имеют единственный грамматический показатель при словоизменении[7]. Самоедолог Е. П. Больд считает, что «основным критерием самостоятельности, внутренне-

[3] Онина 2002.
[4] Андуганов 1976, 7; Ромбандеева 1973, 79.
[5] Смирницкий 1952, 197–203.
[6] Майтинская 1959, 148.
[7] Виноградов 1990, 469.

го единства сложного слова в самодийских языках служит их цельнооформленность... на семантическом, фонетическом и грамматическом уровнях»[8]. Подобной точки зрения придерживаются и другие исследователи сложных слов[9] см., уделяя при этом внимание и орфографическому критерию[10].

На основе проанализированной литературы следует выделить следующие признаки/критерии сложного слова: фонетический, морфологический, семантический, синтаксический и орфографический.

1. Фонетическим признаком, по мнению большинства исследователей, является ударение и (ударенность)[11]. Ю. В. Андуганов уточняет фонетический признак в сложном слове. Он указывает на наличие цементирующего ударения и звукового видоизменения на стыке компонентов в благоприятных для этого условиях[12].

Г. Г. Куркина, исследуя словесное ударение в хантыйском языке, пришла к выводу о том, что «словесное ударение в западнохантыйских диалектах служит организации фонетической цельнооформленности слова. В ударных слогах структурно различаются главное ударение, с локализацией преимущественно на первом слоге, и второстепенное, которое падает на последующий нечетный слог»[13]. Опираясь на это исследование, мы можем подчеркнуть, что при выделении сложных слов хантыйского языка решающую роль играет главное ударение, оно падает преимущественно на первый слог, например, в следующих лексемах, относимых нами в разряд сложных слов: *lakkeł* ’лямка’ (от *lak* ’широкая лямка’ и *keł* ’веревка’), *šašłŏw* ’колено’ (от *šaš* ’колено’ и *łŏw* ’кость’) и т.д. Встречаются слова, в которых на стыке компонентов происходит изменение звуков, как, например, в слове *piťŏχ* ’Черноголовик’ (*pitĭ* ’черный’ и *ŏχ* ’голова’).

2. Морфологическим критерием сложного слова считается склонение только определяемых частей[14]. В сложных словах хантыйского языка грамматически изменяется второй компонент, например: *šaškeł* ’завязка для кисов’ — *šaškełŋən* ’завязки для кисов’ (Du.) — *šaškełłəw* ’завязки для кисов (наши)’ (PxPl1) и т.д.

3. Семантический критерий подразумевает семантическую неделимость (семантический сдвиг от суммы значений компонентов или появление нового уровня абстрагирования)[15]. Е. П. Больд под семантической цельнооформленностью понимает «лексическое единство сложного слова, которое соответствует определенному предмету или явлению действительности, смысловую спаянность и некоторую суммарность составляющих компонентов»[16]. Однако не следует думать, что словообразовательное значение сложных слов сводится к простому объединению значений составляющих его компонентов. Оно, как правило, содержит нечто специфическое, качественно новое — обобщенное значение образующих его

[8] Больд 1987, 6.
[9] Макаров 1958, 48; Муратов 1964, 43–61; Андуганов 1975, 66–75, Больдт 1987.
[10] ср. Андуганов 1976, 16.
[11] Макаров 1958, 36; Майтинская 1959, 149; Ромбандеева 1972, 74, Андуганов 1986, 66–75 и др.
[12] Андуганов 1976, 16; Больдт 1987, 7.
[13] Куркина 1985, 27.
[14] Муратов 1961, 46; Макаров 1960, 43–61; Андуганов 1976, 16; 1986, 66–75; Мещанинов 1984, 263–284.
[15] Муратов 1961, 43–61; Бенвенист 1974, 243; Андуганов 1975, 16; 1986, 69–70; Лыскова 1996, 175–176.
[16] Больд 1987, 6.

слов. Например: *šăšłŏw* ’позвоночник’ (*šăš* ’спина’ + *łŏw* ’кость’), *śušsŏχ* ’рубец’ (*śušsŏχ* ’химус’ и *sŏχ* ’шкура’).

Семантический критерий выдвигается в качестве одного из самых важных факторов, например, при орфографическом оформлении сложных слов. По словам Н. А. Лысковой, «семантический фактор играет решающую роль в разработке норм орфографии в обско-угорских языках»[17].

4. Синтаксический признак сложных слов детально описан Ю. В. Андугановым на примере марийского языка. По его твердому убеждению, «синтаксические признаки слов, образованных на базе словосочетаний, характерны не только сложным словам марийского языка, но и другим родственным языкам, потому что синтаксические свойства более универсальны, чем морфологические или фонетико-просодические»[18]. Андуганов выделяет следующие характерные черты сложного слова с синтаксической точки зрения:

а) «невозможность перестановки составляющих компонентов. Перестановка компонентов сложного слова влечет за собой либо изменение лексического значения, либо превращение его в законченное предложение или бессмысленный набор слов»[19]. Приведем хантыйские примеры: *šăšweləm* ’мозг спинной’ *weləm šăš* (бессвязный набор слов), *kŭrłon* ’жилы от задних ног, пригодные для сучения ниток’, *łon kŭr* (бессмысленный набор слов) и т.д. По мнению Андуганова, для словосочетания вполне допустимо “инверсионное употребление компонентов. Оно в этом смысле сохраняет свое смысловое значение”[20], ср. хант.: *ńiśta ŭłĭ* ’необученный олень’ и *ŭłĭ ńiśta* ’олень необученный’; *ŭłeŋəłam ńiśtajŋən* ’олени мои необученные (Du)’; *ŭrtĭ ŭłĭ* ’черно-бурый олень’ — *ŭłĭ ŭrtĭ* ’олень черно-бурый’; *χŏłna ŭłet ŭrtet* ’олени пока черно-бурые’ и т.д.;

б) “контактное расположение компонентов сложного слова, в то время как части словосочетания могут располагаться дистантно”[21], например, в лексеме *jŏrnχĭr* ’большой мешок для одежды и других принадлежностей’ (*jŏrn* ’ненец’ + *χĭr* ’мешок’) невозможно вставить между ее компонентами какое-либо другое слово. В противном случае сложное слово превращается в обычное свободное синтаксическое сочетание или в бессмысленный набор слов, как, например: *jŏrn joχ χĭr* ’ненецкого народа мешок’, *jŏrn un χĭr* ’ненец большой мешок’;

в) компоненты сложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами, а выступают вместе как неразрывное единство, что убедительно подтверждает цельность и неделимость сложного слова[22], ср. хант.: *šăšweləm* ’спинной мозг’: *ăśikemən šăšweləmən łapətsajəw* ’дедушка (мой) спинным мозгом накормил (нас)’; *mewəłńalĭ* ’филейная часть диафрагмы’: *mołχatəł mewəłńalĭ ant’imema tusem* ’вчера бабушке (своей) отнес филейную часть диафрагмы’ и т.д. В приведенных примерах сложные слова в предложении являются дополнениями. Сложные слова “… в предложении выполняют одну синтаксическую функцию, поэтому выступают в качестве одного члена предложения,

[17] Лыскова 1996, 178.
[18] Андуганов 1986, 74.
[19] Там же, 71.
[20] Там же, 71–72.
[21] Андуганов 1976, 72.
[22] Андуганов 1986, 73.

чем опять-таки отличаются от словосочетаний, так как каждый член словосочетания является отдельным членом предложения”[23]

В хантыйском языке подобные сложные слова принято рассматривать как словосочетания[24]. В словах типа *mis pustĭ ne* ’доярка’, *χot wertĭ χu* ’строитель’ Ю. Н. Русская их составные части (*mis, χot*) анализирует как прямое дополнение (там же). Андуганов справедливо замечает, что фразеологические единицы намного свободнее, как в смысле словопорядка, так и с точки зрения изменения форм составных частей рассматриваются в качестве одного члена предложения[25].

5. В качестве орфографического критерия предполагается единое графическое оформление сложных лексических единиц (слитное написание составных частей). Целесообразность такого графического оформления Ю. В. Андуганов поясняет следующим образом: «Варианты раздельного написания наводят на двусмысленное понимание текста, что осложняет его восприятие, а слитное написание составных частей целесообразно и с точки зрения стандартизации терминологии»[26].

В хантыйском языкознании не установлены еще орфографические правила написания сложных слов. В словарях сложные лексические единицы даются как в слитном, так и в раздельном или дефисном написании. ср.: *хопъюх* ’осина’[27], *onəllox* ’рот’[28], *xon-lux-lŏw* ’ребро’, *sem-pun* ’ресница’, *oltaxti* ’шкура оленя, используемая для постели’[29], *ox-sox* ’волосы’; *ox-pat-lŏw* ’череп’, *pulη-awat-waž* ’Салехард’[30], *нампар вой* ’мышь’, *наварнэ* ’лягушка’[31].

Сложные слова в целом пишутся слитно, что связано с древностью их употребления. Иначе говоря, компоненты таких образований в ходе продолжительного употребления в соседстве настолько слились, что в сознании говорящих утрачивается мысль о сложности их происхождения и, следовательно, теряется необходимость дефисной передачи[32]. В подтверждение мысли о древности словкомпозитов хотелось бы отметить такой очень важный факт, как, например, «распространенность сложных комплексов с одинаковой структурой в современных родственных … языках»[33]. Ср.: манс. *etpos* ’луна’ (*et* ’ночь’ + *pos* ’свет’), *pal’nol* ’слух’ (*pal* ’ухо’ + *nol* ’нос’), *sampal* ’зрение’ (*sam* ’глаз’ + *pal* ’ухо’)[34], фин. *kivi talo*, венг. *kőház* , коми *из керка* ’каменный дом’, венг. *kődarab*, эрз. *кев поколь* ’кусок камня’, мар. *руашвочко* ’квашня’ (*руаш* ’тесто’ + *вочко* ’кадка, кадушка’, *тулвондо* ’кочерга’ (*тул* ’огонь’ + *пондо* ’палка, посох’)[35], эрз. *ямткашат* ’еда’ (*ямт* ’супы’ + *кашат* ’каши’), мокш. *панжемссёлгомс* ’ходить через дверь’ (*панжемс* ’открывать’ + *сёлгомс* ’закрывать’); мар. кӱмыж-совла ’посуда’ (*кӱмыж* ’чашка’

[23] Там же, 73.
[24] Русская 1961, 138–142.
[25] Андуганов 1986, 74.
[26] Андуганов 1976, 16.
[27] Животиков 1942, 39.
[28] Karjalainen 1948, 35.
[29] Steinitz 1967, 143, 768; 1173, 1745.
[30] Honti 1982, 2–25.
[31] Скамейко, Сязи 1992, 54..
[32] Андуганов 1976, 19; Ромбандеева 1973, 80
[33] Андуганов 1976, 18.
[34] Ромбандеева 1998, 22.
[35] Андуганов 1976, 59–60.

+ *совла* ’ложка’), *модаш-воштылаш* ’веселиться’ (*модаш* ’играть’ + *воштылаш* ’смеяться’), морд. *karu uravtэma* ’мухомор’ (букв. мухи умертвление), *sari pokrat* ’бобы’ (букв. вертящиеся бобы), *ava lora* ’подорожник’ (букв. женщина-лист)[36]; фин. *omatunto* ’совесть’ (*oma* ’свой’ + *tunto* ’чувство’, *vapaaoppilas* ’вольнослушатель’ (*vapaa* ’вольный’ + *oppilas* ’ученик’[37].

Согласно вышеуказанным критериям сложного слова, и в первую очередь, признаку цельнооформленности, а также на основе вышеприведенных примеров можно утверждать, что сложные слова пишутся слитно. Составные слова пишутся раздельно, так как в их составляющих наблюдается меньшая спаянность компонентов в семантическом отношении. Они наиболее близки к словосочетаниям с сохранением ударения на каждом компоненте, наличием отделительной паузы между составными частями[38].

На наш взгляд, к сложным словам можно было бы отнести и составные слова, состоящие из 2–3–4 компонентов, несмотря на их раздельное написание, т.к. они служат наименованиями отдельных понятий и им характерны все признаки сложных слов: семантический, морфологический, синтаксический, например: *χănšĭ ewəttĭ soχəł* ’узкая дощечка для кройки’, *sot ułtĭ χĭr* ’толстая слепая кишка’, *ut ŭłĭ jam mŭw* ’богатое оленьим мхом, ягелем пастбище’, *šek χŭw sapəł łŏw* ’второй шейный позвонок (или эпистрофей)’, *ńań wertĭ ne* ’пекарь’ *mis pustĭ ne* ’доярка’. Решение об их слитном написании следует считать лишь вопросом времени.

В настоящее время существует необходимость в разработке единого орфографического правила для написания составных названий. Разрешение проблемы орфографии важно для правильного понимания смысла лексемы. Мы предлагаем слитное написание атрибутивных лексических конструкций (расположение компонентов по формуле «определение + определяемое»), созданных на основе подчинительной связи, и являющихся номинациями конкретных реалий, например: *łośpul* ’снежок’ (*łoś* ’снег’ + *pul* ’кусок чего-нибудь’), *pekłŏw* ’челюсть’ (*pek* ’зуб’ + *łŏw* ’кость’), *kewan* ’бутылка’ (*kew* ’камень’+ *an* ’посуда, чашка’), *semkartĭ* ’очки’ (*sem* ’глаз, глаза’ + *kartĭ* ’железо’), *sapəłlak* ’ошейник’ (*sapəł* ’шея’ + *lak* ’круг’), *karłŭk* ’гвоздь’ (*kartĭ* ’железо’ + *łŭk* ’деталь’), *mirχot* ’собрание’ (*mir* ’народ’ + *χot* ’дом’), *ajwoj* ’мышь’ (*aj* ’маленький’ + *woj* ’зверь’), *tŏχłəηχop* ’самолёт’ (*tŏχłəη* ’крылатый’ + *χop* ’лодка’), *kŭrəηwoj* ’лось’ (*kŭrəη* ’с ногами, ногастый’ + *woj* ’зверь’) и т. д.

Наряду со сложными двухкомпонентными словами, созданными на основе подчинительной связи, имеются многочисленные слова, состоящие из трех и четырех лексем, выражающие единое понятие, которое складывается из суммы значений составляющих, которые также следовало бы писать слитно, например: *ńawrem utəłtətĭ ne* ’учительница’ (*ńawrem* ’ребёнок + *utəłtətĭ* ’учить’ + *ne* ’женщина’), *нянь верты нэ* ’пекарь’ (*нянь* ’хлеб’ + *верты* ’делать’ + *нэ* ’женщина’), *мис пусты нэ* ’доярка’ (*mis* ’корова’ + *pustĭ* ’доить’ + *ne* ’женщина ’), *taś šawitĭ χu* ’пастух’ (*taś* ’стадо’ + *šawitĭ* ’охранять’ + *χu* ’мужчина’), *χuł wełtĭ χŏjat* ’рыбак’ (*χuł* ’рыба’+ *wełtĭ* ’добывать, убивать’ + *χŏjat* ’человек’), *sot ułtĭ χĭr* ’толстая слепая кишка’, *šek χŭw sapəł łŏw* ’второй шейный позвонок (или эпистрофей)’ и т.д.

[36] Гребнева 1984, 14–15.
[37] Макаров 1958, 25–37.
[38] Самарова 2001, 250.

Следует отметить, что в хантыйском языке имеется много сложных слов с сочинительной связью, которые, на наш взгляд, следует писать через дефис. Это парные слова, составные части которых связаны между собой по своей структуре и значению, например: *ńŏł-sem* ’лицо’ (*ńŏł* ’нос’ + *sem* ’глаз, глаза’), *woj-χŭł* ’питание’ (*woj* ’зверь’ + *χŭł* ’рыба’), *muš-kaši* ’болезнь’ (*muš* ’болезнь’ + *kaši* ’боль’), *još-kŭr* ’конечности’ (*još* ’рука’ + *kŭr* ’нога’), *mŭw-jik* ’неживая природа’ (*mŭw* ’земля’ + *jik* ’вода’), *anťi-aśi* ’родители ’ (*anťi*’мать’ + *aśi* ’отец’), *woj-χŭł* ’животный мир’ (*woj* ’зверь’+ *χŭł* ’рыба’), *ewi-pŏχ* ’дети’ (*ewi* ’девочка’ + *pŏχ* ’мальчик’), *imi-iki* ’супруги’ (*imi* ’жена’ + *iki* ’муж’), *atəł-χătəł* ’сутки’ (*atəł* ’его ночь’ + *χătəł* ’день’) и т.д.

В заключении следует подчеркнуть, что в целях принятия окончательного решения по данному вопросу, необходимо основательно разработать не только орфографические правила, но и выработать единые нормы графической передачи слов. Графика, являясь совокупностью письменных средств, призвана отображать определенными знаками звуковую сторону данного языка. Орфография же, опираясь на тот или иной принцип своего построения, из всех возможных графических написаний выбирает одно, которое считается правильным с точки зрения определенных норм правописания. Данные меры в дальнейшем способствуют с максимальной полнотой охватить лексику конкретного языка, отражающей культуру и историю конкретного народа.

ЛИТЕРАТУРА

Андуганов Ю. В. 1975: Модели марийских существительных-композит // Fennougristica Тарту, 31–41.

Андуганов Ю. В. 1976: Сложные слова в марийском языке (определительные сложные существительные): дис. … канд. филол. наук. Тарту.

Андуганов Ю. В. 1986: Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в марийском языке // Марийская филология: Межвуз. сб. науч. тр. Йошкар-Ола, 66–75.

Андуганов Ю. В. 2006: Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в хантыйском языке // Вестник угроведения. Ханты-Мансийск, 14–22.

Анжиганова О. А. 1982: Сложные слова, свободные и устойчивые словосочетания в хакасско-русском словаре // Лексика и морфология тюркских языков: / Е. И. Убрятова (ред.). Новосибирск, 96–100.

Аксенова О. П. 1996: Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск.

Балашша Й. 1951: Венгерский язык. М.

Бенвенист Э. 1974: Общая лингвистика / Ю. С. Степанов (ред.). М.

Больдт Е. П. 1986: Сложные слова — хранители древней лексики (на материале нганасанского языка) // Языки народов Севера Сибири / М. И. Черемисина (ред.). Новосибирск, 102–109.

Больдт Е. П. 1987: Словосложение в самодийских языках (на материале нганасанского языка) // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 4–11.

Василевская Е. А. 1962: Словосложение в русском языке. М.

Вернер Г. К. 2000: Сложные атрибутивные конструкции в енисейских языках // Вопросы языкознания. 3, 42–49.

Виноградов В. А. 1990: Словосложение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.

Гребнева А. М. 1984: Флористическая лексика мордовских языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту.

Животиков Л. К. 1942: Очерк грамматики хантыйского языка: Средне–обской диалект. Ханты-Мансийск.

Картина А. И. 1955: Именное словообразование в современном мансийском языке: дис. … канд. филол. наук. Л.

*Картина А. И.*1958: Словосложение имен в мансийском языке // Просвещение на советском крайнем Севере, 280–295.

Куркина Г. Г. 1985: Словесное ударение в хантыйском языке (западный диалектный массив) // Материалы шестого международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар.

Лыскова Н. А. 1996: Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках (семантических аспект): дис. … докт. филол. наук. Спб.

Лыткин В. И. 1961: Коми-язьвинский диалект. М.

Майтинская К. Е. 1959: Венгерский язык. М.

Макаров Г. Н. 1958: К вопросу об отграничении сложного слова от словосочетания в литературном финском языке // Труды Карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание. 12, 25–48.

Макаров Г. Н. 1960: Субстантивные словосочетания типа «имя существительное — имя существительное в косвенных падежах» в финском языке // Тр. Карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание. 23, 63–77.

Мещанинов 1982: Глагол. Л.

Муратов С. Н. 1961: Сложные слова // Устойчивые словосочетания в тюркских языках, 43–61.

Мусанов А. Г. 1999: Топонимия Верхнего Прилузья: дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола.

Онина С. В. 2002: Оленеводческая лексика хантыйского языка. Йошкар-Ола.

Пейсиков Л. С. 1973: Очерки по словообразованию персидского языка. М.

Ромбандеева Е. И. 1972: Сложные слова в мансийском языке // Вопросы советского финно-угроведения, 74.

Ромбандеева Е. И. 1973: Мансийский (вогульский) язык. М.

Ромбандеева Е. И. 1998: Структура современного мансийского (вогульского) языка: научн. докл. д-ра филол. наук. Йошкар-Ола.

Русская Ю. Н. 1961: Самоучитель хантыйского языка. Л.

Самарова М. А. 2001: Структурные типы микротопонимов Верхней Чепцы // Пермистика. 8, 247–251.

Скамейко Р. Р., *Сязи З. И.* 1992: Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). Спб.

Смирницкий А. И., 1952: К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка. М.

Троицкий В. Н. 1940: Основные принципы словообразования // Уч. зап. Лен. гос. пед. Ин-та иностр.яз. Л.

Чернов М. Ф. 1988: Современный чувашский язык. Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов. Чебоксары, 94–168.

Honti L. 1982: Nordostjakisches Wörterbverzeichnis. Szeged.

Karjalainen K. F. 1948: Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki.

Steinitz W. 1967: Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin.

THE PROBLEM OF COMPOSITIVE NOMINATIVE UNITS OF THE KHANTY LANGUAGE

S. V. Onina

The article considers the compositive nominative units, which are one of the active methods of formation of new words in the Khanty language. The author assigns special criteria for differentiation between compound words and expressions: phonetic, morphological, semantic, syntactic and spelling.

Key words: compositive nominative units, criteria, vocabulary, the Khanty language.

© 2010

Ю. А. Ненашева

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СТРЕМЛЕНИЕ К КОНВЕРГЕНЦИИ

Изучение произносительной нормы, классификация произносительных вариантов языковых единиц позволяют не только более точно описать синхронное состояние языковой системы, но и определить тенденции изменений фонетической нормы. Одной из таких тенденций является конвергенция: слияние произносительных вариантов языковой единицы.

Ключевые слова: произносительный вариант, произносительная норма, стандартный вариант произношения, конвергенция.

Традиционное понимание термина «произносительная норма» сводится к образу произносительного словаря, в котором зафиксированы варианты произношения лексических единиц. Между тем, понятие произносительной нормы значительно шире явления нормы кодифицированной — зафиксированной в письменной форме. Произносительная норма — часть нормы языковой, она подчиняется тем же законам. В то же время она обладает определенными особенностями, которые позволяют ей выступать как самостоятельное явление.

Задавая себе вопрос: «Как произносится это слово, фраза?», лингвист одновременно решает задачу: «Кем? Для кого? При каких обстоятельствах? В каком лингвистическом окружении?». Только ответ на все эти вопросы обеспечивает возможность эффективной передачи информации, осуществляемой в процессе общения. Конечно же, эти вопросы носят неосознанный характер, иначе процесс подбора необходимой языковой единицы, варианта ее произношения занимал бы значительный промежуток времени, делая невозможным сам процесс коммуникации. Выявление аспектов функционирования произносительной нормы, факто-

ров, влияющих на ее изменение, требует комплексного подхода к самой проблеме произносительной языковой нормы.

Понятия «языковая норма» и «языковая вариативность» являют собой то диалектическое единство, при равновесии которого сохраняется способность языковых единиц передавать значения и служить составляющими речевых произведений: высказываний, текстов. Вариативность является способом существования и функционирования языковой системы в целом. Внутриязыковые факторы, провоцирующие возникновение вариантов языковых единиц, — языковые закономерности и процессы, определяющие специфику развития того или иного уровня языковой системы: характерные для данного языка фонетические процессы, модели и конструкции. Основными экстралингвистическими факторами, вызывающими варьирование языковых единиц, являются, как правило, территориальный и социальный факторы.

Варианты языка, возникшие под влиянием территориального фактора — традиционные диалекты — отличаются наличием фонетических, лексических, и синтаксических особенностей. При воздействии социального фактора возникают социальные варианты языка, используемые индивидами, связанными между собой социальными отношениями.

Изменения в общественном устройстве мира привели к изменениям в традиционной стратификации языковых форм. Современная языковая ситуация является результатом взаимодействия двух основных тенденций: конвергенции и дивергенции. Конвергенция — слияние вариантов языковых единиц — стала результатом воздействия целого комплекса социальных изменений: развитие средств массовой информации и коммуникации, возросшая мобильность населения земного шара, развитие системы образования, принятие единых образовательных стандартов, изменение социальных ролей полов. Особенно ярко тенденция к конвергенции языковых единиц прослеживается в английском языке, поскольку именно он исполняет роль международного языка. Все вышеперечисленные социальные изменения способствовали унификации английского языка, в том числе и в области произносительной нормы.

В процессе естественного развития языка традиционные диалекты уступают место новым формам языка. В. М. Жирмунский отмечает, что влияние общей нормы наиболее значительно в местах концентрированного проживания[1]. Британский социолингвист P. Trudgill говорит о существовании «linguistic urbanization» в британском варианте английского языка и о доминирующей роли общей нормы в местах компактного проживания большого количества людей. В результате этого процесса, по его мнению, возникают наддиалектные формы английского языка[2].

Развитие мегаполисов привело к перемешиванию населения. Рост городов спровоцировал быстрое смешение диалектов окружающих территорий. Это привело к тому, что речь представителей крупных городов-мегаполисов, находящихся в разных уголках страны, различается меньше, чем речь жителей крупных городов и сельских районов одного региона. Необходимо отметить, что подобные процессы выравнивания языковых форм затрагивают не только национальные варианты языка — нивелирование языковых особенностей разных уровней проис-

[1] Жирмунский 1968, 22–39.
[2] Trudgill 1984, 60, 110, 170.

ходит и между национальными вариантами, например, британским и американским вариантами современного английского языка.

Вариативность языковых единиц проявляется в речи в виде различий между нормативными формами языка и иными, субстандартными формами языка, возникающими под влиянием различных факторов. Однако не стоит отождествлять литературный язык и языковую норму, так как литературный язык — всего лишь одна в ряду равноправных языковых форм, используемых человеком в практической деятельности.

Возникающие под влиянием различных факторов наддиалектные варианты языка получают собственный статус. А. И. Домашнев, Н. Н. Филичева отмечают, что наддиалектный характер такой формы языка (Umgangssprache) проявляется в стирании и нивелировании наиболее заметных диалектных признаков[3]. Общенародная обиходная форма языка служит осуществлению повседневного бытового общения и представляет собой структуру с иерархичным строением, на вершине которой находится обиходный разговорный язык «образованных»; структуру, в которой присутствуют соответствующие фонетические, грамматические и семантические нормы.

Диалектическое единство языковой вариативности и языковой нормы действует таким образом, что вариативность, приводящая к увеличению разнообразия в системе, уравновешивается идеей константности основных категориальных значений в системе: языковой нормой. Вариативность произносительных вариантов ограничивается рамками произносительной нормы. Норма представляет собой социальный конструкт, обеспечивающий осуществление эффективного общения и социального взаимодействия, существующий в каждой специализированной области человеческой деятельности. Н. Д. Арутюнова считает, что вопрос о необходимости норматива и оценке языковых явлений по соответствию данному нормативу возникает только при наличии практической цели этого сопоставления[4]. В процессе коммуникации такой целью можно считать эффективность самой коммуникации. Норма играет роль средства, ограничивающего количество языковых вариантов по принципу соответствия условиям речевого общения.

В узком смысле норма понимается как результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы связано с понятием литературного языка — языковой структуры с очень жесткими рамками. Так как понятие языковой нормы носит гораздо более широкий характер, более функциональным представляется подход к норме, используемый В. М. Бухаровым, который выделяет два типа нормы: норму — как систему чистых форм и узус, который также представляет собой регламентацию языка, носящую более свободный характер[5].

Выбор произносительного варианта обусловлен обобщающим характером языка. Отбирая необходимую единицу, говорящий с наибольшей степенью вероятности воспользуется наиболее частотной формой. Этот выбор происходит зачастую неосознанно. По сути, говорящий будет руководствоваться произносительной нормой данного языкового коллектива и собственным знанием норм языка, носителем которого он является.

[3] Домашнев 1989, 27–29, 2001, 129–130; Филичева 1983, 14.
[4] Арутюнова 1988, 21–23.
[5] Бухаров 1995, 17.

Обязательность нормы может иметь навязываемый или неосознаваемый характер. Навязываемая обязательность нормы возникает в том случае, когда норма носит осознанный характер: кодификация фиксирует знание языковых норм и степень их осознания в обществе. Такая норма является общественно одобренным образцом, используемым в качестве образовательного стандарта. Неосознаваемая норма может быть охарактеризована как комплекс навыков, традиционные способы употребления языковых единиц — узус.

В области аксиологических понятий норма соотносится с позитивной частью шкалы оценок и во многих обществах правила коммуникации проявляют ориентированность на положительные явления, активизируя развитие и употребление языковых явлений, относимых к позитивному флангу шкалы, в качестве общего стандарта. Необходимо, однако, объективно подходить к языковому стандарту, избегать идеализированного отношения к языковой норме и литературному языку. Языковой стандарт — не эталон, относительно которого остальные варианты языка недостаточно хороши. Использование стандартного варианта языка в качестве средства общенационального общения определяется только его способностью выполнять эту функцию, оно может быть прекращено, если возможности данного варианта языка не соответствуют потребностям практической деятельности.

Таким образом, современное состояние произносительной нормы английского языка является результатом воздействия комплекса факторов. Основной функцией произносительной нормы является обеспечение эффективной передачи информации, которая будет возможна только при условии, что все участники общения будут одинаково использовать и воспринимать языковые единицы. Подвижность произносительной нормы может приводить к тому, что в определенный временной отрезок наряду с нормативным вариантом может возникнуть новая норма, функционирующая наряду с еще не утраченным стандартом. Кроме того, изменения произносительной нормы никогда не нарушают внутренних законов языка.

Изменения произносительной нормы современного английского языка можно проследить при помощи сопоставительного анализа языковых единиц и их произносительных вариантов. Приводимые в качестве примеров языковые единицы были выделены из наиболее авторитетных словарей Cambridge English Pronouncing Dictionary (CEPD) и Longman Pronunciation Dictionary (LPD)[6], а также использованы в исследовании, проведенном автором одного из словарей[7]. При проведении сопоставительного анализа было выделено около 200 лексических единиц, которые были сгруппированы в три группы по критерию природы изменяющегося элемента. Эти три группы составили:

- языковые единицы, в которых изменениям подвергались согласные звуки;
- языковые единицы, в которых изменениям подвергались гласные звуки;
- языковые единицы, в которых изменения затрагивали ударение.

Специфической особенностью произносительных словарей является то, что в них специальной пометой обозначены произносительные варианты национальных форм языка. Кроме того, использованные произносительные словари приводят произносительные варианты по частотности употребления.

[6] Cambridge English Pronouncing Dictionary 2006; Wells Longman Pronunciation Dictionary 2008

[7] Wells 1998 // http: // www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/quest.htm

Сопоставительный анализ слов и их произносительных вариантов привел к интересным результатам. В большом количестве случаев обнаружилось, что произносительные варианты слов, используемые британцами и американцами, подвергаются выравниванию, то есть и те и другие выбирают один и тот же произносительный вариант в качестве наиболее частотного нормативного.

В группе произносительных вариантов с изменениями, затрагивающими согласные звуки, следует отметить следующие фонетические изменения, последовательно создающие произносительные варианты:

- Появление эпитентического (дополнительного) звука затрагивает слова с префиксом trans-, а также слова с кластером -ns-: translate, transport — træn(t)-, fiancé, finance, insurance — nts, в слове chance изменения затрагивают не только согласный звук — nts, но и гласный: говорящие (особенно молодежь) более активно используют вариант со звуком æ. Дополнительный звук появляется и в слове amphitheatre — æmpfɪ, а также в словах forehead, где 88 % американцев и 65 % британцев произносили звук h между гласными, хотя такой вариант произношения не считается британским. В слове often 27 % британцев и 22 % американцев произносили звук — t.
- Озвончение согласного, явление, характерное для английского языка в большей степени, чем оглушение затронуло следующие слова: newspaper — 68 % американцев и 57 % британцев произносят z в середине слова; в словах типа bath, youth, with также происходит озвончение — ð, в слове Muslim для обоих вариантов характерен звук z. В слове resourse 45 % британцев предпочли вариант со звуком z, что характерно для американской произносительной нормы.
- Ассибиляция взрывного согласного в кластере со срединным сонантом: слово schedule приобрело сочетание согласных sk в начальной позиции (65 % британцев, родившихся после 1973 г.) и звук dʒ вместо dj. Слово issue окончательно приобрело звук ʃ, ранее характеризовавший американскую речь. В слове situation звук tʃ фигурирует в словаре как норма. В слове tune звук tʃ произносят 68 % британцев.

В группе с изменениями, затрагивающими гласные звуки, обращает на себя внимание тот факт, что эти изменения во многом аналогичны процессу, называемому Великий сдвиг гласных: монофтонгизацию дифтонгов, укорачивание долгих гласных (особенно в безударной позиции), превращение кратких гласных в безударной позиции в schwa, а также удлинение кратких гласных, особенно звука ɪ в конечной позиции, дифтонгизацию звуков uː и iː

- Монофтонгизация дифтонгов представляет собой превращение гласного, состоящего из двух качественно разных элементов, в гласный, в состав которого входит один элемент: sure, poor — ɔː произносят 74 % британцев; really — все большее количество молодых британцев произносят это слово вслед за своими американскими сверстниками как монофтонг — iː.
- Дифтонгизация — процесс, обратный монофтонгизации, очень часто ему сопутствует передвижение ударения, в результате чего изменяемый звук получает дополнительную выделенность: voluntarily приобретает дифтонгизированный элемент: eə (27 % британцев используют этот элемент одновременно с переносом ударения), delirious — dɪlɪərɪəs, такой вариант

произношения наблюдается у 80% британцев, родившихся после 1981 г.; vacation приобретает у британцев (61%) дифтонг eɪ, вероятно потому, что использование schwa создает возможность фонематической ошибки между словами vacation и vocation.

- Количественное изменение гласного звука: в словах prestigious, room наблюдается тенденция к укорачиванию гласного, а в слове ordinary, напротив, schwa не только появляется, но и усиливается, превращаясь в звук e.
- Качественное изменение гласного звука, то есть превращение одного звука в другой, наблюдается в следующих словах: garage, plastic, masquerade, plaque, scallop, substantial — звук ɑː превращается в звук æ, характерный для американской манеры произношения у более 60% британцев. В словах типа suit, lure кластер jʊ становится uː. Слово mall сохраняет свое первоначальное произношение только для топонима.

Третья группа слов, в которых изменению подвергается ударение, включает слова formidable (54% британцев, 32% американцев), harass (32% британцев, 80% американцев), kilometer (63% британцев, 84% американцев), mischievous (35% британцев и 40% американцев, родившихся после 1981 г.), которые произносят с ударением на втором слоге.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что произносительные варианты слов подвергаются выравниванию, в результате чего носители разных национальных вариантов английского языка начинают пользоваться одним способом произношения слова, что заметно снижает риск непонимания, а соответственно и коммуникативной неудачи.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. 1988: Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.

Бухаров В.М. 1995: Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография. Н. Новгород,.

Домашнев А.И. 2001: Проблема классификации немецких социолектов // Вопросы языкознания. 2, 122–130.

Домашнев А.И. 1989: Языковые отношения в Федеративной Республике Германии. Л.

Жирмунский В.М. 1968: Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 22–39.

Филичева Н.И. 1983: Диалектология современного немецкого языка. М..

Trudgill P. 1984: Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Harmondsworth.

Wells J.C. 1998: Pronunciation Preferences in British English: a new survey // LPD Poll 98 ‘LPD pronunciation preference survey // http: // www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/quest.htm

Cambridge English Pronouncing Dictionary 2006: 17th ed. / ed. by P.Roach et al.

Wells J.C. 2008: Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. / J.C. Wells.

PRONUNCIATION STANDARD OF THE ENGLISH LANGUAGE: CONVERGENCE TENDENCY

Yu. A. Nenasheva

The study of the pronunciation standard, classification of pronunciation variants of linguistic units does not only allow describing the system of the language synchronically but it also helps to determine the tendency of its change: convergence of pronunciation variants being one of these tendencies.

Key words: pronunciation standard, classification of pronunciation variants of linguistic units.

© 2010

Н. Н. Кузнецова

ЭЛЛИПСИС КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

В данной статье рассматриваются факторы, влияющие на создание и усиление экспрессивности при помощи такой стилистической фигуры, как эллипсис — неполнота высказывания. К таким факторам отнесено четыре: 1) семантика устраненного члена предложения; 2) характера контекста; 3) количество незамещенных синтаксических позиций; 4) качество незамещенных синтаксических позиций. На конкретных примерах рассматривается каждый из этих факторов, его конкретные проявления, особенности — на материале поэтических текстов XX века.

Ключевые слова: эллипсис, экспрессивность, устраненный член предложения.

Эллипсис — пропуск необходимого, наиболее значимого члена предложения в той или иной ситуации. Среди признаков, характеризующих эллипсис, выделяют следующие[1]: 1) наличие хотя бы одной нереализованной обязательной валентности; 2) наличие фактически (в речи, в тексте) или потенциально (в языке, в системе) соотносительной нормативной конструкции с аналогичной реализованной валентностью; 3) наличие стилистического начала. Эллипсис считается одним из новых явлений в строе современного русского языка. При эллипсисе возможно возникновение экспрессивного эффекта разного характера: энергичности, стремительности; неожиданности; быстрой смены событий; напряженного психологического состояния; создания непринужденности, интимизации. Рассмотрим факторы, влияющие на реализацию экспрессивного потенциала эллипсиса[2].

1) На **семантику устраненного члена предложения**, влияют (по степени значимости): во-первых, особенности грамматической формы; во-вторых, часте-

[1] Сковородников 1981, 234; Энциклопедический словарь-справочник 2005, 364–367.
[2] Энциклопедический словарь-справочник 2005, 367.

речная принадлежность, в-третьих, лексическое значение опускаемого слова. По первому пункту следует отметить, что чаще всего эллиптированию подвергаются, по выражению В. В. Бабайцевой[3], «подчиняющие словоформы», т.е. те части речи и их грамматические формы, которые способны управлять, что и позволяет их довольно легко и однозначно восстанавливать. В отношении частеречной принадлежности считается, что наиболее частотными являются предложения с эллипсом глаголов. Обычен для русского языка пропуск глаголов-связок: ***Тебе покорной?*** *Ты сошел с ума! Покорна я одной Господней воле. Я не хочу ни трепета, ни боли, Мне муж — палач, а дом его — тюрьма*[4] (опущен глагол-связка в инфинитиве *быть*). Из глаголов другой семантики чаще всего опускаются «глаголы движения, перемещения в пространстве, глаголы энергичного физического воздействия, глаголы речи/мысли, глаголы со значением «брать/хватать», «давать/предоставлять» и некоторые другие»[5]: *По нагориям, По восхолмиям, Вместе с зорями, С колокольнями,* ***Конь без удержу****, — Полным парусом! — В завтра путь держу, — В край без праотцев*[6]. В данном контексте опущен глагол *скачет* (относящийся к денотату *конь*), который передает значение движения, перемещения в пространстве. В связи с данной семантикой, стилистический эффект эллиптированной конструкции, бесспорно, связан с передачей энергичности, стремительности, а значит, интенсивности действия (которая увеличивается за счет сравнения и восклицания в последующей строке — *полным парусом!*). Именно эта чрезмерность и является здесь «агентом экспрессии».

Поскольку в поэтических текстах более распространены случаи эллипсиса глагола, то случаи пропуска других частей речи, в силу своей необычности, несут более существенный экспрессивный заряд. Так могут опускаться местоимения, на наличие которых указывают глагольные окончания, например: *А есть и так:* ***сидит на старом. Кремень. Не сдастся: не из тех!*** *И тридцать лет фиксатуаром Усы закручивает вверх*[7]. В данном контексте можно предположить эллипсис — вначале –определительного или, напротив, неопределенного местоимения (***иной***, ***кто-то*** *сидит на старом* — не подвержен веяниям моды), а далее — личного местоимения (***он*** *кремень,* ***он*** *не сдастся*). Существительные подвергаются эллипсису реже и, как правило, в контексте имеется указание (за счет сочетаемости) на характер пропущенного слова, например: *Не бывать тебе в живых, Со снегу не встать.* ***Двадцать восемь штыковых, Огнестрельных пять****. Горькую обновушку Другу шила я. Любит, любит кровушку Русская земля*[8]. Декодирование данного контекста может быть только однозначным — опущено слово *ран*. *Буду ждать тебя* (***в землю — взгляд****,* ***Зубы в губы****. Столбняк. Булыжник*). *Терпеливо, как негу длят, Терпеливо, как бисер нижут. И домой: В неземной — Да мой*[9]. В данном контексте оба случая эллипса позволяют предположить пропуск деепричастий: *в землю —* ***опустив, вперив*** (?) *взгляд* и *зубы* ***вонзив*** (?) *в губы*.

---

[3] Бабайцева 1988, 24.
[4] Ахматова I, 1990, 48.
[5] Энциклопедический словарь-справочник 2005, 366.
[6] Цветаева 1989, 211
[7] Винокуров 1984, 51.
[8] Ахматова I, 1990, 167.
[9] Цветаева 1989, 265.

2) **Характер контекста**. Возможно, в данном случае более точным будет слово «подтекст», поскольку под характером контекста здесь, очевидно, следует понимать наличие глубоких — ключевых для произведения или творчества в целом — смыслов, их трансформацию в поэтическом тексте, нарушение привычных связей, нейтрализацию устоявшихся оппозиций и установление новых, сдвиг отношений между поэтическими денотатами и т. д., словом, все то, что создает его логическую, интеллектуальную экспрессивность и ведет к возникновению экспрессивности эмоциональной, воздействующей на чувства читателя, например: — *О, всеми голосами раковин Ты пел ей! — Травкой каждою. — Она томилась лаской Вакховой. — Летейских маков жаждала… — Но,* ***как бы те моря ни солоны****, Тот мчался… Стены падали. — И кудри вырывала полными Горстями… —* ***В пену падали…***[10]. В данном контексте эллипсис наблюдается в двух случаях. 1. *Как бы те моря ни* ***были*** *солоны*. В уступительной конструкции глагол связка хотя и восстанавливается однозначно, без вариантов, однако, как правило, не опускается. В связи с этим, экспрессивность здесь связана только с нестандартностью конструкции. 2. ***Они*** *в пену падали*. В данном случае «экспрессию иррадирует» менее частотный, по сравнению с глаголом, эллипсис местоимения, причем выполняющего в предложении роль главного члена — подлежащего. Его отсутствие, а также отрывочность практически каждого предложения в стихотворении и использование местоимения *тот* без опорного наименования создает впечатление бессвязности речи, которая, с одной стороны, придает произведению характер мучительного воспоминания, а с другой — является следствием сильнейших эмоций негативного плана по его поводу (горечи, страдания).

3) **Количество незамещенных позиций**. Естественно предположить, что усиление выразительности связано с наличием большего количества подобных позиций. Такие случаи встречаются гораздо реже, нежели незамещение одной синтаксической позиции, и, следовательно, менее ожидаемы (а любое «обманутое ожидание» обладает большей силой воздействия). Кроме того, повышенная экспрессивность подобного приема обусловлена еще и тем, что предполагает углубленное восприятие, поскольку для того чтобы заполнить две незамещенные позиции, читателю требуется бóльшая ментальная активность: *Ведь он пришел и лег лучом С панелей, с снеговой повинности. Он дерзок и разгорячен, Он просит пить, шумит,* ***не вынести***[11]. В данном контексте незамещенными оказываются сразу две позиции: косвенного и прямого дополнения: ***мне (нам) его*** *не вынести*. «Он» здесь — это новый, 1919 год. Можно только догадываться, какими трудными для русских людей были конец 1917 года, принесший столь резкие перемены в жизни, и особенно 1918 год, прожитый в новой России. Что еще он принесет с собой? Усложненный эллипсис приведенной конструкции (выразившийся в незамещении двух синтаксических позиций) призван отразить напряженное эмоциональное состояние, которое обладает значительной силой воздействия.

4) **Качество незамещенных позиций**. Под «качеством» здесь, очевидно, следует понимать их нестандартность, неожиданность, которая будет связана и с частеречной принадлежностью (не глаголы), и с редко встречаемой семантикой пропущенных слов (не слова речи/мысли или передвижения), и с количеством

[10] Цветаева 1989, 269.
[11] Пастернак 1990, 129.

подобных позиций (больше одной), и с функцией пропущенных слов в предложении, и проч. Как утверждает А. П. Сковородников, наиболее экспрессивными являются конструкции, где «устранен предикативный каркас, а в наличии только распространители главных членов предложения»[12]: *Если бровь резьбою Потный лоб украсила,* ***Значит, и разбойник****? Значит,* ***за дверь засветло****?*[13]. В данном контексте наблюдаются эллипсис в следующих конструкциях: *значит,* ***я уже (есть)*** *и разбойник?* и *значит, за дверь* ***надо выгнать*** *засветло?* В первом примере незамещенными оказываются сразу 3 позиции: подлежащего, глагола-связки в составном именном сказуемом (*есть разбойник*) и обстоятельства времени. Следовательно, предикативный каркас устранен не полностью (поскольку именная часть сказуемого все-таки присутствует). Однако такое большое количество незамещенных позиций не может не привлечь внимания читателя, что и усиливает экспрессивность. Во втором примере опущен главный член в односоставном предложении *надо выгнать*; в наличии только его распространители (обстоятельства места и времени). Данная эллиптическая конструкция ярко, недвусмысленно передает эмоции персонажа: незаслуженную обиду, возмущение несправедливостью, требование такого же уважения и внимания, которым пользуются остальные посетители «мучкапской чайной».

Таким образом, степень экспрессивности эллиптированных конструкций может варьироваться, поскольку зависит от: 1) семантики устраненного члена предложения; 2) характера контекста; 3) количества незамещенных синтаксических позиций; 4) качества незамещенных синтаксических позиций.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А. 1990: Сочинения в двух томах. М.

Пастернак Б. 1990: Стихотворения и поэмы. М.

Сковородников А.П. 1981: Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск.

Цветаева М. 1989: Через сотни разъединяющих лет… Свердловск.

Энциклопедический словарь-справочник 2005: Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.

Винокуров Е.М. 1984: Она: Стихи о любви. М.

ELLIPSIS AS A MEANS OF EXPRESSIVENESS

N. N. Kuznetzova

The article deals with factors that promote and intensify expressiveness through ellipsis, a figure of speech characterized by incomplete utterance. These factors comprise 1) the meaning of the omitted sentence member, 2) context nature, 3) the number of unreplaced syntactic positions, and 4) the quality of unreplaced syntactic positions. Poetic texts of the 20th century help to illustrate each of these factors, their concrete manifestations, and their peculiarities.

Key words: ellipsis, expressiveness, omitted sentence member.

[12] Энциклопедический словарь-справочник 2005, 367.

[13] Пастернак 1990, 88.

© 2010

К. В. Каменев

АНГЛИЙСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, ПОРОЖДЁННЫЕ РЕКЛАМОЙ

Статья посвящена описанию английских крылатых выражений, порождённых рекламными слоганами. В статье рассматривается структура данных выражений, их значение, описываются основные функции, выполняемые этими единицами в современном английском языке.

Ключевые слова: крылатые выражения (КВ), рекламные слоганы.

Одним из атрибутов современного общества является реклама. Она обрушивается на нас с рекламных щитов и экранов телевизоров, мы видим её на страницах газет и журналов, слышим по радио. Мы живём в навязчивом рекламно-информационном мире. Именно большая насыщенность рекламными сюжетами средств массовой информации способствует тому, что рекламные девизы и лозунги оседают в памяти человека, становясь крылатыми выражениями (КВ) и закрепляясь в языке в рекордно короткие сроки. В современном английском языке, по данным словарей[1], функционирует около 90 КВ, восходящих к рекламе. Большинство из них употребляются в качестве предложений, в то время как на долю непредикативных выражений приходится лишь 9 единиц.

К числу номинативных КВ относятся 4 единицы: *America's story teller — рассказчик американской истории* (о людях, фотографиях, кинохрониках, книгах или других предметах, запечатлевших американскую историю); *ancient Chinese secret — древний китайский секрет* (о секретах китайской медицины, кухни и т.д.); *breakfast of champions — завтрак (для) чемпионов* (выражение употребляется, когда говорят о пользе утреннего приёма пищи и о том, из чего должен состоять полноценный завтрак); *progress through technology — прогресс посредством технологий* (о новых достижениях научно-технического прогресса в разных областях).

Класс атрибутивных КВ представлен пятью оборотами: *the best to you each morning — лучшее для вас каждое утро* (о завтраках быстрого приготовления); *cool as a mountain stream — прохладный как горный ручей* (употребляется по отношению к какому-либо источнику, столь же прохладному, как горный ручей; по отношению к человеку, когда слово *cool* используется в значении 'крутой', 'хладнокровный'); *fingerlicking good — очень вкусный*; *full of eastern promise — наполненный атмосферой востока*; *good to the last drop(хорош до последней капли) — очень хороший*.

Среди КВ, которые функционируют как самостоятельные предложения, преобладают единицы со структурой простых двусоставных предложений. Их насчитывается 33. На втором месте по количеству стоят КВ со структурой односоставных побудительных предложений (28 единиц). На третьем месте — сложные предложения (12 КВ). И замыкают список неполные (эллиптические) предложения, в которых один из главных членов опущен (8 КВ).

[1] Farkas 2002; Knowles 2004; Shapiro 2006.

Рассматривая предложения с точки зрения их роли в процессе коммуникации, авторы «Грамматики английского языка» считают, что все простые предложения можно разделить на четыре грамматических типа: повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные. Эти типы отличаются по цели высказывания и выражают, соответственно, утверждения, вопросы, команды и восклицания[2]. Однако форма предложения не всегда совпадает с целью высказывания. Так, из 7 КВ, оформленных как вопросительные предложения (*Are you experienced?; Are you up for it?; Are your friends living beyond your means?; Does she ... or doesn't she?; Don't you just love being in control?; If he can, why can't you?; Where's the beef?*), не все используются с целью получения ответной информации. Некоторые из них выполняют другие функции. Например, выражение *Are you up for it? — Вы готовы к этому?* является не столько вопросом, сколько вызовом и побуждением к действию. Так, в статье под заголовком "American Idol Auditions — *Are You Up For It?*" («Прослушивание американских идолов — Вы к этому готовы?» — перевод наш), размещённой на сайте www.hubpages.com, выражение употребляется как вызов и приглашает всех желающих испытать свои силы, приняв участие в прослушивании: "So you want to audition? So, are you the next American Idol? Or maybe you think that you are not quite the one to win but you want to give it your best shot and get as far as you can. Even if you get through some of the stages you never know what might come of it and if nothing else you will have learnt some valuable lessons, gained fun experiences and maybe even got on TV for your few minutes of fame!" («Итак, вы хотите принять участие в прослушивании. Значит, это вы — следующий американский идол? Или же вы думаете, что не совсем годитесь на роль победителя, но хотите сделать всё возможное и пройти как можно дальше. Даже если вы пройдете определённые этапы, вы не знаете, что из этого может получиться. Даже, если из этого ничего не выйдет, вы получите ценные уроки, приобретёте интересный опыт и, возможно, попадёте на телевидение, заслужив нескольких минут славы!» — перевод наш).

Оборот *If he can, why can't you?* употребляется в двух значениях: 1. 'Если даже он может, почему не сможете вы?' 2. 'Если можно ему, почему нельзя вам?' Эта фраза также является не столько вопросом, сколько побуждением к действию, и призвана убедить адресата в его возможностях.

Выражение *Don't you just love being in control? — Разве вам не нравится, когда всё под контролем?* — представляет собой риторический вопрос.

КВ *Are your friends living beyond your means? — А вашим друзьям это не по карману?* — оформленное как вопрос, не требует ответа и призвано пробудить чувство собственного достоинства и превосходства у состоятельных людей, способных позволить себе дорогие вещи и предметы роскоши.

5 КВ оформлены как восклицательные предложения. Они обычно используются для выражения отношения говорящего к действительности. Употребляясь в разных ситуациях, они могут передавать различные чувства и интенции говорящего: восхищение — *I liked it so much, I bought the company! — Мне это так понравилось, что я купил компанию!*; удивление — *I can't believe I ate the whole thing! — Не могу поверить, что я всё съел!*

[2] Кобрина, Корнеева 1999, 300.

К числу КВ, представляющих собой побудительные предложения, относятся 28 единиц. Преобладание побудительных предложений среди рекламных КВ не случайно: оно объясняется самой спецификой рекламных слоганов. Реклама — это двигатель торговли, призванный привлечь внимание потенциальных потребителей к определённым товарам или услугам, создать у покупателей интерес и, в итоге, побудить их к действию.

В английском языке побудительные предложения выражают команды, которые передают желание говорящего заставить кого-либо, чаще всего слушающего, выполнить действие. Помимо собственно команд, побудительные предложения могут передавать запрет, просьбу, приглашение, предостережение, убеждение и т.д. в зависимости от ситуации, контекста, стиля, интонации. На письме команды маркируются точкой или восклицательным знаком[3].

Так, просьбу передают КВ *Bring out your best — Покажите всё, на что вы способны; Blow some my way — Дохни на меня дымком (табачным); Don't forget the fruit gums, mum! — Не забудь фруктовые жевательные резинки, мам!; I'm dead now. Please don't smoke — Я уже мёртв. Пожалуйста, не курите.*

Совет в английском языке можно дать с помощью целого ряда КВ: *Don't leave home without it — Не выходите из дома без этого* (выражение употребляется в разных ситуациях: речь может идти о зонте, подводке для глаз, губной помаде, мобильном телефоне и т. д.); *Fly the friendly skies — Летайте в дружественном небе* (совет воспользоваться услугами авиалиний); *Go to work on an egg — Отправляйтесь на работу на яйце* (букв. перевод) — употребляется в значении 'Яйца на завтрак — лучшее начало дня'); *Have a break, have a Kit-Kat — Сделай перерыв, съешь Кит-Кэт* (предложение сделать перерыв и перекусить); *Have a Coke and smile — Выпей Колу и улыбнись* (используется в качестве совета не унывать и взбодриться); *If it feels good then just do it — Если вам это нравиться, тогда просто сделайте это* (совет решиться на что-либо без лишних сомнений и раздумий); *If/When you've got it flaunt it — Если вы этим обладаете, похвастайтесь* (совет выставить в выгодном свете свои сильные, положительные стороны, продемонстрировать своё превосходство, похвастаться тем, чего ещё нет у других); *If you want to get ahead, get a hat — Если хотите добиться успеха в жизни, купите шляпу* (намёк на то, что шляпа помогает человеку выглядеть солиднее, респектабельнее, и человека, появившегося в шляпе, начинают воспринимать всерьёз); *Let the train take the strain — Пусть вся нагрузка достанется поезду* (совет путешественникам отдать предпочтение поезду, т.к. железнодорожные перевозки дешевле и надёжней); *Let your fingers do the walking — Пусть ваши пальцы поработают* (*прогуляются* — букв. перевод) — указание на то. что в наше время можно вести дела по телефону или через Интернет, не покидая дома); *Promise her anything, but give her Arpege — Обещайте ей что угодно, а дарите Arpege* (в данном выражении название духов «Arpege» может быть заменено любым другим словом, которое является важным в деле завоевания расположения женщины); *Reach out and touch someone — Протяни руку и свяжись с кем-нибудь* (*коснись кого-нибудь* — букв. перевод, выражение употребляется как в прямом смысле — 'совет протянуть руку и коснуться кого-нибудь', так и в переносном — 'совет устано-

[3] Кобрина, Корнеева 1999, 307–308.

вить связь, вступить в контакт с кем-либо при помощи современных средств коммуникации'; *Say it with flowers — Скажи это при помощи цветов* (совет подарить любимому человеку цветы, которые лучше слов выразят чувства).

Перечисленные выше КВ получили широкое распространение в современном английском языке и очень часто употребляются в качестве названий публикаций в периодических изданиях. Так, журнал "The Nation" от 24.04.2000 в статье под заголовком "*Don't leave home without it*" советует не покидать дома, не ознакомившись с информацией, содержащейся в буклете "False Profits: Who wins, who loses, when the IMF, World Bank and WTO come to town" («Сомнительные выгоды: кто выигрывает, кто проигрывает, когда МВФ, Международный банк и ВТО приходят в город» — перевод наш). "Daily Record" (Glasgow, Scotland) за 10.08.2001 в статье, озаглавленной "*Don't leave home without*... don't leave", рекомендует женщинам не забывать о подводке для глаз: "Marilyn Monroe always used it, and Sophie Ellis-Bextor is a big fan. What are we talking about? Eyeliner of course." («Мерлин Монро всегда ею пользовалась, и Софи Элис Бекстор является большим фанатом этой вещи. О чём идёт речь? Конечно, о подводке для глаз» — перевод наш). Сара Смит в статье "*Don't leave home without ...*", опубликованной в журнале "Shape" от 01.07.2005, призывает читателей быть предусмотрительными, отправляясь на прогулку или в путешествие: "Even if you only plan to do an hour-long hike, you shouldn't leave home emptyhanded. A wrong turn or unexpected rainstorm could take you off course and turn your quick outing into a scary affair. Thinking ahead can keep you safe" («Даже если вы планируете совершить часовую прогулку, вам не следует выходить из дома с пустыми руками. Неверный поворот или неожиданный ливень могут сбить вас с курса и превратить вашу короткую прогулку в ужасное происшествие. Предусмотрительность может спасти вас» — перевод наш). Статья "Fashion: *If you've got it, flaunt it* в журнале "Time" от 20.03.2005 рассказывает о новинках в мире «высокой моды». На сайте www.aisledash.com 18.12.2007 была размешена статья "*If you've got it, flaunt it*! But not so much, Scarlett Johanssen!", критикующая актрису Скарлетт Йохансон за слишком откровенный наряд, выставивший напоказ её «прелести». "Birmingham Post" от 29.06.2006 в статье "Royals *let the train take the strain*" сообщает читателям, что в 2006 году королевская семья Великобритании совершила 14 поездок по железной дороге. Самая дорогая из поездок обошлась бюджету Великобритании в 37 000 фунтов стерлингов. Статья в "The Independent" от 18.05.2007, озаглавленная "*Let the train take the strain*", сообщает об открытии первого железнодорожного сообщения между городами Инвернесс и Сеуол.

В качестве призыва могут употребляться следующие КВ: *Be cool, stay in school — Будь крутым, останься в школе* (призывает молодёжь закончить школу и получить «путёвку в жизнь»); *But wait, there's more! — Постой, у нас есть ещё!* (Постойте, у нас есть что ещё вам предложить); *Come to where the flavour is — Приди туда, где вкус* (используется как приглашение посетить какое-либо место, известное своей кухней); *Don't be vague, ask for Haig — Не будь невежественным, спрашивай Haig* (Элемент Haig часто заменяется другим именем собственным. Употребляется когда речь идёт о необходимости получить важную, достоверную информацию, например, *Don't be vague, ask for* <u>*Birmingham Post*</u> или *Don't be vague, ask for* <u>*reptiles*</u>); *Head for the mountains — Отправляйтесь в горы*;

Just do it! — Просто сделай это! (призыв сделать что-либо, решиться на что-то); *Just say no — Просто скажи нет* (призыв отказаться от наркотиков или другой вредной привычки); *Keep America beautiful — Сохраним Америку прекрасной*; *Keep Britain tidy — Сохраним Британию чистой*; *Obey your thirst — Не дай себе засохнуть* (оборот употребляется как призыв утолить свою жажду, в чём бы она ни выражалась); *Stop me and buy one — Останови меня и купи одно (мороженое)* (выражение употребляется по отношению к уличным торговцам, предлагающим разные товары).

КВ, функционирующие в качестве повествовательных предложений, можно разделить на несколько групп в зависимости от ситуаций, которые они характеризуют.

Так, в ситуациях, когда хотят акцентировать внимание на высоком качестве товара, подчеркнуть его надёжность и долгий срок эксплуатации, используют следующие КВ: *Australians wouldn't give XXXX for anything else — Австралийцы не отдали бы предпочтение чему-либо ещё* (символ с повторяющимся X выражает наивысшую оценку); *Betcha can't eat just one — Держу пари, вы не сможете съесть всего одну (порцию, упаковку)*; *It's the real thing — Это стоящая вещь*; *It keeps going, and going, and going… — Продолжает работать, работать, и работать*; *No manager ever got fired for buying IBM — Ни одного менеджера ещё не уволили за покупку IBM* (IBM здесь выступает как эталон качества вычислительной техники); *Quality is job 1 — Качество на первом месте*.

В ситуациях, когда речь идёт о чьём-либо профессионализме, компетенции в определённой сфере деятельности, стремлении к совершенствованию, употребляются выражения *We won't make a drama out of crisis — Мы не будем делать драмы из кризиса; We are number two. We try harder — Мы на втором месте. Мы стараемся сильнее; You press the button, we do the rest — Вы нажимаете на кнопку, мы делаем остальное*. Например, в статье, озаглавленной "We're number 2, we try harder" и размещённой на сайте www.sfgreenscene.com, говорится о том, что Сан-Франциско снова завоевал статус второго в США экологически устойчивого города, уступив лишь Сиэтлу. А вот город Мемфис занимает второе место по уровню преступности, сообщается в статье от 22.09.2006, выложенной на сайте www.memphiscrime.blogspot.com под заголовком "We are number two. We try harder".

Для выражения приемлемости и соответствия определённым требованиям употребляются КВ *It's just what the doctor ordered — Это то, что доктор прописал* — и *That'll do nicely, sir — Это прекрасно подойдёт, сэр*.

Для характеристики предметов, способных поднять настроение и отвлечь от навалившихся проблем, используется следующая группа КВ: *Bovril… prevents that sinking feeling — Bovril… предотвращает чувство уныния* (Bovril — это название пива, данный компонент может быть заменён любым другим знаменательным существительным); *Happiness is a cigar called Hamlet — Счастье — это сигара Гамлет* (подразумевается, что закурив сигару, забываешь о своих бедах и проблемах); *Things go better with Coke — Дела идут лучше с Колой*.

Для выражения причины, побудившей человека к совершению чего-либо экстраординарного, используются следующие КВ: *And all because the lady loves Milk Tray; I bet he drinks Carling Black Label; I'm only here for the beer*. КВ *And all because the lady loves Milk Tray (И всё потому, что леди любит Milk Tray)* восхо-

дит к рекламе шоколада “Milk Tray”. В рекламном ролике мужчина отправляется в опасные, рискованные путешествия: карабкается на горы, переплывает бурные реки — и всё ради того, чтобы доставить шоколад любимой женщине, тем самым добившись её расположения. Выражение *I bet he drinks Carling Black Label (Держу пари, он пьёт пиво Carling Black Label)* употребляется в ситуациях, когда кто-то делает что-то невозможное, что вызывает у окружающих удивление и недоумение. Предполагается, что именно пиво “Carling Black Label” помогает ему справиться со сложной задачей. Например, “*You can bet Juan Pablo Angel drinks Carling Black Label*. He was a true giant at The Causeway last night, notching his first hat-trick in a Villa shirt and providing a first senior goal for Peter Whittingham”. — «Можете побиться об заклад, Хуан Пабло из команды Ангелов пьёт Carling Black Label. Прошлым вечером на стадионе Causeway он был просто на высоте, забив три мяча и сделав результативную передачу Питеру Уитенгему» (“Football: Angel’s ace in five-star show; Wycombe 0 Villa 5.” Birmingham Evening Mail (England), 24.09.2003). *I’m only here for the beer — Я здесь только ради пива* (т.е. для того, чтобы напиться и повеселиться). “Honest, *I’m only here for the beer*” — так озаглавлена статья, опубликованная 21.05.2004 в “Daily Record” (Glasgow, Scotland), в которой говорится о том, что футболист Алан Смит был замечен накануне в Глазго, но заявил, что прибыл туда не по делу, а ради удовольствия.

Для выражения нежелания изменять своим вкусам, привычкам, взглядам, употребляются КВ *I’d rather fight than switch — Я лучше буду сражаться чем изменюсь* — и *I would walk a mile for a Camel — Я бы прошёл милю ради (сигарет) Camel*. Например, в периодическом издании “Modern Healthcare” от 15.12.2003 под заголовком “Hospital says, ‘Go ahead, *walk that mile for a Camel*’” помещена статья, в которой говорится о том, что администрация одной из больниц запретила курить на своей территории, и теперь курильщикам, не желающим порвать со своей привычкой, придётся проделать долгий путь, чтобы иметь возможность спокойно покурить. “*I’d rather fight than switch* to tobacco’s side” — под таким заголовком в “Chicago Sun-Times” от 28.10.1998 опубликована статья, повествующая об опостылевших всем рекламных роликах сигарет, в которых табачные компании выступают против 10-й поправки, предлагающей ввести 50-центовый налог на каждую пачку сигарет, а вырученные средства пустить на развитие детских программ. Ещё один пример можно найти в статье под заголовком “Not gone yet, but days may be numbered; coping with economic adversity!”, напечатанной 25.04.2004 в газете “The Post-Standard” (Syracuse, NY): “I am a diehard New Yorker. I have lived here all my life. Move out of state? *I'd rather fight than switch!*” («Я преданный гражданин штата Нью-Йорк. Я прожил здесь всю свою жизнь. Уехать из города? Да я лучше буду сражаться, чем соглашусь на это!» — перевод наш).

Типичные рекламные КВ, функционирующие как самостоятельные предложения (лозунги, призывы, советы) обычно называют *слоганами*. Рекламные слоганы гармонично вплетаются в английский язык, становясь неотъемлемой частью лексикона его носителей и получая статус КВ.

Номинативные и атрибутивные КВ, рождённые рекламой, в английском языке немногочисленны. Предпочтение отдаётся выражениям, имеющим структуру простого двусоставного или односоставного предложения, что обусловлено спецификой самих рекламных слоганов. Как пишет Х. Кафтанджиев (со ссылкой на

Довганова), «Рекламный слоган — краткое, простое и легкое для произнесения выражение, которое содержит как главный логический элемент товар, название торговой марки, услугу или место продажи <…> Главная задача слогана — отражать сущность и философию фирмы, интерпретированную с точки зрения его рекламной коммуникации. И именно это определяет остальные характеристики: слоган должен быть: а. коротким; б. запоминаемым; в. содержать торговую марку; г. полноценно переводиться на другие языки. Степень запоминаемости, которая очень существенна для эффективности рекламного обращения, зависит от краткости слогана и стилевых форм, использованных в тексте»[4].

В условиях дефицита рекламного времени и пространства, копирайтерам приходится создавать лаконичные, но в то же время информативно ёмкие слоганы, для чего как нельзя лучше подходят простые односоставные предложения. Не имеющие в своём составе обращения (определенно выраженного адресата), такие слоганы нацелены не на какую-то конкретную группу людей, а аппелируют ко всей аудитории потенциальных потребителей.

К основным функциям, которые выполняют в речи восходящие к рекламе КВ, можно отнести совет, призыв, просьбу, побуждение к какому-либо действию. Данный пласт КВ может также употребляться для выражения различных чувств и интенций говорящего, для указания причин, вызвавших какие-либо поступки.

ЛИТЕРАТУРА

Кафтанджиев Х. 1995: Тексты печатной рекламы. М.

Кобрина Н.А., Корнеева Е.А. 1999: Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов и ун-тов по спец. № 2103 «Иностранные языки». СПб.

Farkas A. 2002: The Oxford Dictionary of Catchphrases. New York.

Knowles E. 2004: The Oxford Dictionary of Quotations. New York.

Shapiro F.R. 2006: The Yale Book of Quotations. New Haven and London.

ADVERTISEMENT-BASED ENGLISH WINGED PHRASES

K. V. Kamenev

The article deals with English winged phrases originating from advertisement slogans, their structure, meaning, and their principal functions in modern English.

Key words: winged phrases, advertisement slogans.

[4] Кафтанджиев 1995, 5–6.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2010

О. Ю. Трофимова

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В XVII–XIX ВВ.

На основе документальных свидетельств О. Ю. Трофимова рассматривает исторические условия формирования мордовского населения Южного Урала в XVII–XIX вв. В статье показан анализ изменений, происшедших в расселении мордвы: оно потеряло компактный характер и становится все более смешанным. Миграции других народов и переселение самой мордвы привело к тому, что численность мордовского населения значительно уменьшилось.

Ключевые слова: мордва, миграция, заселение.

Заселение мордвой Южного Урала началось еще во второй половине XVII в. Происходило оно с северо-запада на территорию, которая впоследствии составила Уфимский, Бирский и Мензелинский уезды Оренбургской губернии. Помимо мордвы сюда переселялись русские, татары, мещеряки, чуваши, мари, тептяри и др.[1]

Все они арендовали башкирские земли на правах «припущенников». Русское правительство рассматривало их вначале как чуть ли не крепостных башкир. Среди этих новых поселенцев было немало и выходцев из Казахстана, Средней Азии, Узбекистана, Бухары, Хивы, Туркмении — каракалпаков, казахов, туркмен, персов и др.

Заселение края в основном происходило «снизу». Сюда прибывали из центра России беглые крепостные крестьяне, спасавшиеся от преследований раскольники, а позднее — государственные крестьяне, которым правительство отводило в надел свободные земли в Башкирии, известные под названием «диких полей»[2].

Заселение Южного Урала шло также и «сверху», по распоряжению царского правительства. С постройкой военных крепостей в крае образовалось русское военно-служилое сословие — воеводы, чиновники, стрельцы. За свою службу они стали получать в надел башкирские земли и селить на них крестьян (особенно много вблизи г. Уфы). Русские помещики также стали приобретать башкирские земли и переселять на них своих крестьян из центральных губерний. В числе колонизаторов были, как и всюду, русские монастыри, появившиеся здесь довольно рано, но потом большей частью разоренные башкирами.

Второй поток колонизации захватил территорию по течению реки Яика и тоже происходил во второй половине XVI в. Колонистами были выходцы с Дона

[1] Краткий очерк истории Челябинской области 1965, 23–29.

[2] Витебский, Неплюев 1897, 450–451.

и беглые крестьяне центральных и поволжских уездов, ставшие яицкими казаками. В начале XVII в. они владели почти всем течением реки Яика. В 30–х годах XVII в. яицкие казаки были привлечены на службу Русскому государству, и за это им были даны определенные права и привилегии.

В XVII в., по мере заселения сибирского Зауралья, колонизация стала продвигаться на юг по направлению к Челябинскому краю, известному тогда под названием Исетского. Исетский край изобиловал множеством небольших речек, притоков Миасса и Течи, удобных для селения и богатых рыбой. Известный путешественник и ученый XVIII в. Петр Симон Паллас, живший довольно долго в Исетской провинции, был восхищен обилием ее природы. Богатый чернозем давал возможность заниматься здесь земледелием. Природа края была удобна для садоводства, овцеводства и коневодства. Край изобиловал рыбой и зверем. Коренное население Исетского края составляли главным образом башкиры, затем шли мещеряки, татары, калмыки и другие народы.

Первыми поселенцами из русских здесь были черносошные крестьяне и посадские люди из различных уездов Поморья, дворцовые крестьяне Сарапульского уезда, крестьяне и работники соляных промыслов Строгановской вотчины и выходцы из других мест, искавшие спасения от усиливавшейся феодальной эксплуатации.

Сначала они селятся при устье реки Исети, затем продвигаются вверх по реке и ее большим притокам: Миассу, Барневе и Тече. С 1646 до 1651 года застроился Китайский острог. В 1650 году были построены Исетский и Колчеданский остроги на реке Исети. В строительстве Исетского острога деятельное участие принял конный казак из Верхотурья Давид Андреев, который собирал охотников в различных местах Казанской губернии. В 1660 году построен Мехонский острог, в 1662 — Шадринский, в 1685 — Крутихинский, на правом берегу Исети, ниже притока Крутихи.

Поселенцев было мало, и чтобы выдержать набеги кочевников, некоторые из них отправлялись в западные регионы страны, где вербовали крестьян, заманивая их в далекий край обещаниями разных льгот и природными богатствами. На их зов откликнулись крестьяне Украины, Дона и внутренней России. Правительство в это время оказывало помощь переселенцам наделами земли и выдачей денег.

Заселению Исетского края во многом способствовали рано возникшие монастыри. Древнейшим из них был Успенский Далматов монастырь, построенный в 1644 году на месте Белого городища при слиянии рек Течи и Исети. Основал его Дмитрий Иванович Мокринский, возведенный впоследствии монахами в сан «старца Далмата». Этот монастырь служил верным убежищем для окрестных русских жителей при нападении на них соседних башкир и казахов. Он привлекал многих крестьян, которым нелегко жилось в центре России[3].

Под прикрытием острогов и монастырей началось заселение края русскими крестьянами. Исетский край привлекал их не только своими земельными богатствами, но и тем, что крестьяне селились здесь на положении свободных. Они должны были нести лишь ряд повинностей в пользу государства, среди которых весьма распространенною была государева десятинная пашня.

[3] Вопросы этнической истории мордовского народа 1960, 27.

От Исети русская колонизация переходит на нижнее течение Синары, Течи и Миасса. Первым русским поселением на этих реках является монастырское Теченское поселье (1667 г.), выдвинутое далеко на запад. Вслед за этим активизируется деятельность крестьянских слободчиков. В 1670 году в нижнем течении Миасса строится Усть–Миасская слобода, затем в 1676 — слободчик Василий Качусов заводит Средне–Миасскую или Окуневскую слободу. В 1682 г. слободчиком Ивашко Синициным была основана Белоярская слобода (Русская Теча). В 1684 г. Василий Соколов у слияния речки Чумляк с Миассом выстроил Верхне–Миасскую, или Чумлякскую слободу, в 1687 г. слободчик Кирилл Сутурмин завел Новопещанскую слободу (на оз. Песчаном в междуречье Течи и Миасса). Образовавшийся таким образом полукруг русских поселений создал предпосылки для дальнейшего продвижения русского крестьянства на запад, к восточным склонам южноуральских гор. В 1710 году по нижнему течению Миасса насчитывалось уже 632 двора, в которых проживало 3955 человек. Большинство дворов принадлежало государственным крестьянам (524 двора). Но были также дворы крестьян (108), принадлежавших Тобольскому архиерейскому дому.

Все поселения располагались по левому берегу р. Миасс. Объясняется это опасным соседством кочевых племен. Поселенцы использовали реку Миасс, протекавшую с запада на восток, как преграду, защищавшую их от внезапных нападений кочевников с юга.

Как видно из переписных книг Л.М. Поскотина, население, прибывшее в XVII в. в Исетский край, являлось выходцем непосредственно из Верхотурского и Тобольского уездов, с Прикамья, из северно–русских поморских уездов, Верхнего и Среднего Поволжья. Небольшая часть этого населения прибыла также из центральной России. Но в XVII в. крестьянская колонизация Южного Зауралья не развилась еще в достаточной степени. Она сдерживалась опасностью постоянных набегов степных кочевников. Требовалось вмешательство со стороны русского правительства для того, чтобы обезопасить жизнь крестьянских поселенцев и создать благоприятные условия для развития земледелия, промыслов и торговли во всем этом богатейшем крае.

Топонимия географических названий Южного Урала и Челябинской области, отражающая исторический процесс заселения и освоения края, свидетельствует о том, что наряду с русскими в этот период здесь проживали татары, чуваши, мордва, удмурты, марийцы, тептяри, мещеряки. О их пребывании свидетельствуют названия тех мест, где они селились, например, Мордо(в)ский, Тептяри, Чувашка и т.п.

Во второй половине XVII в. переселенцы практически осваивают весь северо-восток современной Челябинской области. К началу XVIII в. в Зауралье появляются по берегам рек и озер многочисленные поселения: Багаряк, Русская Теча, Полднево и др. Вокруг них возникали хутора, заимки, выселки, деревни. В глухих лесах и горах рубят скиты старообрядцы, бежавшие на Урал от притеснения церкви и правительства.

После строительства в середине XVIII в. Оренбургской и Уйской укрепленных линий стали осваиваться переселенцами и юго-восточные районы нынешней Челябинской области. В крае появились помещичьи, заводские, владельческие поселения, чаще всего их первожителями были крепостные, купленные в централь-

ных губерниях. Очень часто они закрепляли за деревнями память об оставленной родине: Наровчат, Писклово, Кузнецкое, Черниговский, Харьковский, Киевка, Тютняры, Бузулук, Дубрава и др.

Особенно большое количество переселенцев прибыло в Челябинский край после Отечественной войны 1812 года. Интенсивно заселялась территория, лежащая южнее Троицкой линии крепостей. Здесь возникали населенные пункты: Бородиновское, Москва, Тарутино, Березиновский, Лейпциг, Фершампенуаз, Форштадт, Париж и другие. Такие названия могли появиться только под свежим впечатлением Отечественной войны и заграничных походов, в которых участвовали заселившие эти пункты жители. Переселялись они из различных губерний: Пензенской, Рязанской, Тульской, Орловской, Калужской, Курской, Тамбовской, Казанской, Смоленской и других густонаселенных губерний центра России. Заселение края продолжалось и в эпоху планового земледельческого освоения края, в конце XIX и начале XX вв., а также в 1920–е годы при Советской власти; именно тогда появились Новоселы, Новое, Хутор, Переселенец, Переселенческий и др.

Самую многочисленную группу в челябинской топонимии составляют названия, произошедшие от личных имен, прозвищ и фамилий первопоселенцев той или иной местности: Потапово, Шлыковка, Ларино, Юсупово, Туктубаево. Носят южноуральские селения и имена их владельцев — помещиков, заводчиков, чиновников и офицеров Оренбургского казачьего войска, государственных и военных деятелей, правителей края, высочайших титулованных особ членов императорского дома.

Географические названия характеризуют многонациональный состав населения области: горы Киргизская, Башкирская, Хохлатская, поселок Эстонский, Новоукраинский, речки Татарка, Чувашка, села Русская Теча, Башкирская Теча, Русская Караболка, Татарская Караболка и др.

Основным населением Южного Урала были русские. Так, их число в Оренбургской губернии достигло к 1850 году 1098737 человек, что составляло более половины (51,6 процента) всего населения края. Башкир насчитывалось 444221, или 20,8 процента. Остальную массу составляли татары, мордва, чуваши и другие народности[4].

В XIX в. мордва была рассредоточена на большой территории Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Центрально-земледельческого и Центрально-промышленного районов. Как правило, она расселялась по соседству с другими народами (русскими, татарами, чувашами, башкирами), нигде не составляя преобладающего большинства. Вследствие этого уже с XVIII в. мордва была подвержена ассимиляционным процессам. Однако, перенимая язык и обычаи более многочисленных соседей, она, как правило, продолжала сохранять свое национальное самосознание и самоназвание. В разных уездах при этом она далеко не в равной мере подверглась влиянию других народностей России. Это затрудняет определение численности мордвы.

Еще одной причиной установления ее количества на той или иной территории является то, что к началу XIX в. царские власти в ряде уездов и губерний включали всех людей, говоривших на русском языке, в состав русских. Данная ситуация

[4] Очерки по истории Башкирской АССР 1958, 83.

наблюдалась, например, среди определенных групп мордвы в Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерниях. И нам трудно упрекать за это организаторов ревизий XIX в., так как во многих случаях было почти невозможно зафиксировать с необходимой степенью точности неуловимые и неумолимые ассимиляционные переходы этого народа. С такой задачей не смогли справиться и прошедшие специальную подготовку переписчики, осуществлявшие перепись 1897 г.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ВЕСА МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XIX В. ПО ОТДЕЛЬНЫМ РАЙОНАМ И ГУБЕРНИЯМ РОССИИ (В %)*

Район и губерния	Ревизия			Прирост С V по X	Перепись 1897 г.
	V	VIII	X		
Центрально-Промышленный	0,69	0,70	1,30	0,61	0,49
Центрально-Земледельческий	0,55	0,57	0,65	0,10	0,70
Среднее Поволжье	7,29	6,92	7,88	0,59	6,52
Нижнее Поволжье	6,00	4,51	4,36	–1,63	287
Южное Поволжье	4,15	4,41	3,23	–0,92	6,29
Всего в России	0,83	0,80	0,94	0,11	0,80
В том числе в границах 20-х годов XVIII в.	1,18	1,21	1,38	0,20	1,30
Губернии					
Нижегородская	4,91	4,84	9,11	4,20	3,35
Тамбовская	3,16	3,02	3,38	0,22	3,36
Казанская	1,16	1,21	1,18	0,02	1,20
Пензенская	10,63	10,67	10,86	0,23	12,80
Симбирская	10,67	9,58	12,47	1,80	12,37
Саратовская	6,98	5,35	5,06	–1,92	5,16
Астраханская	—	—	0,37	0,37	—
Оренбургская	4,15	4,41	3,23	–0,92	6,29

*По происхождению — 6, 70 %

Мы видим, что V и VIII ревизии, а также перепись 1897 г. показывают сходные результаты. Удельный вес мордвы примерно одинаков и составляет около 0,80 % по всей стране. По России в границах 20-х годов XVIII в. он несколько более отличен (от 1,18 % по V ревизии до 1,30 % в 1897 г.), но все же существенно разнится от данных 1858 г. Это было связано с тем, что V, а частично и VIII ревизии, а также перепись 1897 г. ориентировались преимущественно на показатели родного языка, и обрусевшую мордву считали русским населением.

С другой стороны, данные 1858–1859 гг. являются результатом специального обследования, единственного в своем роде, в ходе которого была сделана попытка учесть мордву по происхождению. При этом даже обрусевшая мордва, у которой в той или иной мере сохранилось национальное самосознание, относилась к мордовскому населению. Не везде обследование было проведено в равной мере успешно. Предоставленные данные (табл. 2) позволяют усомниться в достоверности результатов по Нижнему Поволжью и Южному Приуралью, так как удельный вес мордвы существенно понизился именно между VIII и X ревизиями. Однако нельзя не учитывать и тот факт, что это были районы, где доля проживающих на-

родностей быстро менялась в связи с притоком населения извне. Переселения же значительного числа мордвы сюда в 30–50–е годы XIX в. не наблюдалось. Кроме того, мордовские переселенцы в этих новых для них районах, где они не составляли компактного большинства, быстрее подвергались естественной ассимиляции русскими, татарами и башкирами.

В районах же старого проживания мордвы исчисление 1858–1859 гг. показало сильный прирост удельного веса мордовского населения именно за счет более полного учета обрусевшей мордвы. Особенно сильно это заметно в Нижегородской (VIII ревизия — 4,84 %, X — 9,11 %) и Симбирской (соответственно 9,58 и 12,47 %) губерниях.

Как данные V–VIII ревизий, переписи 1897 г., так и результаты исчисления 1858 г. имеют свои преимущества и недостатки. Рассмотренные же в совокупности, они позволяют наглядно представить, насколько далеко в дореформенный период зашел процесс ассимиляции мордвы в отдельных районах России.

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ВЕСА МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ УЕЗДАХ РОССИИ В 30–90-Х ГОДАХ XIX В. (в %)

Губерния и уезд	Ревизия		Перепись 1897 г.
	VIII	X	
Нижегородская губ.			
Арзамасский	7,02	16,79	6,94
Лукояновский	12,93	15,23	14,29
Нижегородский	10,20	17,27	-
Сергачский	8,54	12,08	8,95
Ардатовский	1,87	11,13	0,89
Княгининский	2,28	13,91	-
Тамбовская губ.			
Спасский	37,38	42,77	46,44
Темниковский	19,69	21,84	23,85
Казанская губ.			
Чистопольская	5,03	4,35	3,19
Спасский	3,71	4,3	4,11
Тетюшский	3,58	3,13	2,71
Пензенская губ.			
Саранский	14,55	13,26	17,94
Нижнеломовский	2,03	1,86	2,26
Наровчатский	11,21	10,66	13,59
Краснослободской	23,29	22,62	24,67
Инсарский	16,54	16,70	23,26
Чембарский	7,11	7,26	7,84
Городищенский	25,81	27,22	26,43
Симбирская губ.			
Симбирский	4,21	4,15	4,85
Сенгилейский	8,97	11,76	10,72
Ставропольский	7,18	11,43	13,89

Окончание табл. 2

Губерния и уезд	Ревизия		Перепись 1897 г.
	VIII	X	
Самарский	4,09	13,58	5,63
Сызранский	4,63	4,45	4,06
Корсунский	6,49	9,20	8,30
Алатырский	19,03	23,26	26,66
Ардатовский	36,08	39,31	39,41
Курмышский	4,57	3,60	6,37
Буинский	3,08	3,57	3,76
Саратовская губ.			
Саратовский	1,98	1,95	2,38
Петровский	17,66	13,89	20,04
Вольский	1,40	1,53	1,71
Хвалынский	20,04	17,12	20,09
Кузнецкий	16,05	14,97	16,04
Балашевский	3,46	3,84	-
Новоузенский	2,22	4,29	0,92
Николаевский	5,45	7,48	4,26
Оренбургская губ.			
Белебейский	1,32	1,32	2,43
Оренбургский	4,25	5,37	4,71
Стерлитамакский	3,52	3,52	4,88
Бугульминский	7,54	7,57	12,50
Бугурусланский	25,53	16,46	19,77
Бузулукский	5,83	4,16	7,40

В Оренбургской губ. (Южное Приуралье) удельный вес мордвы сильно сократился в 30–50–х годах XIX в. (V ревизия — 4,15 %, VIII — 4,41, X — 3,23 %) и увеличился в 60–90–е годы (1897 г. — 6,29 %) . Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, в XVIII — первой трети XIX в. мордва принимала довольно активное участие в заселении Южного Приуралья. Недаром, в период с V по VIII ревизию ее численность здесь выросла на 128,21 % (с 33 545 до 76 554 человек). В 30–50-е годы XIX в. сюда переселялись почти исключительно русские крестьяне. Поэтому за время между VIII и X ревизией мордовское население региона увеличилось всего на 17,14 %. В пореформенный период приток мордвы на Южный Урал (главным образом из Пензенской губ.) вновь возрос. С 1857 по 1897 г. ее численность выросла на 250,47 %, что привело к увеличению ее удельного веса в общей численности населения.

Однако во второй половине XIX в. в Оренбургском крае появились сплошные территории компактного проживания мордвы, что способствовало сохранению ею своей этнической самобытности.

В то же время есть основания полагать, что и в Южном Приуралье в 1858 г. при определении численности мордвы во внимание принимался преимущественно показатель родного языка, а не происхождения жителей. В отдельных уездах за время с V по VIII ревизии доля мордвы росла. С VIII по X ревизию при общем снижении этого показателя по губернии с 4,41 до 3,23 % в Оренбургском уезде

он вырос с 4,27 до 5,37 %, а в Бугульминском — с 7,54 до 7,58 %. В Белебейском и Стерлитамакском уездах доля мордвы практически не изменилась. В Бугурусланском и Бузулукском уездах, где в 30–50-е годы XIX в. наблюдался весьма интенсивный приток русского населения, доля мордвы резко снизилась (в Бугурусланском у. с 25,53 до 16,46 %, в Бузулукском — с 5,83 до 4,16 %). В 1857–1897 гг. процент мордовского населения растет во всех уездах, кроме Оренбургского (снижение с 5,37 до 4,71 %).

Анализ изменений, происшедших в расселении мордвы, показывает, что оно уже к XVII в. потеряло прежний компактный характер и становится все более смешанным. Исследователи отмечают, что для мордовского этноса в принципе характерным являлось заселение лесостепной полосы.

Миграции других народов, главным образом русских, на древние мордовские земли, с одной стороны, и переселения самой мордвы за их пределы — с другой, привели к тому, что уже к концу XVII в. численность мордовского населения в пределах коренного региона ее обитания значительно уменьшилась. К югу и востоку от него, особенно в Заволжье и Приуралье, создавались новые районы расселения мордвы. В конце XIX — начале XX в. значительные группы мордвы осели также в степных районах Сибири и Казахстана.

В течение XVII–XIX вв. удельный вес мордвы на вновь заселяемых ею территориях постоянно увеличивался. Так, на Южном Урале с V ревизии до переписи 1897 г. он возрос с 1,18 %, до 1,30 % (в границах 20-х годов XVIII в.). За эти годы численность мордвы возросла на 194 %. Напомним, что удельный вес русского населения за эти годы снизился с 48,86 до 43,41 %, а абсолютная численность выросла лишь на 130,34 %[2].

Таким образом, попытка учесть мордовское население с позиций ее происхождения была предпринята только в 1858–1859 гг. Далеко не везде она оказалась удачной (не были получены необходимые сведения по Южному Приуралью, Нижнему Поволжью, Пензенской и частично Симбирской губерниям). Тем не менее, и эта попытка показала, что фактически доля мордвы была гораздо выше (по всей России — 0,94 %, а в границах 20-х годов XVIII в. — 1,38 %). Есть все основания полагать, что с учетом всех территорий доля мордвы была еще значительнее, но определить ее сколько-нибудь точно невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

Витебский В. Н. Неплюев И. И. 1897: Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. III. Казань.

Вопросы этнической истории мордовского народа. 1960: 1. М.

Краткий очерк истории Челябинской области 1965.

Очерки по истории Башкирской АССР Уфа. 1958.

HISTORICAL CONDITIONS FOR MORDOVIAN POPULATION FORMATION IN THE SOUTH URALS

O. Yu. Trofimova

The author considers historical conditions for Mordovians settling down in the South Urals in the 17th — 19th centuries on the basis of documentary record. The author also presents the analysis of changes in Mordovian settlements that lost their uniformity becoming more mixed. Other ethnic groups' migration and that of Mordovians brought forth a considerable decrease of Mordovian population.

Key words: mordovians, migration, settlement.

© 2010

В. В. Медведев

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В представленной статье на основе опубликованных работ и полевых материалов автор затрагивает проблему формирования этнотерриториальной группы чувашей на территории современного Башкортостана в XIX — начале XX века. Подробно рассматриваются причины и ход миграции, приведен список и этнический состав образованных чувашами поселений. В некоторых случаях приведены примеры современного состояния поселений.

Ключевые слова: этнография, Башкортостан, этнотерриториальная группа.

Переселение чувашей в Башкортостан происходило в несколько этапов и связано с широкомасштабными миграциями в Приуралье. Данный процесс совпадает с этапами заселения региона различными этносами. Отметим, что миграции чувашей в Приуралье происходили практически одновременно с переселениями чувашей в Закамье и Заволжье. Ссылаясь на историка И.Г. Петрова, выделим три основных этапа заселения чувашами Башкортостана: 1. середина XVII — 30–40 гг. XVIII вв.; 2. 30–40 гг. XVIII — начало XIX вв.; 3. XIX — начало XX вв.[1]

На заключительном этапе переселенческого процесса преобладают стихийные начала. Однако правительство, путем предоставления льгот и денежных пособий, регулирует ход крестьянских миграций[2].

Границы земельных владений не всегда фиксировались в купчих и договорах аренды, что привело при межевании земель в конце XVIII — начале XIX вв. к земельным спорам между чувашами-переселенцами, башкирами-вотчинниками, в ряде случаев с русскими помещиками, которым башкиры нередко вторично про-

[1] Петров 1989, 19–25.
[2] Там же, 22–23.

давали уже арендованную землю. К примеру, чуваши д. Месели вели многолетнюю тяжбу с помещиком Аксаковым. В результате чувашам пришлось уступить, но взамен они получили землю в устье р. Таши. Жители д. Манеево, выкупив землю у башкир Бегеняшминской волости Стерлитамакского уезда, оспаривали свои права у коллежского советника Нейнова, которому башкиры-вотчинники в 1790 г. продали землю, а затем у чувашей д. Брюкмы, припущенных башкирами в 1795 г. на 60 лет[3].

Запутанность поземельных взаимоотношений между вотчинниками и их припущенниками, земельные споры, нередко тянувшиеся десятилетиями, а также опасения полного обезземеливания коренного населения, привели к указу о переселениях от 27 июня 1817 г., по которому все движения крестьян становились возможными лишь с предварительного разрешения высшего начальства. В октябре 1818 г. вышел указ о запрещении продажи башкирами своих вотчинных земель[4].

В 1832 г. действие указа 1818 г. было отменено правительством и принят новый закон, облегчавший условия покупки земельных участков[5]. Все государственные крестьяне получали по 15 дес. земли на 1 душу м.п. Припущенники наделялись землей на тех же условиях, что и государственные крестьяне. Исключение составляли те припущенники, земли которых при межевании отводились в отдельные от башкир дачи[6].

На территории Чувашии происходил процесс ужесточения положения крестьян. По данным 1832–1834 гг. государственные крестьяне выплачивали по 14 руб. 23,5 коп. с ревизской души ежегодно. Удельные крестьяне платили по 10–11 руб. с души, кроме того, с них собирались деньги на содержание почтовых подвод, на снабжение рекрутов одеждой и т.д.[7]

И.Д. Кузнецов приводит сведения по сенаторской ревизии 1819–1820 гг. о жалобах чувашей на налоги и грабежи со стороны помещиков и коштанов (состоятельных крестьян). К примеру, по Козьмодемьянскому уезду — 3114 жалоб, по Чебоксарскому уезду — 2027, по Ядринскому — 2065, по Цивильскому — 3704[8].

Крестьянское хозяйство преобладающей части чувашей не в состоянии было расплатиться с налогами, что приводило к вынужденным переселениям на новые земли, в том числе в Башкортостан и более отдаленные регионы. Так, Д.Г. Коровушкин, рассматривая заселение чувашами Западной Сибири, отмечает, что, несмотря на первые упоминания о переселенцах в регионе уже в XVII в., говорить о формировании единого чувашского массива можно только с XIX в. Большая часть переселенцев приходится на вторую половину столетия, в пореформенный период[9].

Продвижение чувашей в Сибирь (по рекам Тоболу, Иртышу, Енисею, Амуру) и даже на о. Сахалин активно происходило в указанный период. Так, в Тобольской и Томской губерниях в 1897 г. насчитывалось соответственно 640 и 2807 чувашей. По указу от 9 ноября 1906 г. в процессе проведения столыпинской реформы в За-

[3] Ягафова 2007, 207.
[4] Сухарева 2007, 81.
[5] Там же; Акманов 7, 2001, 73–78.
[6] Сухарева 2007, 82.
[7] Сухарева 6, 2007, 147–163.
[8] Кузнецов 1957, 220–221.
[9] Коровушкин 1997, 10.

падную Сибирь было начато переселение крестьян. Переселенцам из Казанской губернии предоставлялись наделы в Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейских губерниях. С 1907 г. поток чувашей-переселенцев увеличился[10].

М.Я. Сироткин выявил в фольклоре чувашей ряд песен, посвященных переселенческим процессам, движению крестьян на неосвоенные земли:

Атьăр, каяр Сĕпĕре! Поедемте-ка в Сибирь!
Акмасăр тырă пулать, тет. Хлеб родится, говорят, там без посева.
Пулать-и те, пулмасть-и, — Родится или нет,
Атьăр, кайса курăпăр. поедемте — посмотрим.
Ах, çук, çук, çук, пулас çук, Ах, нет, нет, нет, быть того не может
Акмасăр тырă пулас çук, без посева хлебу не расти,
Пирĕн телейсем çавнашкал… наша доля, видно, такова…[11].

Правительство к миграциям крестьян относилось неоднозначно, несмотря на желание заселить неосвоенные территории переселенцами, оно опасалось стихийного движения и вводило запреты на переселения. Так, 17 августа 1832 г. объявлен запрет на переселения без разрешения казенных палат, в июле 1833 г. принято решение о приостановлении всех переселений в Оренбургскую губернию до 1835 г.[12]

Политика государства по предоставлению различных льгот мигрантам имела положительные результаты. Так, количество чувашей в Оренбургской губернии постоянно увеличивалось. К 1850 г. переселилось 58240 чувашей, всего в указанный хронологический период прибыло ок. 700 тыс. мигрантов. Удельный вес чувашей по отношению к другим этносам Южного Урала с I по X ревизии увеличился с 0,03 % до 1,7 %. В Уфимской губернии в 1870 г. чувашей насчитывалось 31919 чел., в 1897 г. — 60228 чел.[13]

В Приуралье чуваши-переселенцы оказывались в многонациональном окружении. В северной части р. Ик чувашские поселения располагались среди татарских, башкирских, марийских и удмуртских деревень. В центральной и южной Башкирии чуваши соседствовали с башкирами и татарами, в западной части соседями были башкиры, татары, мордва. Чуваши предпочитали селиться обособленно, поэтому полиэтничных поселений в XVIII–XIX вв. было немного (около 16 %). В середине XIX в. количество смешанных селений в прибельском бассейне возрастает до 23,3 % благодаря чувашско-мордовским и чувашско-мишарским деревням[14].

И.Г. Петров считает, что к середине XIX в. воссоздается современная картина географии проживания чувашей в Башкортостане. Основные ареалы расселения охватывают западные, юго-западные и центральные части региона. Особенно активно на данном этапе заселялись территория Зауралья и юго-западный Башкортостан. Значительную долю мигрантов составляли выходцы из Центральной России[15].

---

[10] Иванов 29, 2003, 105–123.
[11] Сироткин 1965, 114.
[12] Сухарева 2007, 82–83.
[13] Петров 1989, 23.
[14] Ягафова 6, 2009, 120–133.
[15] Петров 1989, 23–24.

К середине XIX в. правительство опубликовывает указы, по которым происходит изменение социального положения некоторых категорий крестьян. Так, тептяри и бобыли превратились в податное сословие, близкое к категории государственных крестьян. Собственно у государственных крестьян сократили земельные наделы и увеличили денежные и натуральные повинности. В 1850 г. с крестьянина взимались сборы в сумме 4 руб. 84,5 коп. серебром[16].

К натуральным крестьянским повинностям принадлежали рекрутская служба, квартирная, дорожная, ремонт и содержание мостов, переправ. Так, с. Бердяш было основано чувашами при условии содержания определенного участка дороги Исетского тракта[17].

Положение чувашей в Башкортостане, как и на исторической родине, являлось критическим, об этом свидетельствуют жалобы на чиновников. К примеру, чуваш Гаврила Григорьев из д. Чуюнчи Белебеевского уезда просил защиты от юртового старшины Бахтиара Каныбекова. Нередко крестьян, обращавшихся за помощью, самих обвиняли в «худом поведении», после чего заключали под стражу либо высылали в Сибирь[18].

Миграции чувашей являлись пассивной формой борьбы. Проведение реформы Киселева, введение общественных запашек, наложение новых повинностей и поборов приводило к выступлениям против государства. Наиболее значимым стало восстание чувашских и марийских крестьян Казанской губернии в 1842 г., известное как «Акрамовская война» (Шурча варси)[19]. Выступление возглавили Василий Григорьев Илпеш, Александр Григорьев Саватька, Степан Ильин Ильпарс, Степан Сидоров Палаттай и Федот Федоров Михапар[20].

Насильственная христианизация чувашей в указанный период также приводила к миграции. П.В. Денисов отмечает, что к концу XIX в. общее число некрещеных чувашей не превышало пятнадцати тысяч. Чуваши-язычники были анатри. Анат енчи и вирьялы составляли незначительную группу. Часть чувашей Уфимской губернии сохраняла традиционные дохристианские верования[21]. К середине XIX в. некрещеные чуваши проживали в Белебеевском, Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском уездах. К началу XX в. в Уфимской губернии их насчитывалось 2918 чел. По мнению Е.А. Ягафовой, в настоящее время в Башкортостане некрещеные чуваши проживают в д. Юльтимировка и с. Ахманово Бакалинского р-на, с. Мраково Гафурийского р-на, п. Дубровка Миякинского р-на, с. Зириклы Бижбулякского р-на, общей численностью более 500 чел.[22]

Во второй половине XIX в. условия, на которых переселенцы селились в Уфимской губернии, были различными и зависели от причин миграции либо от материального положения крестьян. Так, на казенных землях были расселены государственные и удельные крестьяне. Кроме того, на один участок в разное время могли быть определены одновременно несколько групп переселенцев. Прибывшие занимали лучшие участки, остальные были вынуждены довольствоваться

[16] Сухарева 2007, 90–91.
[17] Полевой материал автора (ПМА) — 2009 (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).
[18] Сухарева 2007, 92–93.
[19] Сухарева 6, 2007, 161.
[20] Юхма 1998, 240.
[21] Денисов 1959, 349.
[22] Ягафова 4, 2008, 116–118.

малопригодной землей. Чуваши-переселенцы не получившие участков, обосновывались на арендованных землях[23].

Многие переселенцы, укрепив свое хозяйство на арендованных землях, со временем выкупали ее в собственность[24]. Так, чуваши, поселившиеся в д. Алан-Елга Кичкиняшевской волости Белебеевского уезда, в 1883 г. совместно 40 дворами выкупили у муллы д. Турбеево 100 дес. земли по 10 руб. за десятину. Первоначально по 5 руб. за десятину был внесен задаток. Вскоре мулла умер, не оставив наследников, чуваши пользовались землей 10 лет, не выплачивая оставшиеся деньги. В 1896 г. в окружном суде было возбуждено дело о признании чувашей собственниками. Впоследствии землю выкупили 4 хозяйства по 25 дес., на которую припустили еще по 4 двора. Припущенники арендовали пахотную землю, проживая в чужих усадьбах[25]. В 1898 г. в деревне насчитывалось 41 д.о.п.[26]

Значительную роль в приобретении земли переселенцами играл Крестьянский Поземельный Банк, основанный в 1883 г. К примеру, с. Ивано-Кувалат современного Зилаирского района РБ было образовано в 1911 г. чувашами из Цивильского уезда благодаря денежным средствам, которые выделил Банк. Чуваши Иван Терентьевич Иванов и Петр Иванович Иванов заключили договор о покупке земельного участка с Оренбургским лесным, промышленным и торговым обществом, которое представлял его директор Арсений Моисеевич Пименов. Отметим, что чуваши внесли небольшой денежный задаток, а поскольку вскоре произошла смена государственной власти, то земля без выплат перешла к крестьянам[27].

В.А. Абрютин в отчете за 1898 г. о переселенцах в Белебеевском уезде также отмечал роль Крестьянского Поземельного Банка «который дал заметный толчок движению, значительно увеличив число покупок частновладельческих и башкирских земель. В общем за этот период времени *(1860–1898 гг. — В.М.)* водворилось в уезде в новых поселениях 34600 д.о.п. Влияние Крестьянского Банка можно еще лучше проследить также и по количеству покупки (земли — *В.М.*) за все года. В 1884 г. оно увеличилось почти в 10 раз, в два последующие 1885 и 1886 гг. почти в 15 раз»[28].

Современные этнографы и историки выделяют этнотерриториальную группу (ЭТГ) приуральских чувашей. Е.А. Ягафова считает, что чувашей Приуралья стоит подразделить на Приикскую ЭТГ и Прибельскую ЭТГ. Первая группа, по ее мнению, сформирована средненизовыми чувашами с небольшим участием выходцев из низовых и верховых. Вторая группа складывалась из тех же компонентов, но в ином соотношении. Так, около 40 % мигрантов составили средненизовые чуваши, значительно меньше низовые. Из контактной зоны вирьял и анат енчи переселилось около 5 %, всего 2 % составили переселенцы из числа верховых чувашей. В середине XIX в. вирьялы основали несколько поселений в Башкортостане. Традиции верховых чувашей сохраняются в говоре и этнической культуре до настоящего времени[29].

[23] Сухарева 2007, 93–95.
[24] Там же, 97.
[25] Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде 1898, 75.
[26] Там же, 68.
[27] ПМА–2008 (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).
[28] Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде 1898, 15–16.
[29] Ягафова 29, 2003, 142–143.

В.П. Иванов, ссылаясь на материалы экспедиции 1987 г. Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики в Башкирию, отмечает селения вирьял в республике[30].

Историк И.Г. Петров также пишет, что поселения верховых чувашей появились во второй половине XIX — начале XX вв. В настоящее время они проживают в деревнях Ахметка, Новозириково, Антоновка в Гафурийском, Косяковка в Стерлитамакском, Никитинка в Туймазинском, Новомихайловка и Павловка в Куюргазинском районах Башкортостана[31].

Отметим существование других поселений верховых чувашей. Например, с. Ивано-Кувалат Зилаирского района основано также вирьялами. Впоследствии поселение было заселено низовыми чувашами и русскими. Принадлежность к различным этнографическим группам сохранилась до настоящего времени, прежде всего это прослеживается в семейных взаимоотношениях, особенно среди людей старшей возрастной категории. Так, Никитина М.Ф. (1927 г. р.) принадлежащая к вирьял, сравнивает низовых чувашей с удмуртами. По словам В.В. Степановой (1958 г. р.), также принадлежащей к группе верховых чувашей и вышедшей замуж в семью низовых чувашей, в семье первоначально наблюдался процесс взаимного противопоставления вирьял и анатри[32]. Г.Е. Корнилов отмечает, что основанное в XVIII в. с. Бердяш было заселено низовыми и верховыми чувашами. Ссылаясь на информаторов, он пишет, что первоначально вирьял и анатри жили раздельно на различных улицах[33]. В настоящее время на вопрос о принадлежности к этнографическим группам информаторы из указанного села затрудняются ответить[34].

В.П. Иванов отмечает, что в Башкирию и другие отдаленные регионы мигрировали более или менее состоятельные крестьяне, имевшие средства для передвижения на дальние расстояния. Переселение на новые земли (*çĕнĕ çĕр*) осуществлялось несколькими семьями либо целым родом, поэтому селились переселенцы компактно. Впоследствии вновь прибывавшие чуваши-переселенцы старались заселиться по соседству с соплеменниками[35].

На движение переселенцев сильно повлияло открытие железных дорог: Самаро-Оренбургской (1877 г.), Самаро-Златоустовской (1888–1890 гг.), Казанской (1894 г.). Чуваши получили возможность без особых расходов перевезти сельскохозяйственный инвентарь, который ранее приходилось продавать на родине за бесценок[36].

В.А. Абрютин приводит сведения о переселенцах Белебеевского уезда. Так, в 1884 г. число мигрантов составляло 1738 д.о.п., в 1892 г. — 5532 д.о.п., в 1897 г. — 5468 д.о.п. Среди причин, повлиявших на миграции крестьян, он отмечает функционирование железных дорог[37].

Появление железнодорожных путей способствовало передвижению чувашей в отдаленные регионы. Отметим, что к концу XIX в. значительным фактором

[30] Иванов 2, 1992, 71.
[31] Петров 1994, 12.
[32] ПМА–2009 (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).
[33] Корнилов 2, 1963, 133–161.
[34] ПМА–2009 (РБ, Зилаирский район, с. Бердяш).
[35] Иванов 9, 1998; Иванов 29, 2003, 115.
[36] Сухарева 2007, 97; Иванов 29, 2003, 113–114.
[37] Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде 1898, 17.

переселений становится отходничество. В.П. Иванов приводит материалы о выдаче паспортов отходникам из селений Цивильского, Чебоксарского, Ядринского, Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Так, в 1858 г. было выдано 9,4 тыс. паспортов, в 1897 г. — 22,4 тыс., в 1913 г. — уже 37 тыс. Чуваши-отходники направлялись в Казань, Нижний Новгород, Донецкий бассейн, на Урал и др. регионы. Часть чувашей не возвращалась, оседая на новых землях[38].

Значительная доля чувашей прибыла в Уфимскую губернию в связи с усиленной перепродажей в 1870–1880-х гг. земель, находившихся во владении чиновников на основании законов 1869 и 1871 гг.[39] Миграции чувашей были также обусловлены неурожайными годами — 1867 г., 1877 г., 1880 г., 1883 г., 1891–1893 гг.[40].

К середине XIX в. сложилась совершенно четкая картина расселения чувашей в Башкортостане. Поселения чувашей охватили в основном западную, юго-западную и центральную части Уфимской губернии. Чуваши расселились в Белебеевском, Стерлитамакском и Уфимском уездах, поскольку данные земли были удобны для занятия хлебопашеством[41]. Заключительным всплеском переселенческой волны стали годы столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.)[42].

В XIX — начале XX вв. на территории Башкортостана возникает ряд новых чувашских поселений. Так, в начале XX в. в Аургазинском районе республики образованы д. Ивановка и д. Князевка. В 1920 г. в них числилось по 12 дворов[43].

Почти одновременно основаны деревни Ново-Гуровка, Толмачево, Александровка, п. Ново-Троицкий. В 1896 г. в д. Ново-Гуровка в 28 дворах проживало 215 чел. В 1920 г. насчитывалось 45 дворов с населением в 330 чел. В д. Толмачево в этом же году числилось 140 чел., в д. Александровка — в 26 дворах 165 чел., в п. Ново-Троицкий — в 27 дворах 142 чел. Известен чувашский п. Тальник, в 1920 г. зафиксированный как хутор с 14 дворами[44].

В Зилаирском районе в указанный период возникли с. Ивано-Кувалат и х. Надеждинский. Хутор был образован в 1912 г. чувашами-переселенцами из д. Бижбуляк (братья Емельяновы, Ильины и др.). Первоначально носил название Калмак (по названию р. Малый Калмак), но в 1914 г. староста Кананикольской волости К.А. Иванов в честь дочери переименовал хутор в Надеждинский. В 1920 г. насчитывалось более 30 домов. С 1922 г. на хутор стали переселяться русские крестьяне из с. Кананикольское[45].

В середине XIX в. возник х. Павловский (Кемаев), впоследствии Ново-Амекескино. В 1866 г. насчитывалось 37 дворов, в которых проживали 205 чел.[46] И.В. Сухарева считает, что на хуторе обосновались чуваши из д. Кривле-Илюшкино и д. Уральское[47].

---

38 Иванов 29, 2003, 113.
39 Сухарева 2007, 98.
40 Иванов 1992, 41.
41 Сухарева 2007, 127.
42 Петров 1989, 24.
43 Асфандияров 1997, 147.
44 Там же, 148–149.
45 Зилаирский район 2000, 98; ПМА–2009 (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).
46 Асфандияров 1997, 215.
47 Сухарева 2007, 128.

В конце XIX в. образован х. Михайловский. Впоследствии несколько семей выехали, основав новое селение. В 1920 г. в х. Старомихайловский был 31 двор со 172 жителями, в х. Ново-Михайловский в 16 дворах проживало 84 чел. Возникший как поселение башкир-вотчинников х. Суракаево, в начале XX в. был заселен чувашами[48].

В Архангельском районе возникли деревни Казанка, Успенка, Троицкое. Даты основания д. Казанка и д. Успенка — 1903–1919 гг. В 1920 г. в первой насчитывалось 62 двора и 338 жителей, во второй — 16 дворов с 48 жителями. Известно, что д. Троицкое возникла после 1920 г.[49]

В 60-х гг. XIX в. появилась д. Натальевка. К 1870 г. в деревне было учтено 22 двора, в которых проживали 155 чел. В 1920 г. в х. Любовка зафиксированы 19 чувашей. Как отмечалось, д. Косяковка была основана верховыми чувашами. Известно, что ранее поселение называлось Ермоло-Никольским поселком. После реформы 1861 г. крестьяне отказались от земельного надела, но в 1875 г. выкупили землю в собственность. В 1885 г. докупили у помещицы Ермоловой еще 1289 дес. земли. В 1896 г. в деревне учтено 360 жителей в 71 крестьянском хозяйстве. Чувашами из д. Бегеняш (Яранское) основана д. Карлыкулево. В 1811 г. в ней проживали 120 чел.[50]

Е.А. Ягафова отмечает, что в XIX — начале XX в. происходили незначительные миграционные потоки, при участии движений внутри региона. К примеру, были образованы деревни Чуваш-Улканово (1870 г.), Новопетровка (1880-е гг.). В годы столыпинских реформ и НЭПа число чувашских селений возросло в связи с образованием хуторов и выселков. Возникли, ставшие впоследствии крупными поселениями, д. Ермолкино (1921 г.), д. Чубукаран (1921 г.), д. Юльтимировка (1921 г.), д. Три Ключа (1922 г.) и др.[51]

Возникновение хуторов и выселков в 20-е годы прошлого столетия было характерной чертой многих этносов. Так, среди закамских удмуртов появились деревни Таныповка, Утар-Елга, Вязовка и др.[52]

В 1906–1919 гг. чуваши заселились в деревни Антоновка, Дмитриевка, Кузьминовка и Матросовка. В 1920 г. в д. Антоновка проживал 101 чел. в 19 дворах, в д. Дмитриевка — 140 чел. в 29 дворах, в д. Кузьминовка — 85 чел. в 11 дворах, в д. Матросовка — 137 чел. в 25 крестьянских хозяйствах. Несколько позднее возникла д. Новоандреевка, в 1925 г. в ней насчитывалось 38 дворов, в которых совместно проживали чуваши и мордва[53].

М.И. Роднов приводит статистические данные о плотности населения Уфимской губернии за 1897–1913 гг. В Уфимском уезде плотность увеличилась с 18,5 чел. на квадратную версту до 25,8, в Белебеевском уезде — с 21,9 чел. до 31,4, в Бирском — с 22,9 чел. до 30,3, в Стерлитамакском уезде — с 16,7 чел. до 23,9. В 1870 г. в Уфимском уезде на человека приходилось 7,3 дес. земли, в 1912 г. —

[48] Асфандияров 1997, 215.
[49] Асфандияров 1998, 119.
[50] Асфандияров 1997, 159–160.
[51] Ягафова 2007, 204.
[52] Садиков 2001, 17.
[53] Асфандияров 1993, 105.

3,2 дес., в Стерлитамакском — 9,8 и 3,9 дес., в Белебеевском — 5,5 и 3,2. Всего земельный запас в 1870–1912 гг. снизился с 7,2 дес. земли на человека до 3,5 дес.[54]

Е.А. Ягафова, анализируя расселение чувашей в Самарском Заволжье, отмечает случаи внутрирегиональной миграции. К примеру, переселения из д. Максимкино, д. Тенеево, д. Билярозеро в д. Аделяково, д. Девлезеркино и др. «Старопоселенные» деревни были источниками миграции во вновь образованные селения[55]. Отметим, что для чувашей было характерно наличие так называемых «материнских» и «дочерних» поселений, которые возникали из-за недостатка земли и увеличения населения. Группы общинников образовывали «дочерние» селения — выселки от «материнских» деревень, которые назывались околотками (касси, касы). Выселки числились при «материнском» селении. Так, в конце XVIII в. в Чебоксарском уезде насчитывалось 100 «материнских» и 176 «дочерних» селений, в Ядринском — 135 и 340 селений, в Козьмодемьянском — 65 и 143 селения, в Курмышском — 27 и 49 селений, в Цивильском — 72 и 102 поселения[56].

В результате внутренних переселений появляются «дочерние» поселения. Возникновение обусловлено демографическими причинами (перенаселение) и наличием свободных земельных угодий. Кроме того, «дочерние» поселения образовывались в ходе разделения этнически смешанных населенных пунктов[57]. Так, д. Суккулово, возникшая в XVIII в., постепенно превратилась в полиэтничное поселение. В 1859 г. в деревне насчитывалось 58 башкир, 10 тептярей, 254 души м.п. из чувашей, ясачных татар. К началу XX в. возникли поселения — с. Суккулово 1-е (Чувашский Суккул), в котором в 1920 г. в 220 дворах проживали 1047 чувашей и татар, и д. Суккулово 2-е (Татарский Суккул), в котором насчитывалось 98 хозяйств с 553 жителями из башкир и татар[58].

Примерно такая же ситуация произошла с д. Мраково. В 1870–1880 гг. произошло деление деревни. В 1896 г. д. 1-е Мраково состояла из 150 дворов с населением в 711 чел., в 1906 г. — 172 двора с 955 жителями, в 1920 г. — 805 жителей. Население было из башкир, тептярей, вышедших из безземельных татар, и башкир. Чуваши и татары проживали в д. 2-е Мраково. В 1896 г. в деревне насчитывалось 87 хозяйств с 535 жителями, в 1906 г. — 106 дворов с 636 жителями, в 1920 г. в 95 дворах проживали 593 чел.[59]

Как отмечалось, с. Ивано-Кувалат было основано переселенцами из Чувашии в 1911 г., постепенно село стало полиэтничным. Информаторы сообщили, что в формировании этнического состава участвовали выходцы из Цивильского уезда (Ивановы, Скуратовы, Корниловы), Белебеевского (Ивановы, Андреевы, Иванушкины, Красновы) и Стерлитамакского (Вавиловы, Горюновы, Ершовы, Корневы, Андреяновы, Пелагеины) уездов Уфимской губернии, г. Оренбурга (Петровы, Степановы), близлежащих поселений: х. Александрийск (Самохины, Цыбулько), с. Кананикольское (Баскаковы и др.), х. Оренбуркино (Бахорины и др.), д. Русский Бердяш[60].

[54] Роднов 2002, 78–79.
[55] Ягафова 1998, 55.
[56] Иванов 1992, 11.
[57] Сухарева 2007, 127–128.
[58] Там же, 128; Асфандияров 1993, 202.
[59] Там же, 30.
[60] ПМА–2009 (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).

Опираясь на указанные факты, можно говорить, что помимо чувашей (Ивановы, Скуратовы и др.) в село прибыли русские (Баскаковы, Проломовы, Вавиловы и др.), украинцы (Цыбулько) и еврейская семья Бахориных, которая принадлежит к переселенцам более позднего периода. К настоящему времени в селе проживает незначительное число башкир и татар. Отметим существование большого количества браков между чувашами и русскими. Дети от смешанных браков называются шушминами, свою национальную принадлежность они определяют по материнской линии[61].

Наличие полиэтничных поселений и, как результат указанного явления, интенсивные межнациональные взаимоотношения, по мнению этнографа Е.А. Ягафовой, составляли специфику расселения как чувашей Самарского Заволжья, так и других этнотерриториальных групп чувашей[62].

Отметим, что данный факт характерен и для чувашей Башкортостана, что подтверждает большое количество этнически смешанных поселений и наличие смешанных семей. Кроме того, в процессе работы с информаторами нами было выявлено наличие традиции заключения браков между жителями определенных деревень. Так, в с. Бердяш Зилаирского района отмечено значительное число моноэтничных браков, заключенных мужчинами села с чувашками из соседних д. Пугачево и с. Яковлевка Хайбуллинского района. Для чувашей с. Ивано-Кувалат характерны этнически смешанные браки с русскими близлежащих селений[63].

В Ермекеевском районе чувашами были образованы деревни Заряново, Каменевка, Князевка, Михайловка, Никитинка, принадлежащие, по словам А.З. Асфандиярова, к поселениям позднего происхождения, т.е. возникшие в конце XIX — начале XX вв. В д. Заряново в 1906 г. насчитывалось 50 хозяйств с 298 жителями, в 1920 г. — 17 дворов с проживавшими в них 113 жителями. В д. Князевка в 1920 г. было учтено 60 жителей из татар, в д. Михайловка в 1906 г. проживало 240 чел. чувашей и мордвы, в 1920 г. — 252 чуваша. Данные по д. Каменевка и д. Никитинка отсутствуют[64]. Указанные поселения являлись смешанными, к которым следует отнести и русскую д. Новоюзеево. В деревне по материалам 1870 г. было записано 38 дворов с 209 жителями, из которых 88 были чувашами[65].

М.И. Роднов отмечает, что среди чувашей-переселенцев, проживающих в Уфимской губернии значительный период времени, сложилась высокая культура земледелия. Так, в Бегеняш-Абукановской волости многопосевные чувашские дворы составляли 44,4 %, в Менеузбашевской — 32,9 %, в Киргиз-Миякинской — 28,4 %, в Васильевской — 41,8 %, в Федоровской — 25,2 %, в Ишпарсовской — 24,5 %, в Дедовской — 22,9 %, в Семено-Макаровской — 30,6 %, в Бакалинской — 15,3 %. Многочисленная (свыше 15 %) зажиточная прослойка у чувашей сложилась в 9 волостях губернии. Группы чувашей, проживавшие в зоне традиционного ведения хозяйства, отличались преобладанием бедняцко-середняцких дворов[66].

---

61 Там же.
62 Ягафова 1998, 97.
63 ПМА–2009 (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).
64 Асфандияров 1993, 206.
65 Сухарева 2007, 129.
66 Родном 2002, 303.

И.В. Сухарева считает, что основная масса переселенцев представляла собой семьи с количеством от 2 до 10 чел., преобладали семьи из 4–5 чел. (около 50 %), семьи из 2–3 чел. составляли около 31 %. Семьи были как двупоколенными (родители с детьми), так и трехпоколенными (со старшим поколением, обычно с одним из родителей мужа). Долю переселенцев составили одиночки — молодые люди от 17 до 30 лет, переселявшиеся вместе с односельчанами в составе группы[67].

Значительные территориальные перемещения чувашей происходили в первые послереволюционные годы, связанные с засухой 1921 г. и голодом. В этот период большое число беспризорных детей Чувашии были направлены в Москву и Подмосковье. Чувашские крестьяне мигрировали в Приуралье, Зауралье, Сибирь. Положение было ухудшено продолжавшейся гражданской войной[68].

Приток чувашей-переселенцев в начале XX в. был незначительным. Механический прирост населения был заменен естественным. Крестьянская подворная перепись 1912–1913 гг. показала в Уфимской губернии 79338 чел.[69]. По переписи 1920 г. чувашей в Башкортостане проживало 77,1 тыс. чел., в 1926 г. — 84,9 тыс., в 1939 г. — 106,8 тыс., 1959 г. — 109,9 тыс., 1970 г. — 126,6 тыс., 1979 г. — 122,3 тыс., 1989 г. — 118,5 тыс.[70].

Материалы переписи 2002 г. показали, что на территории республики насчитывается 117 317 чувашей. Значительная часть чувашей проживает в Аургазинском (11740 чел.), Белебеевском (3637 чел.), Бижбулякском (10004 чел.), Гафурийском (3013 чел.), Давлеткановском (1191 чел.), Ермекеевском (2639 чел.), Иглинском (3432 чел.), Кармаскалинском (5238 чел.), Куюргазинском (1882 чел.), Миякинском (3090 чел.), Стерлитамакском (5190 чел.), Федоровском (2404 чел.), Шаранском (2510 чел.) районах Башкирии. Значительная масса чувашей-горожан сосредоточена в Белебее (10261 чел.), Кумертау (2781 чел.), Мелеузе (2689 чел.), Салавате (3481 чел.), Стерлитамаке (13997 чел.), Уфе (10586 чел.)[71].

Итак, завершающим этапом переселения чувашей в Башкортостан является период XIX — начало XX вв. Значительную роль в возникновении новых селений играли Крестьянский Поземельный Банк, выдававший денежные ссуды, и железнодорожные пути, облегчавшие передвижение крестьян. Столыпинские реформы и период НЭПа привели к образованию новых населенных пунктов, появившихся путем выделения хуторов и выселков. Происходило разделение и этнически смешенных селений. Чуваши в указанный период активно осваивали территорию Зауралья и юго-западные районы Башкирии. Кроме того, вновь образованные чувашские поселения вскоре становились полиэтничными. В результате усиливались контакты и взаимоотношения, выражавшиеся и в заключении межэтнических браков.

ЛИТЕРАТУРА

Акманов И.Г. 2001: Основные этапы формирования многонационального населения Башкортостана (конец XVI — начало XX века) // Ватандаш.7, 73–78.

[67] Сухарева 2007, 130.
[68] Иванов 29, 2003, 116.
[69] Петров 1989, 23.
[70] Петров 1994, 10.
[71] Янгузин 2007, 17–115.

Асфандияров А. З. 1997: История сёл и деревень Башкортостана. Кн. 1. Уфа.

Асфандияров А. З. 1998: История сёл и деревень Башкортостана. Кн. 2–3. Уфа.

Асфандияров А. З. 1993: История сёл и деревень Башкортостана. Кн. 3. Уфа.

Денисов П. В. 1959: Религиозные верования чувашей. Историко-этнографические очерки. Чебоксары.

Зилаирский район 2000: Энциклопедия. Уфа.

Иванов В. П. 1992: Этнокультурные процессы у приуральских чувашей (по материалам экспедиции 1987 года) // Этнос и его подразделения. Ч. 2. Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. М., 70–79.

Иванов В. П. 1992: Расселение и численность чувашей. Чебоксары.

Иванов В. П. 1998: Чувашский этнос. Проблемы истории и этногеографии. Чебоксары.

Иванов В. П. 2003: Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы / А.Д. Коростелев (ред.). М., 105–123.

Коровушкин Д. Г. 1997: Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск.

Корнилов Г. Е. 1963: Некоторые особенности говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 133–161.

Кузнецов И. Д. 1957: Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1. Чебоксары.

Петров И. Г. 1994: Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа.

Петров И. Г. 1989: Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы / В.П. Иванов (ред.). Чебоксары, 19–25.

Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии 1898: Отчет о командировке Члена Уфимского Губернского *Присутствия В. А.* Абрютина. Уфа.

ПМА: 2008 г. (РБ, Зилаирский район, с. Ивано-Кувалат).

ПМА: 2009 г. (РБ, Зилаирский район, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат).

Роднов М. И. 2002: Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа.

Садиков Р. Р. 2001: Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.

Сироткин М. Я. 1965: Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары.

Сухарева И. В. 2007: Чуваши Башкортостана в XVII — XIX вв.: Экономическое развитие и социальная структура. Уфа.

Сухарева И. В. 2007: Причины и характер массового переселения чувашей в Башкирию в XVII — начале XX веков // Ватандаш. 6, 147–163.

Юхма М. Н. 1998: Древние чуваши (Древняя и средневековая история чувашского народа). Чебоксары.

Ягафова Е. А. 1998: Самарские чуваши (историко-этнографические очерки). Конец XVII — начало XX. Самара.

Ягафова Е. А. 2003: Формирование этнотерриториальных групп чувашей в XVII — XIX веках (историко-культурный аспект) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы / А.Д. Коростелев (ред.). М., 124–148.

Ягафова Е. А. 2007: Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX вв.). Чебоксары.

Ягафова Е. А. 2008: Этноконфессиональные меньшинства чувашей // ЭО. 4, 114–127.

Ягафова Е. А. 2009: Чуваши в межкультурном пограничье Урало-Поволжья // ЭО. 6, 120–133.

Янгузин Р. З. 2007: Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа.

TERRITORY-BASED CHUVASHI ETHNIC GROUP FORMATION IN BASHKORTOSTAN OF THE 19th — EARLY 20th CC.

V. V. Medvedev

The paper based on published and fieldwork materials touches upon the formation of Chuvashi ethnic group in the 19th-early 20th cc on the territory of contemporary Bashkortostan. The article presents a most careful consideration of migration reasons and its progress, gives a list of Chuvashi settlements with ethnic composition. In some cases the author gives examples illustrating present-day condition of the settlements.

Key words: ethnography, Bashkortostan, territory-based ethnic group

---

© 2010

И. Г. Петров

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ И СЕМАНТИКЕ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА СУРПАН В ЧУВАШСКИХ ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ

В статье рассматриваются функции и семантика чувашского женского головного убора сурпан в контексте различных обрядовых ситуаций, прежде всего обрядов жизненного цикла. Автор приходит к выводу, что функциональное значение данного головного убора намного шире и не ограничивается только областью народного костюма.

Ключевые слова: традиционный костюм, головные уборы, обычаи и обряды, чуваши.

В последнее время в результате оживившихся исследований в области семиотики и мифологии предметов материального быта, раздела этнолингвистики, изучающего семантику вещей, заметно расширились представления об окружающем вещном мире. Как отмечает Д. А. Баранов, в таких исследованиях авторы за материальностью вещи увидели «нечто большее — ее символическое значение, т. е. глубинную суть»[1]. Чуть ранее в таком же контексте высказывался известный ученый в области этнографии, фольклора и семиотики А. К. Байбурин[2].

В настоящей статье речь пойдет о функциях и семантике чувашского женского головного убора *сурпан* и связанных с ним традиционных представлениях. Несмотря на то что *сурпан* является принадлежностью женского костюма, только

[1] Баранов 2005, 213.
[2] Байбурин 1992, 5.

этим его функциональное значение не ограничивается. В том или ином контексте он используется и в других ситуациях. На чувашском материале функциональное значение головного полотенца, как и других предметов материального быта в чувашских обычаях и обрядах, показано в трудах А. А. Трофимова, А. К. Салмина, И. А. Дмитриева, Г.Н. Иванова-Оркова и др. Наша цель — продолжить эту тему дальше и привлечь для этого новые материалы и источники.

Итак, *сурпан* — один из видов головного убора замужней женщины. Несмотря на имеющиеся этнографические, локальные или этнотерриториальные различия, он представляет собой длинное полотнище из тонкого белого холста с орнаментированными концами. Кроме вышивки и тканых узоров концы *сурпана* украшаются фабричными тканями, кружевом, бахромой, тесьмой[3].

У разных этнографических групп чувашей различались и способы ношения *сурпана*. У низовых (*анатри*) и средненизовых (*анат енчи*) чувашей длинным белым полотнищем *сурпана* повязывалась вся голова женщины, а украшенные концы опускались на спину. В обыденное время поверх *сурпана* на голову в виде обруча повязывали такую же, но укороченную повязку *пуç тутри,* а в праздники, например на свадьбу, женщина облачалась в *хушпу* — богатый головной убор на твердой основе, украшенный серебряными монетами, бусами и бисером. Концы *пуç тутри* либо плотно прилегали к голове женщины, либо свисали с боков, наподобие ушей. О женском одеянии чувашек Н. И. Ашмарин писал: «Самотканые платки повязывают наподобие татарской чалмы (обхватив им голову и завязав его раз на затылке, оставшиеся концы завязывают спереди надо лбом, причем концы платка торчат на голове в виде рогов), или же завязывают этот самотканый платок на затылке, причем длинные концы его закидываются назад и свободно висят на спине»[4]. Иногда вместо *пуç тутри* чуваши анат енчи и анатри на голову надевали украшенный вышивкой начельник *масмак*.

У верховых чувашей (*вирьял*) узкий *сорпан* закрывал только шею, а его концы опускались на спину. Поверх головы на голову накладывался *масмак* в виде узкой вышитой ленты, концы которой с двух сторон на висках прикреплялись к *сорпану* при помощи длинных головных булавок или медных иголок, соединенных цепочкой или узкой лентой.

Традиция обертывания головы, шеи и плеч женщины длинным покрывалом-полотенцем имеет достаточно широкий ареал распространения. Кроме народов Средней Азии и Казахстана похожий на чувашский головной убор встречается у восточнославянских (древнерусский и македонский женский головной убор убрус, болгарский сокай, белорусская намитка, украинская серпинка), финно-угорских (марийский шарпан, мордовско-мокшанская пра-руця, удмуртская чалма) и других этносов[5]. Из других народов Урало-Поволжья схожий головной убор характерен башкирам и казанским татарам, женщины которых носили головное полотенце *тастар*. Кроме башкир и казанских татар термин *тастар* в значении женского убора существует также в языке мишарей, кряшен и западносибирских татар.

Сурпан, скорее всего, имеет восточное, центрально-азиатское происхожде-

[3] Ашмарин 1936, 202–203.
[4] Ашмарин 1928, 224.
[5] Гаген-Торн 1960, 163–179.

ние. В начале XX в. на это косвенно указал известный казанский этнограф и исследователь этнографии народов Поволжья И.Н. Смирнов. В частности, он писал: «Белая чалма, белый с расшитыми кумачными концами сорбан, далеко ниспадающий с головы, придают низовой чувашке, сравнительно с верховой, картинный и экзотический, восточный — не то арабский, не то еврейский — вид»[6]. По мнению Н. И. Гаген-Торн, полотенцеобразные головные уборы возникли в Среднем Поволжье в условиях патриархального общества, когда обычай требовал закрывать волосы замужней женщины, взятой из чужого рода[7]. Согласно другой точке зрения, истоки таких головных уборов уходят своими корнями в древнюю эпоху кочевых культур Евразийских степей, в индоиранскую или древнетюркскую племенную среду[8]. По мнению С.Н. Шитовой, обычай ношения головных уборов с начелышем своим происхождением уходит в булгарское время, а через них — к сарматам[9]. У народов Волго-Уральского региона, как считает Р.Г. Кузеев, «общность в этом компоненте народной культуры формировалась в эпоху расцвета Булгарского государства (XI–XIII вв.), когда в орбиту волжско-булгарской торговли и культуры были втянуты как тюркские, так и финно-угорские этносы»[10]. Впрочем, об этом свидетельствуют выраженные параллели и сходства, имеющие место не только в полотенцеобразных головных уборах, но и в других областях материальной культуры и народного искусства указанного региона[11].

Таким образом, основное практическое и ритуальное назначение *сурпана* — покрывание волос замужней женщины. Женщины чувашки полотнищем *сурпана* голову обвязывали так, чтобы не было видно ни одного волоса. И это неспроста. Как и у других народов, в соответствии с правилами народного этикета, женщина, вышедшая замуж, обязана была тщательно прятать свои волосы. Д. К. Зеленин полагал, что закрывание волос — остаток древнего обычая покрывания лица[12]. Н. И. Гаген-Торн считала, что основная причина закрывания головы замужней женщиной заключалась в магии волос[13]. По мнению ученого, невеста, выходя замуж в другой род, могла навредить ему магической силой, заключенной в волосах, и таким образом принести несчастье — неурожай, градобитие, падеж скота и т.д. В виде различных табу и запретов такие представления сохранились у многих народов — русских, карел, мордвы и других этносов. Как считает Н. И. Гаген-Торн, в патриархальном обществе закрытые волосы женщины являются символом закрепощения женщины чужим родом и ее подчиненного положения[14].

Далее рассмотрим функции данного головного убора в различных обрядовых ситуациях, прежде всего обрядах семейного цикла — свадебных, похоронных и, отчасти, родинных.

В свадебной обрядности *сурпан* фигурирует уже при сватовстве, когда сватами со стороны жениха, а также родителями и родственниками невесты оговари-

[6] Смирнов 1903, 936.
[7] Гаген-Торн 1960, 141.
[8] Захарова, Ходжаева 1989, 221.
[9] Шитова 1995, 84.
[10] Кузеев 1992, 203.
[11] Там же, 197–205.
[12] Зеленин 1926.
[13] Гаген-Торн 1933.
[14] Гаген-Торн 1933; Гаген-Торн 1960, 141, 143.

вается количество приготовляемых невестой *сурпанов*[15]. Дело в том, что наряду с другими подношениями родственникам жениха в качестве подарков невеста преподносила и *сурпаны,* прежде всего женщинам. Однако на сватовстве этот головной убор использовался и в другом значении — в качестве символического согласия на брак[16]. При согласии выйти замуж невеста через сваху передавала матери жениха целый *сурпан*, а жениху — лишь часть, в виде украшенных красивыми узорами концов. Впоследствии концовками *сурпана* жених украшал свой костюм. Они прикреплялись на разных местах его одеяния — на спине, на груди, за пазухами, около карманов и т. д. Назывался он платок или *сурпан* зятя[17].

Гораздо весомее значение и символика указанного головного убора проявляются в обряде покрывания головы невесты *сурпаном* (*сурпан сырни, пуç шуратни*), когда на определенном этапе свадебного торжества происходила смена девичьего головного убора на женский. В зависимости от устойчивости традиций патрилокального или матрилокального брака, данный обряд у чувашей происходил на заключительном этапе свадьбы либо в доме жениха, либо в доме невесты. Рассмотренный обряд, кроме основной его цели — закрыть волосы невесты, символизировал ее переход в статус замужней женщины и подчиненность чужому роду в лице мужа. После этого молодушка становилась *çĕнĕ çын* (букв. «новый человек») и обязана была появляться на людях, облачившись только в женский головной убор. Без *сурпана* или *хушпу* женщина не могла даже выгонять скот на улицу или ходить в поле на работу[18]. И общественность достаточно строго следила за этим. Достаточно было увидеть замужнюю женщину без *сурпана*, ее ловили и обливали ведром холодной воды до сорока раз[19].

Примечательно, что обряд окручивания, т.е. надевания на невесту женского головного убора в обязательном порядке предварял другой обряд, связанный с отправлением молодых на брачное ложе. Только после окручивания, а не иначе, приступали к постельному обряду (*хĕве хупни*). В связи с этим, Н.В. Никольский неслучайно отмечал: «По убеждению чуваш, пока не выполнен установленный отцами и дедами брачный ритуал, и пока на голову молодой не возложен еще сурбан, молодые не могут вступать в супружеские отношения, хотя бы были венчаны»[20].

Схожую функцию *сурпан* несет в послесвадебном обряде *сурпан кăтартни* («показ сурпана») или *сурпан сăри* («пиво по случаю повязывания сурпана»). Так называется первый визит замужней дочери с мужем к своим родителям[21]. Хотя главное предназначение этого обряда выражается в угощении пивом родителей невесты с целью укрепления родственных отношений, глубинная его суть заключается в закреплении за молодухой статуса замужней женщины. Об этом как нельзя точно говорит первое название обряда. Показ *сурпана*, можно сказать, был своего рода демонстрационный акт, в ходе которого молодуха окончательно ут-

[15] Салмин 2002, 187.
[16] Никольский 1919, 81.
[17] Ашмарин 1936, 203; Салмин 2002, 190; Салмин 2007, 235.
[18] Гаген-Торн 1960, 143; Салмин 2002, 188.
[19] Салмин 2002, 188.
[20] Никольский 1919, 76.
[21] Ашмарин 1936, 203–204.

верждала свое новое социальное положение, но уже перед своими родственниками.

В аналогичном контексте *сурпан* бытует в похоронном обряде чувашей. В знак подтверждения, что умершая до смерти была замужем, голову женщины повязывали *сурпаном*, а «к нему на лоб, висок и свисающий на грудь конец пришивали серебряные монеты (или имитации)»[22]. Пришитые на сурпан монеты, как считает А. К. Салмин, имитировали хушпу — другой, более богатый женский головной убор. В XX в. вместо сурпана стали использоваться обычные платки. Впрочем, сурпан вместе с другими женскими нарядами закладывали и в гроб незамужних девушек. Это было обусловлено поверьем, что в том мире они выйдут замуж и сурпаны могут им понадобиться.

В другом контексте, в основном в качестве двойника или заместителя человека, сурпан использовался чувашами в обрядах поминального цикла. Так, чуваши-язычники на поминках *юпа* одежду умершего клали на намогильный столб, положенный на постель[23]. Если покойник мужчина, то использовали мужскую одежду (рубашку, штаны, шапку), если женщина — женскую, включая головные уборы и украшения (рубаху, *сурпан*, *хушпу, сурпан çакки* и т. д.). Причем присутствующие во время поминальной пляски подходили к столбу и надевали на себя что-нибудь из одежды покойника. По мнению А. К. Салмина, одевая на себя одежду покойника, родственники, таким образом, завлекали его во всеобщее веселье[24]. С другой стороны, в этом обряде с одеждой в заувалированной форме присутствует попытка моделирования образа покойного через его одежду и обеспечение его присутствия на похоронно-поминальных ритуалах. После поминок столб относили на кладбище и устанавливали на могиле умершего. Если умерший — мужчина, то на столб вешали недоуздок, если женщина — *сурпан* или платок[25]. Кроме этого чуваши-язычники на женских столбах наконечником острого резца контуром делали особые знаки, обозначающие *сурпан* и подвеску к сурпану — *ама, сурпан çакки*[26]. В некоторых случаях, в зависимости от сложившихся местных традиций, на женских памятниках делались изображения *масмака*, *хушпу*, *çеçтенкĕ* (нагрудной застежки), шейных украшений и т. д.[27]

Достаточно своеобразно семантика *сурпана*, как символа брака, проявляется в обряде развода. В прошлом, данный обряд проводился чувашами по нормам обычного права. Сведения об этом имеются в сочинениях П. С. Палласа, И. Г. Георги, К. П. Прокопьева, В. К. Магницкого, И.Меньшова и др. Смысл данной церемонии заключался в том, что муж рвет или режет ножом *сурпан* жены пополам, одну половину оставляет себе, а другую отдает ей. После этого оба супруга считались свободными, а их брак расторгнутым. По И. Г. Георги, акт развода заключался в следующем: «Если муж женой недоволен, то он разрывает ей покрывало и тем уничтожает навеки супружеский между ними союз[28]. В таком же ключе об этом сообщает П. С. Паллас: «Так же случаются у них разводы; при чем наблюдается

[22] Салмин 2007, 291.
[23] Прокопьев 1903а, 215–250; Магницкий 1881, 180; Руденко 1910.
[24] Салмин 2007, 342.
[25] Там же, 347.
[26] Руденко 1910, 86–87; Никитин, Крюкова, 1964, 64; Трофимов 1993.
[27] Трофимов 1993.
[28] Георги 1799, 41.

сие обыкновение, что муж разрезывает пополам лопасть (сурбан) отверженной от себя жены, и одну половину оставляет у себя, а другую ей дает»[29]. В некоторых случаях обряд развода проходил в присутствии свидетелей — родственников разводящихся супругов. При этом супругов ставили спинами друг к другу и связывали *сурпаном* или поясом. Спросив еще раз, точно ли они желают развестись, сурпан разрезывали пополам и позволяли супругам разойтись в разные стороны[30]. Аналогичный обряд с использованием пояса бытовал и среди красноуфимских марийцев[31].

В остальных обрядовых ситуациях *сурпан* чаще всего выступает в качестве подарка. Сурпаном можно было откупиться за какую-нибудь работу или услугу. Так, *сурпан* вручали повивальной бабке за помощь в родах или знахарке вместо денег за лечение. В таком же контексте *сурпан*, головную ленту *масмак* и несколько монет мелочью невеста кладет и вешает на печь, когда она впервые переступает порог дома свекра. По мнению А. К. Салмина это делалось для того, чтобы добиться расположения духа-покровителя домашнего очага *хĕртсурт*[32].

Таким образом, *с*урпан в чувашских обычаях и обрядах используется в следующих символических значениях.

1. В значении части женской одежды, указывающей на ее социальный статус. Особенно выпукло это проявляется в обряде окручивания, когда с головы невесты снимали девичий головной убор и вместо него надевали женский. То же имеет место быть в похоронном обряде — наличие или отсутствие сурпана на голове умершей всегда являлось весомым маркером, кем она являлась — незамужней девушкой или замужней женщиной. Сурпан или сделанный контуром рисунок *сурпана* или нагрудного украшения на могильном памятнике также являются признаком, указывающем на принадлежность женскому захоронению.

2. В значении установления связи или соединения. В этом случае *сурпан* проявляет себя в качестве средства установления контакта и канала связи, например, между женихом и невестой, между мужским и женским родственными социумами на свадебном торжестве. Такова роль сурпана в церемониях одаривания невестой родственников мужа, а также в обряде передачи невестой сурпана жениху на сватовстве.

3. В значении разрыва данной связи. В указанном контексте сурпан используется во время обряда развода. Разрезание или разрыв сурпана означает прекращение брака и супружеских обязательств друг перед другом.

4. В значении символического заместителя человека, что ярко проявляет себя в основном в поминальных обрядах чувашей. Таковым является традиции демонстрации *сурпана* или других предметов одежды на поминках, повязывание *сурапана* на могильных памятниках и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. 1928: Словарь чувашского языка. I. Казань.

[29] Паллас 1773, 144.
[30] Прокопьев 1903б, 44; Магницкий 1881, 217–218; Меньшов, 1875, 237–238.
[31] Городской 1864, 26.
[32] Салмин 2007, 254–255.

Ашмарин Н. И. 1936: Словарь чувашского языка. XI. Чебоксары.

Байбурин А. К. 1992: Пояс (к семиотике вещей) // СМАЭ. XLV, 5–13.

Баранов Д. А. 2005: Образы вещей: О некоторых принципах семантизации // Антропологический форум. 2, 212–227.

Гаген-Торн Н. И. 1933: Магическое значение волос и головных уборов в свадебной обрядности народов Восточной Европы // СЭ. 5–6, 76–88.

Гаген-Торн Н. И. 1960: Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары.

Георги И. Г. 1799: Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 1. СПб.

Городской Г. 1864: О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Этнографический сборник РГО. 6. СПб.

Захарова И. В., *Ходжаева Р. Д.* 1989: Головные уборы казахов: опыт локальной классификации // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.

Зеленин Д. К. 1926: Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 2, 315–317.

Кузеев Р. Г. 1992: Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.

Магнитский В. К. [*Магницкий В. К.*] 1881: Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собр. в некоторых местностях Казан. губ. Казань.

Меньшов И. 1875: Этнографический очерк быта и обычаев чуваш Уфимской губернии Златоустовского уезда // ЗООРГО. 3, 237–249.

Никитин Г. А., *Крюкова Т. А.* 1960. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары.

Никольский Н. В. 1919: Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань.

Паллас П. С. 1773: Путешествие по разным провинциям Российской империи.1. СПб.

Прокопьев К. П. 1903а: Похороны и поминки у чуваш // ИОАИЭ. XIX, 5–6, 215–250. Казань.

Прокопьев К. П. 1903б: Брак у чуваш // ИОАИЭ. XIX, 1, 1–63. Казань.

Руденко С. И. 1910: Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. 1, 81–88. СПб.

Салмин А. К. 2002: Вещь в контексте ритуала // Проблемы изучения научного наследия Н. В. Никольского: матер. конф., посв. 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары.

Салмин А. К. 2007: Система религии чувашей. СПб.

Смирнов И. Н. 1903: Чуваши // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 38 а, 933–938. СПб.

Трофимов А. А., 1993: Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары.

Шитова С. Н. 1995: Башкирская народная одежда. Уфа.

ON THE FUNCTION AND SIGNIFICANCE OF A FEMALE HEADDRESS SURPAN IN CHUVASH RITES AND TRADITIONS

I. G. Petrov

The article deals with functions and significance of Chuvash female headdress surpan in the context of different rites, mostly rites pertaining to the life cycle. The author comes to the

conclusion that the functional meaning of the headdress is much wider and it is not restricted to the ethnic costume sphere.

Key words: traditional costume, headdress, rites and traditions, the Chuvash.

© 2010

С. А. Бахтин

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТОФАЛАРОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В данной работе, на основе полевых исследований автора, раскрыты вопросы этнической идентичности тофаларов на современном этапе. Выводы могут быть учтены при оптимизации национальной политики в регионе.

Ключевые слова: тофалары, этническая идентичность, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Тофалары являются коренным малочисленным народом Севера, Сибири и Дальнего востока (по переписи 2002 г. их насчитывается 837 человека, а в районе компактного проживания, по данным нашего исследования, их численность составила 662 человека).

Вплоть до 30-х годов XX в. тофалары еще кочевали по Саянской горной тайге, создав в процессе своего исторического развития уникальную материальную и духовную культуру Саянских охотников-оленеводов, которая подверглась сильной модернизации после перехода на оседлость.

По сути дела, тофалары представляют сейчас один из старейших этносов Саян, но с измененным образом жизни, с создаваемой заново материальной, бытовой и духовной культурой, представляющей фактически симбиоз некоторых черт традиционной культуры и видов хозяйственной деятельности с новыми, русскими по происхождению[1].

В этой связи изучение этнического самосознания тофаларов является весьма важным в научном и практическом отношениях.

Для проведения исследования был использован опросник, в который входили такие вопросы как: фамилия, имя, отчество, возраст, пол, национальность, родной язык, основной язык, степень владения языком, употребление языка в разных ситуациях, а также вопросы об этнической идентификации и о этнодифференцирующих и этноконсолидирующих факторах.

Исследование этнического самосознания тофаларов проходило в 2005–2007 гг. в населенных пунктах Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара (Нижнеудинский район Иркутской области). В общей сложности было опрошено 106 человек, что составляет 25 % от всего населения тофаларов в возрасте от 18 лет и старше. Исследование 2005 года было проведено при грантовой поддержке Красноярско-

[1] Рассадин 2004, 216.

го государственного педагогического университетам им. В.П. Астафьева. Номер гранта 43–05–1/ФП. Исследование 2006–2007 гг. было проведено за счет своих средств.

В данной работе мы рассмотрим отдельные элементы этнического самосознания тофаларов, связанных с этнической идентичностью и этноязыковыми процессами.

Важной особенностью этнического самосознания тофаларов явился переход от тофаларского языка к русскому. Тофаларский язык признало родным лишь 10,2 % респондентов, на два родных языка (русский и тофаларский) указали 12,2 %, и на русский язык 77,6 % (табл. 1).

Таблица 1

РОДНОЙ ЯЗЫК ТОФАЛАРОВ В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ (В %)

Возрастные группы	Родной язык		
	Тофаларский	Оба языка	Русский
18–35 лет	3,8	0,0	96,2
Старше 35 лет	16,4	23,6	60
Все тофалары	10,2	12,2	77,6

В возрастной группе от 18 до 35 лет тофаларский язык признали родным всего лишь 3,8 % респондентов и в качестве родного языка указали на русский 96,2 %. Тофаларским языком в этой возрастной группе никто не владеет свободно, 1,9 % — указали, что владеют со значительными затруднениями, 15,4 % — понимают и 82,7 % — совершенно не владеют (табл. 2).

Таблица 2

СТЕПЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ТОФАЛАРСКИМ ЯЗЫКОМ В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ (В %)

Степень владения языком	Возрастные категории		
	Все тофалары	18–35 лет	Старше 35 лет
Свободно	15,9	0,0	31,0
С некоторыми затруднениями	2,8	1,9	3,6
Со значительными затруднениями	6,5	0,0	12,7
Понимают, но не говорят	21,5	15,4	27,3
Не владеют	53,3	82,7	25,4

В возрастной группе старше 35 лет тофаларский язык признали родным 16,4 % респондентов, 23,6 % указали на два родных языка (русский и тофаларский), 60 % признали родным русский язык (табл. 1). Свободно владеют тофаларским языком 31 % респондентов, с некоторыми затруднениями 3,6 %, со значительными 12,7 %, 27,3 % только понимают, но не говорят и 25,4 % совсем не владеют (табл. 2).

Для обеих возрастных групп характерно, что никто не указал на тофаларский язык как основной разговорный. Лишь 2 % от всех респондентов указали русский и тофаларский, а 98 % говорят только на русском (табл. 3).

Таблица 3

РОДНОЙ И ОСНОВНОЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК ТОФАЛАРОВ (В %)

	Родной язык	Основной разговорный язык
Тофаларский язык	10,2	0,0
Русский язык	77,6	2,0
Оба языка	12,2	98,0

Использование тофаларского языка происходит по данным респондентов в основном при общении с людьми старшего поколения, прежде всего с родителями. Стоит также отметить, что никто не указал на тофаларский язык как на единственный разговорный, его употребляют только наряду с русским.

Настоящее состояние и функционирование тофаларского языка обусловлено различными факторами; во-первых, это совместное проживание с русскими этносом, во-вторых, существенная установка на изучение русского языка как социально более желательного и необходимого; в-третьих, большое кол-во межнациональных браков (в смешанных семьях основным разговорным языком является русский). Процент смешанных браков на 2005 год составляет 43,1 % [2]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать о замене родного языка русским.

Важной особенностью этнического самосознания является проблема самоидентификации. На вопрос «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности человека», ответы были следующими: 34,6 % респондентов выбрали в качестве главного признака выбора национальной принадлежности национальность отца, 22,4 % — собственное желание, 18,7 % — национальность матери, 13,1 % — общее историческое прошлое, 10,3 % — место проживания. Из всех респондентов 53,3 % определили себя тофаларами по происхождению — т. е. по национальности одного из родителей (табл. 4).

Таблица 4

ПРИЗНАКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТОФАЛАРОВ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ (В %)

Признаки самоидентификации	Возрастные группы		
	Все тофалары	18–35 лет	Старше 35 лет
Общее историческое прошлое	14,1	11,6	14,5
Место проживания	10,3	7,7	12,7
По национальности матери	18,7	15,4	21,9
По национальности отца	34,6	40,4	29
Принятый в семье язык	0,9	1,9	0
Собственное желание	22,4	23,1	21,9

Такой показатель, как принятый в семье язык, отметили в качестве фактора самоидентификации лишь 0,9 % респондентов, что подтверждает наш вывод о замене родного языка русским. Следовательно, уход родного языка из быта тофаларов не означает автоматической смены этнического самосознания.

[2] Кривоногов 2008, 89.

Окончание табл. 4

В качестве важного эмпирического индикатора этнического самосознания тофаларов выступали и их представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках.

Таблица 5

ЭТНОКОНСОЛИДИРУЮЩИЕ И ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ (В %).

Признаки	Показатели					
	Этноконсолидация			Этнодифференциация		
	Все опрошенные	18–35 лет	Старше 35 лет	Все опрошенные	18–35 лет	Старше 35 лет
Язык	29,9	25,0	34,5	23,4	21,1	25,4
Культура	6,5	7,7	5,4	2,8	3,8	1,8
Обряды, обычаи	9,3	9,6	9	10,3	11,5	9
Родная земля, природа	43,0	42,3	43,6	6,5	1,9	10,9
Черты характера, психология	2,8	1,9	3,6	13,1	11,5	14,5
Религия	0,9	1,9	0	6,5	9,6	3,6
Исторические судьбы, прошлое	1,9	3,8	0,0	4,7	5,8	3,6
Общая государственность	1,9	3,8	0	0	0	0
Внешний облик	2,8	3,8	1,8	19,6	23,1	16,4
Другое/Все общее	0,9	0,0	1,8	13,1	11,5	14,5
Всего:	100	100	100	100	100	100

Важнейшим этноконсолидирующим признаком для тофаларов является такое понятия как «родная земля», 43 % респондентов указали этот признак как важнейший, 29,9 % указали на родной язык, 9,3 % на обряды и обычаи. Остальные признаки называют реже. При сравнении показателей в возрастных группах различий не обнаружено (табл. 5).

Более активную позицию респонденты проявили при выделении этнодифференцирующих факторов. Это подтверждает положение о том, что оппозиция «мы–они» имеет определяющее значение для самоидентификации этнической общности[3].

По мнению Ю.В. Бромлея, «…суждения о свойствах своего этноса неразрывно связаны с представлением о характерных чертах других этнических образований и их членов»[4]. Данный механизм самоидентификации применим и по отношению к тофаларам. Важнейшие этнодифференцирующие признаки выглядят

[3] Кон 1971, 128.
[4] Бромлей 1977, 177.

так: 23,4 % — родной язык, 19,6 % — внешний облик, 13,1 % черты характера, 10,3 % — обряды, обычаи. 13,1 % указали, что различий нет. В возрастных группах данные немного отличаются. В возрасте от 18 до 35 лет важнейшим признаком этнодифференциации стал внешний облик — 23,1 %, далее родной язык — 21,1 %. В возрастной группе старше 35 лет важнейшим признаком является родной язык — 25,4 %, далее внешний облик — 16,4 %. Так же высокое ранговое место имеет признак «родная земля», «природа» — 10,9 %.

Во многих исследованиях авторы доказывают, что национальный язык является главным этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком. Национальный язык относится к категории признаков, определяющих национальные стандарты. Результаты нашего исследования во многом опровергают это утверждение, что подтверждает те тенденции, которые показаны нами выше, в части исследования состояния национального языка.

В случае выбора этнодифференцирующего признака в фокусе сознания респондентов возникают образы множества обезличенных национальностей. В таком случае респондент охватывает ряд национальностей, абстрагируясь от своей. Скорее всего, в такой ряд входят те национальности, с которыми происходит непосредственное взаимодействие и контакт. В нашем случае это прежде всего русские. При таком понимании становится ясным, почему в качестве важных этнодифференцирующих признаков были названы родной язык и внешний облик. Это проявляется в различии языковых семей: алтайской и индоевропейской и антропологическом различии рас европеоидной и монголоидной. Но можно предположить, что с большим числом межнациональных браков и незнанием родного языка молодежью в будущем эти признаки уйдут на второй план. Как, например, второе ранговое место признака «родной язык» в возрастной группе от 18 до 35 лет.

В случае процесса этноконсолидации в фокусе сознания респондентов доминирует положение своей нации, и все существенные признаки своей нации возводятся в ранг всеобщности, выступая при этом в роли общих этноконсолидирующих признаков[5]. Исходя из такого положения, мы можем объяснить причину выбора главным этноконсолидирующим признаком тофаларов ответ «родная земля». Тофалария (Нижнеудинский район Иркутской области, а именно северные склоны Восточного Саяна) всегда была местом компактного проживания тофаларов, местом традиционного природопользования. Эта местность и по сей день является достаточно закрытой от внешнего мира. Добраться туда можно только воздушным транспортом или по зимнику. Но транспортное сообщение очень дорогое и нерегулярное. Такая замкнутость этого района и определила выбор тофаларов родной земли как главного этноконсолидирующего фактора.

Подводя итоги, можно указать на сохранение устойчивого этнического самосознания тофаларов, несмотря на такие факторы, как языковая ассимиляция и постепенная замена языкового компонента другими этнически различительными признаками, особенно в младшей возрастной группе.

[5] Соколова 2003, 119.

ЛИТЕРАТУРА

Бромлей Ю. В. 1983: Очерки теории этноса. М.

Кон И. С. 1971: К проблеме национального характера // История и психология. 122–158.

Кривоногов В. П. 2008: Тофалары: три шага в будущее. Красноярск.

Крысько В. Г. 2004: Этническая психология. М.

Поршнев Б. Ф. 1966: Социальная психология и история. М.

Рассадин И. В. 2004: Хозяйство, быт и культура Тофаларов: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ.

*Соколова Ю. В.*2003: Национально-психологические особенности представителей чукотского этноса: дисс. ... канд. психол. наук. М.

TOFALAR ETHNIC IDENTITY IN THE EARLY 21st C.

S.A. Bakhtin

The author on the basis of his fieldwork reveals issues of ethnic identity of Tofalars at the present time. The results may be taken into account when optimizing ethnic policy in the region.

Key words: Tofalars, ethnic identity, minority natives of the North, Siberia, and the Far East.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ЭЛЛИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ОЙКУМЕНЫ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
(о книге Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol.I. Leiden-Boston: Brill. 2006.)*

Руководитель этого проекта определяет трехтомник по истории греческой цивилизации, I том которого вышел недавно, как "учебник" (handbook). Что ж, если это учебник, то того уровня, на котором стоят немецкая серия Handbuch der klassischen Wissenschaft, инициированная Иваном Мюллером, или английская Cambridge Ancient History, или интернациональная Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Издание призвано дать современный срез знаний, идей, гипотез, касающихся такого важного феномена греческой истории, как Великая греческая колонизация. Для участия в проекте приглашены выдающиеся ученые из многих стран мира, занимающиеся проблемами колонизации. Охват материала — от Иберийского полуострова на западе до Малой Азии на востоке, от Северной Африки на юге до Черного и Азовского моря на севере. Такого уровня обобщения не было с момента издания знаменитой и многие годы единственной по этой теме книги Джона Бордмана "Греки за морем", выдержавшей несколько изданий, начиная с публикации I тома в 1964 г.[1] (последнее вышло в 1999 г.). Интенсивные археологические раскопки и исторические исследования последних десятилетий сделали необходимым подвести итоги новых подходов, направлений и материалов в изучении греческой колонизации. Это и составляет содержание рецензируемой книги, которая посвящена памяти выдающегося историка греческой колонизации А.Дж. Грэму (A. J. Graham), ушедшего из жизни в 2005 году. Данный том рассматривает в 13 разделах проблемы микенской и финикийской колонизации, а также греческой архаического периода, как на западе Средиземного моря, так и на востоке его.

Том открывается большой вступительной статьей обобщающего — историографического и методологического — порядка, написанной издателем и редактором тома Г. Р. Цехладзе и называющейся "Revisiting ancient Greek colonization" (с. XXIII–LXXXIII). "Ревизии" подвергаются все основные понятия греческой колонизации — сам термин, причины колонизации, датировка ранних колоний, сравнительная хронология разных культур, типология поселений, их урбанизация, формы основания колоний, отношения греков с местным населением, проблемы этнической самоидентификации и др.

Рассмотрев термин "греческая колонизация" и контроверзы, развернувшиеся вокруг него в связи с наложением на него "колониальных" коннотаций Ново-

*Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08–01–00080а.

[1] Boardman 1964.

го времени, Цецхладзе приходит к оптимистическому выводу о том, что дело не в словах, термин может оставаться, главное — что понимать под этим термином. Наиболее удачным Цецхладзе считает определение “греческой колонизации”, данное П. ван Доммеленом еще в 1997 г.: “Присутствие одной или нескольких групп иностранного населения в регионе, удаленном в какой-то степени от места их происхождения (“колонисты”) и наличие ассиметричных социоэкономических взаимоотношений владычества и эксплуатации между группами колонистов и жителями колонизуемых регионов”[2].

Что касается причин колонизационного движения, то Цецхладзе настаивает на их множественности — каждый регион Архаической Греции имел свои собственные причины для выведения колоний. Ни теория перенаселения, ни теория необходимости обретения сырьевых ресурсов (в том числе возможности вести сельское хозяйство) не объясняют всех аспектов феномена архаической колонизации. Для этого времени почти все литературные источники сообщают о внутренних конфликтах и вынужденной эмиграции, побуждавших идти на смертельный риск, связанный с основанием колоний в отдаленных малоизвестных местах, которые к тому же были населены, как правило, враждебно настроенными племенами. Далее Цецхладзе разбирает вопросы хронологии первых колоний, показывая трудности, с которыми сталкивается исследователь, сопоставляя литературные свидетельства с данными археологии. Появление керамики на месте вновь основанных колоний ранее того времени, которое указывается в литературных источниках, часто служит поводом для предположения о существовании предколонизационных контактов, что, как показывает на многих примерах Цецхладзе, во многих случаях сомнительно. В следующем разделе Цецхладзе касается вопроса о пересмотре абсолютной хронологии железного века в Средиземноморье, в частности греческой керамики от геометрической до коринфской X–VII вв., в связи с последними работами А.Дж. Нибура[3] и других археологов. Сопоставление хронологий Центральной Европы (гальштатт), основанной на дендрохронологии, и средиземноморской, основанной на радиокарбонном анализе, стилистических особенностях керамики и литературных данных, изменяет некоторые датировки (иногда удревняя их на 70–80 лет, как в Италии), широко принятые в археологической и исторической литературе. Цецхладзе приводит яркий пример таких изменений в хронологии и их последствий для историко-археологической науки: последние радиокарбонные и дендрохронологические исследования во фригийском Гордионе смещают уровень так называемого киммерийского разрушения с ок. 700 г. на 830–300 гг. Это обстоятельство заставляет пересматривать хронологию не только Фригии, но и всей Анатолии.

Далее Цецхладзе касается вопроса о типологии и номенклатуре греческих поселений, в частности, об отношении такой формы греческой жизни, как полис, к вновь образуемым колониям. При этом автор исходит из исследований и дефиниций полиса, выработанных Копенгагенским центром изучения полиса под руководством М. Х. Хансена[4]. Многообразие форм социально-политической, военной

[2] Van Dommelen 1997, 206; цитируются также другие его работы, в которых уточняется понятие колонизации: *Van Dommelen* 2002, 121–147; 2005, 109–141.

[3] Nijboer 2005, 255–277.

[4] См. одну из последних работ, цитируемых Цецхладзе: Hansen M.H., Nielsen T.H. 2004.

и культурной жизни различных греческих поселений приложимо также к колонизационной деятельности греков, считает Цецхладзе, рассматривая различные обозначения колоний, такие как эмпорий, апойкия, торговый порт (port-of-trade).

Вопрос о степени урбанизации колоний также представляется Цецхладзе весьма проблематичным как для архаической Греции, так и для выводимых ею колоний. Многие значительные города Греции сами не имели признаков урбанизации даже во время выведения своих колоний. Эти признаки варьировались в разных частях греческой ойкумены. В любом случае, Цецхладзе обращает внимание исследователей на тот факт, что планирование ранних греческих городов-колоний преувеличивается в литературе и не подтверждается новейшими данными археологии. Чаще всего изначальная планировка присуща вторичным колониям.

Следующий вопрос, которого кратко касается Цецхладзе, относится к организации переселения, началу заселения колонии и ее формальному образованию. Автор прослеживает основные этапы этого процесса: от избрания ойкиста (как правило, из числа знати) и обращения его к оракулу, взаимной клятвы будущих переселенцев и остающихся на родине не вредить друг другу до роли ойкиста в организации жизни колонии.

Затрагивает Цецхладзе и проблему сравнительной хронологии финикийского и греческого колонизационных движений. Для первой автор постулирует в основном коммерческую направленность (отсюда частая ограниченность во времени их существования), в то время как греки основывали колонии для постоянного проживания. В качестве примера ранней греческой экспансии на восток приводится пример греческого поселения в Аль-Мине в устье Оронта на севере Сирии.

Одним из важнейших вопросов греческой колонизции является вопрос о взаимоотношениях греков и местного населения в районе расположения новой колонии. Рассматривая его, Цецхладзе подчеркивает, что здесь не существует единой модели развития этих отношений. На многих примерах он показывает, сколь различной была демографическая ситуация в разных частях огромного географического пространства греческой колонизации и сколь по разному складывались отношения греков и “варваров”. Цецхладзе напоминает, что понятие “варвары”, которое по соображениям политкорректности вызывает некоторое неприятие среди современных исследований, изначально не несло политических и расистских коннотаций, означая лишь “говорящих не по-эллински”. В любом случае взаимовлияние было обоюдным — греки, находясь вдали от своей основной территории, перенимали немало местных форм политического устройства, военного дела, культуры и быта, а зачастую и жили вместе с местным населением в рамках одного поселения. В этой связи Цецхладзе касается вопроса об “аккультурации” — процесса, которым активно занимаются в последние десятилетия, и который нашел свое выражение в новой теории, которая называется “Middle Ground”[5] (собственно, то же, что контактная зона) и подразумевает равноправные отношения партнеров[6].

---

[5] Этот термин был введен в обиход по отношению к американским индейцам Р. Уайтом (White 1991, X) и развит на материале Италии И. Малкиным (Malkin 2002, 151–181).

[6] Культурный результат контактов в такой зоне иногда характеризуются как «гибридные» явления.

Проблема эллинизма, эллинской идентичности, ощущения греками своей «грекости», вообще этнической атрибуции (ethnicity) активно дискутируется в научной литературе последнего времени. Разбору ее посвящен следующий раздел работы Цецхладзе, который кратко касается сути вопроса, а именно: было ли и когда возникло у греков ощущение их общности. Если со времени Геродота (см. VIII, 144) мы можем говорить об осознании греческого единства, то вопрос этнической принадлежности других племен и народов, как по письменным, так и археологическим источникам, представляется весьма сложным. На примере Сицилии и Северного Причерноморья Цецхладзе демонстрирует, что даже такие археологические показатели, как керамика, устройство дома, обряд погребения и наличие греческих имен на погребальных памятниках, обычно признаваемые этнически релевантными, часто не работают для определения этнической принадлежности. Сделанный в этом разделе вывод о том, что ситуация здесь варьируется от региона к региону и не существует общих правил, иллюстрируется в каталоге греческих колоний и поселений в Средиземноморье и Черноморье, составляющем следующий, последний раздел Вводной статьи. В нем перечислены имена около 200 колоний, а также приводятся названия их метрополий, дата основания по литературным данным, дата наиболее ранних археологических находок и наличие здесь местного населения. Общий обзор колонизации побережий “Нашего моря”, предваряющий таблицу поселений, дает хорошее представление о ходе колонизации различных регионов греческой ойкумены.

В целом, несмотря на краткость Вступительной статьи, она удачно выполняет свою роль введения в проблемы колонизации, ставя проблемы и показывая, как они решаются в современной историографии. Несомненным достоинством автора является та свобода, с которой он оперирует материалом раскопок на Сицилии и в Сирии, в Северном Причерноморье и в Египте.

После Вступительной статьи следует работа датского исследователя М. Х. Хансена, являющаяся сугубо теоретической[7]. Цель автора — дать определение эмпорию как феномену и показать его разновидности, сформировавшиеся в эпоху архаики и классики и зафиксированные письменными источниками. Большую помощь ему оказали работы К. Поланьи и А. Брессона, в которых, как известно, систематизирован весьма обширный источниковый материал о trading posts и ports-of-trade греков во всем их множестве и разнообразии[8].

М. Хансену представляется очевидной следующая характеристика эмпория: его community, в отличие от полиса, не владела землей, на которой жила. Классическим примером служит афинский Пирей, представлявший собой торговый порт, который был создан для ведения организованной и легальной торговли и находился на территории полиса. Итак, это городской торговый порт и составная часть полиса[9]. Многие эмпории подобного рода располагались также в пределах полисов колониального типа.

Однако известно множество случаев, когда эмпорий выходил за границы городской территории и, более того, вообще не являлся элементом какой-либо по-

[7] Emporion, 1–39. Укажем вслед за автором, что первый вариант статьи был опубликован в 1997 г. (см. Hansen 1997, 83–105).

[8] Polanyi 1963, 30–45; Bresson 1993, 163–226.

[9] Bresson 1993, 164 sq.

лисной структуры. Большинство этих образований безымянны, они находились в чужеземных странах и относятся к архаической эпохе, хотя возникали и в гораздо более поздние эпохи.

Перенеся на них свое внимание, М. Хансен выделяет такие их разновидности, как *а)* polis kai emporion типа Тартесса, Фанагории, Борисфена и *б)* trading post с его community, подвластной какому-либо правителю[10]. Этот последний вариант эмпория известен уже в архаическую эпоху в Восточной Сицилии, на побережье Черного моря и Пиренейского полуострова и во множестве других пунктов Средиземноморья. Одним из эталонных примеров является, по мнению автора, тот самый каталонский эмпорий VII в. до н.э., который в V в. дал жизнь Эмпориону — polis kai emporion, община которого, однако, всегда была зависимой вначале от массалиотов, а впоследствии от римлян. В определенной мере аналогом М. Хансен считает египетский Навкратис, с V в. до н.э. приобретший статус полиса, который обладал правом проксении и в котором обитали, наряду с гражданами-политами, постоянно проживавшие там иноземцы, а также эмпоры / не-резиденты. Однако, даже будучи полисом, Навкратис не являлся автономным, так как им управлял египетский фараон.

Следующая глава книги, написанная бельгийским археологом и филологом Жаком Ваншонвинкелем (J.Vanschoonwinkel), посвящена микенской экспансии (с. 41–113)[11]. Ваншонвинкель отмечает, что с XVI по XI в. предметы микенского происхождения были распространены практически по всему Средиземноморью. При этом, с одной стороны, микенские документы на линеарном B не содержат никаких данных о колонизационной деятельности, с другой — документы других культур, где зафиксированы микенские предметы (например в Египте или Угарите), также не упоминают о контактах с микенцами. Отсюда сложности в интерпретации источников, которые в основном поставляет археология. Легендарная традиция о колонизационной деятельности микенского периода в силу своего позднего происхождения также непроста для интерпретации, хотя и ее данные необходимо привлекать в дополнение к археологическим.

Автор разделяет развитие внешней активности микенцев на три периода, которые в целом соответствуют трем основным периодам истории микенской цивилизации. Это “преддворцовый” период (XVI–XV вв.), “дворцовый” период (XIV–XIII вв.) и “последворцовый” период (XII–XI вв.). Первая часть работы посвящена каталогизации всего микенского археологического материала первого периода, в основном керамики, найденного в Средиземноморье, начиная с Кикладских островов, Леванта и Анатолии и кончая Египтом, Италией, Сицилией, Сардинией, Мальтой и даже Испанией. Весь материал подается в виде карт с обозначением мест находок микенского материала и легенд к ним, показывающим их географическое распределение, количество и характер. Для второго и третьего периодов такая каталогизация, ввиду большого количества материала, оказалась невозможной, поэтому автор делает обзор этого материала в вербальной форме, указывая места наибольшего скопления предметов микенского производства, показывая их типологию, место происхождения, пути их распространения, обстоятельства находки (могила, жилые кварталы, храмовая территория и т. д.) и местное

[10] Bresson 1993, 223–225.

[11] Одна из его книг (Vanschoonwinkel 1991) была отрецензирована А. А. Молчановым в 1997.

подражание микенским артефактам. Надо отметить, что этот анализ проводится на фоне исторических событий — нашествий, завоеваний, разрушений и т. д. В конце этого раздела автор статьи касается вопроса о возможном микенском импорте на территории Балкан и на побережьях Черного моря. В то время как микенская керамика засвидетельствована в Албании и Македонии (во Фракии не севернее Родопских гор), на берегах Черного моря до сих пор не обнаружено ни одной вазы микенского происхождения. В то же время в Болгарии и Украине найдены крито-микенские двойные секиры, что свидетельствует о существовании каких-то торговых контактов микенского мира с этой далекой окраиной античного мира.

Следующие два раздела называются “Миф” и “Реальность”. Речь идет о греческих героях — легендарных основателях городов; особенно много таких легенд дошло относительно Кипра и Италии, поэтому автор исследует мифологические циклы, связанные именно с этими территориями. Большинство легенд об основании кипрских городов берут начало в νόστοι — описаниях возвратного пути героев из Трои на родину. Для Италии же более характерен другой круг легенд, связанных с Дедалом и Миносом, а также с аргонавтами, якобы прибывшими в Адриатику через Дунай из Черного моря, и с Гераклом, прошедшим через эти местности по пути на запад к Гериону и его быкам (10-й подвиг Геракла), хотя и троянским героям отводилась немалая роль (ср. Энея, Диомеда Аргосского, Филоктета Фессалийского, Эпея — конструктора Троянского коня и др.). В разделе “Реальность” автор, отметив, что литературная традиция, будучи позднего происхождения, имеет легендарный, часто фиктивный характер, анализирует, насколько археологический материал микенского происхождения может свидетельствовать о физическом присутствии микенцев в местах нахождения этого материала. На первый взгляд, при картографировании находок микенского происхождения может показаться, что они были широко распространены по всему Средиземноморью; но надо иметь в виду, предупреждает автор, что в некоторых местах речь идет о единичной находке, в некоторых — о нескольких фрагментах; один памятник раскопан полностью, в другом были произведены лишь разведочные работы. Ваншонвинкель прослеживает торговые пути микенцев на восток и на запад от Греции и устанавливает предметы экспорта микенских товаров. Как правило, они составляют ничтожный процент от числа местных изделий. Исключением являются 50 % микенской керамики в Энкоми и Китионе на Кипре. Кроме того, часть керамики могла производиться на месте, а не в Микенах. Автор главы приходит к выводу, что широкое распространение микенских предметов обязано не колонизации, а в основном участию в международной торговле. Микенцы могли, конечно, жить во многих местах Средиземноморья и даже образовывать небольшие группы, но нет никаких следов создания ими реальных общин или центров торговли, как это было позднее. В этом смысле микенская “экспансия” вовсе не является предтечей архаической колонизации.

Следующая глава написана тем же автором и называется «Греческая миграция в эгейскую Анатолию в ранний темный век» (с. 115–141). Она охватывает период после троянской войны до конца X — начала IX вв., — до времени, когда заканчивается период протогеометрического искусства в Аттике. Сначала автор пересказывает литературные свидетельства миграции эолийских, ионийских и дорийских племен в Малую Азию, затем, после их критического анализа, исследует ранние

археологические свидетельства прибытия греческих переселенцев в Анатолию. Предметом анализа стали тексты Геродота, Страбона и Павсания, наиболее полно описавших ситуацию с ионийской колонизацией Малой Азии, а также многих других античных авторов. Эолийская и дорийская миграция отражена в античных литературных источниках гораздо слабее. Далее автор последовательно рассматривает литературную традицию и археологические данные о колонизации Анатолии ионийцами, эолийцами и дорийцами и приходит к выводу, что в главных чертах существует согласие между литературными данными и керамическим материалом, представленным на Эгейском побережье Малой Азии.

Для ионийской миграции (или колонизации) письменные источники указывают в качестве метрополий Афины и Ахею. Ваншонвинкель подробно рассматривает условия, место и время сложения этой традиции, связывающей основание многих городов Ионии с легендарным афинским царем Кодром и его сыном Нелеем, а также с ахейскими Пелеидами. Мнение Фукидида (I, 2, 6) о миграции в Ионию как результате переизбытка населения в Аттике и ограниченности жизненных ресурсов здесь представляется автору наиболее достоверным. Изучение культов, законов, личных имен и т.д. показывает, что в основании ионийских городов активно участвовали и другие греческие города и регионы, в частности, Беотия, Коринф, Арголида. По греческой традиции, начало ионийской колонизации падает на середину XI в. до н.э. Далее автор приводит данные о наличии протогеометрической и геометрической керамики в различных городах и поселениях Ионии, сопоставляя их с литературными свидетельствами.

Эолийская колонизация Малой Азии (города Лесбоса, а также Кима, Смирна, Митилена, Мирина и др.) засвидетельствована уже Гесиодом, позже Геродотом и Фукидидом. Античные авторы сообщают об участии в эолийской миграции фессалийцев, локрийцев и беотийцев, что подтверждается и данными греческой диалектологии. Литературная традиция отмечала также вклад Пелопонесса в колонизационный процесс эолийцев, который был очень ранним и длительным. Однако найденная в эолийских городах керамика не содержит позднемикенской посуды, что противоречит ранней дате проникновения эолийцев в Малую Азию. По всей видимости, миграция эолийцев началась лишь во второй половине X в.

Еще более поздним временем, VIII веком, датируется основание дорийских городов в юго-восточной Эгеиде (на Мелосе, Тере, Крите, Родосе, Косе, Галикарнасс, Книд и др.). В этом колонизационном процессе участвовали спартанцы, аргосцы, трезенцы, эпидаврийцы и мегарцы.

В заключение автор главы помещает таблицу со списком греческих городов, в которой показано соотношение литературных данных об их основателях и ранних археологических свидетельств их существования. Ваншонвинкель считает, что между микенскими поселениями в Малой Азии и более поздней греческой миграции туда существует хронологический зазор, показывающий отсутствие континуитета в развитии этих поселений. Процесс колонизации был не одномоментным, но длительным, и продолжался несколько веков. К сожалению, скудость литературных и археологических источников не позволяет судить об организации колонизационного движения, социально экономических и политических особенностях вновь создаваемых поселений и городов.

Тщательное сведение всего известного на сегодня археологического материала и сопоставление его с данными литературной традиции проделаны Ваншонвинкелем со всей тщательностью и полнотой и представляют собой полезную сводку материала с массой интересных наблюдений и выводов.

Отдельное место в рецензируемом издании занимают работы Д. Риджуэя и Г. Нимайера, посвященные древнейшему этапу деятельности мореходов Восточного Средиземноморья в его западной акватории[12]. Особенность этих исследований состоит в том, что изобильно цитирующийся, классифицирующийся и типологизирующийся этими первоклассными раскопщиками–мэтрами археологический материал послужил им для создания работ сугубо теоретического характера.

Риджуэй актуализирует во многом новую для себя роль противника эллиноцентризма и, конкретнее говоря, панэвбеизма. Как итог многолетней работы в области практической археологии греческих колониальных центров Великой Греции он предлагает следующую схему ранней греческой деятельности в Западном Средиземноморье: она осуществлялась на основе взаимодействия эвбейцев и финикийцев, а их предшественниками в разработке этого механизма были микенцы, киприоты, родосцы. «Расстояния стирали этнические различия», «поэтому, порой, трудно диагностицировать находки», — резюмирует автор (с. 239 сл., 248 сл.). На Востоке Родос, на Западе Питекуссы предоставляли свои услуги всем, кто посещал эти центры, вне зависимости от этнической принадлежности. VIII — первая половина VII веков — это «была эпоха простого взаимодействия по типу vis á vis», уточняет Риджуэй (с. 249).

Хотя в Сардинии раннеархаического времени отсутствуют греческие колониальные образования, а сама «она была организована по-финикийски» (с. 249), тем не менее, — начиная с микенской эпохи — в южной части острова и вплоть до залива Ористано (Антигори, Нора и т.д.) фиксируется микенская керамика, catalogue raisonné которой составлен в 1998 г.[13] Керамика расписная, нередко с изображениями кораблей (подобный тип рисунков известен на Пелопоннесе, Крите, Кипре), принадлежит к LH IIIA — IIIC типам (1400–1050/30 гг.), а наиболее распространен тип LH IIIB (1300–1190-е гг.). Хронология керамики, по мнению автора, совпадает с эпохой дворцовой цивилизации Микен, господство которых на морях достигает в Западном Средиземноморье Пиренейского полуострова (с. 241 сл.). Из других артефактов Риджуэй выделяет серию кипрских бронзетти, миниатюрные микенские гребни и порядка 70 изделий из фаянса и стекла различных центров Эгеиды 1500–1400-х гг. до н.э., найденных в гигантских по своим размерам нурагических гробницах типа Сан Косино. В нураге Аррубиу, находящейся в 50 км от морского побережья в местности, богатой горными выработками и известной плодородием своих небольших речных долин, обнаружены северопелопоннесский алабастрон и фрагменты микенской керамики 1400–1300-х гг. Начиная с этого же времени в Микены через их порт Коммос поступает импорт из Сардинии — сосуды impasto vessels с изображениями кораблей типа перевозчиков-containers железного лома. В XII–XI–х вв. сарды — регулярные участники тор-

[12] Ridgway, 239–252 и Niemeyer, 143–168.

[13] Re 1998, 288–290. Д. Риджуэй ссылается также на работу Ж. Ваншонвинкеля из рецензируемого издания.

говли на столь дальние расстояния, а их аристократия с ее утонченными вкусами и изощренными запросами все более нуждается в экзотических, дорогостоящих товарах из Тиррении (Вейи), Кампании (Понтеканьяно), Коринфа, Эвбеи и из связанных с ними средиземноморских центров. В X–IX вв. сарды пользуются международным “оловянным” путем (tin route): “Эгеида — Кипр — Сицилия — Лаций — Тоскана — Сардиния — Испания — атлантическое побережье Португалии — Британия и Ирландия», одинаково хорошо известным как финикийцам, так микенцам и впоследствии эвбейцам.

Итак, резюмирует Риджуэй, в греческом освоении Средиземноморья сарды сыграли свою немалую интегративную роль (с. 250).

Работа Г. Нимайера[14] — это синтез его многочисленных исследований 1990–2000-х гг., всегда строящихся на прочной археологической основе, поскольку автор известен как один из ведущих специалистов в области археологии финикийских поселений Западного Средиземноморья. Нимайер ставит своей целью создание модели финикийского освоения средиземноморского Запада и ее сравнение с колонизационным паттерном греков.

Заявленный во введении тезис о двухступенчатом освоении финикийцами Западного Средиземноморья (XI–X вв. до н.э.: эпоха торговых плаваний, а с начала IX в.: экспансия) заранее ориентирует читателя на вывод о существенном (intrinsic) отличии финикийской деятельности от греческой. Автор усиливает свой тезис заявлением о том, что именно экспансия финикийцев в Средиземноморье послужила «стартом европейской истории», способствовавшим распространению городской цивилизации и многочисленных технологических инноваций (с. 147–148).

Колонизационная модель финикийцев зарождается в конце эпохи «темных веков», когда они вступают в процесс взаимодействия с греческими центрами — Эретрией, Кноссом, Самосом, Афинами. Механизмом взаимодействия являлся энойкизм — вселение в обитаемые, обжитые местные центры или обоснование в их пригородах, возведение собственных святилищ и, таким образом, обустройство в прямом соседстве с местным населением. Финикийские энойки — это торговцы, старатели, ремесленники, названные еще У. Каликаном the first merchant venturers[15]. Связи между энойкиями поддерживались посредством trading posts, также устроенных по принципу вселения финикийских торговцев в местные сообщества, обитавшие, в свою очередь, при каком-либо рынке, торжище или производственно-ремесленном центре.

Так в IX–VIII вв. до н.э. оформляется финикийская койне, западные границы которой со временем вышли далеко за пределы Гибралтара и которую — по характеру основного вида деятельности — Нимайер условно назвал «колониальной империей финикийцев» (с. 156). Ведущий тип социального и политического устройства финикийских сообществ — city-states и palace societies (с. 157). Главы дворцовых комплексов, монархи были ответственны — помимо прочего — за подготовку и отправку торговых экспедиций, за создание и обеспечение механизма функционирования trading posts своих и иноземных эмпоров и trading factories своих энойков. Имелся штат эмиссаров, агентов, функционеров, а также профес-

[14] Niemeyer, 143–168.
[15] Culican, 1966.

сиональных ремесленников. В VIII в. до н.э. оформляется торговая аристократия, создающая — подобно, например, угаритской — свои вполне автономные корпорации.

Оценивая значение экспансионистской деятельности финикийцев, Нимайер отмечает, что отработанная ими модель привела к возникновению ориентализирующих цивилизаций регионального масштаба в Этрурии, на Сицилии, в Тартессиде и нарушила сложившийся между финикийцами и греками-эвбейцами баланс сил в сфере эмпориально-колонизационной деятельности в Средиземноморье.

Э. Греко, накопивший весьма обширный опыт в области археологического исследования западногреческих полисов Центрального Средиземноморья, высказывает ряд важных, с методологической точки зрения, соображений по вопросам греческой колонизации Южной Италии. В этом он видит смысл своей работы, названной им самим методологическим эссе[16].

По его мнению, современное состояние источниковой базы позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы, до недавнего времени остававшиеся на уровне риторических, либо — в лучшем случае — решавшиеся в общих чертах, без учета факторов конкретного времени и пространства. Греко относит к их числу особенности греческой колонизации Центрального Средиземноморья, этнический состав древнейших экспедиций, взаимодействие колонистов с туземцами, его механизм и значение в истории греческого полисного мира, с одной стороны, и туземного, с другой.

На первый план в статье выдвигается вопрос о понятиях «колония» и «колонизация». Автор вполне справедливо указывает, что употребление этих понятий, относящихся, строго говоря, к лексикону римлян, применительно к соответствующей греческой деятельности ведет к ее «осовремениванию», приданию ей тех импульсов, которые исходили от римлян в процессе их колонизации и которые в греческом мире , в лучшем случае, едва лишь зарождались. Греко считает более предпочтительным использование понятия «апойкии», центральносредиземноморской особенностью которой являлось формирование смешанной общины, состоявшей из греков и туземцев и пополнявшейся выходцами из смешанных семей. Апойкия изначально и прямым образом занимается освоением земель и открытием новых торговых путей. Поэтому в тех случаях, когда ей предшествует эмпорий, он очень быстро обретает все основные признаки полиса. Следовательно, новаторство Греко в этом теоретически весьма актуальном вопросе состоит в нивелировании роли собственно торгового компонента, которому по сложившейся с середины XX в. и особенно активно развиваемой с рубежа XX–XXI вв. традиции[17] отводится приоритетное место. Уже в первом поколении апойки переходили к созданию городских структур на основе собственных производств, а также к установлению по возможности прочных взаимоотношений с туземными этносами — прямыми и опосредованными соседями — ради получения не только основных продуктов питания, как это традиционно считается, но и с целью совместной эксплуатации земель и их недр. Для сохранения за собой этой важной инициативы греки предпочитали собственными силами поставлять свою

[16] Greco, 169–200.

[17] Свидетельства такого подхода содержатся и в рецензируемом томе, о чем подробнее будет сказано ниже.

продукцию в глубь страны, а не вести торговый обмен в прибрежных эмпориях, поскольку такой механизм экономического взаимодействия с туземцами требовал значительных усилий, а первопоселенцы едва ли ими располагали. Автор специально подчеркивает, что на ранних порах греки вполне могли пользоваться древнефиникийской моделью, ведя торговлю непосредственно на палубе своих кораблей, как это описано, в частности, Гомером. Исключение составила колонизационная практика фокейцев, оказавшихся вынужденными переселиться на Запад, чтобы избежать персидского ига, и самосцев, эмигрировавших из неприятия установленного Поликратом тиранического режима.

Ориентир на плодотворное партнерство с туземными элитами обеспечил ускоренное формирование городских обществ — как собственно греческих, так и туземных и смешанных — и их раннюю институциализацию. Этот вывод кажется Греко вполне убедительным, в то время как история урбанизма городских центров колониального мира Южной Италии «полна неясностей и даже современных мистификаций». Исследователь говорит, что восстанавливаемую современной археологией урбанистическую картину можно охарактеризовать как мозаичную: «кубики», из которых она составлена, подогнаны почти безупречно с технической точки зрения, и тем не менее грани этих «кубиков» не дают сколько-нибудь целостного представления. Рубежным явился лишь V в. до н.э., когда в городах Южной Италии оформляются три более или менее автономные зоны — священный участок, общественный сектор и жилые кварталы, а сама страна приобретает название Великой Греции. Автор подчеркивает особо, что ровно в это же время появляется и другой топоним — «Италия», отражающий тот факт, что урбанистические процессы развиваются и в туземном мире. Идея организации священного участка и сооружения «басилейона» была реализована в числе первых в туземной Пандосии, располагавшейся поблизости от границ двух крупных греческих центров — Сириса и Метапонта. V в. до н.э. отождествляется автором с эпохой акмэ греческой деятельности в Южной Италии, а ее пик связан в образованием крупной федерации, объединившей 25 греческих полисов и туземных центров городского типа и организовавшей чекан собственной монеты по восточногреческому стандарту. Очень важной авторской ремаркой можно считать указание на то, что в рамках единого «политического пространства» имела хождение и другая монета, имевшая двойную, греческую и туземную, легенду и чеканившаяся по «тирренской модели и номиналу» (с. 196). Это замечание есть своего рода тезис, подлежащий самостоятельному изучению, поскольку мы видим, что туземная компонента федеративного образования придавала ему особую окраску и наполняла его деятельность особым динамизмом.

Как видим, Греко предложил читателю свое очередное важное исследование по истории греческой колонизации Южной Италии, рассматривая как приглашение к дискуссии по вопросам методологии этой темы. Бесспорным достоинством работы является скрупулезное внимание к вопросам периодизации и origines как западногреческих, так туземных и смешанных городских структур полисного типа. Греко отличает первоклассное знание археологии исследуемого региона и историографии темы. В статье имеется богатый иллюстративный материал, в том числе — топографические планы архаических греческих полисов и некрополей Южной Италии и их варианты классического периода. Для работы, посвя-

щенной вопросам методологии, высоко профессиональное владение источниковым материалом является особым достоинством.

Первый вопрос, который ставит в следующей статье Бруно д'Агостино[18], известный и авторитетный итальянский исследователь археологии Италии и Сицилии эпохи греческой колонизации, — это какие греки первыми проявили интерес к Италии.

Автор исходит из идеи, получившей, как известно, при его прямом творческом участии «статус» традиционной в современной науке, о том, что это были эвбейцы и, в частности, халкидяне. С середины VIII в. до н.э. их керамика получает распространение в прибрежных поселениях Адриатики (Амбракия, Вица Загора, Мессапия) и Тирренского и Лигурийского морей (Кампания, Лаций, Этрурия, Лигурия)[19]. Своим знакомством с этими землями халкидяне были обязаны финикийцам, а также грекам Ал Мины[20], в некрополе которой с ранней середины VIII столетия наблюдается «приток» изделий, произведенных в различных центрах тирренского побережья Италии. Это оружие, военные трофеи, роскошные предметы церемониального обмена[21].

Самостоятельную проблему в работе д'Агостино составляет демографическая ситуация в зоне интересов эвбейцев — как накануне прибытия греков, так и во время их последующей деятельности[22]. В качестве ее ведущих характеристик, относящихся к эпохе, предшествовавшей появлению греков, автор называет следующие: 1. Процессы урбанизации, наличие городов в собственном смысле слова типа Вей, Цэре, Вульчи, Популонии с акрополями, священными участками и размежеванной по законам частной собственности землей. 2. Существование политического союза[23], сформировавшегося по принципу синойкизма по инициативе и во главе с этрусками и с постепенно нараставшим влиянием Рима. 3. Хозяйственно-экономическая самодостаточность обществ–членов союза, с одной стороны, и восполнение дефицита посредством контактов с финикийцами, с другой, предопределили избрание эвбейцами паттерна «судово́й торговли» с приглашением покупателей непосредственно на свои корабли. При всей солидарности в этом вопросе со своим постоянным коллегой Э. Греко Б. д'Агостино не столь категоричен, так как резонно добавляет, что выбор модели по принципу «судовой» или «эмпориальной» торговли «зависел от конкретных условий общества и реги-

[18] d'Agostino, 201–237.

[19] Деятельность микенцев сознательно выведена автором из поля внимания в рамках данной статьи (см. с. 201).

[20] Эта точка зрения принадлежит, как известно, Дж. Кольдстриму, на работы которого и ссылается автор (в частности, см. Coldstream 1988, 35–44; 1998, 353–360 и др.).

[21] Б. д'Агостино делает при этом ссылки на работы своих предшественников из числа археологов-первооткрывателей и первых комментаторов соответствующих материалов. При этом он не голословен и пользуется не столько остающимся до сих порой популярным иллюстративным методом, сколько репрезентативным, требующим предварительной аналитической обработки данных.

[22] Отметим, что такой системный подход к проблеме пока что не вполне утвердился в современной историографии проблемы, обычно демографическая ситуация анализируется по принципу «накануне» и «в результате».

[23] Его состав и география нашли отражение на карте, составленной автором (см. с. 205 рецензируемой работы).

она», а реализацию второй из них он, кстати, уверенно отождествляет с Вейями (с. 214–215).

В ходе взаимодействия туземные общества адаптировали обычай греческой аристократии, заключающийся в организации симпозиума с неторопливым, продолжительным винопитием и даже включили его в свои погребальные традиции. Другая весьма важная особенность — это не прямая ориентализация других местных норм и обычаев, а опосредованная сотрудничеством туземных обществ с ранее ориентализированными эвбейцами и коринфянами.

Трактуя многообразие импортной греческой керамики как признак ее происхождения из различных центров Эгейского бассейна, д'Агостино высказывает интересный тезис о том, что ее поставки — это результат сугубо частной предпринимательской инициативы тех греков, основной торговый мотив которых состоял в приобретении этрусских минералов без необходимости организации его добычи. Этот тезис весьма интересен как в свете исследования собственно раннегреческой колонизации Италии, так и в плане теоретически актуальной необходимости сравнительного изучения проблемы финикийской колонизации, с одной стороны, и греческой, с другой. Ведь известно, что современная историография этой проблемы всё более уверенно исходит из постулата о стремлении финикийцев иметь прямой доступ *а)* к минералам, *б)* к организации их добычи и хотя бы первичной обработки in situ совместно с туземцами и *в)* к поставкам на внешние рынки руд и предметов металлообработки собственными усилиями. И если на первых порах своих плаваний в Западное Средиземноморье они не отказывались сотрудничать с эвбейцами и коринфянами, то с изменением намерений они обнаруживают всё более однозначное стремление к отказу от взаимодействия не только с греками, но и со своими традиционными партнерами эпохи архаики — этрусками. В свете высказанного соображения будет уместно упомянуть и об их изначальной вражде по отношению к Риму.

Заключительный раздел исследования посвящен особо любимой д'Агостино теме — возникновению и развитию Питекусс и Кум.

Д'Агостино — последовательный сторонник тезиса о том, что оба западногреческих центра были апойкиями, с городской индустриальной частью и аграрной округой, хотя первый из них возникает как эмпорий, а второй, двадцатью годами позже, — непосредственно как полис с культом ойкиста и посвященным ему герооном. Эвбейский этнический компонент однозначно присутствует в обеих общинах, однако в Питекуссах он отождествляется автором с халкидским, а в Кумах, как это допускал еще К. Берар[24], следует иметь в виду и эретрийский. Говоря об истоках Питекусс, автору рецензируемой статьи следовало бы усилить внимание к вопросу о связях первооснователей Питекусс с Ал Миной. Если учесть, что ориентализирующий стиль питекусской керамики[25] напоминает более северосирийский, нежели собственно эвбейский или / и коринфский, то возможно, что

[24] Berard 1970.

[25] Д'Агостино опирается при этом на гончарную продукцию из недавно обнаруженного в архаических Питекуссах индустриального комплекса. Она имитировала, как уже было сказано, помимо эвбейских и коринфских традиций, еще и северосирийские. В этот же комплекс входили плавильные печи для производства железа и бронзы из этрусского сырья. Металлоизделия имели тирренские и западнофиникийские прототипы и характеризуются виртуозной техникой изготовления, во многом заимствованной у финикийцев (зернь, филигрань). Д'Агостино допускает

торговая деятельность эвбейцев содержала в себе явно выраженную посредническую компоненту. Эвбейцы осуществляли не только роль моста между Этрурией, Южной Италией, Сицилией и ионийским миром Балкан, островов Эгеиды и Ал Миной, но и гораздо более сложно организованную деятельность, которая, наряду с финикийской, способствовала формированию полномасштабной торговли по линии «Восток–Запад–Восток».

В заключение отметим, что статью сопровождает очень разнообразный иллюстративный материал: 1. Топографические планы греческих поселений Италии, финикийских и местных центров, партнерствовавших с греками в эпоху архаики. 2. Археологические карты и фотографии новообнаруженных артефактов. 3. Планы и реконструкции архитектурных объектов. Б. де Агостино, как истинный археолог, не без гордости отмечает, что к настоящему времени на прибрежных территориях Италии выявлено около сорока иноземных и более пятидесяти туземных торгово-экономических центров.

В целом, работы Э. Греко и Б. де Агостино написаны, с теоретической точки зрения, в едином ключе, и первый из авторов активно использует источниковый материал, характеризуемый в рецензируемом издании его коллегой. Его ссылки на статью Б. де Агостино столь часты, что иногда возникает ощущение о договоренности обоих авторов, как давних научных партнеров, использовать в своих работах рецензируемого издания возможности метода «взаимодополнения» как составной части системного подхода.

Отдельная глава рецензируемого издания посвящена греческой колонизации на Сицилии. Автором ее стал А. Х. Домингес, испанский специалист по истории греков на Иберийском полуострове (см. ему же принадлежий раздел «Greeks in the Iberian Peninsula» в рецензируемом издании), хотя в 1989 г. он уже выпустил книгу о колонизации на Сицилии[26], чем, по всей видимости, и обусловлено его привлечение в качестве автора сицилийской части издания. При этом следует подчеркнуть исключительную фундированность данной главы, в которой автор аккумулировал впечатляющее количество новейших археологических исследований, выгодно синтезировав их для реконструкции ранней истории греков на острове.

В основу описания истории колонизации Сицилии Домингес положил «этнический» принцип, восходящий еще к соответствующему пассажу Фукидида (VI.3–5), изложив сначала историю появления эвбейских колоний, затем экспедиций коринфян, мегарян и других дорийцев. Вступительный раздел работы, «Первое поколение колоний», начинается с проблем эвбейской колонизации: Домингес трактует ее как носившую исключительно торговый характер, приводя в пример древнейшее в Западном Средиземноморье поселение греков в Питекуссах, где основным занятием населения была торговля и обработка металлов в целях той же торговли, хотя при этом часть жителей занимались землепашеством и разведением скота. Аналогичным образом автор определяет характер эвбейской колонизации и на Сицилии: Наксос, первая греческая колония на острове, возник во второй половине VIII в. до н.э. просто как пункт на морских торговых путях эвбейцев из

также весьма интересную мысль о причастности к «высоким технологиям» Питекусс и эвбейских Кабиров.

[26] Dominguez Monedero 1989.

Эллады к Тирренскому побережью Италии[27]. Затем Наксос (основанный в 734 г.) стал основным перевалочным пунктом (bridgehead) для других греков, «начавших собственную эмиграцию». Два других халкидских полиса, основанные в течение последующих 10 лет при посредстве Наксоса, Катана и Леонтины, также имели исключительно торговые задачи (a basically commercial function) — контроля над ключевыми пунктами внутренних торговых путей, прежде всего речных (С. 259): Леонтины возникли на берегах судоходной реки Терий, а Катана, располагавшая собственной удобной гаванью, могла контролировать близлежащее устье реки Симеф. При этом Домингес соглашается с тем, что основание Леонтин закрепило за халкидянами южный край плодородной долины реки Симеф, предупредив появление здесь дорийцев из Сиракуз, а основание Катаны укрепило их контроль над этой плодородной долиной. Однако, по его мнению, развитие земледелия — это следующий этап жизни греческих поселений, и «сложно понять, почему эвбейцы изменили модель утверждения (model of establishing) своего присутствия на Сицилии, которая не требовала ни больших физических усилий, ни большого числа людей» (С. 259).

Нельзя не согласиться со многими аспектами данной трактовки событий, особенно в отношении первоначальной цели возникновения поселения греков в Наксосе, вероятно, еще до его основания как полиса. Однако точка зрения автора о всеобъемлюще торговом характере эвбейской колонизации может быть обусловлена его изначальными исследованиями пребывания эвбейцев в Испании, где были совсем другие условия, и где действительно большинство греческих поселений носило характер эмпориев[28]. Что касается Сицилии, то здесь, на острове Деметры, нельзя не учитывать мощного влияния земледельческих возможностей. Поселения в Леонтинах и Катане носили ярко выраженный сельскохозяйственный характер, о чем свидетельствует вполне аутентичный рассказ Полиена, почерпнутый из трудов Эфора или Тимея, о первых годах существования Леонтин: эвбейцы во главе с ойкистом Феоклом основали Леонтины совместно с одним из родов сикулов (автохтонного населения восточной части острова). Вскоре эвбейцы с помощью прибывшего отряда греков-мегарян изгнали из Леонтин сикулов, а еще через некоторое время эвбейцы при помощи хитрости изгнали из поселения и самих мегарян (V.5). Таким образом, через год после основания Леонтины стали чисто эвбейским поселением. Подобная борьба за «чистоту рядов» жителей характерна именно для сельскохозяйственных поселений, когда каждый чужак является претендентом на часть земельного фонда, явно довольно ограниченного в первый год существования поселения. И наоборот, для поселения, основанно-

[27] В данном случае, как и случае с Занклой, основанной на сицилийском берегу Мессинского пролива, первоначально пиратами из халкидских Кум в Италии (в 756 г.), Домингес использует введенный им термин «пре-колонизация», подразумевающий контакты греков с Сицилией до основания первых колоний: по его мнению, эвбейцы из Эллады или эвбейских поселений на побережье Тирренского моря исследовали восточное побережье Сицилии в первой половине VIII в. во время их странствий по изучению неизведанных земель и поиску новых торговых путей. Судя по находкам греческой керамики первой и второй половины VIII в. в отдаленных от побережья районах острова, целью и сутью освоения греками территории Сицилии была торговля, и лишь необходимость основания колоний, требующая использования сельскохозяйственных ресурсов региона, приводит к возникновению второй фазы — колонизации.

[28] См. ниже разбор главы А. Х. Домингеса о греческой колонизации Иберийского полуострова.

го прежде всего с торговыми целями, совместное проживание с представителями местного варварского населения даже выгодно, поскольку сильно облегчает как установление торговых контактов с местным населением, так и дальнейший контроль соответствующих торговых путей. Кроме того, сам факт основания всего лишь через 6 лет после первой колонии, Наксоса, сразу двух поселений, и практически в один год, 728, говорит о том, что на землях восточной Сицилии развернулась жесткая борьба за территорию между эвбейцами и дорийцами, основавшими в 733 г. Сиракузы. Решающим в этой борьбе оказалось основание Леонтин, и о важности для эвбейцев этого поселения свидетельствует то, что во главе его встал сам ойкист Наксоса Феокл[29].

Далее автор рассматривает ранние дорийские колонии (Сиракузы, Мегары Гиблейские, Гелу), особое внимание уделяя второму по времени эллинскому поселению на Сицилии — Сиракузам, основанным в 733 г. выходцами из Коринфа. По словам Домингеса, главное отличие коринфской колонизации от эвбейской в том, что коринфская являлась результатом хорошо спланированных действий (коринфяне давно проявляли интерес к рынкам Южной Италии и Тирренского моря), в то время как эвбейская была «более колеблющейся», с промежутком в несколько лет от возникновения первой колонии до появления основных поселений, Леонтин и Катаны (С. 272). Однако, как мы уже видели, основание Леонтин и Катаны было вызвано конкуренцией за территорию именно с дорийцами из Сиракуз, поэтому саму эвбейскую колонизацию вряд ли с полным основанием можно назвать «колеблющейся». Что касается сиракузян, то они после данной неудачи сосредоточились на закреплении за собой западных территорий, прежде всего плодородной долины реки Анап, посредством оснований субколоний Акры (663 г.) и Касмены (643 г.), а также южных, прежде всего устья реки Ассинар, посредством основания поселений Инна (663 г.) и Гелор (до конца VII в.). Последним из крупных сиракузских поселений, выведенных в юго-западном направлении, стала основанная на южном побережье острова Камарина (598 г.), контролировавшая устье реки Гирмин. Как мы видим, сиракузская экспансия вглубь острова началась значительно позже эвбейской, что, очевидно, было связано с внутренними обстоятельствами жизни полиса: как отмечает Домингес, судя по данным некрополя, уровень благосостояния жителей Сиракуз до конца VIII в. был невысоким, однако уже с начала VII в. наблюдается его резкий рост, который продолжается весь VII в. Именно в это время само поселение расширяется за пределы острова Ортигия, на котором были основаны Сиракузы, что свидетельствует и о росте численности населения. Домингес традиционно объясняет этот резкий рост включением Сиракуз в «широкие коммерческие связи» региона. Безусловно, влияние торговли на рост благосостояния вряд ли стоит отрицать, однако нельзя исключать и рост доходов от использования сельскохозяйственных ресурсов: освоение плодородной долины реки Анап, завершившееся в середине VII в. основанием Акр и Касмен, сыграло едва ли не ведущую роль как в увеличении численности населения, так и в росте его благосостояния.

В разделе «Колонии второго поколения» автор справедливо отмечает отличительные черты нового этапа колонизационного процесса: греки на Сицилии ста-

[29] Подробнее о датировке и истории основания первых греческих колоний на Сицилии, а также об источниках новелл Полиена, см. в: Высокий 2004, 18; 330–335; 352–354.

ли нуждаться в расширении своей территории, что привело к экспансии на земли аборигенов, которые, с точки зрения эллинов, были «подчиненными», что оправдывало их покорение и/или изгнание. Палитра отношений между греческими полисами острова и варварами (сикулами и сиканами) была разнообразной, однако общим местом было то, что все они обустраивали свою сельскохозяйственную округу, а также устанавливали свою зону влияния на варварских территориях, прежде всего с помощью торговли. В качестве наиболее яркого примера подобной экспансии Домингес подробно анализирует сиракузскую субколонизацию, опираясь на предложенную им еще в работе 1989 г. схему территориальной экспансии Сиракуз, согласно которой греки продвигались по побережью и долинам рек. По мнению автора, подобная схема вполне традиционна в целом для субколонизационного процесса греческих полисов острова.

В рамках данного раздела автор подробно останавливается на описании крупнейших колоний «второго поколения» — Гимеры, Селинунта и Акраганта. Основание занклейцами Гимеры, по его мнению, имело двоякую цель — получить новые земли для жителей Занклы и занклейских Мил, а также заложить хороший фундамент для чрезвычайно перспективной торговли с этрусками и остальным Западным Средиземноморьем, контролируемым финикийцами, чем и объяснялось создание поселения вблизи финикийской области на Сицилии (первое поселение, основанное в 648 г. в прибрежной полосе, носило торговый характер, а основанное на холмах в 625 г. уже было земледельческим). Основание же Селинунта мегарянами из Мегар Гиблейских и их метрополии, Мегар Нисейских, было обусловлено, главным образом, поиском свободных земель, поскольку земельный фонд Мегар Гиблейских был небольшим и находился в руках, в основном, земельной аристократии. Основание же Акраганта Гелой в 581/580 г. было продиктовано желанием создать обширную подконтрольную территорию, аналогичную сиракузской.

Завершая рассмотрение истории греческой колонизации Сицилии, Домингес представляет два очерка по проблемам, непосредственно связанным с колонизационными процессами — «Политическая структура греческих городов» и «Греческие города Сицилии и местное население». Согласно предложенной схеме политического развития колониальных полисов региона, с которой в целом нельзя не согласиться[30], первые колонисты образовали «правящие круги» землевладельцев, а последующие поселенцы (на первых порах) интегрировались в этот узкий круг, поскольку при первоначальном разделе земли определенная часть земельного фонда резервировалась для последующих переселенцев (собственный прирост населения в это период был недостаточным для освоения всех земель). В дальнейшем сицилийские полисы восприняли традиционную для остальной Греции политическую модель — аристократический режим, и сутью политической истории сицилийских полисов периода архаики стала конкуренция между родами/семьями, контролировавшими политическую и судебную власть, в рамках существующего режима.

Останавливаясь на проблемах взаимоотношений эллинов с негреческим населением острова (прежде всего сикулами в восточной и сиканами в западной

[30] Подробнее о режиме «потомков первых поселенцев» и политических перипетиях в истории сицилийских полисов периода архаики см. в: Высокий 2004.

Сицилии; территория элимов, проживавших также в западной части острова, соприкасалась лишь с владениями Селинунта), Домингес подчеркивает, что процесс проникновения греков вглубь острова был длителен и состоял из нескольких этапов (С. 334–340):

— на первом этапе необходимость консолидирования первоначальной территории и сферы экономического доминирования нового полиса обусловила вытеснение аборигенов из районов, занимаемых греками;

— на втором этапе с ростом аграрной экономики и быстрым включением в средиземноморскую торговлю сицилийские полисы перешли к экономической эксплуатации варварских территорий — внутренние районы острова стали источниками сырья и рынками сбыта;

— на следующем этапе (приходящемся, в целом, на VI в.) эллины старались установить непосредственный контроль над варварскими районами, как для того, чтобы получать прибыль от их природных ресурсов, так и для того, чтобы получать дополнительный доход через уплату негреческими общинами дани; именно в этот период греческие поселенцы появляются в варварских центрах;

— заключительный этап в отношениях между греческими полисами и негреческими общинами периода архаики определяется империалистической политикой, которую начал проводить тиран Гелы Гиппократ (498–491 гг.): если раньше греческие полисы лишь контролировали варварскую округу за границами собственной хоры (с учетом динамики ее расширения), то при Гиппократе началась интервенция в районы, ранее греков не интересовавшие.

В целом разделяя предложенную периодизацию, хотелось бы остановиться на «заключительном этапе», который Домингес связывает исключительно с тираном Гиппократом: подобная завоевательная политика в отношении территорий негреческих общин характерна и для более ранней эпохи, что наиболее рельефно видно на примере тирана Акраганта Фаларида, подчинившего во второй четверти VI в. силой оружия значительные территории сиканов в долинах рек Акрагант и Гимера[31]. Поэтому, вероятно, данный этап следует рассматривать не в хронологическом ключе, а в институциональном: уже и в VI в. те сицилийские полисы, во главе которых стояли тираны, проводили подобную «империалистическую» политику.

В следующем разделе рецензируемого издания публикуются две большие работы о фокейской деятельности в Западном Средиземноморье, отмеченные попыткой определения ее характера — колонизация или эмпорий. Имеются в виду исследования Ж.-П. Мореля и А.Х. Домингеса[32]. Из названий этих работ априори явствует, что первый из авторов, следуя традиции (замечу, что к её созданию он имеет непосредственное отношение), оперирует понятием колонизации, а второй проявляет осторожность и во вводной части своей статьи особо подчеркивает, что отдает предпочтение более нейтральному термину «presence», а не «colonisation», чтобы в ходе исследования определить характер этого присутствия.

Морель, как известно, посвятивший практически всю свою многолетнюю научную деятельность археологическому изучению фокейского пребывания в Центральном и Западном Средиземноморье, в рецензируемом пространном исследо-

[31] Подробнее см. в: Высокий 2006, 104–108.

[32] Morel, 359–428 и Domínguez, 429–505.

вании подводит своего рода итоги. Его концепция характеризуется следующими аспектами. Фокейцы оказались на Западе не волей случая, а вполне осознанно, устремившись туда за несколько поколений до нашествия персов на их родину. Начальная фаза (до 540-х гг. до н.э.) была ознаменована «триумфом»: им удалось открыть большое число торговых пунктов, как прибрежных (Массалия, Эмпорион, Элея, Алалия, Грависка), так и в отдалении от побережья на землях Галлии, Иберии, Корсики (подробно см. с. 366–373). Основной вектор фокейской деятельности до 540-х годов — эмпориальная торговля. Будучи колониальной, она строилась на неравноправных отношениях с туземцами.

После серьезных поражений 540-х годов фокейцы прочно врастают в туземный мир, стремясь отныне не только к торгово-посреднической деятельности, но и к прямой эксплуатации земли и ее недр. Результатом явилось оформление их взаимоотношений с местным населением в систему такой зависимости, которая строилась на основе precarium. Массалия, Элея, Эмпорион приобретают полисную структуру и весьма содействуют интеграционным процессам in situ.

Тем не менее, конечный результат, как считает Морель, — это не эллинизация или деварваризация, не аккультурация в полном смысле этого понятия, а acculturating appropriation (с. 410). Галлы и иберы продолжили жить по своему «варварскому стандарту», за исключением прямых соседей немногочисленных греческих центров, а разговоры современных ученых о Массалиотиде — это лишь дань массалиотской пропаганде, так как на всей территории этой предполагаемой страны археологии известны лишь два города — Массалия (с подвластной ей общиной Эмпориона) и Элея. Рим с легкостью «оторвал» Массалию от Фокеи, установил с ней отношения дружбы, дал ей статус свободного города, а на некогда подконтрольные ей территории Италии, Галлии и Иберии принес свою экономику, культуру и язык. После христианизации этих земель (II–III вв. н.э.) память о метрополии Фокее полностью изжила себя, заключает Морель (с. 416).

Испанский специалист и коллега Ж.-П. Мореля по фокейским штудиям А.Х. Домингес предлагает свою модель фокейской деятельности на Пиренейском полуострове[33].

Прибыв позже финикийцев и не будучи столь многочисленными, как они, фокейцы, крайне заинтересованные в природных ресурсах Испании, избрали стратегию дружбы и сотрудничества с местными элитами. Ее апробацию они начали в тех эмпориях, которые издревле функционировали как открытые порты и патронировались местными правителями типа тартессийского царя Аргантония. Это Тартесс, Уэльва, Малага и, позже, Эмпорион — самый яркий символ греческой деятельности в Испании, с течением времени развившийся в полис с небольшой округой и с собственной монетой.

В VI в. до н.э. интенсификация контактов с туземцами открыла грекам возможность основания собственных эмпориев *а)* на пустующих землях и, одновременно, *б)* поблизости от дорог, связывавших региональные рынки с местами добычи руд и драгоценных металлов. Так складывается, как однажды написал Домингес[34], «капиллярная система» внутренних эмпориев, немыслимая без тесного и продолжительного взаимодействия греков и местных этносов и объясняющая

[33] Название его работы см. в предыдущей сноске.
[34] Домингес 2005, 88–196 (конкретно см. с. 104).

факт оформления греко-иберийского искусства (скульптура, письмо, религиозные культы)[35] не столько на морском побережье Испании, сколько в ее материковых зонах и при практически полном отсутствии колониальных греческих полисов. Эмпорион и Рода — исключения из правила, только подтверждающие его.

Оценивая предложенные Ж.-П. Морелем и А.Х. Домингесом модели, хотела бы[36] указать, что наши собственные исследования характера греческой деятельности в Тартессиде, Иберии и Галлии позволяют солидаризироваться с испанским коллегой и, как кажется, конкретизируют его парадигму[37]. Действительно, именно она проявила себя в галльском регионе с его крупным «капиллярным узлом» в Агате, пропускавшим через свой рынок прибывавшую из Массалии торговую продукцию и связанные с ее производством технологии, рассчитанные на их потребление местными элитами в обмен на сырье. По принципу узкого сосуда-капилляра (или «ствола»), устьем которого выступал Эмпорион, а передаточными звеньями — цепочка *а)* туземных поселений с речными эмпориями и, как правило, со смешанными общинами (например, подобный Агате иберийский Ульястрет) и *б)* сугубо местных торжищ придорожного типа, организовали свою деятельность фокейцы и в долине Эбро. Узловыми элементами других каналов-«стволов» были Ла Пикола и еще более южные пункты Испании (типа Эль Кампельо) со специально отведенными для греков кварталами и связанные, в свою очередь, с сугубо местными торжищами сырьевых регионов.

Таким образом, мы выделили бы на Пиренейском полуострове — наряду с крайне немногочисленными колониями-апойкиями — три, а не два типа эмпориев: 1. Собственно приморские, основанные греками с разрешения местных элит и функционировавшие под контролем местных правителей. 2. Речные — местные, но имевшие либо греческий квартал, либо смешанную общину и игравшие роль региональных рынков. 3. Локальные по своему уровню торжища, которые, подобно многочисленным лучам, сходились во второго типа эмпориях, обслуживая потребности в сырье всех тех торговцев (туземных и иноземных), которые их посещали. Приморские эмпории были, в первую очередь, портами прибытия–отправления и первичной дистрибуции импорта-экспорта.

Проблеме колонизационной деятельности греков в Восточном Средиземноморье (Южная Анатолия, Сирия, Финикия и Египет) посвящена глава, написанная патриархом исследований Великой греческой колонизации, английским историком и археологом Джоном Бордманом[38]. В начале главы Бордман подчеркивает, что особенность появления в этом ареале греков заключалась в том, что они прибывали на территорию, хорошо освоенную местными царствами или их субъектами, поэтому речь может идти в большинстве случаев не о колонизации в классическом смысле этого слова, т.е. об основании колоний, а об «энойкизме» — поселениях греков в рамках местных территориальных образований. Поэтому важным фактором их появления здесь оказывались реакция и интересы местного населения и правителей. Поэтому и местные, синхронные греческому

[35] Домингес даже называет его «провинциальным греческим искусством» (см. с. 449 рецензируемой работы).

[36] Примечание В.И. Козловской — автора данной части рецензии

[37] В частности, см.: Козловская 2005, 11–27; 2006, 73–89 и др.

[38] Boardman, 507–534.

присутствию источники оказываются в ряде случаев важнее греческих — как правило, поздних и искусственно сконструированных. Присутствие греков в регионе документируется и археологическими источниками, представленными в основном керамикой.

Сначала Бордман рассматривает обстановку, сложившуюся около 700 г. до н.э. в период доминирования на севере региона Ассирии. Долина Оронта с торговым центром Ал Мина в устье реки служила важнейшей торговой артерией между Ассирией и прибрежными городами Леванта и далее с Египтом. Именно в Ал Мине большое количество греческой керамики ярко свидетельствует о наличии здесь значительного греческого населения, что дает повод видеть в Ал Мине греческое поселение. Наряду с финикийцами, чьи торговые интересы хорошо просматриваются на археологическом материале в Киликии, на побережье Леванта активно действовали киприоты; в результате часто бывает трудно определить с достаточной уверенностью керамику «финикийскую», «сирийскую» и «кипрскую». Большое влияние на местное искусство оказывал также Египет. Греческая керамика легко вычленяется из общего фонда находок, и Бордман выстраивает таблицу соотношения местной и греческой керамики в крупнейших городах региона. Количество фрагментов греческой посуды геометрического стиля варьируется от 1500 в Ал Мине до 14 в Телль Сукас. Анализ греческой керамики показывает, что Эвбея была главным проводником греческого влияния на Леванте. Немного керамики из Аттики, позже появляется также керамика из Коринфа и Самоса. Оживленный торговый путь из Эвбеи через Кипр, Родос и Ал Мину в Сирию и назад обусловил, по мнению Бордмана, «ориенталистскую революцию» в греческом искусстве в VIII в. до н.э. Именно сирийский стиль и сирийские вещи оказали решающее влияние на появление восточных мотивов в греческом искусстве.

Автор очень осторожно подходит к проблеме греческого присутствия на поселениях Леванта: находки греческой керамики не обязательно означают физическое присутствие греков на данной территории, и тем более постоянное там проживание. Ассирийские источники говорят больше о нападениях греков (Ia-u-na-a-a) на побережье Финикии, чем о их проживании.

Период после 700 г. до н.э. характеризуется уменьшением роли Эвбеи в торговых контактах греческого мира с восточным, увеличением количества греческой керамики малоазийского происхождения. Археологический материал показывает, что греки могли в это время жить в более южных городах и поселениях, например, в Телл Сукас, где найдено немало признаков греческого (особенно родосского) присутствия. Этот город так же, как и Ал Мина, имел большое торговое и стратегическое значение как перекресток морских и сухопутных путей в Леванте. Прочие находки греческого импорта в совокупности с литературными свидетельствами позволяют говорить о присутствии здесь греческих наемников и торговцев.

В персидский период греческая (обычно афинская) керамика находит в этом регионе широкое распространение, что говорит скорее о моде на нее, чем о греческом присутствии здесь.

Что касается Египта, то самый замечательный пример основания здесь греками эмпория может служить Навкратис, основанный в конце VII в. в дельте Нила в торговых целях по разрешению фараона. Это поселение не было заселено греками какой-то одной метрополии, но было смешанным по происхождению его

жителей. Основанию Навкратиса предшествовала довольно длительная история контактов египтян и греков, выступавших в основном как наемники. Далее Бордман подробно прослеживает историю Навкратиса, как она известна нам по археологическим и письменным данным. Керамические находки свидетельствуют, что в городе преобладали вещи из Восточной Греции (особенно Милета), Родоса и Хиоса, а также Самоса, Лесбоса и Клазомен. Присутствует здесь и некоторое количество коринфской, аттической и лаконской посуды. При этом нет никаких археологических следов пребывания в Навкратисе карийцев (которые, впрочем, позже часто служили в египетской армии в качестве наемников) или финикийцев. История Навкратиса прослежена Бордманом вплоть до основания Александрии, когда Навкратис потерял свое прежнее значение центра торговли греков с египтянами.

Небольшая заметка в конце книги, написанная турецкой исследовательницей Х. Памир[39], посвящена результатам археологических раскопок в дельте Оронта, проводимых с 1999 г. в рамках совместного проекта Восточного института Чикагского университета и Университета Мустафы Кемаля в Антакии. Заметка представляет собой несколько сокращенный вариант статьи Х. Памир и С. Нишиямы, опубликованной ранее в журнале Ancient West and East (Vol. 1, No 2. 2002. P. 294–314). В разделе подводятся итоги изучения рельефа дельты Оронта, выявляется местоположение Ал Мины и Сабунийи, их топографические и природные особенности. Итогами исследования можно считать уточнение размеров города Ал Мина — важнейшего торгового центра Восточного Средиземноморья в XIII–IV вв. до н.э. (он оказался более протяженным) и обнаружение на Оронте несколько выше по течению порта, непрерывно существовавшего начиная с эпохи бронзы вплоть до исламского периода — Сабунийи, открытого в 30-е гг. XX в. Леонардом Вулли и затем никогда не исследовавшегося и потому затерянного.

В заключение следует отметить, что книга представляет собой ценное пособие для каждого занимающегося проблемами истории Древней Греции вообще и Великой греческой колонизации в частности. Впервые историк получает в свое распоряжение столь многоаспектное и всеохватывающее исследование проблемы, в котором комплексно рассматриваются все стороны греческой колонизации в архаический период. Достоинством книги является анализ жизни греческих поселений на фоне исторической ситуации в данном регионе, контактов с местным населением, местной геополитической обстановки. Археологические данные рассматриваются в тесной связи с нарративными источниками, при этом не только греческих, но и местных. В статьях выдающихся специалистов содержится много новых идей и разработок, будящих мысль и ведущих к дальнейшему научному поиску.

Все главы заканчиваются подробной библиографией, в которой учтены самые последние труды по истории греческой колонизации. Том богато иллюстрирован фотографиями, картами, схемами, диаграммами и другими наглядными материалами, что вполне отвечает характеру “учебника”, о котором шла речь в начале нашей работы.

[39] Pamir, 535–543.

ЛИТЕРАТУРА

Высокий М. Ф. 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — сер. V вв. до н.э. СПб.

Высокий М. Ф. 2006: Эллины и варвары на хоре колониального полиса: «территориальная» политика Акраганта в VI — первой половине V в. до н.э. // *Л. П. Маринович* (отв. ред). Античная цивилизация и варвары. М., 89–109.

Домингес А. 2005: Греки в Иберии и их контакты с туземным миром // Вестник древней истории. 4, 88–196.

Козловская В. И. 2005: Греческий Эмпорион в Иберии: от эмпория к диполису // Кентавр. Studia classica et mediaevalia. 2, 11–27.

Козловская В. И. 2006: Фокейцы и Западный Лангедок. Агата: от туземного эмпория к западнофокейскому полису // *Л. П. Маринович* (отв.ред). Античная цивилизация и варвары. М., 73–89.

Молчанов А. А. 1997: Vanschoonwinkel J. L' Egee et la Mediterranee Orientale a la fin du 11 e millenaire. Temoignages archeologiques et sources ecrites. Louvain— la-Neuve, 1991 // Вестник древней истории. 2, 217–221.

Berard C. 1970 : Eretria III — L'Heroon a la porte de l'Ouest. Berne.

Boardman J. 1964: The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. London.

Bresson A. 1993 : Les cités grecs et leurs emporia // *A. Bresson, P. Rouillard* (eds.). L'emporion. Paris, 163–226.

Coldstream J. N. 1988: Early Greec Pottery in Tyre and Cyprus: Some Preliminary Comparisons // Report of the Department of Antiquities Cyprus, 35–44.

Coldstream J. N. 1998: The First Exchanges between Euboeans and Phoenicians: Who Took the Initiative? // *S. Gitin, A. Mazar and E. Stern* (eds.). Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries B.C.E. Jerusalem, 353–360.

Culican W. 1966: The First Merchant Venturers. The Ancient Levant in History and Commerce. London.

Dominguez Monedero A. J. 1989: La colonización griega en Sicilia. Griegos, indigenas y púen la Sicilia Arcaica: Interacción y aculturación. Oxford.

Hansen M. H. 1997: Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // *T.H. Nielsen* (ed.) Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 4. Stuttgart, 83–105.

Hansen M. H., Nielsen T. H. (Eds.) 2004: An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford.

Malkin I. 2002: A Colonial Middle Ground: Greek, Etruscan, and Local Elites in the Bay of Napls // *C. L. Lyons and J. K. Papadopoulos* (eds.). The Archaeology of Colonialism. Los Angeles, 151–181.

Nijboer A. J. 2005: The Iron Age in the Mediterranean: A Chronological Mess or "Trade before the Flag", Part II // Ancient West and East. 4. 2, 255–277.

Polanyi K. 1963: Ports of Trade in Early Societies // The Journal of Economic History. 23, 30–45.

Re L. 1998: A Catalog of Aegean Finds in Sardinia // *Balmuth M.S.* and *Tykot R.H.* (eds.). Sardinian and Aegean Chronology: towards the Resolution of Relative and Absolute Dating in the Mediterranean. Oxford, 288–290.

Van Dommelen P. 1997: Colonial Constructs: Colonialism and Archaeology in the Mediterranean // World Archaeology. 28 (3), 31–49.

Van Dommelen P. 2002: Ambiguous Matters: Colonialism and Local Identities in Punic Sardinia // *C. L. Lyons and J. K. Papadopoulos* (eds.). The Archaeology of Colonialism. Los Angeles, 121–147.

Van Dommelen P. 2005: Colonial Interactions and Hybrid Practices: Phoenician and Carthaginian Settlement in the Ancient Mediterranean // *G. J. Stein* (eds.). The Archaeology of Colonial Encounters. Comparative Perspectives. Santa Fe; Oxford, 109–141.

Vanschoonwinkel J. 1991: L'Égeé et la Mediterranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Temoignages archéologiques et sources écrites. Louvain-la-Neuve.

White R. 1991: The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge.

М. Ф. Высокий, В. И. Козловская, А. В. Подосинов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия. Москва
АП	—	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии. Уфа
БС	—	Боспорский сборник. Москва
БСРНС	—	Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
БСРП	—	Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
БТСРЯ	—	Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ВЗС	—	Всероссийский земский союз
ВСГ	—	Всероссийский союз городов
ГАКО	—	Государственный архив Курганской области
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГКО	—	Государственный комитет обороны
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИТУАК	—	Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии. Симферополь
КСИА	—	Краткие сообщения и доклады об археологических исследованиях Института археологии РАН.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МТЭ	—	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
МУ МГА	—	Муниципальное учреждение Магнитогорский городской архив
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НКЧМ	—	Народный комиссариат черной металлургии
ОАК	—	Отчеты Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ОГАЧО	—	Объединенный государственный архив Челябинской области
ОПИ ИА РАН	—	Отдел полевых исследований ИА РАН
ОСМЧ	—	Особые строительно-монтажные части
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск.
ППБЭС	—	Полный правословный богословский энциклопедический словарь
РА	—	Российская археология. Москва
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	—	Российский государственный архив экономики
РФИЭС	—	Русская фразеология. Историко-этимологический словарь
СА	—	Советская археология. Москва
САИ	—	Свод археологических источников. Москва
СГМИИ	—	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
СД	—	Славявнские древности
СДРЯ	—	Словарь древнерусского языка

СРНГ	—	Словарь русских народных говоров. СПб., 12, 1997; 14, 1978.
СРЯ	—	Словарь русского языка
Труды ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. Москва
УЗ БГУ	—	Ученые записки Башкирского государственного университета. Уфа
ХСб	—	Херсонесский сборник. Севастополь
ХЭС	—	Христианство. Энциклопедический словарь
BAI	—	Bulletin of the Asia Institute. Michigan
CQ	—	The Classical Quarterly. Oxford
CRAI (CRAIBL)	—	Comptes rendus des séances de l`Academie des inscriptions et belles-lettres. Paris
CSCA	—	California Studies in Classical Fntiquity. Berkeley
G&R	—	Greece and Rome. Oxford
GRBS	—	Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
JHS	—	The Journal of the Hellenic Studies. London.
MDAFA	—	Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan. Paris
MHQ	—	Quarterly journal of military history
NSS	—	Norstedts svenska slangordbok, Ulla Britt Kotsinas, Norsteds ordbok 1998
ZPE	—	Zietschrif für Papyrologie und Epigraphik. Köln

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Дарья Витальевна — аспирантка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, тел. +7 921 796 19 59, e-mail:: yakonukdar@yandex.ru

Арапов Олег Анатольевич — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета, тел: 8-908-06-77-659, e-mail: obshar@mail.ru

Баженова Кристина Евгеньевна — аспирантка кафедры истории, теории и методики обучения Социально-Гуманитарного Института Нижнетагильской Государственной Социально-Педагогической Академии, тел. 8-3435-25-53-29, e-mail: bazhenova.81@mail.ru

Балакова Дана — декан философского факультета Католического университета в Ружомберке (Словакия), зав. кафедрой словацкого языка; член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов.

Барышникова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Литературного института, кафедры русской классической литературы и славистики МГПУ, тел. 8 916-129-55-03, e-mail: bar_i_u@mail.ru

Бахтин Сергей Александрович — старший научный сотрудник кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета, тел. 89232702505, e-mail: krendino@mail.ru

Быкова Елена Владимировна — заведующая кафедрой связей с общественностью Российского государственного гидрометеорологического университета, тел. +7 (921) 755-39-30, e-mail: pr@rshu.ru

Ворошилова Ольга Михайловна — аспирантка Отдела классической археологии Института Археологии РАН, 117279, г. Москва, ул. Островитянова 35А, e-mail: helga-mir@yandex.ru

Высокий Михаил Филиппович — кандидат исторических наук, с.н.с. Института всеобщей истории РАН, тел. (495) 938-57-60, e-mail: vysokii@mail.ru

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа), тел. 232-81-36; 8-962-544-96-30, e-mail: garustovich02@mail.ru

Гулякова Антонина Александровна — ассистент кафедры скандинавской филологии СПбГУ, e-mail: antonina86@mail.ru

Гусева Светлана Викторовна — ассистент кафедры культурологи и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета, тел. (3519) 23-97-05, e-mail: r_sonja@mail.ru

Гущин Валерий Рафаилович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного педагогического университета, e-mail: valerii@pspu.ru

Дружинина Инга Александровна — младший научный сотрудник Института археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 8-499-1269470, e-mail: inga_druzh@mail.ru

Зайцева Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета, тел. 8(3519)422092, e-mail: tbz@list.ru

Иванов Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа), тел. 241-00-62; 8-927-350-79-81, e-mail: garustovich02@mail.ru

Исхакова Лидия Ильдаровна — ассистент кафедры литературы Учалинского филиала филологического факультета БГУ, e-mail: lida2004@mail.ru

Казачук Ирина Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ГОУВПО «Челябинский государственный педагогический университет», тел. 8(351)794-89-39, 8-9058302338, 8-9514885868; e-mail: avis1389@mail.ru

Каменев Константин Владимирович — специалист по УМР I кат. Лаборатории сопровождения учебного процесса Магнитогорского государственного университета, тел. 8 951 791 45 77, e-mail: skybr@mail.ru

Ковачова Вера — доцент, зам. декана философского факультета Католического университета в Ружомберке (Словакия).

Кожевникова Светлана Наумовна — кандидат филологических наук, профессор кафедры культурологии и зарубежной литературы МаГУ, e-mail: mihvasko@mail.ru

Козловская Виктория Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А.Шолохова, e-mail: vkozlovskaia@yandex.ru

Кузнецова Наталья Николаевна — доцент кафедры современного русского языка Оренбургского госпедуниверситета, г. Оренбург, 460000, ул. Советская 31-136, тел. (3532) 778656, e-mail: Natlog65@mail.ru.

Ломакина Екатерина Александровна — доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета, тел. 835199012393.

Медведев Владислав Валентинович — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета, тел. 8 (3519) 35-15-11, 8-908-587-20-40; 8-905-359-86-64, e-mail: vlad.etno@mail.ru

Ненашева Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Магнитогорского государственного университета, тел. 89090945699, e-mail: Jnena@rambler.ru

Николаева Елена Каировна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета, e-mail: elena_kairovna@mail.ru

Онина Софья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и журналистики Югорского государственного университета, тел. 8 (3467) 357-615, 89028282998, e-mail: OninaS@yandex.ru

Петров Игорь Георгиевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Института этнологических исследований

Уфимского научного центра РАН, тел. 8(347) 272-29-79, 8-960-380-52-14, e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Подосинов Александр Васильевич — доктор исторических наук, г.н.с. Института всеобщей истории РАН, тел. (495) 938-53-17, e-mail: pashuto@igh.ras.ru

Селиванова Лариса Леональдовна — научный сотрудник Центра античной истории ИВИ РАН, e-mail: larleon@mail.ru

Серов Юрий Николаевич — главный архитектор научно-производственной фирмы «ДАТТА», тел. (38-044) 553-35-51; (38-067) 500-22-47, e-mail: sierov@ukr.net

Статина Наталья Владимировна — соискатель кафедры русского языка и МПРЯ Челябинского государственного педагогического университета, тел. 89068900600, e-mail: nvs-lisa@mail.ru

Тиманова Ольга Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, зам директора Института бизнес-коммуникаций Санкт — Петербургского государственного университета технологий и дизайна, тел. 8(911)990-12-65, e-mail: timanovaspb@mail.ru

Тихонов Роман Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории ЕГУ имени И. А. Бунина, e-mail: 478042316789@mail.ru

Трофимова Ольга Юрьевна — аспирант кафедры новейшей истории народов России Мордовского госуниверситета, 456617, Челябинская область, Кизильский район, п. Гранитный, пер. Школьный 4, кв.2., тел. 8(35155)–23137, 8-919-112-7773, e-mail: olgatroff@mail.ru

Уваров Павел Борисович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и методики преподавания истории Челябинского государственного педагогического университета, тел. (351) 2444-715, e-mail: pbuvar@mail.ru

Усмонов Рустам Ахмаджонович — докторант кафедры русского языка и методики его преподования РУДН, e-mail: usmonov_r@mail.ru

Феклин Михаил Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета, e-mail: feklin@sandy.ru

Храпунов Никита Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины, тел. 38 0652 274508, e-mail: khrapunovn@mail.ru

Чепур Елена Анатольевна — старший лаборант кафедры русской литературы XX века Магнитогорского государственного университета, тел. 89068999167.455021, e-mail: chepur777@rambler.ru

Чуриков Артём Владимирович — ассистент кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, Магнитогорск, пр. Ленина 98/1 — кв. 29, e-mail: Artem-Churikov@yandex.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА. АРХЕОЛОГИЯ

Гущин В. Р. (Пермь) Фемистокл и Аристид: соперники или союзники? 3
Серов Ю. Н. (Киев) — Реабилитация крепиды кургана Еврисивия и Ареты в Национальном историко-археологическом заповеднике “Ольвия”..... 20
Ворошилова О. М. (Москва) — История исследования некрополя Фанагории 37
Уваров П. Б. (Челябинск) — «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого..... 54
Храпунов Н. И. (Симферополь) — О монетах из могильника Озёрное III 69
Гарустович Г. Н., Иванов В. А. (Уфа) — Уникальное произведение позднеантичной торевтики из погребения на Южном Урале 79
Тихонов Р. В. (Елецк) — Эллинистическая керамика Северной Бактрии в свете новых археологических исследований 90
Дружинина И. А. (Москва) — Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.)..... 102

ИСТОРИЯ РОССИИ

Селиванова Л. Л. (Москва) — Воительницы русских степей. Варвары и цивилизаторы 107
Статина Н. В. (Челябинск) — Жанры учетной документации населения села Белоярского Челябинского уезда Оренбургской губернии и его окрестных деревень (по архивным материалам конца XVIII–начала XX веков) 120
Баженова К. Е. (Нижний Тагил) — Отечественная историография всероссийского земского союза и всероссийского союза городов: этапы и итоги исследований 126
Чуриков А. В. (Магнитогорск) — Черная металлургия СССР в условиях эвакуационно-реэвакуационных процессов 1941–1945 гг. (на материалах Челябинской области) 139

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ломакина Е. А. (Магнитогорск) — Художественный прием маски и поиски аутентичности в пространстве драматургии: от античности до «Века-маскарада» эпохи Реставрации 148
Арапов О. А. (Магнитогорск) — География загробного мира в русских духовных стихах XIX века, объективированная библейскими и фольклорными устойчивыми словесными комплексами 155
Тиманова О. И. (Санкт-Петербург) — Традиции лубка и райка в элитарной отечественной «сказочной» книге XIX века 163
Барышникова И. Ю. (Москва) — Апокалипсис св. Иоанна Богослова в русской поэзии XIX–XX веков 171
Зайцева Т. Б. (Магнитогорск) — Чехов и Киркегор о времени на стадиях жизненного пути 177

Чепур Е. А. (Магнитогорск) — Типы характеров русской фэнтези 1990-х как воплощение доминирующих направлений духовного поиска 187
Кожевникова С. Н. (Магнитогорск), Исхакова Л. И. (Учалы) — «Имперское мышление» как основа художественной аксиологии в романе Дж. Мориера «Похождение Хаджи-Бабы из Исфагана в Англии» 194
Гусева С. В. (Магнитогорск) — Особенности влияния романа К. Рейтера «Шельмуфский» на литературу немецкого романтизма 208
Феклин М. Б. (Нижний Новгород) — Д. Г. Лоуренс и литература страны Рананим 214

ЛИНГВИСТИКА

Андрианова Д. В. (Санкт-Петербург) — Стуруктурно-семантическая классификация устойчивых парных сочетаний в чешском языке 220
Гулякова А. А. (Санкт-Петербург) — Лексическая вариантность и синонимия соматической фразеологии (русские и шведские фразеологические единицы с компонентом «голова») 224
Казачук И. Г. (Челябинск) — Многочленное управление объектных процессуальных фразеологизмов с семантикой отношения 231
Николаева Е. К. (Санкт-Петербург) — Устойчивые сравнения в русских пословицах. 238
Усмонов Р. А. (Москва) — Феномены инициирования и прогрессирования темы в публичном диалоге 243
Балакова Д., Ковачова В. (Ружомберок) — Сопоставительный анализ чешско-русской и словацко-русской фразеологической компетенции 248
Быкова Е. В. (Санкт-Петербург) — Фрагменты с семантикой факта и предметной семантикой в речевой структуре модульного мемориального текста 262
Онина С. В. (Ханты-Мансийск) — К проблеме композитивных номинативных единиц хантыйского языка 270
Ненашева Ю. А. (Магнитогорск) — Произносительная норма современного английского языка: стремление к конвергенции 278
Кузнецова Н. Н. (Оренбург) — Эллипсис как средство создания экспрессивности 284
Каменев К. В. (Магнитогорск) — Английские крылатые выражения, порождённые рекламой 288

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Трофимова О. Ю. (Магнитогорск) — Исторические условия формирования мордовского населения Южного Урала в XVII–XIX вв. 295
Медведев В. В. (Магнитогорск) — Формирование этнотерриториальной группы чувашей Башкортостана в XIX — начале XX века 303
Петров И. Г. (Уфа) — К вопросу о функциях и семантике женского головного убора сурпан в чувашских обычаях и обрядах 315
Бахтин С. А. (Красноярск) — Этническая идентичность тофаларов в начале XXI века 322

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Высокий М.Ф., Козловская В.И., Подосинов А.В. (Москва) — Проблемы эллинской колонизации Ойкумены: итоги и перспективы изучения (о книге Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol.I. Leiden-Boston: Brill. 2006.) 328

Сведения об авторах 354

HISTORY

ANCIENT HISTORY

Goushchin V.P. (Perm) — Themistocles and Aristides: Adversaries or Allies? 3
Serov Yu. N. (Kiev) — Rehabilitation of the Retaining Wall of Euresibios and Aretha's Kurgan in the National Historical-Archeological Reserve "Olbia" 20
Voroshilova O.M. (Moscow) — The History of Phanagorian Necropolis Study 37
Uvarov P.B. (Chelyabinsk) — «Deductive archeology» as a Principle of Historical Knowledge: Essence and Cognitive Capabilities of Reconstruction of the Past 54
Khrapunov N.I. (Simpheropol) — On the Coins from Ozyornoye III Necropolis..... 69
Garustovich G.N., Ivanov V.F. (Ufa) — A Unique Late Antique Toreutics Work of Art from South Urals Burial 79
Tikhonov R.V. (Yeletsk) — Hellenistic Ceramics of Northern Bactria in the Context of Recent Archeological Study..... 90
Druzhinina I.A. (Moscow) — The Spread of Islam among the Adygs of North-Western Caucasus..... 102

HISTORY OF RUSSIA

Selivanova L. L. (Moscow) — Female Warriors of the Russian Steppe. Barbarians and Civilization Bringers 107
Statina N.V. (Chelyabinsk) — Genres of Parish Records of Beloyarsk Village and the Neighborhood (Based on the Archive Records of the Late 18th — Early 20th cc) 120
Bazhenova K.Ye. (Nizhny Tagil) — Russian historiography of All-Russian Zemstvo and City Unions: Stages and Results of Their Research..... 126
Churikov A.V. (Magnitogorsk) — Ferrous Metallurgy of the USSR during Evacuation-Re-evacuation Period of 1941–1945 (based on Chelyabinskaya District Materials) 139

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

Lomakina Ye.A. (Magnitogorsk) — Mask as Artistic Device and Search of Authenticity: from Hellenistic times till Restoration 148
Arapov O.A. (Magnitogorsk) — The Afterlife World Geography in Russian Spiritual Poetry of the 19th c. Objectified by Biblical and Folklore Set Phrases 155

Timanova O. I. (S.-Petersburg) — The Traditions of the Lubok and Rayok in the Elite Domestic «Fairy» Book of the 19th century 163
Baryshnikova O.Yu. (Moscow) — St. John's Apocalypse in Russian Poetry of the 19th — 20th cc. 171
Zaitseva T.B. (Magnitogorsk) — Chekhov and Kirkegor on Time during Different Phases of Lifetime 177
Chepur Ye.A. (Magnitogorsk) — Russian Fantasy Character Types of the 1990-s as an Embodiment of Principal Spiritual Quest Trends 187
Kozhevnikova S.N. (Magnitogorsk), *Iskhakova L.I.* (Uchaly) — "Imperial Thinking" as an Axiological Basis of J. Morier's Novel "English Adventure of Khaji-Baba from Isfahan" 194
Guseva S.V. (Magnitogorsk) — The Impact of Ch. Reuter's Novel "Schelmuffsky" upon Romanticism in German Literature 208
Feklin M.B. (Nizhnij Novgorod) — D.H. Lawrence and the Literature of the Imaginary Rananim 214

LINGUISTICS

Andrianova D.B. (St.-Petersburg) — Structural and Semantic Classification of Czech Binary Set Phrases 220
Gulyakova A.A. (St.-Petersburg) — Lexical Variation and Synonymy of Somatic Set Phrases (Russian and Swedish Set Phrases with the Component 'Head') 224
Kazachuk I.G. (Chelyabinsk) — Multimember Government of Attitudinal Processual Complement Set Phrases 231
Nikolayeva Ye.K. (St.-Petersburg) — Set Similes in Russian Proverbs 238
Usmonov R.A. (Moscow) — Thematic Initiation and Progression in Public Dialogue 243
Balakova D., Kovachova V. (Slovakia, Ruzhomberok) — Comparative Analysis of Czech-Russian and Slovak-Russian Phraseological Competence 248
Bykova Ye.V. (St.-Petersburg) — Fragments with Denotative and Factual Semantics in a Modular Memorial Text Structure 262
Onina S.V. (Khanty-Mansiysk) — The problem of compositive nominative Units of the Khanty language 270
Nenasheva Yu.A. (Magnitogorsk) — Pronunciation Standard of the English Language: Convergence Tendency 278
Kuznetzova N.N. (Orenburg) — Ellipsis as a Means of Expressiveness 284
Kamenev K.V. (Magnitogorsk) — Advertisement-Based English Winged Phrases 288

CULTURE

ETHNOLOGY

Trofimova O. Yu. (Magnitogorsk) — Historical Conditions for Mordovian Population Formation in the South Urals 295
Medvedev V.V. (Magnitogorsk) — Territory-Based Chuvashi Ethnic Group Formation in Bashkortostan of the 19th — early 20th cc. 303
Petrov I.G. (Ufa) — On the Function and Significance of a Female Headdress Surpan in Chuvash Rites and Traditions 315
Bakhtin S.A. (Krasnoyarsk) — Tofalar Ethnic Identity in the early 21st c. 322

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Vysoky M.F., Kozlovskaya V.I., Podosinov A.V. (Moscow) — Problems of Greek Colonization of Oycumene: Results and Perspectives of Study (on the book: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol.I. Leiden-Boston: Brill. 2006.) 328

Authors 354

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Рукописи представляются в 1 экземпляре, а также в электронной форме на CD или другом носителе; текст должен быть напечатан в формате WORD (doc), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode. Когда статья присылается по почте, необходимо отправлять ее простой (не заказной) бандеролью.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии - 1 авт. л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронные адреса авторов, в том виде, в каком они должны быть указаны в публикации.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.

Библиография.

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L. - N.Y.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97–145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

1. Рукопись (общим объемом до I а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-йкегль) и распечатанном на принтере (класса 1-9-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается диск. Текст должен занимать 29-30строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.
2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи строчными буквами. Например:

А. А. Хохлов (Самара)

Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья

4. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.
5. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен.
6. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.
7. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.
8. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510
http://science.masu.ru/pifk/, pifk.science74.ru
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru
Тел. (3519) 34-38-49

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2010

На 1-ой странице. обложки: Золотая корона из Силла. Корея. Конец V в. н.э. Национальный музей, Сеул

На 4-ой странице. обложки: Золотые головные украшения правителя Пэкче ванна Мурёна (слева, высота 30,7 см) и его супруги (справа, высота 22,6 см). Пэкче. Корея. Начало VI в. н.э. Национальный музей, Кёнчжу

Сдано в набор 25.07.2010. Подписано в печать 02.10.2010.
Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 24,8.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.